

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 172

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1973

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 172

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Под редакцией
Н. Н. ГУРИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1973

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Э $\frac{0162\text{-}1059}{042(02)\text{-}73}$ 138-71

© Издательство «Наука» 1973

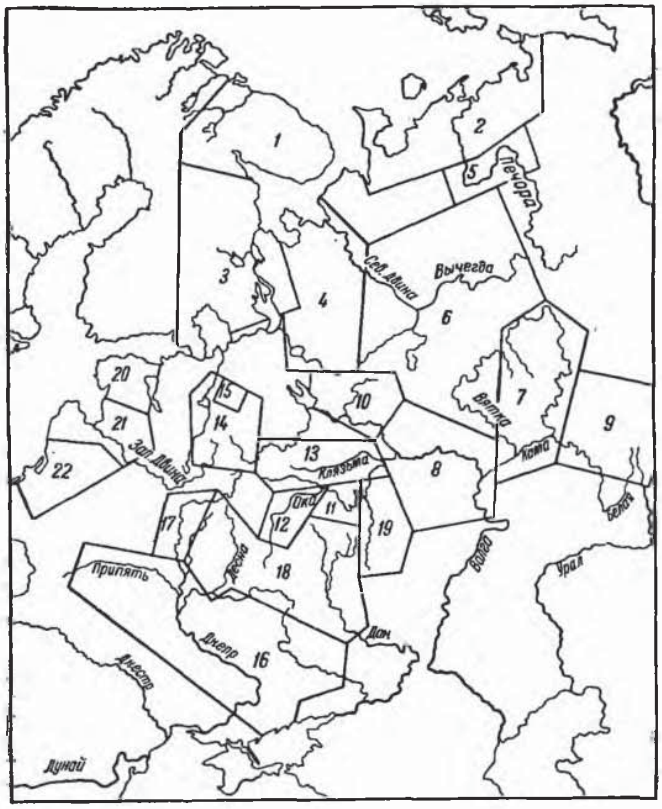
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа представляет собой результат исследований большого количества археологов, занимающихся изучением неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР. Публикуемые здесь предельно сжатые статьи являются синтезом глубокого анализа фактического материала. Многие из авторов посвятили этим исследованиям не один десяток лет. Среди них можно назвать О. Н. Бадера, Л. В. Ванкину, Н. Н. Гурину, Л. Я. Крижевскую, В. П. Левенка, Г. А Панкрушева, В. М. Раушенбах, Р. К. Римантене, Д. Я. Телегина, А. Х. Халикова, И. К. Цветкову, Л. Ю. Янитса. Вместе с тем ряд статей написан более молодыми исследователями, которые за последние годы сумели добиться значительных успехов в изучении неолита иногда на довольно обширных территориях. Это Г. М. Буров, И. В. Гаврилова, Ф. А. Загорскис, Р. В. Козырева, И. А. Лозе, Л. П. Хлобыстин. Принципиально новые материалы, важные для решения поставленной проблемы по неолиту более ограниченной территории, публикуют М. П. Зимина, В. Е. Лузгин, Г. Ф. Полякова, Т. Б. Попова, И. М. Тюрина (см. рисунок).

За советский период, и особенно за последние 10 лет, по неолиту лесной и лесостепной зоны получено огромное количество фактов, в ряде случаев меняющих наши представления об этой эпохе. Многие из источников не нашли еще освещения в печати. В связи с этим избранная нами форма коллективного решения задачи имеет то преимущество, что позволяет: 1) в короткий срок (учитывая, что такое изучение велось уже большинством авторов в течение многих предшествующих лет) представить синтез глубокого изучения источников, 2) предельно полно использовать новые материалы, доступные пока только самим исследователям.

Задачей данного сборника является систематизация источников по неолиту отдельных областей лесной и лесостепной зоны европейской части СССР, накопленных к настоящему времени советскими исследователями. Такое обобщение позволяет приблизиться к пониманию содержания конкретных археологических неолитических культур, что является исходным при раскрытии сущности этногенетического процесса в неолитическую эпоху, без чего в свою очередь невозможно решение такой актуальной проблемы, как этногенез ряда современных народов. Изложенный в сборнике материал послужил основой для составления карты этнокультурных общностей в неолитическую эпоху на рассматриваемой территории.

Районы, освещенные в настоящем сборнике, и авторы соответствующих статей.

1, 14 — Н. Н. Гурина; *2* — Л. П. Хлобыстин; *3* — Г. А. Панкрушев; *4* — Р. В. Козырева; *5* — В. Е. Лузгин; *6* — Г. М. Буров; *7* — О. Н. Бадер; *8* — А. Х. Халиков; *9* — Л. Я. Крижевская; *10* — И. В. Гаврилова; *11* — И. К. Цветкова; *12* — Г. Ф. Полякова; *13* — В. М. Раушенбах; *15* — М. П. Зимина; *16* — Д. Я. Телегин; *17* — И. М. Тюрина; *18* — В. П. Левенок; *19* — Т. Б. Попова; *20* — Л. Ю. Янитс; *21* — Л. В. Банкина, Ф. А. Загорскис, И. А. Лозе; *22* — Р. К. Римантене.

Вместе с тем в этом издании с большой очевидностью выявляется неравномерность изучения рассматриваемой зоны и нерешенность ряда проблем. Если по отдельным крупным областям, таким как Украина, Эстония, Латвия, Карелия, лесостепье РСФСР, Волго-Камье, Волго-Окское междуречье, на основе многочисленных предшествующих исследований имеется возможность создания схемы достаточно дробного членения неолита на хронологические этапы и этнокультурные группы, то по целому ряду других не менее обширных территорий для этого требуется еще проведение серьезных полевых изысканий. К числу этих территорий относятся Вычегодский край, Южное Предуралье, Вологодская и Архангельская области, Среднее Поволжье, где не имеется еще достаточных оснований для выделения раннего периода неолита. По некоторым же областям в силу того, что изучение неолита было начато лишь недавно или проводилось не очень интенсивно, хотя в настоящее время и имеются чрезвычайно важные материалы, их еще недостаточно для создания полного представления об этой эпохе. В первую очередь это приполярная зона, западная часть Прибалтики (современная Калининградская область), Валдайская возвышенность, а также в известной мере Литва, где в противовес развернутому изучению позднего палеолита и мезолита интенсивное исследование неолитической эпохи было начато лишь в последние годы.

Как следует из публикуемых материалов, в большинстве областей удается проследить корни неолитической культуры в местном мезолите — лесостепная полоса, Прибалтика, Приказанье, Южное Предуралье, Валдайская возвышенность, Карелия, Волго-Окское междуречье, Вычегодский край. Однако для всей этой территории, равно как и для всей лесной и лесостепной зоны в целом, вопрос появления керамики (возникновения ее на месте или заимствования извне) продолжает оставаться нерешенным.

К числу не до конца разработанных проблем относится раскрытие процесса перехода раннего неолита в развитой и в частности формирование новых культур в Волго-Окском междуречье (граница льяловской культуры на раннем этапе), причина и время возникновения поселений раннельяловского облика в северных областях и др.

Данная работа, будучи коллективной, с большой наглядностью выявила и еще одну слабую сторону изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР — отсутствие единой, твердой, абсолютной и отчасти относительной хронологии. Важность этого вопроса совершенно очевидна, поскольку от степени разработки данной проблемы зависит и успех решения проблемы этногенеза. Публикуемые в данном томе разделы отражают нередко различные точки зрения авторов по этому вопросу, что подчеркивает необходимость объединения усилий исследователей для уточнения хронологии неолита. Так, статья П. М. Долуханова, Е. Н. Романовой, А. А. Семенцова свидетельствует о возникновении необходимого контакта в разработке этого вопроса с представителями естественных дисциплин.

Было бы неверно, с нашей точки зрения, умолчать о всех этих недостатках публикуемой работы, поскольку они объективно отражают современное состояние изученности неолитической эпохи. Однако уже само наличие большой группы исследователей и возможность написания ими обобщающих разделов свидетельствуют в общем о плодотворности и большой перспективности изучения неолита. Вместе с тем это обязывает уяснить слабые стороны современного состояния науки о неолите и наметить пути к их устранению.

Для удобства сопоставления материала читателем все разделы написаны по единому, заранее разработанному плану (хотя в отдельных случаях авторы вынуждены были изменить или расширить его в зависимости от конкретных условий). Иллюстративный материал сведен в стандартные, предельно сжатые таблицы.

С целью показать неолитические племена во взаимодействии с географической средой в сборнике чисто археологическим работам предпослан раздел, характеризующий палеогеографию и распространение кремня на исследуемой территории. Наконец, известной попыткой подведения итогов коллективного исследования является статья «Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР».

В процессе написания сборника проходило обсуждение отдельных глав авторским коллективом и обмен рукописями между авторами, работающими на смежных территориях. Большое значение в выработке общих точек зрения имело прошедшее в январе 1968 г. неолитическое совещание с обсуждением докладов, посвященных этнокультурным проблемам и хронологии. Совещание пришло к выводу о необходимости объединения усилий коллектива исследователей для разработки важнейших выдвинутых им вопросов. В связи с этим авторы надеются, что данное издание явится первым шагом на пути создания серии коллективных трудов по неолиту СССР, каждый из которых будет посвящен единой научной проблеме.

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Огромный фактический материал, накопленный советскими археологами к настоящему времени по неолиту, вызывает необходимость его систематизации и дает известное основание как для установления общей закономерности развития человеческого общества в эту эпоху, так и для выявления локальных различий этнического порядка.

Сопоставление материала неолитических памятников лесной и лесостепной зон, с одной стороны, и степной — с другой, уже давно позволило установить две резко отличные друг от друга группы племен и определить основные особенности их материальной и духовной культуры. Более детальное изучение археологических памятников обеих очерченных зон позволило глубже подойти к подлинному пониманию прошлого их обитателей.

Исследования неолитических памятников лесной и лесостепной зоны европейской части СССР, развернувшиеся особенно широко за последние годы, обогатили нашу науку большим числом новых фактов, которые в ряде случаев уже не укладываются в ранее созданные схемы. В связи с этим возникает необходимость обобщения научных результатов, постановки и решения на их основе важных вопросов, связанных с неолитической эпохой. Одним из них является выяснение своеобразных черт материальной и духовной культуры населения отдельных областей, отражающих культурные и этнические общности того времени и тем самым служащих основанием для установления этнической истории ряда современных народов.

В процессе разработки этногенетических проблем неизбежно обращаются к неолитической эпохе — времени, в котором слагались этнические общности. Исследовательское осмысление фактов, выявленных за последние годы, отчетливо показало, что существовавшие ранее представления о замкнутости, изолированности человеческих коллективов в неолите являются лишь отражением ограниченности наших представлений об этой эпохе. Теперь уже очевидно, что даже на отдаленных и казалось бы окраинных территориях происходил весьма сложный этнический процесс в связи с неоднократным проникновением нового населения из других областей.

Источниками для раскрытия этногенеза в неолитическую эпоху являются лингвистический, антропологический и археологический материалы. Несомненно наиболее плодотворное решение может возникнуть лишь в результате комплексного изучения. Однако лингвисты пока едва ли могут проникнуть в тайну речи древних народов, а очень важный антропологический материал, как правило, бывает крайне ограничен или вообще отсутствует. Таким образом, основным, а чаще и единственным надежным источником является археологический материал, отражающий объективную реальность. Не следует при этом преуменьшать трудности, стоящие перед археологами при решении этих вопросов, но вместе с тем было бы неправильно и отказаться от попытки их преодоления.

Необходимым условием для продуктивной работы в этом плане является объединение целенаправленных усилий коллектива исследователей, имеющих единое представление прежде всего о сущности основных понятий, таких, как «мезолит», «неолит», «культура», «общность» и др., поскольку в противном случае исчезает возможность сопоставлений однопорядковых категорий.

К сожалению, в настоящее время среди археологов не существует единства в наименовании вышеуказанных понятий и вкладываемого в них содержания. В данной статье мы попытаемся изложить свою точку зрения на эти вопросы. Остановимся прежде всего на правомерности выделения переходной эпохи от палеолита к неолиту. Пожалуй, все исследователи каменного века склонны рассматривать ее как промежуточную, однако в наименовании и содержании эпохи в русской и зарубежной археологической литературе имеются существенные разногласия. Так, к ней применяются термины «эпипалеолит» (Рогачев, 1966), «голоценовый палеолит» (Мочанов, 1966), «мезолит» (Rust, 1938; Klima, 1948; Воеводский, 1950; Кларк, 1953; Althin, 1954), «докерамиче-

ский неолит» (Даниленко, 1969), «бескерамический неолит» (Хлобыстин, 1965), «протонеолит» (Schwabedissen, 1951). При этом совершенно очевидно, что достаточное обоснование различий между терминами отсутствует. Все вместе они подчеркивают лишь отличие собственно неолита в его развитой форме от момента зарождения, а в отдельных случаях («докерамический неолит», «протонеолит») от самой ранней фазы его.

Исходя из того, что определяющим в развитии общества является степень развития его материального производства, в основу выделения каждой археологической эпохи должен быть положен именно этот признак, находящий конкретное выражение в археологическом материале.

Сложность отчленения одной эпохи от другой заключается в том, что каждая последующая уходит своими корнями в предыдущую, является лишь дальнейшим ее развитием. Так, положительные познания свойств камня и рациональные приемы его обработки, накопленные в течение тысячелетий палеолитической эпохи, в полной мере были использованы в последующих фазах каменного века вплоть до эпохи бронзы. Усовершенствовались каменные орудия, вырабатывались их новые формы, рождались более сложные приемы расщепления и обработки камня, однако все это совершалось на базе опыта предшествующих поколений, в силу чего пониманию археологов становится доступным лишь эволюционный процесс, тогда как момент скачка остается часто не фиксированным.

Примером того, как некоторые формы орудий, зародившись в пределах определенного хронологического периода, продолжают существовать и в последующее время, может служить рис. 1, составленный по хорошо стратифицированным торфяникам ФРГ и ГДР (Rust, 1938; Schwabedissen, 1951). В ней отчетливо видно, как ряд форм орудий, зародившись в позднем палеолите, проходит через все фазы мезолита до конечного его этапа почти без изменений. Вместе с тем отдельные типы орудий возникают и заканчивают свое существование в пределах одной сравнительно короткой эпохи.

В то же время сама тенденция расчленения хронологического периода на более дробные части — явление несомненно положительное. В основе ее заложено стремление приблизить сухую, неизбежно отвлеченную от деталей схему, к живой действительности, отразить момент зарождения новых явлений, которые в схеме, охватывающей более длительные периоды, исчезают. Следует при этом учитывать и то, что в схемах мы неизбежно стремимся противопоставить явления, подчеркнуть их различия (в противном случае не получилось бы схемы). По закону логики требуется, чтобы в основании деления был признак, характеризующий важные отличия между элементами классификации, а это можно сделать, лишь взяв явления в завершенном виде, а не в момент их становления, в то время как в действительности каждое явление не остается неизменным. Таким образом, проведенная на схеме черта, отделяющая один хронологический период от другого, как бы разрезает единое целое. И все же в целях создания более точного представления об истории развития человеческого общества — его материальной и духовной культуры — следует считать правомерным выделение переходного этапа от палеолита к неолиту, совпадающего в известной мере условно с ранним голоценом (от начала пребореального до середины атлантического периода). При этом следует помнить, что границы его окажутся скользящими. Эту переходную эпоху отличают от палеолита следующие основные черты.

I. Значительное климатическое изменение, послужившее предпосылкой к рождению ряда таких новых явлений в области хозяйства и структуры общества, как:

1) интенсивное продвижение населения на новые пространства вплоть до Крайнего Севера;

2) изменение приемов охоты в связи с исчезновением крупных животных — мамонта, слона, носорога и др.;

3) развитие рыболовства;

4) изменения в орудиях охоты: а) внедрение лука и стрел, б) дифференциация охотничьего вооружения, в) большое разнообразие костяных орудий, г) широкое развитие в большинстве областей микролитической техники с геометрическими и иными формами (трапеции, сегменты, пластинки с притупленной спинкой, пластинки со скошенным краем, наконечники на ножевидных пластинах и др., зародившиеся в финальной поре позднего палеолита), д) появление топоров в значительной части западных областей (Литва, Белоруссия, Украина, Карелия, Верхнее и Среднее Поволжье, Вычегодский край и др.), е) появление в ряде областей шлифованных орудий (Карелия, Вычегодский край, современная Ленинградская область и др.);

5) широкое использование средств транспорта, в частности лыж с палками и саней.

II. Дробление человеческих коллективов на более мелкие общности в связи с проникновением на новые территории, отрыв их друг от друга, породивший бóльшую дифференциацию культуры.

III. Появление родовых кладбищ.

IV. Широкое развитие геометрического стиля в изобразительном искусстве и др.

Считая, что каждое понятие должно быть научно обоснованным (хотя оно и может быть в известной мере условным, если исходить из потребностей данного уровня науки) и учитывая переходный характер этого периода, а также наибольшее распространение в археологической литературе термина «мезолит», мы считаем целесообразным закрепить за ним именно такое наименование.

В ряде случаев в советской археологической литературе применительно к памятникам лесной и лесостепной зоны, так же как и к памятникам южных культур, употребляются как синонимы термины «бескерамический неолит» и «докерамический неолит». В других случаях эти понятия не отождествляются, но четкое представление о их различии отсутствует. Нам кажется, что эти понятия разнопорядковые: «бескерамический неолит» — понятие историко-культурное или историко-этнографическое, «докерамический неолит» — хронологическое. «Бескерамический неолит» хотя и связан с определенным отрезком времени, но может существовать в разные периоды неолита, будучи обусловлен в основном типом хозяйства; «докерамический неолит»

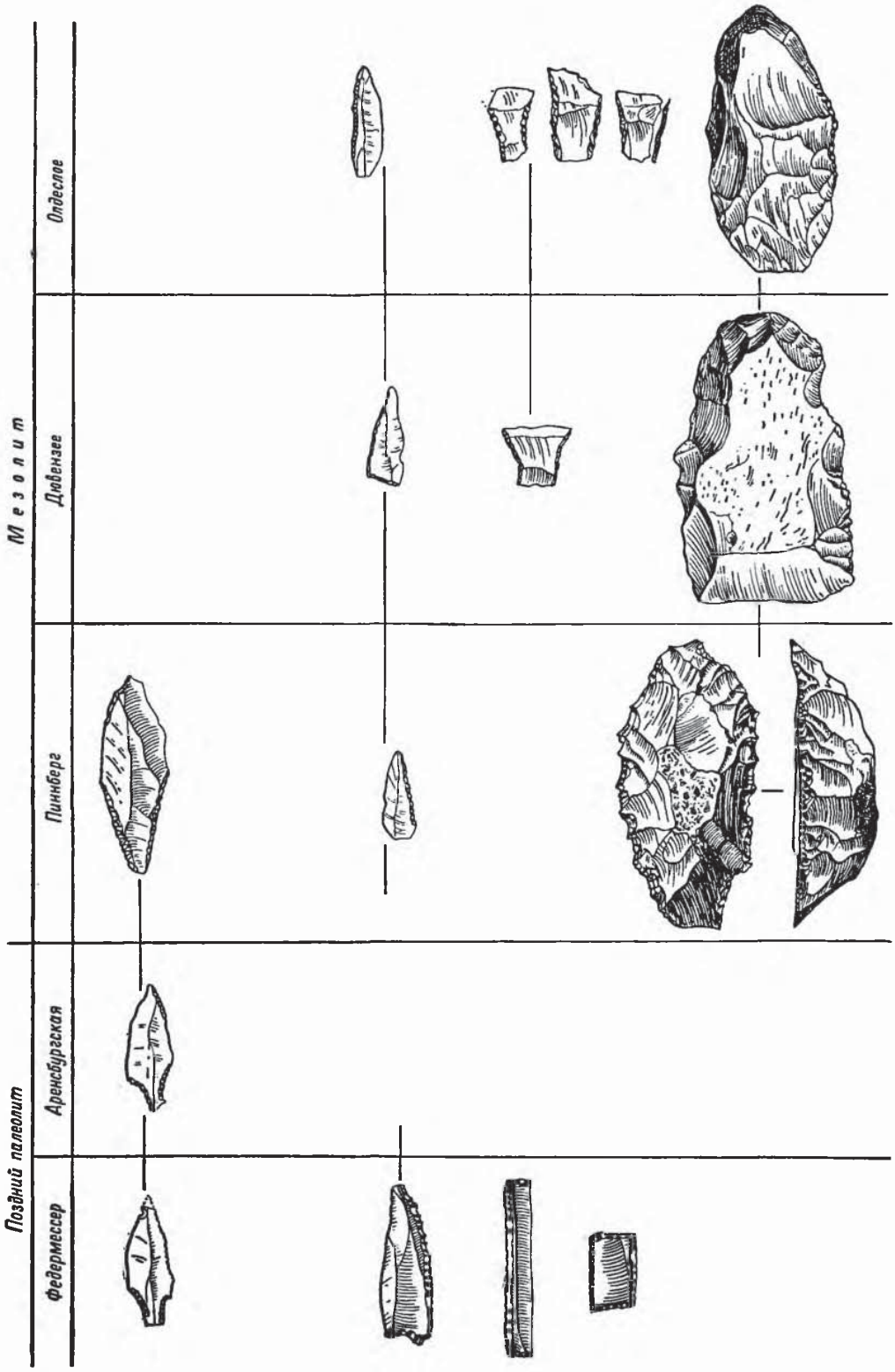

Рис. 1. Время появления и развития некоторых типов орудий в позднем палеолите и мезолите Западно-Германской низменности (по Г. Швабедиссену).

предполагает лишь самую раннюю фазу неолита, когда возникли все основные признаки неолитической эпохи, но люди еще не были знакомы с изготовлением глиняной посуды. Для ранней фазы неолита археологу не удается установить различие между этими двумя понятиями. Затрудняет выделение бескерамического неолита и далеко не всегда надежная стратиграфия, допускающая возможность случайного отсутствия керамики (дюнные стоянки),

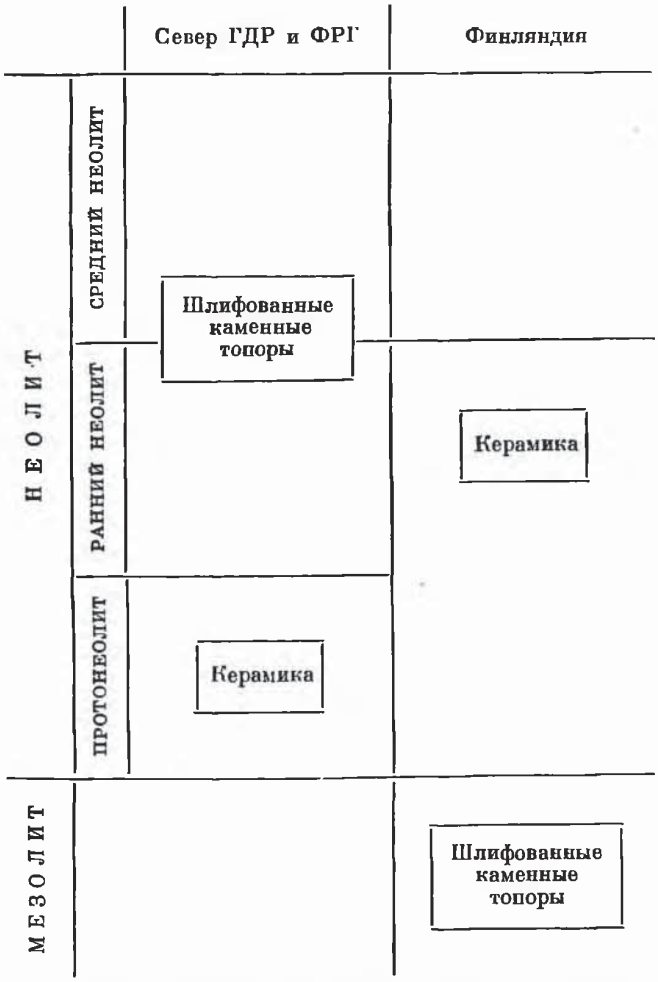

Рис. 2. Время появления керамики и шлифованных орудий.

или характер памятника, например могильники (где сосуды не сопровождали погребенного в силу особого ритуала), производственные мастерские и др.

Не касаясь правомерности выделения «докерамического неолита» для южных территорий, где оно имеет свое обоснование, следует уточнить его содержание для лесной и лесостепной зоны европейской части СССР. Последнее стоит в прямой связи с уточнением и общего понятия «неолит» для этой территории.

Несомненно, наиболее заметным, новым по сравнению с признаками предшествующих эпох является изобретение глиняной посуды. Ни один исследователь указанной территории не отнесет памятники, содержащие керамику, к палеолиту или мезолиту. Но было бы методологически неправильно различать указанные эпохи по наличию или отсутствию глиняной посуды. Керамика — лишь наиболее заметный признак неолита, возникающий как бы внезапно (во всяком случае в настоящее время в представлении исследователей). Вместе с этим неолитическая эпоха отлична от мезолита многими принципиально новыми чертами, получившими в ряде случаев развитие и в последующие периоды.

Чаще всего «докерамический неолит» в лесной и лесостепной зоне выделяется исследователями по наличию шлифованных орудий. Однако в настоящее время известны мезолитические памятники с большим количеством шлифованного инвентаря, примером чего является суомусярви культура Финляндии (Luho, 1967), Карелии (Гурина, 1961а; Панкрушев, 1963), а также наличие их в I Висском торфянике (Буров, 1967б, табл. II). Не способствуют выяснению этого вопроса и концепции зарубежных исследователей. Приведем для сравнения две территории. По схеме Г. Швабедиссена для ФРГ и ГДР (где, надо отметить, имеется надежная стратиграфия) (Крижевская, 1966) за мезолитом следует протонеолит, в течение которого появляется керамика, затем ранний неолит — время, когда появляются шлифованные орудия (рис. 2). В то же время в Финляндии шлифованные орудия широко представлены в мезолите, а керамика возникает лишь в раннем неолите (Luho, 1948, 1967).

Таким образом, необходимость уточнения понятия «докерамический неолит» для нашей территории очевидна. При этом следует учитывать конкретность исторического процесса для различных областей, исходя, однако, из общей закономерности.

В основу определения неолита лесной и лесостепной зоны, так же как и неолита юга, должен быть положен социально-экономический признак — степень развития производительных сил. Хотя неолит полностью и вмещается в рамки первобытнообщинного строя, однако представляет более высокую ступень его развития по сравнению с палеолитом и мезолитом. В этом отношении само содержание процесса юга и севера одинаково, но форма проявления его для каждой зоны различна. В то время как для юга переход от присваивающего хозяйства к производящему (от охоты к скотоводству и земледелию) лежит в основе возникновения неолита (Childe, 1939; Массон, 1968), появление его в лесной зоне связано с иными формами социально-экономического развития. Поэтому отсутствие земледелия и скотоводства не может служить основанием для отрицания здесь неолита как исторического этапа или замены его понятием «субнеолит», «пережиточный неолит» (Формозов, 1959). Охотничье-рыболовческий уклад, просуществовавший на огромных пространствах лесной зоны Европы и Азии вплоть до эпохи раннего железа, а на севере до наших дней, был, во-первых, предопределен спецификой географической среды. Во-вторых, не менее важным являлось то, что новая экономика (в основном широкое развитие рыболовства и оседлости, о чем специально будет сказано ниже), удовлетворяя потребности населения, исключала историческую необходимость перехода к иным формам хозяйства. Лучшим доказательством прогрессивного развития общества является бурный рост численности населения, о котором можно судить

по сравнительному количеству памятников на одной и той же территории в мезолитическое и последующее время. Вместе с тем эпоха неолита качественно отличалась от эпохи мезолита.

Появились новые черты в производстве орудий, их составе, в экономике, общественной организации и мышлении. В технике изготовления орудий: 1) введение и широкое применение в качестве сырья новых пород камня — сланца, нефрита, кварца, яшмы, а также янтаря, асбеста, слюды и др.; 2) массовая добыча поделочного материала — появление шахт и многочисленных производственных мастерских; 3) широкое производство крупных рубящих орудий и их дифференциация (топоры, тесла, долота, кайлы, пешни, мотыгообразные орудия и др.); 4) массовое внедрение шлифованных орудий, в том числе из твердых пород — кремня, нефрита, яшмы; 5) абсолютное преобладание в лесной зоне двусторонне обработанных орудий на отщепах; 6) распространение приема обработки сланца точечной ретушью; 7) массовый прием пиления и сверления камня. В составе орудий: 1) возникновение новых видов охотничьего оружия и его дифференциация — различные типы наконечников стрел из камня и кости, наконечников копий и дротиков, станковые луки и пр.; 2) разнообразие орудий рыболовства — широкое использование сетей, массовых способов лова типа заколов; рыболовные крючки, гарпуны, остроги и др.; появление керамики; заметное уменьшение роли собирательства.

Принципиально новой чертой в экономике неолитических лесных племен следует считать возникновение морского промысла и превращение рыболовства, зародившегося в эпоху мезолита, а возможно и палеолита, в ведущую отрасль хозяйства, способную обеспечить население всем необходимым почти в течении круглого года; став высокопродуктивным, оно приобрело всеопределяющее значение, вызвав ряд серьезных взаимосвязанных изменений. Прежде всего рыболовство и морской промысел повлекли за собой а) относительно оседлый образ жизни, б) усовершенствование домостроительства, в) развитие транспорта, г) дифференциацию крупных рубящих орудий, д) широкий межплеменной обмен, в частности янтарем и кремнем. Эта эпоха, в особенности ее поздние этапы, характеризуется широким распространением массовой добычи поделочного материала — кремня, кварца (открытые выработки, штольни, шахты) и крупных специализированных производственных мастерских.

Чрезвычайно существенным было освоение новых пространств. Начавшееся уже в эпоху мезолита интенсивное продвижение населения в северные области к концу его оказывается в основном завершенным. В неолите эти пространства, включая и приполярную зону, прочно осваиваются населением, и новые передвижения племен происходят уже по занятой территории. Именно это обстоятельство и наложило особый отпечаток на этнический процесс в неолитическую эпоху. Дробление различных этнических коллективов, оторванность их частей от основного массива, скрещивание с другими неизбежно порождало исчезновение некоторой части старых и рождение новых этнических общностей. Именно с этим временем и следует связывать начало формирования субстрата ряда современных народов: финнов, саамов, балтов.

Эпохе неолита свойственны более высокая форма общественной организации по сравнению с мезолитом, а также усовершенствование мышления — бо́льшая способность к абстрагированию, отраженная в искусстве (сложные композиции с повествовательными сюжетами, представление об основных геометрических формах — круге, квадрате, ромбе, треугольнике, прямой линии, зигзаге, меандре); введение в качестве основных сюжетов изобразительного искусства промысловых животных (лось, медведь, олень, утка и др.); появление родоплеменных кладбищ.

Таким образом, неолитическая эпоха лесной зоны отличается от предшествующих более высокой ступенью развития производительных сил и производственных отношений. При сопоставлении северных племен с более южными хотя и выступает отчетливая специфика их формы хозяйства, предопределенная особенностями географической среды, однако в остальном уровень их развития не может считаться более низким.

Лесные неолитические племена обладали высокосовершенными многообразными каменными, костяными и деревянными орудиями, сложными средствами передвижения (различными по форме лодками, лыжами, санями), они строили деревянные жилища, имели богато украшенную глиняную посуду, им был свойствен высокий уровень эстетических вкусов, обусловивший создание совершенных образцов первобытного искусства, более яркого, нежели искусство многих южных неолитических племен. Рыболовство и охота, видимо, вполне удовлетворяли экономические запросы лесных племен на данной стадии развития. С этих позиций не правомерно применение термина «пережиточный неолит», поскольку рассматриваемое нами общество не деградировало в области материальной и духовной культуры и не находилось в состоянии застойности. На протяжении всей эпохи оно развивалось, поднимаясь все выше и выше по лестнице общечеловеческого прогресса. Это была подлинно неолитическая эпоха со своими только ей свойственными особенностями, притом почти синхронная неолитической эпохе степной зоны СССР и в ряде случаев Восточной Европы с их скотоводческо-земледельческим укладом (например, на территориях ГДР и ФРГ).

Только в силу отсутствия перехода к принципиально новым формам хозяйства для лесного неолита трудно найти такое краткое определение, которое вмещало бы в себя всю сумму произошедших изменений материальной и духовной культуры, поскольку они вызревали в недрах предшествующей эпохи.

Если все же попытаться кратко сформулировать основное содержание неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР, то это может прозвучать примерно так: «Неолит — это та ступень развития первобытнообщинного строя, когда рыболовство и морской промысел, превратившись в одну из основных форм хозяйства, оказались способными обеспечить оседлость населения. Она характеризуется безраздельным господством совершенных каменных орудий, изготовлением глиняных сосудов,

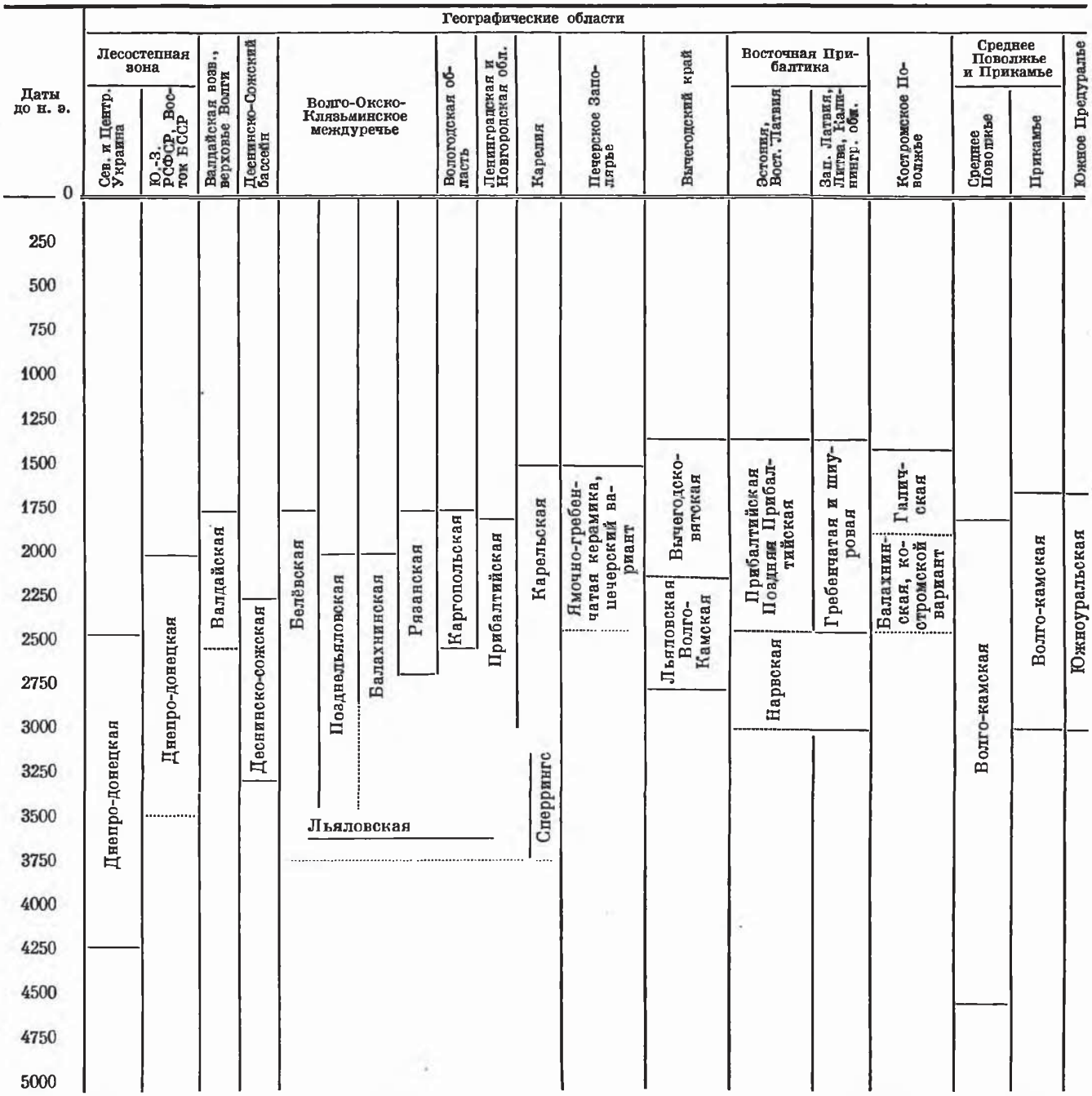

Рис. 3. Хронологические соотношения неолитических культур лесной и лесостепной зоны европейской части СССР.

дифференцированным охотничьим вооружением, наличием сухопутного и морского транспорта, высоким развитием первобытно-реалистического искусства, широким межплеменным обменом и сложным этническим процессом». Огромный вещественный материал, собранный за истекшее время в лесной и лесостепной зоне европейской части СССР, позволил наметить основные этапы развития неолита для всей территории, а в целом ряде случаев и детализировать его для отдельных крупных областей.

Чрезвычайную важность для решения проблем неолита рассматриваемой зоны, и в частности для раскрытия этнической истории древних племен, имеет уточнение абсолютной датировки. Нет сомнения в том, что многие в настоящее время дискуссионные вопросы могли бы быть решены при наличии твердой хронологической шкалы.

К сожалению, в этом отношении мы не продвинулись далеко вперед. В целом ряде случаев существуют серьезные разногласия в определении хронологических рамок отдельных культур (например, льяловской, белёвской, балахнинской и др.), что мешает пониманию их взаимоотношений. Правда, в самые последние годы датировка неолитических памятников стала производиться комплексно. Стратиграфия, типологический метод подкрепляются

в ряде случаев результатами исследования пыльцы и данными C^{14}. В настоящее время известно всего более тридцати определений абсолютных датировок методом C^{14} для двух с половиной десятков археологических памятников, при этом более 25 датировок сделано лабораторией Ленинградского отделения Института археологии.

Наибольшее количество датировок имеется для Прибалтики и севера, в то время как они почти полностью отсутствуют для неолитических памятников лесостепных областей. Основным недостатком этих датировок служит отсутствие серийности, которая, как известно, является необходимым условием для продуктивности данного метода. Нередко применение метода C^{14} затрудняется и самими исследователями, отбирающими образцы из смешанных, разновременных комплексов, без твердой уверенности в принадлежности углей или дерева к одному из них.

Оставляя в стороне эти случаи, можно сказать, что результаты радиокарбонного метода в общем согласуются с выводами археологов.

Так, в относительной хронологии наиболее четко выделяется ранний неолит, в ряде областей отчетливо уходящий корнями в предшествующую мезолитическую эпоху. Грань же между развитым и поздним неолитом в ряде случаев выделяется с трудом. В общем можно считать установленным существование неолита в лесной и лесостепной зоне европейской части СССР в течении всего III тыс. до н. э. и отнесение начальных этапов его ко второй половине IV тыс. до н. э.

Конец неолита приходится в основном на первую половину II тыс. до н. э. Более подробно этот вопрос рассматривается в статье Л. Я. Крижевской «Хронология неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР по данным новых исследований», помещенной в настоящем сборнике. Здесь же мы предлагаем вниманию читателя лишь схему синхронизация археологических культур (рис. 3).

Остановимся на причинах сходства или различия археологического материала, наблюдаемого в пределах одного хронологического периода. Объяснение этому явлению наиболее развернуто впервые было дано для неолита лесной зоны А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс, выделившими конкретные археологические культуры (Брюсов, 1940; Фосс, 1947б), и это следует признать очень важным этапом в изучении неолита, как одну из первых попыток проникнуть в тайну его сложного этногенетического процесса. За истекшее двадцатилетие вновь полученные материалы позволили определить и другие культуры. Вместе с этим принципиально новые открытия заставляют в настоящее время уточнить или углубить и ряд прежних положений.

Цель выделения археологических культур — выявление этнических общностей, способных послужить источником для решения проблемы этногенеза ряда современных народов.

За последнее время интерес к этническим проблемам среди исследователей, занимающихся неолитом, значительно возрос. Объективными причинами для этого послужило, с одной стороны, чрезвычайно быстрое расширение источниковедческой базы, с другой, — явное разнообразие, нередко весьма неожиданное, вновь открываемого материала. Это явилось в свою очередь причиной увлечения выделением новых культур, нередко по весьма ограниченному количеству источников. В отдельных случаях исследователи устанавливают и различные этапы этих культур по столь же малому количеству фактов.

Совершенно очевидно, что определение культур — весьма сложная задача. Сходство в материале значительной группы археологических памятников, нередко весьма обширной территории, как свидетельствует этнография, объясняется не только этническим единством, но и целым рядом иных причин. Далеко не всегда, в особенности для тех территорий, изучение которых началось лишь сравнительно недавно, можно определить, хронологические ли эти различия или иного порядка. Но и в тех случаях, когда в этом плане не возникает сомнений, — несходные памятники явно относятся к одному хронологическому этапу, — бывает трудно понять, с какой категорией общностей мы имеем здесь дело, т. е. какими причинами обусловлено сходство археологического материала.

Следует отдавать себе отчет в том, сколь сложен этот вопрос для археологов, имеющих в общем очень фрагментарный материал даже по сравнению с этнографами. От нас остаются скрытыми детали материальной культуры, которые помогли бы уточнить степень этого сходства (покрой костюма, головные уборы, детали построек, особенно верхней части жилища, расположение входа, типы средств передвижения и мн. др.), не говоря уже об обрядах, языке, являющемся в настоящее время основой для этнографов при выделении этнических общностей. Вместе с тем перед археологами, изучающими этнокультурный процесс в неолите, явления выступают в более чистом виде, не в такой степени осложненные многократными передвижениями народов, хотя нам и приходится расстаться с представлениями о замкнутости и изолированности человеческих коллективов в неолитическую эпоху.

Основой для понимания сущности этнического процесса, происходившего в древности, должны быть закономерности, выявленные этнографами при изучении формирования современных народов, в особенности в недавнем прошлом.

Так, ряд этнографов (Левин и Чебоксаров, 1955) выделяет три основных типа общностей, порожденных 1) сходным хозяйственным укладом, который обусловлен в свою очередь одинаковой степенью развития производительных сил и тождественной географической средой, — «хозяйственно-культурный тип»; 2) длительными связями, взаимным влиянием и общими историческими судьбами — «историко-культурные», или «историко-этнографические области» и 3) общим происхождением и общим языком. Последняя категория является этнической общностью.

С учетом этого становится очевидным, что для понимания конкретных причин сходства в исследуемом материале требуется подвергнуть источники глубокому и всестороннему анализу. Для решения данного вопроса должны быть привлечены все возможные данные.

В настоящее время в неолите степной и лесостепной зоны европейской части СССР известны группы памятников, имеющих разную степень сходства и соответственно этому локализирующихся на территориях различной величины. Как уже указывалось, наиболее близкие из них и соответственно расположенные на компактной территории и были выделены в археологические культуры.

Хотя понятие «археологическая культура» в неолите и не нашло своего завершающего определения, оставляя место для индивидуальных толкований, все же следует считать основную сущность его установленной благодаря работам А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс, А. П. Смирнова и др. (Брюсов, 1940, 1947, 1952, 1956; Фосс, 1947б, 1949в, 1952; Смирнов, 1964).

Исходным для нас является представление об археологической культуре как категории исторической, в силу чего она должна рассматриваться в определенном времени и пространстве. Мы касаемся здесь лишь неолитической культуры лесной и лесостепной зоны европейской части СССР.

Археологическая неолитическая культура имеет определенную сумму признаков; только взятые в совокупности они могут дать правильное представление о ее сущности. Среди них укажем такие, как топография поселений (расположение большой группы памятников на компактной территории), а также общие черты инвентаря — керамики, типов орудий и приемов их изготовления. Общепризнано, что керамика является наиболее выразительным элементом культуры, поэтому ей следует уделять особое внимание, рассматривая в комплексе всю сумму данных: форму, состав теста, элементы и мотивы узора.

Недопустимо брать за основу какой-либо один из названных признаков, в том числе лишь элементы узора или их простейшее сочетание, широко распространенные в более обширной зоне. Только взятый в широком плане орнамент может быть использован как исторический источник.

В качестве одного из элементов показателя общности можно привлечь орнамент на сосудах, на костяных предметах, скульптуру, стилевые особенности наскальных изображений и др. При этом анализ данных материалов следует проводить в двух планах, понимая изобразительное искусство как отражение общего уровня развития мышления и в том числе эстетических вкусов людей, с одной стороны, и частного проявления его в характере верований — с другой. В последнем аспекте близость может явиться следствием сходной географической среды и одинакового уровня развития производительных сил.

По всей вероятности, каждой археологической культуре присуща не только определенная форма хозяйства, но и особые конкретные проявления ее. Так, существовавшие на всем протяжении неолита культуры с охотничье-рыболовческим укладом имели различные варианты: в лесостепных, лесных и таежных зонах в зависимости от преобладания способов добывания пищи. В редких случаях в пределах одной культуры могли существовать у части населения в начальной форме иные, более передовые формы хозяйства, воспринятые от соседнего с ним населения, примером чего может служить днепро-донецкая культура с охотничье-рыболовческим хозяйством в северной части и земледельческо-скотоводческим — в южной.

Одним из признаков археологической неолитической культуры служит погребальный обряд и тип жилища. Как свидетельствуют археологические и этнографические материалы, погребальный обряд и тип жилища могут иметь единичные отклонения от нормы, например наличие единичных скорченных погребений в общей массе вытянутых.

Известную оговорку требует и утверждение о единстве формы жилищ, присущих каждой археологической культуре. Как показывают этнографические материалы, во всяком случае допустимо сосуществование двух и более типов жилищ и прежде всего летних и зимних.

Очень существенным признаком для выделения общностей в неолитическую эпоху является антропологический материал, который, однако, в отдельных конкретных случаях чрезвычайно ограничен. Кроме того, уже с эпохи раннего неолита в лесной зоне европейской части СССР прослеживается смешанный тип населения, в частности европеоиды и монголоиды в пределах одного памятника, например Оленеостровского могильника, стоянки Нарва I и др. (Марк, 1956; Якимов, 1960), что затрудняет привлечение этого материала для решения этногенетической проблемы.

Таким образом, указывая главные признаки, определяющие археологическую неолитическую культуру, мы должны учитывать возможность отдельных отклонений от общего правила. Все же необходимо в первую очередь обращать внимание на сумму общих черт, которые в конечном итоге способны достаточно верно отразить различия между существовавшими некогда этнокультурными группами населения.

При этом следует помнить, что в каждой археологической культуре имелся центр ее и периферия. В «эпицентре» прослеживается максимальное совпадение общих признаков, тогда как на периферии характерные особенности данной археологической культуры в значительной степени ослаблены, а в отдельных случаях полностью замещены новыми за счет некоторой изоляции и влияния соседних культур. Смешением двух и более пограничных культур и характеризуются зоны контакта.

В этом плане существен для нас вывод, сделанный М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым при рассмотрении историко-культурных областей Сибири, где они пишут: «Если каждую из перечисленных особенностей (материальной культуры, — *Н. Г.*) можно нередко встретить за пределами рассматриваемой историко-этнографической области, то их сочетание для нее в высшей степени характерно» (Левин и Чебоксаров, 1955, стр. 12—13).

Считаем необходимым обратить особое внимание на то, чем нередко пренебрегают исследователи неолита, — что важным признаком археологической культуры должны являться не только определенные территориальные, но и строго хронологические рамки. Мы особенно хотим подчеркнуть это положение, поскольку при определении характерных признаков археологических культур внимание не акцентируется на хронологическом ее единстве, ко-

торое для неолитической эпохи может быть и весьма емким, но все же ограничено определенными рамками. Без учета этих хронологических рамок, в которые вписывается каждая археологическая культура, невозможно их сопоставление и решение вопроса о том, вызваны ли эти черты сходства общением носителей этих культур, передвижением и ассимиляцией населения, или они обусловлены генетической преемственностью данных культур. В случае сопоставления разновременных культур легко можно впасть в ошибку.

Поскольку культура, как мы подчеркнули, является исторической категорией, характерные особенности ее и границы не остаются неизменными. Она проходит периоды становления, расцвета и упадка. Однако в пределах определенного отрезка времени культура существует как объективная реальность. Наиболее отчетливо конечный этап каждой археологической неолитической культуры фиксируется резкими изменениями, произошедшими в результате внешних импульсов — притока нового населения, который вносит существенные перемены в материальную культуру, часто в форму хозяйства, а со временем и в антропологический тип населения. В результате такого скрещивания и взаимодействия различных культур с течением времени формируется новая культура со своими, только ей присущими особенностями. Труднее устанавливается конечный этап культуры, появившейся в результате внутреннего саморазвития и взаимодействия с соседними культурами, поскольку этот процесс весьма длительный.

Итак, «археологическая культура» — это большая группа памятников, расположенных на определенной территории (чаще компактной), объединенных общими своеобразными чертами инвентаря (типами орудий и приемами их изготовления) и керамики, в которой общность проявляется в комплексе устойчивых признаков и в особенности орнаментации. Археологической неолитической культуре присуща определенная форма хозяйства, погребальный обряд и типы жилища. Каждая археологическая культура, как указывалось, имеет центр и периферию; границы и характерные особенности ее не остаются постоянными. Конечным этапом каждой культуры следует считать резкие изменения, произошедшие в результате а) внешних импульсов (притока нового, иногда чуждого населения, когда в результате взаимоассимиляции с течением времени создалась новая культура, гибридная), и б) внутреннего развития (когда в процессе саморазвития у оторвавшихся друг от друга родственных племен, под воздействием соседей, постепенно создавались самобытные культуры, сохранявшие при этом в большей или меньшей степени традиции прошлого). Каждая археологическая неолитическая культура соответствует, по-видимому, группе родственных племен, т. е. коллективу людей, живших на компактной территории, говорящих на одном языке и родственных по происхождению.

При рассмотрении этнокультурных общностей на территории лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в неолитическую эпоху необходимо остановиться еще на одном важном положении — сопряженности понятий различных по объему общностей. Об этом заставляет говорить отсутствие единства терминологии у исследователей. Так, в ряде работ применяется один и тот же термин к разновеликим понятиям. В пределах одной работы термин «культура» прилагается к большому и малому, к части и к целому. Наряду с термином «культура ямочно-гребенчатой керамики», используется термин «культура льяловская», «рязанская» и др. При этом признается, что последние все вместе составляют «ямочно-гребенчатую». Нередко термин «вариант культуры» используется для обозначения более широкой единицы, чем сама культура.

Необходимость соподчинения этих понятий и выработка единой терминологии является безотлагательной. Исходными, с нашей точки зрения, могут послужить положения, выдвинутые Н. Н. Чебоксаровым (1964) на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, сущность которых сводится к утверждению наличия разнопорядковых общностей — больших и малых. Так, например, наряду с общностью индоевропейских народов существует и такая общность, как поморы.

По-видимому, в неолитическую эпоху имелись тоже разнопорядковые общности, однако находящиеся в соподчинении друг с другом, — родственность разного порядка. Для археологов они выступают между 1) отдельными памятниками, составляющими культуру; 2) культурами в рамках одной часто весьма обширной области; 3) культурными областями или культурными группами на территории большой зоны лесной и лесостепной, с одной стороны, и лесной и степной — с другой. В связи с этим нам кажется наиболее правильным принять номенклатуру, предложенную в свое время А. А. Формозовым (следуя от наименьшей к наибольшей): 1) культура — сумма одинаковых памятников; 2) культурная область — сумма отдельных родственных культур, объединенных рядом общих признаков; 3) культурная зона, или культурный мир (Формозов, 1959).

Последнее положение отчетливо подчеркнуто и Д. Я. Телегиным в автореферате на соискание ученой степени доктора исторических наук (Телегин, 1967).

Таким образом, мы должны помнить о многоступенчатости понятия «общность» в неолите.

Попытаемся с этих позиций рассмотреть неолитическую эпоху на территории лесной и лесостепной зоны европейской части СССР, отраженную в археологических памятниках.

Начнем с наиболее широкого понятия и в известной мере наименее дискуссионного: культурная зона, или культурный мир. В европейской части СССР можно выделить две зоны, резко различные по форме хозяйства, материальной культуре, верованиям и искусству: 1) лесную и лесостепную и 2) зону степей. При таком делении вся рассматриваемая нами территория включается в одну — первую — культурную зону, или один культурный мир. Вместе с тем в пределах этой зоны наличествует несколько хозяйственно-культурных типов, предопределенных характером естественно-географических условий, имевших решающее значение на том уровне развития производительных сил: 1) лесные

охотники и рыболовы, куда включались все племена, населявшие таежную зону; 2) морские охотники и рыболовы с двумя подтипами: а) арктические племена побережья Ледовитого океана и Белого моря, б) племена Прибалтики — умеренного пояса; 3) охотники и рыболовы лесостепи.

Каждая культурная зона, или культурный мир, включал несколько этнокультурных областей, каждая из которых состояла в свою очередь из нескольких культур. При этом этнокультурная область, по всей вероятности, являлась уже этнической или этнолингвистической общностью (как именуют этнографы такую категорию). Она состояла из группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладающих многими общими особенностями культуры. По-видимому, такие группы родственных племен и были основными этническими единицами неолитической эпохи.

В связи с этим нам представляется возможным для раннего неолита (конец V—начало III тыс. до н. э.) выделить следующие этнокультурные области (рис. 4):[1]

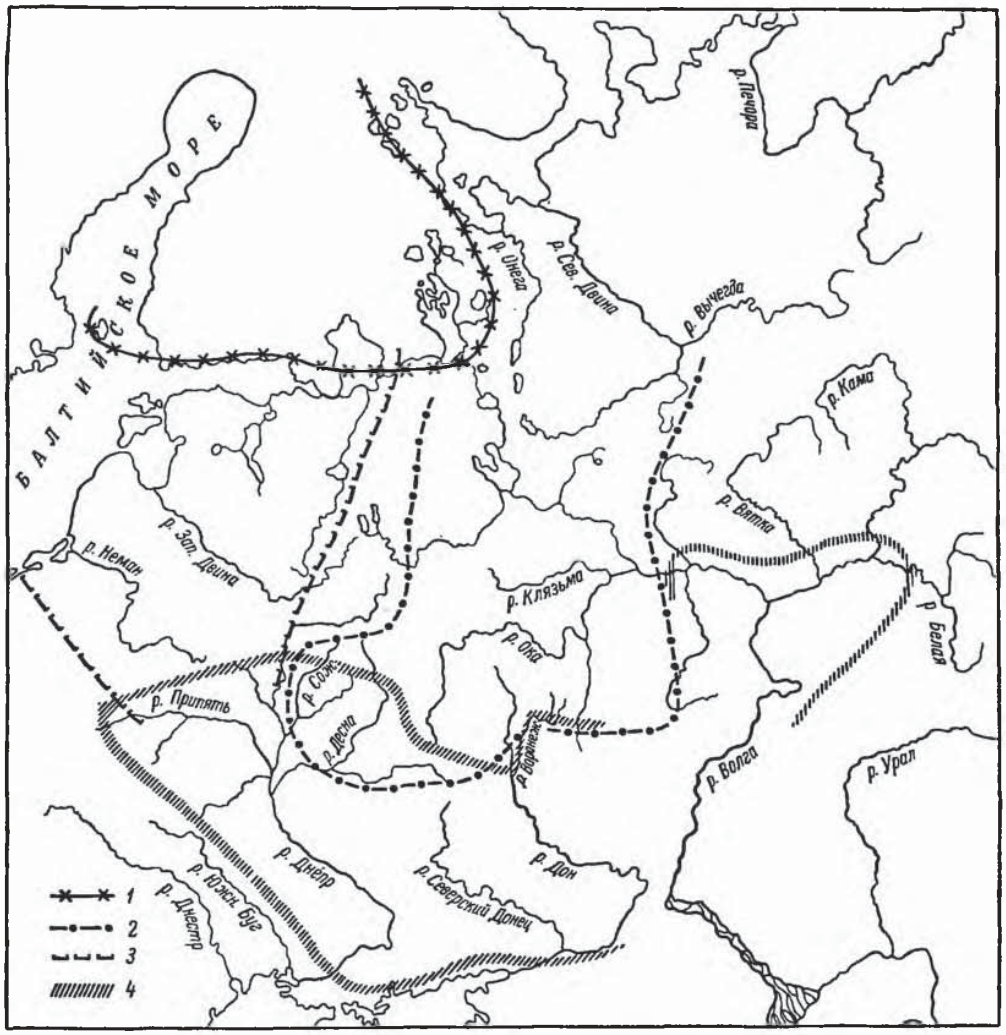

Рис. 4. Этнокультурные области лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в раннем неолите (конец V—начало III тыс. до н. э.).

1 — ареал накольчато-ямочной керамики типа сперрингс; *2* — ареал ямочно-гребенчатой керамики раннеьяловского типа; *3* — ареал ямчато-гребенчатой и нарезной керамики нарвского типа; *4* — ареал гребенчатонакольчатой и прочерченной керамики днепро-донецкого типа.

1) гребенчато-накольчатая керамика — Украина и, возможно, Среднее Поволжье;

2) ранняя ямочно-гребенчатая керамика с основным центром в Волго-Окском-Клязьминском междуречье;

3) накольчато-ямочная керамика (типа сперрингс), охватывающая Карелию и Финляндию;

4) ямчато-гребенчато-нарезная керамика (нарвского типа) с основным центром в Прибалтике.

Для развитого неолита (середина III тыс. до н. э.) выделяются 1) область ямочно-гребенчатой кера-

[1] Мы пользуемся в основном терминами, прочно вошедшими в литературу.

мики с двумя подобластями: а) ямочно-гребенчатой и б) гребенчато-ямочной, занимающей пространство от Прибалтики до Вычегды и от северо-востока Украины до Кольского полуострова включительно; 2) область гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики с тремя подобластями: а) Северная Украина, Южная и Западная Белоруссия, и Валдайская возвышенность, б) Волго-Камье, в) Южное Предуралье (рис. 5).

Более мелкой этнокультурной общностью в неолитическую эпоху являлись археологические культуры, каждая из которых соответствовала, видимо, в большинстве случаев группе близкородственных племен, являясь, таким образом, составной частью этнокультурной области.

В раннем периоде неолита (конец V—первая половина III тыс. до н. э.) на интересующей нас территории прослеживаются следующие культуры (рис. 6): на западе — нарвско-неманская (нарвская), на территории Карелии и Финляндии — сперрингс, в районе Клязьмы и прилегающих областях верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья — льяловская, в лесостепной Украине — днепро-донецкая,[2] в Среднем Поволжье — волго-камская.

На втором этапе неолита картина заметно меняется. В результате передвижения племен (рис. 7) карта этнокультурных общностей становится более пестрой. Некоторые культуры исчезают, взамен возникает большое количество новых. В настоящее время условно выделяется для этого периода 16 различных культур (рис. 8).

Появление и формирование новых культур в этот период, с нашей точки зрения, шло различными путями, обусловленными двумя причинами — внутренней и внешней (рис. 9).

Внутренние причины вызвали этнический процесс главным образом в центральной области лесной зоны, внешние оказали особое влияние на окраинные. Отдельные группы племен с ямочно-гребенча-

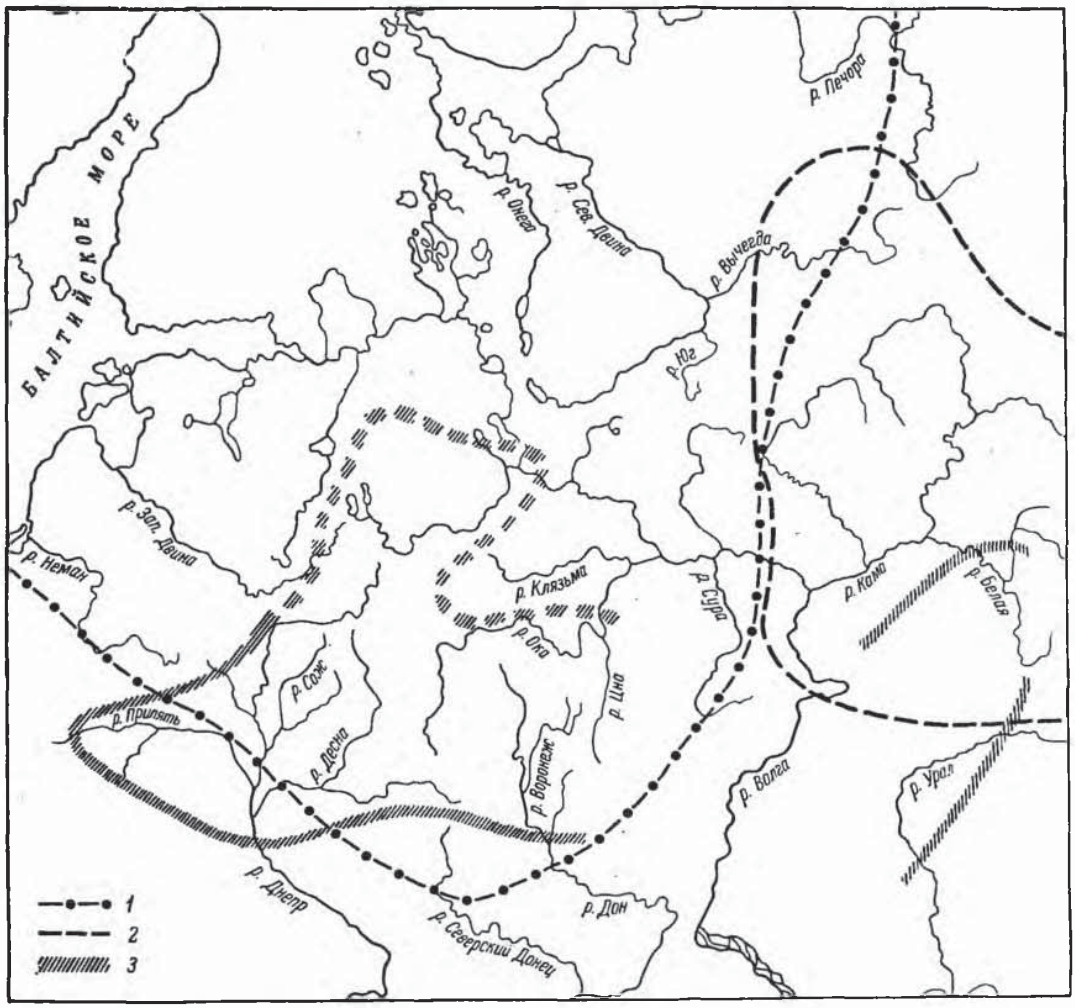

Рис. 5. Этнокультурные области лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в развитом и позднем неолите (начало III—середина II тыс. до н. э.).

1 — ареал ямочно-гребенчатой керамики; *2* — ареал гребенчатой керамики; *3* — ареал гребенчато-накольчатой керамики позднего днепро-донецкого типа.

[2] Образовавшаяся, по мнению Д. Я. Телегина, в конце V тыс. до н. э. (Телегин, 1968).

той керамикой, обитавшие к востоку, югу и западу от центрального района Клязьмы, постепенно отрывались друг от друга (проникнув далеко на север, восток и юг), подвергались воздействию соседей и в процессе внутреннего саморазвития обособлялись, создавали со временем свои оригинальные культуры, сохранявшие при этом в большей или меньшей мере традиции прошлого. Так рождалось общее и частное

тавшие к востоку, которые мы привыкли связывать с балахнинской культурой. Новые памятники заставляют расширить и ее территорию. В периферийной части этой культуры, особенно Костромском Поволжье, заметно слияние «льяловских» и «балахнинских» элементов. Так, в настоящее время представляется генезис этих культур. По-видимому, следует прийти к заключению, что обширная зона, занятая

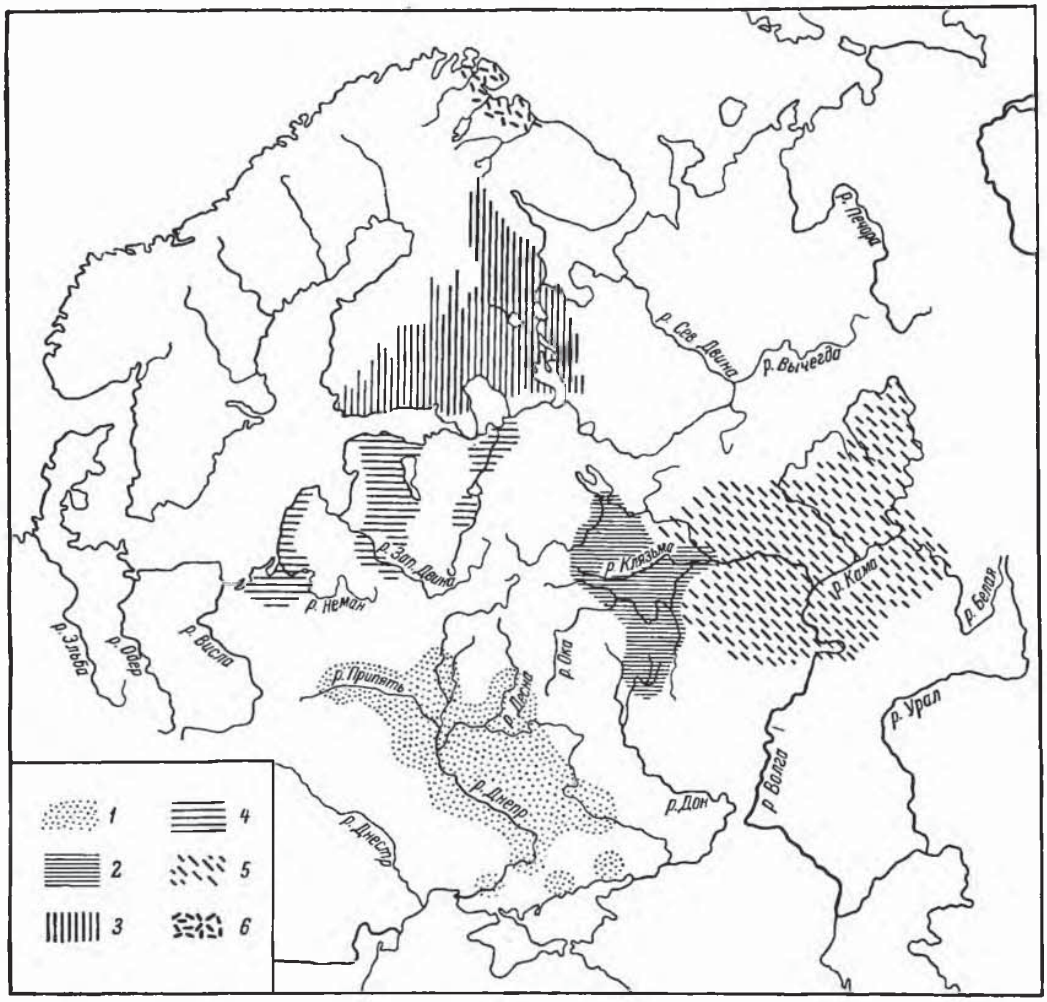

Рис. 6. Неолитические культуры лесной и лесостепной зоны европейской части СССР (конец V—начало III тыс. до н. э.).

1 — днепро-донецкая; *2* — льяловская; *3* — сперрингс; *4* — нарвская; *5* — волго-камская; *6* — арктического неолита.

в областях, занятых ямочно-гребенчатой керамикой. Выделенные здесь М. Е. Фосс и А. Я. Брюсовым неолитические культуры в общем соответствуют действительности. И все же новые данные требуют внесения серьезных корректив. Так, например, по-видимому, раздвигаются рамки белёвской культуры и уточняется представление о ее содержании. То же происходит и с рязанской культурой. Материалы свидетельствуют о зарождении ее на базе льяловской культуры, а формирование поздних этапов — под воздействием южных племен. Влияние последних, в частности днепро-донецких, проявилось у древнего населения Цны, Клязьмы, Валдая, Приказанья.

Приобрели специфические черты и племена, оби-

ямочно-гребенчатой керамикой, во всем ее разнообразии представляла собой уже крупную этническую область, вмещавшую в себя группу родственных культур, каждая со своими этнографическими особенностями. В силу сказанного мы считаем употребление термина «культура ямочно-гребенчатой керамики» неправомерным. Занимая огромную территорию от Балтийского моря до Уральского хребта и от степной Украины до побережья Ледовитого океана, она не могла соответствовать одной культуре.

Иными причинами были вызваны изменения в окраинных областях — Восточной Прибалтике, Карелии и Финляндии. По-видимому, не позже середины III тыс. до н. э. на территорию Эстонии,

Латвии и отчасти северной Литвы вплоть до современной Калининградской области, продвинулась мощная волна племен с гребенчато-ямочной прибалтийской керамикой. В результате ассимиляции местного населения здесь сравнительно быстро сформировалась гибридная гребенчато-ямочная позднеприбалтийская культура, просуществовавшая вплоть до эпохи раннего металла.

ным ряд вопросов: 1) генезис раннего неолита, происхождение керамики и взаимоотношение культур на этом этапе; 2) начало процесса сегментации племен Волго-Окского междуречья и пути продвижения их на Крайний Север; 3) взаимоотношение неолитических культур приполярной зоны; 4) соотношение культур белёвской и деснинско-сожской; 5) формирование раннего этапа прибалтийской культуры;

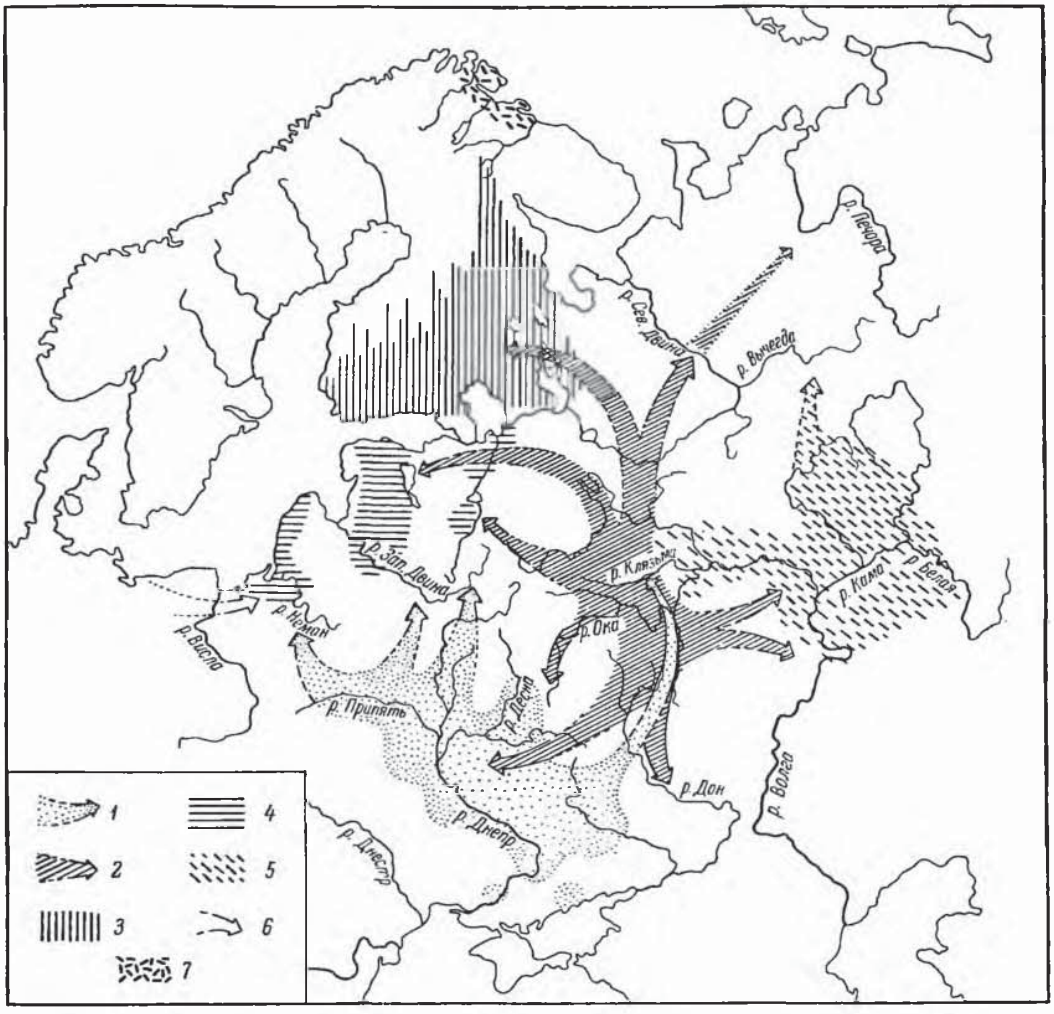

Рис. 7. Основные направления передвижения племен в развитом неолите (III тыс до н. э.).

1 — днепро-донецкие; *2* — льняловские; *3* — сперрингс; *4* — нарвские; *5* — волго-камские; *6* — западно-балтийские; *7* — арктического неолита

Близкие судьбы постигли и племена Карелии, обладателей керамики типа сперрингс. По-видимому, не позже начала III тыс. до н. э. на территорию Карелии продвинулись племена с ямочно-гребенчатой керамикой и ассимилировали местное население. На этой основе сложилась впоследствии самобытная карельская неолитическая и энеолитическая культуры.

Такими в настоящее время представляются нам основные черты этнического процесса в неолитическую эпоху в лесной и лесостепной зоне европейской части СССР.

Следует отдавать себе отчет в том, что не все высказанные здесь положения аргументированы в одинаковой степени. Остается еще не вполне яс-

6) ранний этап южноуральской культуры. Не до конца еще выяснено взаимоотношение между белёвской, балахнинской, рязанской культурами на раннем этапе и выявлен поздний этап льяловской культуры. Для решения некоторых вопросов нет еще достаточного фактологического материала, другие же не стали еще предметом специальных исследований. Чрезвычайно важным следует считать скорейшее решение вопроса абсолютной датировки.

Наконец, нельзя забывать стоящей перед нами конечной цели изучения этногенетического процесса в эпоху неолита — раскрытие генезиса современных народов, вызывающего в настоящее время острую дискуссию. В частности, ожидает своего решения вопрос, с каким из современных народов следует

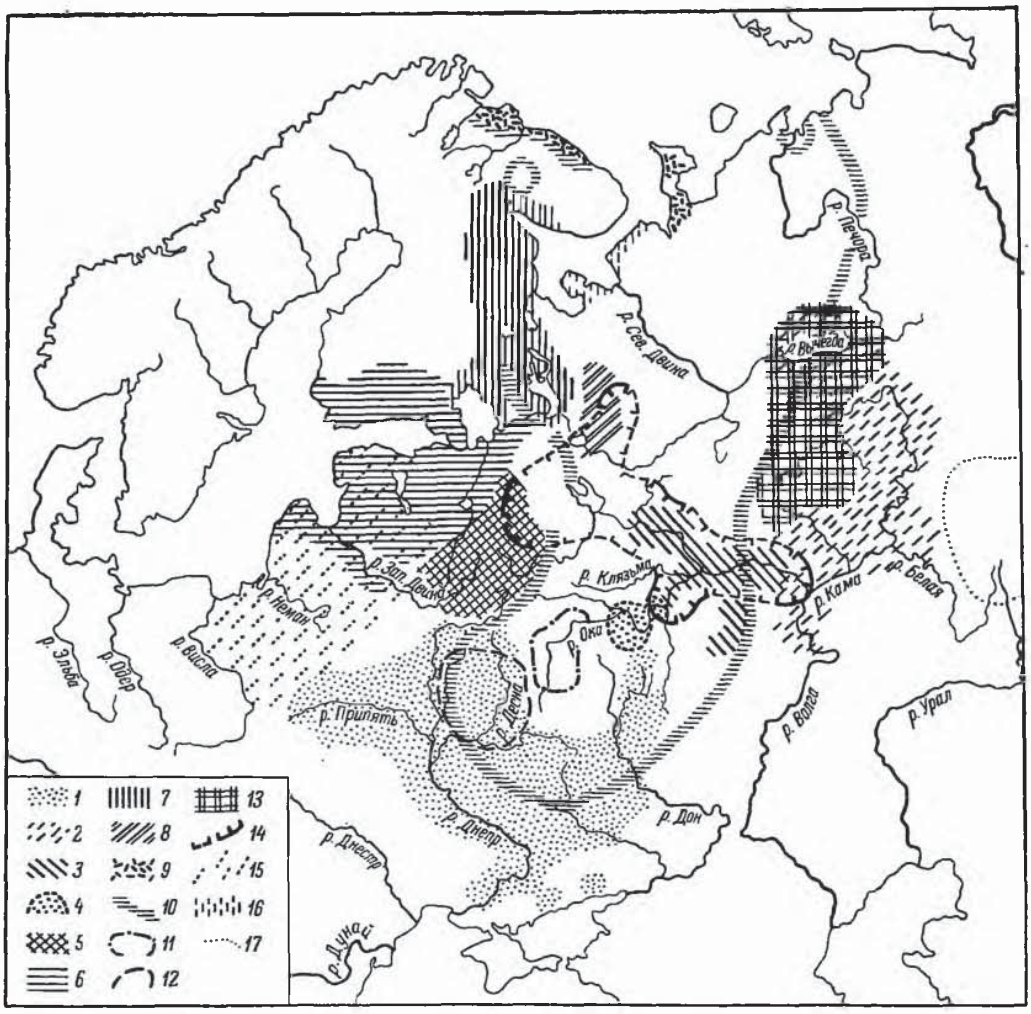

Рис. 8. Культуры развитого и позднего неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР (вторая половина III—II тыс. до н. э).

1 — днепро-донецкая культура; *2* — волго-камская; *3* — балахнинская; *4* — рязанская; *5* — валдайская; *6* — прибалтийская; *7* — карельская; *8* — каргопольская; *9* — арктический неолит; *10* — льяловская (поздний этап); *11* — белёвская; *12* — деснинско-сожская; *13* — вычегодско-вятская; *14* — волосовская; *15* — культура шнуровой керамики; *16* — беломорская; *17* — южноуральская.

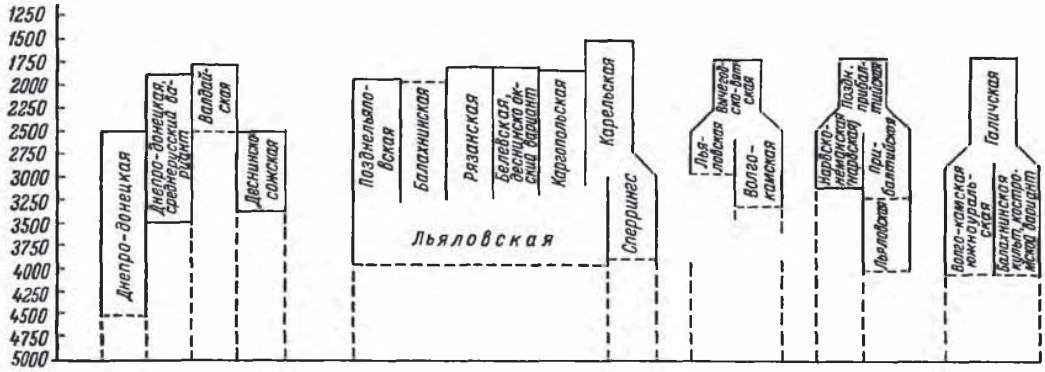

Рис. 9. Хронология и генезис неолитических культур лесной и лесостепной зоны европейской части СССР.

связывать носителей упомянутых нами неолитических культур. Не решая в данном случае столь сложной проблемы, требующей специального исследования целой группы ученых, позволю себе в предварительной форме высказать свою точку зрения.

Археологические материалы свидетельствуют о весьма сложном этническом процессе, происходившем в неолитическую эпоху. В силу того что автохтонное развитие тогда почти во всех областях нарушалось притоком нового населения, отчего нередко возникала взаимоассимиляция, нельзя, с моей точки зрения, связывать с какой-нибудь одной неолитической культурой любой из современных народов. Очевидно, носители разных культур являлись лишь компонентами в сложении современного этноса (Гурина, 1964а; Чебоксаров, 1964).

С этих позиций следует отметить роль днепродонецких и нарвских племен в сложении балтов и племен ямочно-гребенчатой керамики в сложении финнов. Археологические материалы указывают, в частности, на то, что племена с ямочно-гребенчатой керамикой ассимилировали аборигенов на территории, ныне занятой прибалтийскими финнами; в Карелии и Финляндии ими были носители культуры сперрингс, в Эстонии — нарвской культуры. При этом очень существенно, что вновь пришедшие племена, создав затем свои самобытные культуры, просуществовали длительное время до эпохи энеолита и не были полностью сметены новыми пришельцами, в силу чего они должны были явиться компонентом, принимавшем участие в сложении современных финнов.

Мы далеки от мысли, что изложенное здесь отражает всю сложность этнического процесса, проходившего в лесной и лесостепной зоне европейской части СССР в неолитическую эпоху. В лучшем случае она может послужить канвой, на которой усилиями всех исследователей неолита со временем будет нанесен более точный узор, отражающий процесс формирования этнических общностей в неолите.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

(по данным новых исследований)

Проблема относительной хронологии неолита, так же как установление абсолютного возраста неолитических памятников и неолитической эпохи в целом, является одной из существенных и наиболее актуальных. Любое историческое явление не может рассматриваться и быть правильно понятым вне его отношения ко времени. Это общеизвестное положение марксистской методологии не нуждается в специальных доказательствах и применительно к анализу археологических источников.

Однако разработка вопросов хронологии, особенно для каменного века, сталкивалась и сталкивается в настоящее время с рядом объективных трудностей, в силу которых предлагаемые исследователями даты и хронологическая последовательность явлений зачастую не выходят за рамки предположения.

Значительную трудность среди прочих составляло до недавнего времени отсутствие достаточного количества фактического материала, его разрозненность. Лишь за последний десяток лет накопилось нужное количество сведений для некоторых обобщений в области хронологии неолита, в частности неолита лесной и лесостепной областей европейской части СССР. Появилась возможность постановки ряда общих вопросов, как например, к какому времени (в тысячелетиях) следует относить начало неолита, какова протяженность неолитической эпохи в целом, одинакова ли она в разных широтах лесной и лесостепной зоны, как можно расчленить неолит по этапам и ряд других вопросов более частного порядка.

Типологическое различие в керамике, прослеживаемое в неолитических памятниках ряда обширных ареалов уже довольно давно привлекало внимание специалистов и рассматривалось ими как различие хронологического порядка (Янитс, 1959, Гурина, 1967а). Сейчас же, как видно из табл. I и II,[1] почти на всей территории, где известен неолит, он делится исследователями на основе типологии, стратиграфии, топографии и данных естественных дисциплин, т. е. более обоснованно, на две основные группы: ранний неолит, с одной стороны, развитой и поздний — с другой.

Раннему неолиту центральных районов, занимающих в основном Волго-Окский бассейн и прилегающих к нему с севера Вологодской области, с запада Деснинско-Сожского бассейна, с юга и юго-востока Верхнего Подонья и лесной Украины, присущи различные варианты ямочной и ямочно-гребенчатой керамики. Так, чисто ямочная керамика распространена в некоторых районах Верхнего Поволжья, Верхнего и Рязанского течения р. Оки, Вологодской области и отчасти Днепровско-Сожского междуречья, где существовал ее ромбо-ямочный вариант. В то же время в Верхнем Подонье и на северо-востоке Украины уже в раннем неолите развивается ямочно-гребенчатая керамика, имеющая некоторые отличия от аналогичной керамики развитого и позднего неолита. По мнению ряда исследователей, ямочно-гребенчатая керамика свойственна раннему неолиту Верхнего Поволжья (Гадзяцкая и Крайнов, 1965) и Горьковского Поволжья (Цветкова, 1963).

За пределами очерченного круга ранненеолитическое время характеризуется наличием керамики иного типа, в котором наиболее распространены гребенчатые, накольчатые и прочерченные элементы орнамента. На западе — накольчато-ямочная керамика (типа сперрингс) в Карелии, ямчато-гребенчатая и нарезная (нарвского типа) в Эстонии, ее варианты: восточнолатвийский (Латвия) и нарвско-неманский (Литва). На юге — гребенчато прочерченная в лесостепной Украине, отличающаяся от вышеназванной бо́льшим количеством элементов «гребенки», на юго-западе — накольчатая в Верхнем Поднепровье, на востоке — накольчатая и прочерченная в Волго-Камье. Наконец, особую область составляет Верхнее Прикамье, где ранний неолит представлен гребенчатой керамикой камского облика.

В каменной индустрии ряда ранненеолитических культур продолжает существовать древняя пластинчатая техника, при которой сохраняются разнообразные типы орудий, восходящие к мезолиту. В некоторых областях ранненеолитический комплекс характеризуется сочетанием пластинчатой техники

[1] Табл. I и II составлены в основном по материалам статей, помещенных в настоящем сборнике.

с накольчатой, резной и накольчато-гребенчатой керамикой (лесостепная Украина, Волго-Камье). Другую группу составляют культуры, где ранненеолитический комплекс содержит пластинчатую индустрию совместно с ранней ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой (Волго-Клязьминское междуречье, верхнее и рязанское течение Оки). Древние мезолитические традиции прослеживаются и в кварцево-сланцевой индустрии раннего неолита Карелии. На всей же остальной огромной лесной и лесостепной территории господствует индустрия отщепа.

Раннему неолиту Прибалтики, а возможно и более широкой территории, присуща развитая костяная индустрия (Эстония, восточная Латвия, Верхнее Подонье).

Абсолютное время существования раннего неолита для лесной зоны устанавливается большинством исследователей как первая половина III тыс. (для Карелии и Ленинградской области, по-видимому, захватывается первая половина IV тыс. до н. э.). Время первой половины III тыс. до н. э. подтверждается радиокарбоновыми датами, полученными для некоторых памятников (Кяэпа, Сарнате, Оса, Цага I). Эти даты дают более надежное обоснование и для датировки, производимой методом типологического анализа. Нельзя в то же время пройти мимо дат стоянок Усть-Рыбежно I и Берендеева Болота (табл. I). Они заставляют предполагать возможность общего удревнения начальных этапов неолита лесной зоны.[2] Ранненеолитическое время в ряде районов лесостепной зоны датируется исследователями IV тыс., а в лесостепной Украине и Волго-Камье начало его приурочивается соответственно к середине V и рубежу V и IV тыс. (В последнем, правда, к раннему этапу относится и докерамический неолит). Даты эти пока объективных подтверждений не имеют, они основаны только на сравнительном анализе и, следовательно, не выходят из области предположений.

В некотором противоречии с общим направлением, связанным с новейшими данными естественных дисциплин, ведущими в целом к удревлению неолита, находится точка зрения тех исследователей, которые ранненеолитическое время приурочивают к концу III и началу II тыс. до н. э. (Цветкова, 1963; Гадзяцкая и Крайнов, 1965).

Ранний неолит относительно позднего определяется сейчас уже не только типологией, а в ряде случаев подкрепляется палеогеографией и палинологией. Имеется значительное количество памятников с четкой стратиграфией культурных горизонтов или же геологических отложений. Таковы, например, Усть-Рыбежно I, Кяэпа, Нарва-город, Устье Оскола II, Подзорово, Швянтойи, Черная Гора и некоторые другие, являющиеся опорными для построения шкалы относительной хронологии. К числу опорных памятников следует отнести также Сущевскую стоянку, которая, не будучи столь выразительной по стратиграфии, содержит весьма яркий комплекс пластинчатой индустрии, послуживший эталоном при датировке многих памятников и комплексов, в частности некоторых памятников Верхней Оки (Воронец, Жабынь и др.).

В итоге ранний неолит представляет собой довольно целостную картину, но некоторые пробелы в ней все еще имеются. К их числу относится в первую очередь отсутствие или крайняя ограниченность данных об этом времени в ряде областей (Новгородское Приозерье, Костромское Поволжье, Вычегодский край, Верхнее Прикамье, Южное Предуралье), а также недостаточная общая разработанность вопросов генезиса неолита, что существенно затрудняет характеристику его начальных этапов.

Развитой и поздний этапы неолита представлены огромным количеством материала, среди которого, так же как и в предшествующей эпохе, выделяются опорные памятники. Переход к новому этапу связан с почти повсеместным развитием ямочно-гребенчатой, гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, имеющей свои локальные особенности. Они заключаются в композиции узоров, в соотношении гребенчатых и других элементов орнамента. Так, для развитого неолита Прибалтики свойственна гребенчато-ямочная керамика, пришедшая на смену керамике Нарвского типа и ее вариантам.

В Карелии на смену керамике типа сперрингс приходит ямочно-гребенчатая керамика Волго-Окского облика. В Костромском Поволжье в пределах развитого неолита ямочно-гребенчатая керамика сменяется гребенчато-ямочной. В Верхнем Прикамье развивается ранее существовавшая гребенчатая керамика. В Волго-Камье она сменяет прочерченную и накольчатую. В Южном Предуралье гребенчатая керамика сосуществует с накольчатой. В лесостепной Украине гребенчато-прочерченная ранненеолитическая керамика сменяется гребенчато-накольчатой, варианты которой характеризуют развитой неолит Верхнего Поднепровья. Своеобразная гребенчатая и накольчатая керамика развивается в Валдайском Приозерье.

В Волго-Окском бассейне в эпоху развитого неолита продолжает существовать ямочно-гребенчатая керамика предшествующего этапа в видоизмененных формах. На Верхней Оке и в Деснинско-Сожском бассейне развивается древняя ромбо-ямочная керамика. На северо-востоке европейской части СССР, исключая Среднюю Печору, где пока известен только ранний неолит, наряду с Волго-Окской существует керамика вычегодско-вятского типа.

Из 24 представленных районов развитой и поздний этапы прослежены в 9 (Эстония, Латвия, Литва, Карелия, лесостепная Украина, Волго-Клязьминское междуречье, поречье Оки, Волго-Камский бассейн). В других же исследователями выделяется только один из этапов: поздний (в противоположность раннему), или развитой. Следует отметить, что в некоторых районах вообще в силу недостаточных данных исключается какое-либо членение неолита, даже выделение его раннего этапа. Там развитой этап является единственным (Новгородское Приозерье, Костромское Поволжье, Вычегодский край, Южное Предуралье). Единственный этап (ранний) известен и на Средней Печоре. Что касается Заполярья, то там наиболее сложным является отчленение неолита от начала эпохи металла.

[2] Подробнее об абсолютном возрасте неолита см. стр. 42—44 настоящего сборника.

Наиболее отчетливо разделение неолита на развитой и поздний прослеживается в Прибалтике, где в пределах этих двух периодов еще раз происходит резкая смена типов керамики и гребенчато-ямочная орнаментация заменяется шнуровой или текстильной. В лесостепной же Украине, например, так же как на очень многих территориях, в позднем этапе керамика лишь видоизменяется: на Украине исчезают накольчатые мотивы и развивается чисто гребенчатый орнамент. Только один общий этап неолита выделен для среднего течения р. Цны, Карелии, Южного Предуралья, Костромского Поволжья, Печорского Заполярья, Вологодской области, Валдайского Приозерья. Только поздний этап — для Верхнего Поднепровья, Литвы, Калининградской области и Вычегодского края.

Изменения в области каменной индустрии заключаются в почти повсеместном исчезновении пластинчатой техники и других остатков мезолитических традиций. Развивается техника двусторонней обработки орудий из отщепов, совершенствуются приемы вторичной отделки. Для территории Прикамья особое значение исследователем (О. Н. Бадером) придается развитию техники шлифовки. Исключение составляют Южное Предуралье и лесостепная Украина, где продолжает существовать пластинчатая техника наряду с развитием двустороннеобработанных форм, а также до некоторой степени Валдайское Приозерье, где в развитом неолите сохраняются очень выразительные макролитические орудия, главным образом топоры и характерные для мезолита грубые приемы их обработки. Как особенность этой эпохи следует отметить развитие янтарного производства в Латвии.

В области абсолютного времени общепризнанной является вторая половина III тыс. до н. э. Она подкрепляется радиокарбоновыми датами, полученными для ряда памятников — Наволок, Акали, Тамула, Пиестыня, Абора. Что касается существования неолита во II тыс. до н. э., то большинство исследователей связывают с его первой четвертью или первой половиной только поздненеолитический этап.

Соотношение типологически выведенных дат и относительного возраста памятников является для этого времени одним из наиболее дискуссионных вопросов. Так, например, заключительный этап неолита Волго-Камья, Валдайского Приозерья, Верхнего Поднепровья, Южного Предуралья датируется второй половиной III тыс. до н. э., в то время как этот же этап неолита в поречье Оки и в Прибалтике — первой половиной II тыс. до н. э. Особенно отчетливо противоречивость точек зрения на это соотношение заметна на примере балахнинской культуры и в частности датировки поселения Гавриловка II. Оба исследователя (И. К. Цветкова и А. Х. Халиков) относят этот памятник ко второй половине III тыс. до н. э. Однако И. К. Цветкова считает его ранненеолитическим, а А. Х. Халиков относит к позднему неолиту.

Значительно удревнены развитой и поздний этапы неолита в лесостепной Украине (что, правда, идет в соответствие с датой раннего неолита этой территории), охватывающие время от середины IV до середины III тыс. до н. э. Опять же в отличие от общей тенденции удревнения неолита в целом идет дата третьей четверти II тыс. до н. э., установленная для позднего этапа балахнинской культуры.

В числе вопросов, связанных со временем развитого и позднего неолита, наименее разработанным является вопрос о заключительных его этапах. Он связан с отсутствием единой точки зрения на то, какие признаки следует положить в основу членения неолита и начала металла, а следовательно, какие памятники культуры в целом нужно относить к концу каменного века и какие к последующему периоду (например, Ранфиловская стоянка, волосовская культура, культура шнуровой керамики и т. д.). В связи с этим существуют и разные точки зрения на абсолютное время для конца каменного века.

Подводя итоги сказанному, отметим, что относительно недавно начатая систематизация материала в области хронологии неолита имеет уже определенные результаты. К их числу относится установление общей протяженности неолитической эпохи, которая, по мнению почти всех исследователей, устанавливается в пределах около 1500 лет (конец IV—начало II тыс. до н. э.), а некоторых специалистов — около 2000 лет, в то время как до недавнего времени она исчислялась столетиями. На ряде территорий установлен контакт с предшествующей мезолитической эпохой, в изучении хронологии которой также достигнуты определенные успехи. Таким образом, заполняется hiatus между палеолитом и неолитом, насчитывавший еще совсем недавно 5—6 тыс. лет.

В области относительной хронологии более надежно и обоснованно выделяются для ряда территорий этапы неолита ранний и развитой или ранний, развитой и поздний и намечается общая шкала для лесной и лесостепной зоны. Правда, многие вопросы остаются дискуссионными, ибо решение их упирается в различный уровень изученности неолита разных территорий. В наиболее благоприятном отношении находится Прибалтика, комплексное изучение неолита которой (палеогеография, палинология, археология и др.) дает наибольшие возможности для построения обоснованной хронологической колонки. Общепризнано значение для хронологии данных естественных дисциплин. Оно выступает особенно наглядно еще в свете того, что многие типологические признаки, считавшиеся до недавнего времени датирующими, по-видимому, таковыми являются не всегда (например, остродонность и плоскодонность сосудов в развитом периоде днепро-донецкой культуры, костяная индустрия в раннем и позднем неолите Эстонии, пластинчатая индустрия в развитом неолите Южного Предуралья и др.). Используя типологические признаки как основу относительной хронологии, нельзя, кроме того, не учитывать, что для разных территорий они будут различны. Отсутствие их повсеместного единообразия при переходе от предшествующего этапа к последующему объективно отражает пеструю картину конкретно-исторического процесса, происходившего в неолитическое время на разных территориях.

Наиболее четко, особенно в лесной зоне, выделяется ранний неолит, во многом связанный с предшествующей эпохой. Отчетливо видна грань его с последующим этапом, ибо она связана с исчезновением

Таблица I

Ранний неолит (середина V—середина III тыс. до н. э.)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Эстония.	Нарвская (нарвско-неманская) культура.	Керамика нарвского типа; костяная индустрия.	Кяэпа, Нарва I, III, Нарва-город.	Рубеж IV—III—середина III тыс.	Типология, стратиграфия, радиокарбон.	4865±235, 4480±255 (Кяэпа).
Восточная Латвия.	Восточный вариант нарвско-неманской культуры.	Вариант керамики нарвского типа.	Оса, Ича.	Рубеж IV—III—середина III тыс.	Типология, радиокарбон.	5730±50 (Оса).
Западная Латвия.	Сарнатская культура (по Л. В. Ванкиной).	Керамика и деревянные изделия Сарнатского торфяника.	Торфяник Сарнате, Пурциемс.	Первая половина III тыс.	Типология, радиокарбон.	4490±250, 4510±100, 4700±150, 4639±±100 (Сарнате).
Литва и Калининградская область.	Западный вариант нарвско-неманской культуры.	Слабо орнаментированная остродонная керамика с различными наколами, без гребенчатых отпечатков. Пластинчатая индустрия со свидероидными традициями.	Серово, Дубичай II. Швянтойи — нижний слой.	IV—середина III тыс.	Типология, палинология, стратиграфия, минерализация угля, радиокарбон.	4400±90, 4400±±55 (Швянтойи—нижний слой).
Северная (лесостепная) Украина.	Днепро-донецкая культура.	Микролитическая индустрия, остродонная керамика с гребенчато-прочерченным орнаментом.	Устье Оскола II, Никольская слободка.	Середина V—середина IV тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Верхнее Поднепровье.		Пластинчатая индустрия с мезолитическими традициями, остродонная ямочная керамика.	Холм, Залесье.	Конец IV—середина III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Валдайское Приозерье, истоки Волги и Зап. Двины.	Валдайская культура.	Постсвидерские наконечники стрел, сечения, накольчатая керамика.	Котчище II, Засыпь.	I пол. III тыс.	Типология.	—
Деснинско-Сожский бассейн.	Деснинская культура.	Индустрия отщепа с мезолитическими традициями, микролитоидные орудия; ромбо-ямочная керамика.	Черепеньки, Пристань, Песочный Ров.	Вторая половина IV—начало III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Северо-восточная Украина.	Ямочно-гребенчатая общность.	Остродонная ямочно-гребенчатая керамика.	Скунсово, Эсмань.	Вторая половина IV тыс.	Типология.	
Верхнее Подонье.	То же.	Ямочно-гребенчатая керамика; костяная индустрия, ракушняки.	Долгое, Подзорово (нижний горизонт).	Конец IV—начало III тыс.	Типология, стратиграфия.	—

Таблица I (*продолжение*)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Среднее течение р. Цны.	—	Пластинчатая индустрия; накольчатая керамика.	Дедов Бугор.	Вторая половина IV тыс.	Типология.	—
Верхнее Поволжье, бассейн р. Клязьмы, Волго-Окское междуречье.	Льяловская культура.	Пластинчатая индустрия; ранняя ямочная керамика льяловского типа.	Сущево, Егорьевская, Гридино, Николо-Перевоз II (раскоп В)	Конец IV—I половина III тыс.	Типология.	
		Погребение на Берендеевом Болоте.	Берендеево Болото	I пол. IV тыс.	Радиокарбон.	5730±120; 6090±210. (Берендеево Болото)
		Ямочно-гребенчатая керамика.	Сахтыш I и II.	Конец III—начало II тыс.	Стратиграфия, палинология, типология.	
Верховья Оки.	—	Керамика раннельяловского типа; изделия из пластин.	Воронец, Жабынь.	Первая половина III тыс.	Типология.	—
Среднее течение р. Оки.	Рязанская культура.	Орудия из пластин; ранняя ямочная керамика.	Шумашь, Черная Гора, Егорьевская.	Конец IV—середина III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Нижнее течение р. Оки (Горьковское Поволжье).	Балахнинская культура (по И. К. Цветковой).	Ямочно-гребенчатая керамика, сходная с раннельяловской. Индустрия отщепа.	Малое Окулово, Гавриловская II, Садовый Бор.	Конец III—начало II тыс.	Типология.	—
Нижнее течение р. Оки (Горьковское Поволжье).	Балахнинская культура (по А. Х. Халикову).	—	—	—	—	—
Волго-Камский бассейн (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье).	Волго-камская культура.	I этап — бескерамический, II, III этапы — пластинчатая техника, накольчатая и прочерченная керамика.	Кабы-Копринская (верхний слой), II Русско-Луговская (верхний слой).	Рубеж V—IV и IV—III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Верхнее и Среднее Прикамье.	Волго-Камская общность.	Сосуды полуяйцевидной формы с развитым гребенчатым орнаментом; индустрия отщепа; ограниченность шлифованных орудий.	Боровое озеро I.	Конец IV—начало III тыс.	Типология.	—
Южное Предуралье.	—	—	—	—	—	—
Костромское Поволжье.	—	—	—	—	—	—
Вычегодский край.	—	—	—	—	—	—
Средняя Печора.	—	Пластинчатая индустрия; своеобразная керамика с ямочным орнаментом.	Черноборская III.	Первая половина III тыс.	Типология.	—

Таблица I (*продолжение*)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Печорское Заполярье.	—	Развитая пластинчатая индустрия мезолитического-раннеолитического облика.	Сандибей-ю I.	—	Типология.	—
Вологодская область.	—	Керамика раннельяловского облика, пластинчатая техника.	Васькин Бор II, Караваиха (нижний слой).	Конец IV—середина III тыс.	Типология, стратиграфия.	
Ленинградская область.	Прибалтийская культура.	Гребенчато-ямочная керамика раннего облика.	Усть-Рыбежно I.	Вторая половина IV тыс. (дата поселения).	Стратиграфия, радиокарбон.	(Усть-Рыбежно) I 6380±240 4510±85 (торф, верхний слой).
Карелия.	Карельская культура.	Керамика типа сперрингс, сланцево-кварцевая индустрия с мезолитическими традициями.	Вой-Наволок XVI, Пески III и мн. др.	Вторая половина IV—начало III тыс.	Типология; метод высотных датировок.	—
Кольский полуостров.	Арктический неолит.	Гребенчато-ямочная керамика северного типа.	Цага I. Пялица 18.	Первая половина III тыс.	Типология; радиокарбон.	4690±70 (Цага I), 4700±70 (Пялица 18).

Таблица II

Развитой и поздний неолит (середина III тыс.—середина II тыс.)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Этапы	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Эстония.	Прибалтийская культура.	Развитой.	Типичная гребенчато-ямочная керамика. Развитие форм наконечников стрел и других кремневых орудий.	Акали, Валма, Нарва II.	Вторая половина III тыс.	Типология, стратиграфия, палинология, радиокарбон.	
		Поздний.	Поздняя гребенчато-ямочная керамика, в конце — появление текстильной керамики.	Тамула.	Первая половина II тыс.		4050±180 3600±180 (Тамула).
Восточная Латвия.	Прибалтийская культура.	Развитой.	Гребенчато-ямочная керамика и типа Пиестыня.	Пиестыня, Крейчи.	Вторая половина III тыс.	Типология, палинология, радиокарбон.	4670±150, 4520±120 (Пиестыня), 4020±300 (Крейчи).
		Поздний.	Предметы искусства из кости. Текстильная и шнуровая керамика с разнообразным орнаментом, каменные боевые топоры.	Абора, Лейманишки.	Первая половина II тыс.		3870±70, 3860±100 (Абора), 3970±250 (Лейманишки).

Таблица II (*продолжение*)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Этапы	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Западная Латвия.	Поздний вариант Сарнатской культуры (по Л. В. Ванкиной).	Развитой.	Гребенчато-ямочная керамика Сарнатского типа.	Сарнатский торфяник.	Вторая половина III тыс.	Типология.	—
	Культура шнуровой керамики.	Поздний.	Шнуровая керамика; изделия из янтаря.	Пурциемс, Лаэкцискас.	Первая половина II тыс.		—
Литва и Калининградская область.	Культура шнуровой керамики.	Поздний.	Шнуровая керамика ярко выраженных форм — кубки, миски, амфоры. Присутствие гребенчатых элементов орнамента.	Швянтойи I (верхний слой), Дубичай I.	Третья четверть III—середина II тыс.	Типология, стратиграфия, минерализация угля. Радиокарбон.	4120±80, 4100±±100, 3860±50 (Швянтойи — верхн. слой).
Северная (лесостепная) Украина.	Днепро-донецкая культура.	Развитой.	Гребенчато-накольчатая плоско- и остродонная керамика; трапеции, клиновидные топоры.	Устье Оскола I, Бузьки.	Середина IV—середина III тыс.	Типология.	—
		Поздний.	Гребенчатая керамика с жемчужинами и валиком.	Пустынка 5.			—
Верхнее Поднепровье.	Вариант днепро-донецкой культуры.	Поздний.	Своеобразная керамика с днепро-донецкими (накольчатыми) и волго-окскими элементами орнамента.	Сосонка, Стрелица.	Середина III—начало II тыс.	Типология.	—
Валдайское Приозерье, истоки рр. Волги и Западной Двины.	Валдайская культура.	Развитой.	Особая гребенчатая и накольчатая керамика; макролитические формы орудий.	Щепочник, Пено II, Охват III.	Вторая половина III тыс.	Типология.	—
Деснинско-Сожский бассейн.	Деснинско-сожская культура.	Развитой.	Ромбо-ямочная керамика, индустрия отщепа.	Кветунский Борок.	Середина III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
		Поздний.	Керамика «нарядного» типа, развитие техники шлифовки.	Белынец, Куракин Бор.	Конец III тыс.		—
Северо-восточная Украина.	Ямочно-гребенчатая общность.	Поздний.	Широкооткрытые остродонные горшки.	Комсомольское, Мыс Очкинский.	Конец IV—середина III тыс.	Типология.	—
Верхнее Подонье.	Ямочно-гребенчатая общность.	Развитой.	Керамика со смешанным орнаментом из ямочных и накольчатых элементов.	Рыбное озеро II (средний горизонт); Подзорово (средний горизонт). Отрожка.	Первая половина III тыс.	Радиокарбон.	4820±60 (ср. гор. Подзорова).
		Поздний.	Гребенчатая плоскодонная керамика. Упадок кремневой техники.	Рыбное озеро II (верхний горизонт).	Вторая половина III тыс.	Типология, стратиграфия.	

Таблица II (*продолжение*)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Этапы	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Среднее течение р. Цны.	—	Развитой и поздний.	Ямочно-гребенчатая керамика, близкая рязанской культуре, сосуществование ее с накольчатой, ромбические и черешковые двусторонне обработанные наконечники стрел.	У д. Уварово, Глинище, Подворово.	III тыс.	Типология.	
Верхнее Поволжье, бассейн р. Клязьмы, Волго-Окское междуречье.	Льяловская культура.	Средний.	Развитие типично льяловской керамики. Разнообразие форм кремневого инвентаря, исчезновение орудий из пластин.	Николо-Перевоз I и II, Языково (нижний слой), Льялово, Бисерово озеро, Подзорово (нижний слой).	Первая четверть — третья четверть III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
		Поздний.	Расширение гребенчатой орнаментации, небрежность нанесения орнамента, появление «гибридной» керамики.	Большое Буньково, Николо-Перевоз I и II (средний слой), Языково (верхний слой).	Конец III—середина II тыс.	—	—
Верховья р. Оки.	Белёвская культура.	Развитой.	Расцвет ромбо-ямочной керамики.	Сестринский Хрящ.	Вторая половина III тыс.	Типология.	—
		Поздний.	Упадок ромбо-ямочной керамики, развитие гребенчатой, прочерченной и накольчатой керамики.	Воронец.	Первая половина II тыс.		—
Среднее течение р. Оки.	Рязанская культура.	Развитой.	Типичная керамика рязанской культуры, исчезновение мезолитических традиций в каменной индустрии.	Черная Гора.	Третья четверть III—начало II тыс.	Типология, стратиграфия.	—
		Поздний.	Появление керамики с уплощенным дном.	Ибердус, Дубровичи.	Начало II—середина II тыс.		—
Нижнее течение р. Оки (Горьковское Поволжье).	Балахнинская культура (по И. К. Цветковой).	Развитой.	Развитие ранней ямочно-гребенчатой керамики, ямка с плоским дном, появление элементов шнура, сплошная орнаментация.	Желнино, Гавриловка IV, Панфилово, Волосово (нижний горизонт).	Первая половина II тыс.	Типология, стратиграфия.	—
		Поздний.	Рыхлое тесто, уплощенность днища, разреженность гребенчатого орнамента.	Гавриловка III, Решетиха II, Сейма.	Третья четверть II тыс.		—
Нижнее течение р. Оки (Горьковское Поволжье).	Балахнинская культура (по А. Х. Халикову).	Развитой и поздний.	Развитая индустрия отщепа. Керамика с приостренным и округленным дном, плоским, позже округленным краем венчика, с вариантами ямочно-гребенчатой орнаментации.	I Русско-Луговская; V Удельно-Шумецкая, II Гавриловская (верхн. слой).	Первая половина III—вторая половина III тыс.	Типология, стратиграфия.	

Таблица II (*продолжение*)

Территория распространения	Принадлежность к культуре или культурной области	Этапы	Характерные признаки материальной культуры	Опорные памятники	Время существования, до н. э.	Метод определения возраста	Радиокарбоновые даты от н. д.
Волго-Камский бассейн (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье).	Волго-камская культура.	Поздний (4 и 5 этапы).	Керамика с развитой гребенчатой орнаментацией и геометрическим узором. Индустрия отщепа.	I Лебединская, Ст. Маэиково II и III и мн. др.	III тыс.	Типология, стратиграфия.	—
Верхнее и Среднее Прикамье.	Волго-Камская общность.	Развитой и поздний	Развитие гребенчатой орнаментации. Развитие техники шлифовки.	Хуторская.	Середина III тыс.	Типология, палинология.	—
			Появление металлических орудий, сосудов с прямым краем, наконечников стрел с усеченным основанием.	Левшино, Чернашка.	Конец III—начало II тыс.		—
Южное Предуралье.	Южно-уральская культура.	Развитой.	Керамика с гребенчатым и накольчатым орнаментом. Пластинчатая индустрия.	Усть-Айское, Усть-Юрюзанское.	Середина III тыс.	Типология.	—
Костромское Поволжье.	—	Развитой и поздний.	Ямочно-гребенчатая керамика и гребенчатая керамика галичской культуры.	Федоровское, Борань, Туровское.	Середина III тыс.—рубеж III и II тыс.	Типология.	—
Вычегодский край.	—	Поздний.	Керамика камского, вычегодско-вятского и волго-окского типов.	Вис I—III.	Середина III—середина II тыс.	Типология.	—
Средняя Печора.	—	—	—	—	—	—	—
Печорское Заполярье.	—	Развитой и поздний	Северный вариант ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа. Развитие двустороннеобработанных форм кремневого инвентаря, типичного для неолита.	Мишь-Ваньская, Печорская.	Середина III—середина II тыс.	Типология.	—
Вологодская область.	Каргопольская культура.	Развитой.	Ранняя керамика каргопольской культуры.	Кубенино, Васькин Бор I, Пальцево.	Конец III—начало II тыс.	Типология.	
Ленинградская область.	Прибалтийская культура.	Развитой.	Гребенчато-ямочная керамика прибалтийского типа. Развитая индустрия отщепа, высокосовершенная техника шлифовки, разнообразие форм каменных орудий.	Вознесение.	Середина III тыс.	Типология.	
Карелия.	Карельская культура.	Развитой и поздний.	Развитая керамика ямочно-гребенчатая и типа сперрингс.	Пиндуши I, Курмойла I, Вой-Наволок XX.	Начало III—середина II тыс.	Типология, метод высотных датировок	
Кольский полуостров.		Развитой и поздний.	Кварцевый и сланцевый инвентарь; ямочно-гребенчатая керамика.	Стоянка Наволок.	2-я половина III тыс.	Типология, радиокарбон.	4170±70 (Наволок).

Примечание. Для некоторых районов лесостепи рубеж, устанавливаемый для раннего и последующих этапов неолита, падает на середину или конец IV тыс. до н. э. Соответственно удревняется и начало второго периода, что выходит за рамки основного деления, принятого почти всеми исследователями для зоны лесного неолита.

архаических признаков. Грань между развитым и поздним этапами неолита в большинстве случаев прослеживается слабее. Более обоснованно выделение этапов происходит в случае, когда рубеж их связан с приходом нового населения и — как следствие — значительного изменения в материальной культуре (например, сперрингс и ямочно-гребенчатая керамика, нарвская и гребенчато-ямочная керамика). Менее отчетливо разграничиваются хронологические изменения, происходящие в пределах развития культуры одного и того же населения, формой выражения чего являются лишь незначительные ее видоизменения (например, неолитическая культура Прикамья). Здесь, таким образом, проблема хронологии сливается с проблемой этногенеза. При этом первая является определяющей, поскольку только правильное отнесение явлений к тому или иному времени дает возможность их сопоставлений и аргументированных выводов.

В области абсолютной хронологии можно считать установленным, что неолит занимает III тыс. до н. э., что рубеж раннего и последующих этапов лежит в середине этого тысячелетия. Такие же вопросы, как дата начала неолита, одинакова ли она для лесной и лесостепной зоны, т. е. какова история культуры IV и отчасти V тыс. до н. э., следует ли выделять докерамический этап неолита, в какое время кончается неолит, остаются дискуссионными.

Дальнейшие задачи в области изучения хронологии вытекают из всего вышеизложенного: оно должно быть направлено на исследование наиболее сложных и спорных вопросов, в частности, начальных и заключительных этапов неолита, на комплексное его изучение, на изучение датирующих признаков и различия хронологических показателей в разных природных зонах. Особенно важным является установление времени существования неолита в менее изученных территориях лесостепи и степи. Устойчивые датировки, полученные для ранненеолитических культур Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы (7000—6000 лет до н. э.), позволяют в принципе ставить вопрос об удревнении нижней границы неолита этих «промежуточных» областей, изучение которых поможет сомкнуть хронологию неолита лесной зоны с хронологией неолита в целом.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ МЕТОДАМИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

П. М. ДОЛУХАНОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Изучение особенностей развития географической среды является необходимой частью изучения развития первобытного общества. Особый интерес представляет конечная пора каменного века: эпоха неолита. Возникновение на месте сравнительно однородных мезолитических культур большого числа разнородных неолитических культур, отличающихся различным уровнем производительных сил, в большой мере определялось особенностями географической среды. Неравномерность исторического процесса, так характерная для неолитической эпохи, в свою очередь непосредственно зависела от особенностей развития среды.

Развитие неолитических культур приходится на различные отрезки голоцена — времени геологической современности. Голоцен — наименее длительный, но чрезвычайно важный отрезок в геологической истории Земли. Это время образования современных растительности, животного мира, почв, рельефа. Это время формирования ландшафтной оболочки Земли в ее современном виде.

Общее направление развития природной среды в голоцене определялось исчезновением последнего материкового оледенения и преодолением последствий этого оледенения в различных сферах географической оболочки.

Так, в течение голоцена происходит вымирание ряда крупных плейстоценовых млекопитающих (мамонта, шерстистого носорога и др.), а также перераспределение мест распространения многих других животных. В ряде областей удается проследить последовательную смену фаунистических комплексов в течение голоцена: степных, лесостепных, лесных. В конце голоцена на распределение ареалов отдельных животных начинает оказывать сильное влияние новый фактор — антропогенный. В ряде исследований прослежено влияние человека на распространение ряда млекопитающих и птиц на территории СССР в голоцене.

Голоцен — это время формирования современных почв. На развитие почвенного покрова в голоцене оказывают существенное влияние субстраты, т. е. четвертичные отложения, на которых развивались почвы. Бо́льшая часть северо-запада европейской части РСФСР занята различными разновидностями подзолистых почв, образованных на моренных и озерно-ледниковых отложениях. Широко распространены болотистые почвы. В юго-западных областях Балтийского бассейна (Польша, ГДР, Дания, южная Швеция) развиты бурые лесные почвы, образовавшиеся под широколиственными смешанными лесами атлантического периода. По всей вероятности, в атлантическое время они имели значительно большее распространение, охватывая Советскую Прибалтику и центральные районы нашей страны. Начало образования современных черноземов связывают с потеплением в конце позднеледникового времени; процесс их формирования охватывает голоцен.

Еще более древний возраст имеют пустынные и степные почвы юго-востока европейской части Союза.

Территория Европы не оставалась стабильной в тектоническом отношении. Наибольший размах тектонических движений отмечен на севере Европы — в районе Балтийского щита. «Эффект ледниковой разгрузки» здесь привел к быстрому и мощному поднятию центральных областей Фенноскандии. Сочетание эвстатического поднятия уровня мирового океана (вследствие таяния льдов континентального оледенения) с неотектоническими движениями приводило к многократным изменениям очертаний, глубин и солености Балтийского бассейна. Эти изменения происходили на глазах первобытных поселенцев, живших на балтийских берегах, отражаясь на характере охоты и рыболовства. Приуроченность поселений к древним береговым линиям создает надежную основу для построения хронологии культур каменного века Балтики (Долуханов, 1966).

В период голоцена происходило формирование пойменных уровней рек. Новые исследования говорят о том, что в это время, в особенности, на севере и на северо-западе европейской части происходили многочисленные изменения очертаний и глубин озерных водоемов. Эти изменения самым непосред-

ственным образом отражались на характере первобытных поселений, приуроченных к озерам (в особенности свайных поселений) (Долуханов и Микляев, 1967, 1969).

Одна из наиболее характерных черт голоцена — массовое развитие торфяников, в особенности на севере и западе европейской части Союза. Начиная с позднеледникового времени огромные пространства покрываются торфяными болотами, развивающимися на протяжении всего голоцена. Торфяные залежи представляют неоценимый вклад для восстановления растительности и климата голоцена на различных территориях Союза. При исследовании торфяников в палеогеографических целях прежде всего используется спорово-пыльцевой анализ — метод восстановления растительности, на основании изучения содержания ископаемых пыльцы и спор (привлекается также ботаническое определение растительных макроостатков, карпологический анализ — изучение ископаемых семян, а также различные химические анализы). В последние годы палеогеографы получили в свое распоряжение новый мощный метод — радиоуглеродный анализ. Радиоуглеродное датирование позволяет определить абсолютный возраст горизонтов торфяников, имеющих палинологическую (т. е. пыльцевую) характеристику. Сопоставление одновозрастных палинологических спектров помогает воссоздать особенности растительности на значительно удаленных территориях.

К настоящему времени накоплены многие тысячи пыльцевых диаграмм для различных областей Европы. Уже в течение длительного времени делаются попытки на основании богатого палинологического материала производить реконструкции развития растительности в голоцене для значительных территорий. В послевоенные годы наиболее полные обобщающие работы такого рода были произведены Ф. Фирбасом для центральной Европы (Firbas, 1949, 1952) и М. И. Нейштадтом для СССР (Нейштадт, 1957).

Широкое применение радиоуглеродных датировок в палеогеографических исследованиях породило новые обобщающие сводки, основанные на синхронизации одновозрастных горизонтов торфяников (Kubitzki, 1961; Нейштадт, 1965).

Голоцен европейской части СССР изучен еще довольно неравномерно. Наибольшее количество данных, в особенности спорово-пыльцевых материалов и радиоуглеродных датировок, получено для западных, северо-западных и центральных областей. Значительно меньше данных для севера и для востока. Южные — степные и лесостепные области изучены недостаточно.

Пока что мы еще только приступаем к решению проблемы палеогеографии археологических культур. Наиболее полная палеогеографическая характеристика может быть получена для торфяниковых стоянок: поселений, приуроченных к древним озерам или болотам. Количество таких стоянок сравнительно невелико. Немного и таких поселений, непосредственное изучение которых позволит получить достаточное количество палеоботанического материала и тем самым восстановить особенности окружавшей поселение растительности.

К сожалению, в ряде случаев реконструкция географической среды для тех или иных археологических культур возможна только на основании параллелизации их с определенными этапами развития торфяников (при этом принимается возраст археологических культур, определяемый чисто археологическими методами, а также по C^{14}). Существенным ограничением, неизбежно возникающим при применении подобной методики, является невозможность учета микроландшафтов, т. е. растительности и климата именно той небольшой местности, где существовали те или иные неолитические поселения. Другими словами, мы оказываемся в состоянии восстановить лишь некоторые усредненные характеристики географической среды, соответствующие во времени и пространстве определенным археологическим культурам.

Как было показано в многочисленных работах, развитие природной среды в позднe- и послеледниковое время, в частности, находило свое выражение в пространственном смещении трех основных растительных зон: тундровой, лесной и степной. Внутри лесной зоны оказывается возможным выделить провинции, характеризующиеся различным составом растительности. Эти провинции также обнаруживают определенное развитие во времени.

При рассмотрении изменений растительности в голоцене обычно исходят из современной геоботанической зональности. Сравнивая современную растительность с пыльцевыми спектрами, характерными для различных отрезков голоцена, легче оценить значительность изменений географической обстановки в позднe- и послеледниковое время.

В соответствии с принятой в СССР геоботанической схемой, территория страны подразделяется на области, которые в свою очередь делятся на подобласти. Области и подобласти разделяются на провинции, отличающиеся основными показателями плакорных (водораздельных) формаций.

Согласно этой схеме, на территории европейской части Союза выделяют следующие области: А — арктическую тундровую; Б — кустарниковую (лесотундровую); В — хвойнолесную (таежную); Г — широколиственную, Д — лесостепную и Е — степную.

Рассмотрим наиболее существенные изменения растительности в этих областях в голоцене, двигаясь с севера на юг.

Арктическая область здесь не рассматривается.

Голоцен кустарниковой (лесотундровой) области изучен на материалах Кольского полуострова. В последние годы здесь было получено значительное количество палинологических данных, что позволило ряду авторов предложить схемы развития растительности этого района в голоцене. Приведем одну из схем (Никонов, 1966).

I—III.[1] Перигляциальная растительность (растительность сухих и холодных степей, характерная для приледниковых областей).

IV—V. Пребореальное и бореальное время. Березовые леса с примесью сосны. На севере — лесотундра.

[1] Обозначение «зон» развития растительности производится в соответствии со схемой Ф. Фирбаса (Firbas, 1949, 1952).

VI—VII. Атлантическое время. Березовые леса с сосной, ольхой, лещиной и элементами широколиственных деревьев (возможно, пыльца переотложена из древних слоев).

VIII. Суббореальное время. Увеличение содержания сосны и уменьшение содержания лещины.

IX—X. Субатлантическое время. Несплошные леса из березы и сосны с примесью ели.

Удовлетворительно освещена голоценовая история хвойнолесной (таежной) области, в особенности в пределах Архангельской области и Вычегодского края. М. И. Нейштадт (1957) выделяет здесь следующие этапы в развитии растительности.

I—III. Еловые леса: «нижний максимум ели».

IV—V. Кратковременное господство березовых лесов.

VI—VII. Господство еловых лесов. В пыльцевых спектрах значительное содержание пыльцы березы и сосны. Широколиственные образуют сплошную кривую.

VIII. Сосново-березовые и еловые леса с высоким содержанием ольхи.

IX—X. «Верхний максимум ели» (до 80% пыльцы древесных).

В восточных районах таежной области значительно возрастает роль сибирских элементов: пихты, лиственницы, сибирской ели.

Приведем один из наиболее показательных разрезов (Варзи-Япочи, Тат. АССР) (Нейштадт, 1957).

I—III. Позднеледниковое время. Перигляциальная растительность (господство кустарниковых ив). Нижний максимум ели. Отмечена лиственница.

IV—V. Березовые и сосновые леса. Отмечается присутствие пыльцы ели.

VI—VII. Березово-сосновые и еловые леса с участием широколиственных, пыльца которых образует замкнутую кривую. В конце зоны появляется пыльца пихты.

VIII—X. Верхний максимум ели, до 50% пыльцы древесных. Присутствует пыльца пихты и широколиственных пород. Позднее преобладают еловые и сосново-березовые леса с участием пихты и ольхи.

Сравнительно недавно были получены ценные данные относительно палеогеографии Среднего Урала в голоценовое время. В результате палинологического изучения и радиоуглеродного датирования Аятского болота (Хотинский, Девирц, Маркова, 1966) была получена следующая схема развития растительности.

I—III. Стадия елово-лиственных лесов. Завершение ее относится примерно к 8000 лет до н. э.

IV. 8000—7000 лет до н. э. пребореальный максимум березы.

V. 7000—4200 лет до н. э. Стадия сосновых и березовых лесов.

VIII. 2500—1500 лет до н. э. Стадия сосновых и березовых лесов с участием широколиственных пород и пихты.

Для западных районов южнотаежной области имеется большое количество изученных разрезов. Наиболее полно исследован Шуваловский торфяник под Ленинградом, для которого получена серия радиоуглеродных определений (Нейштадт, 1965, стр. 69—80).

I—III. Перигляциальная растительность. Двухкратное увеличение лесной растительности (сосново-березовые и еловые леса с участием перигляциальных элементов), соответствующие позднеледниковым потеплениям: бёллингу и аллерёду.

IV—V. 8000—5500 лет до н. э. Березовые и сосновые леса. В начальный период (пребореальное время) незначительные пространства заняты еловыми лесами; позднее (в бореальное время) максимальное распространение получают сосновые леса.

VI—VII. 5500—2000 лет до н. э. максимальное распространение широколиственных пород (до 14% суммы пыльцы древесных). Начало развития темнохвойных еловых лесов.

VIII. 2000—1000 лет до н. э. Сокращение широколиственных пород. Распространение темнохвойных лесов.

IX—X. 1000 лет до н. э. по настоящее время. Максимальное распространение и последующее сокращение темнохвойных еловых лесов. В историческое время — увеличение сосновых лесов.

Очень большое количество голоценовых разрезов известно для провинции широколиственно-хвойных подтаежных лесов, протягивающейся широкой полосой от Прибалтики к центральным областям и далее выклинивающейся в Предуралье.

Для крайне западных районов этой провинции (Литвы и Латвии) известна схема развития растительности, предложенная М. Кабайлене (Кабайлене, 1959). В этой схеме можно выделить следующие этапы.

I—III. Преобладание перигляциальной растительности. Двухкратное потепление (бёллинг и аллерёд), выражающееся в сравнительно широком распространении сосновых и березовых лесов.

IV—V. Преимущественно сосновые леса, к которым примешиваются березовые (пребореальный период). Максимальное распространение подлеска лещины (бореальный период).

VI—VII. Максимальное распространение широколиственных (главным образом дубовых) лесов с широким участием ольхи, при преобладании сосновых формаций.

VIII. Уменьшение содержания широколиственных пород и ольхи. Распространение еловых формаций. Присутствие граба.

IX—X. Верхний максимум ели. Господство сосновых лесов.

Для центральных районов европейской части Союза в последние годы получено значительное количество разрезов, снабженных достаточным числом радиоуглеродных датировок (Нейштадт, 1965). Обобщая разрезы ряда торфяников Ярославской области, можно выделить следующие этапы развития растительности.

I—III. 10 000—8200 лет до н. э. Перигляциальная растительность (преобладание пыльцы полыней, лебедовых, маревых). В ряде разрезов четко выражены слои аллерёда, выражающиеся в увеличении лесной растительности (еловые и березовые леса).

IV—V. 8200—4100 лет до н. э. Березовые (пребореальные) и сосново-березовые леса.

VI—VII. 4100—1500 лет до н. э. Максимальное развитие широколиственных лесов при преобладании в пыльцевых спектрах березы.

VIII—X. 1500 лет до н. э. по настоящее время. Верхний максимум ели. Наибольшее распространение и последующее сокращение темнохвойных еловых лесов. Субатлантическое время: новое увеличение березовых и сосновых лесов.

Голоценовую историю области смешанных лесов проследил А. П. Пидопличко (Пидопличко, 1961) на материалах белорусских торфяников. Он выделяет следующие этапы развития растительности в послеледниковое время.

IV—V. Сосновые леса, в пребореальное время с примесью березы. Отдельные группировки елового леса.

VI—VII. Сосново-березовые леса с большой примесью широколиственных пород (10—20% пыльцы древесных) и ольхи:

VIII—X. Сосново-березовые леса с участием граба на западе и ели на востоке.

Изучению развития растительности в голоцене на Украине посвящено большое количество исследований. Как показала А. Т. Артюшенко (Артюшенко, 1959, 1970), в большом числе разрезов Украины оказывается возможным выделить аллерёд: еловососновые леса в Предкарпатье; сосново-березовые в Западном Полесье.

В голоцене, как следует из работ Д. К. Зерова (Зеров, 1950), можно выделить следующие этапы в развитии растительности.

IV—V. Сосновые леса с примесью березы (наибольшее значение в пребореальное время) и ели (в Предкарпатье). В конце зоны появляются подлески лещины.

VI—VII. Сосновые и березовые (в Полесье); сосновые и еловые (в Предкарпатье) леса с максимальным распространением широколиственных пород и ольхи.

VIII—X. Леса из пихты, бука и граба в Предкарпатье; сосновые леса с березой и грабом в Полесье.

Крайне невелико число палинологически изученных торфяников лесостепной области. На основании данных, полученных при исследовании торфяных болот Курской, Тамбовской и Оренбургской областей, Н. И. Пьявченко (Пьявченко, 1958) считает возможным выделить следующие фазы в развитии растительности лесостепной области.

I—III. Травянистая растительность с преобладанием полыней, лебедовых, эфедры. В северных областях, пограничных с лесной зоной, кратковременное распространение островных еловых и березово-сосновых лесов (аллерёд?).

IV—V. На севере лесостепи распространяются сосново-березовые леса; в южных и восточных областях господствует степная растительность с участием полыни, лебедевых, злаковых. Начало распространения лесов.

VI—VII. Максимальное распространение лесов. На севере лесостепной зоны преобладают широколиственные и сосново-широколиственные леса. В южной, степной, полосе распространяется дубовая лесостепь с участием граба.

VIII—X. Установление современной границы степной и лесной зон. Увеличение содержания пыльцы березы и сосны при одновременном сокращении широколиственных в пыльцевых диаграммах. Сокращение лесов объясняется как антропогенными, так и климатическими факторами.

Большие разногласия вызывает проблема ксеротермического периода в суббореальное время. Существование этого периода обосновывается некоторыми исследователями фактом наличия пограничных горизонтов в верховых торфяниках лесной полосы. Ряд исследователей (в том числе Н. И. Пьявченко, Г. Н. Лисицина, Н. А. Хотинский, А. Т. Артюшенко и другие) отрицают то, что в суббореальное время господствовал засушливый климат. Данные пыльцевого анализа не позволяют говорить о каком бы то ни было продвижении степи в лесную зону. Радиоуглеродные датировки свидетельствуют о том, что пограничные горизонты в торфяниках образовались в разное время.

Работ по изучению истории развития растительности степей в голоцене еще очень немного. Бо́льшая часть авторов сходятся на представлении о реликтовом характере степной растительности, унаследованном от давних геологических времен. С началом голоцена зона степи приняла приблизительно современные очертания, которые с тех пор существенным образом не изменились, за исключением атлантического времени, когда произошло надвигание леса и лесостепи на степь.

Приведенные выше данные позволяют сделать попытку восстановить зональное и провинциальное распространение растительности в позднe- и послеледниковое время.

Растительность позднеледникового времени определяется господством приледниковых — перигляциальных элементов. Потепления межстадиального характера — бёллинг и аллерёд сопровождались распространением лесных ассоциаций на значительных пространствах европейского континента (сосновые, березовые и еловые леса — главным образом на востоке).

В пребореальное и бореальное время устанавливается приблизительно современное соотношение между областями тундры, леса и степи. В лесной области преобладает сосна и береза, но среди них можно выделить провинции: светлохвойных сосновых лесов, охватывающих Литву, Западную Белоруссию и Западную Украину; преимущественно березовых — центральные районы — и темнохвойных, занимающих северо-восточные районы лесной области и Предуралье (см. рисунок, *I*, *II*).

В атлантическое время максимальное распространение получает зона леса: на севере леса занимают значительную часть современной лесотундры; на юге — надвигаются на лесостепь. На бо́льшей части Южной, Западной и Центральной Европы леса атлантического периода отличались господством широколиственных пород. На Украине, в Прибалтике и в центре европейской части СССР в ту пору леса были смешанного состава: березово-сосновые с примесью широколиственных пород. К северу и к востоку лежали леса, в которых были и темнохвойные элементы (см. рисунок, *III*).

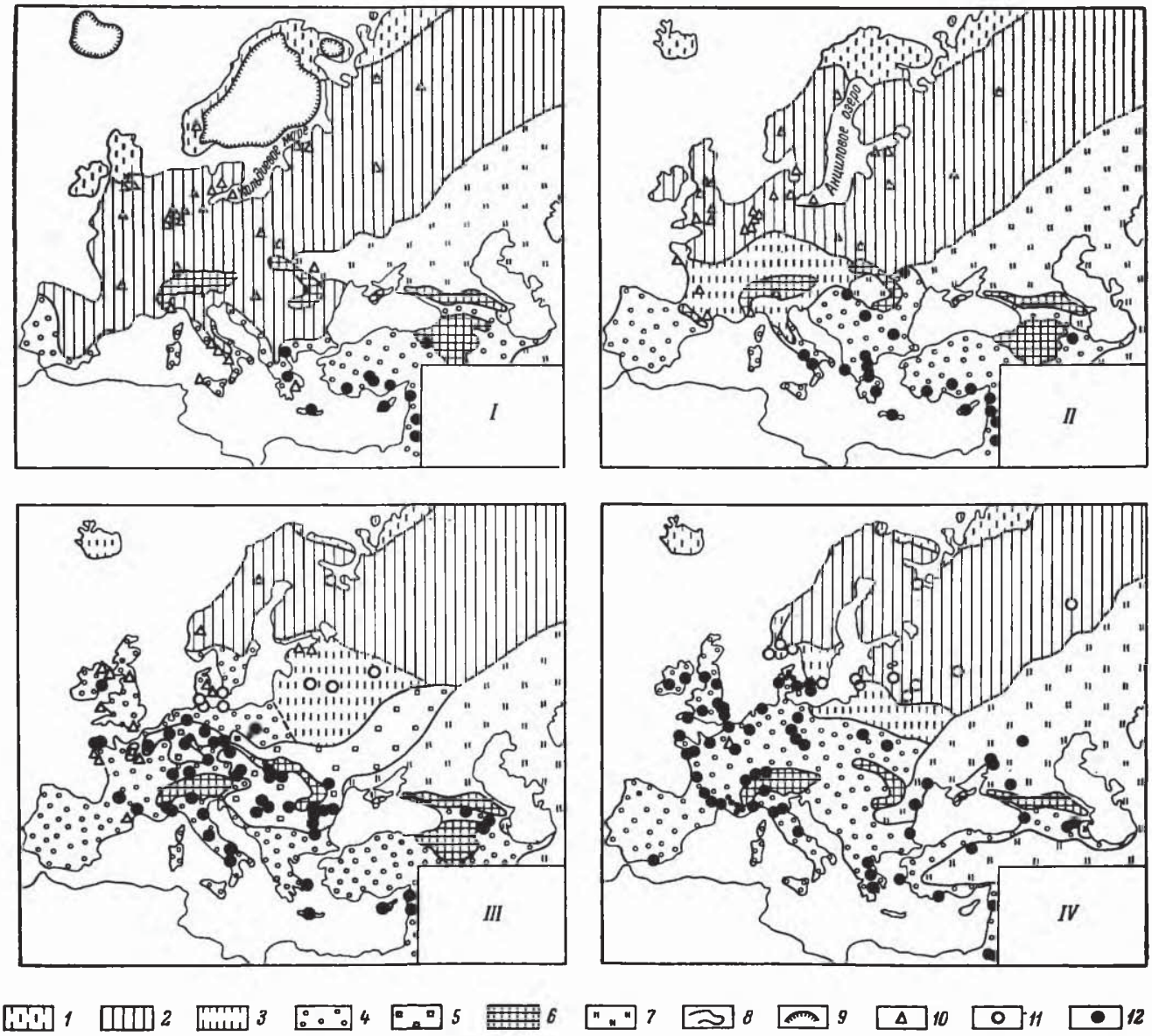
Суббореальному и субатлантическому времени свойственно сравнительно кратковременное распространение темнохвойных лесов на значительных пространствах лесной области. На территориях Литвы, северо-западной Украины преобладали сосновые леса с участием граба, бука, пихты (см. рисунок, *IV*). Историческое время характеризуется сокращением

темнохвойной растительности, господством сосны в центральных и северных районах лесной области, а также общим уменьшением лесной растительности, в особенности в западных и южных областях.

Позднеледниковое время соответствует конечным этапам развития палеолитических культур на территории Европы. Этим временем датируются позднемадленские культуры Франции, «мадленские» культуры Центральной Европы, поздние верхнепалеолитические культуры Десны, Дона, Белоруссии. Деградация ледника, освобождение ото льда значительных пространств на севере Европы вскоре привели к заселению этих пространств группами палеолитических охотников (гамбургская, аренбургская культуры на севере ФРГ и ГДР, Бромме-Лингби в Дании и Южной Швеции, свидерская культура в Польше, Литве и Белоруссии).

Возникновение мезолитических культур в Европе сопоставляется с тем значительным качественным скачком в развитии природной среды, который принимается за нижнюю границу голоцена. Развитие мезолитических культур в умеренной зоне Европы происходило на фоне развития лесов, распространившихся на месте холодных приледниковых степей.

В разных частях Европы получены довольно сходные геологические датировки для весьма разнообразных мезолитических культур. Наиболее ранние да-

Природно-растительные зоны и археологические памятники Европы в голоцене.

I — Европа около 8000—6000 лет до н. э., пребореальный период; *II* — Европа, 6000—5000 лет до н. э., бореальный период; *III* — Европа, 4000—3500 лет до н. э., атлантический период; *IV* — Европа, 2500—2000 лет до н. э., суббореальный период. *1* — тундра; *2* — березово-сосновые и еловые леса; *3* — смешанные березово-сосновые леса с участием широколиственных пород; *4* — смешанные широколиственные леса; *5* — светлые широколиственные леса на лёссовых почвах; *6* — высокогорная растительность; *7* — степи и пустыни; *8* — береговая линия; *9* — край ледника; *10* — мезолитические стоянки; *11* — стоянки «лесного» неолита; *12* — земледельческо-скотоводческие поселения. На картах обозначены лишь археологические памятники, датированные радиоуглеродным методом до 1 января 1970 г.

тируются пребореальным и бореальным временем, поздние — началом атлантического периода.

В последние годы были получены данные, позволяющие восстановить особенность природной среды в мезолитическую эпоху.

Изучение при помощи спорово-пыльцевого анализа культурных слоев мезолитических стоянок Керченского полуострова Г. А. Пашкевич и Л. Г. Мацкевым дало возможность сделать вывод о том, что в мезолитическое время в этой области были распространены разнотравно-злаковые степи с некоторым участием пойменных лесов.

Иными были условия, в которых жили мезолитические охотники и рыболовы более северных областей. Спорово-пыльцевым анализом установлено, что времени образования мезолитического слоя на стоянке Берендеево I в Ярославской области (радиоуглеродная дата — 6850±100 лет до н. э., ГИН-266) соответствовали бореальные леса с преобладанием березы и сосны (Нейштадт и др., 1969).

Более поздний возраст был установлен для мезолитического слоя стоянки Оса в Лубанской низменности, на востоке Латвийской ССР. Радиоуглеродные датировки этого слоя лежат в пределах 5000—4800 лет до н. э. Спорово-пыльцевые спектры (анализы Г. М. Левковской) отражают постепенное вытеснение сосновых лесов формациями с участием широколиственных пород и ольхи в начале атлантического периода. Таким образом, большие различия в природной среде не оказывали существенного влияния на характер хозяйства первобытных коллективов, стоящих на уровне мезолита.

Картина значительно усложняется в атлантическом периоде, когда на бóльшей части Европы распространяются широколиственные леса.

В начале атлантического периода смешанные дубовые леса покрывают Балканский полуостров, заходя частично в северо-западное Причерноморье. Во второй половине VI— начале V тыс. до н. э. здесь появляются ранненеолитические поселения земледельцев и скотоводов.

В течение атлантического периода на территории украинской лесостепи, занятой в те времена преимущественно сосново-широколиственными лесами (Артюшенко, 1970), существовала днепро-донецкая культура. Основу хозяйственного уклада этой культуры составляли охота и рыболовство; однако определенную (хотя и небольшую) роль играли земледелие и скотоводство (Телегин, 1968).

На протяжении атлантического периода на бóльшей части Европы, покрытой смешанными широколиственными лесами, распространяются земледельческо-скотоводческие неолитические культуры. На территориях Северной и Восточной Европы, где в ту пору были смешанные сосново-березовые леса с примесью широколиственных пород, начиная со второй половины атлантического периода появляются неолитические (керамические) культуры, хозяйство которых было всецело основано на охоте и рыболовстве. Эти культуры принято называть культурами «лесного» неолита.

Лучше всего палеогеография поселений «лесного» неолита изучена на территориях Советской Прибалтики и Псковской области. Здесь в ряде случаев удалось проследить связь между колебаниями уровней Балтийского моря и внутренних водоемов, развитием растительности и эволюцией мезо- и неолитических поселений (см. таблицу).

Наиболее ранний возраст установлен для ранненеолитического слоя поселения Оса в низине Лубанского озера, на востоке Латвийской ССР: радиоуглеродная дата — 3780±50 лет до н. э. На пыльцевой диаграмме (анализы Г. М. Левковской) этот уровень соответствует максимуму широколиственных пород (20%) и ольхи (15%) при господстве пыльцы сосны. В это же время происходит крупное понижение (регрессия) уровня Лубанского озера и Балтийского бассейна.

Бóльшая часть палеогеографически и геохронологически исследованных памятников Прибалтики датируется второй половиной атлантического периода (2500—1800 лет до н. э.). Растительность в эту пору характеризуется постепенным уменьшением участия широколиственных пород и ольхи и увеличением содержания хвойных пород (сосны и ели) в составе лесов.

Группа неолитических поселений возникла в озерных и приморских низменностях во время крупной регрессии Балтийского моря и внутренних водоемов, происшедшей около 2500 лет до н. э.: свайное поселение (слой Б) стоянки Усвяты IV в Усвятской котловине на юге Псковской области; поселение Пиестиня на Лубане; поселения с керамикой сарнатского типа на тарфянике Сарнате и нижний слой стоянки Швянтойи.

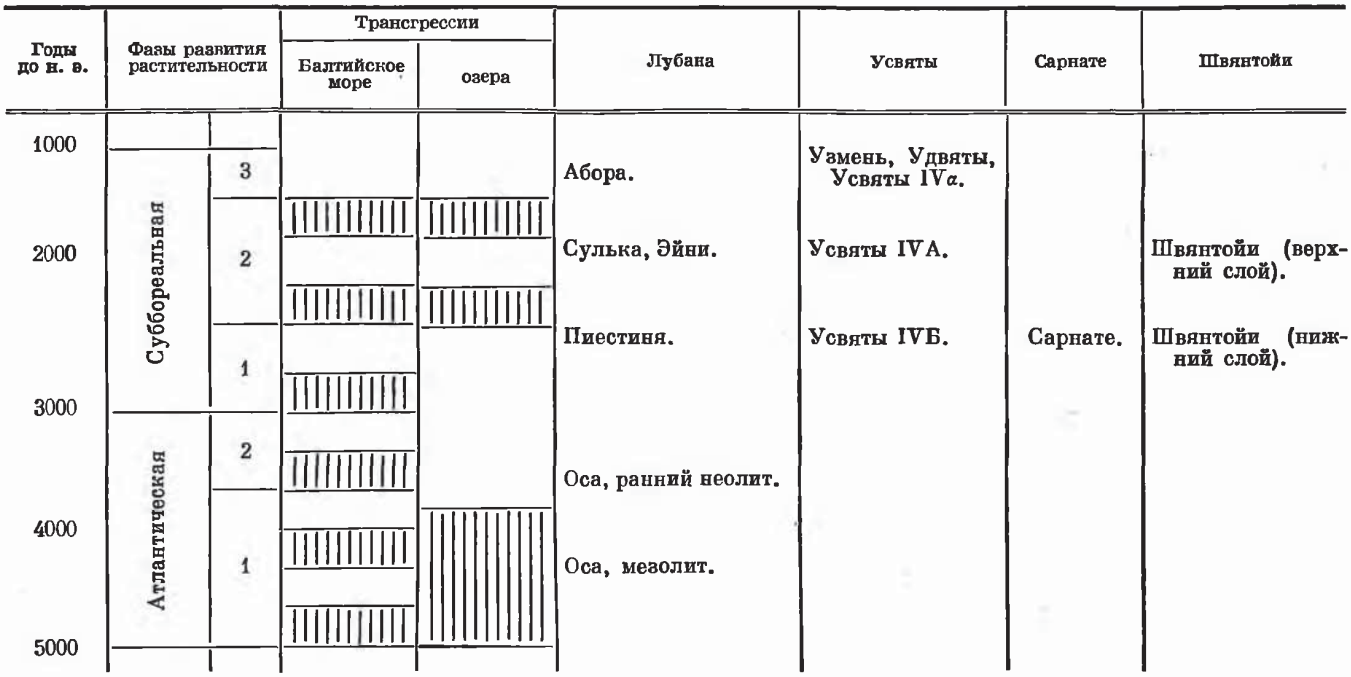
Во время следующей регрессии, происшедшей около 2000 лет до н. э., в низинах появляются позднеолитические поселения: слой А стоянки Усвяты IV; поселение Эйни в Лубане; верхний слой (со шнуровой керамикой) поселения Швянтойи.

Культурный слой стоянки Ивановское III в Ярославской области, содержащий ранненеолитическую керамику льяловского типа и датированный радиоуглеродным методом 2850±250 до н. э., совпадает с уровнем абсолютного максимума пыльцы широколиственных пород на спорово-пыльцевой диаграмме (Нейштадт и др., 1969). Во время существования стоянок Берендеево III и Ивановское III в Ярославской области преобладали березовые и сосновые леса с примесью широколиственных пород и ольхи (Никитин и Хотинский, 1966).

Классическая стоянка льяловской культуры — Льялово, приуроченная к пойменному торфянику р. Клязьмы, в начале 20-х годов была исследована В. С. Доктуровским (Доктуровский, 1925). Однако несовершенство методики палеоботанических исследований того времени не позволяет в настоящее время сделать какие-либо выводы относительно ландшафтных условий этого памятника.

Стоянка Бисерово озеро (40 км к востоку от Москвы), относимая А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс к поздней фазе развития льяловской культуры и содержащая некоторые элементы волосовской культуры, была палинологически исследована Г. Н. Лисицыной (Лисицына, 1959). Указанный исследователь относит время существования стоянки к началу «фазы верхнего максимума ели», т. е. суббореального периода. Согласно реконструкции Г. Н. Лисициной, в это время преобладали хвойные (сосновые и еловые) леса; широколиственные породы сохранялись

Палеогеография и геохронология памятников мезолита и неолита Латвийской, Литовской ССР и Псковской области

в виде или отдельных группировок, или примеси к хвойным лесам. Согласно современным представлениям, основанным на радиоуглеродных датировках торфяников, эта фаза развития растительности датируется первой половиной III тыс. до н. э.

В районах, расположенных к северу от рассмотренных выше, особое место занимают стоянки Вологодской области — в бассейнах озер Воже и Лаче. Одновременно с археологическими исследованиями А. Я. Брюсова на памятниках проводились палеографические наблюдения С. Н. Тюремновым и Г. Н. Лисицыной (1961). Палинологические исследования позволили восстановить чрезвычайно своеобразную картину развития растительности в голоцене, характеризующуюся высоким содержанием пыльцы, ели и пихты и очень незначительным участием широколиственных пород даже в наиболее благоприятные для их произрастания отрезки времени.

Наиболее ранние памятники (Погостище I) Г. Н. Лисицына сопоставляет «со второй подфазой сосново-березовых лесов, когда в пыльцевом спектре начинает постоянно присутствовать пыльца широколиственных пород и ольхи, хотя и в небольших количествах», т. е., по всей вероятности, ко второй половине атлантического периода.

Свайное поселение на р. Модлоне и более позднее, по мнению А. Я. Брюсова, поселение Караваиха I сопоставляются Г. Н. Лисицыной с «верхним максимумом ели», т. е. с различными отрезками суббореального периода.

Приблизительно тот же возраст — «конец второй подфазы периода сосны и березы — начало фазы верхнего максимума ели» (т. е. граница между атлантическим и суббореальным периодами) определен для стоянки Нижнее Веретье, исследованной М. Е. Фосс (1952).

Большой интерес представляют раскопанные Г. М. Буровым (1966) поселения, приуроченные к старичным торфяникам рек бассейна Вычегды (Висские торфяники). Палинологические исследования, проведенные С. Н. Тюремновым, позволяют сопоставлять поселения с атлантическим и суббореальным временем (радиоуглеродная дата первого торфяника — 5820±80, второго — 1610±80 лет).

В Среднем Зауралье в послевоенное время были произведены систематические исследования ряда важных торфяниковых стоянок с применением палинологического анализа, произведенного С. Н. Тюремновым (Раушенбах, 1956). На основании этих исследований была предложена следующая периодизация культурных слоев Горбуновского торфяника: стоянка Стрелка — конец атлантического периода (недавно полученная дата по C^{14} — 2850±200 лет до н. э.). Нижний слой стоянки у 6-го разреза относится к началу суббореального периода (дата по C^{14} 2410±±200 лет до н. э.); средний — к середине суббореального периода.

Таковы сведения, которые можно привести в настоящее время относительно палеогеографии неолитических памятников в европейской части Союза. Новые исследования безусловно помогут дополнить и детализировать общую картину.

Г. М. КОВНУРКО

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О КРЕМНЕВЫХ ВЫХОДАХ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР

При изучении эпохи каменного века большое значение для археологов имеют сведения о сырьевых запасах и прежде всего о наличии кремня и условиях его залегания. К сожалению, в настоящее время в советской геологической литературе отсутствуют обобщающие исследования такого профиля. Не существует подробных работ и регионального характера. Правда, есть указания на то, что стяжения кремня на северо-западе залегают среди некоторых известняков кембрийского и девонского возраста. Но кремнистые образования в этих породах весьма немногочисленны, так что обозначить их на карте, исходя из библиографических данных, не представляется возможным.

Следует отметить также, что опубликованные сведения о стяжениях кремня часто скудны и неотчетливы. Даже в Атласе литолого-палеогеографических карт русской платформы 1961 г. (Атлас, 1961) не нанесены многочисленные стяжения кремня в каменноугольных породах северо-запада. Указания на присутствие кремня и тем более на его обнаженность можно найти лишь в отчетах о геологической съемке, рассредоточенных в фондах геологических учреждений. Правда, в работах, опубликованных главным образом не позднее 30-х годов и посвященных описанию обнажений, геологических маршрутов и небольших площадей, отмечается наличие стяжений кремня в известняках, но и здесь можно встретить такие термины, как например «окремненный известняк», без указания формы окремнения; может быть, в известняке содержатся стяжения кремня, а может быть, кремнеземом равномерно пропитана вся толща известняка.

В результате изучения специальной литературы удалось составить карту (см. рисунок) распространенности кремня на территории европейской части СССР (Ковнурко, 1963). На эту карту нанесены верхнедевонские, каменноугольные и верхнемеловые горные породы, содержащие большое количество кремня и выступающие на дневную поверхность. На карте не отмечены изменения условия залегания кремня, произошедшие в четвертичном периоде. Например, коренные выходы кремня в одних случаях были покрыты чехлом флювиогляциальных отложений, и если мощность последних превышала несколько метров, кремень становился недоступным человеку. Но среди четвертичных отложений, перекрывающих самые разнообразные по составу и возрасту породы, иногда появляются обломки стяжений кремня или глыбы мела, включающие кремень.

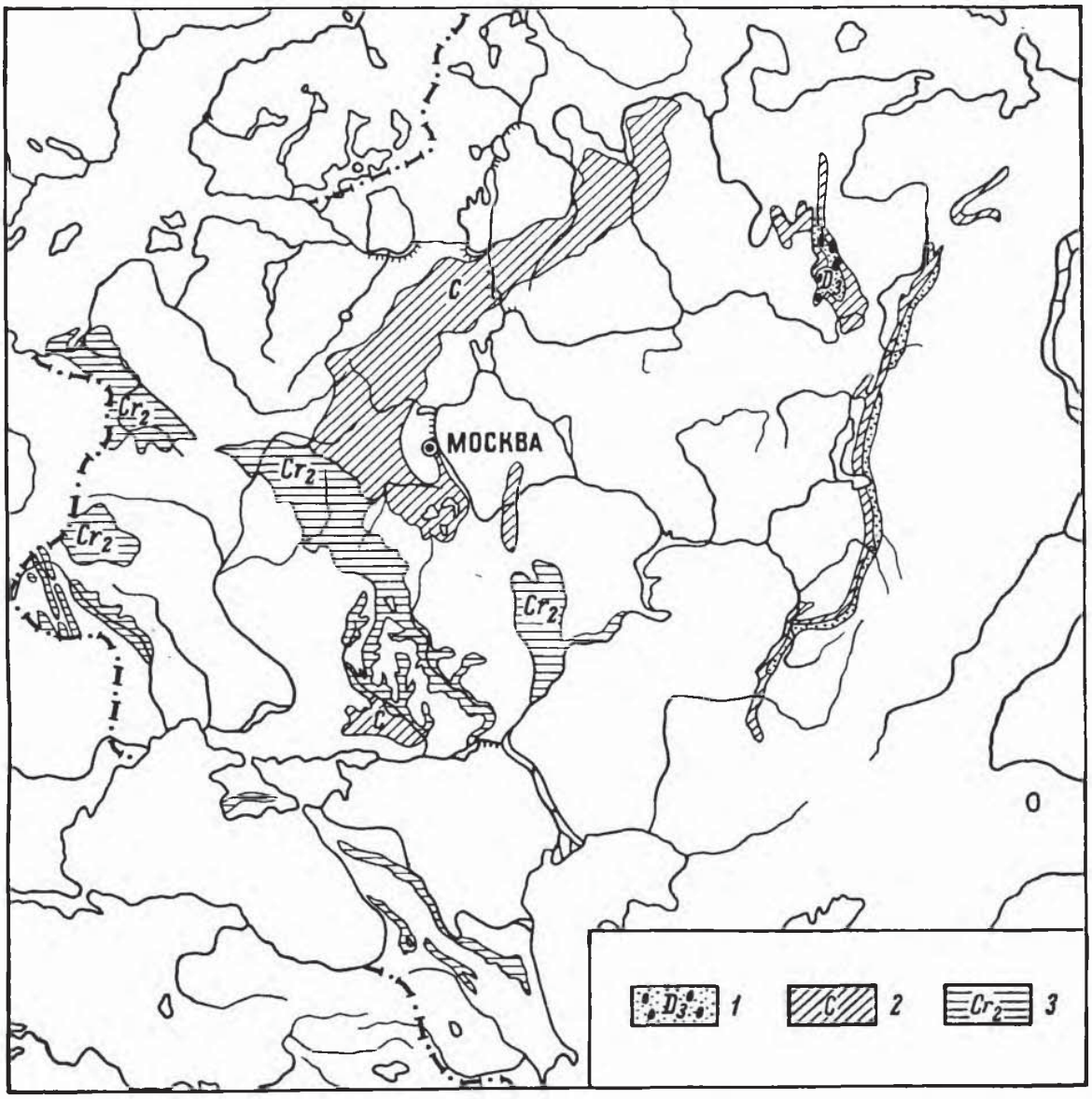
Кембрийские и девонские отложения перекрываются каменноугольными, коренные выходы которых протянулись широкой полосой от Белого моря по восточному берегу Онежского озера к южному Подмосковью. На Кольском полуострове и в основной части Карелии, т. е. юго-восточнее линии, проходящей через Финский залив, Ладожское, Онежское озера и Белое море, залежей кремня не встречается. Карелия и Кольский полуостров сложены главным образом кристаллическими породами докембрия. Здесь много кварцита в коренном залегании и обломки этой горной породы входят в состав четвертичных отложений. В силу этого, как известно, здесь в каменном веке для изготовления орудий широко использовались кварц, кварцит и всевозможные разновидности сланца и песчаника, тогда как кремневые изделия изготовлялись из принесенного материала или доставлялись сюда человеком в готовом виде.

Каменноугольные известняки содержат много разнообразного кремня. М. М. Толстихина отмечает, что нижнекаменноугольный мергель с темным кремнем обнажен по берегам р. Онеги, а доломиты и известняки среднекаменноугольного возраста с темным блестящим и светло-серым кремнем выходят на поверхность в долинах рр. Онеги, Сев. Двины и правого притока Двины — р. Пинеги (Толстихина, 1934, стр. 348—367).

Э. А. Кальберг (Кальберг, 1940) описывает известняки с кремнем на водоразделе рр. Сев. Двины и Онеги. Далее полоса каменноугольных пород, некоторые из которых содержат кремень, простирается к юго-восточному берегу Онежского

озера. Черный и красно-бурый кремень среди нижнекаменноугольных известняков встречается по берегам рр. Вытегры, Незреки, Поржинки и др. (Кривцов, 1959, стр. 18). Много кремней в известняках нижнего карбона в Тихвинском и Боровическом районах (Вишняков, 1953). Кремень среди карбонатных пород, обнаженных по берегам Верхней Волги и ее притоков, включая р. Мологу, упоминается многими исследователями (Иванов, 1926; Самойлов и Пустовалов, 1926; Давыдова и Москвитин, 1939). Автор настоящей статьи наблюдал многочисленные выходы фиолетового, желто-бурого и темно-серого кремня на Верхней Волге выше г. Калинина. Археологические исследования констатировали особенно многочисленные выходы кремня на участке от г. Старицы до г. Ржева, где к ним были приурочены древние памятники (Гурина, 1962). В южном крыле Подмосковного бассейна кремень отмечен С. Г. Вишняковым (1953). Известняки с кремнем обнажаются также по берегам рр. Нары, Протвы и Оки (Бирина, 1938, стр. 71—82; Иванов, 1928, стр. 17).

Кремень из каменноугольных отложений отличается разнообразием. Встречаются светло-серые, темно-серые, черные, бурые, розовые, фиолетовые, коричневые и другие разновидности, образование которых связано с изменявшимися геохимическими характеристиками среды, в которой происходило формирование желваков. Иногда в одном образце сочетаются два или три цвета, например, фиолетовый, бурый и светло-серый. Важно, что в некоторых слоях известняков встречается кремень, оттенки которого настолько своеобразны, что его можно обнаружить благодаря окраске далеко от места коренного залегания, не изучая состав и структуру. Таков, на-

Схематическая карта отложений, содержащих кремень, в пределах европейской части СССР.

1 — верхнедевонские; *2* — каменноугольные; *3* — верхнемеловые.

пример, однородный сиреневый кремень, обнаженный на правом берегу Верхней Волги выше г. Старица. Значительно сложнее идентифицировать кремни, окрашенные с разной интенсивностью в серый цвет.

Каменноугольный кремень характеризуется не только пестротой окраски в разных прослоях; свойства его изменяются нередко по простиранию слоя. Наконец, стяжения совсем могут исчезнуть в известняке, чтобы появиться через некоторое расстояние в других слоях и в другом виде.

Есть две особенности, отличающие каменноугольный кремень от более молодых разновидностей. Этот кремень залегает среди плотных и твердых известняков, которые могут быть размягчены силами выветривания лишь на небольшую глубину. Таким образом, добыча кремня из коренной залежи— работа, требующая значительных физических усилий. Другая особенность — каменноугольный кремень не патинизируется ни на поверхности, ни в почве. Видимо, он не содержит опала, который является одной из причин патинообразования.

Из-за отсутствия конкретных данных мы не будем останавливаться на описании пермского и юрского кремня на Северо-Западе СССР. Отметим лишь, что в некоторых областях эти породы с кремнями развиты.

Для древних обитателей большое значение представлял кремень серого цвета из верхнемеловых отложений. Верхнемеловые породы с кремнем обнажены на юге и юго-западе Литвы и в поселках Стонишкяй, Инда, Шакяй, Сэйрияй, на берегу р. Неман (Ваага и др., 1959, стр. 67, 68). Южнее эти породы перекрываются толщей четвертичных отложений мощностью в несколько десятков метров. Естественно, что коренные залежи мела с кремнем в этой местности человеку были недоступны. Но среди четвертичных отложений встречаются глыбы мела, достигающие в длину сотен метров (иногда более километра), богатые кремнем. Именно такие отторженцы и были использованы для добычи кремня в шахтах близ Красного Села (Гурина, 1965а). Тысячи подземных горных выработок глубиной 5—7 м, пройденных в мягком мелу с помощью обломков оленьего рога, давали человеку огромное количество однородного, легко обрабатываемого кремня. Многочисленные обломки, разбросанные на поверхности меловых отторженцев, окрашены главным образом в серый цвет. Этот кремень легко патинизируется в почве и на поверхности под действием солнечных лучей.

Некоторые из меловых выходов были изучены А. Э. Гедройцем при геологическом исследовании Виленской, Гродненской, Минской, Волынской губерний и северной части царства Польского (Гедройц, 1895). В 1938 г. Зб. Суйковским опубликовано в специальной статье более подробное описание меловых отторженцев. Исследователь нанес на карту обнажения мела и выделил среди них несколько групп: Полесская группа, обнажения в окрестностях Порозова, Подороска, Гривды и т. д. (Sujkowski, 1938). Многие из описываемых Зб. Суйковским отторженцев содержат кремень и залегают неглубоко, как и в Красном Селе, в связи с чем были пригодны для добычи кремня. Следует заметить, что археологическое исследование отторженцев нельзя откладывать на будущее, поскольку во многих местах мел разрабатывается как строительный материал и современные машины уничтожают остатки древних горных выработок.

Меловые отторженцы, как показывает карта Зб. Суйковского, разбросаны по территории всей Белоруссии.

Коренные выходы верхнемеловых пород с кремнем известны геологам лишь на юге, на берегах р. Сож.

П. М. ДОЛУХАНОВ, Е. Н. РОМАНОВА, А. А. СЕМЕНЦОВ

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО НЕОЛИТА

Широкое внедрение в практику археологических исследований датировок методом радиоактивного углерода (C^{14}) вызывает необходимость периодически составлять сводки полученных результатов, строить хронологические схемы, основанные на новых данных. Число радиоуглеродных датировок, относящихся к эпохе неолита, составляет уже многие сотни, и количество это постоянно возрастает. Такое обилие материалов обусловило появление ряда обобщающих статей, в которых предлагались хронологические схемы, основанные на радиоуглеродных данных (Титов, 1965; Quitta, 1967; Ehrich, 1965; Clark, 1965, и др.).

Задачей настоящей статьи является краткий обзор имеющихся в настоящее время радиоуглеродных датировок мезолитических и неолитических памятников Европы. Следует отметить, что число радиоуглеродных дат, полученных для памятников на территории европейской части СССР, еще сравнительно невелико и распределяются они неравномерно. Наиболее полно охарактеризованы памятники на территории республик Советской Прибалтики и Псковской области; единичные определения получены для центра, севера и востока европейской части СССР. Крайне мало радиоуглеродных данных для неолитических памятников на юге европейской части СССР.

Радиоуглеродные датировки позволяют отнести зарождение хозяйства производящего типа на Ближнем Востоке к IX—VIII тыс. до н. э.

Все радиоуглеродные датировки приведены в настоящей статье до н. э., они вычислены исходя из периода полураспада, равного 5570±30 лет. После радиоуглеродного возраста в скобках указаны лабораторные индексы [1] и лабораторные номера.

Датировки, полученные для многослойной пещеры Франхти в Греции, дают основание считать, что хозяйство мезолитического типа сохранялось на Крайнем Юго-Востоке Европы по крайней мере до конца VIII—начала VII тыс. до н. э. (Jacobsen, 1969). Слой докерамического неолита датирован в пещере Франхти началом VI тыс. до н. э. Преимущественно VI тыс. до н. э. определяются памятники раннего неолита Эгейского моря и материковой Греции: Кносс 24 слой — 5620±150 (BM-272); Неа Никомедея — 6230±150 (Q-655), 5530±150 (GX-679), 5607±91 (P-1202), 5331±74 (P-1203a), Аргисса, слой XXVIII: 6000±90 (GrN-4145); Элатейа — 5530±90 (GrN-2973), 5410±90 (GrN-3037), 5240±±100 (GrN-3041) (Godwin and Willis, 1962; Vogel and Waterbolk, 1963, 1967; Stuckenrath, 1967; Barker, Burleigh, Meeks, 1969).

Судя по радиоуглеродным датам, распространение ранненеолитических поселений с хозяйством производящего типа на равнинах Болгарии, Румынии, Венгрии и Югославии (культуры Караново I—II, Кереш — Криш, Старчево) произошло во второй половине VI—начале V тыс. до н. э. В то же время в долинах Южных Карпат (Лепенский Вир: 5500—4500 лет до н. э., Quitta, Kohl 1969), в долинах Днестра и Южного Буга (буго-днестровская культура; серия датировок Сорокских памятников 5000—4500 лет до н. э.; Quitta, Kohl, 1969) удерживалось хозяйство присваивающего типа.

Одновременно с развитием земледельческих племен в Юго-Западной и Центральной Европе на бо́льшей части европейского континента продолжали существовать мезолитические племена, что подтверждается радиоуглеродными датами. Мезолитический слой на стоянке Лаутрек в ФРГ, залегающий стратиграфически ниже слоя с линейно-ленточной керамикой, датирован 4490±50 до н. э. (Vogel and Waterbolk, 1967).

На востоке Европы возраст мезолитического слоя стоянки Берендеево, в Ярославской области, определен 6850±100 лет до н. э. (Нейштадт и др., 1969).

Несколько более поздние даты получены для мезолитических слоев стоянки Оса в Латвийской ССР:

[1] Приведенные лабораторные индексы расшифровываются следующим образом: ЛЕ — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР; МО — Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР; ТА — Геобиохимическая лаборатория Института зоологии и ботаники АН ЭстССР (Тарту); Bln — Институт древней истории и археологии Берлинской Академии наук (ГДР); GrN — Гронингенский университет (Голландия); BM — Британский музей (Англия); Q — Кембриджский университет (Англия); К — Копенгагенский университет (Дания); Р — Пенсильванский университет (США); Н — Гейдльбергский университет (ФРГ).

5236±160 (Bln-770), 5110±80 (ЛЕ-811), 4810±80 (ЛЕ-812) до н. э. Датировки мезолитической культуры Кунда, определенные на памятниках Кунда и Нарва в Эстонской ССР, лежат в широких пределах: Кунда — 7830±260 (ТА-12) и 6390±230 (ТА-14); Нарва, III слой — 5690±180 (ТА-53), 5630±300 (ТА-25) и 5140±230 (ТА-41). Для II слоя — 5365±190 (ТА-40) и 4070±120 (ТА-17). I мезолитический слой — 3870±200 (ТА-33) и 3550±250 (ТА-7) (Лийва, Ильвес, Пуннинг, 1966).

Очень большое число радиоуглеродных определений было получено для мезолитических памятников Северо-Западной Европы, входящих в круг культур с «каменным топором». Наиболее ранняя культура этого цикла, Дювензее-Клостерлунд, датируется VII—началом VIII тыс. до н. э.: Дювензее, ФРГ — 7250±300 (H-23—22), 6810±10 (Y-161) (Münnich, 1957). Дравд Мосе (ранний Клостерлунд, Дания) — 6480±140 (K-791), 7100±160 (K-914) (Tauber, 1966). Позднее, в бореальное время, в южной Скандинавии, в Англии, на севере ФРГ, ГДР и Польши распространяются культуры цикла Маглемозе—Стар-Карр: Стар-Карр, Англия — 7597±210 (Q-14), Конгемосе, Дания — 6880±110 (K-571), Мазер Гранди, Англия — 5640±140 (Q-552), Витув, Польша — 6230±140 (K-954) (Godwin and Willis, 1960, 1962; Tauber, 1966).

Еще позднее, в атлантическое время, в Балтийском бассейне, в Англии, на севере ГДР и ФРГ распространяется прибрежная охотничье-рыболовческая культура Эртебёлле-Эллербек. Ранние фазы культуры Эртебёлле датируются концом V—началом IV тыс. до н. э.: Уэстуорд Хо (Англия) — 4635±130 (Q-141), Эллербек, ФРГ — 4105±200 (Y-440), Хейдмоор, ФРГ — 3985±100 (Y-162), Норслюнн, Дания — 3780±120 (K-990), Сартрюп — 3735±70 (Y-160) (Barendsen, Deevey, Gralendski, 1957; Tauber, 1966). Поздняя фаза культуры Эртебёлле (классическое Эртебёлле), совпадающая с границей атлантического и суббореального периодов, датируется рубежом IV и III тыс.: Мульбьерг, Дания — 2963±80 (K-123—127, 129, 131, 132), Элинелюнн, Швеция — 3370±210 (U-48).

Несколько позднее на юге Скандинавии, на севере ГДР и ФРГ, в Польше и в Чехословакии происходит развитие культуры воронкообразных кубков. Ранние фазы данной культуры определяются началом IV или рубежом III и IV тыс.: Кмелен, ГДР — 3410±160 (Bln-231), Хейдмоор, ФРГ — 3344±±115 (H-29—146); Сарново, Польша — 3620±60 (GrN-5035); Вэттерюд, Швеция — 3011±205 (U-47) (Münnich, 1957; Olsson, 1959; Kohl and Quitta, 1964).

Развитые (мегалитические) фазы культуры воронкообразных кубков характеризуются концом — серединой III тыс.: Тюструп, Дании — 2623±120 (K-727), Ферслев, Дания — 2612±120 (K-717), Чмелув, Польша — 2165±110 (Jażdżevski, 1961; Tauber, 1964).

Поздний неолит-энеолит Центральной и Западной Европы датируется концом III—началом II тыс. до н. э. Возраст памятников культуры колоколовидных кубков определен: Анло, Голландия — 2190±70 (GrN-851), 1745±50 (GrN-1976); Хейдмоор, ФРГ — 2020±170 (H-28—33) (Münnich, 1957; Vogel and Waterbolk, 1963). Для памятников шнуровой керамики ГДР, ФРГ, Дании и Голландии получено более 10 датировок, в том числе: Халле Долауер Хайде, ГДР — 2570±110 (H-253/208), 1990±100 (Bln-65); Анло, Голландия — 2470±55 (GrN-1855); Кобберюп (Дания) — 1950±120 (K-1284); Форст Лайна, ГДР — 1830±100 (Bln-166) (Vogel and Waterbolk, 1963; Kohl and Quitta, 1964, 1966).

К северу и к востоку от области распространения земледельческо-скотоводческих племен лежали территории, занятые племенами, хозяйство которых в неолитическую эпоху было основано исключительно на охоте и рыболовстве. Наибольшее количество радиоуглеродных определений для культур «лесного» (т. е. охотничье-рыболовческого) неолита имеется для памятников Советской Прибалтики. Наиболее ранняя датировка была получена для раннеолитического слоя стоянки Оса (Лубанская низменность, восточная часть Латвийской ССР) — 3780±50 (ЛЕ-850). Ранненеолитический памятник Заценье в Белоруссии (раскопки М. М. Чернявского) датирован: 3500±75 лет до н. э. (ЛЕ-960). На основании этих данных, наиболее ранние неолитические памятники «лесной зоны» можно датировать первой половиной—серединой IV тыс. до н. э.

Бо́льшая часть датировок памятников раннего и развитого «лесного» неолита Восточной Прибалтики укладывается в III тыс. до н. э. Началом III тыс. определен слой с керамикой нарвского типа на стоянке Кяэпа в Эстонской ССР — 2915±235 (ТА-5). Большая серия дат позволяет отнести поселения с керамикой сарнатского типа на торфянике Сарнате в Латвийской ССР к III тыс. до н. э. — 2750±250 (ТА-26), 2540±250 (ТА-24), 2560±110 (ЛЕ-814), 2689±100 (Bln-769).

Возраст стоянки Пиестиня в Лубанской низменности, содержащей керамику типа Пиестиня и в небольшом количестве гребенчато-ямочную керамику, составляет 2620±150 (ЛЕ-750) и 2580±120 (ЛЕ-748).

Нижний слой поселения Швянтойи в Литовской ССР охарактеризован радиоуглеродными определениями, позволяющими отнести памятник к середине—второй половине III тыс. до н. э., — 2450±±90 (ТА-247), 2450±55 (Vs-23), 2275±79 (ЛЕ-904), 2150±60 (ЛЕ-833).

Большая серия радиоуглеродных датировок была получена для нижнего слоя (свайного поселения) памятника Усвяты IV на Усвятском озере, в южной части Псковской области. Обломок деревянной конструкции в нижней части культурного слоя датирован 2620±70 (ТА-105). Для деревянной плахи, залегающей в том же слое, имеется дата 2280±70 (ТА-202). Возраст сваи, пробившей эту плаху, оказался равным 2160±70 (ТА-203). Для древесины, залегавшей в верхней части культурного слоя, получена цифра 1970±90 (ЛЕ-649) (Долуханов, Микляев, 1969).

Несколько датировок имеется для памятников Восточной Прибалтики, содержащих гребенчато-ямочную керамику. На стоянке Кяэпа к комплексу типичной гребенчато-ямочной керамики относятся даты 2530±255 (ТА-6) и 2400±220 (ТА-4) (Лийва, Ильвес, Янитс, 1965). Стоянка Сулька в Лубавской низменности, содержащая чистый комплекс гребенчато-ямочной керамики (Лозе, 1965), датирована 2110±60 (ЛЕ-752). Таким образом, радиоугле-

родные данные позволяют отвести памятники с гребенчато-ямочной керамикой в Восточной Прибалтике к середине — второй половине III тыс. до н. э.

Мы располагаем датировками для памятников позднего неолита Восточной Прибалтики, содержащих керамику пористого состава (поздняя стадия развития керамики типа Пиестиня), а также шнуровую керамику. Так, возраст стоянки Найниексте оказался 2220±130 (ЛЕ-648), Крейчи — 2070±300 (ТА-8), Лейманишки — 2020±250 (ТА-23), а Эйни — 2050±60 (ЛЕ-751). Близкие датировки получены для стоянки Абора I, содержащей керамику, покрытую отпечатками шнура и гребенки, а также пористую керамику, — 1920±100 (ЛЕ-749), 1910±70 (ЛЕ-671). Радиоуглеродная дата подтвердила позднеенеолитический возраст стоянки Цедмар Д в Калининградской области: 2230±50 лет до н. э. (ЛЕ-848).

Для верхнего слоя поселения Швянтойи в Литовской ССР, содержащего шнуровую керамику, существуют следующие датировки — 2170±80 (ТА-246), 2150±100 (Vs-22), 1910±50 (ЛЕ-835). Они позволяют считать, что позднеенеолитические памятники Прибалтики бытовали в конце III—начале II тыс. до н. э. Обращает на себя внимание хорошее соответствие датировок поздненеолитических памятников Восточной Прибалтики и памятников шнуровой керамики в Северо-Западной Европе. Видимо, близкий возраст имеют и памятники фатьяновской культуры в более восточных районах.

Рубежом III и II тыс. датированы памятники начала эпохи бронзы в Белоруссии: Осовец II — 1930±±80 (ЛЕ-936) и в Псковской области — Наумово 2080±50 лет до н. э. (ЛЕ-1007) — раскопки М. М. Чернявского и А. М. Микляева.

Число радиоуглеродных определений для памятников культур ямочно-гребенчатой керамики центральных и восточных районов европейской части СССР в настоящее время крайне невелико. Раннельяловской слой стоянки Заречье в Московской области (раскопки В. М. Раушенбах) получили дату: 3720±50 лет до н. э. (ЛЕ-969). Дата с керамикой волосовского типа того же памятника: 2630±50 (ЛЕ-970). Слой стоянки Ивановское III в Ярославской области, содержащий керамический комплекс, который, по мнению А. М. Микляева, является более молодым, чем сущевский комплекс, и более древним, чем льяловский, был датирован 2850±250 лет до н. э. (ГИН-241) (Нейштадт и др., 1969).

О возрасте памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в лесостепной зоне можно судить на основании датировки стоянки Подзорово в Тамбовской области — 2820±60 (ЛЕ-752) (Левенок, 1969).

В лаборатории Института геохимии им. Вернадского были получены датировки двух стоянок Горбуновского торфяника Зауралья (Раушенбах, 1956). Стоянка Стрелка датирована 2850±200 (Мо-2). Для нижнего слоя стоянки у 6-го разреза дата оказалась равной 2410±200 лет до н. э. (МО-1) (Vinogradov, Devirts, Dobkina, Markova, 1966).

Концом III тыс. до н. э. (2120±70 до н. э.; ЛЕ-1026) датирован памятник Наволок на Кольском полуострове, исследованный Н. Н. Гуриной.

Получены радиоуглеродные даты для памятников среднего и позднего неолита Юго-Восточной Европы: Караново III — Веселиново, Караново V—VI, Винча — Тордош, Винча — Плочник, Хаманджа. Эти памятники датируются второй половиной V—первой половиной IV тыс. до н. э.

Недавно большая серия радиоуглеродных дат была получена для памятника Кэшоареле в Румынии, относимой к культуре Гумельница 4000—3400 лет до н. э. (Quitta und Kohl, 1969). Памятник Вулканешты в Молдавской ССР, принадлежащий к культуре Гумельница, имеет датировки 3860±150 (Мо-417) и 3350±60 (ЛЕ-640).

Крайне немного радиоуглеродных дат получено для энеолитической культуры Кукутени—Триполье. Памятник Новы Русешты I, относимый к Триполью А—В, датирован 3615±100 (Bln-590). Радиоуглеродный возраст памятника Хабасешты в Румынии (Кукутени А) оказался равным 3380±80 (GrN-1985). Для памятника Валя Лупулуи (Кукутени В) получена цифра 3000±60 (GrN-1982). Датировка позднетрипольского памятника Чапаевка в Киевской области — 2920±100 (Bln-63) (Vogel and Waterbolk, 1963; Quitta und Kohl, 1969).

Имеющиеся радиоуглеродные датировки дают основание относить время существования трипольской культуры ко второй половине—концу IV тыс. до н. э. Отмечается значительный разрыв в датировках позднетрипольских памятников и поселения Маяки, относимого к усатовской группе, — 2450±100 (Bln-629); 2390±65 (ЛЕ-645).

Днепро-донецкая культура, распространенная на обширных территориях Украинской ССР, пока еще не охарактеризована радиоуглеродными датировками. Д. Я. Телегин (1968) на основании наличия в памятниках днепро-донецкой культуры трипольских импортов относит эту культуру к IV—началу III тыс. до н. э.

Значительно более ранним временем датирует днепро-донецкую культуру В. Н. Даниленко (1969).

В последние годы были выявлены датировки для памятников ямной и катакомбной культур на юге европейской части СССР. Радиоуглеродные определения памятников ямной культуры (Михайловка, нижний слой, Цаца, Устьмань, Гиреева Могила) лежат в пределах 2400—1800 лет до н. э. Близкие значения возраста были получены для датированных памятников катакомбной культуры (Кудинов курган, серия датировок Ростовских курганов) — 2300—1800 лет до н. э.

II. СЕВЕРНЫЕ ОБЛАСТИ

Н. Н. ГУРИНА

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Археологическое изучение Кольского полуострова — далекой и суровой окраины страны — началось значительно позднее исследования более южных территорий, и только в последние годы приобрело планомерный характер. В силу этого весьма ограниченная фактологическая база не позволяет дать окончательного ответа на многие важные вопросы. И все же относительно кратковременные археологические изыскания, проведенные здесь, дали определенные результаты, полностью уничтожив миф о необитаемости севера в каменном веке; они позволили с достаточной очевидностью наметить основные этапы развития его древней истории.

История древнего населения Кольского полуострова сильнее, чем история племен, населявших умеренные зоны, была предопределена природной средой, властно диктовавшей людям свои условия. Расположенный за полярным кругом, окруженный с двух сторон Белым морем, а третьей, наиболее вытянутой, обращенный к Ледовитому океану, в бóльшей части он сложен из гранита, местами вовсе лишенном растительного покрова или прикрытого лишь мхом и лишайником. Хвойные леса произрастают только в западной и южной его части, все же остальное пространство — это тундра с многочисленными мелкими озерами. Первые пришельцы на Кольский полуостров застали здесь примерно такую же среду, только уровень моря был выше, а климат немного мягче и соответственно этому площадь, занятая лесами, несколько больше. В целом же вся территория входила в зону тундры.

Вместе с тем неисчерпаемые запасы рыбы в омывающих полуостров морях, несметные богатства тундры животными и птицей не только привлекли сюда древнего человека, но и позволили ему прочно закрепиться на этой территории, обеспечив, хотя и медленное, но все же поступательное развитие материальной и духовной культуры. Охота, рыболовство и морской промысел, дополненные собирательством, на долгие тысячелетия стали здесь основой экономики человеческого общества.

МЕЗОЛИТ

(табл. 1, *1—20*)

Первые следы пребывания человека на Кольском полуострове относятся к эпохе мезолита (арктический палеолит). Памятники этого времени были впервые открыты и исследованы Б. Ф. Земляковым в 1935, 1937 гг. (Земляков, 1937, а, б; 1940), а затем изучение их продолжено автором статьи в 1965, 1972 гг. (Гурина, 1971). В настоящее время они известны на северном и южном побережье Рыбачьего полуострова, в незначительной части правобережья р. Патсойоки, на границе с Норвегией, а в последние три года обнаружены на северо-западном, северо- и юго-восточном побережье Кольского полуострова.

Рыбачий полуостров в настоящее время по существу представляет собой как бы огромный, изумительный по сохранности геологический музей, где природа подобно древнему летописцу зафиксировала основные этапы естественной истории. В результате многовекового непрерывного поднятия Фенноскандии здесь сохранились прекрасно выработанные древние террасы, фиксирующие основные этапы понижения морского уровня. При этом с поразительной отчетливостью сохранились древние береговые валы и пляжи.

Стоянки расположены цепочкой по краям береговых террас различного уровня, позволяя, с одной стороны, прокорректировать выводы геологов, а с другой — археологам получить необходимые уточнения.

Наиболее отчетливо прослеживаются береговые линии, выраженные террасовидными площадками и в ряде случаев береговыми валами: 10—12, 23—25, 40—42, 50—52 и 60 м. Археологические памятники приурочены к террасам: наибольшей по высоте, сопоставляемой с литориновой, — 50 м (8000 лет до н. э.), 40 м (7000—6000 лет до н. э.) и 15—11 м (2000 лет до н. э.).

Культурный слой стоянок следует понимать здесь в известной мере условно. Вследствие слабого

процесса почвообразования находки располагаются прямо на поверхности скалы или береговой гальке, изредка они прикрыты тонким слоем почвы — 10—12 см или лишь растительностью. Только на побережье Патсойоки, где произрастают хвойные леса, прослеживается культурный слой мощностью до 0.3 м. В связи с этим площадь стоянок определяется лишь размещением находок на поверхности. В ряде случаев удалось выявить их отчетливую концентрацию в виде округлых пятен диаметром до 5 м, соответствующих, по всей вероятности, жилищам типа чумов.

На северном побережье Рыбачьего полуострова на высоте 50 м экспедицией обнаружена мастерская по изготовлению орудий. Крупные глыбы малинового кварцита, расположенные на поверхности, являлись для них сырьем. Щели между глыбами заполняли мельчайшие отщепы, получившиеся от ударов. Они встречались на всей площади мастерской. В центральной части площадки в ящике, сложенном из каменных плит, лежал «клад» — заготовки крупных миндалевидных орудий из малинового кварцита и куски его. Отсутствие отщепов и орудий из других пород камня, характерных для всех прочих стоянок, подчеркивает специфику этого памятника. Наиболее высокое расположение над уровнем моря по сравнению с другими мезолитическими стоянками (50 м над уровнем моря), архаичность орудий заставляют отнести мастерскую к ранней стадии мезолита на Рыбачьем полуострове, датируя ее VII—VI тыс. до н. э. (табл. 1, *19*).

По времени и характеру орудий этой мастерской соответствует несколько стоянок, лежащих примерно на той же высоте.

Мезолитические памятники более позднего этапа находятся на соответственно более низких береговых террасах, не спускаясь, однако, ниже 23—25 м. Площадь их, как правило, незначительна, насыщенность находками невелика. Культурный слой там, где он сохранился (на берегу Патсойоки), имеет красноватый цвет из-за присутствия охры. Интенсивность его окраски и насыщенность находками неравномерна, прослеживаются более яркие пятна — явление, свойственное и ряду мезолитических стоянок Карелии. Встречаются очаги открытого типа.

Вследствие указанной специфики залегания находок (на поверхности или едва прикрытых почвенным слоем) сохранились лишь предметы из камня. Все крупные орудия изготовлены из малинового, реже серого кварцита. Они имеют архаическую форму, напоминая по очертаниям орудия типа ручных рубил. Мелкие сделаны из разновидностей кварца, изредка горного хрусталя и совсем редко — из кремня. По-видимому, в первую очередь свойство материала предопределило полное господство техники отщепа, лишь изредка встречаются пластинчатые отщепы из малинового кварцита.

Функционально наиболее отчетливо выделяются кварцевые скребки (табл. 1, *4—7*) некрупных размеров, преимущественно округлых очертаний, с рабочим краем почти по всему периметру. Ретушь довольно тщательная, достаточно крутая, в особенности хорошо заметная на кремне и горном хрустале.

Наконечники стрел отчетливо не выражены. По всей вероятности, в качестве их использовались удлиненные, с острым концом отщепы, почти не получавшие дополнительной обработки (табл. 1, *1*, *2*). Допустимо предполагать широкое использование костяных наконечников стрел.

Относительно многочисленны резцы на небольших отщепах кварца, преимущественно высокого качества, изредка горного хрусталя. Отщепы удлиненных очертаний, изредка с подправкой ретушью по длинным граням, использовались и в качестве ножей. Функцию последних выполняли и отщепы, не получившие дополнительной обработки, но сохранившие следы использования.

По характеру культуры мезолитические памятники Кольского полуострова ближе стоят к северно-норвежским, объединяемым под названием «комсокультура» (Odner, 1966), сохраняя, однако, при этом некоторые специфические черты. Меньшее сходство прослеживается между ними и стоянками аскола культуры Финляндии (Luho, 1956) и раннемезолитическими памятниками Карелии. Все вместе они довольно резко отличаются от памятников более южных территорий.

НЕОЛИТ

(табл. 1, *21—47*)

Недостаточная изученность Кольского полуострова в археологическом отношении не допускает в настоящее время с полной уверенностью произвести членение неолитической эпохи на различные периоды и в некоторой степени затрудняет отчленение его раннего периода от предшествующей мезолитической эпохи, а позднего периода от эпохи раннего металла. Переход от мезолита к неолиту прослеживается пока лучше всего на территории Рыбачьего полуострова, где имеются мезолитические стоянки.

В силу неразрывной связи древних поселений с морем и относительной ограниченности удобных для жизни мест стоянки, занимая разные высотные отметки, вместе с тем располагаются непосредственно одна над другой, попадая в пределы одного разреза. Несмотря на живучесть традиций в технике обработки камня, обусловленных в большой мере особенностью материала (кварца), предопределяющего в отличие от кремня ограниченное количество технических приемов обработки, все же удается уловить известное различие между орудиями отдельных эпох. В развитом неолите специфические признаки орудий выступают с достаточной наглядностью.

Количество памятников развитого неолита значительно больше по сравнению с мезолитическими, и они занимают достаточно широкую территорию. Исследования, произведенные на северном побережье Кольского полуострова от Титовки до Иоконьги и по южному — в районе Кандалакши, с. Умбы, с. Варзуги, Стрельны, Чапомы, Даниловки (Гурина, 1950а, 1950б, 1951б) позволили выявить твердую закономерность в их расположении, продиктованную особенностями географической среды и формой хозяйства. Восточная часть побережья еще не подвергалась исследованию, за исключением р. Бол. Кочковки и устья р. Поной, где был частично

раскопан один из лабиринтов.[1] В результате произведенных разведок 1971—1972 гг. обнаружена большая группа памятников на юго-восточном побережье. Найдены они и на озерах внутренней части Кольского полуострова: Иоконьгском, Бабьем, Ловозере.

Расположение неолитических памятников достаточно однообразно. Они приурочены к побережью нижнего течения рек, находясь приблизительно в 4—5 км от берега моря, куда в момент прилива не достигает соленая морская вода; ближе к морю стоянки встречаются только на берегах быстрых горных ручьев, на 10—13-метровых террасах, совпадая, как правило, с современными рыбацкими поселками.

В южной части полуострова на всех обследованных реках — Ниве, Умбе, Варзуге и др. — стоянки группируются близ устьев рек и выше по течению и на побережье прилегающих озер. Как правило, они занимают здесь относительно ровные площадки, расположенные между древними скалистыми террасами и современным руслом реки. Культурные остатки залегают на глубине 6—12 см, в силу чего на поверхности встречаются скопления кварцевых отщепов с острыми гранями, резко отличающими их от окатанных кусков кварца и галек. По цвету культурный слой выделяется редко, только на долговременных поселениях (например, стоянка 10 близ Кандалакши) он окрашен в красноватый цвет за счет охры.

Культурный слой стоянок северного побережья еще меньше по мощности (не более 20—30 см), нередко же вовсе отсутствует. Резкая смена температуры приводит к тому, что предметы, залегающие на поверхности гранитных скал, со временем разрушаются — сланцевые орудия расслаиваются, кремневые покрываются лишайником, керамика исчезает. Этим и следует объяснять ее отсутствие на ряде стоянок или же очень небольшое количество и малую величину фрагментов. Костяные орудия совершенно не сохраняются.

Площадь стоянок чаще всего невелика — 200, редко 1000 м². Орудия на всех поселениях изготовлены из местных пород камня: мелкие — из кварца и кварцита, крупные — из сланца и песчаника. Кремневые орудия встречаются значительно реже. Абсолютно преобладают кварцевые орудия, иногда эмалевого кварцита. При этом чем ближе к западу расположена стоянка, тем меньше на ней кремневых орудий и отщепов кремня, и, наоборот, чем восточнее, тем больше. Последнее обстоятельство, по всей вероятности, объясняется наличием более тесных связей населения северо-восточной части побережья Кольского полуострова с населением южного побережья Белого моря — района, богатого кремнем.

Наиболее многочисленны скребки (табл. 1, *28—36*) и отщепы с частичной ретушью, выполняющие их функции. Реже встречаются скребла, наконечники стрел и копий (табл. 1, *21—27*), резцы, ножи, топоры, долота, молоты, мотыги, грузила, нуклеусы, шлифовальные плиты и пилы (табл. 1, *37—46*).

Техника обработки кварцевых скребков чрезвычайно высокая, мелкие сколы и тщательная ретушь покрывают всю их поверхность, тем самым придавая скребку округлые очертания. Особенно это заметно на эмалевом кварце, близком по структуре к горному хрусталю. Количественно преобладают скребки округлой формы — *первый тип* — с мелкой правильной ретушью, нанесенной чаще по всему периметру. При этом обработка захватывает часто и всю спинку орудия. Величина их удивительно стандартна — от 2 до 3 см, что является одной из характерных особенностей неолитических стоянок Кольского полуострова.

Второй тип скребков — полуовальные или полукруглые по форме, со слегка утоньченным одним концом, вставлявшимся, по-видимому, в рукоятку (табл. 1, *29*). Значительно реже встречается *третий тип* — концевые (табл. 1, *33*), из удлиненных отщепов, со слегка уплощенным одним концом. Поперечное сечение их полукруглое или подтреугольное. По форме они близки к кремневым скребкам.

Весьма оригинален *четвертый тип* скребков, изготовленных из небольших, а порой даже маленьких плоских, чаще удлиненных отщепов, с одной стороны которых путем специального скола снята часть плоскости, вследствие чего рабочий конец имеет слегка выгнутую форму. Обычно таких рабочих концов два, расположенных на противоположных узких сторонах. Следы сработанности указывают на обработку ими достаточно твердых, вероятно, костяных округлых предметов. Эти скребки многочисленны и очень типичны для Кольского полуострова. По характеру рабочего края они напоминают piece ecalie. Их своеобразие и вместе с тем характерность для данной территории дает нам право закрепить за ними наименование «скребки кольского типа» (табл. 1, *35*).

Различие между скребками и скреблами проявляется в величине и форме. Скребла обычно крупного размера, овальных очертаний, с рабочим краем, расположенным на длинной грани. Ретушь соответственно величине довольно крупная, но нередко она отсутствует, и длинная грань орудия имеет лишь следы сработанности в виде округлых выемок, расположенных на противолежащих сторонах в связи с тем, что его переворачивали в процессе работы.

Наконечники стрел встречаются нечасто. Они изготовлялись из кремня, шифера и сланца (табл. 1, *21—27*). Кремневые наконечники, двусторонне обработанные, часто со слабо выраженным черешком или усеченным основанием, иногда более вытянутые, нередко с несколько более широкими пропорциями, чем обычно. Изредка встречаются кремневые наконечники копий небольшого размера также в форме широкого листа. Наконечники из шифера и сланца изготовлены из небольших удлиненных отщепов с помощью шлифования. В силу наличия продольного ребра поперечное сечение их в верхней и средней частях имеет форму сильно вытянутого ромба, тыльная же — черешок — уплощена. Иногда у верхней части наконечников нет ребра, отчего она более плоская, овальная в поперечном сечении. Третий тип имеет листовидную форму пера и резко выраженный черешок. В целом все наконечники из шифера и сланца хотя и обладают сходными чертами со скан-

[1] К. П. Рева. Отчет о раскопках в окрестностях г. Архангельска. Архив ЛОИА, д. № 162 за 1900 г.

динавскими и изредка встречающимися в Карелии, вместе с тем весьма своеобразны.

Довольно многочисленны кварцевые резцы, резчики и проколки. Функциональное деление внутри этой группы затруднено из-за своеобразия материала, на котором в подавляющем большинстве случаев не улавливаются следы от работы. Из указанной категории наиболее четко выделяются резцы — удлиненные отщепы небольшой величины с подтреугольным или подчетырехугольным поперечным сечением, рабочий конец их оформлен с помощью резцового скола. Проколки отличаются лишь тем, что рабочий конец их кроме резцового скола имеет дополнительную обработку мелкой тщательной ретушью.

Хорошо выражены ножи из темно-серого или почти черного сланца размером 6—7 см преимущественно угловой формы (сапожный нож). В общих чертах они близки ножам Норвегии, однако меньшего размера и иных приемов изготовления. В то время как скандинавские ножи зашлифованы по всей поверхности, ножи Кольского полуострова обработаны часто комбинированным способом; рабочий край с помощью шлифования, остальная поверхность — мелкой ретушью (табл. 1, *37—40*).

Крупные орудия представлены топорами, молотами, мотыгообразными орудиями и грузилами. Все топоры изготовлены из глинистого сланца шлифованием, в ряде случаев продольные грани их получены с помощью пиления. Форма разнообразна, они варьируют от тонкообушного до почти правильных четырехугольных очертаний, чаще всего овальных, в поперечном сечении. Обычно они крупного размера, с широким и очень острым рабочим концом. Встречаются топоры типа рованьеми. Судя по одному фрагменту, имеются и кирки карельского типа. Присутствует группа орудий, по форме напоминающих грузила, изготовленные из плотных мелкозернистых пород камня, снабженные в средней части выемками. Вместе с тем наличие плоских рабочих концов, полученных в результате сильной сработанности, заставляет считать их ударными орудиями типа молотов для дробления каких-то твердых веществ (табл. 1, *45, 46*).

К этой же категории орудий следует, видимо, причислить и резко удлиненные гранитные гальки (типа пестов) с округлым поперечным сечением и сильно уплощенными концами. Середину такого орудия опоясывает неглубокий желобок, служивший для прикрепления орудия к рукоятке. Скорее всего они выполняли роль молотов, на что указывает сильная сработанность их концов (табл. 1, *44*).

Наконец, к крупным орудиям следует причислить мотыги из плоской гранитной плиты с одним широким, другим несколько суженным тыльным концом, на гранях расположены три небольшие выемки: две — на противоположных узких сторонах орудия, третья — на верху тыльной части. Они служили для прикрепления орудия к Г-образной рукояти. Рабочий конец мотыги сильно сработан (табл. 1, *43*).

В числе прочих орудий следует назвать многочисленные хорошо окатанные небольшие гальки с одной уплощенной и сильно заполированной стороной, служившие лощилами для работы по мягкому материалу, в частности, для заглаживания швов на одежде и при обработке кож. Одна из таких галек была обнаружена вместе с плоской гранитной плиткой в форме лопаточки с рукояткой. Одна сторона ее сильно заполирована, как и лежащая рядом с ней галька. Обе они окрашены в коричневатый цвет и служили, вероятно, для растирания охры.

Орудия рыболовства представлены грузилами двух типов. Первым являются сильно заглаженные гальки удлиненной формы, опоясанные по длинным сторонам неглубоким желобком, очень близкие по форме грузилам Оленеостровского могильника Баренцева моря (Шмидт, 1930, табл. VI, *6*). Ко второму типу относятся плоские плитки с заглаженной поверхностью, имеющие по обеим сторонам округлые выемки, предназначенные для привязывания. Семь таких грузил, совершенно идентичных по величине и форме, были найдены залегающими вместе на стоянке 5 близ Гагарьего озера (на р. Варзуге), не оставляя сомнения в принадлежности их к одной сети.

Многочисленны шлифовальные плиты и точила, изготовленные из кварцита, реже серого гранита. Плиты, как правило, довольно крупные, чрезвычайно сильно сношенные, что вместе с большим количеством их свидетельствует о широком применении шлифованных каменных и, вероятно, костяных орудий.

В числе оригинальных предметов следует назвать массивное плоское орудие ромбовидной формы с отверстием в середине, встречающееся в стоянках Скандинавии, Финляндии и Карелии, в частности на северном побережье Онежского озера (Гурина, 1951а, рис. 19, *3*). При этом в Финляндии они известны с позднего мезолита (Luho, 1967, табл. XXVIII, *3*).

В силу указанной выше слабой археологической изученности Кольского полуострова и в частности отсутствия многослойных, отчетливо стратифицированных памятников, в настоящее время трудно выделить среди каменных орудий типы, существовавшие в позднем неолите и начале раннего металла. Многие из них переходят этот рубикон, в особенности кварцевые скребки, и продолжают существовать в эпоху раннего металла.

Керамический материал хотя и не многочислен, резко делится на две группы (табл. 2, *1—31*). При этом вторая включает в себя две подгруппы. Существенно наличие стоянок с чистым комплексом, расположенных в непосредственной близости друг от друга. Такое различие могло быть обусловлено отсутствием хронологического или культурного единства. Относительно слабое исследование памятников этой территории ограничивает наши возможности вынесения окончательного суждения. Однако основываясь на материале соседних территорий, в частности Карелии, северной Норвегии, эти различия следует считать хронологическими, датируя первую группу керамики более ранним временем.

Первую группу составляют обломки толстостенных сосудов с примесью крупных зерен кварца. Низкое качество плохо промешанной глины, из которой изготовлены сосуды, обилие примеси делают тесто сосудов непрочным. Вся внешняя поверхность их орнаментирована ямками и отпечатками своеобразного мелкого штампа, образующего короткие, широкие, ребристые внутри овалы, напоминающие от-

печатки веревки, намотанной на конец палочки. Насколько удается проследить, ямки встречаются редко и имеют подчиненное значение; располагаясь в строчку, они нарушают однообразие рисунка из поверхностных вдавлений. В отдельных случаях ямки сочетаются с отпечатками косо поставленной гребенки, образующей елочный узор или диагонали (табл. 2, *1—21*).

Наблюдается известная вариация внутри этой группы керамики, проявляющаяся в меньшем количестве примеси, лучшей промешанности глины, более сильном обжиге и меньшей толщине стенок, а также в использовании оттисков перевитой веревки, образующей горизонтальные линии, или более мелкой и нечеткой гребенки. Отсутствие целых сосудов не позволяет восстановить их форму, очевидно лишь, что край их был прямым, слегка утолщенным.

Вторую — позднюю — группу керамики составляют обломки сосудов, изготовленных из глины с примесью асбеста и (крайне редко) какого-то органического вещества или раковины (?). По характеру примеси (величине волокон асбеста, их количеству и обработке внешней поверхности, наличию или отсутствию орнамента) эту группу керамики можно разделить на две подгруппы, различающиеся хронологически (табл. 2, *22—31*).

Более ранняя керамика этой группы представлена относительно тонкостенными сосудами с умеренной примесью мелкотолченого асбеста; внешняя поверхность их украшена редкими отпечатками крупной гребенки, в других случаях не орнаментирована. Плохая сохранность сосудов не позволяет полностью выявить их форму, однако отдельные фрагменты свидетельствуют о плоском днище.

Глина второй, более поздней по времени подгруппы содержит большое количество крупных волокон асбеста (длиной до 1 см, толщиной 8—9 мм), плохо сцепленных с глиной. Внешняя поверхность сосудов гладкая, изредка на ней нанесены легкие, слабо волнистые или прямые линии. Такая керамика, по всей вероятности, типична для памятников раннего металла.

По своему характеру памятники неолитические и раннего металла делятся на сезонные и долговременные. Первые располагаются непосредственно или вблизи морского побережья и являются летними стойбищами. Как правило, они невелики по размеру и содержат в основном промысловый инвентарь.

Для долговременных стоянок выбирались участки, дальше отстоящие от моря и закрытые скалами от холодных ветров. Они характеризуются исключительно большим количеством разнообразных орудий, среди которых много рубящих, а также остатками жилищ. Последние известны, например, на берегу р. Нивы. Они представляют собой небольшие углубления подчетырехугольной формы, размером 5×5 м, 4×4 м. Глубина не превышает 0.50—0.60 м от поверхности. Все семь жилищ располагались в одну линию, будучи вытянуты вдоль реки. Два из них (4×4 м) почти сливались друг с другом, некоторые соединялись входом шириной менее 1 м. В середине одного из углублений прослежен очаг в виде зольного пятна. Подобные же четырехугольные полуземляные жилища обнаружены и на правом берегу р. Харловки. На ровной площадке располагалось три углубления с выходами в виде коридоров, обращенных к реке. Размер жилищ 4×5.5 м и 4×5.8 м. Остатки третьего жилища деформированы, имеют слегка овальную форму (3.8×5.5 м). Наибольшая глубина от поверхности 0.60 м. Вдоль стенок жилища заметны небольшие валики земли, насыпанные с целью утепления.

На летних стоянках, по всей вероятности, жилищами служили шалаши типа чумов. Вблизи встречены очаги, сложенные из камней.

Комплекс орудий, найденный на стоянках, например грузила, залегающие в отдельных случаях компактной массой, остатки фауны в виде костей лося, северного оленя, бобра, многочисленные кости тюленя, а также само расположение памятников в неразрывной связи с морем и устьями впадающих в него рек вблизи рыболовецких тоней с бесспорностью свидетельствуют о большой роли рыболовства и охоты, в частности на морского зверя.

В числе неолитических памятников Кольского полуострова, помимо стоянок и поселений, следует отметить место добычи сырья, на правом берегу р. Уры, на склоне третьей террасы высотой 13 м над уровнем моря.

Памятник занимает сравнительно ровную площадку, примыкающую к гранитной скале высотой до 4 м. В средней части скалы располагается углубление 0.5 м ширины, 0.9 м длины, 0.95 м высоты, образовавшееся от выборки проходящей здесь кварцевой жилы.

Площадка была усеяна кусками битого кварца, мелкими сколами с нуклеусов, встречены заготовки орудий и мелкие кварцевые изделия. Сопоставление этого материала с кварцем, слагающим жилу в гранитной скале, привели к выводу о полной идентичности их. Исходя из обилия сколов с нуклеусов, наличия заготовок орудий и тождества кварца, следует сделать вывод, что данное местонахождение являлось производственной мастерской, возникшей у залежей сырья.

ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА

(табл. 3, *1—34*)

Памятники раннего металла представлены на Кольском полуострове Оленеостровским могильником на Баренцовом море и соседними с ним стоянками на Екатерининском острове и побережье Ловозера.

Оленеостровский могильник дважды подвергся археологическим раскопкам (Шмидт, 1930; Гурина, 1953б), Екатерининские стоянки открыты и исследованы в 1947 г. (Гурина, 1953б). Они находятся на небольших соседних островах, расположенных севернее г. Мурманска в бухте, являющейся как бы продолжением р. Колы, близ г. Полярное.

Большой Олений остров, где найдены погребения, — скалистое гнейсогранитное образование площадью около 72 га. Наиболее высокие точки его лежат на 40 м над уровнем моря. Седловина близ пресноводного маленького озера возвышается над современным уровнем моря на 10.5 м.

В песках, слагающих седловину, было исследовано в общей сложности 21 погребение. Следов стоянок не обнаружено, что позволяет считать Большой Олений остров «островом мертвых».

Покойники лежали на глубине от 0.48 до 1.10 м. Большинство могильных ям было закрыто каменными кладками из небольших округлых валунов, собранных в непосредственной близости. Иногда камни были положены рядом с покойником. Положение скелетов вытянутое, на спине, головой на СВ, с отклонением на север, руки вдоль туловища, кисти рук в области таза. Только детское захоронение лежало на боку в согнутом положении и одно захоронение взрослого на спине с подогнутыми ногами так, что бедра и берцовые кости находились над областью живота. Наконец, констатирован один случай трупосожжения и два погребения вещей без умершего (кенотафы). Встречаются захоронения мужские, женские, детские, одиночные и парные (мужчина и женщина).

Умерших укладывали на подстилки из коры или просмоленных шкур; иногда в деревянные колоды, о чем свидетельствуют сохранившиеся волокна дерева. Все подстилки имели овальные очертания немногим больше размеров покойника. Сверху скелет тоже прикрывала кора или шкура. В некоторых случаях в ногах встречались угли.

За исключением единичных случаев погребения сопровождал инвентарь, находящийся часто за головой, в области груди или таза. Помимо вещей, обнаружены кости животных (северного оленя, бобра), птичьи кости и крупные раковины. Инвентарь составляли 1) орудия охоты и рыболовства — каменные и костяные наконечники стрел, кинжалы, острия типа кинжала, гарпуны, грузила, цельные и составные рыболовные крючки; 2) орудия для обработки кожи, кости и дерева — тесла, скребки, ножи, проколки, иглы, игольники, лощила, точила, пемза; 3) украшения и предметы культа — бобровые пластинки, пронизки, диски из слюды, колотушка от шаманского бубна (?), раковины, головка лося; 4) сырье для изготовления орудий и отходы — отщепы, кости со сколами, горные породы; 5) керамика — глина, фрагменты сосудов, сосуды, асбест; 6) прочие предметы — охра, остатки бересты, кости, предметы неясного назначения, медный или бронзовый наконечник стрелы. За головами двойного погребения № 2—3 найдены два куска бурого железняка (табл. 70, *8*).

Для всех орудий характерна высокая техника обработки: кремневые, кварцевые и из горного хрусталя изготовлены мелкой, тщательной, в том числе пильчатой ретушью, сланцевые зашлифованы. Костяные орудия также зашлифованы, часто до блеска, в целом ряде случаев довольно сложно и красиво орнаментированы (кинжалы и игольники). Обращает на себя внимание схематизированная головка лося, поверхность которой также покрыта орнаментом.

В. П. Якимов, изучавший антропологический материал из этого могильника, охарактеризовал погребенных как высокорослых европеоидов, долихоцефалов и пришел к выводу об отсутствии у них лопаноидных признаков (Якимов, 1953).

Для раскрытия сущности периода раннего металла на Кольском полуострове большое значение имеют две стоянки на Екатерининском острове, отделенном от Большого Оленьего острова лишь 150 м. Во время отлива оба острова соединяются между собой. Стоянки занимают две соседние небольшие тихие песчаные бухты, образованные морскими наносами высотой 11—13 м над уровнем моря. По характеру материала стоянки очень близки. Обе площадки отгорожены от холодных северных ветров гранитной скалой. Культурный слой, залегающий на глубине 0.30—0.40 м, в среднем не превышает по мощности 0.35 м. От перекрывающего серого подзола и подстилающего крупнозернистого серого песка его отличает лишь более темная окрашенность и обилие мелких угольков и золы.

Культурный слой обеих стоянок чрезвычайно насыщен костями морских животных, в подавляющем большинстве тюленя и птиц. Так, на более чем ограниченной площади раскопа (32 м^2) обнаружено 2270 экз. костей беломорского тюленя, лысуна (*Phoca groenlandica*), кости дельфина и северного оленя, водяной крысы. Среди костных остатков птиц определены чистик, чайка, гага, из рыб — треска. Кроме того, культурный слой изобиловал раковинами моллюсков, встречающихся целыми скоплениями. В особенности велико было одно из них, представлявшее в полной мере раковинную кучу. Внутри ее найдены отщепы кварца и два крупных костяных рыболовных крючка. Залегание костей животных в толще раковинных куч свидетельствует о широком употреблении моллюсков древними обитателями Екатерининского острова в пищу.

Инвентарь соответственно малым размерам исследованной площади немногочислен, но весьма разнообразен. Подавляющее большинство составляют отщепы кварца, реже сланца и некоторое количество каменных и костяных орудий. Особенно много острий и отщепов, сколотых с нуклеусов.

Среди орудий преобладают кварцевые скребла грубой обработки — крупные уплощенные отщепы, имеющие на одной, реже двух сторонах выемки, полученные в результате работы по твердому материалу. Этот тип скребел лишь изредка встречается на неолитических памятниках. Мелкие скребочки, столь характерные для неолитических стоянок, здесь очень редки. Округлые по форме, они изготовлены тщательной мелкой ретушью.

Из крупных орудий присутствуют грузила — овальные уплощенные гальки с выемками на узких сторонах, предназначенными для прикрепления веревки. По форме они близки грузилам Оленеостровского могильника.

Рубящие орудия не встречены. Костяные представлены обломками однозубого гарпуна и наконечником стрелы с одной уплощенной, второй выпуклой стороной, с острым концом и плоским насадом. Вся поверхность их хорошо зашлифована.

Рыболовные крючки изготовлены из цельных трубчатых костей. Стержень одного из них достаточно широкий (диаметром 8 мм), в поперечном сечении близок к овалу с сильно уплощенной широкой тупо срезанной нижней частью. Бородка поднята вверх и имеет шип, верхняя часть крючка — почти под прямым углом к стержню — снабжена на конце выемкой и овальным отверстием для более прочного скрепления с леской. Второй крючок, так же как и первый, тождествен крючкам из поселения Кёльмо Варангер-фиорда. Узкий вытянутый стержень его слегка изогнут, округлый в поперечном сечении, с расширенной и уплощенной нижней частью, снаб-

женной круглым отверстием для насадки наживки. Бородка крючка загнута и, по-видимому, обладала небольшим шипом. Верхняя часть отсутствует, но по аналогии с крючком из Кёльмо должна заканчиваться небольшой шишечкой или выемкой с внешней стороны. Оба крючка использовались для ловли крупной рыбы.

Керамика малочисленна. Сосуды изготовлены из темной, почти черной глины, плохо промешанной и относительно слабо обожженной. Диаметр сосудов 25—30 см, края прямые, слегка утолщенные, дно плоское. Примесью к глине служит толченый асбест, иногда в виде довольно крупных волокон, в других случаях едва заметных.

Орнамент составляют очень мелкие и тонко прочерченные линии, преимущественно парные, размещенные параллельно или по диагонали к краю сосуда; в ряде случаев они перекрещиваются, создавая очень крупную косую клетку. На внутренней, а иногда и на внешней стороне сосуда часты следы нагара. Так же как и рыболовные крючки, эта керамика тождественна сосудам Кёльмо.

Расположение памятников, их инвентарь с бесспорностью указывают на господствующую форму хозяйства у оставившего их населения — морской промысел и рыболовство, дополненные охотой на крупных сухопутных животных и птицу.

Характеристика археологических памятников Кольского полуострова, относящихся к эпохе раннего металла, была бы неполной без упоминания о чрезвычайно оригинальных каменных лабиринтах. Они представляют собой округлые или овальные наземные сооружения из небольших (до 30 см) диких камней, выложенных в строчку в форме концентрических кругов и образующих сложные и запутанные ходы (см. рисунок). Камни лабиринтов, уложенные на древних морских пляжах или прямо на горизонтальной гранитной скале, со временем оплелись стелющейся тундровой растительностью и таким образом оказались лежащими как бы в гнездах, что способствовало их сохранности.

К настоящему времени на территории Кольского полуострова известно не менее 8 местонахождений каменных лабиринтов общим числом 9. Однако область распространения каменных лабиринтов значительно шире. Они встречаются в Карелии, Финляндии, Норвегии и Швеции. Естественно, что на столь обширной территории им присуще известное разнообразие. Однако бесспорно более яркие черты сходства, чем различия, заставляют видеть в большинстве из них общее содержание.

Основной особенностью Кольских лабиринтов, так же как и лежащих за его пределами, является расположение их на морском побережье (50 случаев), при этом на участках, наиболее богатых рыбой, — на тонях.

Такая связь лабиринтов с наиболее богатыми рыбой морскими участками заставляет искать их смысловое значение именно в этой форме деятельности человека. Произведенные сопоставления конструкции лабиринтов с рыболовными сооружениями типа «вентаря», «тайника», устройство которых практиковалось населением Мурманского побережья еще в 40-х годах нашего столетия (Гурина, 1948, рис. 8, *1—4*, 1951б, рис. 5), заставило нас высказать предположение, что лабиринты могут быть связаны с какими-то магическими обрядами, целью которых являлось обеспечение морского промысла. Глубже этого мы пока проникнуть бессильны. В данной связи интересно указать на исследование В. Р. Кабо австралийцев, у которых сооружения, подобные лабиринтам, связываются с обрядом посвящения юношей — инициацией (Кабо, 1966).

Не менее сложна датировка лабиринтов. Пока единственно достоверными являются материалы, полученные нами в результате раскопок стоянок, прилегающих к лабиринтам Кольского полуострова: кандалакшскому, харловскому и на тоне Вящина, а также в 4 км от последней — в бухте Трящина, где хотя и не было обнаружено лабиринта, однако раскопанные здесь материалы совершенно тождественны коллекции из стоянки на тоне Вящина.

Обобщая данные, полученные в результате раскопок, мы приходим к следующему выводу. Все стоянки вблизи лабиринтов, так же как и последние, расположенные на тонях, залегают на высоте 3—3.5 м, преимущественно на участках, прислоненных к высоким скалам. Культурный слой их, не превышающий мощностью 0.20 м, перекрывается слоем сероватого подзола или торфа толщиной не более 0.08 м.

Находки состоят из кварцевых орудий и небольшого числа керамики. Подавляющее большинство ее с примесью асбеста, значительно реже — слюды, и еще реже — органического вещества. Количество и характер примеси асбеста различны. Чаще он имеет крупные волокна (до 2 см длины).[2] Слюды в тесте немного, но величина чешуек значительна (табл, 2, *23*, *25—27*, *31*).

Размер сосудов крупный, 40—50 см в диаметре горла. В большинстве случаев они не орнаментированы, реже — украшены легкими отпечатками крупного гребенчатого штампа или горизонтальными, слабо заметными прямыми или волнистыми линиями. Незначительная по численности группа черепков с органической примесью тонкостенная, с хорошо сглаженной поверхностью, без орнамента.

Каменный инвентарь по преимуществу состоит из кварцевых скребков и скобелей. Среди первых встречаются небольшие правильной округлой формы и более крупные, вытянутые. Скобели менее правильных очертаний, обработка порой небрежная, иногда рабочие части имеют выемки, полученные в результате сработанности.

В двух случаях (на стоянках Вящина и Трящина) найдены наконечники стрел из кремнистого сланца с прямым основанием, близкие к беломорскому типу, и сланцевые, зашлифованные с уплощенно ромбическим поперечным сечением. Из крупных орудий встречены сланцевые топоры.

Низкое расположение лабиринтов над современным уровнем моря и поздняя форма керамики сопровождающих их стоянок, с одной стороны, а также задернованность камней, слагающих лабиринты, местами перекрытых тонким слоем торфа, с другой, позволяют относить эти сооружения, по

[2] Такая грубая примесь асбеста встречена нами в Карелии лишь на побережье Кропнозера в стоянке железного века.

всей вероятности, к эпохе раннего металла, датируя их приблизительно рубежом н. э.

Норвежский ученый Кнут Однер, исследовавший в последние годы вновь открытые каменные лабиринты в восточном Финмаркене (Odner, 1967), также расположенные на берегу моря, сообщает, что один из них не может быть старше 2500 лет. Эти лабиринты К. Однер связывает с летними становищами рыбаков и высказывает предположение, что они служили обрядам, совершаемым древними рыбаками — лапландцами, по-видимому, в целях предотвращения опасности во время рыбной ловли в открытом море.

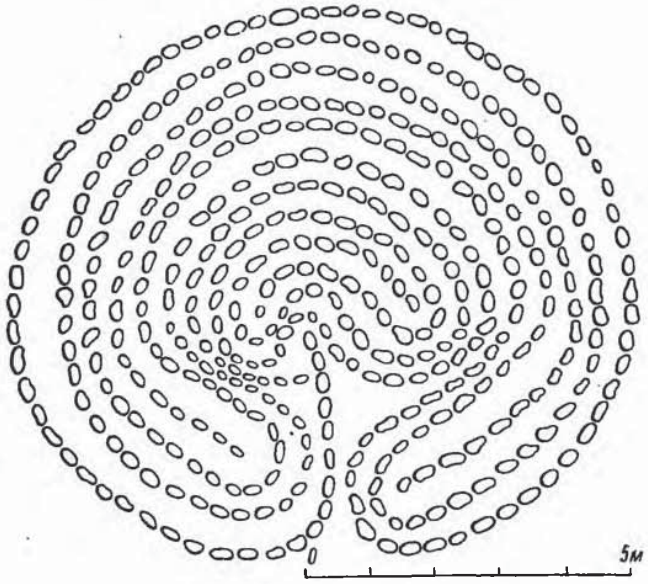

Схема лабиринта близ пос. Умба.

Сопоставление памятников Кольского полуострова с памятниками соседних территорий приводит к выводу о наличии между ними различной степени сходства. Мы указывали уже на значительную общность мезолитических памятников Рыбачьего полуострова со стоянками комсокультуры Варангерфиорда и асколакультуры Финляндии, а также с мезолитическими стоянками Карелии. В целом, по-видимому, в эпоху мезолита Кольский полуостров включался в одну этнокультурную область с соседней частью Норвегии, Карелии и Финляндии.

Весьма ограниченная территория распространения мезолитических памятников на Кольском полуострове (что, однако, в известной степени может объясняться его слабой изученностью) с трудом допускает предположение об исключительно автохтонном развитии здесь неолитической культуры без какого-либо воздействия населения извне. Однако при этом нельзя не видеть в неолите проявления мезолитических традиций в изготовлении орудий и их форме (кварцевые резцы, скребки). Как теперь очевидно, в действительности мезолитические поселения на Кольском полуострове занимали более широкую территорию, выходя за пределы Рыбачьего полуострова, в область со столь же высокими террасами. Однако следует полагать, что центром распространения мезолитической культуры была западная его часть — высокая, изрезанная тихими бухтами, с более мягким климатом в связи с близостью теплого течения, соседящая с населенными областями запада.

В настоящее время неолитические памятники фиксируют уже развитой его этап, характеризующийся большим количеством тщательно изготовленных орудий из кварца, горного хрусталя, сланца, шифера, роговика и других пород камня, с применением высоко совершенных приемов обработки — ретуширования, шлифования, пиления и сверления. Для этого периода характерны четырехугольные жилища и ямочно-гребенчатая керамика с примесью кварцевого песка.

Сопоставляя инвентарь и керамику неолитических поселений Кольского полуострова и поселений соседних территорий, можно обнаружить большое сходство его керамики с керамикой стоянок восточной приполярной зоны — низовьев Печоры и прилегающих к ней районов. Вместе с тем их орудия весьма различны — изобилие на востоке кремневых орудий иных форм, минимальное количество кварцевых и сланцевых орудий. Для неолита общность между этими районами, по-видимому, была хозяйственно-культурной, порожденной одинаковой средой, а следовательно, формой хозяйства (морской промысел и рыболовство) и одинаковым уровнем развития производительных сил. Вместе с тем близость керамики указывает на возможные общие корни неолита (по всей вероятности, южные).

Так, в частности, о связи с Карелией свидетельствуют топоры русско-карельского типа, рованьеми, кварцевые скребки, масса шлифованных орудий, применение пиления и керамика (в частности северных ее районов). В инвентаре неолитических стоянок Кольского полуострова близкое сходство прослеживается с западом, в частности с Варангерфиордом. Оно проявляется в шиферных наконечниках стрел, угловых сланцевых ножах, крупных рубящих орудиях (топорах карельского типа и рованьеми), кварцевых скребках. Улавливается общность и с наиболее ранней керамикой типа Säräsniemi (Simonsen, 1961, 1963). Однако несмотря на общее сходство орнамента — сочетание глубоких конических ямок с более поверхностными отпечатками гребенки или веревочки, намотанной на конец стержня, строгую зональность узора, керамика типа Säräsniemi более богата, густо орнаментирована ямками и имеет специфический узор. Все это не позволяет пока объединять неолитические памятники северной Норвегии и Кольского полуострова в единую культуру. Для окончательного решения этого вопроса требуются дополнительные полевые изыскания и прежде всего на территории Кольского полуострова. В настоящее же время бесспорным является тесное общение древнего населения этих областей, обусловленное близостью территории и общностью географической среды и хозяйства. В эпоху раннего металла соотношение связи Кольского полуострова с западными и восточными областями заметно меняется. По-видимому, тесное общение его населения с населением восточных областей ослабевает и пути народов расходятся. На культуру населения восточ-

ной зоны очень сильно возрастает влияние культур Приобья; культура же Кольского полуострова теснее смыкается с культурой Карелии и соседних западных областей. Вместе с этим в Припечорье и на Кольском полуострове на местной основе, но под воздействием соседей вырабатываются самобытные черты, которые со временем в результате полевых исследований на обеих территориях несомненно выявятся с полной отчетливостью. Сейчас же они начинают лишь намечаться.

Оленеостровский могильник Баренцова моря очень ярко иллюстрирует сочетание тождественных черт с западом и вместе с тем наличие самобытных элементов культуры. Прослеживается известное сходство в погребальном обряде и в таких весьма оригинальных вещах, как гребень (табл. 3, *31*), колотушка шаманского бубна (?) (табл. 3, *33*), некоторые типы кремневых наконечников стрел (табл. 3, *2*), кремневые кинжалы с выемками у рукоятки и др. (табл. 3, *3*). Вместе с тем в Варангер-фиорде неизвестны захоронения в колодах и на шкурах или коре, не встречаются пильчатые наконечники стрел беломорского типа, отличен орнамент на костяных предметах, иные формы рыболовных крючков, неизвестна и «вафельная» керамика, тождественная восточным областям.

В более позднее время отдельные памятники Кольского полуострова содержат довольно много западных черт, о чем свидетельствует тождество рыболовных крючков и керамики екатерининских стоянок. Однако в это время другие памятники подчеркивают оригинальность самобытных черт, о чем свидетельствует, в частности, особая керамика с примесью асбеста.

Уточнение абсолютной датировки археологических памятников Кольского полуострова, так же как и определение их этнической принадлежности, — дело будущего. В настоящее же время мы обладаем следующими данными.

Наиболее ранние мезолитические стоянки на Рыбачьем полуострове, расположенные на 50—55-метровой террасе над уровнем моря (Littorina), могут быть датированы VII—VI тыс. до н. э. Наиболее низкие, 10—15-метровые террасы, содержащие неолитические памятники, — II тыс. до н. э. Подтверждают эту дату норвежские исследователи, относя керамику типа Säräsniemi к 2000 г. до н. э. Методом C^{14} некоторые памятники побережья датируются: Цага I — 2740 лет до н. э.; Пялица 18 — 2750 лет до н. э.; Наволок — 2220 лет до н. э. Инвентарь Оленеостровского могильника типологическим методом датировался началом—первой половиной I тыс. до н. э. (Шмидт, 1930). Радиокарбонная дата подстилки под погребением № 4 (раскопки 1947 г.) равна 3000 лет от наших дней. Наконец, имеется еще одна дата C^{14} торфа стоянки с поздним кварцевым инвентарем в Дальних Зеленцах 1720±150 лет от наших дней.[3] Таким образом, исходя из суммы данных, следует заключить, что известные в настоящее время неолитические стоянки Кольского полуострова относятся, по-видимому, к III тыс. до н. э., а памятники эпохи бронзы и раннего железа (с асбестовой керамикой) к началу I тыс. до н. э. и первым векам н. э.

---

[3] Датировки произведены радиокарбонной лабораторией ЛОИА.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

КРАЙНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Крайний Северо-Восток европейской части СССР, охватывающий территорию Ненецкого национального округа, Архангельской области и частично Коми АССР, — это обширная область тундры, протянувшаяся примерно на 1000 км от п-ва Канин на западе до отрогов Северного Урала и хребта Пай-Хой — на востоке, отделяющих рассматриваемую область от Западной Сибири. Северная граница ее — побережье Ледовитого океана, на юге же граница тундры почти точно совпадает с полярным кругом. Бо́льшая часть области занята бассейном р. Печоры. Кроме этой мощной артерии, соединяющей заполярный край с лесными районами Коми АССР, в Баренцово и Печорское моря впадает ряд мелких рек (Пёша, Индига, Хайпудыра, Коротаиха и др.), берущих свое начало в тундровых озерах. Река Печора делит всю территорию на две неравные части, получившие соответственно наименование Большеземельской и Малоземельской тундр. Большеземельская тундра тянется от правого берега Печоры до р. Кары, а Малоземельская простирается по левобережью до р. Индиги. Между реками Индигой и Пёшой находится Тиманская тундра. П-ов Канин и прилегающие к нему районы, отделенные от Тиманской тундры далеко врезающейся в материк Чешской губой, известны под названием Канинской тундры. К западу от п-ова Канин тундра прерывается Белым морем и встречается затем уже на Кольском полуострове.

Физико-географические условия позволяют выделить территорию Ненецкого национального округа как типичную для северной полярной области, отличающуюся от таежных районов Коми АССР и Архангельской области. Эти условия, налагающие в настоящее время черты своеобразия на обитателей Заполярного края, в древности должны были иметь гораздо большее значение.

Климатические условия и ландшафт тундры, оказывающие влияние на хозяйство и быт местного населения (необходимость расположения стоянок на высоких, хорошо дренирующихся и овеваемых местах, где только и есть спасение от туч мошки и комаров, потребность иметь запасы топлива, специальной, арктического типа теплой одежды и т. д.), судя по ряду исследований не оставались неизменными в голоцене. Так, по данным палеоботаники, еще в начале субатлантического периода на месте современной тундры большей частью господствовала тайга (Кац, 1946). Возможно, что лесная растительность еще на рубеже н. э. распространялась севернее, чем сейчас, и что ее уменьшению способствовала человеческая деятельность.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Первые сведения об обитании людей каменного века в Печорском Заполярье были получены А. А. Штукенбергом. В 1866 г. крестьянин Семен Мяндин передал ему кремневые наконечники стрел, ножи и отщепы, найденные «на сопках» около Анутейского озера (Тиманская тундра). А. А. Штукенберг, заинтересованный этими находками, занялся поисками древностей и на правом берегу р. Индиги в устье р. Большая Щелиха открыл место обработки кремневых орудий — первую доисторическую стоянку в Европейской Арктике (Штукенберг, 1875, стр. XI; 1884, стр. VII; 1889, табл. VI; Фосс, 1952 [1]).

В 1890 г. в Археологическую комиссию через Ф. М. Истомина была передана небольшая коллекция кремневых орудий, собранных крестьянином Н. П. Дитятевым в Тиманской тундре, на берегу озера Пятово, близ Урдюги (Истомин, 1890, стр. 147; ОАК, 1890, стр. 114, 115, 134, 135).[2]

Большой интерес представляют обильные материалы, собранные в 1907 г. на побережье р. Колвы известным преобразователем природы Севера, осно-

[1] М. Е. Фосс в списке населенных мест Севера указывает Анутейское озеро под № 64, а под № 67 ошибочно упоминает дер. Мысовую, где были приобретены находки с этого озера.

[2] ГИМ, 111/53б № 24450. У М. Е. Фосс место этой находки числится под двумя номерами (№№ 65 и 66).

вателем Усть-Цильмской сельскохозяйственной опытной станции А. В. Журавским. На двух яреях, из которых один расположен при впадении р. Сандибей, а другой в 130 верстах выше по течению (они названы исследователем Шренк-ярей и Мой-ярей), были обнаружены остатки ряда разновременных стоянок. Прекрасно понимая важность сделанного открытия, А. В. Журавский не переоценивал, однако, древность своих находок, так как считал, что «каменный век на нашем Крайнем Севере завершился в эпоху, когда Европа уже имела свою определенную историю и далекую от кремневого ножа цивилизацию» (Журавский, 1909, стр. 207—209).[3]

В 1909 г. Н. А. Куликом на р. Адзьве, в 4 км выше устья Чорпы, была обнаружена целая «фабрика» кремневых орудий и большое количество орнаментированной керамики. В 1910 г. он открыл еще одну стоянку, расположенную на левом берегу р. Большой Роговой в 192 км выше устья (Кулик, 1914, 1915).

В 30-е годы сборы археологических материалов производились в нескольких местах Большеземельской и Малоземельской тундр. В бухте Индига Н. Н. Панову при сборах попалось несколько кремневых изделий, среди них скребок и керамика поздней бронзы — раннего железа.[4] К первой половине I тыс. н. э. можно отнести керамику, найденную И. В. Матюшевым около культбазы Тобседы, а также происходящую с р. Адзьвы (местность близ Няусейно).[5] В 1939 г. в МАЭ поступила также коллекция каменных орудий и керамики, собранная Г. Д. Вербовым в низовьях р. Печоры.[6]

Начало планомерных археологических изысканий в Ненецком округе связано с именем Г. А. Чернова. Попутно с геологической съемкой в течение многих лет им производились поиски археологических памятников. В 1939 г. на р. Колве и на ее левых притоках Сандибей-ю и Колва-вис было открыто и обследовано 28 разновременных местонахождений, расположенных на яреях (Чернов, 1940, 1948а). В их число входит Шренк-ярей, ранее обследованный А. В. Журавским. В результате сопоставления находок удается установить идентичность Шренк-ярея и стоянки Сандибей-ю VIII. В 1940 г. Г. А. Черновым и директором Нарьян-Марского окружного музея И. П. Поповым были найдены следы 12 древних стоянок в окрестностях Пустоозерска и Нарьян-Мара, а также в междуречье Печоры и Куи по дороге из Нарьян-Мара в Харитоново. Кроме того, ярейные стоянки были обнаружены в Хайпудырской губе близ устья р. Толота-яха (Чернов, 1948б). Характеризуя находки 1939—1940 гг., Г. А. Чернов сопоставлял их с материалами второй и третьей фаз развития беломорских стоянок, по схеме В. И. Смирнова, а также отметил их сходство с зауральскими стоянками Северной Сосьвы и Конды. Время расселения человека по Большеземельской тундре он отнес к началу бронзового века, отмечая, что стоянки, на которых не найдены черепки глиняной посуды, могут датироваться концом каменного века. В 1941 г. при работах в восточной части Большеземельской тундры Г. А. Черновым было обследовано много новых археологических памятников. На р. Большой Роговой им было открыто 3 стоянки, на р. Падимей-вис, притоке р. Коротаихи — 15 стоянок. Еще 12 стоянок было найдено по берегам рр. Коротаиха и Тарь-ю. На основании этих находок Г. А. Чернов пришел к выводу о позднем заселении Большеземельской тундры и датировал его суббореальным периодом (Чернов, 1951а). Открытие им новых стоянок и жертвенного места при обследовании бассейнов рр. Куи, Черной и Хэйбидя-Пэдара в полевой сезон 1947 г. дало ему возможность утверждать, что в период с конца II по конец I тыс. до н. э. древний человек освоил и северные районы Большеземельской тундры (Чернов, 1951б, 1951в, 1955).

Находки Г. А. Чернова, сделанные в 1939—1947 гг., позволили М. Е. Фосс дать характеристику культуры племен, заселивших Печорское Заполярье в конце II и в первой половине I тыс. до н. э. Эта культура, названная «печорской» и отнесенная к неолиту, рассматривалась М. Е. Фосс как единое целое, отличное от других неолитических культур европейской части СССР; исходя из этого, исследовательница сделала вывод о существовавшей у населения Нижней Печоры особой этнической общности. Отсутствие ямочно-гребенчатой керамики и сходство печорских орнаментальных мотивов с узорами на западносибирских, нижнеобских сосудах позволили М. Е. Фосс говорить о заселении Большеземельской тундры с востока (Фосс, 1952).

К этой характеристике большеземельских материалов присоединился и А. Я. Брюсов (1952).

В 1952 г. Г. А. Чернов предпринял обследование р. Адзьвы на всем ее протяжении, от Вашуткинских озер до устья, и обнаружил 79 пунктов с археологическими материалами (Чернов, 1954, 1962). В предварительной публикации этих материалов он наметил три этапа развития большеземельского неолита. К первому (начало I тыс. до н. э.) отнесены круглодонные сосуды с прямыми стенками, украшенные почти до самого дна. Ко второму (конец I тыс. до н. э.—первые века н. э.) — круглодонные сосуды, в большинстве своем с выпуклыми боками, ниже которых не опускается аккуратный орнамент, составленный различными штампами. К третьему этапу (I тыс. н. э.) причислены сосуды круглодонные и с поддоном, украшенные различными штампами, из которых наиболее характерен крестовидный. Бескерамические стоянки с ножевидными пластинками связывались со временем, предшествующим первому этапу.

Впоследствии, сравнивая находки из Большеземельской тундры с материалами стоянок, открытых им в Зауралье на р. Щучьей, Г. А. Чернов смог говорить о самостоятельном развитии неолита в Большеземельской тундре и о возможности связи этого района с южными районами через верховья Печоры и Камы. Влияние же обской культуры он отмечает лишь на стоянках восточной части Большеземельской тундры (Чернов, 1951г).

---

[3] МАЭ, колл. 1184, 1457. Кроме того, в МАЭ имеется кол. № 1169, переданная А. В. Журавским в 1907 г. и числящаяся как происходящая из центра Большеземельской тундры. Вероятно, это часть находок с Шренк-ярея и Мой-ярея.

[4] МАЭ, колл. № 4243.

[5] МАЭ, колл. № 5694 и № 4660.

[6] МАЭ, колл. № 5709.

Эти взгляды на южные пути заселения Печорского Заполярья развиваются в статье, посвященной публикации находок 1954 г., среди которых следует отметить три стоянки, расположенные непосредственно на рассматриваемой территории, на р. Лае (Чернов, 1956). В этой статье сопоставляются каменные орудия (наконечники стрел со стоянок р. Адзьвы, шлифованные скребки и керамика с Миш-Ваньской стоянки) с изделиями из Волго-Окского междуречья, а также с материалами, происходящими из бассейнов рр. Вычегды и Камы. Большое значение придается также сходству некоторых образцов большеземельской керамики с ананьинскими сосудами, что было отмечено еще раньше А. В. Збруевой (Збруева, 1952).

Разведочные работы Г. А. Чернова позволили выявить многочисленные и разнообразные археологические памятники, и Большеземельская тундра на некоторое время, до развертывания исследований в Коми АССР, стала одним из наиболее исследованных районов европейского северо-востока. Однако многочисленные публикации найденных материалов не дают полного представления о характере и культурной принадлежности находок, а выводы автора, эволюционирующие от статьи к статье, все-таки редко выходят за рамки первоначального осмысления материалов.

Большой интерес для выяснения путей раннего заселения Крайнего Северо-Востока Европы представляет коллекция каменных орудий и ямочно-гребенчатой керамики, собранная в 1955 г. геологами на стоянке в 30 км к северу от Нарьян-Мара, в верховье одного из небольших притоков Печоры. Подобие этой керамики керамическим материалам позднего этапа неолитической культуры восточного побережья Белого моря дало возможность Н. Н. Гуриной, опубликовавшей коллекцию, датировать ее первыми веками II тыс. до н. э. и наметить западный путь, которым проникли в Печорское Заполярье племена, принесшие с собой принципы орнаментации ямочно-гребенчатой керамики. Вероятнее всего, они продвинулись через Беломорье из районов Каргополья и Костромского Поволжья (Гурина, 1957).

В последние годы сведения об археологических памятниках на Крайнем Северо-Востоке Европы пополнились благодаря деятельности любителей. Геологами обнаружены следы древних стоянок на п-ове Канин и близ пос. Индига (Лузгин, 1963). В 1965 г. около этого поселка произвел успешное обследование мест древних поселений скульптор Ю. И. Завитухин. В 1960 г. зоолог Н. П. Пядышев открыл на правобережье Печорской дельты близ пос. Ортино стоянку, материалы которой позволили выделить впервые для изучаемой территории выразительный комплекс изделий эпохи бронзы (Пядышев, Хлобыстин, 1962).

В 1961 г. большие сборы археологических материалов были проведены Г. А. Черновым в бассейне р. Коротаихи. Обнаружено много разновременных стоянок, на которых, по его мнению, сочетаются элементы нижнеобской и местной, печорской, культур, что объясняется близостью к низовьям Оби (Чернов, 1967).

В результате перечисленных работ, производившихся нередко людьми, хотя и знакомыми с археологическими методами исследования, но, к сожале-

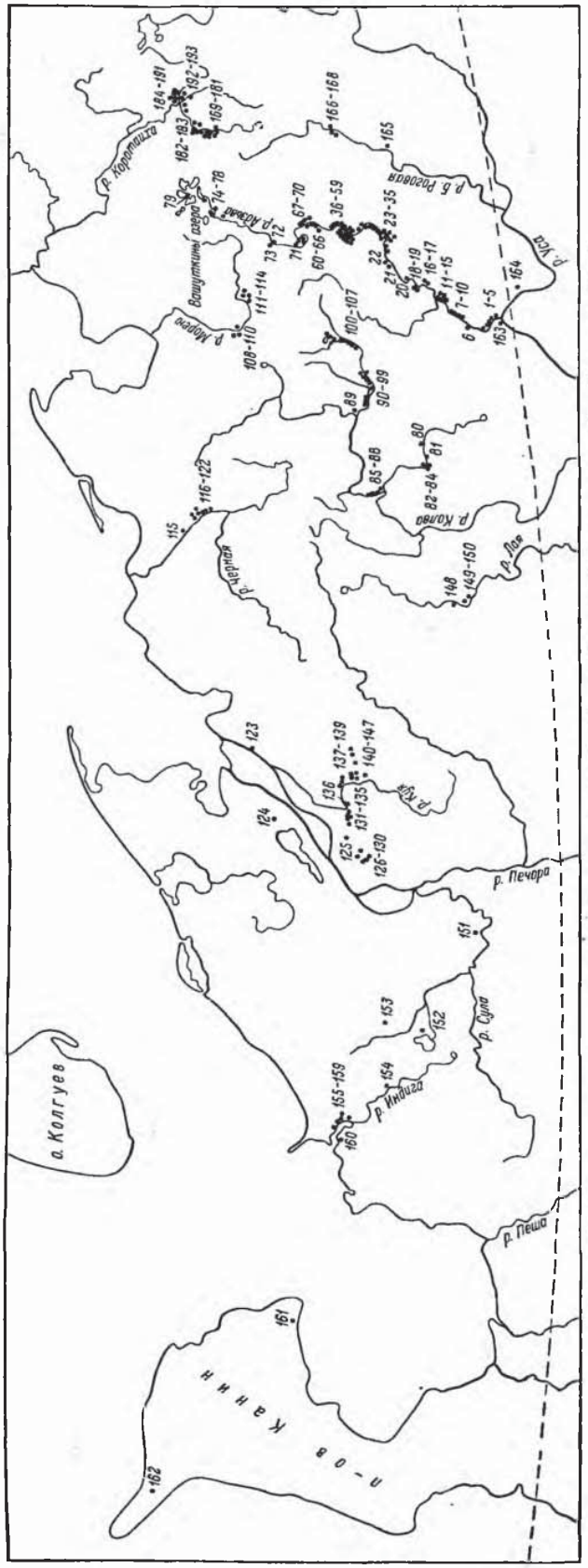

Рис. 1. Расположение древних стоянок на территории Крайнего Северо-Востока европейской части СССР.

1—79 — Адзьва I—LXXIX; *80—88* — Сандибей-ю I—IX; *89—107* — Колва-вис I—XIX; *108—114* — Хэйбидя-Педара I—VII; *115—122* — Черная I—VIII; *123* — Ортино; *124* — Печорская стоянка; *125* — Тельвиска; *126—130* — Пустоозерские стоянки; *131—135* — стоянки у Казенного озера и по дороге в Харитоново; *136—147* — Куя I—XII; *148* — третья стоянка на р. Лае; *149—150* — первая (Миш-Ваньская) и вторая стоянки на р. Лае; *151* — Коктино; *152* — оз. Пятово; *153* — Харитоново; *154* — устье р. Б. Щелиха; *155—159* — стоянки около пос. Индига; *160* — Индига — Черный Мыс; *161* — Талькута; *162* — Тарханово; *163* — Адзьвинская стоянка; *164* — Адаковская стоянка; *165* — стоянка Кулика; *166—168* — I—III Большеторговские стоянки; *169—181* — Падимей-вис I—XIII; *182—183* — Падимей-вис XIV—XV; *184—191* — Коротаиха I—VII; *192—193* — Коротаиха VIII—IX

нию, не специалистами, территория Ненецкого национального округа уже не является белым пятном на археологической карте Союза (рис. 1). Однако изучена она неравномерно. Большое число стоянок открыто в Большеземельской тундре и по р. Печоре, западнее же районы обследованы еще незначительно. Добытые материалы опубликованы во множестве разрозненных изданий и, как правило, плохо иллюстрированы, в силу чего отсутствует ясное представление о культурах племен, существовавших здесь в древности.

В связи с работами М. Е. Фосс получило широкое употребление наименование «печорская археологическая культура». К сожалению, в распоряжении исследователя в момент выделения этой культуры были еще немногочисленные и в основном смешанные комплексы. В силу этого к позднеолитической печорской культуре была отнесена керамика не только I тыс. до н. э., но и I тыс. н. э., причем вместе с более ранним комплексом каменных изделий. М. Е. Фосс отмечала, что заселение Большеземельской тундры происходило неодновременно, и что некоторые вещи, главным образом каменные изделия, датируемые концом II—началом I тыс. до н. э., имеют аналогии на западе и юго-западе от Печорской тундры, в то время как бо́льшая часть керамики датируется первой половиной I тыс. до н. э. и имеет широкое, выходящее за пределы Печорского Заполярья распространение на востоке (в Западной Сибири и на Урале).

В предложенном М. Е. Фосс понимании термин «печорская культура» прочно вошел в литературу. Однако в последние годы различные исследователи (О. Н. Бадер, Г. М. Буров, В. И. Канивец), занимающиеся изучением древних культур в областях, соседних Печорскому Заполярью, отмечают распространение памятников этих культур и на территории «печорской культуры».

Для того чтобы решить, что представляет собой «печорская культура», мы должны обратиться к рассмотрению археологических находок, сделанных в Печорском Заполярье.

До получения в результате будущих раскопок стратиграфических и радиоуглеродных датировок многочисленные комплексы изделий каменного века, обнаруженные в печорской тундре, могут быть подвергнуты только типологической классификации на основе сопоставления с материалами, добытыми на соседних территориях. Так, для решения вопросов заселения Печорского Заполярья и культурных контактов его древнего населения большое значение имеют археологические исследования последнего десятилетия в прилегающих областях Приобья, Прикамья и особенно Коми АССР. Произведенное здесь выделение культурных комплексов и установление их хронологического соотношения позволяют выяснить взаимосвязи памятников Печорского Заполярья с памятниками указанной территории.

Исходя из этого, стоянки Печорского Заполярья, содержащие каменные изделия, в настоящее время могут быть разделены на три хронологически культурные группы. Первая из них укладывается в понятие мезолита — раннего неолита, вторую можно отнести к развитому неолиту с захватом позднего неолита, а третью — к эпохе бронзы.

МЕЗОЛИТ И РАННИЙ НЕОЛИТ

Среди материалов, происходящих из бассейна р. Колвы, резко выделяются комплексы, собранные на яреях Сандибей-ю I, III—VI. Здесь отсутствует керамика, а среди каменного инвентаря преобладают ножевидные пластинки, что хорошо отражено в приведенном в публикации (Чернов, 1948а, стр. 90—100) подсчете. Отсутствие керамики — явление не редкое для собранных на песчаных выдувах материалов и вполне объяснимо ее разрушением, но соотношение ножевидных пластин и отщепов (490 : 325), которое наблюдается на наиболее выразительной из этих стоянок Сандибей-ю I, является необычным для других, иновременных комплексов Печорского Заполярья независимо от того, имеется или отсутствует в них керамика. Ножевидные пластинки здесь служили основой для изготовления орудий.

На месте стоянки Сандибей-ю I были найдены (рис. 2, табл. 4, *1*, *5—12*) обломок наконечника стрелы из ножевидной пластинки с черешком, выделенным расположенной по брюшку ретушью, девять угловых резцов на небольших сечениях ножевидных пластин и серия скребков. Из них пять принадлежат к типу обычных концевых скребков, один имеет два рабочих лезвия, расположенных на противоположных концах массивной ножевидной пластинки; седьмой скребок может быть отнесен к типу копьевидных, для которых характерна отделанная тщательной ретушью приостренная часть, вставлявшаяся в рукоятку. Отличается этот экземпляр от других копьевидных скребков, широко распространенных в Заполярье, тем, что он сделан, как и другие скребки Сандибей-ю I, из ножевидной пластины. Наконец, имеются три скребка, сделанные из отщепов (один из них выемчатый) и два отщепа с ретушью, подобные скребкам.

Из ножевидных пластинок сделаны 3 проколки. В коллекции имеются 4 конических нуклеуса и 5 сколотых с нуклеусов площадок.

Кроме этих изделий, на стоянке найдено 29 вкладышей-пластин с ретушью на брюшке по одному или реже по двум краям.

Обилие вкладышей свидетельствует о широком бытовании составных орудий, вероятно, наконечников копий, кинжалов, ножей (табл. 4, *5, 6*). В бассейне Нижней Печоры встречаются и пластинки со скошенным краем (Колва-вис I), использовавшиеся на концах составных орудий (табл. 4, *4*).

Приведенный перечень инвентаря стоянки Сандибей-ю I укладывается в классический список инвентаря мезолитических поселений. Изделия же этой стоянки находят себе полные аналогии на поселениях мезолитического возраста, открытых В. И. Канивцом в 1969 г. на р. Усе (Адак II и др.), в таежной зоне, примыкающей с юга к Большеземельской тундре, а также среди материалов мезолитических стоянок Вычегодского края — Курьядор, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын и др. (Буров, 1961, 1965а). Близки к орудиям Сандибей-ю I и некоторые изделия с ранненеолитических стоянок верхней и средней Печоры, а также Ижмы (Чернобор III).

Перечисление заполярных местонахождений, где ножевидные пластинки встречены без сопровожде-

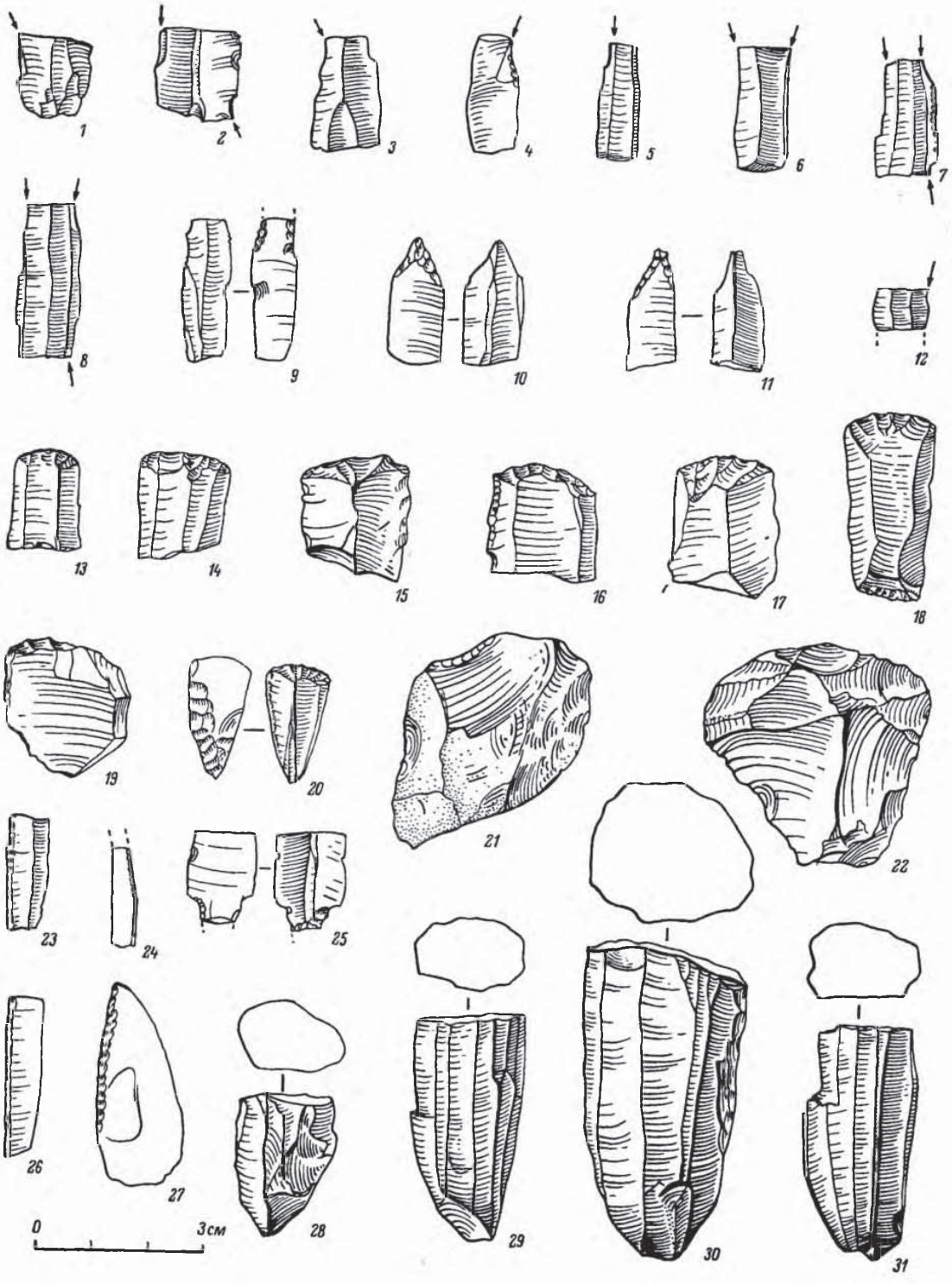

Рис. 2. Каменные изделия стоянки Сандибей-ю I.

1—8, 12 — резцы; *9—11* — проколки; *13—22* — скребки; *23, 24, 26* — пластинки с ретушью; *25* — обломок наконечника стрелы; *27* — нож; *28—31* — нуклеусы.

ния керамики, можно легко продолжить. Имеются они и на Адзьве и в бассейне Колвы. «Микролитический» характер этих памятников позволил в свое время сделать О. Н. Бадеру и Г. М. Бурову предположение об их мезолитическом возрасте (Бадер, 1961а, стр. 16; 1966а, стр. 199, 200; Буров, 1961, 1965а, стр. 158). Исследователи основывались в своих суждениях главным образом на преобладании индустрий ножевидных пластин; ярко выраженный мезолитический характер орудий Сандибей-ю I оказался скрытым в результате неясности их публикации. Сделанное ими предположение о связи заполярного мезолита через посредство вычегодских памятников с камским мезолитом не может в настоящее время из-за немногочисленности мезолитических памятников быть в достаточно полной мере аргументировано. Расположение известных мезолитических памятников по гидрографической сети, соединяющей Печорское Заполярье с Камой, заставляет с вниманием относиться к этому предположению. Следует, впрочем, отметить, что на известных в настоящее время мезолитических стоянках Камы отсутствуют пластинчатые с черешком наконечники стрел и копьевидные скребки. Эти орудия, входящие в комплекс Сандибей-ю I, в бассейне Камы отмечаются лишь на неолитических и раннебронзовых поселениях. Наконечники стрел свидерского типа характерны для мезолита верхней Волги (П. Третьяков, 1963), Оки и прибалтийских областей. Для ранних памятников Зауралья и Западной Сибири типичны другие формы наконечников стрел — наконечники с асимметричной выемкой. В связи с этим кажется не совсем точно направленным поиск прародины заполярного мезолита только в Прикамье. Корни этого мезолита могут тянуться с территорий, прилежащих Верхней Волге, где исследованы позднемезолитические стоянки, близкие по облику кремневых орудий комплексу Сандибей-ю I.

К мнению о волжско-окской прародине вычегодских памятников эпохи мезолита пришел Г. М. Буров (1967б).

Нужно, однако, учитывать, что немногочисленные материалы камского мезолита, по-видимому, имеют связи с мезолитом Южного Урала, а в Башкирии, судя по работам Г. Н. Матюшина (1964б), уже найдены наконечники стрел свидерского типа. Поэтому можно предполагать, что дальнейшие исследования приведут к находкам таких наконечников и в Прикамье.

Некоторые орудия мезолитических комплексов входят также в состав ранненеолитических памятников. Это заставляет быть осторожным и рассматривать археологические материалы Печорского Заполярья, носящие мезолитический и ранненеолитический облик, пока в целом, тем более что находки, относимые к раннему неолиту, также встречены без сопровождения керамики.

Ранненеолитические наконечники стрел, сделанные из ножевидных пластин краевой ретушью, придающей им листовидную форму, представлены на стоянке Ярей-ты (Куя V) семью экземплярами (табл. 4, *2, 3*). Зафиксирован этот тип наконечников и на стоянке Сандибей-ю VIII, где оказался в смешанном комплексе. Следует отметить, что в коллекции А. В. Журавского из центра Большеземельской тундры, часть которой, возможно, происходит со стоянки Шренк-ярей (Сандибей-ю VIII), также имеются два наконечника подобного типа. Наконечники, близкие по облику к описываемым, найдены и на стоянке Чернобор III на р. Ижме (Лузгин, 1967 и статья этого автора в данном сборнике).

В раннем неолите в Печорском Заполярье, вероятно, продолжали бытовать изделия, повторяющие своим обликом мезолитические образцы. К такому выводу приводит ряд орудий «мезолитических» форм, бытующих в развитом неолите.

О типе ранней керамики Печорского Заполярья можно только догадываться. Правда, среди иллюстраций, дающих некоторое представление о находках Г. А. Чернова на рр. Куе и Чёрной, имеются фрагменты керамики, которые, если судить по прорисовкам, близки к керамике III Черноборской стоянки (Чернов, 1951б, рис. 28, *1—3*, и 29, *3*, *4*).

РАЗВИТОЙ И ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ

Долгое время неолитическая керамика на территории Крайнего Северо-Востока Европы была неизвестна. М. Е. Фосс справедливо отмечала в своей характеристике «печорской культуры», что «среди керамики Большеземельской тундры отсутствует такая, которую можно было бы определить как ямочно-гребенчатую» (Фосс, 1952, стр. 139).[7] Теперь к типу ямочно-гребенчатой керамики могут быть отнесены материалы Миш-Ваньской и Печорской стоянок, а также черепки со стоянки Адзьва X.

Наиболее выразительным из них благодаря хорошей сохранности большого числа фрагментов сосудов является керамический комплекс Печорской стоянки (табл. 5, *1—7*). Он состоит из обломков толстостенных крупных размеров сосудов, имевших яйцевидную форму. Края сосудов прямые, утолщенные и несколько загнутые внутрь. Примесью к тесту служил кварцитовый песок.

Украшениями являются круглые ямки, гребенчатые оттиски и отпечатки веревочки, намотанной на палочку («веревочная катушка»). Орнамент покрывает внешнюю поверхность сосудов от края до днища, располагаясь опоясывающими сосуд чередующимися зонами, скомпанованными из ряда ямок и рядов прямо или косо поставленных отпечатков гребенки или «веревочной катушки». Имеются, однако, фрагменты сосуда, гладкая поверхность которого украшена далеко отстоящими друг от друга цепочками редких ямок. Характерно соединение ямок первого под венчиком ряда горизонтальной линией гребенчатых отпечатков.

В орнаментации Миш-Ваньской керамики, как и керамического комплекса Печорской стоянки, основу составляют ряды вертикальных или косо поставленных оттисков гребенчатого штампа. Монотонность гладких или покрытых гребенчатыми рядами

[7] Приводимые М. Е. Фосс в виде исключения черепки со стоянки Сандибей-ю VIII (Шренк-ярей) являются частями венчиков, под краем которых всегда, как правило для орнаментации сосудов бронзы и раннего железа, наносились в один или несколько рядов ямки. Один экземпляр (Фосс, 1952, рис. 77, *4*; МАЭ, колл. 1184-А, № 175) несет на своей поверхности следы лощения, и его можно отнести к эпохе бронзы.

стенок сосудов нарушают цепочки ямок. На стоянке Адзьва X найдены черепки с гребенчатыми отпечатками, аналогичными орнаментальным украшениям выше рассматриваемой керамики.

Вся эта керамика орнаментацией напоминает керамику стоянки Галдарея I, предшествующей, по М. Е. Фосс, сложению беломорской культуры.

После публикации материалов Печорской стоянки стало возможным включать территорию Печорского Заполярья в круг распространения племени с ямочно-гребенчатой керамикой, а время заселения печорской тундры, ранее датировавшееся концом II тыс. до н. э., отнести по крайней мере к началу этого тысячелетия (Гурина, 1957).

Впоследствии, после успешных работ в Вычегодском бассейне, где были найдены неолитические памятники с керамикой, украшенной ямочно-гребенчатыми узорами, Г. М. Буровым было проведено сопоставление вычегодских и нижнепечорских керамических комплесков. Он пришел к выводу, что керамику Печорской стоянки, как и аналогичные ей древнейшие комплексы керамики (I группа) поселений Вис I и II, не следует относить к числу памятников волго-окского типа. Преобладание в ее орнаментации гребенчатых узоров позволило Г. М. Бурову отметить влияние на эту керамику со стороны памятников Прикамья и включить Нижнюю Печору в область распространения гребенчато-ямочной керамики, промежуточной между «зубчатой», камской и ямочно-гребенчатой, волго-окской. Затем Г. М. Буров пересмотрел свои идеи и отнес Печорскую стоянку к культуре ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа. Вместе с предшествующей ей в Вычегодском крае культурой камского типа указанная культура привела к созданию гибридных памятников (Буров, 1967б).

Мы позволим себе высказать еще одно предположение, касающееся судеб керамики типа Миш-Ваньской и Печорской стоянок. Простота компонентов и стройность построений орнамента этой керамики имеет много родственного с наиболее ранними экземплярами керамики Волго-Окского междуречья, относящимся ко времени, когда там существовала единая льяловская культура. По-видимому, на севере Восточной Европы параллельно льяловской культуре развивался ее аналог. Распространение же культуры камского типа было либо очень слабым, либо более поздним, так как носители ямочно-гребенчатой керамики проникли в приморские районы Архангельской области и Печорского края через районы, где отмечаются находки камской и гибридной керамики, не изменив облика керамических и каменных изделий. Такое явление было бы нереальным, если бы им пришлось миновать местность, обильно заселенную инородным этносом. В приморских районах культура ямочно-гребенчатой керамики продолжала развиваться, не испытывая значительного влияния со стороны камских культур. Развитие этой керамики подчинялось каким-то общим для северных приморских племен закономерностям развития ритмических композиций ямочно-гребенчатых элементов. Свидетельством этого является аналогичный процесс увеличения орнаментальной значимости гребенчатых отпечатков в украшении сосудов, наблюдаемый при сравнении комплексов Галдареи I и II. В целом же вытекающая из постановки вопроса о культурном месте Печорской стоянки потребность в удревнении ее даты кажется необходимой и из-за некоторого отличия ее каменного инвентаря от изделий первой половины II тыс. до н. э.

Печорская стоянка выгодно выделяется сочетанием компактного керамического материала с разнообразными формами каменных орудий, поэтому, обращаясь к характеристике каменных изделий, которые могут быть связаны с разобранными выше керамическими комплексами, мы должны в первую очередь остановиться на орудиях Печорской стоянки. В связи с тем что отчленение изделий, типичных для развитого неолита, от изделий позднего неолита во многом невозможно из-за их длительного бытования, мы вынуждены рассматривать и те и другие совместно.

Наконечники стрел (табл. 4, *13—26*). Необходимо отметить для развитого неолита использование неполностью обработанных наконечников стрел, которое может быть названо наследием более раннего времени. Наконечники стрел с неполной обработкой поверхности найдены на тех стоянках, которые можно на основании других типов орудий и керамики относить к эпохе неолита; например, на Печорской стоянке такие наконечники составляют большинство. Как правило, они не имеют четких очертаний и наиболее близки к листовидной и ромбоидальной формам, причем с ясно намечающимся черешком. Ретушь иногда покрывает спинку целиком, на брюшке она нанесена по краю и на концах. Этот тип наконечников встречается совместно с полностью обработанными наконечниками листовидной и ромбической (нередко с намеченным черешком) форм. Наконечники с неполной обработкой поверхности найдены не только на Печорской стоянке, но и на стоянках Адзьва XXIX, XLI и LXV, Сандибей-ю VIII (Шренк-ярей). К развитому неолиту, по-видимому, следует относить и наконечники миндалевидной формы. Найдены они на стоянках Куя III и Колва-вис XVI.

Как правило, наконечники копий и дротиков повторяют форму наконечников стрел, поэтому наконечники листовидные и миндалевидные, целыми и в обломках встреченные на стоянках бассейна Адзьвы, Коротаихи и в других пунктах, могут быть в основной своей массе отнесены к неолиту. Листовидный тип является, видимо, среди наконечников копий, как и среди наконечников стрел, наиболее ранним (табл. 4, *27*).

Ножи (табл. 4, *28, 29*). Использование ножевидных пластинок в качестве режущих инструментов продолжалось в течение всего неолита. Об этом свидетельствуют пластины со следами сработанностей, найденные на Печорской стоянке и других памятниках.

На Печорской стоянке наряду с ножевидными пластинками использовались и специализированные формы крупных ножей. Таковым является асимметричный листовидный экземпляр, имеющий сегментовидную форму. Такие ножи иногда называют ножами «северного типа».

Скребки (табл. 4, *32—35*). В неолите продолжали употребляться концевые скребки. Найдены

они на Печорской стоянке и на Шренк-ярее. Большой интерес представляет аборигенное развитие копьевидного типа скребков. Он встречается как на наиболее ранней для печорской тундры стоянке Сандибей-ю I, так и на памятниках поздней фазы неолита. Копьевидные скребки неолитического возраста имеют спинку, обработанную ретушью по всей поверхности, и тщательное оформление брюшка приостренной части, вставлявшейся в ручку. Зафиксированы такие скребки на стоянках Сандибей-ю VII, Колва-вис XVIII. Этот тип скребка был широко распространен в арктической зоне Сибири. Имеется он в материалах с Вычегды, Печоры, из Каргополья и Прикамья. В большом количестве употреблялись скребки, вставлявшиеся, подобно копьевидным, в рукоятки, но с менее приостренным и не так тщательно отделанным черешком. Рабочий край их, как правило, слабовыпуклый и расположен наклонно к продольной оси орудия. Наряду с такими орудиями существовали и другие, сделанные из отщепов случайных очертаний, а также угловые и выемчатые, служившие для обработки рельефных поверхностей.

Проколки (табл. 4, *36—38*). На Печорской стоянке найдены проколки из ножевидных пластин со срединным острием, подобные обнаруженным на мезолитической стоянке Сандибей-ю I. Кроме того, в Большеземельской тундре имеются проколки клювовидного типа (Куя III) и проколки с «плечиками» (Адзьва LXIII), сделанные из отщепов. Судя по аналогии с подобными орудиями с соседних территорий, в частности Сибирского Заполярья, их следует относить к III—II тыс. до н. э.

В комплексе Печорской стоянки есть резчики, по-видимому, сменившие угловые резцы мезолита и раннего неолита. Они оформлялись наподобие срединного резца сколами, сочетавшимися с краевой ретушью (табл. 4, *30*, *31*).

Из рубящих орудий в Ненецком национальном округе в устье р. Куи найден только один топор. Он принадлежит к русско-карельскому типу, датируемому обычно первой половиной II тыс. до н. э. (табл. 4, *39*).

К редким же типам орудий, по-видимому привнесенным со стороны, относится скребковидное шлифованное орудие — цикля (Krummeissel) со стоянки Адзьва X (табл. 4, *40*). Область распространения таких изделий широкой полосой лежит к югу от Печорского Заполярья и охватывает Финляндию, Карелию, Эстонию, Каргополье и Вычегодский край и Прикамье. Попадаются цикли и за Уралом. Время их существования на указанных территориях определяется концом III—началом II тыс. до н. э.

ЭПОХА БРОНЗЫ

Чтобы проследить судьбу печорских племен, изготовлявших кремневые орудия, мы должны обратиться также к памятникам, датируемым II тыс. до н. э. и относимым к культурам бронзы, тем более что на этих памятниках ясных доказательств употребления металлических орудий не обнаружено и продолжает бытовать каменный инвентарь.

К эпохе бронзы на территории Печорского Заполярья могут быть отнесены несколько различных комплексов керамики. По стоянкам, на которых представлены наиболее характерные образцы, эти комплексы названы нами Ортинским, Шренк-ярейским, XVIII Колвависским. Иные комплексы могут быть названы по культурам, выделенным на других территориях. Среди них трудно установить преемственность, а сопоставление с материалами соседних территорий позволяет говорить о различном генезисе этих памятников.

Ортинский комплекс керамики (табл. 5, *8, 9, 13—16, 19—24, 28—31*) включает тонкостенные горшки с горловиной, выделяющейся профилировкой. Вместе с ними бытовали небольшие миски. Сосуды лепились из глины с примесью дресвы и подвергались сильному обжигу, а затем лощению. Они украшались сплошным зональным орнаментом. Элементами его являются круглые ямки, располагавшиеся в один-два (реже, больше) ряда под венчиком на горловине сосуда, наколы в сочетании с прочерками, оттиски прямого, мелкозубчатого штампа и изогнутой зубчатки, образующей арочные вдавления. Оттиски гребенчатого штампа образуют зигзаги, ромбические фигуры и сетчатый узор. Примечательна орнаментация сосудов по внутренней поверхности. Подобная керамика встречена на стоянках Ортино, Колва-вис XVI и на стоянке 10 по дороге из Нарьян-Мара в Харитоново. Керамика ортинского комплекса находит аналогии на стоянках Нижней Оби, но не может на основе имеющихся данных выводиться оттуда целиком. Некоторое сходство наблюдается у нее с керамикой синдорского типа, происходящей из бассейна Вычегды, что позволило Г. М. Бурову отнести Ортино к ранней бронзе, включив этот памятник в состав Синдорской культуры (Буров, 1965а, стр. 167—168; 1967б, стр. 169, и др.). Этим же периодом датировал стоянку В. И. Канивец, приводя ее в качестве параллели нескольким местонахождениям Верхней и Средней Печоры (Канивец, 1965, стр. 95—96). Однако сопоставляемые материалы достаточно далеки и территориально и типологически. Датировка Ортинской стоянки ранней бронзой не может быть принята полностью, так как профилировка ее керамики приближается к профилировке сосудов поздней бронзы—раннего железа. Кроме того, ортинская керамика не имеет непосредственных связей с местной неолитической керамикой типа Печорской стоянки. Следовательно, остается либо считать, что Ортинский комплекс привнесен полностью со стороны (но это кажется маловероятным, так как он не имеет идентичных в достаточной мере материалов ни в Западной Сибири, ни в Вычегодском крае), либо, что более вероятно, предполагать бытование в Печорском Заполярье памятников, переходных между Печорской и Ортинской стоянками. Существование Ортинской стоянки в настоящий момент не может определяться временем раньше середины II тыс. до н. э. Несколько более молодой выглядит керамика со стоянки Колва-вис XVI.

Что касается отнесения Ортинской стоянки к синдорской культуре, то Г. М. Буров справедливо наметил область распространения памятников со сходными чертами, наличие которых может объясняться как родственными связями, так и синхронностью. Но эта область территориально велика, и памятники, расположенные в большом удалении друг от друга, но объединенные названием «синдорская культура»,

имеют между собой гораздо больше черт различия, чем сходства. Возможно, что со временем при достаточном накоплении материалов можно будет говорить о синдорской общности бронзовых культур севера Европы и Западной Сибири, а не об единой синдорской культуре.

Кремневые орудия на Ортинской стоянке представлены наконечниками стрел ромбического, ромбоидального и листовидного типов, срединным резцом и выемчатым скребком, близким по форме к копьевидным (табл. 4, *58*, *59*, *63*, *66*). На стоянке Колва-вис XVI обнаружены наконечник стрелы с однобоковой выемкой (табл. 4, *56*) и два маленьких кусочка бронзы. Остальные находки (обломки наконечников стрел, два скребка) невыразительны. Кремневый инвентарь, сопровождающий керамику на стоянке 10 на дороге от Нарьян-Мара к Харитоново, немногочислен. Это два скребка да обломки наконечников стрел листовидной формы.

Шренк-ярейский комплекс (табл. 5, *17*, *25*, *26*, *32*). Сосуды его прямостенные, слабо профилированные у венчика, примесь в тесте мало заметна. Орнамент состоит из одного-двух рядов ямок под венчиком и гребенчатых отпечатков, образующих зигзаги или опоясывающие ленты, а также из рядов, выполненных оттисками змейчатого штампа. Характерны волнистые линии, опоясывающие сосуд. Они делались, по-видимому, цилиндрической прокаткой. Такая керамика в наиболее выразительном виде представлена на стоянке Сандибей-ю VIII (Шренк-ярей). Ямочный и гребенчатый узоры сближают эту керамику с ортинской, но волнистый орнамент имеет аналогии в Зауралье, в бассейнах Тавды и Конды, в частности, среди материалов стоянки Сумпанья II (раскопки автора в 1966 г.). Змеевидный штамп также уводит в Западную Сибирь, где он обнаружен, например, на п-ове Ямал; но его распространение типично также для Большеземельской тундры (Колва-вис XVII и XVIII) и Средней Печоры, где он отмечен, в частности, на стоянке Сотчемъ-ёль I (Канивец, 1965, рис. 32). Так как керамика этого типа встречена совместно с материалами других эпох, то выделение сопровождающего ее инвентаря невозможно.

Комплекс Колва-вис XII (Турбинский). Сосуды были, по-видимому, прямостенные, с невыделяющимся венчиком. Примесь — дресва. Основным компонентом узора являются гребенчатые личиночные оттиски, расположенные наклонно, рядами, опоясывающими сосуд. Поверхность сосудов внутри и снаружи сохраняет тонкие штрихи заглаживания. Комплекс выделяется на основе материалов стоянки Колва-вис XII (табл. 5, *10—12*). К нему могут быть отнесены также черепки со стоянки Мой-ярей. За границами тундры аналогичные образцы керамики найдены на стоянках Галово II на р. Ижме (раскопки В. Е. Лузгина), на Висских стоянках и, наконец, в Прикамье, например, на стоянке Боровое озеро VI. Все эти стоянки полностью или частично относят к памятникам турбинской культуры. Хотя керамика Колва-вис XII имеет примесь дресвы, однако общий ее вид позволяет признать ее принадлежность турбинской культуре, проникшей на территорию Заполярья. Характерно, что на стоянке Колва-вис XII керамический материал сопровождается типичными для Прикамья формами наконечников стрел: с боковыми выемками и рыбковидной. Датировать на основе аналогии этот комплекс можно борским этапом, т. е. второй половиной II тыс. до н. э.

Памятники с керамикой лебяжской культуры на территории Печорского Заполярья выделены Г. М. Буровым и В. И. Канивцом. Ее присутствие определено на стоянках Адзьва V и XV и Пустозерские IV и VI (Буров, 1965а, стр. 172—176; Канивец, 1964, стр. 77—83). Основная масса стоянок этой культуры открыта в бассейнах Верхней и Средней Печоры и на Вычегде. Для лебяжской керамики характерны сильно выпуклые стенки, невысокий прямой, иногда чуть отогнутый наружу венчик. Орнамент состоит из одного, реже двух рядов ямок под венчиком, из гребенчатых отпечатков, расположенных горизонтальными или наклонными линиями и часто образующими сетку. Кроме этого, характерными орнаментальными компонентами лебяжской керамики являются косые крестики. Наличием сетки, составленной из зубчатых отпечатков, с орнаментацией лебяжской керамики перекликается орнаментация некоторых образцов керамики ортинского типа со стоянки Колва-вис XV. Нижней границей существования лебяжской культуры В. И. Канивец считает начало второй половины II тыс. до н. э., а конец ее намечает на первую четверть I тыс. до н. э. (Канивец, 1964, стр. 82, 83). Наряду с этой датировкой существует мнение Г. М. Бурова о том, что в Припечорье отсутствуют преемственные связи между раннебронзовой культурой и культурой лебяжской, ранние, озъягские памятники которой датируются им началом I тыс. до н. э.

Большой интерес представляют фрагменты керамики со стоянки Колва-вис XVIII (табл. 5, *18*, *27*, *33*, *34*). Поверхность их покрыта отпечатками грубой сетки или ткани. Изнутри сосуды несут следы заглаживания в виде штрихов. Иногда сосуды пришлифовывались прямо по «текстильным» отпечаткам. Сосуды — миски с округлыми или ребристыми боками и горшки с прямыми стенками и отогнутым наружу краем венчика — сплошь покрыты орнаментом. Элементами узора являются мелкие ямки, иногда бесформенные, а также оттиски змейчатого штампа и крупнозубчатой гребенки. Употребляются и ногтевые вдавления. Из этих элементов составлялись простые композиции в виде зигзагов и горизонтальных рядов. В коллекции имеется круглая плоская крыша, украшенная по краю маленькими ямками. Вместе с этой керамикой на стоянке оказались удлиненные наконечники стрел (беломорский тип). Один экземпляр является вариантом встречающихся на территории Коми АССР черешковых с вогнутым основанием наконечников стрел. Скребки сделаны на отщепах и один из них близок к копьевидному типу. Поиски аналогий и определение места комплекса стоянок Колва-вис XVIII заставляют нас обратиться к памятникам культуры сетчатой керамики, носители которой с верховьев Волги по притокам Северной Двины проникли далеко к северу, даже в печорские тундры. Датируется текстильная керамика подобного типа концом II—началом I тыс. до н. э. За комплексом Колва-вис XVIII следует при-

знать связи с этносом культуры сетчатой керамики и распространить на него указанную датировку.

Наконец, необходимо отметить случай нахождения на стоянке Мой-ярей черепка с вафельным отпечатком на поверхности. Такие отпечатки служат доказательством употребления выбивной лопаточки. Выбивная керамика с вафельной поверхностью широко распространена во II тыс. и, возможно, в начале I тыс. до н. э. в заполярных областях Восточной Сибири от Таймыра до Чукотки. Ее черепки найдены в погребении Оленеостровского могильника Баренцева моря (Гурина, 1953б; Шмидт, 1930). По-видимому, наличие керамики такого облика на Севере Европы следует объяснить ее проникновением с Востока и отражением широких циркумполярных связей, установившихся во II тыс. до н. э. между рядом культур Евразии. Свидетельством этого является также распространение в Евразийском Заполярье ряда каменных изделий: треугольных с прямым или чуть вогнутым основанием наконечников стрел, копьевидных скребков, наконечников копий типа юма и иных орудий.

К сожалению, керамика, собранная на яреях в тундрах Заполярья, как правило, плохой сохранности и попадается в небольшом количестве. Поэтому некоторые образцы керамики из Большеземельской тундры, хотя они и могут свидетельствовать о своей возможной принадлежности к эпохам неолита или бронзы, мы вынуждены были опустить. Отметим лишь, что керамические материалы, относящиеся к этим эпохам, найдены на стоянках Коротаиха XXI, XXII, XXV, Сандибей-ю VII (Колва XIX), Адзьва V, LXV, LXXVIII, Куя II, III, V.

На стоянках Печорского Заполярья встречено большое число каменных орудий, связь которых с определенными керамическими комплексами не устанавливается, но существование которых приходится на II тыс. до н. э. Наибольшего разнообразия в эту пору достигают наконечники стрел (табл. 4, *41—59*). Судя по материалам Ортинской стоянки продолжают бытовать листовидные и ромбоидальные типы. Листовидные (лавролистные) наконечники имеются среди сборов на стоянках Адзьва XII, XXIX, LIV, Устье I, Канин Камень.

Наконечник стрелы иволистной формы, напоминающий наконечники из Волосовского клада, происходит из дер. Коктино на р. Суле. Датируется он примерно концом II тыс. до н. э.

Наконечники правильной ромбической формы встречаются редко (Ортино, Адзьва XV, оз. Пятово). Чаще этот тип заменяют наконечники подромбической формы с выделяющимся черешком. Они присутствуют в материалах ряда стоянок р. Адзьвы. Время их бытования укладывается в период позднего неолита — ранней бронзы.

На стоянке Хальмер-ю обнаружен наконечник стрелы с треугольным основанием, являющийся переходной формой между ромбическим и ромбоидально-черешковым типами.

В эпоху бронзы наконечники стрел листовидно-черешковой формы были вытеснены наконечниками более четких очертаний, главным образом с выделенными плечиками. Но на Нижней Печоре последние редки. Так, например, сейминский тип (с плечиками и треугольным черешком), который может датироваться серединой II тыс. до н. э., имеется на стоянках Колва-вис I, Адзьва LXII, Куя II и III. Лишь один наконечник с плечиками и усеченным черешком оказался на стоянке Индига-Створы.

Наиболее часто встречаются треугольные наконечники с прямым или вогнутым основанием. Как правило, они имеют удлиненные пропорции. В редких случаях попадаются почти равносторонние экземпляры (Колва-вис II, Адзьва XX). Эти типы обязаны своим происхождением влиянию со стороны арктической Сибири.

Появляются листовидные и подромбические наконечники стрел с прямым основанием (ланцетовидный тип). Они присутствуют на стоянках Куя II и IV, Адзьва XL и LXIII, Падимей-вис XIII, Пустоозерск I. Этот тип можно назвать переходным к наконечникам со спрямленными краями и прямым основанием, называемым «беломорским типом». Они попадаются часто (Колва-вис II, XVIII, Куя V, Коротаиха XXIII, Пустоозерск I, Адзьва XXIV и XXVIII). Беломорский тип сосуществовал вместе с несколькими близкими к нему разновидностями. Среди них наконечники стрел беломорского типа с вогнутым основанием, образующим шипы. Они зафиксированы на стоянках Колва-вис XII, XVIII, Пустоозерск I, Адзьва XXVIII. Иногда шипы выступают в стороны — рыбковидный тип (табл. 4, *55*). Такие наконечники найдены на стоянках Мой-ярей и Колва-вис XII. Особенностью некоторых экземпляров треугольных наконечников и разновидностей наконечников беломорского типа являются выемки в нижней части лезвий. Обычно они малозаметны и выделяются только симметрично расположенными ретушными негативами, но иногда они видны четко и позволяют выделить как особый тип «наконечники с выемками» (Колва-вис XII). Утрированными образцами этих наконечников являются рыбковидные экземпляры. Среди последних можно отметить уже упоминавшийся наконечник со стоянки Колва-вис XVIII.

Оригинальный тип представляют наконечники с асимметричной боковой выемкой (табл. 4, *56*). Они найдены на стоянках Колва-вис XI и XVI. Экземпляр такого типа наконечников был обнаружен в Каргополье на стоянке Караваиха. По-видимому, этот тип датируется концом II тыс. до н. э. Возможно, такие наконечники следует связывать с наконечниками с асимметрической боковой выемкой, сделанными из ножевидных пластин и бытовавшими в раннем неолите Западной Сибири, и выводить этот тип наконечника оттуда.

Зубчатая и струйчатая техника обработки наконечников стрел наблюдается на ряде наконечников треугольного и беломорского типов. По-видимому, такая обработка окажется более типичной для западных районов Печорского Заполярья, так как особенно сильно развита в Беломорье. Беломорские аналогии находит форма основания у наконечников со стоянок Адзьва XX и XXIV. У этих наконечников, относящихся к треугольному и беломорскому типам, у основания сделано по нескольку мелких выемок.

Наконечники с боковыми выемками и рыбковидные, кроме территории заполярных частей Печорского бассейна, распространены еще на Беломорье

и в Прикамье. Для Прикамья характерны также наконечники с одним шипом. И хотя в целом можно наметить обширную территорию от Камы через Коми АССР, Каргополье и Нижнюю Печору до Беломорья, на которой можно встретить почти все из перечисленных выше типов наконечников, рыбковидный и с боковыми выемками типы наконечников стрел наиболее характерны для прикамских стоянок.

Местной, заполярной формой является шлифованный сланцевый наконечник (табл. 4, *70*). Он имеет удлиненные пропорции и напоминает иволистный кремневый наконечник из дер. Коктино. Это изделие может быть сопоставлено со сланцевыми наконечниками северной Карелии и Западно-Сибирского Заполярья. На основе этого сопоставления наконечник может датироваться эпохой бронзы.

К эпохе бронзы относится прекрасный по выделке наконечник копья с небольшими плечиками со стоянки Индига-Створы (табл. 4, *61*), бытовали и наконечники с прямым основанием (табл. 4, *60*).

Кроме появившихся, по-видимому, в позднем неолите ножей с пуговкой, ко II тыс. до н. э. относится нож со стоянки Индига — Черный Мыс, аналогичный ножам Волосовского клада (табл. 4, *62*). Интересен нож изогнутой формы, происходящий со стоянки Коротаиха-Сарна-яха. Они имеет сходство с ножами Каргополья (Модлона, Кубенино) и Прикамья.

Продолжалось употребление появившихся в позднем неолите скребков (табл. 4, *64—68*), проколок с плечиками (табл. 4, *69*). Судя по находке на Ортинской стоянке, использовались срединные резцы.

На озере Ярей-ты вместе с выемчатым скребком найден фигурный кремень, напоминающий по очертаниям камбалу. Обычно своеобразные кремневые изделия, подобные имеющимся на стоянках Адзьва V, пункт 2 и Куя V (Ярей-ты), похожие контуром на рыб (табл. 4, *71*, *72*), принято считать предметами искусства. Укажем на сходство их с прикамскими формами ножа с пуговкой, обнаруженными, в частности, на поселении Бор I в жилище 1. Последние по очертаниям также напоминают рыб (Бадер, 1961б, рис. 18). Вероятно, «хвостики» выделялись специально для привязывания. Своеобразная форма этих орудий, иногда изогнутых и имеющих приостренный конец, может объясняться их многофункциональной предназначенностью, связанной с обработкой рыбы. В жилище 1 поселения Бор I был медный нож, датирующийся первой половиной II тыс. до н. э. Эта дата распространяется, вероятно, и на рыбковидные кремневые орудия Печорского Заполярья, хотя следует учитывать возможность их появления и в эпоху неолита.

Среди сборов со стоянки Сандибей-ю VIII оказалась многовыемчатая антропоморфная фигурка из кремня (табл. 4, *73*). Аналогии ей встречены на турбинском поселении Выстелишна (О. Бадер, 1961б, рис. 43, *17*).

Кремневый инвентарь Печорского Заполярья объединяет различные группы орудий, одна из которых связана с Прикамьем, а другая — с Беломорьем. Выделить территории, на которых преобладала бы та или иная группа, не представляется возможным, и пока все Печорское Заполярье может рассматриваться как контактная зона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведенный обзор археологических материалов, происходящих с территории Крайнего Северо-Востока европейской части СССР, позволяет сделать ряд выводов. Хотя в последние годы на р. Печоре обнаружены палеолитические стоянки, расположенные близ Полярного круга, первыми следами освоения заполярных районов следует считать материалы стоянок эпохи мезолита—раннего неолита, которые близки находкам, сделанным на Верхней Печоре и в бассейне Вычегды. Наиболее выразительным из ранних памятников Печорского Заполярья является стоянка Сандибей-ю I. Связь между ними и нижнепечорскими палеолитическими стоянками Медвежья пещера, Бызовая, Крутая Гора и другими не прослеживается. Это заставляет предполагать, что в эпоху мезолита—раннего неолита в связи с потеплением Арктики, имевшим место в бореальный и атлантический периоды, в приполярные районы бассейна Печоры проникло новое население, корни которого могут тянуться и с юго-запада, из Волго-Окского междуречья, и с юго-востока, с Прикамья.

В III тыс. до н. э. территория Восточно-Европейского Заполярья была освоена людьми, изготовлявшими орнаментально строгую ямочно-гребенчатую керамику, близкую льяловской, но с меньшим употреблением ямочных элементов в узоре. Сохранение в инвентаре созданной ими неолитической культуры орудий мезолитических форм позволяет считать, что в ее сложении участвовали и аборигенные мезолитические племена. В низовьях Печоры памятниками этой северной неолитической культуры являются Печорская, Мишь-Ваньская и X Адзьвинская стоянки. Из-за немногочисленности материалов нельзя с достаточной полнотой установить самостоятельный характер печорского неолита и возможность его выделения в отдельную культуру. Позднее, во II тыс. в эпоху бронзы интенсивность заселения заполярных территорий возрастает. Проникновение на Нижнюю Печору новых групп населения, генетически связанных с племенами, обитавшими в более южных районах, явилось отзвуком важных событий, произошедших в далеком от Полярного круга поясе лесостепей Евразии и вызванных возникновением подвижных скотоводческих народов.

Находки, относящиеся ко второй половине II тыс. до н. э., свидетельствуют о появлении в Печорском Заполярье иммигрантов из Центрального Зауралья, Прикамья и Верхней Печоры или о связях с указанными областями.

Это отразилось в наличии шренк-ярейского комплекса керамики, находящего аналогии среди памятников Тюменской и Свердловской областей, в турбинских находках со стоянки Колва-вис XII, в немногочисленных, но важных свидетельствах существования в низовьях Печоры элементов лебяжской культуры, сложение которой происходило, повидимому, южнее. Большой интерес представляет тот факт, что в это же время в Печорском Заполярье имелись памятники своеобразной местной бронзовой культуры — ортинской. Эта культура явилась, видимо, результатом синтеза нижнеобских и местных, печорских культурных традиций.

В конце II тыс. до н. э. Европейский Север испытывает влияние заполярных культур Сибири, что приводит к появлению здесь небольшого количества выходцев из Восточной Сибири и к употреблению некоторых общих для циркумполярных культур типов каменных орудий.

Однако, как показали исследования последних лет, говорить о существовании какой-то единой циркумполярной археологической культуры нет оснований, несмотря на то что отдельные связи между древними культурами тундры прослеживаются. Почти все участки евразийской Субарктики были заселены с юга, из прилегающих к ним таежных районов, и почти всегда влияние ближайших южных соседей было для населения тундры и лесотундры доминирующим.

Проникновению в Печорское Заполярье нового населения способствовали подвижность и немногочисленность аборигенов. В результате этого в одних и тех же местах встречаются одновременные, но разнокультурные памятники. На Нижней Печоре, кроме ортинской культуры, не было центробежной силы, способной консолидировать население и продолжить свое существование в эпоху железа. Еще мало материала, чтобы выявить такое перерастание нижнепечорских бронзовых культур в культуры эпохи железа. Пока мы можем только догадываться о ходе сложных процессов борьбы, сосуществования и взаимной ассимиляции разнокультурных группировок, процессов, в результате которых появление в нижнепечорском крае нового достаточно крупного объединения людей могло существенно изменить ход этнокультурного развития этих мест. Впоследствии произошло по крайней мере два таких изменения в этнической истории края: одно на рубеже нашей эры, и другое с приходом самодийских племен.

Становится очевидным, что предложенное в свое время М. Е. Фосс понятие «печорская археологическая культура» из-за разновременности и разнокультурности компонентов, на основе которых была выделена эта культура, является несостоятельным. Рассмотрение материалов показывает отсутствие четкой преемственности в развитии культур Печорского Заполярья, поэтому нельзя применять это название ко всем существовавшим здесь культурным комплексам в целом. Не представляется возможным также употреблять этот термин по отношению к какой-либо отдельной группе памятников, так как бо́льшая их часть является производной от культур, существовавших в соседних областях, а численность других мала и их генезис пока не ясен. Наиболее подходящими для этого названия представляются неолитические памятники типа Печорской стоянки. Однако до выяснения степени независимости их от культур других районов следует воздержаться от употребления наименования «печорская археологическая культура», тем более что оно требует по своей семантической значимости применения по отношению к культуре, которая имела широкое распространение в бассейне реки Печоры.

Г. А. ПАНКРУШЕВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА КАРЕЛИИ

Древнейшими поселениями Карелии являются раннемезолитические стоянки с кварцевым инвентарем, аналогичные культуре Аскола в Финляндии. Они распространены почти на всей территории Карелии.

В позднем мезолите появились поселения с микролитическим кремневым инвентарем, характерные главным образом для южной Карелии. Стоянки типа Аскола к этому времени на большой части территории сменились поселениями со сланцево-кварцевым инвентарем, аналогичным суомусярви-культуре Финляндии. Судя по большому отличию материальной культуры от этих двух групп поселений, носители кремневого инвентаря принадлежали к иной этнической общности, чем племена, заселившие ранее Карелию и Финляндию.

В раннем неолите на стоянках, сохранивших позднемезолитическую сланцево-кварцевую индустрию, появилась керамика типа сперрингс, широко распространившаяся в Карелии и Финляндии. Немного позже на стоянках с кремневым инвентарем появляется ямочная керамика льяловского типа, хотя и продолжает существовать керамика типа сперрингс.

В развитом неолите в результате укрепления связи между упомянутыми выше этническими группами на территории Карелии сложилась единая культура, получившая название карельской.

В позднем неолите и в эпоху бронзы племена карельской культуры испытали значительное влияние восточных, юго-восточных и южных племен — носителей каргопольской, беломорской, турбинской и культуры сетчатой керамики. Таким образом, в неолитическую эпоху на территории Карелии происходит сложный этногенетический процесс, нашедший свое отражение в развитии и изменении форм материальной культуры.

Современный рельеф Карелии в значительной степени является результатом деятельности ледника и его талых вод. Следами являются рассыпанные повсюду бесчисленные валуны, морены, многочисленные озы, камовые холмы, небольшие озера, вытянутые с СЗ на ЮВ, т. е. в направлении продвижения ледника, курчавые скалы и бараньи лбы, залежи ленточных глин и т. п. Ледник как рельефообразующий фактор в свою очередь испытал большую зависимость от более ранних тектонических процессов и процессов денудации, определивших основные контуры поверхности Карелии (Тимофеев, 1935). Ледник лишь сгладил эти контуры, срезав некоторые высокие точки поверхности и заполнив продуктами разрушения горных пород наиболее глубокие ее впадины.

Следами древних тектонических процессов на территории Карелии являются многочисленные выходы скал в различных ее районах, в частности на восточном и западном берегах Онежского озера, на северном побережье Ладожского озера, на берегу Белого моря и т. д.

Значительно меньше повлияла на формирование поверхности Карелии деятельность позднe- и послеледниковых озер и морей, рек, ветра и процесс заболачивания, которые сказались на образовании только более мелких форм рельефа.

К более позднему времени относятся эоловые образования в виде дюнных отложений вдоль восточных побережий Ладожского и Онежского озер, на берегах р. Южный Выг, на р. Суне, у дер. Кумдогуба и в некоторых других районах Карелии, береговые террасы крупных озер и рек (озера Ладожское и Онежское, рр. Кемь, Суна, Шуя, Водла и др.) и большие заболоченные пространства Карелии (Бискэ, 1959).

Климат Карелии по мере отступания ледника с ее территории претерпел ряд изменений (Герасимов, Марков, 1939; Лаврова, 1965; Серебряный, 1965). Послеледниковые отложения Карелии содержат остатки древней флоры и фауны.

Пыльцевой анализ разрезов, произведенный в различных районах Карелии (Бискэ, 1959), показал, что уже в бореальный период бóльшая часть ее территории была покрыта древесной растительностью. Основными породами деревьев, произрастающих тогда в Карелии, были сосна, береза, ель,

ольха и ива; причем на юге Карелии преобладала сосна, а в средней ее части — береза. В атлантический и суббореальный периоды преимущественно в южной Карелии, кроме упомянутых, появилось и небольшое количество широколиственных пород (дуб, липа, клен и орешник), в основном же в Карелии преобладала сосна. Значительное место занимали также береза, ель и ольха. Остальные породы деревьев представлены в небольшом количестве. Начало образования болот в Карелии относится к бореальному периоду (Герасимов, Марков, 1939). К концу его они высохли. Гораздо шире болота разрослись в атлантический период, затем они исчезли в суббореальный и снова разрослись в субатлантический. Развитие и высыхание болот происходило в связи с увеличением или уменьшением влажности климата.

О животном мире древней Карелии мы можем судить лишь по данным Оленеостровского могильника (Гурина, 1956) и Ладожских стоянок (Иностранцев, 1882).

Каменный инвентарь (табл. 6, *1—48*; 7, *1—7*, *11—17*, *22—28*). В Карелии нет месторождений кремня, поэтому для изготовления орудий наиболее широко применялись распространенные здесь минералы: роговик, шифер, кварцит, песчаник, гранит и некоторые другие породы камня. Кроме того, использовался привозной кремень.

По функциональному признаку каменные орудия и другие изделия из камня можно подразделить на следующие группы: 1) орудия для работы по дереву; 2) по камню; 3) для обработки кости; 4) орудия охоты и рыбной ловли; 5) землекопные; 6) бытового назначения; 7) украшения и предметы культа.

К первой группе относятся сланцевые топоры, тесла, долота и стамески.

Исключительное однообразие форм этих орудий и ограниченность находок не давали ранее возможности их типологического расчленения. Из общего состава орудий были выделены (Брюсов, 1940) лишь некоторые заметно отличающиеся по форме топоры: а) типа рованиеми, б) русско-карельского типа, в) двулезвийный и г) крестовидный.[1]

В настоящее время благодаря накоплению нового значительного материала появилась возможность выделить ряд дополнительных типов. Так, различают еще 8 типов топоров: 1) соломенский — неширокие, массивные или слегка уплощенные, со шлифовкой только по лезвию, с подпрямоугольным или овальным поперечным сечением; 2) оленеостровский — небольшие, уплощенные, прямые, со шлифовкой только по лезвию, с прямоугольным поперечным сечением; 3) онежский — маленькие, слегка уплощенные, острообушные, с обухом, обработанным сколами, со шлифовкой по лезвию и овальным поперечным сечением; 4) среднекарельский — маленькие, уплощенные, со значительным расширением к лезвию, со шлифовкой в основном по лезвию и овальным или подпрямоугольным поперечным сечением; 5) лососинский — большие, массивные, с прямым или округлым лезвием и овальным поперечным сечением; 6) кудомский — большие, широкие, уплощенные, с прямым лезвием и прямоугольным поперечным сечением; 7) шуйский — средних размеров, уплощенные или плоские, с прямоугольным поперечным сечением и с резким расширением к лезвию (иначе их можно назвать «узкообушные»); 8) ялгубский — небольшие, короткие, уплощенные, с широким лезвием и узким обработанным сколами обухом, с прямоугольным поперечным сечением у лезвия.

Тесла подразделяются на 6 типов: 1) вознесенский — небольшие, прямые, с резкими гранями и прямоугольным поперечным сечением; 2) чавнозерский — небольшие, с резкими гранями, прямые или с расширением к лезвию, с трапециевидным поперечным сечением (близки теслам русско-карельского типа); 3) соломенский; 4) оленеостровский; 5) кудомский; 6) шуйский.[2]

Среди долот выделяются 6 типов: 1) широколезвийный — небольшие, с прямоугольным поперечным сечением и расширением к лезвию; 2) узколезвийный — небольшие, суженные к рабочему концу с прямоугольным поперечным сечением; 3) киркообразный — узкие, массивные, с прямоугольным поперечным сечением; 4) клинообразный — массивные, с прямоугольным поперечным сечением, по форме напоминают клин; 5) многогранный — небольшие, с сужением к рабочему концу, пяти- или шестиугольные в поперечном сечении; 6) желобчатый.[3]

К орудиям, связанным с работой по камню, относятся шлифовальные плиты, точильные бруски и пилы, сверла, отбойники, пробойники, песты и др.

В качестве шлифующих орудий применялись сланцевые, песчаниковые, кварцитовые и иногда гранитные плиты, а также небольшие бруски из тех же материалов для подшлифовки мест, недоступных для шлифовки на плите (например, желобков у долот и тесел). На шлифовальных плитах хорошо заметны неглубокие концентрические царапины, получившиеся в результате кругового движения шлифуемого предмета. На точильных и шлифовальных брусках — продольные царапины, причем рабочий край у ряда шлифовальных брусков полуовальный в поперечном разрезе, так как использовался для выточки желобков.

Каменными сверлами для заглаживания краев пробитых отверстий служили продолговатые гальки либо массивные треугольные отщепы, или сработанные конусовидные нуклеусы из роговика, кремнистого сланца, кварца и других материалов. При пробивании отверстий в грузилах применялись пробойники, в качестве которых опять-таки использовались массивные треугольные отщепы или сработанные конусовидные нуклеусы из кремня, роговика, кварца и кремнистого сланца.

Пилы представляют собой тонкие продолговатые пластинки из песчаника, кварцита и сланца с заостренным рабочим краем, изготовленные чаще всего из сработанных шлифовальных плит.

---

[1] Двулезвийные и крестовидные топоры встречаются в Карелии очень редко (первых найдено 6, вторых — 2).

[2] Четыре последних типа характеризуются теми же чертами, что и топоры соответствующих групп, отличаясь от последних лишь асимметричным лезвием.

[3] Желобчатые долота, так же как и тесла, довольно разнообразны по величине и форме. Объединяет их один признак — желобок по лезвию. От тесел отличаются только меньшими размерами, особенно меньшей шириной.

Отбойники служили для первичной обработки заготовок сланцевых орудий с помощью техники оббивки и для скалывания пластин с нуклеусов. С этой целью обычно применялись небольшие продолговатые гальки или сработанные тупые нуклеусы из твердых пород камня. На рабочих концах отбойников обычно заметны следы от ударов о твердый предмет в виде мелких выщербин.

Орудия охоты и рыбной ловли представлены наконечниками стрел, дротиков и копий, боевыми топорами (клевцы),[4] большими сланцевыми и шиферными ножами и кинжалами, рыболовными крючками, грузилами от рыболовных сетей и от ловушек для рыбы, якорями от лодок.

Наконечники стрел, копий и дротиков изготовлялись из кремня, шифера, сланца, роговика, реже из кварца и кварцита. Их можно подразделить на следующие типы: 1) листовидные, 2) лавролистные, 3) иволистные, 4) листовидно-черешковые, 5) листовидные с усеченным основанием, 6) листовидные с выемкой в основании, 7) листовидные с боковым выемом, 8) ланцетовидные, 9) сейминского типа, 10) оленеостровского типа (близкие свидерскому типу), 11) треугольно-черешковые, 12) ромбовидные. Среди шиферных наконечников, найденных на стоянках Карелии, встречаются 1) наконечники «широкого типа с шипами», 2) «узкого типа без шипов», 3) с треугольным поперечным сечением, 4) с ромбическим поперечным сечением, 5) «арктического» типа и 6) листовидные с черешком.

Наконечники из твердых материалов (кремень, кварц, роговик) обработаны ретушью по всей поверхности (у некоторых типов — частичной ретушью по краю); наконечники из шифера, сланца и кварцита — шлифованием.

Боевые топоры (клевцы) в инвентаре древнейших поселений Карелии встречаются редко. Среди них имеются экземпляры крестовидных, двулезвийных и ромбовидных сверленых клевцов.

К орудиям охоты можно отнести также большие сланцевые ножи оленеостровского типа, изготовленные из тонких овальных и подтреугольных сланцевых пластин с отверстиями у основания.

К орудиям, связанным с рыболовством, относятся грузила из небольших песчаниковых, сланцевых и кварцитовых плиток или галек путем выбивания по бокам гальки (плитки) выемок или пробивания в ней отверстия для привязывания к сети или ловушке.

Более крупные плиты или валуны, изготовленные из того же материала и обработанные тем же способом, являлись, очевидно, якорями для лодок. Они найдены на стоянках Пушсовхоз II, Соломенное VII, Вигай-Наволок I и др. С известной долей условности их также можно рассматривать в качестве орудий, связанных с рыболовством. Довольно частой находкой на стоянках Карелии являются каменные части составных рыболовных крючков, обычно изготовленных из шифера или сланца. Жало к ним, по-видимому, было костяное.

Среди орудий бытового назначения, используемых для различных хозяйственных надобностей, наиболее многочисленны скребущие и режущие: скребки, скребла, скобели, ножички, когтевидные долота (по всей вероятности, служившие скребками), ножевидные пластинки (с ретушью и без обработки), осколки кремня с ретушью и пр. Огромное количество осколков кварца на многих стоянках Карелии вызывает предположение, что они, так же как отщепы кремня и других твердых пород, часто использовались в качестве скребущих и режущих орудий без дополнительной обработки.

Производились все эти орудия, за исключением когтевидных долот, с помощью техники скола и отжимной или ударной ретуши из твердых пород камня: кремня, кварца, роговика, кремнистого сланца. Когтевидные долота делались из сланца, поверхность их тщательно шлифовалась, а по лезвию вытачивался поперечный желобок. Для каких работ они применялись, сказать трудно. Судя по скребкообразной форме и тщательной обработке, они могли применяться для очистки внутренней стороны свежих шкур животных.

Из скребущих орудий наиболее широко распространены скребки, среди которых большинство из отщепов случайной формы путем подправки ретушью рабочего края. Много скребков подчетырехугольной овальной и полуовальной формы, довольно значительное количество концевых скребков, изготовленных как из широких, так и из узких пластин, сколотых с нуклеусов и подправленных крупной ретушью. Имеются также скребки подтреугольной формы. Ретушь преобладает крутая, но встречаются также экземпляры с плоской и мелкой ретушью. Чаще всего обработан один край орудия, но на многих ретушь распространяется и на другие края. Имеются также скребки с круговой ретушью.

Скребла, скобели и особенно фигурные кремни на стоянках Карелии встречаются редко. Техника их обработки не отличается от вышеописанной. Применялись они, по всей вероятности, для обработки небольших изделий из дерева и кости.

Ножички и ножевидные пластинки, использовавшиеся, вероятно, тоже в качестве ножичков, являются довольно частыми находками в инвентаре древних поселений Карелии. Обработаны они обычно очень примитивно — ретушью по рабочему краю, иногда притупляющей ретушью по спинке или совсем не имеют обработки. В качестве режущих орудий служили, вероятно, и осколки кремня с обработкой по краю.[5] К этой же (бытовой) категории орудий труда относятся шилья, проколки, лощила.

Каменное шило в Карелии найдено только одно — у с. Пялозеро. Оно представляет собой четырехгранный, хорошо отшлифованный шиферный стержень с заостренным концом. Проколки встречаются довольно часто. Они тоже выполняли функции шила. Проколки из шифера четырехгранные или конусообразные, хорошо отшлифованы. У сланцевых же поверхность зачастую не обработана и лишь рабочий конец заострен подточкой. Довольно часто попадаются проколки из твердых пород камня (кремня, роговика и др.) в виде тонких пластин или отщепов

[4] Клевцы, вероятно, были боевым оружием, но вполне возможно, что использовались и в качестве орудий охоты.

[5] Последние, кроме того, применялись, по-видимому, так же как и обломки ножевидных пластинок, в качестве вкладышей в костяные орудия.

с заостренным ретушью концом. В качестве лощил применялись гладкие окатанные яйцевидной или продолговатой формы гальки. Следы их употребления в виде залощенности участка поверхности отчетливо заметны.

Основным видом орудий, служащим для обработки кости и рога являлись, по-видимому довольно многочисленные резцы (угловые, срединные и многофасеточные), косвенно свидетельствующие о развитом производстве костяных изделий.

Изготовлены резцы как из ножевидных пластин, так и из отщепов с подправленным сколами режущим краем. Кроме того, имеются скребки с острыми резцовыми углами, обработанными ретушью. Для резцов служили твердые породы: кремень, кварц, роговик, кремнистый сланец.

К орудиям для обработки кости, в частности для просверливания отверстий в костяных и роговых изделиях, следует отнести также мелкие сверла из тех же твердых пород камня, концы которых обычно заострены и обработаны ретушью. При обработке кости вместе с тем применялись, по-видимому, скребки, скобели и ножички.

Из землекопных каменных орудий известен только один вид: сланцевые кирки олонецкого (или карельского) типа. По ряду признаков их можно подразделить на 1) большие, достигающие 35—40 см длины, с полуовальным или округлым поперечным сечением, 2) небольшие, с полуовальным поперечным сечением, 3) ребристые, с подтреугольным поперечным сечением, 4) изогнутые, небольшие. Назначение их, вероятно, одно: это землекопные орудия, используемые для рытья ям всевозможного назначения — охотничьих, хозяйственных, котлованов полуземляночных жилищ и т. д. Вполне вероятно, что кирки применялись также для пробивания прорубей и для других бытовых потребностей.

Среди изделий из камня довольно часты украшения и предметы культа. К ним относятся фигурные молоты, амулеты (лунарные кремневые подвески, кремневые фигурки животных и др.), шиферные кольца, сланцевые и шиферные подвески в виде пластинок и палочек с отверстиями или с нарезками для подвешивания и т. п. По-видимому, подобные вещи в большом количестве изготовлялись из кости и рога, о чем свидетельствуют данные Оленеостровского могильника, и из глины; имеются также привозные янтарные украшения (кольца, подвески, бусины, пуговицы и др.).[6]

Из прочих каменных изделий распространены штампы для нанесения зубчатого орнамента на глиняные сосуды, маленькие киркообразные орудия неопределенного назначения и некоторые другие вещи.

В целом каменный инвентарь с неолитических стоянок Карелии довольно разнообразен и строго дифференцирован: каждый тип изделия имел свое определенное назначение.

Костяные изделия в памятниках Карелии встречаются очень редко (за исключением Оленеостровского могильника) и только те, которые побывали в огне. В неблагоприятных почвенных условиях Карелии сохраняется только кальцинированная кость. Изделия из дерева не сохранились.

Керамика периода неолита и раннего металла включает несколько довольно резко отличающихся друг от друга типов посуды. Это различие прослеживается в орнаменте, в составе глиняного теста и отчасти в форме сосудов (табл. 8, *1—24*; 9, *1—25*).

Основными типами керамики являются 1) сперрингс, 2) ямочно-зубчатая,[7] 3) асбестовая, 4) пористая, т. е. с растительной примесью к глиняному тесту, 5) сетчатая, или текстильная и 6) неорнаментированная (гладкая и штрихованная).

Керамика типа сперрингс достаточно хорошо известна в литературе (Гурина, 1940, 1961а; Панкрушев, 1964, 1967). Отметим поэтому лишь основные типы ее своеобразного орнамента: линии, прочерченные палочкой, сплошные или уступчатые от периодического нажима; оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, напоминающего отпечатки плетеной тесьмы; оттиски штампа, похожего на римские цифры I и II.[8]

Кроме перечисленных основных элементов орнамента, применяются вытянутые ромбовидные ямки, круглые ямки с коническим дном и нек. др.

Узоры орнамента довольно однообразны и состоят из параллельных рядов или четырехугольников и треугольников, заполненных одним из перечисленных выше элементов. Последний вид орнамента очень похож на корзиночную плетенку.

Одной из характерных особенностей сосудов является отсутствие утолщения по венчику: края сосудов совершенно прямые и не орнаментированы.

Ямочно-зубчатая керамика со стоянок Карелии в основном сравнительно тонкостенна (средняя толщина стенок сосудов 6—8 мм), хотя имеется и довольно толстостенная (10—12 мм). Сосуды остро- и круглодонные. Размеры их разнообразны. Преобладают средней величины, диаметром 25—30 см, обжиг довольно хороший. Тесто состоит большей частью из отмученной глины с умеренной примесью дресвы или песка (иногда встречается слюда).

Ранние типы ямочно-зубчатой керамики Карелии более всего напоминают льяловскую керамику. Из всех типов ямочно-зубчатая керамика является наиболее разнообразной и богато орнаментированной. В ней насчитывается свыше 50 элементов, составляющих разнообразные узоры. Наиболее часто употребляются 1) кругло-конические ямки, 2) ромбические ямки, 3) оттиски зубчатого штампа, 4) зубчатые линии, 5) оттиски гладкого штампа и 6) нарезные линии.

Широко распространенными узорами являются 1) кругло-конические или ромбические ямки, рас-

[6] Янтарные изделия и обломки их найдены на стоянках Суна I, Золотец I, о. Шойрукшин, Соломенное I, Путкинская I и др.

[7] Термин «ямочно-зубчатая» больше подходит для обозначения керамики этого типа в Карелии, чем термин «ямочно-гребенчатая», так как керамика орнаментирована в основном оттисками не редкозубого, а частого зубчатого штампа.

[8] Опыты, проведенные в 1966 г. сотрудником Петрозаводского института ЯЛИ АН СССР Ю. В. Титовым, показали, что орнамент, похожий на римские цифры I и II, наносился позвонком рыбы, а орнамент, похожий на отпечатки тесьмы, — сдвоенными и строенными позвонками рыб.

ставленные в шахматном порядке, 2) горизонтальные ряды оттисков прямо или косо поставленного короткого или длинного зубчатого штампа, 3) чередование рядов кругло-конических или ромбических ямок с рядами оттисков зубчатого или гладкого штампа в различных пропорциях, 4) чередование рядов таких же ямок с зубчатыми или нарезными линиями и нек. др.

По характеру орнаментальных мотивов ямочно-зубчатую керамику можно разделить на ряд подтипов: 1) ямочную, 2) прибалтийско-финского типа, 3) развитую ямочно-зубчатую. Кроме перечисленных, необходимо упомянуть еще три более редких, но довольно резко выделяющихся из всей массы ямочно-зубчатой керамики подтипа: 1) с орнаментом из оттисков витой веревочки, 2) прибалтийско-новгородского типа и 3) с растительной примесью.

Ямочная — самый распространенный подтип керамики — представлена на подавляющем большинстве стоянок и на многих из них преобладает. Орнамент ее исключительно прост. В большинстве случаев сосуды украшены по всей поверхности только кругло-коническими или ромбическими ямками, расставленными в шахматном порядке (реже в линию). Размеры ямок различны: от 2 мм до 7—8 мм и больше, но преобладают кругло-конические ямки диаметром 5—6 мм и ромбические — длиною 8—10 мм. Часто ямочный орнамент делится на зоны горизонтальными рядами оттисков короткого (зубчатого или гладкого) штампа или горизонтальными линиями (нарезными или зубчатыми). Редко встречаются такие элементы орнамента, как неглубокие овальные зубчатые ямки, ямки, сходные со следами водоплавающей птицы, круглые, сделанные трубчатым предметом, ямки в форме полумесяца и нек. др.

Развитая ямочно-зубчатая керамика является дальнейшей ступенью эволюции ранней ямочной керамики. Она отличается большим разнообразием орнаментальных элементов и мотивов, хотя и для нее наиболее характерны кругло-конические ямки; широко применяются также ромбические ямки. Вместе с тем в ее орнаменте распространены оттиски зубчатого и гладкого штампа, зубчатые и нарезные линии, прямоугольные ямки с гладким дном и с насечкой по дну, треугольные неправильной формы ямки и неглубокие вдавления с крестообразной перегородкой, пунктирные и точечные линии, рамчатые вдавления и мн. др. Не менее разнообразны и узоры орнамента.

Керамика прибалтийско-финского типа (Панкрушев. 1964) известна еще под общим названием — типичная ямочно-гребенчатая (Ailio, 1909; Europaeus, 1927). Первая характеризуется простейшим орнаментом, составленным из горизонтальных рядов оттисков прямо или косо поставленного, длинного или короткого зубчатого штампа, дополненного рядами кругло-конических ямок, которые делят основной орнаментальный узор на несколько горизонтальных зон. Вторая отличается геометрически сложным, строго зональным узором из ромбов, треугольников и зигзагообразных полос, заполненных оттисками зубчатого штампа, а также из наклонных полос, составленных оттисками короткого зубчатого штампа.

Керамика, основным элементом орнамента которой являются оттиски веревочки, навитой на палочку, подразделяется на две группы: 1) с простейшим ямочным орнаментом, дополненным «веревочными» линиями, делящими ямочный узор на горизонтальные зоны, 2) со сложным разнообразным орнаментальным узором, составленным из «веревочных» оттисков и кругло-конических ямок.

Керамика с растительной примесью к глиняному тесту по внешнему виду резко выделяется из остальной массы ямочно-зубчатой керамики. Сосуды слабого обжига, легкие, пористые. Однообразный орнамент состоит в основном из редких оттисков короткого зубчатого штампа или вертикальных зигзагов, образованных его оттисками.

Такова вкратце характеристика одного из самых распространенных в Карелии типов керамики — ямочно-зубчатой.

«Асбестовая» керамика получила свое название в связи с тем, что изготовлялась из глиняного теста с примесью толченого рогово-обманкового асбеста. Сосуды ее тонкостенны, сравнительно небольших размеров, в основном среднего обжига. На раннем этапе развития сосуды толстостенны, остродонны и круглодонны, украшены простейшим узором из ямок и оттисков зубчатого штампа или сложными орнаментальными узорами, копирующими узоры ямочно-зубчатой керамики.

Плоскодонные «асбестовые» сосуды, украшенные простейшим орнаментом из оттисков короткого зубчатого штампа, часто образующих вертикальный елочный узор или вовсе не орнаментированные, а также сетчатая и неорнаментированная керамика, относятся к эпохам бронзы и раннего железа.

Типы жилищ. Следы жилищ известны на многих древних поселениях Карелии. 48 жилищ раскопаны на 22 стоянках. Древнейшими из них являются жилища эпохи мезолита на стоянках Повенецкая II и III.

При раскопках стоянки Повенецкая II была выявлена жилищная яма правильной четырехугольной формы, глубиною 30—40 см от древней поверхности, с коридорообразным выходом в восточную сторону. Дно ямы по всей площади вымощено небольшими валунами (10—15 см в диаметре) и посыпано тонким слоем гравия (5—8 см толщиной). В центральной части жилищной ямы видны следы от кострища — сильно обожженный гравий с угольками и золой. Следы маленького кострища обнаружены также в коридорообразном выходе. Длина жилища 5 м, ширина 3 м.

Правильная четырехугольная форма жилищной ямы и отсутствие ям от столбов вызывают предположение, что жилище было срубным. Слабая углубленность его основания свидетельствует о том, что оно было почти наземным. О кровле жилища можно судить лишь предположительно. Вероятнее всего она была плоская, из двух-трех накатов бревен, положенных на верхний венец и засыпанных землею.

Не менее совершенным было жилище на стоянке Повенецкая III. Оно тоже четырехугольное, площадь его 36 м², углублено в землю на 30—40 см, каменной вымостки на полу не имеет. В передней части жилища, у входа — очаг, сложенный из камней.

Жилища раннего неолита лучше всего исследованы в нижнем слое стоянки Вигай-Наволок I (Панкрушев, Журавлев, 1966). Благодаря тому

обстоятельству, что стоянка в древности была затоплена и замыта слоем песка мощностью до 1.2 м, следы жилищ хорошо сохранились. Размеры раскопанных 18 жилищ различны. Площадь их варьирует от 12 до 70 м.² Преобладают сравнительно большие жилища площадью 40—50 м². В некоторых из них сохранились следы от деревянного настила в виде прямоугольных площадок из темного гумусированного песка толщиною 20—30 см. Жилища срубные, наземные или слегка углубленные в землю. Срубный тип постройки хорошо виден по темным гумусовым полосам, оставшимся от стен, и перекрещивающимся в углах жилища, что удалось проследить в большинстве случаев. Жилища отапливались с помощью костров.

Интересно, что многие из них соединены коридорами по два-три вместе. Возможно, это крытые ходы сообщения. Такая же конструкция обнаружена в жилищах верхнего (поздненеолитического) слоя стоянки Витай-Наволок I, стоянки эпохи бронзы Вой-Наволок XXIV и других поздних поселений. По-видимому, в позднем неолите и в эпоху бронзы характер жилищ не претерпел больших изменений. Можно лишь отметить увеличение их площади — некоторые жилища достигли 80—100 м².

Типы погребений и могильников. В настоящее время в Карелии исследовано 3 могильника, включая хорошо известный Оленеостровский на Онежском озере (Гурина, 1956). Два других могильника также обнаружены на северном побережье Онежского озера. Один из них — у дер. Сандермоха, в 8 км к западу от пос. Повенец, другой — в местечке Черная губа, в 7 км к юго-востоку от пос. Повенец.[9]

Могильник у дер. Сандермоха (протяженностью более 1.5 км) очевидно долговременный, открыт в 1963 г. Раскопано пока 102 погребения. Костяки не сохранились. Только в трех погребениях найдены небольшие фрагменты (в двух случаях — от берцовой кости, в одном — от ребра). Могильные ямы, засыпанные красной охрой, хорошо прослеживаются в желтом песке. Преобладающая ориентировка их с востока на запад, многие имеют незначительные отклонения; но есть также несколько могильных ям, ориентированных с севера на юг. Глубина большинства колеблется от 20 до 60 см. В то же время есть много могильных пятен толщиною всего 10—15 см. В этих случаях покойников хоронили, видимо, на поверхности, лишь слегка покрывая песком, предварительно обильно посыпав красной охрой. По форме и размерам ям можно предположить, что большинство погребений было одиночными, но встречаются также двойные и групповые.

Инвентарь могильника бедный, представлен в основном фрагментами керамики, а также осколками и отщепами кварца, сланца, роговика и кремня. Изделий из камня очень мало, хотя они довольно разнообразны: тесла, долота, кирки, обломки шлифованных сланцевых орудий, заготовки рубящих орудий, рыболовный грузик, шиферная шлифованная пластинка, точильные бруски, шлифовальные плиты, пилы, наконечник дротика, скребки, резцы, ножевидные пластинки, ретушер и отщепы с ретушью. В некоторых погребениях найдены также кальцинированные косточки животных и птиц, обнаруженные в углублениях, служивших скорее всего местами, куда клали пищу для умерших.

В погребениях обнаружена керамика в виде небольшого количества фрагментов. Ни одного целого сосуда не найдено. Керамика двух ранних типов: ямочная (льяловского облика) и сперрингс (но вместе они ни в одном погребении не встречаются), причем в большинстве погребений — сперрингс, ямочная — только в нескольких могилах. Интересным и пока необъяснимым фактом является почти полное отсутствие в могильнике наконечников стрел и других орудий охоты.

И каменный инвентарь и керамика могильника имеют ранненеолитический облик. Ранней дате памятника не противоречат и высотные данные: согласно разработанной нами шкале высотных датировок (Панкрушев, 1966) терраса, на которой расположен могильник, освободилась от вод Онежского озера в конце IV и первой половине III тыс. до н. э. Видимо, этим временем и следует датировать могильник.

Могильник у Черной губы открыт в 1966 г. Раскопано пока 8 погребений с инвентарем позднемезолитического времени. В 70 м от могильника на более низкой береговой террасе расположена позднемезолитическая стоянка Черная губа XI с таким же инвентарем. Вероятно, могильник имеет прямое отношение к этой стоянке. По упомянутому выше высотному графику стоянка датируется серединой или второй половиной IV тыс. до н. э. Видимо, к этому времени необходимо отнести и могильник. Погребения залегали в светло-желтом песке, под тонким слоем (4—5 см) дерна и серого подзола. Костяки не сохранились. Могильные ямы заполнены ярко-красным песком малинового оттенка. Длина их 1.5—1.9 м, ширина — 0.6—1 м, глубина — 12—20 см от древней поверхности. Основная ориентация погребений: З—В и СЗ—ЮВ.

Инвентарь могильника аналогичен инвентарю позднемезолитических стоянок типа суомусярви. Преобладают изделия из сланца (долото, кирка, обломки рубящих орудий, мелкие обломки шлифованных орудий), а также из кварцита, песчаника и кварца (обломки шлифовальных плит и точильных брусков, пилы, отбойники, скребки, резцы). Изделий из кремня найдено только 6 (наконечник стрелы оленеостровского типа, ножевидные пластинки и отщепы с ретушью). Всего в раскопе могильника найдено 53 поделки. Кроме того, собраны осколки и отщепы различных, в основном местных, пород камня и кальцинированные косточки животных.

Кроме могильников, известны места одиночных захоронений эпохи мезолита, неолита и раннего металла. Они раскопаны на северо-восточном побережье Онежского озера и на мысе Оров-Наволок, а также на мысе Ажеп-Наволок в Заонежье, на берегу оз. Келкозеро и в устье р. Нижней Колонжи Пудожского района. Следы одиночных погребений замечены, кроме того, на берегу р. Водлы (в среднем ее течении) и у Кудомгубского озера.

[9] В 1966 г. открыты еще два могильника: один в среднем течении р. Кеми у местечка Кепа, другой — на северном побережье оз. Водлозера в устье р. Нижней Колонжи. Раскопкам эти памятники еще не подвергались.

Предметы искусства и культа (табл. 7, *8—10, 18—21, 29—35*). Бо́льшая часть предметов искусства и культа в древности изготовлялась из кости, дерева, древесной коры и других сильно подверженных природному влиянию материалов. Такие вещи в основном не дошли до наших дней. Поэтому мы чаще имеем дело с памятниками, менее зависимыми от влияний природы, — наскальными изображениями, орнаментами на глиняной посуде, скульптурными изделиями из камня и глины. Есть немного также кальцинированных костяных и роговых изделий. Провести четкую грань между предметами искусства и культа пока не представляется возможным: многие из них выполняли и ту, и другую функции. Например, скульптурные изображения голов лося, будучи прекрасными изделиями искусства, в то же время несомненно служили предметами ритуала, подвески из зубов животных являлись и украшениями, и амулетами и т. п.

Много предметов этого назначения найдено при раскопках Оленеостровского могильника (Гурина, 1956): подвески из камня, кости и рога, резцы лося, клыки медведя, пластинки от резцов бобра, скульптурные изображения лося, головы лося, человека и змеи, орнаментированные изделия из камня, кости и рога (кинжалы, пластинки, украшения). Предметы искусства и культа изредка встречаются и на стоянках. Среди них фигурные молоты, лунарные подвески из кремня, кремневые фигурки животных (медведя, ящерицы), глиняные скульптурные изображения (человека, медведя, змеи; сланцевые и янтарные подвески и кольца, орнаментированные косточки и т. п.).

Одним из основных памятников древнего искусства в Карелии являются наскальные изображения. В настоящее время они известны в трех районах республики: на восточном побережье Онежского озера у дер. Бесов Нос, в низовье р. Выга Беломорского района и на Колгострове в Уницкой губе Онежского озера. Последние, резко отличающиеся от первых двух групп, открыты в 1965 г.

Наскальные изображения, известные по ряду монографических работ (Равдоникас, 1936, 1938; Линевский, 1939; Савватеев, 1966, 1967, 1970), имеют первостепенное значение для изучения тех сторон жизни и деятельности древних обитателей Карелии, которые невозможно понять по другим памятникам, и прежде всего для изучения духовной жизни общества.

В объяснениях петроглифов Карелии, предложенных разными исследователями, еще много разногласий. В основном выводы большинства исследователей сводятся к следующему: 1) наскальные изображения Карелии, являясь памятниками первобытного искусства, в то же время отражают религиозные представления ее древних обитателей; 2) они являются реальными образами конкретного мышления человека; в то же время в них отражены анимистические представления о природе и взаимоотношениях человека с природой; 3) в петроглифах нашли отражение тотемизм, охотничья магия, антропоморфизация божеств и культ предков, а также зарождающийся космический культ; 4) одно из важнейших значений петроглифов в том, что по ним можно изучать реальную жизнь людей — их занятия (охоту, рыболовство), орудия производства (луки, копья, гарпуны, капканы и др.), средства передвижения (лодки, лыжи), объекты охоты и рыбной ловли (лоси, олени, медведи, белухи, лебеди, гуси, утки, рыбы и др.), способы охоты на сухопутного и морского зверя, на лесную дичь и водоплавающую птицу и т. д.; 5) не исключено, что в некоторых сценах поздней группы наскальных изображений запечатлены сцены реального быта, посвященные общественной и производственной жизни (сцена охоты на лосей, сцена охоты на морского зверя, сцена битвы двух враждующих групп и т. п.).

Что касается датировки петроглифов, то наиболее вероятной является предложенная Ю. А. Савватеевым. Он относит Басовы следки ко второй половине III тыс. до н. э., петроглифы Залавруги — к третьей четверти II тыс. до н. э., Онежские петроглифы — к середине II тыс. до н. э. (Савватеев, 1966).

Вышеизложенные выводы не могут быть отнесены к группе наскальных изображений на Колгострове, пока еще недостаточно изученных. Можно лишь отметить, что они не имеют ничего общего с реалистическими рисунками восточного берега Онежского озера и низовьев р. Выга. На скале нанесены сотни рисунков, но все они очень однообразны. В основном это овалы, вписанные друг в друга. Некоторые из них разделены чертою пополам, и в каждой половине тоже вписаны овалы. Имеются также изображения, похожие на верши и капканы.

Датировка. Для суждения о возрасте памятников в Карелии, как и всюду, широко используется типологический метод. Вместе с тем большое применение здесь нашла датировка по высотным данным (Земляков, 1936, 1940; Гурина, 1951а, 1961а; Брюсов, 1952; Панкрушев, 1966).

Последняя во взаимосвязи с типологическим анализом и стратиграфическими данными применена при изучении многочисленных памятников побережья Онежского озера.

Согласно нашей хронологической шкале, на основании высотных данных, для стоянок северного побережья Онежского озера древнейшие поселения Карелии относятся к эпохе мезолита и датируются IX—IV тыс. до н. э.[10] В настоящее время на ее территории известно свыше 100 памятников этого времени. Глиняная посуда у обитателей Карелии впервые появилась в середине IV тыс. до н. э. — это так называемая керамика типа сперрингс. Широкое применение она получила примерно с начала III тыс. до н. э. Каменный инвентарь поселений с керамикой типа сперрингс очень близок инвентарю позднемезолитических стоянок с «кварцево-сланцевой культурой» и, по-видимому, отражает дальнейшую ступень развития этой культуры.

В начале III тыс. до н. э. в Карелии появляется и в дальнейшем широко распространяется ямочно-зубчатая керамика льяловского облика. Каменный инвентарь стоянок с этой керамикой аналогичен инвентарю упомянутых выше позднемезолитических стоянок с микролитическим кремневым инвентарем, что, по всей вероятности, свидетельствует о близком

[10] Стоянки IX—VIII тыс. до н. э. наиболее полно исследованы на берегах р. Кемь, в северной Карелии.

Датировка памятников по высотным данным

Стоянка	Высота, в м	Датировка по типологическому методу	Датировка по высотному графику
Повенецкая V	27.0	VII—VI тыс. до н. э.	6200 лет до н. э.
Повенецкая II	24.5	VI—V тыс. до н. э.	5600 лет до н. э.
Повенецкая I	22.0	VI—V тыс. до н. э.	5000 лет до н. э.
Пиндуши V	19.8	V—IV тыс. до н. э.	4500 лет до н. э.
Вой-Наволок XVI . . .	16.5	IV тыс. до н. э.	3700 лет до н. э.
Пиндуши III	13.8	Начало III тыс. до н. э.	2900 лет до н. э.
Пиндуши I	13.0	Середина III тыс. до н. э.	2700 лет до н. э.
Вой-Наволок XV . . .	11.7	Середина III тыс. до н. э.	2300 лет до н. э.
Сандермоха IV	10.9	Вторая половина III тыс. до н. э.	2100 лет до н. э.
Вой-Наволок XXI . . .	10.3	Конец III—начало II тыс. до н. э.	1900 лет до н. э.
Вой-Наволок IX	9.0	Середина II тыс. до н. э.	1500 лет до н. э.
Вой-Наволок XXIV . .	7.0	Начало I тыс. до н. э.	800 лет до н. э.
Вой-Наволок IV	4.0	Начало н. э.	250 лет н. э.
Вой-Наволок XXXIV .	3.6	Начало н. э.	400 лет н. э.

Примечание. Самую большую высоту (41 м) в этом районе занимает открытая Г. И. Горецким стоянка Медвежьегорская X. По шкале она датируется серединой IX тыс. до н. э. Другие стоянки IX—VIII тыс. до н. э. здесь пока не найдены.

родстве обитателей стоянок, обладавших льяловской керамикой, с предшествующим мезолитическим населением, оставившим стоянки с микролитическим кремневым инвентарем.

В III и в первой половине II тыс. до н. э. население Карелии в значительной степени пополняется выходцами из Волго-Окского междуречья, из Прибалтики, а также с территории современных Ленинградской, Новгородской, Вологодской, Архангельской областей.

Приток нового населения привел к усилению ассимиляции. Местные племена с керамикой типа сперрингс постепенно ассимилируются с пришельцами. Во второй половине III тыс. до н. э. в Карелии складывается единая культура, получившая название Карельской. Она отличается высокой степенью совершенства обработки камня. Особенно большое развитие в это время получило производство сланцевых орудий.

Керамика типа сперрингс как пережиточная просуществовала до первой четверти II тыс. до н. э., а затем была вытеснена развитой ямочно-зубчатой керамикой, производство которой достигло здесь наивысшего расцвета во II тыс. до н. э.

В середине II тыс. до н. э. население Карелии впервые познакомилось с медью, к концу II тыс. до н. э. — с бронзой.

Хронологическая шкала, выработанная для стоянок северного побережья Онежского озера на основании данных неотектоники, подтверждается данными датировки по типологическому методу (см. таблицу).

Хронологическую шкалу, построенную по высотным данным стоянок северного побережья Онежского озера, нельзя, конечно, использовать для датировки стоянок, расположенных на берегах других водоемов Карелии. Для каждого крупного водоема нужно построить свою шкалу. Памятники, находящиеся на берегах мелких водоемов, где нет возможности построить подобную шкалу, необходимо датировать типологическим методом, сравнивая их инвентарь с памятниками, хорошо датированными по построенным шкалам.

Известно, что наряду с финно-уграми прибалтийско-финской языковой общности на территории Карелии вплоть до X—XIII вв. н. э. обитали саамы. По языковым данным, предки саамов — «протосаамы — первоначально говорили на языке, близком к современным самодийским языкам... к прибалтийскому языку протосаамы перешли постепенно на протяжении ряда веков, причем этот процесс завершился не позднее начала I тысячелетия до н. э.» (Аристе, 1956).

Крупнейший исследователь финно-угровед Д. В. Бубрих, отмечая близкое родство самодийских языков с западными финно-угорскими и особенно с саамским языком, пришел к выводу о близком соседстве областей их становления и отверг гипотезу о саянском происхождении самодийцев. «На самоедов, — писал он, — приходится смотреть как на очень древних северян. С глубокой древности они соприкасались с лопарями, тоже очень древними северянами» (Бубрих, 1948).

Следовательно, если финно-угорский язык-основа сформировался в Приуралье, как утверждают многие исследователи, то самодийская языковая общность формировалась где-то в соседних областях: на Урале или в Зауралье. К процессу формирования этой общности какое-то отношение имели, видимо, и палеоазиатские племена, о чем говорит близость юкагирского языка к самодийским (Крейнович, 1957).

Самодийский язык протосаамов свидетельствует о том, что эти племена первоначально жили тоже где-то на Урале или в Зауралье. Однако еще в эпоху мезолита часть этих племен продвинулась далеко на запад, поселившись на территории Карелии, Финляндии и, возможно, на севере Швеции и Норвегии.

Древнейшими памятниками, оставленными протосаамским населением в Карелии, являются, по-видимому, поселения с кварцевым инвентарем. В более позднее — неолитическое время на протосаамских поселениях появилась керамика типа сперрингс.

Находясь на Крайнем Севере, протосаамские племена Карелии и Финляндии длительное время сохраняли свою этническую чистоту, не смешиваясь ни

с какими другими этническими группами. Поэтому керамика типа сперрингс отражает, по-видимому, их древнейшие орнаментальные мотивы. Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с Н. Н. Гуриной в том, что древнейшее население Карелии восточного происхождения. Но первичное проникновение его в Карелию необходимо отнести не к концу IV тыс. до н. э., а к более раннему времени, вероятнее всего к эпохе мезолита.

В VI тыс. до н. э. в Карелии появились поселения с кремневым инвентарем, близкие по своему характеру более поздним поселениям с ямочно-зубчатой керамикой волго-окского происхождения. Эти поселения, резко отличающиеся от стоянок, оставленных аборигенами, отражают начало проникновения на территорию Карелии протофинно-угорских родоплеменных групп. Они приходили сюда из более южных областей.

Наиболее ранними поселениями волго-окских протофинно-угров в Карелии являются стоянки Илекса III, Ялгуба V, Пиндуши XIV и др., а также могильник на Оленьем острове Онежского озера.

Антропологические данные Оленеостровского могильника свидетельствуют о расовой перемешанности древнейших протофинно-угров, поселившихся в Карелии. Основными антропологическими типами, представленными в могильнике, являются чистый европеоидный и европеоидный, метисированный с монголоидным. Вместе с тем М. М. Герасимов нашел в нем «древний палеосибирский вариант юкагирского антропологического типа», смешанного с древними европеоидами (Герасимов, 1955).

Если первые типы принадлежат протофинно-уграм, то последний вероятнее всего принадлежит протосаамам, потомкам древних выходцев с Востока, поселившихся в Карелии в мезолитическое время. Наличие его в протофинно-угорском могильнике является свидетельством того, что уже на самом раннем этапе своего проникновения в Карелию протофинно-угры вошли в тесные связи с аборигенами и, возможно, частично ассимилировали их.

В то же время волго-окские пришельцы испытали значительное влияние местной культуры, восприняв у местных племен многое в технике производства орудий из местного сырья.

В первой половине III тыс. до н. э. в Карелии появились поселения с древнеямочной керамикой волго-окского типа, более совершенной, чем керамика типа сперрингс. На этом этапе связи между финно-угорскими пришельцами и аборигенами продолжают развиваться. Резкая грань, прослеживаемая на раннем этапе между поселениями пришельцев и аборигенов, постепенно начинает стираться, материальная культура их нивелируется. Поэтому, когда во второй половине III тыс. до н. э. в Карелию хлынула основная волна финно-угорских переселенцев с волго-окского междуречья почва для ассимиляции ими местного населения была уже подготовлена. В заселении Карелии в это время в какой-то степени приняли участие и прибалтийско-финские племена, на что указывает керамика прибалтийского типа, распространившаяся в это время в ряде районов Карелии. Поэтому основанное на языковых данных мнение П. А. Аристе о том, что «в ту эпоху, когда саамы восприняли язык прибалтийских финнов, последний стоял значительно ближе к поволжско-финскому языку» (Аристе, 1956), представляется нам в несколько ином свете.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что протосаамы первоначально восприняли поволжско-финский язык и лишь некоторые элементы прибалтийско-финского. Только в более позднее время в процессе дальнейших более тесных контактов прибалтийских финнов с саамами (по-видимому, уже в I тыс. до н. э. и в I тыс. н. э.) последние восприняли прибалтийско-финскую речь. Однако это время уже выходит за пределы нашей темы.

Р. В. КОЗЫРЕВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА БАССЕЙНОВ ОЗЕР БЕЛОГО, ВОЖЕ И ЛАЧЕ

МЕЗОЛИТ

В настоящее время самым ранним памятником в бассейне озер Белого, Воже и Лаче можно считать стоянку на р. Ягорбе близ Череповца, исследовавшуюся дважды в 1906—1907 и 1931—1932 гг. (Фосс, 1952). В ней было обнаружено два культурных слоя, из которых нижний располагался на глубине около 6 м от поверхности, под слоем синей иловатой глины в сером иловатом песке. Он содержал кости мамонта, пещерного медведя, мускусного быка, ископаемого оленя и лося, ниже которых лежали кости бобра, рыб и раковины. Не совсем ясно, где, но, видимо, выше этих костей были обнаружены и археологические находки: костяной наконечник гарпуна с удлиненным верхним концом с одним далеко отстоящим от него зубцом и выступом для прикрепления к древку (табл. 10, *11*), кинжаловидное костяное орудие с заостренным концом, наконечник стрелы, сделанный из ножевидной пластины (табл. 11, *1*). Отчетливо датирующих предметов на стоянке не найдено.[1] А. Я. Брюсов, а вслед за ним и М. Е. Фосс отнесли стоянку на р. Ягорба к раннему неолиту — IV тыс. до н. э.

Ранним же неолитом датировали и две другие близкие по материалу стоянки — Погостище на берегу р. Модлоны в бассейне оз. Воже и Нижнее Веретье на р. Кинеме близ впадения ее в оз. Лаче. Обе эти стоянки характеризуются отсутствием керамики, имеются лишь каменные и костяные орудия. На стоянке Погостище (Брюсов, 1951) культурный слой находился под торфом, достигающим иногда мощности 1 м. Из каменных орудий здесь найдены кремневые скребки из очень крупных отщепов, обломки листовидного кремневого наконечника дротика, ножевидной пластины, грузила, каменные ретушеры и нуклеусы. Из костяных орудий интересны обломок крупного гарпуна, роговая муфта, наконечник стрелы шигирского типа (табл. 11, *5, 10, 12, 19*). Анализы пыльцы и остеологического материала дали раннюю дату стоянки — не позднее конца IV тыс. до н. э.

Стоянка Нижнее Веретье исследовалась довольно подробно (Фосс, 1941б, 1947а, 1952). Здесь было зафиксировано наличие двух культурных слоев, разделенных стерильной прослойкой. В нижнем слое, располагавшемся под наслоениями торфа, найден богатый набор костяных и каменных орудий (табл. 10, *1—16, 18—22, 25—28;* 11, *12, 18, 19*). Из костяных орудий интересны наконечники стрел (шигирского типа, с конической головкой, а также игловидные, четырехгранные, листовидные и ланцетовидные), обломки лука, выпрямитель стрел, наконечники гарпунов (почти все односторонние, с мелкими зубцами), рыболовные крючки (обычно крупного размера), костяные тесла, шилья, струги, кочедыки, костяные рукоятки орудий, кирки и топор. Найдены также изделия из рога и кости, обломок струга и выпрямитель древка, украшенные тонкими пересекающимися полосами, пластина из рога, орнаментированная в форме листа, обломок костяной пластины (наконечник стрелы?), украшенный резьбой с ритмически повторяющимися перерывами, привески из рога, кости и зубов животных: лося, волка, из резцов бобра, а также привески, имеющие очертания птицы и рыбы.

Один кочедык украшен скульптурным изображением головы животного. Среди каменных орудий много скребков из массивных отщепов, есть ножи, скобели, резцы, проколка, пять наконечников стрел, сделанных из ножевидных пластин, обработанных по краю ретушью, отбойники, нуклеусы, а также тесло с прямоугольным поперечным сечением и фрагмент каменного кольца в поперечном сечении неправильно овальной формы.

По формам костных и каменных орудий, наконечников гарпунов с тщательно обработанными мелкими зубцами и удлиненной нижней частью для скрепления с древком, костяных наконечников шигирского типа, полированных тесел с уплощенным обушком можно проследить близость стоянки Нижнее Веретье к стоянке Погостище I. Со стоянкой на р. Ягорбе их сближают наконечники из ножевидных пластин, близкие формы гарпунов и сланцевых тесел. Судя по формам, эти стоянки близки в хронологическом и,

[1] Залита при строительстве Волго-Балтийского канала и исследоваться больше не может.

вероятно, в этническом отношении. М. Е. Фосс датировала стоянку Нижнее Веретье серединой III тыс. до н. э.

В настоящее время можно расширить круг стоянок с инвентарем, очень близким инвентарю стоянок группы Ягорба—Нижнее Веретье. Значительная часть материала близка мезолитическим орудиям. Так, наконечники стрел из кремневых ножевидных пластин, встреченные на стоянках Ягорба и Нижнее Веретье, сходны с найденными на мезолитических стоянках Литвы (на оз. Глинас) (Яблонските-Римантене, 1966б), Кунда, на Десне — стоянка Селецкие Дюны (Левенок, 1966), в мезолитических памятниках севера ГДР и ФРГ (Крижевская, 1966). Таких наконечников много в Оленеостровском могильнике на Онежском озере (Гурина, 1956).[2] Костяные орудия наших стоянок находят аналогии тоже большей частью в стоянках мезолита. Так, роговая муфта из Погостища очень близка муфтам со стоянок на р. Вейтс, Кунда и р. Пярну.

Наконец, гарпуны со стоянок Ягорба, Погостище и Нижнее Веретье аналогичны мезолитическим гарпунам Лубанского озера и стоянки Кунда. Здесь же имеются стилевидные (или игловидные) костяные наконечники стрел, встреченные и на наших стоянках. Как известно, мезолитическая стоянка Кунда (Ламмасмяги) датируется радиокарбонным методом второй половиной VII тыс. до н. э. (Янитс, 1966), мезолитические стоянки Литвы Р. К. Яблонските-Римантене относит к VII—IV тыс. до н. э. Наконечники стрел, близкие ягорбинским, встречаются и в мезолитических памятниках Польши, датируемых 8000—7000 лет до н. э. (Гурина, 1966).

Учитывая эти данные, мы можем поставить вопрос о некотором пересмотре взгляда на стоянки типа Ягорба — Нижнее Веретье, высказанные в прошлом М. Е. Фосс и А. Я. Брюсовым. Наиболее раннюю из этих стоянок — на р. Ягорбе мы можем хотя бы предположительно отнести к мезолиту, удревнив ее дату до V тыс. до н. э., а стоянки Погостище I и Нижнее Веретье — к концу мезолита и датировать серединою—концом IV тыс. до н. э. В свете новых данных нам кажется закономерным отсутствие керамики в Нижнем Веретье и наличие там нескольких шлифованных орудий; шлифованные орудия за последнее время обнаружены и на ряде стоянок типа маглемозе. Культурная принадлежность определяется теми аналогиями, которые были приведены выше. Более определенно решать этот вопрос в настоящее время не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что бассейны озер Белого, Вожа и Лаче были заселены в конце эпохи мезолита в ходе общего процесса расселения народов на Севере Европы.

В порядке пересмотра к этой же группе памятников можно присоединить один из комплексов кубенинской стоянки, которую ранее относили к более позднему времени, — захоронения, найденные на стоянке Кубенино.

Погребения на Кубенинской стоянке были открыты М. Е. Фосс при раскопках 1928 г. (Фосс, 1952), почти в центре большого раскопа, недалеко от очага. Было вскрыто три погребения. Все они залегали под культурным слоем, в подстилающей его глине, на глубине 25—40 см от поверхности.[3] Костяки лежали в неглубоких могильных ямах с неопределенными очертаниями, так как были засыпаны той же светлой глиной. Перекрывающий их культурный слой резко отличался от глины своим черным цветом и меньшей плотностью. Все костяки лежали в необычном положении, на животе, вниз лицом, с вытянутыми нижними конечностями и слегка согнутыми в локтях руками. Два из них были обращены головой на юг, третий (из могилы 1) на север. Все черепа плохой сохранности, поэтому реставрировать ни один из них не удалось. В первой могиле вещей не было. Во второй — у левого бедра костяка найдена широко известная сейчас антропоморфная фигурка из рога, изображающая человека с резко очерченными глазными дугами и носом, без рук, с ногой, снабженной копытом (фрагментирована) (табл. 10, *24*). Кроме того, в могиле лежало три шила, две подвески, а у края могилы — другой фрагмент ноги с копытом. Особенно интересно третье захоронение, видимо, какого-то почитаемого населением охотника. Костяк огромного роста (1 м 93 см) сопровождало множество вещей. Во-первых, украшения и амулеты: 29 бляшек, изготовленных из резцов бобра, подвески, среди которых выделяется одна в форме головы лебедя (табл. 10, *23*), антропоморфная фигурка в виде туловища с головой без рук и ног, фрагмент пластинчатой подвески с резным орнаментом. Во-вторых, орудия труда: игловидные наконечники стрел, большое костяное долото (табл. 10, *17*), рукоять ножа или шила, кремневый скребок (табл. 11, *11*). В-третьих, кости животных, оставшиеся от положенных в могилу разрубленных частей туши (табл. 70, *6*).

М. Е. Фосс относила эти погребения к раннему этапу Кубенинской стоянки. Нам кажется возможным датировать их гораздо более ранним временем, соответствующим времени обитания Нижнего Веретья и Погостища. В пользу этого говорит залегание погребений под культурным слоем и отсутствие связи с ним, а также характер сопровождающего материала. Костяные поделки из погребения не имеют аналогий в Кубенинской стоянке. Найденные там в культурном слое костяные изображения совы (?) сделаны в другом стиле и относятся, видимо, к очень позднему времени. В ином стиле сделаны остальные глиняные фигурки из Кубенинской стоянки. Между тем среди костяного инвентаря Нижнего Веретья имеется кочедык, украшенный сверху изображением головы животного, как полагает М. С. Фосс, филина. Оно очень напоминает по стилю антропоморфную фигурку с копытом из погребения 2 в Кубенино. Кроме того, костяные наконечники стрел, найденные в погребении 3, очень сходны с игловидными наконечниками из Нижнего Веретья. Пластинчатая подвеска из погребения 3 по своему орнаменту из тон-

[2] Автор указанной работы приводит много аналогий, ведущих к стоянкам эпохи мезолита и раннего неолита типа Елин Бор, Балахна, Умиление и т. д.

[3] Культурный слой на этом участке был очень слабым.

ких прочерченных линий также подобна костяному струге из Нижнего Веретья. Наконец, в обоих памятниках отсутствует керамика. Все это говорит о том, что по времени и культурной принадлежности кубенинские погребения, вероятно, близки стоянке Нижнего Веретья.

О степени развития искусства и его стиле в этот период можно судить по каменным и костяным поделкам из Нижнего Веретья и кубенинских погребений, о которых упоминалось выше. Это роговые антропоморфные скульптуры из кубенинских погребений, подвески из челюстей выдры и куницы, из резцов бобра, привеска, по форме своей близкая голове лебедя, фрагмент подвески с прочерченным орнаментом. В Нижнем Веретье интересен костяной кочедык со скульптурной головой филина наверху, подвески в виде птицы и рыбы, орнаментированные выпрямитель древка и часть костяного струга. Орнамент составляет сетку из резных пересекающихся линий и заполненных этой сеткой треугольников. Облик этих вещей довольно ранний. Костяным статуэткам свойственна простота, можно сказать, даже суровость стиля. У них намечены лишь туловища и голова, поскольку, по-видимому, эти детали заключали в себе для древнего человека основной смысл изображаемого предмета. Встречается деталь — нога с копытом, имевшая скорее всего культовое значение.

К предметам искусства можно отнести и обломок каменного шлифованного кольца из стоянки Нижнее Веретье. Как кажется, это наиболее ранняя находка подобного кольца, свидетельствующая о том, что, может быть, нижний предел существования таких колец, определенный А. Я. Брюсовым (Брюсов, 1961) как конец III тыс. до н. э., можно углубить до конца IV тыс. до н. э.

РАННИЙ НЕОЛИТ

Следующий этап развития культуры представлен стоянками раннего неолита, где появляется в большом количестве самый благодатный и интересный для этнических определений материал — керамика. К этому этапу относятся стоянки Васькин Бор II (Цветкова, 1961) и нижний слой стоянки Караваиха, исследовавшейся в 1937 — 1955 гг. А. Я. Брюсовым. Особенно ценна стоянка Васькин Бор II, расположенная на берегу оз. Азатского в бассейне оз. Белого. Культурный слой ее, единый в хронологическом отношении, содержал довольно богатый археологический материал, хорошо поддающийся культурно-этническому определению. Каменный инвентарь не очень разнообразен (табл. 11, *21—23*). Найдены скребки из отщепов и пластин, ножи из удлиненных пластинчатых отщепов, нуклеусы, тесла с расширяющимся рабочим краем, клиновидный топор подчетырехугольной формы, обломок каменной плиты, точильный камень и шлифовальные плиты. Особенно многочисленна однотипная керамика, очень близкая керамике волго-окских стоянок льяловской культуры. Большое количество обломков сосудов, найденных на стоянке Васькин Бор II, полуяйцевидной формы, с круглым, иногда яйцевидным дном (табл. 12, *1—10*). Края прямые, иногда чуть скошенные внутрь, без шеек и плечиков. Поверхность сосудов обычно хорошо сглажена, иногда до блеска, на внутренней стороне видны следы заглаживания зубчатым штампом. В глиняном тесте хорошо заметная примесь толченой дресвы. Обжиг обычно сильный. Близость к льяловским сосудам особенно четко прослеживается в орнаментике. Сосуды на стоянке Васькин Бор II украшены по всей поверхности при строго зональном распределении узоров. Главным элементом узоров является круглая, глубокая, с коническим дном ямка диаметром 0.3—0.7 см, многие сосуды украшены только ямками, расположенными в шахматном порядке, поясками или в виде зигзагов и розеток. Кроме правильных круглых ямок, встречаются ямки несколько иных форм, которые правильнее называть ямчатыми вдавлениями. Они сочетаются часто с оттисками зубчатых штампов, с несложными узорами, сделанными нарезкой или значительно реже с полулунными вдавлениями и кружковыми отпечатками. Встречаются, но тоже довольно редко ромбические ямки, есть сосуды с узорами из ямок и отпечатков гребенки, образующих треугольники и зигзаги. Такая же керамика выделена А. Я. Брюсовым и в нижнем слое стоянки Караваиха. Оба исследователя относят ее к концу первой половины III тыс. до н. э.

При сопоставлении каменного инвентаря стоянок типа Васькин Бор II и льяловских таких определенных выводов сделать не удается. Однако рассмотрение каменных изделий обеих групп стоянок не приводит к противоречию со сделанным заключением об их близости. Для льяловской стоянки (Жуков, 1925), как известно, характерны крупные, типа миндалевидных, массивные пикообразные орудия, грубые резцы, уплощенные узкие наконечники стрел, долотовидные скребки, видимо скребла. Орудия изготовлены из обитых кусков кремня, обработанных крупными сколами. Но это бытовавшее ранее представление о каменном инвентаре стоянок льяловского типа в целом было несколько односторонним. Его несколько изменили последующие исследования стоянок с керамикой явно льяловского типа (Раушенбах, 1953). Так, на Сущевской стоянке (Раушенбах, 1964), где керамика указывает на принадлежность ее к той же культуре, что и Льяловская (возможно, лишь несколько более раннего времени), у каменного инвентаря несколько иной облик. Обнаружены также наконечники стрел, сделанные из узких ножевидных пластин, ножи, резцы и скребки на ножевидных пластинах, а также небольшое тесло, обработанное ретушью с частичной подшлифовкой лезвия. Каменный инвентарь со стоянки Васькин Бор II довольно близок к каменным орудиям Сущевской стоянки. Найдены скребки и ножи из ножевидных пластин и пластинчатых отщепов, нуклеус, дающий в негативах узкие и длинные ножевидные пластинки, два шлифованных тесла, очень близких по форме к теслу с Сущевской стоянки — подпрямоугольных очертаний с чуть расширяющимся рабочим краем и трапециевидным поперечным сечением. Только каменный инвентарь Васькиного Бора II имеет более поздний облик, что соответствует и датировке стоянок — концу IV тыс. до н. э. для Сущевской стоянки и концу

первой половины III тыс. до н. э. для стоянки Васькин Бор II. На Караваевской стоянке выделить кремневый инвентарь, аналогичный ранней керамике, сейчас трудно.

Возникает вопрос о том, насколько широко распространены в бассейнах озер Белого, Воже и Лаче памятники подобного типа? В настоящее время детально исследованы лишь два памятника — стоянка Васькин Бор II и нижний слой стоянки Караваиха. Но по материалам археологических разведок в этих районах в 1965—1966 гг., а также в результате ознакомления с фондами местных музеев, в частности Череповецкого, имеется, по всей вероятности, возможность расширить территорию распространения этих памятников. Так, в Череповецком музее хранится много материала, главным образом керамика со стоянки у с. Коновалова недалеко от оз. Базегского Сотозерского района Вологодской области. Она удивительно напоминает керамику со стоянки Васькин Бор II. Это такие же толстостенные остродонные сосуды, сплошь орнаментированные вдавлениями в виде круглой, реже ромбической ямки с редкими оттисками зубчатого штампа. Видимо, это стоянка того же типа, что и стоянка Васькин Бор II. В 1965 г. на р. Шоле у с. Зубово была исследована стоянка Яглоба II, тоже близкая по облику археологического материала к этим стоянкам, может быть, лишь несколько более поздняя по времени. Керамический материал стоянки очень невыразителен, он лишь дает основание сравнивать ее со стоянками типа Васькин Бор II. Зато интересен каменный инвентарь. Найдено много ножевидных пластин различного размера, от очень мелких (0.7 см длины и 0.3 см ширины) до довольно крупных скребков и ножей, сделанных из ножевидных пластин, есть крупные скребки на отщепах, одно тесло клиновидной формы. В 1966 г. границу подобных стоянок удалось, как кажется, отнести на северо-запад. В Няндомском районе Архангельской области, на оз. Мошинском, на небольшом острове, называемом Кладовец, обнаружены остатки стоянки. Немногочисленные обломки керамики были украшены отпечатками круглой конической ямки и по облику очень близки керамике описанных стоянок.[4]

К той же группе относятся и многие уже исследованные стоянки, например, стоянка на мысе Бревенном (Брюсов, 1941), а также стоянки на восточном побережье Онежского озера типа Вой-Наволок V (Гурина, 1951а). Таким образом, мы имеем теперь основание говорить о том, что заселение края, которое шло из Окско-Клязьминского Поволжья в конце IV—первой половине III тыс. до н. э., проходило довольно широкой полосой и захватывало территорию от восточных берегов Онежского озера до низовьев р. Онеги. К сожалению, на этих стоянках не было обнаружено ни жилищ, ни могильников.

Надо сказать, что в материале ранних стоянок изучаемого края типа Васькин Бор II мы не можем выделить каких-либо ярких своеобразных черт, которые могли бы говорить о сложении в этих местах особой археологической культуры. Это скорее тот общий субстрат для всей области ямочно-гребенчатой керамики, на котором позднее начинают выделяться локальные культуры.

РАЗВИТОЙ НЕОЛИТ

Многочисленными стоянками представлен следующий этап древней истории этого края, охватывающий конец III—начало II тыс. до н. э. В это время здесь складывается оригинальная каргопольская культура. Несколько стоянок ее подробно изучены, многие только найдены, но все вместе они позволяют в общих чертах охарактеризовать эту своеобразную археологическую культуру, названную исследовавшей ее М. Е. Фосс каргопольской. В нее входят стоянка Кубенино и др., на берегах оз. Лача, Верхнее Веретье, стоянки в устье р. Кинемы и на р. Кинеме в местности Попово, в устье р. Ольги и р. Ольжницы, на Ольском мысу, у сел Маяк и Надпорожье, в бассейне оз. Воже — стоянки против ур. Гостиный Берег, Погостище II, Селище I, Караваиха (Фосс, 1952), в бассейне озера Белого — Васькин Бор I, Вьюшино, Водоба II (нижний горизонт) (Цветкова, 1961), Пальцево, Никоновская (Козырева, 1966) (табл. 12, *11—26*). Сюда же, видимо, относились и стоянки по р. Ковже. В 1966 г. на Мошинском озере, на о. Погост была найдена стоянка с керамикой раннего каргопольского типа. Как можно видеть, территории распространения ранних каргопольских памятников и более ранних стоянок с керамикой льяловского типа совпадают. Это явление не случайно (как мы постараемся показать ниже).

Указанные стоянки (вернее, те из них, которые были известны в предшествующие годы) были выделены М. Е. Фосс в ранний этап каргопольской культуры. Его можно назвать вместе с тем и неолитическим этапом каргопольской культуры, поскольку более поздние стоянки этой культуры должны относиться уже к эпохе металла. Таким образом, перечисленные стоянки характеризуют эпоху развитого и позднего неолита своего края. Археологический материал их в основном состоит из керамического и каменного инвентаря, по которому и устанавливаются характерные признаки каргопольской культуры. Керамика сохраняет много общих черт с керамикой стоянок типа Васькин Бор II. Сосуды чаще всего полуяйцевидной формы, с прямым или чуть скошенным внутрь венчиком. В глиняном тесте обычна примесь толченой дресвы. Обжиг почти всегда сильный, но поверхность не бывает залощена и потому не имеет такого блеска, как у более ранней керамики. Орнаментом заполняется вся или бо́льшая часть внешней поверхности. В распределении узоров соблюдается строгая зональность. Изменения касаются в основном элементов орнамента, а также их сочетаний. Хотя основным элементом орнамента и продолжает оставаться круглая глубокая ямка, однако появляются ямки и других форм — ромбические, треугольные, овальные (иногда как бы срезанные с одной стороны), а также неправильных форм. Из этих ямок, расположенных в шахматном порядке наряду с горизонтальными полосами, составляются различные

[4] Эта стоянка требует дальнейшего исследования.

узоры — треугольники, зигзаги, розетки и т. д. Иногда ямки просто небрежно разбросаны по поверхности сосуда. Увеличивается и доля других элементов орнамента, в частности зубчатого и нарезного. Зубчатый штамп обычно сочетается с ямчатым, но появляются сосуды, украшенные в большей части оттисками зубчатого штампа, которые образуют узоры в виде горизонтальных поясов из коротких вертикальных или наклонных зубчатых отпечатков, зигзагов, треугольников, пересекающихся полос. Встречается овальный зубчатый штамп. Иногда зубчатые наклонные отпечатки создают сетку. Все перечисленные узоры образуются еще и другими элементами — нарезками, которые обычно применяются в сочетании с ямчатыми и зубчатыми оттисками. Употреблялись также оттиски перевитой веревочки, а также орнамент в виде римской единицы. Редко наблюдаются полулунные вдавления. Таким образом, керамика эта образует новый вариант ямочно-гребенчатой керамики в широком смысле этого слова. Надо сказать, что этот вариант не отличается какими-то резкими особенностями. Основными признаками, которыми мы можем сейчас охарактеризовать каргопольскую культуру, являются указанные черты керамики и сочетания различных узоров в ее орнаментике.

Этот тип керамики, как уже указывалось, встречается на многих стоянках рассматриваемой территории, однако он нигде не представлен в чистом виде, а выделен типологическим методом. Почти все эти стоянки были обитаемы в течение долгого времени, и отложившийся на них археологический материал явно не одновременен. Вместе с тем нигде не наблюдается стратиграфического разделения на слои; обычно культурный слой имеет небольшую мощность. Возможно, в будущем уточнение позволит сделать стоянка у с. Пальцева на берегу оз. Лозского, где при раскопках 1965 г. был найден довольно чистый комплекс раннего каргопольского типа. Но раскоп был очень небольшим; материал, полученный в нем, довольно скуден. Поэтому пока мы должны основываться лишь на выводах, полученных типологическим методом. Пользуясь им, можно заключить, что ранние комплексы указанных стоянок не совсем одновременны. Так, в ранней керамике стоянок Верхнее Веретье и Караваихе нет орнамента из ромбической ямки, в Кубенинской стоянке ее очень мало, а на стоянке в устье р. Кинемы число ее значительно увеличивается. Видимо, стоянка в устье Кинемы была заселена позже, чем Кубенинская, Караваихинская и стоянка Верхнее Веретье, что, кстати, выявляется и по другим признакам.

С типичным комплексом каргопольской керамики М. Е. Фосс связывала появившуюся на большинстве этих стоянок сетчатую керамику. Это остродонные сосуды, покрытые отпечатками текстиля или сетки, имеются они на стоянках Кубенино, Кинема, Верхнее Веретье, против Гостиного Берега и нек. др. М. Е. Фосс датирует ее серединой II тыс. до н. э. Видимо, эту дату мы можем принимать за конечную для раннего этапа каргопольской культуры, т. е. для неолита местного края.

Из стоянок каргопольской культуры известен богатый каменный материал (табл. 11, *3*, *4*, *6—9*, *13—17*, *20*, *24—26*, *29—39*). Вместе с тем очень трудно типологическим методом выделить из него те орудия, которые были синхронны керамике каргопольского неолита. Здесь, во-первых, приходится использовать датировку некоторых орудий, известную по другим стоянкам. Во-вторых, можно, исключив заведомо поздние типы орудий, поскольку каргопольский неолитический этап представляет собой эпоху развитого и позднего неолита, бо́льшую часть каменных орудий отнести именно к этому этапу. Среди крупных орудий довольно типичны валикообразные топоры. Они найдены на стоянке Кубенино, в устье р. Кинемы, на р. Ольге и часто встречаются в других областях европейского лесного неолита в конце III—начале II тыс. до н. э. Имеются топоры с просверленным отверстием (устье р. Кинемы, Кубенино, стоянка на оз. Кенозеро), часты топоры так называемого русско-карельского типа, укороченных пропорций. По мнению М. Е. Фосс, они представляют собой конечный этап существования этого типа орудия — первая половина II тыс. до н. э. Очень часты на всех стоянках плоские тесла подчетырехугольных очертаний. Территория их распространения и время бытования очень обширны — они известны на всем Северо-Западе нашей страны и относятся к III и ко II тыс. до н. э. Очень интересны редко встречающиеся на стоянках Каргополья ногтевидные долота или так называемые круммайзели, известные на стоянках Карелии, Финляндии (Гурина, 1961а, стр. 135) и Эстонии и датируемые временем существования каргопольского неолита — концом III—началом II тыс. до н. э. Датирующими являются и каменные грузики, служившие частями сложных рыболовных крючков со стоянки Кубенино. Наконечников стрел очень много. Чаще всего они листовидной формы, есть треугольные, ланцетовидные беломорского типа, ланцетовидные с глубокой выемкой в основании, иногда с шипом у основания. Гораздо меньше черешковых наконечников стрел. Среди них есть наконечники сейминского типа, встречаются и наконечники с подчетырехугольной формой черешка.

На всех стоянках имеются нуклеусы, чаще всего неправильно призматической формы. Ножевидных пластин везде меньше, чем отщепов, но все же бывает значительное количество. Попадаются наконечники стрел, сделанные из ножевидной пластины (Кубенино). Много ножевидных пластин с ретушированными краями, видимо, некоторые из них служили ножами.

Около 30% орудий на стоянках представлено скребками, сделанными на концах ножевидных пластин, чаще на концах пластинчатых отщепов и просто отщепов. Особенностью каргопольских стоянок является большое количество скребков-скребел, изготовленных из массивных отщепов. Много ножей — на ножевидных пластинах, пластинчатых отщепах, с ретушью обычно лишь по рабочему краю. Имеются ножи с двусторонней обработкой всей поверхности. Интересны серповидные ножи (Кубенино, устье р. Кинемы) и ножи с кривым лезвием (стоянки Попово, Верхнее Веретье, Кубенино). Одной из особенностей каргопольских стоянок являет-

ся тот факт, что материалом для большинства каменных орудий служил кремень, залежи которого довольно часто встречаются на территории каргопольской культуры. Судя по каменному инвентарю, мы не можем выделить сейчас каких-то комплексов или отдельных орудий, которые были бы характерны только для каргопольской культуры. В каменном инвентаре каргопольская культура не отличается четко от других поздненеолитических культур европейской полосы нашей страны, что может объясняться общностью условий их хозяйства.

Видимо, к раннему этапу существования Кубенинской стоянки относится землянка (табл. 69, *IV*), раскопанная в 1928—1931 гг. (Фосс, 1940). Она была вскрыта в центре большого раскопа и имела вид неглубокой ямы, 50 см от дневной поверхности, вырытой в глине, которая на этой стоянке подстилает культурный слой. Форма ее округлая, с диаметром 3.6 м. М. Е. Фосс считала, что землянка эта настолько мелка, что скорее всего представляет собой основание наземного жилища. В центре землянки располагался очаг, состоящий из четырех больших обожженных камней, засыпанных плотной массой угольков, обломков пережженных костей, фрагментов керамики и осколков кремня. Принадлежность землянки к раннему этапу хорошо доказывается археологическими находками в ее заполнении. Здесь представлена керамика раннего типа, из каменных орудий обнаружены скребки различной формы, шесть ножей, две проколки, долотовидное орудие, наконечник дротика или стрелы, сланцевые полированные орудия; топор и тесло малого размера, а также плиты и камни, использовавшиеся для шлифования орудий. Многочисленны и костяные орудия: пять шильев, обломки игл, незаконченная рукоятка, четыре долотовидных орудия, обломки гарпунов, рыболовных крючков и наконечников стрел. Найдены также украшения: подвески из зубов диких животных (резцов лося, бобра, клыков медведя и собаки), некоторые из них можно рассматривать как амулеты, фрагмент шиферного кольца с прекрасно зашлифованными гранями и подвеска полулунной формы, орнаментированная почти по всей поверхности. Наконец, на полу землянки была найдена глиняная антропоморфная фигурка, а у края землянки — фрагменты такой же фигурки (табл. 11, *6—9*, *14—17*, *20*).

На стоянке Ильинский остров в 1968 г. была раскопана большая землянка подчетырехугольной формы, с одним выходом и двумя очагами, расположенными по центральной линии (табл. 69, *V*). Эта стоянка относится к самой поздней поре неолита — началу эпохи металла.

На других стоянках этого времени землянок не обнаружено. Много раскопано их на соседней территории — в Карелии и Ленинградской области (на стоянках Вой-Наволок VII, Вой-Наволок IX, Оров-Наволок, Чудозеро, Питкаярви, Усть-Рыбежна II). Н. Н. Гурина, исследовавшая большинство этих поселений, устанавливает закономерность в изменении формы жилищ эпохи неолита и раннего металла для этой территории. Оказывается, что в более раннее время жилища имели округлую форму, в более позднее — четырехугольную (Гурина, 1963, стр. 130). Возможно, что в будущем подобная закономерность будет определена и для каргопольских памятников.

На стоянках рассматриваемой области было найдено несколько групп погребений — на стоянках Кубенино, Верхнем Веретье и большой могильник на стоянке Караваиха. К эпохе позднего неолита можно отнести лишь небольшую часть караваихинского могильника. Как было указано выше, из кубенинских погребений часть мы вынуждены датировать более ранней эпохой. Погребения же, раскопанные в 1940 г. В. И. Смирновым,[5] лежали в верхней части культурного слоя, под ними (возможно, они были положены вместе с погребениями) находились обломки керамики очень позднего типа, так что мы имеем основание считать их синхронными с бытованием поздних этапов кубенинской стоянки. В Верхнем Веретье погребение также относится к поздней поре бытования стоянки. В большом и сложном караваихинском могильнике его исследователь (Брюсов, 1961) выделяет четыре разновременных типа погребений. Возможно, что более ранние из них относятся к эпохе неолита. Об этом можно судить лишь по стратиграфии их, а также по датировке, которую им дал А. Я. Брюсов. Древнейшие из погребений (их 8) были обнаружены в западной части могильника в глине, подстилающей болотную почву, глубина их залегания 53—110 см. Скелеты лежали на спине, часть из них была ориентирована головой на север, часть на юг, другие на ЮЗ и З—ЮЗ. Они располагались на большом расстоянии друг от друга. У головы скелета или в засыпке могилы встречалась охра в виде комочков. По наблюдениям А. Я. Брюсова, почти все скелеты были завалены сверху большими валунами, некоторые же из погребений, по его мнению, были спеленаты. Около погребения 3 найден фрагмент большого составного костяного крючка, около 8 — желобчатое долото с четырьмя нарезками по краю, кремневый наконечник стрелы и несколько кремневых ножевидных пластин, около 2 — обломок костяного наконечника стрелы, около 7 — подвеска из зуба лося. А. Я. Брюсов по самому древнему предмету на поверхности этой части стоянки датирует рассмотренные погребения концом III—началом II тыс. до н. э. Впрочем, он не отрицает возможности датировать погребения и более ранним временем, а также расчленить их хронологически. Возможно, что очень близки к ним еще два захоронения, расположенные в менее глубоких ямах (40 и 45 см), скелеты лежали в таком же виде — на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север. В погребении 9 был найден полированный клиновидный топор. Наконец, к эпохе позднего неолита можно отнести четыре погребения, раскопанные в южной части повышенной площадки стоянки. Они имели довольно глубокие могильные ямы (50—65 см), прорезавшие нижнюю часть болотной почвы, и были размещены по

[5] В. И. Смирнов. Археологические работы в бассейне оз. Лаче в 1941 г. Архив Архангельск. областного музея.

одной линии с З на В. Ориентировка костяков такая же. У одного на груди найден предмет, хорошо датирующий эти погребения — шиферное кольцо (конец III—начало II тыс. до н. э.). У двух из этих скелетов около голов имеется небольшое количество охры.

В 1967 г. на стоянке Ильинский остров (оз. Мошинское, Няндомский район Архангельской области) было раскопано погребение, видимо, мальчика, судя по величине могильного пятна и характеру каменного инвентаря. От костяка сохранились только зубы, но могильное пятно было покрыто слоем яркой охры. Сопровождающий инвентарь состоял из прекрасно обработанных каменных наконечников стрел (24 экз.) и трех каменных кинжалов, близких по форме к соответствующим орудиям с могильника на Оленьем острове (Баренцево море), раскопанного А. В. Шмидтом и Н. Н. Гуриной.

Антропологические материалы из Караваихи 1938—1939 гг. изучались Г. Ф. Дебецом. Он устанавливает значительную примесь черт монголоидного типа; к сожалению, неизвестно, к черепам каких погребений относится сделанное определение.

Предметы искусства этого времени представлены лучше всего на стоянке Кубенино. Как уже говорилось, здесь сразу встает вопрос о хронологическом расчленении материала. Находки, относящиеся к древним погребениям, уже рассматривались. Помимо того, на стоянке есть целая группа костяных орнаментированных предметов (подвеска полулунной формы, обломок костяной поделки и др.), которые по характеру своего орнамента явно принадлежат к поздней фазе каргопольской культуры, т. е. к эпохе металла. К раннему же этапу заселения стоянки относятся предметы, найденные в заполнении землянки (исключение составляет лишь упоминавшаяся подвеска полулунной формы), а также предметы, по орнаменту своему близкие к ранней керамике Каргополья: глиняные фигурки людей и животных, подвески из зубов диких животных, сосуд с изображением уточек. Последний найден в культурном слое на глубине 18—20 см (Смирнов, 1940, стр. 137). Это довольно большой сосуд полуяйцевидной формы (диаметр верхнего края — 36 см при такой же примерно высоте), с округлым дном, сделанный из глины с примесью дресвы, хорошо обожженный, со стенками толщиной 6—9 мм. Внутри сосуд заглажен гребенчатым штампом. Внешняя поверхность сосуда покрыта ямочно-гребенчатым орнаментом, расположенным строго зонально. Основные элементы орнамента — круглая ямка диаметром 1 мм с овальным дном и гребенчатый штамп из 5 зубцов. По верхнему краю сосуда ниже полосок гребенчатых оттисков и полоски круглых ямок идет орнаментальный фриз, исполненный тем же пятизубчиковым гребенчатым штампом. На фризе сохранились изображения 15 уток (сосуд собран из 59 обломков). В этих изображениях отсутствует стандарт — туловище некоторых птиц состоит из трех прямых линий, крылышек бывает одно или два, иногда они отсутствуют совсем, хвост не всегда бывает показан. Везде очень хорошо очерчены длинные шеи и чуть поднятая голова. У некоторых на шее сделан магический знак в виде перекрещивающейся короткой линии. Остальная часть сосуда украшена чередующимися гребенчатыми и ямочными отпечатками, лишь в самом нижнем ряду ямочные отпечатки образуют треугольники.

Изображения водоплавающей птицы (лебедя, чаще утки) на керамике известны для эпохи позднего неолита и раннего металла на довольно широкой территории — на стоянках Кузнечиха около Архангельска (Смирнов, 1940), Шигирском торфянике (Раушенбах, 1956), на стоянках Карелии, Финляндии и Ленинградской области (Вой-Наволок 9, Негежма, Ханкасалми, Ломми, Усть-Рыбежна II, Лавамяки, Коломцы, Латочка) (Гурина, 1961а). Кубенинское изображение довольно оригинально, но имеет общие черты с изображениями уточек на стоянках Ломми, Лавамяки, Ханкасалми и из Шигирского торфяника. Часть этих стоянок относится к позднему неолиту.

Очень интересны также глиняные скульптуры человека и птицы из стоянки Кубенино.

Две глиняные фигурки изображают человека. Одна найдена в целом виде — небольшая, довольно грубо исполненная скульптура со слабо очерченным лицом, другая — в обломках. Более изящны очертания глиняной фигурки птицы и головки какого-то животного, где хорошо намечены глаза и уши. Как отмечала М. Е. Фосс, глиняные фигурки, подобные нашим, известны со стоянок Финляндии Хонканиеми и Аландских островов. Сходные изображения найдены на стоянке в устье р. Модлоны и на стоянке соседней с Кубенинской в устье р. Кинемы. Обе стоянки относятся в основном к более позднему периоду, чем ранний этап Кубенино, но первичное заселение их могло быть по времени близко этому этапу. Видимо, к предметам украшения нужно отнести и 6 фрагментированных каменных шлифованных колец. Несколько таких колец найдено и на Караваихе как в погребении, видимо древнейшего типа, так и в культурном слое наиболее ранней части стоянки. В Кубенине они тоже, очевидно, относятся к ранней поре бытования стоянки. Большая часть их имеет прекрасно зашлифованные грани. Одно кольцо орнаментировано по широкой плоскости косыми пересекающимися нарезками, образующими узор в виде сетки.

На этом, как нам кажется, заканчивается неолитический период в бассейне озер Белого, Лаче и Воже. Следующие по времени культуры, включая поздние комплексы уже описанных стоянок, в том числе стоянок Кубенино, устья р. Кинемы и др., относятся несомненно к эпохе металла. В заключение хотелось бы остановиться на термине «каргопольская культура». Как известно, он был предложен М. Е. Фосс для обозначения новых в то время стоянок, открытых ею в районе г. Каргополя в конце 20—30-х годов. По мере расширения района ее исследований термин охватывал все большее количество памятников, относящихся к разному времени. В связи с этим М. Е. Фосс предложила членение выделенной ею культуры на три хронологических этапа: ранний — неолит, средний — ранний металл и поздний — эпоха развитого металла. Таким образом, термин «каргопольская культура» уже в то время приобрел географическое, а не культурно-эт-

ническое значение, поскольку по мере роста исследований в этом и смежных районах Севера СССР все больше выяснялась разнородность в хронологическом и культурно-этническом отношениях древнего населения, оставившего памятники, объединенные под общим названием «каргопольская культура». Так, стоянки поздней стадии каргопольской культуры оказались необычайно близки по материалу к восточноевропейским (ананьинского типа). Свои особенности, очень отличные от ранних, имеют и памятники средней стадии каргопольской культуры. Исходя из сказанного, мы предлагаем не связывать под одним названием разнородные культуры этого края, а оставить наименование «каргопольская культура» лишь для памятников эпохи неолита бассейнов озер Белого, Воже и Лаче.[6] Собственно, это будет культура развитого и позднего неолита, куда войдут стоянки, описанные нами в последней неолитической группе. В таком случае этот термин приобретет определенный культурно-этнический смысл, так как будет обозначать племена, пришедшие сюда из района Волго-Окского междуречья и с течением времени образовавшие особую культурную общность. Не противоречит этому и буквальное значение термина, так как и в настоящее время лучше всего изученная стоянка этой культуры (Кубенино) находится в окрестностях г. Каргополя.

[6] М. Е. Фосс в основном интересовалась памятниками эпохи неолита и в процессе изучения именно их выделила в свою особую каргопольскую культуру.

III. ВОСТОЧНЫЕ ОБЛАСТИ

Г. М. БУРОВ

ПЛЕМЕНА ВЫЧЕГОДСКОГО КРАЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Эпоха неолита и ранней бронзы в отличие от более поздних периодов древней истории европейского Северо-Востока представлена небольшим количеством археологических памятников. Это места непродолжительного обитания с бедным инвентарем и единичными обломками керамики. Если бы не долговременные поселения района Синдорского озера (в бассейне Вычегды) Вис I, II и III,[1] складывалось бы впечатление, что на Северо-Востоке в III—II тыс. до н. э. вообще отсутствовали оседлые обитатели.

Висские поселения довольно подробно освещают неолитический и раннебронзовый периоды истории Вычегодского края, тогда как остальные стоянки — Симва II и III, Синдорское озеро I, Керчемья, Лебяжск, Варламовка, Ягкодж I и др. — в основном лишь фиксируют ареалы памятников различных типов (рис. 1).

Висские поселения, занимающие останцы и участки надпойменной террасы р. Вис близ устья Симвы, по керамике датируются III тыс. до н. э.— первой половиной I тыс. н. э. Прослеживается не менее 12 этапов в истории этих поселений, каждому из которых соответствует особый тип глиняной посуды. В свете новейших данных может быть также выделен мезолитический этап (VII—VI тыс. до н. э.), характеризующийся каменным инвентарем и предметами из растительных материалов. К сожалению, вещественный материал последующих веков, состоящий из тысяч обломков сосудов и десятков тысяч кремней, не во всех случаях стратифицирован, и часто в одном и том же песчанистом культурном слое залегают предметы из различных комплексов, в особенности близких по времени. Это затрудняет, а подчас делает невозможным выделение форм орудий, связанных с тем или иным типом глиняной посуды.

[1] Они дали при наших раскопках 1960—1964 гг. огромный вещественный материал.

МЕЗОЛИТ

(рис. 2, *1*, *2*; табл. 13, *1*, *2*, *4*)

К мезолитическому времени следует отнести бо́льшую часть кремневых ножевидных пластин и орудий; из них: с висских поселений вкладыши в виде пластин с ретушью на краях и углах, концевые скребки, резцы на углу сломанной пластины (табл. 13, *2*) и массивные изогнутые пластины с ретушью на суженном нижнем конце. Все эти формы характерны для мезолитических стоянок долины Вычегды: Курьядор, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын и др. (Буров, 1965а, стр. 47—54). По-видимому, в мезолитические комплексы входят и наконечники стрел, близкие к свидерскому типу (табл. 13, *4*).

Некоторое количество пластин, в том числе с ретушью, концевые скребки и микролитические нуклеусы, найдены непосредственно в I Висском старичном торфянике, в зоне поселения Вис I, занимающего останец надпойменной террасы (Буров, 1966). Здесь же обнаружены отщепы и скребки из отщепов (табл. 13, *1*); при этом пластины составляют около половины общего количества всего кремневого материала. В торфянике залегала также группа каменных шлифованных топоров. Некоторые из них небольших размеров с параллельными боковыми краями, почти квадратного сечения, другие — крупнее и расширяются к лезвию, один овальный в разрезе (рис. 2, *2*), другой подпрямоугольный с неполностью отшлифованными боковыми гранями. Топоры из торфяника имеют сходство с рубящими орудиями культуры Кунда (Indreko, 1948, стр. 140—156).

Помимо того, в районе Синдорского озера (Вис I, Симва III) открыта уникальная форма шлифованных орудий восьми- или шестиугольного сечения, асимметричная в продольном профиле (у более выпуклой стороны средняя грань у́же). Своеобразие изделий заключается в необычайно большой длине (около 43 см) и в том, что они не расширяются,

а суживаются к рабочему концу, будучи орнаментированы нарезными зигзагами на гранях и насечками на ребрах. Особенность формы этих оригинальных изделий позволяет усматривать в них пешни. По орнаментации пешни настолько близки деревянным изделиям торфяника, что вряд ли можно сомневаться в их синхронности.

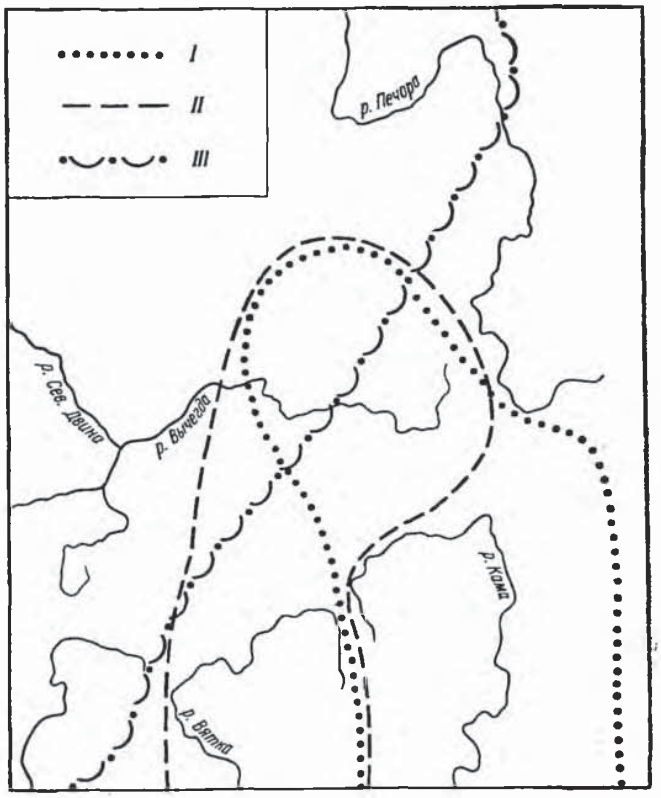

Рис. 1. Территория распространения основных неолитических культур.

I — волго-камская; *II* — вычегодско-вятская; *III* — волго-окская.

В I Висском торфянике обнаружено свыше 200 предметов из растительных материалов. Среди них изделия из дерева и коры, а также вещи, плетеные из различных растительных материалов. В числе первых луки, санные полозья, лыжи, весло, лопаточка, дугообразное орнаментированное изделие, дугообразные рукояти стругов с пазами, наконечник стрелы, стрела (?) с пазами на конце, рукояти с желобом на конце, обручи, диск с отверстием, вилки-рогули и палки с уступом на конце.

Луки относятся к нескольким типам. Один из них длиной около 130 см асимметричен, нижний более массивный конец его снабжен желобком для привязывания тетивы, верхний — отверстием для ее крепления и регулировки, а также миндалевидным украшением. Средняя часть имеет выемку для прохождения стрелы, верхняя сложнее профилирована, чем нижняя, часто украшена гравированным узором (зигзаги, косая сетка, параллельные прямые насечки). По основным признакам (отверстие, рельефное украшение, выемка для стрел) эти луки аналогичны луку XVII в. из области Мундруку (Бразилия). В них следует усматривать переносное охотничье оружие. К другому типу относится симметричный лук, суживающийся к концам, но утолщающийся к средней части; он близок мезолитическим лукам из Хольмгарда в Дании (Clark, 1963, Pl. VI).

Луки следующего типа длиннее (около 170 см), значительно массивнее и без орнамента. Они напоминают сторожевые луки — самострелы сибирских народов и, очевидно, настораживались на звериных тропах. К самострелам следует отнести серию луков-гигантов длиной около 3.5 м, с отверстием или перехватом на конце.

Полозья имеют значительную длину (свыше 2 м) и ширину (около 15 см). С одной стороны они снабжены бортиком и скрепленные попарно образуют легкие бескопыльные сани, которые охотник мог тащить за собой. Полозья представлены двумя типами. Изделия первого типа — дугообразного сечения и сравнительно грубой выделки — имеют заостренные концы с одной парой отверстий, направленных горизонтально. Полозья второго типа — прямого сечения с закругленными концами и двумя парами вертикальных отверстий. Изготовлены они очень старательно, для них характерны орнамент в виде насечек, штриховка поверхности зубчатым инструментом и наличие крючкообразного выступа на конце.

Аналогичный выступ, оформленный в виде головки лося, имеется у лыжи, которая украшена сверху волнистым валиком. Этот выступ имел не только эстетическое и культовое значение, но и практическое. Он расположен так, что уменьшал боковое смещение лыжи и предотвращал движение ее в обратную сторону. Головка лося, выполненная весьма реалистически, является превосходным образцом древнейшей деревянной резной скульптуры. Как известно, образ лося в искусстве севера европейской части СССР и Урала занимал центральное место (Гурина, 1956, стр. 213—218).

У лыж другого типа концы заострены, оба края снабжены бортиками, рельефные выступы, по-видимому, отсутствуют. Сверху и снизу концы украшены насечками и прочерченными зигзагами. С этими лыжами имеет отдаленное сходство загадочный изогнутый предмет овального сечения, богато украшенный насечками и елочным узором.

Весла имеют длинные лопасти, параллельные края и заостренный конец, благодаря чему могли использоваться вместо шестов на мелководье. У небольшой лопаточки одна сторона имеет полосчатое сглаживание зубчатым инструментом.

Весьма характерны дугообразно изогнутые рукояти стругов с двумя пазами в средней части, миндалевидными выступами на концах и прочерченным орнаментом (зигзаги, косая сетка, насечки). В дугообразных пазах, заполненных смолой, закреплялись вкладыши. Наряду с этим встречена прямая вытесанная палочка, снабженная пазами и представленная, к сожалению, небольшим фрагментом, — вероятно, стрела. Найдены деревянные палки с желобом на конце, служившие скорее всего рукоятями отжимников или иных орудий.

Из других изделий отметим также гнутые обручи, очевидно, от рыболовных снастей. Они имеют подтреугольное сечение, а концы снабжены длинными срезами для скрепления друг с другом. Бо́льшая часть обручей имеет отверстия.

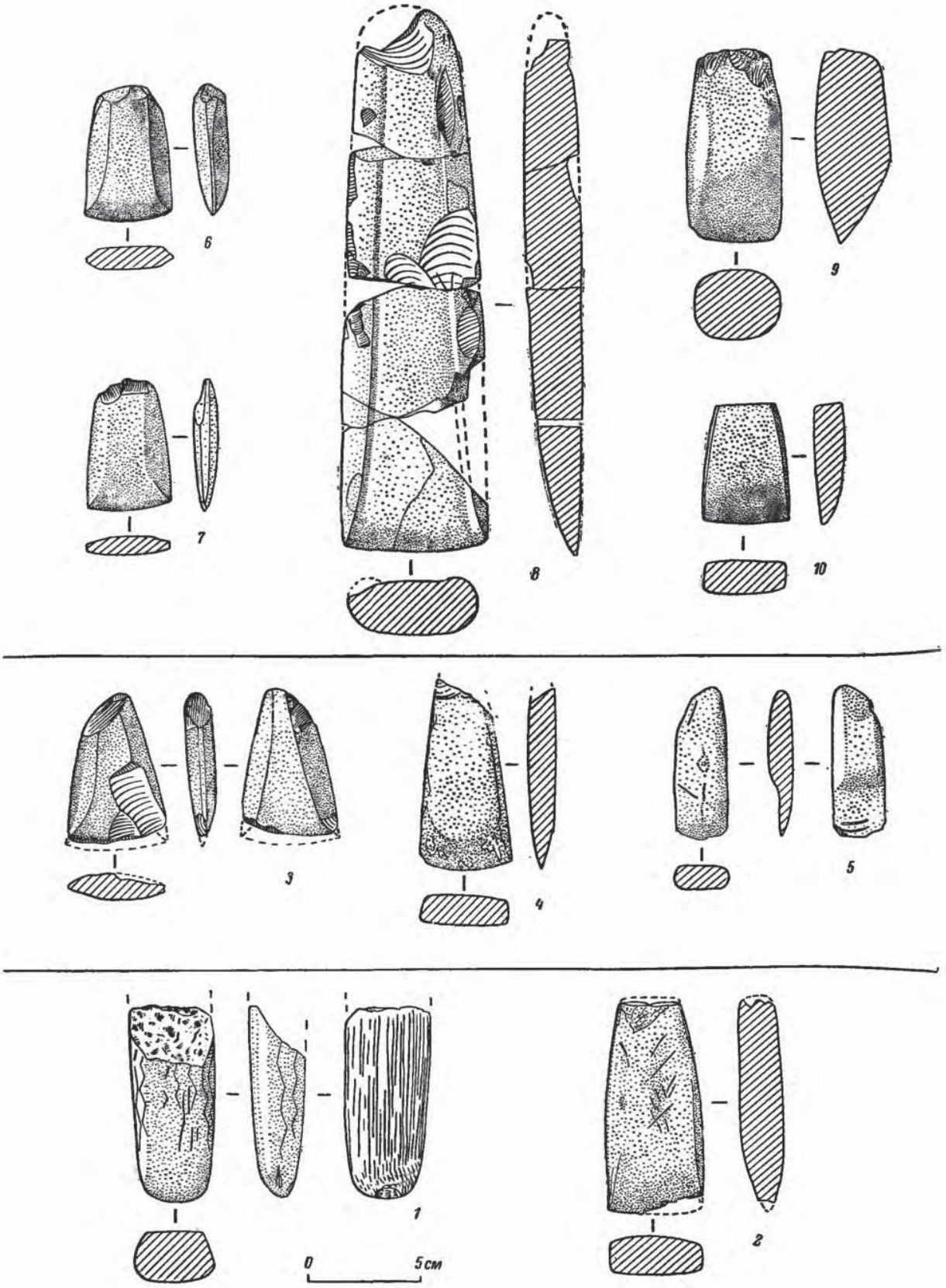

Рис. 2. Каменные шлифованные орудия.

1, 2 — мезолит; *3—5* — неолит волго-окской общности; *6—10* — вычегодско-вятской общности. *1—4, 6, 7, 10* — Вис I; *5, 8, 9* — Вис II.

Не исключено, что диск с удлиненным отверстием являлся маховиком веретена для витья веревочек. Орнамент, нанесенный с одной стороны, разделяет диск на четыре сектора, из которых два имеют перекрестную штриховку в виде косой сетки. Один из предметов представляет собой вилку-рогульку, вырезанную из доски, применявшуюся, очевидно, как древко остроги или при плетении сетей, либо прядении.

Из коры изготовлены поплавок с отверстием для прикрепления к сети и коробка почти кубической формы из прямоугольного листа бересты, согнутого в углах, которые прижаты затем к ее боковым сторонам с помощью ряда деревянных гвоздей.

К числу плетеных изделий относятся сеть из двупрядной веревочки и циновка (?) из дранки, переплетенной растительными жгутами. Сеть крупноячейная (около 5 см) и выработана с применением шкотового узла. Веревочка изготовлена, по определению проф. С. Н. Тюремнова, из листьев и корешков осоки. Циновка сделана из дранки толщиной 1—2 мм с использованием так называемого двойного переплетения (Кларк, 1953, стр. 229).

Новейшие радиоуглеродные, палинологические, геологические и археологические данные свидетельствуют в пользу мезолитического возраста вещей из торфяника и, следовательно, о таком же возрасте некоторых находок с останцов надпойменной террасы, занятых висскими поселениями: древние люди обитали на этих останцах, и в торфяник попали далеко не все оставленные ими предметы. Четыре радиоуглеродные даты (анализировалась древесина самих вещей) [2] определяют время деревянных изделий VI тыс. до н. э.; но имеются основания предполагать, что находки из наиболее ранних наслоений торфяника принадлежат VII тыс. На пыльцевых диаграммах пойменной части поселения Вис I [3] торфяник отвечает спектрам бореального периода и переходного к атлантическому (третий сверху минимум пыльцы ели и второй максимум березы, подъем кривой ели и падение кривой пыльцы березы) (Нейштадт, 1957, фиг. 50). Толща озерных осадков, перекрывающая торфяник, начала отлагаться после его подтопления, которое может связываться с послеледниковой (атлантической) трансгрессией Белого моря (Бискэ, Горюнова, Лак, 1959, стр. 57—66). Изделия, найденные в торфянике, имеют себе близкие параллели лишь в вещах мезолитического (бореального) времени (полоз из Хейнода, сеть из Корпилахти); среди луков, относимых к неолиту и бронзовому веку, нет ни одного экземпляра с отверстием.

Вопрос о хронологическом взаимоотношении мезолитических комплексов Висских поселений и мезолитических стоянок вычегодской долины не вполне ясен из-за трудности выделения древнейшего кремня на первых и отсутствия деревянных вещей на вторых. Однако на тех и других представлены рубящие орудия, которые резко различаются между собой: в районе Синдорского озера найдены только шлифованные топоры, а в долине Вычегды — лишь изготовленные путем оббивки. Это обстоятельство позволяет предполагать хронологическое и культурное различие между двумя указанными группами памятников.

[2] Анализ произведен в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА.

[3] Составлены проф. С. Н. Тюремновым.

НЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА

В нашем распоряжении имеются 24 пыльцевые диаграммы,[4] освещающие историю лесов и климата Вычегодского края от бореального периода до современности. По ним прослеживается значительное потепление климата в атлантическое и суббореальное время. В спектрах этой эпохи заметно повышается процент ольхи и обычно присутствует липа. В них же бывают представлены дуб (Сысола) и вяз (Сысола и средняя Вычегда). На Выми и в районе оз. Синдорского, т. е. в северной части Привычегодья, пыльца этих пород не встречена. Поскольку возраст рассматриваемых ниже памятников неолита и ранней бронзы соответствует суббореальному периоду, естественно считать, что теплый климат этого времени способствовал интенсивному заселению Привычегодья племенами более южных районов.

На неолитических поселениях Вычегодского края бытовали три типа глиняной посуды: 1) камский, 2) волго-окский и 3) вычегодско-вятский (табл. 14, *1—23*).

В тех местах, где встречались неолитические жилища, хорошо прослеживалась разница в глубинах залегания керамики различных типов. Керамика третьего типа приурочена в основном к нижним горизонтам жилищных заполнений, два других типа — к верхним.[5] В пользу разновременности первого и второго типов керамики свидетельствует также распространение керамики второго типа преимущественно за пределами жилищ.

Что касается кремневых орудий, то, к сожалению, далеко не всегда имеются основания расчленить их хронологически и соотнести с определенными типами керамики. Поэтому рассмотрим вначале основные формы каменных изделий, встреченных в целом на тех поселениях Вычегодского края, где найдены сосуды неолита и бронзы, а затем попытаемся все же связать эти формы с конкретными типами керамики.

В эпоху неолита и ранней бронзы в Вычегодском крае господствовала техника выработки орудий из отщепов, хотя иногда они изготовлялись из пластин,[6] например, на стоянках Синдорского озера, древнейшие керамические комплексы которых датируются ранним бронзовым веком.[7] На висских поселениях также встречаются изделия, изготовленные из пластин (табл. 13, *12*, *19*). Однако пластины неолита и бронзы в полтора-два раза крупнее, чем мезолитические (из долины р. Вычегды).

[4] Я. Я. Гетманов. Болота Коми АССР. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 4, инв. № 330, стр. 100—115.

[5] Можно предполагать, что жилищами был прорезан культурный слой с посудой первого и второго типов. После гибели жилищ их впадины с керамикой третьего типа на дне могли быть заполнены грунтом, выброшенным при строительстве.

[6] В эпоху раннего железа и, очевидно, в эпоху поздней бронзы техника пластин уже была изжита (Буров, 1965а, стр. 79—88, 111—118).

[7] Речь идет почти исключительно о поселениях Вис I, II и III. В тех случаях, когда выделяются типы, не представленные на упомянутых памятниках, это оговорено в тексте.

На висских и синдорских поселениях собрано значительное количество разнообразных кремневых наконечников стрел, которые мы попытаемся свести к 10 основным типам (табл. 13, *3—6, 12—19, 31, 33, 40—42*): 1) свидероидные наконечники, 2) лавролистные, 3) узкие массивные разного сечения, листовидные или ромбовидные, 4) широкие ромбовидные, линзовидного, сегментовидного или треугольного сечения, 5) треугольночерешковые, чечевицеобразные или сегментовидные в разрезе, 6) с выемкой у основания, подтреугольные, листовидные и близкие к пятиугольнику, 7) с усеченным основанием, подтреугольные и листовидные, 8) миндалевидные, т. е. листовидные с закругленным основанием, 9) с черешком, имеющим параллельные края (Синдорское озеро I) (Буров, 1962а, рис. IV, 11),[8] 10) ланцетовидные с выемкой у основания или с усеченным основанием или с черешком. Наконечники 6—10-го типов имеют чечевицеобразное сечение, причем поверхность у них сплошь покрыта ретушью. Изделия сегментовидного (треугольного) сечения, как правило, изготовлены из призматических пластин и имеют частичную обработку, а чечевицеобразные изделия 2—5-го типов чаще всего сплошную. Наконечники стрел первых пяти типов покрыты обычной плоской ретушью, а остальные — обычной или пильчатой.

Единичные экземпляры в районе Синдорского озера представлены изделиями в виде трапеций из ножевидной пластины с крутой ретушью на боковых сторонах[9] и трапеций с противолежащими выемками, покрытых плоской ретушью.

Кроме кремневых, встречены сланцевые шлифованные наконечники стрел, из которых один — трапециевидного сечения (табл. 13, *30*) — имеет аналогию в инвентаре стоянки Час-Тый-Яг на Северной Сосьве (Чернецов, 1953, табл. II, *6*).

Кремневые наконечники дротиков и копий на поселениях Вис I и II лавролистные, причем у наиболее крупного намечается черешок (табл. 13, *32*).

Подавляющее большинство скребков на висских поселениях — из тонких отщепов, на нижнем крае которых нанесена крутая краевая ретушь, придающая ему более или менее выраженную дугообразную форму (табл. 13, *20—22, 34*). Некоторые снабжены двумя рабочими краями, противолежащими или образующими угол. Выделяются также весьма оригинальные скребки с боковой «ручкой». В эпоху ранней бронзы в Вычегодском крае, по-видимому, уже бытовали подтреугольные скребки с подтесанной спинкой, которые, однако, не получили широкого распространения; в инвентаре поселения Вис I на громадное количество обычных скребков приходится лишь несколько экземпляров этого типа. Некоторые концевые скребки выработаны из призматических пластин, единичные из них снабжены «черешком», оформленным ретушью со спинки; в этих орудиях, имеющих параллель на Волосовской стоянке (Фосс, 1949а, рис. 4, *28*), следует усматривать скребки-резчики.

Ножи и другие режущие орудия в Вычегодском крае делались из кремня, реже из мягких, легко шлифующихся пород (табл. 13, *7, 8, 23—25, 35—37*). Среди кремневых наиболее распространенными формами были: 1) мелкие серповидные (клювовидные) изделия с заостренным рабочим концом и массивным тыльным, обычно соответствующим отбивному бугорку; поверхность их обработана плоской ретушью, причем, как правило, не полностью; 2) узкие, сегментовидные ножи линзовидного сечения; 3) широкие сегментовидные, листовидные или неопределенных очертаний; 4) внешне напоминающие серповидные ножики, но изогнутые лишь слегка, с тупым концом, сегментовидные в разрезе; 5) с треугольным черешком, различной формы; 6) изделия в виде высокого треугольника с прямой или слегка выпуклой гипотенузой, прямоугольника или квадрата; 7) кремневые плитки или очень массивные отщепы с покатой двусторонней ретушью по дугообразному рабочему краю. Ножи 2, 3, 5—8-го типов сплошь покрыты плоской ретушью.

Изделия в виде высокого треугольника бесспорно могли использоваться не только как ножи, но и как вкладыши кинжалов, в особенности мелкие экземпляры. Такие орудия известны по могильникам Прикамья и Прибайкалья (Окладников, 1950, рис. 62; Бадер, 1964, рис. 98—103). Находки вкладышей из сечений ножевидных пластин, с ретушью на краях и углах, на висских и синдорских поселениях, указывают, возможно, на то, что еще бытовали и составные орудия мезолитических форм.

Ножи из мягких пород камня (резаки) немногочисленны и либо представляют собой плитки с двусторонне заточенным краем, либо напоминают мелкие топорики. К особому типу принадлежит массивный нож из очень крупного ретушированного отщепа, у которого пришлифован край, противоположный лезвию.

Из рубящих и долбящих орудий (рис. 2, *3—10*) в инвентаре висских поселений наиболее полно представлены тесла, которые, как правило, изготовлялись из мягких пород камня (иногда из кремня) и отличались великолепной техникой. Выделяются три основных типа шлифованных тесел, из которых первый содержит крупные расширяющиеся книзу орудия удлиненных пропорций, в разрезе овальные или прямоугольные с закругленными углами, с широким плоским желобом, начинающимся с лезвия и проходящим через весь инструмент; в верхней их части намечен поперечный желобок для привязывания. Ко второму типу относятся тесла средних и мелких размеров, укороченных пропорций, слабо расширенные к лезвию, представленные тремя основными разновидностями: а) восьмигранного или шестигранного сечения, б) четырехугольные в разрезе, в) овального сечения, со слабо выраженным желобом или без него. К третьему типу принадлежат удлиненные орудия средних размеров, сильно расширенные к лезвию; по форме сечения они делятся на две разновидности, аналогичные первым двум разновидностям второго типа.

Особую форму представляют небольшие когтевидные орудия (рис. 2, *5*) — круммайзели (Krummeisel), весьма характерные для Финляндии, Карелии и Вологодской области (Гурина, 1961а; Фосс,

[8] К этому типу относятся также четырехшипные наконечники с треугольным пером и черешком, имеющим выемку в основании. Они найдены на стоянке Лемью в долине средней Вычегды (Буров, 1965а, стр. 90).

[9] На стоянке Синдорское озеро I.

1952). Невелики также долота квадратного и овального сечения.

Шлифованные топоры неолитического и раннебронзового возраста — сверленые (боевые). К этому же времени относится (Montelius, 1917, стр. 348) кирка полулунной формы шестиугольного сечения, с небольшим круглым отверстием, очевидно, оружие типа клевцов (Буров, 1967а, стр. 49—51).[10] Другая кирка — удлиненно-овальная, из валуна специально подобранной формы; один конец ее отшлифован, а другой обработан точечной ретушью, с помощью которой в средней части орудия намечен и перехват. К этой кирке близки изделия в виде овальных валунов, опоясанных желобком, — молоты или, возможно, грузила (табл. 13, *38*). Они находят себе параллели в материалах поселений турбинской культуры Прикамья и других комплексов (Коногорова, 1961, рис. 15, *1*; Бадер, 1961б, рис. 35, *3*, 44, *9*).

К числу кремневых орудий относятся резчики и сверла. Резцовые сколы иногда наблюдаются у обломанных наконечников стрел (Фосс, 1949а, стр. 16—21).

Резчики, выделенные как тип орудий М. Е. Фосс, представляют собой заостренные изделия с дугообразным продольным профилем, с плоской или крутой ретушью, обычно лишь со спинки. Как правило, она занимает только края орудий (табл. 13, *10*) и лишь иногда покрывает сплошь спинку. Среди них встречается обработка рабочего конца со стороны брюшка и даже полное ретуширование обеих поверхностей. К особому типу относятся ромбовидные орудия с двумя рабочими концами. Для изготовления резчиков использовались удлиненные отщепы или, реже, широкие массивные пластины. Один из резчиков обнаружен в долине Вычегды, на стоянке Ягкодж I, близ местонахождения неолитической керамики (Буров, 1960, рис. 9, *5*).

Сверла изготовлены из призматических пластин или из отщепов, снабжены узким жальцем, обработанным ретушью, и часто имеют залощенность — следы изнашивания. Одно из сверл по форме представляет собой мелкий лавролистный наконечник стрелы укороченных пропорций, со следами употребления. Единичными экземплярами на поселениях Вис I и Вис II представлен тип двойного сверла с резким расширением в средней части, сплошь покрытого плоской ретушью (табл. 13, *29*).

Следует также упомянуть оригинальное изделие отличной работы в виде очень узкого, необычайно удлиненного скребка, сплошь обработанного со спинки плоской ретушью. На тыльном конце его со стороны брюшка нанесены боковые выемки, очевидно, для прикрепления рукоятки (табл. 13, *28*).

К числу изделий из мягких пород камня относятся стерженек составного рыболовного крючка, обработанные дисковидные гальки и различные шлифовальные плитки. Стерженек симметричен, в нижней части имеет скос и боковые насечки для крепления острия, а в верхней, суженной — перехват для навязывания лесы (табл. 13, *9*).

Среди обработанных галек наиболее выраженный тип образуют сверленые грузила или навершия. Как установлено Н. Н. Гуриной на материалах Прионежья, процесс проделывания отверстия состоял из двух операций: первоначально в гальке выбивались (с обеих сторон) выемки, а уже затем просверливалось отверстие (Гурина, 1951а, стр. 105—107). Наши материалы показывают, что в Вычегодском крае при обработке дисковидных галек находили применение те же самые приемы.

Для получения многочисленных шлифовальных камней и плиток, найденных на поселениях района Синдорского озера, часто использовались мягкие породы. Особую группу каменных изделий составляют куски песчаника с желобами, в некоторых случаях напоминающие «выпрямители стрел» катакомбной культуры, служившие абразивными инструментами (табл. 13, *27*) (Семенов, 1957, стр. 170—174). Для расчленения сланца и других поделочных пород камня применялись песчаниковые пилы двух основных типов — в виде тонких плиток с заостренным краем (табл. 13, *26*) и массивные, ромбического или треугольного сечения.

Как было указано выше, керамика Вычегодского края включает в себя три типа. Хронологическое соотношение их не вполне ясно.

К первому, камскому, типу (поселения Вис I, II и III) относится сравнительно небольшая часть керамики, вылепленной из глины с примесью шамота (табл. 14, *1—5*). Венчики — с узким срезом или заострены и во всех случаях с внутренней стороны имеют высокий утолщающийся книзу наплыв, существенно отличающийся от бортика посуды второго типа, в частности, отсутствием орнамента. Поверхность сосудов хорошо заглажена, часто залощена. Штриховка гребенчатым штампом отсутствует.

Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность сосудов, нанесен почти исключительно гребенчатым (зубчатым) штампом; ямки встречены лишь на одном, к тому же не вполне типичном сосуде (с бортикообразным наплывом).

В отличие от посуды других неолитических типов, данная керамика украшена не широким, а средним гребенчатым штампом — почти исключительно косозубым. Среди узоров основными являются горизонтальные ряды из косых оттисков гребенки, длинных со слабым наклоном, и коротких с сильным. Далее идут такие узоры, как горизонтальные линии, косые и вертикальные ряды из коротких гребенчатых оттисков, горизонтальная «шагающая гребенка», ряды горизонтальных коротких отпечатков, наклонные ряды мелких углублений и косая сетка. Эти узоры чередуются, а нередко и перекрывают друг друга, что является особенностью данного типа керамики.

Абсолютный возраст керамики различных типов можно определить путем сопоставления ее с посудой смежных территорий. Вычегодская керамика первого типа аналогична синхронной посуде Прикамья. Сходство проявляется в составе глиняного теста, профилировке венчика, хорошей обработке поверхности и применении неширокого косозубого гребенчатого штампа. Наблюдается сходство и в узорах: длинные гребенчатые полосы чередуются с короткими, сосуды украшены «шагающей гребенкой», наклонными рядами коротких оттисков, горизонтальными линиями, мелкими углублениями (Денисов, 1960). Ис-

[10] Найдена в 1921 г. на пойменном берегу р. Вычегды, близ устья р. Сев. Кельтмы.

ходя из датировки камского неолита (Бадер, 1964, стр. 169, 170), первый тип керамики можно отнести к III тыс. до н. э.

О том, какие формы каменных изделий сопутствуют керамике первого неолитического типа, можно судить только по стоянкам камского неолита, расположенным за пределами Вычегодского края. Из них ближайшей является Хуторская, на которой обнаружены обычные скребки на отщепах, наконечники стрел второго и четвертого типов (Денисов, 1960, рис. 13, *8*, *11*, *15*; 14, *1—8*).

Второй тип — волго-окский — представлен на висских поселениях яйцевидными сосудами (табл. 14, *6—14*), имеющими почти всегда наплыв — бортик с внутренней стороны венчика. Дно обычно острое, стенки довольно толстые, в глиняном тесте присутствует примесь грубо толченых кварца и слюды, в единичных случаях — примесь шамота.

Сосуды этого типа отличаются большим разнообразием узоров, размещенных зонально по всей внешней поверхности. Среди элементов орнамента первое место занимают довольно глубокие конические ямки; с внутренней стороны им, как правило, соответствуют выпуклости.

При украшении посуды применялся также косозубый штамп, однако значительно реже, чем прямозубый.

Во многих случаях отпечатки косозубого штампа короткие и размещены в желобке. Встречаются удлиненные прямозубые оттиски, но наиболее характерны ряды овальных углублений, часто сливающихся в сплошную линию, имитирующую отпечатки гребенчатого штампа или перевитой нитки, и оттиски личинкообразного штампа — овальные, прямозубые, полукруглые в разрезе. Реже отмечаются отпечатки перевитой веревочки, обычно с четкими оттисками прядей, и гладкие линии; в единичных случаях использован штамп с нарезанной прямой сеткой («сдвоенный» гребенчатый, или рамчатый). Ямки чаще всего размещены зонами в один, реже — в два ряда и более (в шахматном порядке). Значительная часть сосудов второго типа украшена, по-видимому, только ямками, которые иногда размещены группами, образуя различные фигуры; как правило, они густо заполняют все орнаментальное поле.

Однако для керамики второго типа характерно сочетание ямочного и других видов орнамента. Обычны пояски из ямок, соединенных друг с другом рядами косых линий, зигзагами, косой сеткой или горизонтальной линией. Во всех этих случаях двойные линии встречаются как исключение, оттиски, как правило, глубоки и в основном применен гребенчатый штамп с закругленным в сечении концом. Изредка ямки нанесены на фоне горизонтального ряда косых оттисков, часто наблюдается соединение ямочных зон горизонтальными полосами косых оттисков либо косой сеткой.

На сосудах второго типа «шагающая гребенка» совершенно отсутствует. Заметную роль в орнаментации играют косая сетка и наклонные ряды оттисков (в последнем случае наиболее типичны овальные углубления). Горизонтальные линии, зигзаги и сдвоенные наклонные линии весьма редки.

Особенностью неолитической посуды второго типа является также орнаментация торца венчика, преимущественно поперечными оттисками гребенчатого штампа, характерная приблизительно для третьей части сосудов. В одном случае торец украшается зигзагом. Единичные сосуды имеют рисунок с внутренней стороны, но он нередко сглажен гребенчатым штампом.

Вычегодская неолитическая посуда второго типа находит аналогии в ямочно-гребенчатой керамике волго-окского типа смежных территорий, в особенности Вологодской и Архангельской областей. Сходство проявляется в составе керамической массы, форме (острое дно, у венчика изнутри бортик), в орнаментации сосудов (прямозубым, косозубым и гладким штампом, насечками и отпечатками перевитой веревочки). Характерно соединение ямок гребенчатыми оттисками, отмечены горизонтальные ряды оттисков, зигзаги, линии и косая сетка. Встречается сплошная ямочная орнаментация, причем нередко ямки размещены группами. Орнамент часто переходит и на торец (Фосс, 1952, рис. 34, *39;* 71, *1*; 73, *1—3*; Гурина, 1957, рис. 3). Ямочно-гребенчатая керамика севера европейской части СССР и Прибалтики, по Н. Н. Гуриной, датируется III—началом II тыс. до н. э.

Некоторые косвенные данные позволяют предполагать, что в Вычегодском крае посуда второго типа появляется позднее, чем камская: в позднем неолите повсеместно наблюдается сокращение области камского неолита и расширение ареала волго-окского.

С неолитической керамикой второго типа, встречающейся на одном из участков поселения Вис I в чистом виде, по стратиграфическим данным, могут быть связаны тесло третьего типа и черешковый нож. Эта посуда господствует на поселении Вис III, где обнаружены кремневые наконечники стрел второго и четвертого типов, черешковый нож, шлифованный плитчатый нож-резак, тесло третьего типа и стерженек составного удильного крючка. С волго-окской керамикой могут составлять единые комплексы те формы каменных орудий, которые представлены на стоянках данного типа (с чистыми комплексами) в смежных областях. К этим памятникам принадлежат следующие стоянки: у Нарьян-Мара (Печорская), на которой собраны резчики, наконечники стрел второго и четвертого типов (Гурина, 1957, рис. 1); Усть-Рыбежна I на северо-западе европейской части СССР, откуда происходят лавролистные, ромбовидные и треугольно-черешковые наконечники стрел (Гурина, 1961а, рис. 125, *1—15*); в устье р. Ольги (каргопольский озерный район), на которой обнаружен круммайзель (Фосс, 1952, рис. 60, *4*, стр. 226, 227) и в бассейне нижнего течения Сев. Двины, где найдены шлифованный топоровидный нож-резак, кремневые скребки на отщепах с одним и двумя рабочими краями, резчик и треугольно-черешковые наконечники стрел.[11]

Итак, керамике второго типа, вероятно, сопутствуют второй, четвертый и пятый типы наконечников стрел, скребки на отщепах, резчики, кремневые черешковые и плитчатые шлифованные ножи, тесла третьего типа, круммайзели и стерженек рыболовного крючка.

[11] Стоянки Пинежское озеро III, IV и VI, обнаруженные автором в 1967 г.

Сосуды третьего неолитического типа (табл. 14, *15—23*), известные по висским поселениям и стоянкам Вычегодской долины (Керчемья, Ягкодж I) имеют венчик с закругленным краем и круглое дно при яйцевидной форме. Стенки толстые, но в меньшей степени, чем у посуды второго типа; в керамической массе прослеживаются менее грубо толченые кварц и слюда. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, а на торце венчика и изнутри сосуда встречается лишь как редкое исключение.

Орнамент размещен зонально и состоит из поясков, образованных оттисками различных штампов, чередующихся с горизонтальными рядами ямок или, реже, заменяющих их иных углублений. Ямки обычно неглубокие, конической или полусферической формы; здесь они играют меньшую роль, чем на сосудах второго типа. Прочие углубления — короткие прямые или угловые оттиски широких штампов (косозубого гребенчатого и овального кососеточного, с нарезанной косой сеткой). Встречаются также неглубокие гладкие ямочки неправильной формы, образующие горизонтальные ряды, зигзаги или ромбы. Каждый узор состоит из одного или, реже, нескольких рядов углублений. Иногда они соединены косыми двойными или одинарными оттисками штампов, изредка образующих зигзаг или косую сетку. Узоры, заключенные между зонами углублений, наносились обычно косозубым гребенчатым штампом, нередко кососеточным, а в единичных случаях штампом с нарезанным зигзагом или гладким. Оттиски косозубого штампа, как правило, довольно длинные, с закругленными концами; зубцы скошены умеренно. Прямозубый, личинкообразный и «сдвоенный» штампы, а также «перевитая веревочка», характерные для волго-окского неолита, по-видимому, при орнаментации посуды третьего типа не использовались.

Среди узоров, выполненных косозубым, кососеточным и зигзаговым штампами, основными являются горизонтальный ряд косых оттисков и «шагающая гребенка». Третье место занимают горизонтальные линии. В редких случаях отмечены обычный зигзаг, косая сетка, в том числе выполненная двойными линиями, горизонтальный ряд парных гребенчатых оттисков, разнообразные ряды отпечатков, заштрихованные гребенчатые ромбы, расположенные цепочкой, иногда с заполнением пространства между ними рядами отпечатков, косозубая и гладкая наклонная «шагающая гребенка», ряды веерообразных фигур.

Керамика третьего типа весьма своеобразна, но обладает чертами сходства как с камской, так и с волго-окской, что позволяет считать ее относительно близкой им хронологически. В то же время «гибридный» характер этой посуды может свидетельствовать в пользу ее относительно более позднего возраста. О том же говорят исчезновение утолщений у венчика и появление узора в виде заштрихованных ромбов, получающего развитие в раннем бронзовом веке. По-видимому, дата керамики третьего типа лежит в пределах второй половины III—начала II тыс. до н. э.

Второй волго-окский неолитический тип посуды, несомненно, должен быть связан с крупным продвижением племен, благодаря которому были освоены обширные пространства европейского Севера. На востоке волго-окские племена встретились с камскими в области Казанского Поволжья, Вятском и Вычегодском бассейнах.

В последних двух пограничных районах из двух компонентов сформировалась своеобразная культура керамики третьего неолитического типа, представленная на Вятке стоянкой Буй I (ранний комплекс) (Денисов, 1958, рис. 4, *3—12*). Буйская керамика (хранится в Кировском краеведческом музее), имея ряд общих черт с камской, все же существенно отличается от нее (на что обратил внимание еще в 1958 г. В. П. Денисов) и в то же время аналогична бытовавшей в бассейне Вычегды посуде третьего неолитического типа. Сосуды стоянки Буй I тоже изготовлены из глины с небольшим количеством кварца и слюды, имеют уплощенный или закругленный венчик, украшены оттисками косозубого штампа, коническими и другой формы ямками. Среди узоров — «шагающая гребенка», горизонтальные ряды оттисков и линии. Выделяемая новая поздненеолитическая культура, которая наиболее полно характеризуется материалами поселений района Синдорского озера, может быть названа вычегодско-вятской (см. таблицу).

Стратиграфические данные позволяют наметить ряд форм орудий, связанных с комплексом неолитической посуды третьего типа, встреченной в чистом виде на полах висских жилищ. Сюда относятся наконечники стрел второго, третьего и пятого типов, скребки с одним или двумя рабочими краями, в том числе с боковой ручкой, узкие сегментовидные ножи, резчики, тесла второго типа, сверленый топор-молот, кирка с точечной ретушью, шлифовальные плитки, песчаниковые абразивные инструменты с желобом и пилы. Другим обстоятельством, облегчающим выделение каменных орудий, относящихся к третьему неолитическому типу керамики, является открытие на поселении Вис II у самого угла жилищной впадины — склада наконечников стрел второго, третьего и первого типов и тесел первого типа; склад, по-видимому, входил в контур помещения.

Количественное соотношение керамики различных типов неолита и бронзового века на поселениях Вис I и II (в сосудах)

Керамика	Тип	Вис I	Вис II
Неолитическая	Первый	56	4
	Второй	565	243
	Третий	652	744
Раннебронзовая	Первый	262	66
	Второй	2066	108
	Третий	153	131
Валиковая и Усть-вымская	—	20	50

Естественно считать, что в инвентаре каждого долговременного поселения количество каменных изделий той или иной формы чаще всего в какой-то степени соответствует числу относящихся к ней глиняных сосудов. Поэтому, сравнив коллекции каменных вещей с поселений Вис I и Вис II (на первом резко преобладает раннебронзовая керамика второго

типа, на втором — неолитическая третьего типа), мы получим возможность предположительно расчленить на комплексы некоторую часть этих вещей.

С неолитической керамикой третьего типа, повидимому, можно связать наконечники стрел второго, пятого и первого типов, тесла первого и второго типов и другие вышеперечисленные орудия.

На поселениях Вис I и II исследовано три неолитических жилища, которые представляли собой прямоугольные в плане постройки (удлиненные или почти квадратные), углубленные в землю так, что на склоне была получена горизонтальная площадка для пола (табл. 69, *1*). Размер каждого из них примерно 50 м². Все три сооружения ориентированы с СВ на ЮЗ, причем на поселении Вис I наблюдалось расположение их по одной линии, как на поселениях турбинской культуры, однако без соединительного коридора.

В средней части уступа северо-восточной стены каждой полуземлянки располагалась ниша — небольшой пологий выем, а у жилища 2 на Висе I такая же ниша имелась и с противоположной стороны. Подобные ниши характерны для жилищ турбинской культуры и, по мнению О. Н. Бадера, соответствуют входам в помещение (Бадер, 1961б, стр. 149). Своеобразной крупной нишей являлся закругленный угол, отмеченный у двух жилищ. Здесь пол был углублен особенно сильно и помещался очаг.

Остатки нескольких очагов, устроенных в основном у стен, преимущественно в углах, прослежены и в других висских жилищах. Это были кострища и ямы с сажисто-углистым заполнением. Возле некоторых из них обнаружены крупные удлиненные углубления неправильной формы и небольшие круглые, вероятно столбовые, ямы.

Крупные размеры висских жилищ и расположение очагов у стен позволяют предполагать, что у построек были вертикальные стены. Близки этим жилищам прямоугольная полуземлянка Хуторской неолитической стоянки в Верхнем Прикамье и в особенности некоторые сооружения турбинской культуры (Бадер, 1961б).

В жилище поселения Вис II обнаружены фрагменты культового сосуда с изображением уток и, по-видимому, гусей. Фигурки уточек находят многочисленые параллели на древней керамике Финляндии, северо-запада европейской части СССР и Среднего Урала. Висская находка существенно расширяет ареал подобных изображений к северо-востоку (Гурина, 1961а, рис. 25).

В бассейне Вычегды представлены также три хронологически различных типа раннебронзовой керамики, из которых первый мы будем условно именовать каргопольским, второй — синдорским, третий турбинским, или борским (табл. 15, *1—36*).

При раскопках выяснено, что границы распространения посуды каждого типа в плане не совпадают. Показательно также и то, что на поселениях Вис I и II посуда третьего типа найдена приблизительно в одинаковых количествах, а керамики второго типа на Висе I примерно в 20 раз больше, чем на поселении Вис II.

Для эпохи ранней бронзы в рассматриваемом районе характерны сосуды открытой яйцевидной формы с тонкими стенками, украшенные по всей поверхности, но с орнаментально выделенным венчиком.

Весьма значительное число сосудов представляет своеобразный первый — *каргопольский тип,* для которого характерны следующие особенности: 1) сглаживание и даже лощение поверхности (штриховка не встречена ни разу); примесь — мелко толченые кварц и слюда; 2) орнаментация одним рядом сквозных проколов под венчиком; 3) тонкостенность и высокий процент небольших сосудов; 4) использование в подавляющем большинстве случаев очень узкого и длинного гребенчатого штампа; 5) узоры из прямых насечек, обычно нанесенных на ребрах торца; 6) наличие в значительном количестве сосудов без орнамента (не считая проколы), а также большой процент посуды, украшенной изнутри; 7) большой процент сосудов, украшенных косой сеткой; 8) наличие орнамента в виде беспорядочных наклонных рядов гребенчатых оттисков; 9) на сосудах, украшенных горизонтальными рядами оттисков, последние в смежных рядах часто наклонены в противоположные стороны, благодаря чему образуют елочные узоры.

Проколы имеет почти вся посуда. В системе орнаментации торцов насечки занимают второе место после гребенчатых узоров, но на внешней поверхности встречаются как исключение. Основная часть орнаментального поля покрыта оттисками гребенчатых штампов, в нескольких случаях — отпечатками перевитой веревочки (или нитки). Среди сосудов 3—4% составляют экземпляры, украшенные штампами средней ширины — прямозубыми и фигурнозубыми.

Гребенчатые и веревочные оттиски образуют следующие узоры, которые мы перечислим в порядке их распространенности: горизонтальный ряд косых оттисков; косая сетка, узкий зигзаг (табл. 15, *4*); горизонтальная линия; беспорядочные наклонные ряды отпечатков, в единичных случаях представлен широкий зигзаг. Торец обычно плоский, с выраженными ребрами и чаще орнаментирован гребенчатым узором, реже насечками, еще реже теми и другими или не орнаментирован вовсе.

Первый тип посуды ранней бронзы (табл. 15, *1—12*) во всем своем многообразии известен только в районе Синдорского озера. Но одна из разновидностей этой керамики (с бедным орнаментом) представлена в районе озер Лача и Воже (Архангельская область) и названа А. Я. Брюсовым керамикой каргопольского типа. Это небольшие и средней величины тонкостенные сосуды хорошего обжига, украшенные сквозными проколами под венчиком; по срезу края нанесены насечки (устье р. Кинемы, Попово, Ольга, Караваиха) (Брюсов, 1961, рис. 36, 37). А. Я. Брюсов справедливо предполагал древний возраст этой керамики, ссылаясь на залегание ее под двухметровой толщей торфа суббореального периода.

Сосуды первого типа, яйцевидные, с тонкими стенками и орнаментально выделенным венчиком, могут быть датированы эпохой ранней бронзы.

Вопрос о том, какие орудия труда отвечают этой керамике, на имеющемся материале пока не может быть решен.

Сосуды второго — синдорского типа, представленные на поселениях Вис I, II и III, Симва II,

Синдорское озеро I, Лебяжск, Варламовка и др., — с закругленным или острым дном (табл. 15, *13—30*). Срез края венчика скошен внутрь, горизонтально уплощен или скошен наружу. В единичных случаях от него кверху отходит плоский ушкообразный полуовальный рельефный выступ. В плотной керамической массе основной части посуды — примесь кварца и слюды, более мелко толченых, чем в неолитической керамике. Остальные сосуды вылеплены из глины с добавлением толченых раковин, впоследствии выщелоченных и придавших глине пористость. Поверхность сосудов сглажена лучше, чем у неолитической керамики второго и третьего типов. Некоторые сосуды изнутри имеют штриховку гребенчатым штампом, которая более часта на экземплярах из глины с толчеными раковинами.

Для керамики второго типа характерна густая и нарядная орнаментация; узоры во всех случаях переходят на торец венчика, а нередко спускаются и на внутреннюю поверхность, причем чаще всего можно наблюдать повторение тех же узоров, которые украшают сосуд извне.

Орнамент состоит из ямок, оттисков различных штампов и очень мелких округлых углублений, причем на одном и том же сосуде сочетаются узоры, нанесенные различными инструментами. Ямки обычно круглой, но нередко овальной или неправильной формы. Штампы для нанесения орнамента средней ширины, гребенчатые — с прямыми или фигурными зубчиками и гладкие. Первые и третьи делятся на прямые, дугообразные и кружковые. Оттиски фигурнозубых штампов обычно слегка искривлены, по распространенности они уступают лишь отпечаткам прямозубых. Мелкие углубления по распространенности занимают третье место, дугообразные гребенчатые штампы (гребенчатые «арочки») — четвертое, если не считать ямки. Гребенчатые кружки и гладкие «арочки» встречены на керамике первого типа в ряде случаев (первые ни разу не отмечены на другой древней посуде Вычегодского края). Гладкие оттиски представлены единично.

Ямки встречены на всех сосудах, но размещены лишь под венчиком одним или (примерно в три раза реже) двумя рядами; во втором случае они находятся друг под другом или в шахматном порядке и сочетаются с гребенчатым орнаментом. Фигурнозубым штампом нанесены горизонтальные и наклонные ряды, а прямозубым — те же и другие мотивы орнамента. Наиболее распространенным узором является горизонтальный ряд косых или вертикальных отпечатков, затем — узкий зигзаг, далее горизонтальные линии, «шагающая гребенка», косая сетка, различные ромбы, наклонные ряды отпечатков, широкий зигзаг и фигуры в виде птичьей лапки.

Ромбы в каждом орнаментальном поясе расположены в один ряд (обычно цепочкой), или в два и более рядов (образуя сетку). На некоторых сосудах внутри каждого ромба имеется горизонтальный оттиск, либо (если ромбы приурочены к внешней поверхности венчика) ямка. Иногда ромбы косо заштрихованы или образуют фигуры, разделенные линиями.

Оттиски дугообразных и кружковых штампов обычно размещены горизонтальными рядами. «Арочки», как правило, обращены выпуклостью кверху, реже расположены наклонно или вертикально. Мелкие круглые углубления также в основном нанесены горизонтальными рядами: лишь в единичных случаях образуют наклонные ряды и зигзаг.

Между типами посуды ранней бронзы прослеживается небольшое сходство. Несколько сосудов первого типа орнаментировано фигурнозубым штампом, что указывает на связь ее с посудой второго типа. В то же время некоторая часть сосудов второго типа имеет в тесте примесь раковин, а небольшое количество сосудов третьего типа вылеплено из глины с толчеными кварцем и слюдой; отмечены также сосуды, сочетающие в себе почти в равной мере признаки обоих типов. Эти факты позволяют предполагать промежуточное хронологическое место посуды синдорского типа между каргопольской и турбинской.

Некоторыми чертами посуда второго типа напоминает посуду гаринского этапа турбинской культуры (орнаментальное выделение венчика — одним или двумя рядами ямок, узор в виде «шагающей гребенки», гребенчатые зигзаги и косая сетка, не говоря о горизонтальных и наклонных рядах оттисков) (Бадер, 1961б, рис. 8—11). Это отдаленное сходство разных культур может быть объяснено прежде всего хронологической близостью.

Гораздо больше общего содержит вычегодская керамика второго типа с керамикой Галичской стоянки (основной комплекс), с частью сосудов стоянки Умиление (Костромское Поволжье) (Фосс, 1947б, рис. 26, *2, 3*, стр. 64—68; 1952, рис. 30, *2*) и почти всей керамикой из Мармылина (Мармугина) близ устья р. Юга.[12] Так же, как и у нас, в указанных стоянках к глиняному тесту чаще всего добавлялась дресва, торец скошен внутрь и орнаментирован, а под венчиком прослеживается ряд круглых или удлиненных ямок. Узор, покрывающий всю внешнюю поверхность, в основном гребенчатый и состоит из горизонтальных и наклонных рядов вертикальных и косых оттисков, зигзагов и косой сетки, а также из мелких углублений. Отмечены кружки и ряды фигур в виде птичьей лапы. Вся эта керамика, по мнению М. Е. Фосс, датируется XIII—XII вв. до н. э. (Фосс, 1952, стр. 263). Аналогичную посуду с другого памятника (Галдарея II на Белом море) М. Е. Фосс по геологическим данным относит к несколько более раннему времени — ко второй четверти II тыс. до н. э. (Фосс, 1952, стр. 125—127).

Очень близка вычегодская керамика второго типа также к сосудам I Береговой стоянки на Горбуновском торфянике, имеющем такое же круглое или острое дно и неорганическую примесь в глине. Орнамент нанесен по всей поверхности прямозубым штампом средней ширины, а ямки расположены только под венчиком. Из узоров наиболее часты полосы из прямых или косых гребенчатых оттисков и зигзагов. Несколько реже встречаются горизонтальные линии, «шагающая гребенка» и штрихованные ромбы (Раушенбах, 1956, рис. 9, *8, 9, 13, 14, 15;* 11, *9, 12, 13*).

---

[12] ГИМ, колл. № 80432 и Великоустюгский краеведческий музей, колл. V.

Стоянка Береговая I датируется по находке матрицы для отливки орнаментированного кельта сейминского типа. По-видимому, на синхронность керамики второго типа и сейминских кельтов указывает также совпадение узоров на тех и других (цепочка заштрихованных ромбов). В свете последних работ О. Н. Бадера, орнаментированные кельты сейминского типа относятся ко второй половине XVI—первой половине XV вв. до н. э., но использовались в Приуралье до начала XIV в. (Бадер, 1964, стр. 135—151). Вопрос о несколько более позднем бытовании сейминских кельтов остается открытым. Следовательно, возраст I Береговой стоянки может быть определен XVI—XIV вв. до н. э.; вычегодская керамика второго типа относится ко времени около середины II тыс. до н. э.

В культурно-этническом отношении керамика второго синдорского типа принадлежит, по-видимому, к археологической культуре, захватывающей огромные территории по обе стороны Урала от Галичского озера и Белого моря на западе до р. Сев. Сосьвы и Горбуновского торфяника на востоке. Нами уже отмечалось очень близкое сходство ее с посудой Ортинской стоянки на нижней Печоре, Мармылинской близ устья р. Юга и Галдареи II на Белом море (Буров, 1965а, стр. 73, 74, 167, 168). Таким образом, ареал керамики синдорского типа следует расширить дальше к юго-западу, включив в него посуду галичского типа (стоянки Галичская, Умиление, Федоровская) (Гаврилова, 1968).

Общие черты керамики синдорского типа Вычегодского края и керамики бассейна р. Сев. Сосьвы проявляются в формах и орнаменте, который покрывает всю внешнюю поверхность и срез края, скошенный внутрь или горизонтальный. Внешняя поверхность сосуда хорошо сглажена, а внутренняя бывает расчесана зубчатым инструментом. Ямки расположены под венчиком в один-два ряда. При орнаментации использовались штампы средней ширины, прямо- или фигурнозубые. Среди узоров на первом месте горизонтальные линии, косая сетка, наклонные ряды оттисков, зубчатые «арочки». Иногда встречаются отпечатки гладкого штампа и мелкие ямки, расположенные рядами (Чернецов, 1953, табл. II, *5;* III, *2—16*; IV, *1—3, 5, 7—14*). Единичные черепки с волнистым прочерченным орнаментом из Чес-Тый-Яга производят впечатление относящихся к другому комплексу.

Разделяя точку зрения Н. П. Пядышева и Л. П. Хлобыстина о близости сосудов Ортинской стоянки и стоянок на р. Сев. Сосьве — Чес-Тый-Яг и Сортынья I (Пядышев, Хлобыстин, 1962, стр. 75), мы считаем, что чрезвычайно близкое сходство керамических комплексов Нижней Печоры, Сев. Сосьвы и Вычегодского края можно объяснить только их синхронностью и принадлежностью к одной культурной общности.

Висские поселения, расположенные в центре ареала памятников синдорского типа, позволяют объединить в одну общность поселения западных и восточных областей. Она, конечно, состоит из нескольких локальных вариантов. Из каких именно — это покажут дальнейшие исследования.

При выделении орудий, относящихся ко второму типу раннебронзовой керамики, может быть использована стоянка Варламовка (на р. Тимшер), где такая посуда встречена при отсутствии другой ранней посуды (древнее I тыс. н. э.); здесь найден нож первого типа (Буров, 1965б, рис. 3, *3*). На стоянке Лебяжск тоже с раннебронзовой керамикой второго типа оказалось незаконченное изделие в виде гальки с отверстием. Предположительно связываются с этой керамикой наконечники стрел второго, четвертого и пятого типов, серповидные ножики, дисковидные гальки с отверстием и шлифованные наконечники стрел.

Важное значение имеют находки на поселениях синдорского типа смежных территорий: Мармылино (скребок с подтесанной спинкой); Чес-Тый-Яг (шлифованный наконечник стрелы) (Чернецов, 1953, табл. II, *6*); Ортино (лавролистные и ромбовидные наконечники) (Пядышев, Хлобыстин, 1962, рис. 23, *1—4*); Кирокса, Пинежское озеро I и Ковозеро X (в бассейне нижнего течения Сев. Двины), на которых обнаружены наконечники стрел второго и пятого типов, резчики и просверленная галька.[13]

Следовательно, с синдорской керамикой эпохи ранней бронзы предположительно соотносятся кремневые наконечники стрел второго и пятого типов, скребки с одним или двумя рабочими краями, с подтесанной спинкой, серповидные ножики, резчик[14] и шлифованные наконечники стрел и сверленые дисковидные гальки.

В культурном слое поселения Вис I найдены два керамических предмета, которые могут быть связаны с посудой второго типа — треугольный фрагмент пористого глиняного сосуда с отшлифованными краями и биконическим просверленным отверстием в центре и миндалевидный предмет, сделанный из глины, а затем обожженный (табл. 13, *39*), с отверстием и прямыми насечками по краям. Аналогичны этой поделке вещи из крупного гравия, найденные Е. М. Берс в 1959 г. в погребении у Аятского озера в Зауралье.[15] Мы склонны рассматривать нашу поделку не только как украшение, но и как гребенчатый штамп. При помощи его можно легко наносить оттиски, вполне аналогичные тем, которые имеются на сосудах второго типа.

На керамике синдорского типа встречается узор в виде трехпалых следов птичьей лапы, который может быть связан с культом водоплавающей птицы. Такие фигуры известны также на керамике более поздних культур, в состав которых вошел зауральский компонент (лебяжская, ванвиздинская), и отмечены среди тамг обских угров. На стоянке Лонью (в бассейне Вычегды) найден фрагмент сосуда, по-видимому, синдорского типа, с нанесенной при помощи гребенчатого штампа фигуркой «пляшущего человечка» (Буров, 1965б, рис. 2, *1*), близкий к фигуркам на петроглифах Карелии и Урала (Чернецов, 1964б).

В бассейне Вычегды нет скалистых ландшафтов, и местные племена не имели возможности создавать наскальные изображения. Петроглифы гравирова-

---

[13] Разведка и раскопки автора в 1967 г.

[14] На поселениях, более поздних, чем эпоха ранней бронзы, ни один резчик не найден.

[15] Коллекции при кабинете археологии Уральского гос. университета (г. Свердловск). Погребение датируется эпохой неолита или ранней бронзы.

лись на поверхности небольших каменных плиток, одна из которых имеется в инвентаре Виса I: нарисованная здесь фигура представляет собой солярный знак (табл. 13, *11*).

В культурном слое поселения Вис II, между заполнением впадины неолитического жилища и зольным жилищным слоем ванвиздинской культуры I тыс. н. э., на глубине 0.35—0.50 м обнаружен могильник из пяти погребений. Покойники лежали двумя рядами, в вытянутом положении, на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища, головой на СЗ (табл. 70, *5*) и С—СЗ. По определению Т. С. Кондукторовой, черепа отличаются признаками монголоидности. Инвентарь отсутствует, что отличает этот могильник от всех погребальных памятников ананьинской культуры, а обряд трупоположения — от могильников-костищ гляденевской культуры. В то же время по ряду признаков Висский могильник близок к Караваевскому (захоронения 1, 3—6, 11) (Брюсов, 1961, стр. 74, 151, 152) и погребениям на Федоровской (Гурина, 1961а, стр. 94) и Языковской стоянках, относимых ко II тыс. до н. э. (П. Третьяков, 1961, стр. 86, 90).

Для третьего — турбинского типа посуды (табл. 15, *31—36*) ранней бронзы (Вис I, II и III, Синдорское озеро I) характерны следующие признаки. При орнаментации использовался довольно широкий, прямозубый, но короткий и гладкий гребенчатый штамп (оттиски имеют вид насечек), а также перевитая веревочка, отпечатки которой занимают третье место среди элементов узора. Очень часто гребенчатые гладкие и веревочные оттиски наносились штампом, поставленным своей плоскостью под острым углом к поверхности. Орнамент более однообразный и гораздо менее густой, чем на остальной керамике. Среди узоров после горизонтального ряда отпечатков идут наклонные ряды оттисков, а другие элементы орнамента редки. Ямки под венчиком не характерны. У большинства сосудов полосчатое сглаживание поверхности гребенчатым штампом, наиболее частое изнутри. Венчик имеет сильно приплюснутый срез (с выступающими внутрь и наружу узкими бортиками), который во всех случаях украшен. Подавляющее большинство сосудов вылеплено из глины с примесью раздробленных раковин, придающих керамической массе пористость; лишь некоторая часть посуды по составу теста аналогична основной массе керамики второго типа.

Из прочих узоров на посуде иногда встречаются вертикальные наклонные и горизонтальные прерывистые линии из коротких оттисков, сделанных последовательно, гребенчатые зигзаги и гладкие кружки, которыми заменяются ямки. Единично представлена гребенчатая косая сетка и редкие вертикальные отпечатки прямосеточного штампа. Срез края украшен чаще всего одним рядом поперечных гребенчатых, веревочных или гладких вдавлений. Лишь в единичных случаях — два ряда оттисков, гребенчатая косая сетка и гладкий полукруг (на сосуде с кружковым орнаментом), а также продольные линии, нанесенные гребенчатым штампом, перевитой и даже простой веревочкой. Изнутри орнамент на сосудах отмечен лишь в нескольких случаях непосредственно под бортиком торца.

Данная керамика вполне аналогична сосудам с поселений борского этапа турбинской культуры Прикамья (Выстелишна, Бор V и др.). Общими являются состав глиняного теста, к которому добавлялись толченые раковины (впоследствии выщелоченные), форма (в том числе Т-образная профилировка венчика), орнаментация, разреженная отпечатками гребенчатого, гладкого, прямосеточного штампов и узорами в виде оттисков перевитой веревочки. При этом плоскость штампа часто ставилась под углом к поверхности, сглаженной зубчатым инструментом. Сходны и узоры: часты горизонтальные ряды оттисков (наклонных или горизонтальных), единичны ямки, расположенные под венчиком, отсутствует «шагающая гребенка» (Бадер и Кокорев, 1959, рис. 5—10; Бадер, 1961б, рис. 42, *51—55*). В свете вышеизложенного третий тип керамики может в основном синхронизироваться с борским этапом и относится примерно к XIV—VIII вв. до н. э.

Как уже отмечалось в печати (П. Третьяков, 1961; Буров, 1965а), турбинская культурно-этническая общность включает Камский, Волго-Окский и Северодвинский бассейны. Границы ее могут быть расширены за счет южной части Печорского края (Канивец, 1965, рис. 2, *14*).

О том, какие каменные орудия отвечают керамике третьего типа ранней бронзы могут дать представления скребки на отщепах и наконечники стрел: лавролистные, ромбовидные, с усеченным основанием или имеющим выемку — с поселений борского этапа турбинской культуры (Бадер, 1961б, рис. 43, *1—15;* 60, *1—3; 5—7, 9—10*; 61, *1, 2, 6—13*).

Весьма вероятно также, что с керамикой турбинского типа связаны миниатюрные кремневые скульптуры из бассейна Вычегды. Как известно, кремневые фигурки характерны для поселений борского этапа турбинской культуры (Бадер и Оборин, 1958, стр. 57) и, по мнению П. Н. Третьякова, вообще для турбинской культурной общности (П. Третьяков, 1961, стр. 85, 90). Среди фигурок Вычегодского края есть рыба и млекопитающее (?) (Буров, 1965а, стр. 106, 108). Иную группу кремневых скульптур составляют символические изображения с поселения Вис I, одно из которых, великолепно отретушированное, точно повторяет форму полумесяца (табл. 13, *43*). Параллелями ему служит фигурный кремень из Волосова и лунные символы на петроглифах Онежского озера (Замятнин, 1948, рис. 6, *1, 5, 6*). Вторая кремневая фигурка, менее совершенная в техническом отношении — лунница с выступом, вполне аналогичная второму изображению из Волосова (Замятнин, 1948, рис. 6, *12*).

Таким образом, в эпоху неолита на территории Вычегодского края обитали племена камские, волго-окские и местные вычегодско-вятские. В эпоху ранней бронзы край входил в турбинскую культурно-этническую общность и синдорскую, занимавшую в целом более северную территорию. Прослеживается и третий пласт, представленный керамикой каргопольского типа.

В. Е. ЛУЗГИН

МЕЗОЛИТ И РАННИЙ НЕОЛИТ В ДОЛИНЕ р. ИЖМЫ (БАССЕЙН СРЕДНЕЙ ПЕЧОРЫ)

В бассейне р. Печоры эпоха мезолита изучена слабо. И хотя к настоящему времени в Печорском бассейне известны 16 мезолитических памятников (Канивец и Лузгин, 1963; Канивец, 1965, стр. 93—95),[1] хронология их пока не разработана. Причина этого кроется не только в отсутствии возможности определений абсолютного возраста методом C^{14}, но и в сложности установления относительной хронологии из-за сравнительной бедности кремневого инвентаря, зачастую смешанного с археологическим материалом более поздних эпох.

Памятники раннего неолита до последних лет не были известны не только в бассейне Печоры, но и на всем европейском северо-востоке. После мезолитических стоянок наиболее древними считались поселения с ямочно-зубчатой керамикой Вис I и II в бассейне Вычегды (Буров, 1965а, стр. 60) и стоянка Усть-Ляга I на верхней Печоре (Канивец и Лузгин, 1963, стр. 76), аналогичная камским неолитическим стоянкам. Последние относятся к позднему неолиту и датируются второй половиной III тыс. до н. э.

Контраст в материальной культуре мезолитических и поздненеолитических памятников европейского северо-востока настолько очевиден, насколько и велик хронологический разрыв между ними.

Вторым Печорским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР, работавшим в 1964—1965 гг. под руководством автора в долине р. Ижмы в южной части зоны затопления проектируемой Усть-Ижемской ГЭС, были открыты и частично раскопаны два весьма интересных памятника. Материал одного из них (стоянка Туруннюр I) представляет собой отчетливый комплекс позднемезолитического времени. Кремневый инвентарь второго памятника (стоянка Черноборская III), имеющий единственные прямые аналогии в инвентаре Оленеостровского могильника, относится к раннему неолиту. Он в какой-то степени заполняет пробел между эпохой мезолита и поздненеолитическим временем в Печорском бассейне, являясь пока единственным памятником раннего неолита на огромном пространстве европейского северо-востока.

Стоянка Туруннюр I (табл. 16, *1—31*). Памятник расположен в 10 км к северу-востоку от дер. Картаель Ижемского района Коми АССР и в 2.5 км от обширного болота Туруннюр, у края 18-метровой террасы. Культурные остатки обнаружены в осыпи ее обрывистого края. Поверхность здесь хорошо задернована и покрыта сосновым бором — беломошником. Произведенная в 1964 г. зачистка края террасы непосредственно над местом сбора подъемного материала дала следующую стратиграфическую картину: 1) дерн и гумусированная прослойка — 7—9 см, 2) белесый песок (культурный слой) — 17—39 см, 3) красноватый песок (ортштейновый горизонт) — 3—5 см, 4) желтый песок. Над местом наиболее интенсивного скопления подъемного материала был заложен контрольный шурф 2×4 м, непосредственно примыкающий к обрывистому краю террасы. Он показал, что основная масса находок приходится на горизонт 8—26 см от поверхности. Количество материала в шурфе увеличивалось к юго-востоку вдоль края террасы. В 1965 г. в этом направлении был заложен раскоп 4×14 м. Общая площадь раскопок на стоянке — 64 м^2.

В северо-западной части раскопа, на глубине 42 см от поверхности, обнаружен каменный очаг, размером 0.8×0.64 м, полуовальной формы, частично разрушенный оползнем. Песок под слоем гальки, прокаленный на глубину до 6 см, красно-бурого цвета, резко выделялся на желтом фоне материка. В юго-восточной части раскопа, на глубине 39 см от поверхности, расчищено пятно охры, размером 0.44×0.39 м и мощностью до 12 см. Расколотый кремень располагался равномерно по всей площади раскопа. В двух случаях наблюдались небольшие скопления отщепов и пластин.

В коллекцию кремня, собранную при раскопках стоянки, входят 170 пластинчатых отщепов средней величины, 640 мелких отщепов и чешуек, 528 ножевидных пластин и изделий из них, 24 скребка, 5 ну-

[1] Систематические исследования производились сотрудниками Коми филиала АН СССР с 1959 г.

клеусов и их обломков и крупное рубящее орудие. Кремень однородный светло-серого и беловатого цветов, высокого качества.

Орудия изготовлены из пластин (табл. 16, *14—23, 28, 31*), составляющих 38% от общего количества расколотого кремня и 75% от общего числа средних отщепов и пластин. Достаточно выражена и микролитоидность инвентаря; в общем количестве пластин преобладают экземпляры шириной 0.3—1 см. Нуклеусы, отражающие технику их изготовления, представлены на стоянке одним целым экземпляром конусовидной формы (табл. 16, *30*), заготовкой (табл. 16, *29*), двумя продольными (табл. 16, *26, 27*) и поперечным (табл. 16, *25*) сколами. Ширина негативов на нуклеусах не превышает 1 см.

Среди орудий значительный интерес представляет острие из пластины (табл. 16, *3*) и два наконечника стрел свидерского типа (табл. 16, *1, 2*) с четко выделенным черешком и обломанным жальцем. Режущими орудиями, по-видимому, являлись сравнительно крупные пластины (табл. 16, *12, 13*) с краевой ретушью, нанесенной со спинки.

Среди пластин и их сечений выделяются экземпляры со вторичной обработкой и следами употребления. Четыре сечения с резцовыми сколами (табл. 16, *14—17*) на углах; на одном из них резцовый скол дополнительно подправлен со спинки мелкой ретушью. Шесть экземпляров с краевой ретушью, нанесенной с брюшка, несомненно служили вкладышами составных орудий (табл. 16, *18—21, 23*).

Довольно многочисленны скребки (25 экз.), в большинстве концевые, изготовленные из крупных ножевидных пластин (табл. 16, *4—11*). Лишь три из них сделаны из пластинчатых отщепов (табл. 16, *5, 7*). Кроме основного слегка округлого рабочего края, с крутой ретушью, у отдельных орудий в работе употреблялись и боковые края (табл. 16, *6*), подправленные мелкой ретушью со спинки.

Едва ли не самой любопытной находкой на стоянке Туруннюр I, указывающей на относительно поздний мезолитический возраст памятника, является крупное рубящее орудие из кремня, служившее, по всей вероятности, теслом (табл. 16, *24*). Несколько асимметричное в плане и профиле, оно изготовлено из крупного куска кремня путем грубой двусторонней оббивки. Рабочий край тесла обработан крутой ретушью с одной стороны.

Датировка стоянки Туруннюр I основана на применении статистического метода и общего типологического анализа кремневого инвентаря при сравнении ведущих форм последнего с инвентарем позднемезолитических памятников смежных территорий Прикамья (Бадер, 1951б, рис. 3) и Вычегодского края (Буров, 1961). Удельный вес пластин в кремневом инвентаре стоянки Туруннюр хотя и довольно высок (75% по отношению к общему количеству пластин и отщепов), но менее, чем в камских и вычегодских памятниках, где он равен 82—87%.[2] Стоянку Туруннюр с камскими и вычегодскими стоянками сближают и основные формы кремневого инвентаря (вкладыши из сечений пластин со вторичной обработкой и без нее, резцы на углу сломанной пластины) и его явно выраженная микролитоидность.

Наличие в инвентаре ижемской стоянки наконечников стрел из пластин и крупного рубящего орудия из кремня, а также обилие крупных концевых скребков представляют, по-видимому, чисто локальные признаки, не свойственные камским и вычегодским стоянкам, но характерные для волго-окской мезолитической области. Наконечники стрел, широко распространенные в волго-окском мезолите (Формозов, 1959), по-видимому, характерны и для Печорского бассейна (Канивец, Лузгин, 1963). Столь же типичны для позднемезолитических памятников волго-окского междуречья и крупные концевые скребки и рубящие орудия с двусторонней обработкой (П. Третьяков, 1963). Последнее обстоятельство служит основанием для датировки стоянки Туруннюр I позднемезолитическим временем. Не исключено, что стоянка Туруннюр I несколько моложе камских и вычегодских памятников.

Стоянка Черноборская III (табл. 16, *32—56*) находится на левобережье р. Ижмы, у дер. Черноборская Ижемского района Коми АССР, в 460 м от края 14-метровой надпойменной террасы. Поверхность террасы, слегка повышающаяся к юго-западу (т. е. в глубину от берега реки), покрыта густым сосновым бором-беломошником, постепенно переходящим в верховое болото. В 1964 г. на месте находки расколотого кремня был заложен контрольный шурф 1×2 м, давший небольшой, но выразительный кремневый инвентарь — 127 отщепов, осколков и чешуек, 11 обломков пластин (из них 6 с краевой ретушью), нуклеус, миниатюрный скребок и два наконечника стрел из пластин, обработанных плоской ретушью со спинки. Прослежена следующая стратиграфия: 1) дерн и гумусированная прослойка — 2—3 см, 2) белесый песок (подзолистый горизонт) — 4—8 см, 3) желтовато-серая супесь — 16—28 см, 4) красноватый песок с твердыми включениями (ортштейновый горизонт) — 2—4 см, 5) желтый крупнозернистый песок. Культурные остатки залегали в основном в слое желтовато-серой супеси, но встречались в подзолистом и ортштейновом горизонтах, на глубине до 36 см от поверхности. Раскопками 1965 г., общей площадью 86 м², затронута юго-восточная часть стоянки. Отчетливо выраженных кострищ и очагов не обнаружено, хотя при разборке культурного слоя были найдены крупные куски обожженной гальки, а у западной стенки раскопа, на глубине 34 см от поверхности, расчищены два углубления округлой формы (40×35 см и 48×39 см), заполненные серой гумусированной супесью и мелкими обломками кальцинированных костей.

Кремневый инвентарь стоянки включает 673 предмета. Из них 547 приходятся на отщепы, осколки, чешуйки, остальные — на орудия и их обломки.

Кремень, из которого выделывались орудия на стоянке Черноборская III, удивительно однороден, невысокого качества, с большим содержанием известняка, палевого и темно-серого цветов. Очевидно, материал брался обитателями стоянки из одного месторождения.

Наконечники стрел, представленные 31 экз. (в том числе 11 целых и законченных), отличаю-

[2] При этом следует подчеркнуть, что для статистического анализа коллекция стоянки Туруннюр I достаточно велика.

щиеся единообразием формы и техники изготовления, относятся к двум типам. Первый тип — наконечники с обоюдоострыми концами (табл. 16, *33—35, 38*), покрытые крутой ретушью со спинки (у некоторых орудий этого типа подправлено плоской ретушью жальце с брюшка) (табл. 16, *34*). Второй тип — наконечники с прямым основанием (табл. 16, *32, 37*), обработанные лишь со спинки.

Из 17 найденных на стоянке скребков большинство относится к типу концевых, сделанных из крупных широких пластин (табл. 16, *39—41*). Лишь три скребка изготовлены из массивных отщепов. На некоторых орудиях под микроскопом прослежены следы изнашивания не только на основном, но и на боковых рабочих краях.

Резец один (табл. 16, *46*); это пластина с двумя резцовыми сколами по краям.

Наиболее многочисленной категорией изделий являются ножевидные пластины. В коллекции 57 пластин, из них 14 со следами вторичной обработки, служившие вкладышами (табл. 16, *47, 49*) или обломками ножей (табл. 16, *50*). По отношению к общему числу средней величины отщепов и пластин последние составляют 27%, включая и наконечники стрел, которые также выделывались из пластин (табл. 16, *32—38*).

Довольно многочисленны и разнообразны по форме режущие орудия. Наиболее четко выражены 3 ножа, изготовленные на ножевидных пластинах и имеющих овальную форму с двумя скругленными концами (табл. 16, *42*). Своеобразен по форме треугольный клинок (табл. 16, *43*) со слегка выпуклым рабочим краем, обработанный двусторонней плоской ретушью. К ножам следует отнести также 4 овальных орудия на крупных плоских отщепах (табл. 16, *44*) с выпуклыми режущими краями, подчеркнутыми плоской ретушью со спинки, а также крупную неправильной формы пластину с ретушью по боковому краю (табл. 16, *54*). Из грубой массивной пластины изготовлено комбинированное орудие с заостренным концом (табл. 16, *45*), выполнявшее, очевидно, функции ножа и резца. Многообразие форм режущих орудий объясняется скорее всего различием в применяемом материале (кожа, дерево, кость), который обрабатывался тем или иным орудием.

Коллекцию кремневых орудий дополняет скребло (табл. 16, *53*) с выделенным черешком, сделанное из массивного отщепа и, вероятно, укреплявшееся в рукояти, а также грубо обработанное со всех сторон рубящее орудие миндалевидной формы (табл. 16, *51*), напоминающее палеолитические ручные рубила. Кроме того, на стоянке найдено 6 нуклевидных кусков (табл. 16, *52*) и 3 отщепа с участками краевой ретуши, нанесенной со спинки.

Из культурного слоя извлечено 34 фрагмента керамики, залегавшие в тех же условиях, что и кремневый инвентарь, причем два обломка обнаружены в одном из углублений с кальцинированными костями. Обломки принадлежали не менее чем двум сосудам округлой формы с прямым уплощенным сверху венчиком. Поверхность красноватого цвета, слегка лощеная, глиняное тесто хорошо отмученное, с примесью шамота, толщина 7—10 мм. Об орнаменте можно судить по обломку, украшенному рядами мелких круглых ямок (см. рисунок, *1—9*).

О ранненеолитическом возрасте стоянки Черноборская III говорят следующие факты.

1. Типологически кремневый инвентарь стоянки располагается между мезолитическим и поздненеолитическим инвентарем памятников Печорского и Вычегодского края. В инвентаре преобладают орудия из пластин при полном отсутствии изделий с двусторонней обработкой.

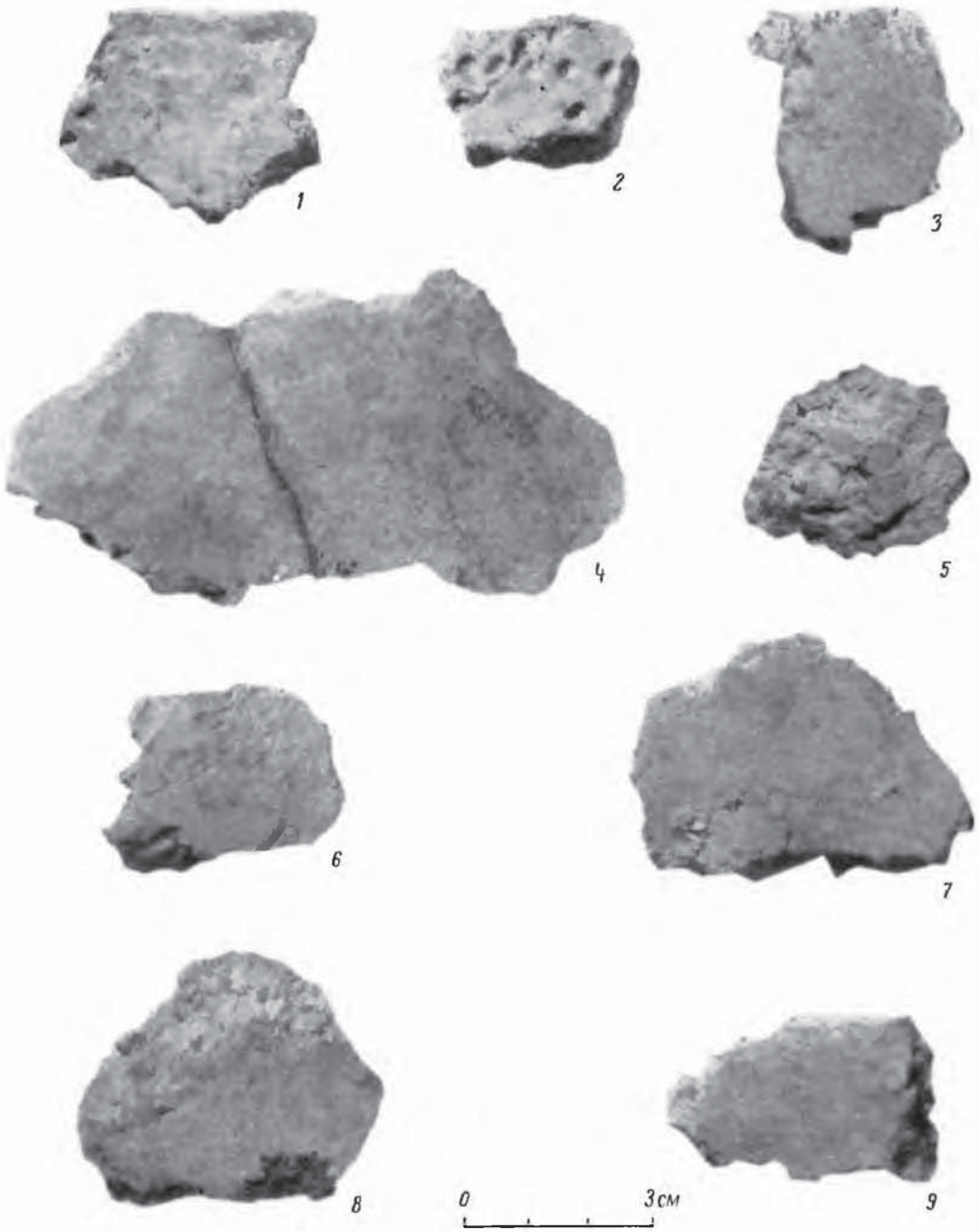
2. Ножевидные пластины в инвентаре Черноборской III составляют 27% общего количества пластин и отщепов, тогда как для поздненеолитических памятников смежных территорий Вычегодского края, Прикамья и Южного Урала (Бадер, 1951б, стр. 27; Матюшин, 1965б, стр. 250; Буров, 1965а, стр. 65) количество пластин не превышает 14—15%.

3. Ведущие формы кремневых орудий стоянки (наконечники стрел и ножевидные орудия из пластин) полностью аналогичны инвентарю Оленеостровского могильника на Онежском озере (Гурина, 1956, рис. 53, 54, 69), яркого и своеобразного ранненеолитического памятника на европейском севере. Несмотря на то что в вопросе датировки Оленеостровского могильника у археологов нет единого мнения и абсолютные даты варьируют от конца VI до второй половины III тыс. до н. э. (Панкрушев, 1964, стр. 40; Гурина, 1956, стр. 258), принадлежность этого памятника к раннему неолиту никем не оспаривается. В качестве дополнительных аналогий следует привлечь кремневый инвентарь стоянки Пески III близ Петрозаводска, исследованной Г. А. Панкрушевым и датированной им первой половиной III тыс. до н. э. (Панкрушев, 1964, табл. 7).

4. Керамика, подобная черноборской, на европейском северо-востоке неизвестна. В ней отсутствует примесь шамота в глиняном тесте — один из характерных признаков поздненеолитической посуды Прикамья, в частности Хуторской стоянки (Денисов, 1960, стр. 46), где сосудов с шамотом в тесте подавляющее большинство. Ближайшей аналогией черноборской керамике являются обломки неолитической посуды, найденные Н. А. Прокошевым на Нижнеадищевской мезолитической стоянке (Прокошев, 1940а, табл. II, *1, 2;* 1940б, рис. 1, *1, 3*), отнесенной им к древнему, хотя и не к «классическому» типу (Прокошев, 1940а, стр. 20). Впоследствии эта керамика была отнесена О. Н. Бадером к позднему неолиту (Бадер, 1951б, стр. 13). Не исключая этой возможности, заметим, что керамика с подобным ямочным узором не характерна для позднего неолита Прикамья, где к концу III тыс. до н. э. сложился определенный тип посуды с зубчатым штампом. К тому же наличие в кремневом инвентаре поздненеолитических стоянок Прикамья наконечников стрел из пластин (Денисов, 1960, стр. 54) — пережиточное явление, указывающее на существование памятников переходного этапа от мезолита к позднему неолиту.

5. Более отдаленные (территориально) аналогии керамике стоянки Турунпюр I имеются в посуде своеобразной неолитической культуры Валдайской возвышенности (Гурина, 1961б, рис. 67, *17, 18;* Гаврилова, 1962, рис. 30, *20—25*). Сходство проявляется не только в легкой залощенности внешней поверхности, элементах и приемах орнаментации и форме сосудов, но и в составе глиняного теста. Посуда некоторых валдайских стоянок вылеплена из комко-

ватой глины с очень малой (вероятно, естественной) примесью песка и, возможно, шамота. Это наблюдается, в частности, и на стоянке Кочище оз. Селигер (Гаврилова, 1962) и подтверждается осмотром коллекций валдайских стоянок, хранящихся в ЛОИА. При этом следует подчеркнуть, что подавляющее

Типичная керамика стоянок р. Ижмы (*1—9*).

большинство сосудов на валдайских стоянках вылеплено из глины с растительными примесями (Гурина, 1961б, стр. 40). Кремневый инвентарь валдайских памятников типологически близок инвентарю Черноборской III, хотя и не настолько однообразен. В комплексе с ромбическими и черешковыми наконечниками стрел из пластин, характерными для валдайской культуры, встречаются листовидные наконечники с двухсторонней обработкой. Поэтому не исключено предположение о существовании двух хронологических этапов валдайской культуры, одному из которых и близок материал стоянки Черноборской III.

Исходя из вышеизложенных фактов, стоянку Черноборская III следует считать первым и пока единственным ранненеолитическим памятником лесной полосы европейского северо-востока и датировать ее первой половиной III тыс. до н. э. — временем, предшествующим появлению на этой территории поздненеолитических памятников камского и волго-окского типа. Именно в этом и заключается ее значение. Стоянка Черноборская III характеризует собой один из последовательных этапов древней истории европейского северо-востока.

О. Н. БАДЕР

ВОЛГО-КАМСКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ ЭПОХИ НЕОЛИТА

Представления о культуре неолита Приуралья и Волго-Камья складывались медленнее, чем о неолите Волго-Окского междуречья. Стимулированное IV Археологическим съездом в Казани создание в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете привело к довольно интенсивному накоплению археологического материала, в частности, и по каменному веку. Среди его собирателей особенно заметную роль сыграли А. А. Штукенберг и Н. Ф. Высоцкий (Поляков, 1880; Штукенберг и Высоцкий, 1885; Высоцкий, 1907, 1920). Недостатком собранного материала был его смешанный характер и отсутствие хорошо раскопанных памятников с хронологически едиными комплексами, по которым можно бы было составить ясное представление о характере неолитической культуры этого края. Аналогичный характер имели и первые находки каменных орудий в северном Прикамье, где А. П. Иванов в 1880 г. осмотрел многие древние памятники, среди которых оказались и местонахождения каменных орудий, а А. Е. и Ф. А. Теплоуховы обогатили свою знаменитую коллекцию и каменными орудиями (Теплоухов, 1892).

Только в 1925 г. А. В. Шмидтом был научно исследован первый в Приуралье неолитический памятник — Левшинская стоянка близ Перми. Опубликованные лишь в 1940 г. материалы Левшинской стоянки долгие годы были единственным памятником, дававшим представление о характере неолитической культуры в Приуралье (Шмидт, 1940).

В 30-х годах Н. А. Прокошевым было продолжено изучение древних стоянок чусовского Прикамья, давших серию прямоугольных полуземлянок и неоднородную керамику. Тем не менее они были отнесены, как и Левшинская стоянка, к эпохе неолита (Прокошев, 1940а).

Наши современные представления о неолите Волго-Камья базируются на материале обширных полевых исследований, произведенных Камской археологической экспедицией Пермского университета в 1947—1960 гг., когда была выявлена и раскопана целая серия неолитических памятников в Среднем Прикамье (Бадер, 1951б, 1961а; Денисов, 1960, 1961). В процессе этих исследований комплексы вещей, зачастую смешанные на неоднократно заселявшихся стоянках, были подразделены на хронологически различные группы и, таким образом, выявлена подлинно неолитическая культура Прикамья (Бадер, 1949а, 1949б, 1951а, 1951б).

Вслед за тем А. Х. Халиковым на Нижней Каме и Средней Волге был исследован целый ряд неолитических стоянок того же типа (Халиков, 1958, 1960). В самые последние годы ему же удалось выявить в Среднем Поволжье новую группу неолитических стоянок, отличающихся керамикой не со штампованным зубчатым, а с прочерченным и «накольчатым» орнаментом (Халиков, 1969).

Аналогичные неолитические стоянки недавно были изучены и в некоторых смежных районах с юга и севера.

В результате проведенных в послевоенные годы исследований Волго-Камье обладает теперь бблыпим числом хорошо изученных неолитических памятников, чем Ока и Верхнее Поволжье.

Каковы же культурные особенности памятников этого нового региона и их соотношение с памятниками окружающих территорий?

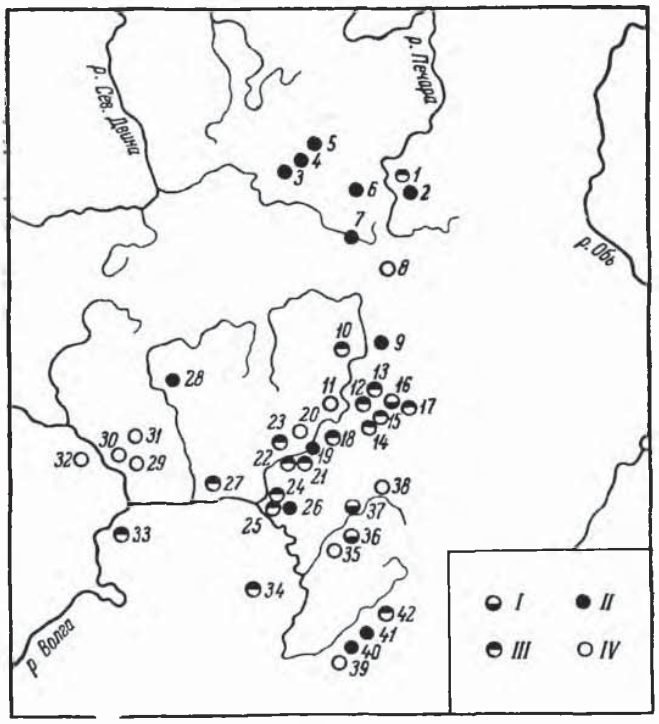
Еще не так давно многие археологи не выделяли Приуралье из обширной зоны нашего северного неолита. Так, в 1948 г. П. П. Ефименко относил Левшинскую стоянку к числу «памятников так называемого ямочно-гребенчатого неолита», говоря о тесном родстве и близких культурных связях в эпоху позднего неолита и раннего металла «населения лесного Севера на всем пространстве от Онежского и Ладожского озер и Белого моря до Оби, а может быть и Енисея» (Ефименко, 1948).

Но еще перед войной, в 1941 г., А. П. Окладников на карте, приложенной к статье о неолите Сибири и Дальнего Востока, наметил культуры: обскую (восточноуральскую), ямочно-гребенчатой керамики и между ними — камскую, хотя в тексте статьи об этой культуре не сказал ни слова (Окладников, 1941, рис. 1). Позднее он называет ее запад-

ноуральской, относя к числу больших локальных групп или «провинций» (Окладников, 1948).

Лишь работами Камской археологической экспедиции были полностью выявлены своеобразные черты камского неолита, а также предварительно определено его распространение.

Обширность территории, занятой неолитическими поселениями камского типа, исключала при-

Распространение важнейших памятников волго-камской (западноуральской) историко-культурной области эпохи неолита.

I — первый (боровоозерский) этап; *II* — второй (хуторской); *III* — третий (чернашинский или левшинский) этап; *IV* — неопределенные этапы. *1* — Затон I; *2* — Усть-Ляга; *3* — Вис I; *4* — Вис II; *5* — Вис III; *6* — Ягкодж; *7* — Керчемья; *8* — Чусовское озеро; *9* — Хуторская; *10* — Базов Бор; *11* — Северная на оз. Грязном; *12* — Нижнеадищевские I и II; *13* — Верхнеадищевская; *14* — Левшинская; *15* — Бор I, северная; *16* — Боровое озеро I; *17* — Боровое озеро VI; *18* — Заюрчим; *19* — Кряж; *20* — Первомайская; *21* — Чернашка; *22* — Бойцовская; *23* — Сеппая; *24* — Сауз II; *25* — Сауз I; *26* — Кутурган-Ерганак; *27* — Луговская; *28* — Буй I; *29* — Займище III; *30* — III Обсерваторская; *31* — Старомазиковская и другие илетские стоянки; *32* — Криушинская; *33* — Гулькинская; *34* — Давлекановская; *35* — Айдосская; *36* — Усть-Юрюзанская; *37* — Усть-Айская; *38* — Черкасовская; *39* — Вельская I; *40* — Вельская II; *41* — Кага II; *42* — Кага I.

надлежность их племенной культуре и делала вероятным допущение существования на этой территории нескольких более узких культурных вариантов. В то же время общепринятая терминология не отражает подобных понятий; например, в пределах неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой выделены локальные балахнинская, рязанская и другие культуры. В связи с этим территорию распространения неолитических поселений камского типа мы обозначаем как культурную или историко-культурную область (Бадер, 1951б). Шестилетние работы Камской экспедиции позволили неолитические поселения Урала и Поволжья подразделить «по крайней мере на три большие культурные области: 1) восточно-европейскую с ямочно-гребенчатой керамикой; 2) камскую с гребенчатой керамикой и 3) обскую с гребенчато-волнистой керамикой. Каждая из них обладает рядом специфических особенностей, являясь отражением существования трех крупных этнокультурных массивов эпохи неолита, каждый из которых подразделяется на множество близкосходных племенных культур» (Бадер, 1953, стр. 42), т. е. культур узколокальных. Вскоре М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров на обширном этнографическом материале разработали и опубликовали представления о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях (Левин и Чебоксаров, 1955). Эти представления являются очень ценным вкладом в классификацию культурных явлений; они вполне приложимы и к материалу уже минувших этапов развития культуры, к палеоэтнографическому, археологическому материалу. С этой точки зрения племена, оставившие нам камские неолитические стоянки, принадлежали к хозяйственно-культурному типу рыболовов и охотников и к камской или, лучше, волго-камской историко-культурной области.

Выделение локальных культур внутри волго-камской историко-культурной области — дело будущего. Но уже сейчас можно говорить, например, о некотором своеобразии стоянок чусовского Прикамья по сравнению со стоянками осинской и соликамской групп, что, вероятно, отражает существование нескольких родственных племен на смежных территориях. Не приходится сомневаться в существовании локальных культур на Нижней Каме и Средней Волге, в бассейне Белой и в Коми АССР.

Принимая во внимание присутствие в настоящем сборнике статьи А. Х. Халикова, исследователя аналогичных стоянок на Нижней Каме и Средней Волге, ниже мы даем характеристику культуры на камском материале (на котором установлено самое понятие рассматриваемой культуры), а также затрагиваем общие вопросы.

Первой, наиболее яркой и устойчивой культурной особенностью волго-камских неолитических поселений является керамика — этот наиболее массовый и сложный элемент материальной культуры из числа сохранившихся до наших дней. Она представляет собой обломки больших сосудов из глины с примесью песка, с хорошо сглаженной наружной и внутренней поверхностью, обожженных на костре и очень прочных, чем объясняется ее хорошая сохранность. Все склеенные, восстановленные сосуды имеют полуяйцевидную форму, с относительно острым или более скругленным дном, с наклонными внутрь краями, имеющими характерные наплывы-утолщения с внутренней стороны; диаметры шеек большей части сосудов имеют 30—40 см. Вся наружная поверхность сосудов густо покрыта штампованным, почти исключительно зубчатым орнаментом, опоясывающим сосуды горизонтальными зонами и образующим несложные узоры в виде треугольников, заполненных отпечатками штампа разного наклона, ромбов, остроугольного зигзага («шагающей гребенки») и пр. К зубчатому орнаменту примешивается неглубокий ямочный орнамент, сделанный вдавлениями закругленного конца обычно косо поставленной палочки, и штриховой, прочерченный орнамент, выполненный аналогичной палочкой (табл. 17, *1—16*).

Каменный инвентарь орудий в целом типичен для лесного неолита Евразии. Он состоит из крем-

невых наконечников стрел иволистной формы, крупных наконечников копий, скребков на отщепах и отчасти на концах ножевидных пластин, проколок, ножей как на пластинах, так и слегка изогнутых, со сплошной двухсторонней обработкой, шлифованных ножей из твердого сланца, шлифованных топоров и тесел, известных в литературе под именем топоров русско-карельского типа, грузил из галек с искусственным перехватом и пр. Общий облик кремневого инвентаря отнюдь не микролитический, хотя встречаются и тонкие, хорошо ограненные ножевидные пластинки, и соответствующие им конические нуклеусы (табл. 18, *1—33*).

Плохие условия для сохранения кости в песчаных культурных слоях и отсутствие торфяниковых стоянок пока лишают нас возможности характеризовать костяной и роговой инвентарь.

Подавляющее число памятников представлено поселениями. Это типичные неолитические стоянки, чаще всего расположенные на берегах озер и речек, реже непосредственно на берегах крупных рек, на краю песчаных боровых террас; на более низких террасах неолитических стоянок не встречено. Жилища представляли длинные четырехугольные полуземлянки (табл. 69, *II*), форма которых была предсказана задолго до того, как они были обнаружены (Бадер, 1951а, стр. 91). Дело в том, что четырехугольные жилища со времен палеолита были характерны для урало-сибирского культурного мира, такую же форму имели на Каме и жилища времени энеолита, тогда как на более западных территориях преобладала круглая форма жилищ. Характерны для волго-камских неолитических жилищ небольшие ниши в длинных боковых стенах. Несколько очагов-кострищ располагались на земляном полу жилища по его средней линии (Денисов, 1960). Не подлежит сомнению, что в предварительно вырытое углубление полуземлянки опускался прямоугольный бревенчатый сруб. Покрытие скорее всего было двухскатным. Такие жилища полностью изучены на Хуторской (Северное Прикамье) и Лебединской II стоянках. Они имели долговременный характер. В более крупном жилище на Хуторской стоянке размерами 19×4.5 м могло жить до 25—30 человек.

Ни одно хорошо сохранившееся поселение не раскопано полностью, что пока не дает возможности судить о числе жилищ на поселении и о среднем количестве обитавших в нем людей.

Наряду с большими долговременными поселениями, обладающими богатым культурным слоем, имеются маленькие, бедные стоянки временного характера, без полуземлянок. Видимо, это следы сезонных, промысловых стоянок.

Неолитические памятники Волго-Камья относятся к среднему голоцену (мезоголоцену) по схеме Нейштадта—Гуделиса (Нейштадт и Гуделис, 1961); по палеоклиматологической же схеме Блитта—Сернандера — ко второй половине теплого и влажного атлантического периода и к началу теплого и более сухого суббореального периода. По П. П. Предтеченскому, хронологической гранью между указанными периодами является 2800-й год до н. э. При этом атлантический или океанический период, сменяя бореальный, характеризуется значительным потеплением и увлажнением, представляя собой климатический оптимум; годовая температура была выше современной на 2.8—4°; отмечается наступление леса на степь и тундру. Следующий затем суббореальный период с умеренно теплым и сухим климатом в начале и в фазе максимума имел годовую температуру на 2.5° выше современной (Предтеченский, 1957).

Как бы ни решался вопрос о смещении ландшафтных зон в голоцене, менявшаяся увлажненность не могла не влиять на уровни водоемов, а следовательно, и на высотные отметки располагавшихся на их берегах неолитических поселений. В этом плане очень большой интерес для археологов имеет исследование А. В. Шнитникова об изменчивости общей увлажненности материков северного полушария. Он установил ритмичность этих колебаний, а длительность каждого ритма определил примерно в 1850 лет, построив абсолютно хронологический график этих ритмов на протяжении второй половины голоцена.

По А. В. Шнитникову, от середины IV до середины III тыс. до н. э. имела место эпоха пониженной увлажненности, нашедшая выражение в целом ряде явлений, в том числе в очень низком уровне Онежского и Ладожского озер (до Ладожской трансгрессии) и в низких уровнях расположения неолитических стоянок этого времени. В 2400—2300 гг. до н. э. начинается и длится до конца III тыс. до н. э. эпоха высокой увлажненности — древнебалтийская, или ладожская, трансгрессия — стремительное обводнение озер и рек, затопление неолитических поселений, нарастание торфяников и т. д.

Не уточняя пока вопроса об абсолютном возрасте волго-камского неолита, укажем лишь на тот факт, что стоянки типа Боровое озеро I, типологически наиболее древние, как и стоянки второго этапа А. Х. Халикова в Казанском Поволжье (Вороний Куст, Кабы-Копрынская и др.), отличаются более низким расположением над водоемами (например, стоянка Боровое озеро I на высоте 4—5 м над пойменным озером), что соответствует эпохе пониженной увлажненности, а более поздние стоянки расположены значительно выше (например, Хуторская на высоте 8—9 м над р. Исток, вытекающей из соседнего озера, а Кряжская стоянка — на высоте около 11—12 м над Камой), что находится в соответствии с эпохой повышенной увлажненности А. В. Шнитникова.

На какой бы высоте ни находились в настоящее время неолитические стоянки, они всегда располагались в непосредственной близости от воды, на краю низких террас и береговых склонов, видимо, близ самых уровней весенних паводков.

Столь низкое расположение поселений над водоемами определялось, конечно, не удобствами водоснабжения, а прежде всего решающим хозяйственным значением водоемов как рыболовных угодий.

На всем протяжении своего существования волго-камские неолитические племена жили в пределах лесной зоны, даже племена бассейна р. Белой, обитавшие преимущественно в предгорьях.

Хозяйство обитателей неолитических стоянок Волго-Камья определяется как рыболовно-охотничье. Несмотря на плохую сохранность костей, почти всегда в песчаных культурных слоях, в нашем рас-

поражении имеются отдельные экземпляры, характеризующие исключительно диких животных при полном отсутствии домашних. Закономерное расположение стоянок у воды и обилие каменных грузил для сетей свидетельствует о существенной роли рыболовства.

При обилии постоянных и сезонных поселений поражает почти полное отсутствие погребений. Могильника не найдено ни одного, известны лишь отдельные неолитические погребения. Видимо, ритуал трупоположений с вещами не был тогда всеобщей традицией; не существовало, вероятно, и родовых могильников. Кроме того, ритуал исключал помещение в могилы глиняной посуды, что крайне затрудняет сопоставление погребений с поселениями.

В Прикамье и Среднем Поволжье известно несколько отдельных, но однотипных погребений неолитического облика. Все они обнаружены на поселениях, в бассейне Белой и в Казанском Поволжье, хотя и не всегда неолитических. Среди них погребения на Давлекановской (табл. 70, *11*) (Матюшин, 1970), возможно, Ахметовской I (Сальников, 1962, стр. 37) стоянках, в пещерных стоянках Бурановской, Усть-Катавской II, Старичный Гребень (Бибиков, 1950), Каменное кольцо. На Средней Волге три погребения неолитического облика исследованы на Гулькинской стоянке (Збруева, 1960) и одно, также скорее всего неолитическое, на Ново-Мордовской стоянке (Штукенберг и Высоцкий, 1885). Черепа из последних описаны антропологами: женский череп из Ново-Мордова, по Г. Ф. Дебецу, отличался лапоноидными признаками, мужской череп из Гулькина, по М. М. Герасимову, был европеоидным, а женский оттуда же имел некоторые монголоидные черты; черепа из Бурановской пещеры и из-под навеса Старичный Гребень, по Г. Ф. Дебецу, европеоидные.

Во всех упомянутых случаях мы имеем неглубоко залегающие почти всегда вытянутые на спине скелеты с подсыпкой красной охры, в отдельных случаях со следами огня, сопровождающиеся инвентарем — каменными и костяными орудиями и просверленными украшениями из камня, кости и раковин. В качестве примера приведем погребение на Давлекановской стоянке на р. Деме в Башкирии, типично камской по керамике. Оно было исследовано в 1967 г. Г. Н. Матюшиным. По его сообщению, скелет лежал непосредственно под неолитическими очагами, на одном из которых сохранилась нижняя часть круглодонного сосуда камского типа; по-видимому, очаги располагались на полу жилища. Один из них был настолько близок к скелету, что прожег его тазовые кости. Как известно, еще более выраженная картина частичного сожжения умершего характеризует погребение в Усть-Катавской II пещере. В Давлеканове скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на правом боку головой на северо-запад, будучи засыпан красной охрой. В области груди найден кремневый скребок на ножевидной пластине; у ног — еще несколько ножевидных пластин.

Вытянутое на спине положение скелетов в грунтовых погребениях, подсыпка охры и характер инвентаря свидетельствуют об их неолитическом или энеолитическом возрасте и хорошо сопоставляются с неолитическими погребениями в Криволучье, в Мариупольском, Никольском, Оленеостровском и других могильниках Восточной Европы, а также с погребениями Зауралья.

Волго-камскому неолиту принадлежит также один уникальный памятник — жертвенное место с наскальными рисунками на Писаном Камне на р. Вишере (Бадер, 1954). Несомненно, в свое время на западных склонах Урала их было значительно больше, хотя, вероятно, и не так много, как на восточных. Многочисленные рисунки Писаного Камня (Генинг, 1954) подразделяются на несколько разновременных групп, древнейшая из которых относится к неолиту. Она состоит из достаточно реалистических изображений лосей, медведей, белок или куниц и других животных, округло-конических крышеобразных и иных фигур, нанесенных на скалу темно-малиновой охрой в трудно доступном месте. Длинная изогнутая полоса, разделяющая фигуры одной из групп, возможно, изображает отрезок р. Вишеры в окрестностях Писаного Камня, по очертаниям весьма близкой этой полосе; в таком случае этот рисунок можно рассматривать как изображение территории, принадлежащей племени или ее части с охотничьими угодьями. У подножья скалы под рисунками исследован небольшой по площади культурный слой, образовавшийся здесь в результате неоднократных посещений этого священного места охотниками; древнейший комплекс культурных остатков из этого слоя является позднеолитическим и помимо керамики и кремневых изделий содержит кости животных. К более позднему времени, к середине II тыс. до н. э., относятся два кремневых наконечника стрелы с усеченным основанием, лежавшие рядом с ними серебряная пластинка и абашевская бляшка-розетка; все эти вещи найдены в расщелине скалы у рисунков и, надо полагать, были принесены сюда в качестве жертвы проплывавшими мимо по реке охотниками.

Никаких особых данных для определения общественного строя камского неолитического населения мы не получили, но на основании уровня их охотничье-рыболовческого хозяйства, больших коллективных жилищ, характера погребений и других признаков, типичных для неолита вообще, этот социальный строй определяется как родо-племенной на стадии развитого матриархата.

Вопрос о датировке волго-камской неолитической культуры в настоящее время не может быть разрешен с достаточной точностью. Исходя из относительно достоверной датировки последующих памятников медно-бронзовой эпохи, рассматриваемая более древняя культура может быть с уверенностью отнесена к III тыс. до н. э., но ранние пределы ее существования остаются неясными. Учитывая факт присутствия на стоянке Боровое озеро I фрагментов зауральской керамики с тальком в глине и прочерченным волнистым орнаментом, типичной для стоянок Полуденка I и Стрелка близ Нижнего Тагила, мы можем применить для стоянок типа Боровое озеро I радиокарбоновую дату, полученную для Стрелки: 4800±200 лет от наших дней (Chard, 1962). Эта дата подтверждает отнесение волго-камской неолитической культуры к III тыс. до н. э.; в то же время она позволяет поставить во-

прос и о более раннем возрасте первых этапов существования этой культуры, т. е. IV тыс. до н. э. Это тем более вероятно, что керамика и кремневый инвентарь стоянки Боровое озеро I, типологически наиболее древний на Каме, имеет весьма развитый облик.

Неолитические стоянки в Прикамье, относящиеся, возможно, к IV и III тыс. до н. э., отличаются друг от друга рядом особенностей, обусловленных хронологически. Основываясь на этих типологических различиях, мы нашли возможным подразделить их на три группы, каждая из которых принадлежала особому этапу истории рассматриваемой культуры.

Первый, боровоозерский, этап характеризуется высоким развитием техники обработки камня, но еще небольшим числом шлифованных орудий, наконечниками стрел иволистной формы, слегка изогнутыми, ретушированными с одной стороны кремневыми и полированными ножами из хлористо-кремнистого сланца; глиняной посудой полуяйцевидной, преимущественно закрытой формы, с пологими утолщениями-валиками на внутренней стороне венчиков, иногда с венчиками, уплощенными сверху. Посуда лепилась из глины с примесью песка, поверхность ее хорошо сглаживалась; орнамент, главным образом зубчатый, но отчасти и прочерченный, густо заполнял наружную поверхность горизонтальными зонами; в орнаменте хорошо представлен остроугольный зубчатый зигзаг — «шагающая гребенка» (табл. 17, *1*). Имеется незначительное количество зауральской керамики с примесью талька в глине и прочерченным волнистым орнаментом; эта керамика находит ближайшие аналогии на стоянках Полуденка I и Стрелка близ Нижнего Тагила.

В поселениях второго, хуторского, этапа, например, на северной оконечности урочища Бор I на Чусовой и на Хуторском близ Березников керамика продолжает сохранять тот же облик, но орнамент на ней становится более усложненным, чаще применяется и «шагающая гребенка»; в каменном инвентаре появляются очень крупные наконечники копий и возрастает роль шлифованных орудий, среди которых хорошо представлены асимметричные топоры или, скорее, тесла; для этого этапа известны длинные прямоугольные дома-полуземлянки с боковыми нишами.

Третий, левшинский, этап является, собственно, уже энеолитическим. К нему принадлежат такие поселения, как Левшинское в устье Чусовой, Чернашка в осинском Прикамье, Саузовское I близ устья Белой и др. Он характеризуется дальнейшим усложнением каменного инвентаря, быть может, появлением наконечников стрел с усеченным основанием, типичных уже для следующего, гаринского, этапа металлической эпохи; появляются первые, но еще совершенно единичные медные изделия, сделанные из местной руды. Заметную роль начинают играть сосуды цилиндрошейной формы, венчики на многих сосудах становятся прямыми и тонкими, в орнаментации еще более заметна «шагающая гребенка», максимум развития которой падает на следующий, гаринский, этап. Указание А. В. Шмидта на следы большой землянки на Левшинской стоянке (Шмидт, 1935), опровергавшееся затем Н. А. Прокошевым (Прокошев, 1940а), все же следует принять во внимание; вряд ли можно представлять себе жилища финального неолита на Каме иначе, чем прямоугольные полуземлянки; но остается неясной их длина, а это важно для вопроса о появлении коротких прямоугольных жилищ гаринского типа.

Переход от неолита к турбинской культуре был в Прикамье автохтонным и не резким. Более того, многие поселения гаринского этапа турбинской культуры располагались на местах позднеолитических поселений, что подчеркивает преемственные связи их населения; таковы поселения Бор I, Левшинское, Астраханцевское, Боровое озеро III, а возможно, и Боровое озеро II, Заюрчимское близ Перми, Базов Бор в устье Иньвы, Чернашка близ Осы, Саузовское близ устья Белой. Очень важно, что на некоторых из них, как северная часть поселения Бор I, Астраханцевское, Северное на оз. Грязном, Левшинское, Боровое озеро III, Саузовское и др., хорошо прослеживаются преемственные связи в материальной культуре от позднеолитических типов к еще более поздним, энеолитическим; эти соединительные звенья объединяют обе археологические культуры в одно историческое целое.

Последние исследования в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье показали существование в этом районе на целом ряде неолитических поселений керамики из глины с примесью песка и шамота, а иногда органических остатков, тонкостенной, полуяйцевидной формы с коническим или небольшим плоским дном, с орнаментом, выполненным «техникой накола („отступающей лопаточкой“) и короткими прочерченными линиями» (Халиков, 1966б, стр. 12).

Эту керамику А. Х. Халиков считает древнейшей, связывая со вторым и третьим этапами своей периодизации, — со временем, предшествующим существованию зубчатой керамики, и на основании сходства этой керамики с керамикой днепро-донецкой культуры полагает, «что волго-камские племена заимствовали технику изготовления керамики от юго-западных соседей — племен днепро-донецкой культуры» (Халиков, 1966б, стр. 12).

Эти новые открытия ставят перед нами ряд очень важных вопросов в изучении неолита Приуралья и основной из них — о хронологическом соотношении комплексов камской гребенчатой керамики и керамики, орнаментированной «отступающей лопаточкой».

К сожалению, в публикациях А. Х. Халикова почти отсутствуют неолитические памятники с «накольчатой» керамикой, а по его устному сообщению, лишь на одной, Матюшинской IV, стоянке ему удалось сделать некоторые стратиграфические наблюдения, которые подтверждают предложенную им датировку. В то же время, несмотря на их очень хорошую изученность, керамика с «отступающей лопаточкой» на стоянках приуральского Прикамья отсутствует, исключая находки нескольких ее фрагментов на Ольховско-Первомайской стоянке ниже г. Осы без четких стратиграфических условий; поэтому можно рассматривать эти находки и как следствие межплеменных связей.

Кроме того, требует пристального изучения вопрос о степени близости волго-камской «накольча-

той» керамики с аналогичной днепро-донецкой керамикой, с одной стороны, и с такой же керамикой в Зауралье, — с другой. Одновременно нужно непосредственно сопоставить днепро-донецкую керамику с зауральской, так как от этого зависят важные вопросы, связанные с этническими связями и отношениями неолитического населения этих территорий. Пока же они не разрешены, надежные заключения о раннем этапе камского неолита, предшествующего боровоозерскому, невозможны.

Возникают следующие гипотезы.

1. Ранний неолит представлен памятниками с керамикой, орнаментированной «отступающей лопаточкой», как это полагает А. Х. Халиков, а все известные нам в Среднем и Верхнем Прикамье неолитические памятники, начиная со стоянки Боровое озеро I, представляют позднейшую часть камского неолита. В этом случае рисуется картина широчайшего распространения керамики с «отступающей лопаточкой» в более раннем неолите: в Средней Азии, в Приобье, в Зауралье, Приуралье и в бассейнах Дона и Днепра. Но обрисованный ареал оказывается разорванным между Поволжьем и Подоньем и в приуральском Прикамье. Отсюда для более северного Прикамья возникает новая гипотеза о переживании там культуры позднемезолитического типа по крайней мере до IV тыс. до н. э. и об очень позднем заимствовании керамики, когда орнаментация «отступающей лопаточкой» уже исчезла.

2. Керамика с зубчатым орнаментом является в Волго-Камье не только первичной, но и очень древней, более древней, чем мы полагаем, и синхронной керамике с «отступающей лопаточкой» как зауральской, так и днепро-донецкой. В таком случае присутствие в Казанском Поволжье и на нижней Каме керамики с «отступающей лопаточкой» можно понимать как следы экспансии чужеродных племен, вероятно, с днепро-донецкой территории; время этой экспансии необходимо уточнить.

Для разрешения этих вопросов необходимо прежде всего выяснить стратиграфическое соотношение рассматриваемых памятников и их датировку. Так, Д. Я. Телегин считает, что «начало формирования гребенчатой керамики уходит в глубь IV тыс. до н. э.» (Телегин, 1961а, стр. 37), учитывая, что «ранние образцы этой керамики являются древнейшими на территории Днепро-Донецкого бассейна» (Телегин, 1961а, стр. 37) и потому кремневый инвентарь этой культуры микролитичен и представляется архаичным. Такая датировка вполне правдоподобна, но почему она не начинается с конца V или с конца IV тыс.?[1] В последнем случае она совпадает с нашей датировкой раннего этапа камской неолитической культуры. Но в то же время нельзя поручиться, что камская культура не уходит в глубь IV тыс.; ведь она также древнейшая на своей территории. При таком допущении средневолжская керамика с орнаментацией «отступающей лопаточкой» не могла предшествовать здесь гребенчатой керамике, а существовала параллельно ей. Те же признаки, которые А. Х. Халиков расценивает как признаки перехода от одной стадии к другой, могут быть определены как следы взаимной ассимиляции, взаимных влияний.

Отнесение начала днепро-донецкой культуры, параллели, с которой А. Х. Халиков кладет в основу своих датировок волго-камского неолита к V тыс., недостаточно обоснованно. Трипольский сосуд из Никольского могильника, по которому Д. Я. Телегин главным образом обосновывает свою датировку второго этапа днепро-донецкой культуры первой половиной IV тыс. до н. э., по мнению Т. С. Пассек, относится скорее всего к середине IV тыс., а может быть, и к его второй половине, так как этот тип глиняной посуды, возникающий на этапе B_1 развития трипольской культуры, продолжает существовать и на этапе B_2. Следовательно, если исходить из этого, ранний этап днепро-донецкой культуры может относиться к первой половине IV тыс., второй этап — к его второй половине и третий — к III тыс. до н. э. А это делает днепро-донецкую культуру в нашем представлении не более ранней, а синхронной другим лесным неолитическим культурам, лежащим на севере, северо-востоке и востоке от нее.

До надежного уточнения дат возникает ряд сомнений. Например, по составу глиняного теста, присутствию уплощенных днищ и нередко разреженному орнаменту накольчато-прочерченная керамика Среднего Поволжья ближе к местной волосовской, чем неолитическая гребенчатая. Сосуды с вертикальными орнаментальными зонами (например, стоянка Лебединская II) близки не только днепро-донецким, но и энеолитическим сосудам лесного Зауралья; там же встречаются и узкие плоские орнаментированные днища, на что указывают Н. П. Кипарисова и К. В. Сальников; такие же сосуды известны и на поселениях гаринского типа в Прикамье и относятся к началу II тыс. до н. э. Каменные «утюжки» или гладилки с поперечным желобком хорошо известны и в днепро-донецкой культуре, и на рассматриваемых стоянках Среднего Поволжья, а также Прикамья и в особенности Зауралья. При этом все уральские «утюжки» изучавшие их исследователи (П. А. Дмитриев, Е. М. Берс, В. М. Раушенбах) дружно относят ко II тыс. до н. э., а глиняный экземпляр того же типа на стоянке Сауз I (раскопки автора) происходит из финально-неолитического, точнее, энеолитического комплекса, в который входят и обломки первых медных вещей. Далее, на одном из типичных для ранней, по А. Х. Халикову, группы средневолжских неолитических памятников — стоянке Лебединской II — найден кремневый наконечник стрелы с тонким черешком — очень поздняя форма, которая совершенно отсутствует в волго-камских комплексах с зубчатой керамикой и наиболее типична для эпохи бронзы. Наконец, кремневый инвентарь средневолжских поселений с накольчато-прочерченной керамикой, в известной мере микролитоидный и в то же время содержащий топоровидные и долотовидные орудия с пришлифованными концами, близко напоминает каменный инвентарь некоторых камских поселений II тыс. до н. э., например поселения Бор V на Чусовой; присутствуют некоторые общие элементы и в керамике. Но поселение Бор V невозможно датировать ранним неолитом, так как в тех же жилищах, откуда

[1] В своей монографии «Дніпро-донецька культура» (Київ, 1968) Д. Я. Телегин относит начало днепро-донецкой культуры ко второй половине V тыс. до н. э.

происходит упомянутый инвентарь и керамика, найдены вещи из меди.

После того как стали известны исследования стоянок с накольчато-прочерченной керамикой в Казанском Поволжье, произведенные А. А. Халиковым, автором были предприняты контрольные раскопки стоянки с трехметровым культурным слоем, расположенной у дер. Махтыли в Зауралье, на берегу Южной Сосьвы, с тем чтобы при обработке материала методом стратиграфической статистики выяснить хронологическое соотношение керамики с зубчатым орнаментом и с орнаментом «отступающей лопаточкой»; последняя представлена здесь очень слабо. При этом оказалось, что везде до самого нижнего горизонта оба типа керамики залегают совместно.

В свете рассматриваемой проблемы очень большой интерес представляют исследования неолитических стоянок лесного Зауралья, произведенные В. Д. Викторовой в последние годы (доклад на V Уральском археологическом совещании в Сыктывкаре в феврале 1967 г.). Изучение неолитических стоянок на Тавде, Лозьве, Туре и ее притоках показало в отличие от смешанного комплекса Махтылей присутствие стоянок с чистыми комплексами керамики — только с «отступающей лопаточкой» (стоянки Туман II, Тыня II и др.), и только с гребенчатым орнаментом (Туман I и др.); при этом такие стоянки располагаются в узко ограниченных районах недалеко друг от друга. Этот важный факт свидетельствует, что в неолите лесного Зауралья были периоды, когда выделывалась только керамика с «отступающей лопаточкой» или только гребенчатая. Стратиграфические наблюдения позволили В. Д. Викторовой установить следующее чередование комплексов во времени: 1) древнейший — керамика, орнаментированная узкой «отступающей лопаточкой»; 2) керамические комплексы с более разреженным орнаментом, нанесенным широкой «отступающей лопаточкой»; 3) чистые комплексы гребенчатой керамики. Так, на многослойном поселении Сосновый Остров слой, содержащий керамику с «отступающей лопаточкой», подстилал горизонты с гребенчатой керамикой и был прорезан подчетырехугольной полуземлянкой, на дне которой находилась только гребенчатая керамика. Выводы В. Д. Викторовой совпадают с культурно-стратиграфической схемой, предложенной для Зауралья В. Н. Чернецовым, и подтверждают ее. Однако нет оснований объединять зауральские поселения гребенчатой фазы с камскими в одну культуру; вопрос об их соотношении и связях еще не исследован.

Как бы то ни было, неолитические памятники волго-камского типа своеобразны, отличаются по культуре от своих западных, восточных и южных соседей и свидетельствуют о длительном существовании здесь особой и крупной этнической общности.

Ее территория определяется распространением соответствующих памятников. Основной массив их занимает бассейн р. Камы (исключая некоторые наиболее восточные его районы), а также Среднюю Волгу, преимущественно восточную, приказанскую часть этой территории, тогда как в ее западной части с приближением к устью Оки памятники камского типа становятся все более редкими, как бы утопая в массиве поселений с ямочно-гребенчатой керамикой, и наконец исчезают. Зато к северу они заходят очень далеко, достигая Вычегды и Печоры на территории Коми АССР. Здесь, так же как и на Средней Волге, волго-камская культура интенсивно взаимодействует с культурой поселений с ямочно-гребенчатой керамикой. На востоке граница волго-камской этнокультурной области в основном совпадает с горным хребтом Урала, иногда не доходя до него. Наконец, на юге граница наименее ясна ввиду плохой изученности этих районов, но приблизительно доходила до Жигулей (см. рисунок).

Наиболее тесная связь волго-камской неолитической культуры была с зауральской, о чем свидетельствует тождественность их зубчатой керамики. На некоторых камских стоянках также обнаружены обломки импортных зауральских сосудов с примесью талька в глине и прочерченным волнистым орнаментом. С. П. Толстов указал на сходство камско-уральской керамики с кельтеминарской. В последнее время А. Х. Халиков и Д. Я. Телегин обратили внимание на сходство преимущественно накольчато-прочерченной волго-камской керамики с днепро-донецкой.

Волго-камский неолитический этнокультурный массив занимает видное место в этногенезе народов Восточной Европы. Прежде всего на основе этой культуры, по мнению автора, сформировались энеолитическая культура на Каме, как считает автор и А. Х. Халиков, и волосовская культура в Казанском Поволжье, совершившие в дальнейшем экспансию, первая — на север и вторая — на запад. Та же неолитическая культура сыграла большую роль и в сложении позднейших культур эпохи бронзы приуральского севера — территории Коми АССР.

Происхождение волго-камской неолитической культуры остается дискуссионным. Изучение керамики в этом плане вряд ли может разрешить вопрос, так как древнейшая известная здесь керамика (какая бы она ни была: зубчатая или с «отступающей лопаточкой») имеет уже очень развитой вид и, следовательно, была заимствована со стороны, и совершенно не обязательно считать, что она была принесена в Волго-Камье новой этнической группой. Материалом, освещающим этот вопрос, может служить другой существенный и массовый элемент материальной культуры, издревле здесь бытовавший, — каменные орудия. Анализ материала нижнекамских и средневолжских позднемезолитических и раннеолитических стоянок, проделанный А. Х. Халиковым, привел его к выводу о наличии преемственной связи между указанными культурами в Волго-Камье. Для такого вывода по более северному Прикамью мы не располагаем достаточным материалом.

Вопрос о путях заимствования керамики можно будет серьезно обсуждать лишь после разрешения поставленных выше хронологических и культурно-стратиграфических проблем. Наиболее вероятна гипотеза о заимствовании керамики на Урале с юга, из Средней Азии, с территории кельтеминарской культуры. В Прикамье источник мог быть аналогичным; вопрос о заимствовании керамики с запада, с территории днепро-донецкой культуры, нуждается в специальном изучении. Заимствование ее из Зауралья, как некоторые полагают, по нашему мнению, маловероятно, так как зубчатая керамика Зауралья представляет собой восточную окраину общего

ареала зубчатой керамики. С этой точки зрения более достоверным выглядит предположение о проникновении зубчатой керамики из Прикамья в Зауралье.

Этническая принадлежность волго-камской неолитической культуры с наибольшей вероятностью устанавливается ретроспективным методом. Культуры удмуртов и пермяков Прикамья связываются рядом промежуточных звеньев с ананьинской культурой через средневековые археологические культуры городищ чепецкого и родановского типов. Таким образом, ананьинскую культуру в настоящее время специалистами принято рассматривать как древнюю основу финских этнических культур Приуралья. Но ананьинская культура, если она и сформировалась при участии некоторых зауральских компонентов, возникла все же в местной, прикамской среде, впитав в себя более древние культурные элементы местного населения эпохи бронзы. Вместе с тем аборигенные волго-камские культуры — турбинская на северо-востоке и волосовская на юго-западе — сложились на основе волго-камской неолитической культуры. Такая цепь преемственного развития хотя и не вполне надежна во всех своих звеньях, но наиболее вероятна и указывает в общем на финно-угорскую сущность рассматриваемой неолитической историко-культурной области.

В свете этого вывода далеко небезынтересно мнение ряда лингвистов — финно-угроведов о времени и месте сложения уральской языковой общности. Существование этой общности устанавливается в то время, когда уже употреблялись наконечники стрел, тетивы, луки, долота, сверла, лыжи, нарты, горшки, медь и т. д. (Itkonen, 1960). Возникновение указанных предметов, сохранивших общие в угро-финских языках названия, связывается с эпохой неолита (Чернецов, 1964а).

Устанавливая общность в названиях элементов ландшафта и древесных пород (сосна, лиственница, береза, ива, вяз), лингвисты приходят ко вполне обоснованному выводу, что эти общие названия могли возникнуть у уральских народов только в период их совместного обитания в лесной зоне (Haidu, 1964). Еще более определенно высказывается крупный советский финно-угровед Д. В. Бубрих: «В финно-угорских языках имеются и словарные, и грамматические сходства. Количество первых составляет много сотен случаев. Что касается вторых, то они пронизывают основы грамматики в целом. Замечательно, что сходные слова составляют своего рода систему, прямо обрисовывающую культурное состояние на пороге эпохи металла. Раскрывается картина обитания в теплой полуземлянке, охоты с помощью довольно сложного ассортимента орудий, скромнейших зачатков животноводства и земледелия, экзогамно-родовых отношений и т. д.; металл используется для украшений. К этому прибавляются некоторые географические показатели. Развертывается картина климата со снегом и льдом зимою, растительности южного пояса лесной полосы, животного мира бассейна Волги без низовья» (Бубрих, 1949, стр. 192). Здесь же, ссылаясь на Л. С. Берга, Д. В. Бубрих отмечает отсутствие старых финно-угорских названий вневолжских рыб, например угря и лососевых.

Во взглядах лингвистов на территорию формирования угро-финских народов нет расхождений в смысле включения в эту территорию Приуралья. Но в этих взглядах нет и полного единства. Так, например, Н. Шебештьен не так давно пришел к выводу о необходимости исключения из территории финно-угорского этногенеза не только Волго-Окского междуречья и районов, лежащих к северу от Верхнего Поволжья, с чем мы совершенно согласны, но и Средней Волги и низовьев Камы, что, с нашей точки зрения, расходится с данными археологии.

Тем не менее данные лингвистики в общем довольно согласно подтверждают достоверность сформулированного выше вывода о первостепенном значении населения волго-камской неолитической и энеолитической культуры как уже сформировавшегося древнего угро-финского этнического массива. Но из территории сложения этого массива нельзя исключать и пространств Зауралья, ограниченных на юге Приаральем и на востоке бассейном Енисея; неолитическая культура этих областей (восточноуральская, кельтеминарская) наиболее близка западноуральской, волго-камской. По мнению ряда исследователей, родственные друг другу неолитические культуры этих областей принадлежали также финно-угорским племенам. Но «в этих древних племенах Приаралья, Урала и Западной Сибири следует видеть не вообще финно-угров и не финнов, а именно угорских предков позднейших уральских племен, т. е. предков хантов, манси, венгров и самодийцев» (Окладников, 1957, стр. 54).

Надо полагать, что в неолитическое время уже произошло разделение древнего финно-угорского языка-основы. Это находит археологическое выражение в существовании двух различных, но родственных, обширных историко-культурных областей неолита по обе стороны Уральского хребта. Волго-Камскую область следует считать пермско-финской, восточноуральскую — угорско-самодийской.

У грани III и II тыс. до н. э. на базе волгокамской неолитической культуры, как указывалось, возникают две крупные культуры, получающие развитие уже в эпоху бронзы: турбинская на северо-востоке и волосовская на юго-западе; они имеют, естественно, многие родственные черты. Наиболее правдоподобно, что турбинская культура, на протяжении своего существования расширяющая свой ареал на северное, вычегодско-печерское Приуралье, образовала ту основу, на которой в дальнейшем сформировались пермско-финские культуры железного века. Волосовская же культура, постепенно отделившаяся от своей древней приуральской базы, распространилась, помимо Среднего Поволжья, далеко на запад, и прежде всего на Верхнюю Волгу и Оку, в области чуждой ей поздненеолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; волосовская культура легла в основу формирования позднейших этнических волго-финских культур (Бадер, 1966б).

А. Х. ХАЛИКОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Под Средним Поволжьем понимается область среднего течения р. Волги, ограниченная на западе устьем р. Оки, а на востоке устьем р. Белой. Южные пределы этого региона доходят до Самарской Луки, а северные — до верховий рр. Вятки и Ветлуги (рис. 1, *А—Д*).

В неолитический период на этой территории существовали отличные друг от друга культурные группы: западная — балахнинская с характерной ямочно-гребенчатой керамикой и восточная — волго-камская с керамикой, орнаментированной вначале накольчато-прочерченной техникой, а затем оттисками гребенчатого штампа. За последние годы в пределах края обнаружено более 200 памятников, преимущественно стоянок (Халиков, 1958), из которых свыше 150 волго-камской и около 50 балахнинской культур (рис. 2, *3*). До 1953 г. неолитические памятники на территории Среднего Поволжья фактически не были известны.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА В ЭПОХУ НЕОЛИТА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Неолит Средней Волги совпадает по времени с конца V до конца III тыс. до н. э. и должен быть отнесен, по М. И. Нейштадту (1957), к периоду среднего голоцена или к атлантическому и началу суббореального климатических периодов, по схеме Блитта-Сернандера. По А. В. Шнитникову, эти периоды характеризуются колебаниями общей увлажненности, что было подтверждено и многочисленными наблюдениями над условиями расположения ряда археологических памятников неолитического времени. Для хронологического отрезка с конца V до конца III тыс. до н. э. выделяются три фазы общей увлажненности (Шнитников, 1957, стр. 260—262).

Iа — эпоха повышенной увлажненности на грани V и IV тыс. до н. э. Это время с сильно повышенной дождливостью, мягкой зимой и прохладным летом, когда интенсивное распространение получают широколиственные леса, преобладающие над хвойными (сосной и елью) (Нейштадт, 1957, стр. 361, фиг. 221). Известные отдельные стоянки этого периода занимают здесь высокие дюны боровых террас (см., например, верхний горизонт II Русско-Луговской стоянки). Анализ пыльцы проб, взятых из отложений указанного памятника, показал резкое преобладание растений (ели, пихты, осоковых и водяных до 20% на глубине 70 см и до 85 % диатомовых водорослей на глубине 90 см), типичных для увлажненного климата (Халиков, 1960, стр. 23, рис. 7).

Iб — эпоха пониженной увлажненности (с середины IV тыс. до середины III тыс. до н. э.), связанная с завершающей фазой теплого атлантического периода.

Поселения второго, третьего этапов волго-камской и среднего этапа балахнинской культуры в Среднем Поволжье располагаются на низких местах, на дюнах в поймах рек. Определенное изменение наблюдается и в составе флоры. Т. А. Кузнецовой были подвергнуты спорово-пыльцевому анализу пробы, взятые из нижнего культурного слоя Майданской стоянки, содержащего материалы, характерные для второго этапа балахнинской культуры, т. е. для первой половины III тыс. до н. э. Состав пыльцы этих отложений отличается абсолютным преобладанием пыльцы сосны (77.8%) при увеличенном сопровождении спор сфагновых мхов, относительно большом проценте пыльцы лиственных пород (19.2%) и крайне незначительном — березы (3.0%). По мнению А. В. Шнитникова, такой пыльцевой спектр отражает теплый и сухой климат, сопровождавшийся интенсивным распространением на песчаных почвах сосны.

IIа — эпоха повышенной увлажненности — вторая половина III тыс. и начало II тыс. до н. э. В Среднем Поволжье в позднем неолите наблюдается расположение большинства стоянок на высоких террасах в связи с увеличением стока рек и повышением уровня озер. Как показывает пыльцевой анализ проб, взятых из верхнего культурного слоя Майданской стоянки, датированного рубежом III—II тыс. до н. э., в связи с общим увлажнением климата падает процент сосны (до 62%), появляется ель и

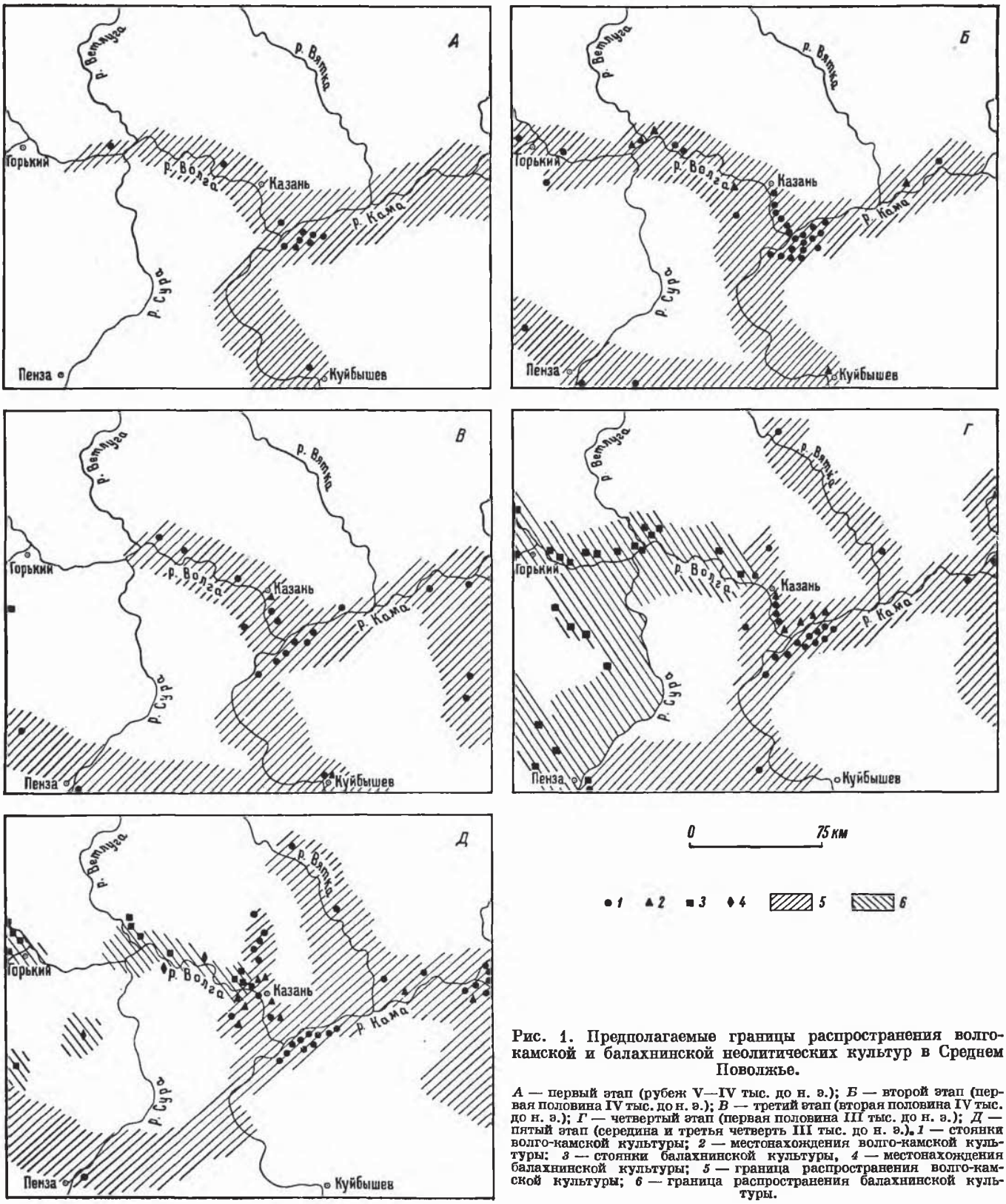

Рис. 1. Предполагаемые границы распространения волго-камской и балахнинской неолитических культур в Среднем Поволжье.

А — первый этап (рубеж V—IV тыс. до н. э.); *Б* — второй этап (первая половина IV тыс. до н. э.); *В* — третий этап (вторая половина IV тыс. до н. э.); *Г* — четвертый этап (первая половина III тыс. до н. э.); *Д* — пятый этап (середина и третья четверть III тыс. до н. э.). *1* — стоянки волго-камской культуры; *2* — местонахождения волго-камской культуры: *3* — стоянки балахнинской культуры, *4* — местонахождения балахнинской культуры; *5* — граница распространения волго-камской культуры; *6* — граница распространения балахнинской культуры.

несколько увеличивается распространенность березы при интенсивном развитии папоротников (66.6%) и разнотравья (55%).

На территории Среднего Поволжья в настоящее время насчитывается более 150 памятников волго-камской культуры, объединенных рядом общих приз-

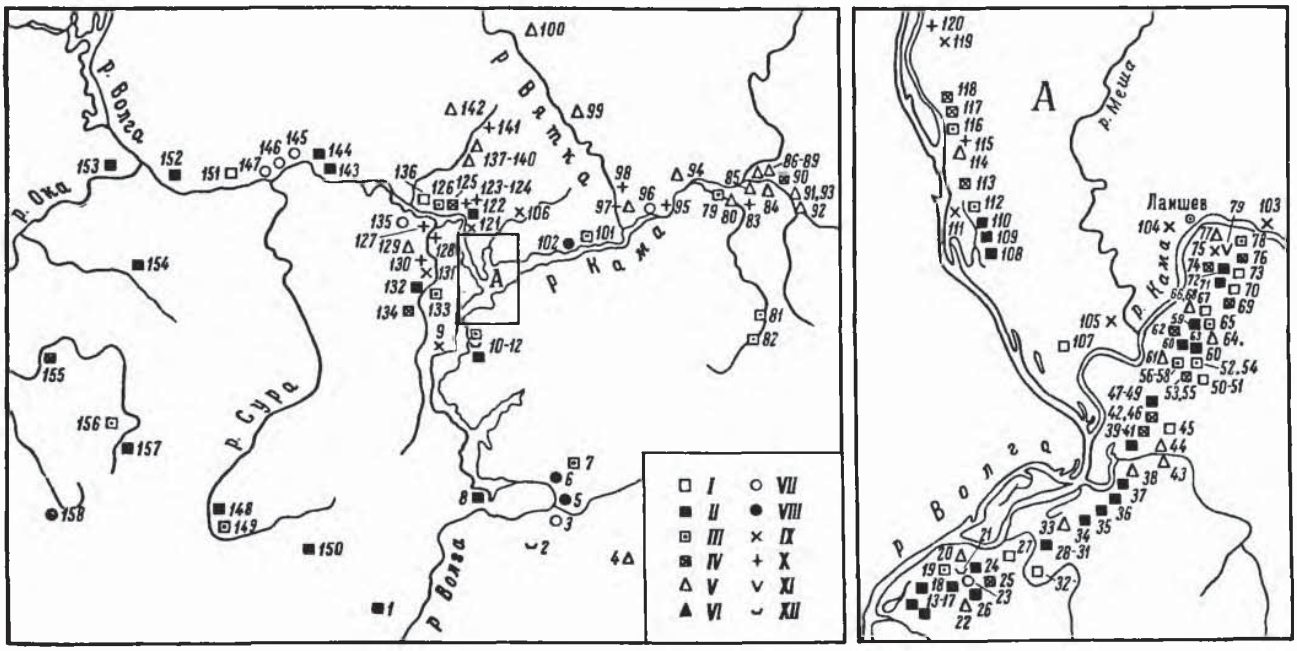

Рис. 2. Памятники волго-камской неолитической культуры в Среднем Поволжье.

I — стоянки первого этапа раннего периода; *II* — местонахождения первого этапа раннего периода; *III* — стоянки второго этапа раннего периода; *IV* — местонахождения второго этапа раннего периода; *V* — стоянки третьего этапа раннего периода; *VI* — местонахождения третьего этапа раннего периода; *VII* — могильник третьего этапа раннего периода; *VIII* — стоянки первого этапа позднего периода; *IX* — местонахождения первого этапа позднего периода; *X* — могильник первого этапа позднего периода; *XI* — стоянка второго этапа позднего периода; *XII* — местонахождения второго этапа позднего периода. *1* — Труевская Маза; *2* — Криволучье; *3* — Самарское; *4* — Захар-Калма; *5* — Барбашинская Поляна; *6* — Вислая Дубрава; *7* — Белозерская; *8* — Моечное Озеро; *9* — Мантовское; *10—12* — Гулькинская стоянка и могильник; *13* — Четвертая Ага-Базарская; *14* — Третья Ага-Базарская; *15* — Вторая Ага-Базарская; *16* — Первая Ага-Базарская; *17* — Первая Болгарская островная; *18* — Пятая Новомордовская; *19* — Первая Новомордовская; *20* — Вторая Новомордовская; *21* — Новомордовское погребение; *22* — Четвертая Новомордовская; *23* — Запретный Остров; *24* — вторая Щербетьско-Островная; *25* — Пятая Щербетьско-Островная; *26* — Вторая Щербетьская; *27* — Вторая Старо-Куйбышевская; *28* — Вторая Ембулатихинская; *29* — Третья Ембулатихинская; *30* — Четвертая Ембулатихинская; *31* — Первая Ембулатихинская; *32* — Кураловская; *33* — Третья Малиновская; *34* — II Измерская; *35* — IV Измерская; *36* — VI Измерская; *37* — VII Измерская; *38* — I Бозяковская; *39* — X Нижнемарьяновская; *40* — XI Нижнемарьяновская; *41* — XIII Нижнемарьяновская; *42* — II Нижнемарьяновская; *43* — V Нижнемарьяновская; *44, 45* — I Бозяковские; *46* — X Бозяковская; *47* — VII Бозяковская; *48* — XI Бозяковская; *49* — XII Бозяковская; *50* — I Березогривская; *51* — V Березогривская; *52* — II Лебединская; *53* — I Лебединская; *54* — III Лебединская; *55* — XXII Кузькинская; *56, 59* — XVII Кузькинские; *57* — XI Кузькинская; *58* — IX Кузькинская; *60* — XVIII Кузькинская; *61* — V Гурман-Касинская; *62* — VIII Кузькинская; *63* — XIII Кузькинская; *64* — XX Кузькинская; *65* — IV Кузькинская; *66* — VI Кузькинская; *67* — X Кузькинская; *68* — XII Кузькинская; *69* — V Балахчинская; *70* — XI Балахчинская; *71* — VI Балахчинская; *72* — IV Балахчинская; *73* — VIII Балахчинская; *74* — II Балахчинская; *75* — II Балахчинское; *76* — I Балахчинская; *77* — I Мурзихинская; *78* — IV Мурзихинская; *79* — I Игимская; *80* — II Игимская; *81* — Ст. Какрабашская; *82* — Московка; *83* — Ст. Семиостровское; *84* — I Русско-Азибейская; *85* — Юртовская; *86* — Саузовская (Кутурган—Ерганак); *87* — III Саузовская; *88* — II Бачки-Тау; *89* — III Кюньская; *90* — II Кюньская; *91* — Новоянгизитовская; *92* — I Кюньская; *93* — I Бачки-Тау; *94* — Кумысская; *95* — Луговское; *96* — Ананьинское; *97* — Бессонихинская; *98* — Б. Шурнякское; *99* — Наживинская; *100* — I Буйская; *101* — I Вандовская; *102* — Вандовское; *103* — Сорочьегорское; *104* — Именьковское; *105* — Макаровское; *106* — Кибячинское; *107* — V Атабаевская; *108* — VII Карташихинская; *109* — VIII Карташихинская; *110* — IX Карташихинская; *111* — I Тетеевское; *112* — I Амбарская; *113* — VI Березогривская; *114* — III Матюшинская; *115* — I Матюшинское; *116* — IV Матюшинская; *117* — V Матюшинская; *118* — VI Матюшинская; *119* — Жареный Бугор; *120* — Балымское; *121* — Малоотарское; *122* — Вороний Куст; *123* — Казанка II; *124* — III Займищенское; *125* — Ша Займищенская; *126* — III Обсерваторская; *127* — Свияжское; *128* — Татарско-Бурнашевское; *129* — Луковская; *130* — Малое Борское; *131* — II Кабы-Копрынская; *132* — I Кабы-Копрынская; *133* — II Малококузинская; *134* — Кунгульская; *135* — Криушинская; *136* — II Русско-Луговская; *137* — I Старо-Мазиковская; *138* — II Старо-Мазиковская; *139* — III Старо-Мазиковская; *140* — IV Старо-Мазиковская; *141* — Старо-Мазиковская; *142* — Оришутьская; *143* — Дубовская; *144* — III Отарская; *145* — Сокольское; *146* — III Полянское; *147* — Галанкина Гора; *148* — I Пензенская; *149* — II Пензенская (с погребением); *150* — Липовская; *151* — I Черно-Мазинская; *152* — II Парижская Коммуна; *153* — Гавриловская; *154* — I Красноборская; *155* — Кокуйская; *156* — Красный Восток; *157* — Озименки; *158* — Земетчинское.

ПАМЯТНИКИ ВОЛГО-КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

(табл. 19, *1—70*; 20, *1—36*)

Волго-камская культура, впервые выделенная О. Н. Бадером (1953, стр. 31) под названием «камской», в Среднем Поволжье за последние годы пополнилась значительным числом новых и притом гораздо более ранних, чем в Прикамье, памятников (рис. 2), что позволило разработать периодизацию всей культуры. Поэтому есть основания расширить название ее и именовать не просто камской, а волго-камской.

наков. В основном это остатки поселений, хотя имеется также несколько погребальных комплексов. В последние годы проведены широкие раскопки на отдельных стоянках — II Щербетьской (1964 г., вскрыто 420 м²), II Русско-Луговской (1956 и 1957 гг., вскрыто 230 м²), верхний слой Кабы-Копрынской (1960 и 1961 гг., вскрыто 469 м²), III Обсерваторской (1953 г., вскрыто 436 м²), II Лебединской (1963 г., вскрыто 336 м²), II и III Старо-Мазиковских (1956 г. вскрыто 556 м²) и т. д. В результате изучения полученных материалов, а также привлечения данных по памятникам, обсле-

дованным в зоне Куйбышевского водохранилища, составлена схема развития материальной культуры волго-камских неолитических племен.

В основу этой периодизации положены как стратиграфические, так и типологические наблюдения. Такие многослойные памятники, как II Русско-Луговская (Халиков, 1960), III Обсерваторская (Халиков, 1958) и Кабы-Копрынская (Халиков, 1964) стоянки, позволили установить наиболее вероятное стратиграфическое членение отдельных этапов мезолитического и неолитического периодов. Статистический анализ вещевых комплексов широко изученных памятников способствовал обоснованию типологического развития основных черт культуры.

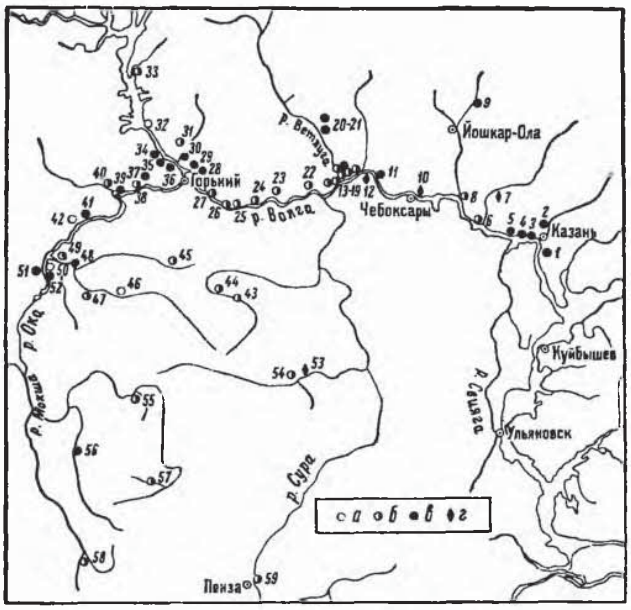

Рис. 3. Памятники балахнинской неолитической культуры в Среднем Поволжье.

1 — Малоотарское; *2* — Дербышкинская; *3* — Займище IIIа; *4* — Займище V; *5* — Обсерватория III (средний горизонт); *6* — I Русско-Луговская; *7* — Нур-Шаринское; *8* — Уржумкинская; *9* — Чирковская; *10* — Чебоксарская; *11* — I Отарская; *12* — Козмодемьянское; *13* — II Полянская; *14* — IV Полянская; *15* — Майданская; *16* — V Удельно-Шумецкая; *17* — III Удельно-Шумецкая; *18* — II Удельно-Шумецкая; *19* — VI Удельно-Шумецкая; *20* — I Выжумская; *21* — II Выжумская; *22* — Михайловская; *23* — II Черно-Мазинская; *24* — Потопай; *25* — II Луговой Борок; *26* — I Луговой Борок; *27* — II Парижская Коммуна; *28* — Коринкинская; *29* — Путьковская; *30* — Островская; *31* — Линдинская; *32* — Сокольское; *33* — Серковская; *34* — Балахнинская; *35* — IV Больше-Козинская; *36* — I Больше-Козинская; *37* — IV Гавриловская; *38* — II Гавриловская; *39* — Желнинская; *40* — Красная Горка; *41* — Плеханов Бор; *42* — Ивачевская; *43* — Борнувковская; *44* — Селище; *45* — Паровое; *46* — Саконовская; *47* — I Гремячевская; *48* — Сонинская; *49* — Садовый Бор; *50* — Малоокуловская; *51* — Панфиловская; *52* — Волосовская; *53* — Тархановское; *54* — Зимняя шапка; *55* — Зубаревская; *56* — Иморка; *57* — I Озименки; *58* — Земетчинская; *59* — Пензенская. *а* — стоянки первого этапа; *б* — стоянки второго этапа; *в* — стоянки третьего этапа; *г* — местонахождения третьего этапа.

В развитии волго-камской неолитической культуры выделяются два больших периода: ранний, подразделяющийся на три этапа, и поздний, состоящий из двух этапов. Первый этап (докерамический) датируется рубежом V—IV тыс. до н. э.; второй (с керамикой, украшенной накольчато-прочерченным орнаментом) относится к первой половине и середине IV тыс. до н. э.; третий этап (когда в орнаментации керамики наряду с сохранением прежних появляются узоры из оттисков мелкозубчатого штампа) — вторая половина IV тыс. до н. э.; четвертый (или первый этап позднего периода) определяется первой половиной III тыс. до н. э., и, наконец, пятый этап датируется серединой и третьей четвертью III тыс. до н. э.[1]

На первом этапе волго-камские племена занимали довольно большую часть среднего течения р. Волги от устья р. Керженца на западе, где изучена I Черно-Мазинская стоянка, и кончая устьем р. Самары на юге (рис. 1, *А*). Как далеко вверх по Каме проникали волго-камские племена, неизвестно. На средней и верхней Каме неолитических памятников ранее стоянки Боровое Озеро I, материалы которой по нашей периодизации относятся к четвертому этапу волго-камской культуры, пока не обнаружено.

Ко второму этапу следует причислить более 50 стоянок, зафиксированных на огромном пространстве Среднего Поволжья от устья р. Оки на западе (Гавриловская стоянка) и почти до устья р. Белой на востоке (Челнинская стоянка). На юге, в районе Самарской Луки, а также в бассейне верхнего течения рр. Суры и Мокши выделяется еще одна группа памятников (рис. 1, *Б*). Определяющими стоянками этого этапа являются верхний слой Кабы-Копрынской и II Шеребетьская и др.

На третьем этапе, представленном также внушительным числом памятников, среди которых широко изученными являются III Обсерваторская, II Лебединская и IV Матюшинская стоянки, территория расселения волго-камских племен несколько сокращается на западе, где начинают в это время активизироваться раннебалахнинские племена. В остальных районах волго-камские племена прочно удерживают свою территорию (рис. 1, *В*), а на востоке в бассейне р. Белой вступают в активный контакт с неолитическими племенами Башкирского Приуралья.

В поздний период развития волго-камской культуры наблюдается оформление ее локальных вариантов, а также заметное сокращение западной части ее территории. В III тыс. до н. э. волго-камские племена под давлением балахнинских племен по Волге отошли на восток вплоть до устья Казанки (рис. 1, *Г*, *Д*, *2*); такое же сокращение территории волго-камских племен произошло и в районе Сурско-Окского междуречья. Здесь лишь в бассейне Мокши, а также в верховьях Суры известны некоторые стоянки (Пензенская, Кокуйская, Ширингушская) с керамикой волго-камского типа.

На протяжении длительного периода развития материальная культура волго-камского неолитического населения испытала существенные изменения, что особенно отразилось в таком массовом материале, как кремневые орудия и керамика (табл. 19, *1—70*; табл. 20, *1—36*).

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ

В течение существования волго-камской культуры кремневый инвентарь изменяется не только по составу и формам орудий, но и по технике изготовления. Для самого раннего этапа в обработке орудий характерна

[1] Обоснование указанных дат см. ниже, стр. 120—121.

микролитическая техника, о чем, кроме высокого процесса (28—31%) ножевидных пластин по отношению к отщепам, свидетельствует обработка большинства, в том числе и крупных орудий, отжимной техникой (табл. 19, 7). На втором и особенно третьем этапах ножевидные пластины и орудия из них уже не превышают 25%, наблюдается исчезновение резцов на пластинах и некоторых других микроформ. В позднем периоде, т. е. на четвертом и пятом этапах, микролитическая техника обработки камня почти окончательно изживает себя. Резко снижается (до 6—8%) процент ножевидных пластин, которые к тому же имеют грубый, часто аморфный облик, не встречаются нуклеусы правильной формы, а также прекращается изготовление почти всех орудий на ножевидных пластинах, за исключением отдельных скребков (табл. 19, *49*) и наконечников стрел (табл. 19, *45*).

Одновременно наблюдается следующее развитие основных форм орудий.

Наконечники стрел, достаточно обильно представленные на стоянках всех этапов культуры, почти от начала и до конца имеют две формы — листовидные без намеченного черешка и черешковые. Для первого этапа известны только листовидные наконечники без черешка, выполненные на ножевидных пластинах и обработанные односторонней ретушью и притом только по краю (табл. 19, *1*). На втором этапе появляются и черешковые стрелы с треугольным и подромбическим пером (табл. *19, 10—12*), хотя абсолютно преобладают листовидные наконечники (табл. 19, *14*). Все стрелы по-прежнему выполнены на пластинах с обработкой преимущественно по краю, но с обеих сторон. В памятниках третьего этапа (например, на II Лебединской стоянке) появляются стрелы со сплошной обработкой поверхности, однако господствуют экземпляры с краевой ретушью. Формы становятся более усовершенствованными, особенно изящны черешковые (табл. 19, *30*). На последних этапах господствуют наконечники стрел со сплошь обработанной поверхностью, в основном черешковые (табл. 19, *44*, *62*), среди которых появляются асимметричные, одношипные образцы.

Наконечники копий мало характерны для волго-камских неолитических памятников. Их развитие в общем сходно с развитием наконечников стрел. В раннем периоде известны наконечники листовидной формы (табл. 19, *2*), а в памятниках второго периода появляются и черешковые.

Во всех комплексах кремневого инвентаря больше всего скребков. В памятниках первого этапа большинство их по традиции продолжали изготовлять на

Таблица I

Статистическая характеристика керамики основных стоянок волго-камской культуры в Среднем Поволжье (в %)

Период	Этап	Стоянки	Всего фрагментов (экз.)	Всего сосудов (экз.)	Техника нанесения орнамента: Форма края: прорезной	Форма края: гребенчатый штамп	Форма края: ямочный	Форма дна: плоское	Форма дна: округлое	Форма дна: конусовидное	Форма дна: округлый, плоский	Форма дна: с «напыльником» изнутри	Форма дна: расширенный	Форма дна: отогнутый	Элементы и характер орнаментального узора: наколы: равнодвучленные треугольники	наколы: прямоугольные треугольники	прочерченный: прямые линии	прочерченный: «струйчатые»	гребенчатый штамп: мелкозубчатый	гребенчатый штамп: крупнозубчатый	гребенчатый штамп: «шагающая гребенка»	ямочный: овальная	ямочный: мелкая сквозная	ямочный: крупная округлая	ямочный: крупная плоская	геометрические: «цепочка» со сплошной штриховкой	геометрические: «цепочка» со штриховкой и клиновидным заполнением	геометрические: «цепочка» с промежуточной штриховкой	геометрические: заштрихованные треугольники	геометрические: контурные треугольники	вертикальные: горизонтальные полосы, разделенные вертикальными линиями	вертикальные: из горизонтальных отрезков	вертикальные: из угстого елочного	вертикальные: разделенных вертикальных линий	горизонтальные зоны с зональными разделителями: полосы вертикальных или скошенных линий: без разделительных полос	полосы вертикальных или скошенных линий: ряды коротких вертикальных линий	полосы вертикальных или скошенных линий: ряды ямок	полосы вертикальных или скошенных линий: елочки	горизонтальные зоны с зональными разделителями: полосы горизонтальных линий: без разделительных полос	полосы горизонтальных линий: ряды коротких вертикальных линий	полосы горизонтальных линий: ряды ямок	полосы горизонтальных линий: елочки
Позднин	III	III Ст. Мазиково	2261	50	—	35	50	3	12	+	+	+	—	—	+	—	+	—	18	46	8	20	+	12	+	32	+	2	4	—	—	+	+	+	35	+	30	+	+	+	+	+	+	+
	II	II Ст. Мазиково	628	25	—	40	35	25	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	40	30	—	—	28	+	+	+	—	10	4	—	—	+	—	+	40	+	10	+	+	+	+	+	+	+
	I	I Лебединская	208	18	—	50	50	—	—	+	—	—	+	—	—	+	+	+	—	30	40	—	25	20	—	—	5	—	—	10	—	—	—	—	40	10	50	—	—	—	—	—	—
Развин	III	III Обсерваторская (нижний горизонт)	318	12	34	66	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	+	—	—	50	16	—	—	8	25	—	—	17	—	—	—	5	—	28	—	17	5	—	28	—	—	—	—
	II	II Лебединская	762	36	60	40	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	+	—	—	51	20	—	3	23	10	—	—	6	—	—	8	—	17	—	22	30	—	—	—	—	—	—	—
Второй	II	Кабы-Корпынская (верхний горизонт)	132	5	2	3	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
	II	II Щербетьская	240	40	30	4	—	—	6	+	—	+	—	—	—	+	+	—	—	2	—	—	—	—	60	—	—	2	—	—	—	5	—	—	40	—	13	—	16	—	—	—	—

Примечание. + имеется, ++ много, — отсутствует.

концах пластин (табл. 19, *3*). Хотя скребки на пластинах и бытуют на протяжении всего развития волго-камского неолита, однако на более поздних этапах большинство орудий этого типа изготовляется на отщепах. На первом этапе скребки, как правило, имеют концевое, прямое или слегка округлое лезвие, обработанное лишь по одному краю (табл. 19, *4*). На втором этапе появляются скребки со скошенным краем (табл. 19, *17*) и с микролезвием. Многочисленны также крупные дисковидные формы. Известны и двуконцевые скребки (табл. 19, *16*). В памятниках третьего этапа, например в материалах II Лебединской стоянки, наряду с бытованием почти всех отмеченных типов появляются новые — скребки полудисковидные и двулезвийные (табл. 19, *36*). Характерна значительная обработка поверхности скребков. Для второго (позднего) периода обычны концевые и угловые формы скребков с прямым, округлым и скошенным лезвиями (табл. 19, *49—52*), изредка с микролезвием. Полностью исчезают дисковидные и прочие скребки с несколькими лезвиями. К концу неолитической эпохи увеличивается число концевых скребков небольших размеров.

На протяжении всего неолитического времени скобели изготовлялись на отщепах с толстым и прочным краем и обычно имели одну или несколько широких и узких рабочих выемок. На поздних стоянках — II—III Мазиковские (Халиков, 1960, табл. XXIV, 7) появляются специально оформленные скобели с широкими лезвиями.

В развитии ножей наблюдается та же тенденция постепенной замены орудий, выполненных на пластинах, орудиями, изготовленными на отщепах и более крупных кусках кремня. В начальной поре еще сохраняются резцы на пластинах — обычно боковые, на углах сломанной пластины (табл. 19, *6*) и распространяются ножи на крупных пластинах, обработанных краевой ретушью (табл. 19, *5*). На втором этапе, что хорошо заметно в материалах II Щербетьской стоянки, еще бытуют резцы, но постепенно заменяются ножами различных форм (табл. 19, *19—21*), изготовленными преимущественно на крупных отщепах. Все ножи ретушированы лишь по краю лезвия и только с одной стороны. Среди них преобладают двулезвийные с прямым и округлым краем, есть узкие ножи с приостренным клинком и ножи с уступчатым упором по спинке. Эти типы орудий сохраняются и в последующих памятниках, но среди кремневого инвентаря последних уже появляются ножи с двусторонней обработкой. Памятникам позднего периода свойственно большее разнообразие форм ножей. В это время окончательно исчезают резцы. Почти все ножи двусторонние, с клинковидной формой лезвия (табл. 19, *65, 66*). Тщательную, тонкую ретушь имеют не только клинки, но и рукоятки ножей (табл. 19, *55*), иногда имеющих небольшой пуговковидный выступ. Специфично бытование на протяжении почти всей волго-камской культуры ножей из сланцевых плиток.

Для волго-камской неолитической культуры с самого начала ее развития были особенно характерны крупные рубящие и долбящие орудия. Еще в памятниках раннего, докерамического этапа появляются асимметричные тесла с горбатой спинкой и плоским брюшком, ретушированные микролитической техникой. Эта техника напоминает отжим пластин, отчего на выпуклой стороне многих орудий сохранились следы характерных вертикальных фасок. Обработке подвергалась лишь одна — выпуклая сторона орудия, тогда как брюшко часто сохраняло очертания кремневой основы. По лезвию нередко наблюдаются следы шлифовки. В памятниках второго этапа число подобных орудий значительно увеличивается. Так, на II Щербетьской стоянке найдено 6 крупных тесловидных орудий с ярко выраженной асимметричностью и следами отжимных фасок (табл. 19, *22, 23*), а в верхнем слое Кабы-Копрынской стоянки — до 70 подобных орудий. Характерно, что ряд из них получает обработку и со стороны брюшка, а у некоторых появляются даже намеки на выемчатое лезвие. На стоянках третьего этапа асимметричные орудия начинают заменяться симметричными формами. Поверхность большинства их тщательно шлифуется. Появляются топоры и небольшие короткие тесла с намеченными гранями по спинке (табл. 19, *38, 39*). В позднем периоде среди орудий распространяются хорошо шлифованные крупные симметричные долота с граненой спинкой (табл. 19, *56, 67*), но бытуют и асимметричные орудия с выпуклой спинкой. В конце периода господствуют долота и тесла правильной огранки, а также тщательно шлифованные орудия, треугольные и трапециевидные в сечении, и топоры правильной формы (Халиков, 1960, табл. XXI, *5*).

Из других крупных рубящих орудий позднего периода следует отметить сверленые топоры с парными выпуклинами-цапфами по бокам. Поверхность таких парадных топоров нередко украшалась нарезным орнаментом, что наряду с изяществом отделки приближает их к предметам искусства (табл. 19, *60*). Подобные топоры обнаружены в Криволучском погребении (Гольмстен, 1931) и в Макаровском местонахождении близ устья Камы.

Из прочих типов орудий, бытовавших на всем протяжении волго-камского неолита, следует отметить проколки и сверла, ретушеры и отбойники, полировальные плиты и молоты с перехватом, грузила для рыболовных сетей. Проколки и сверла в раннем периоде изготовлялись из ножевидных пластин, обычно имели узкую форму и часто зашлифованное лезвие (табл. 19, *24*). Начиная с третьего этапа подобные орудия делались на отщепах и имели широкую лопаточкообразую рукоятку. Особенно разнообразными проколки и сверла становятся в позднем периоде, о чем свидетельствуют материалы II и III Старо-Мазиковских стоянок (Халиков, 1960). Отжимники и ретушеры в раннем периоде выделывались из граненых кремней и имели зашлифованные концы. В позднем периоде они заменяются орудиями круглой формы. Часто встречаются полированные плиты, а также хорошо отшлифованные молоты из плотного песчаника с желобчатым перехватом и песты подцилиндрической формы (Халиков, 1960, рис. 19).

Для средневолжских памятников волго-камской неолитической культуры специфично наличие нескольких типов своеобразных орудий. Среди них особенно примечательны скребковидные ножи-резчики типа ложкаря со скошенным и часто провис-

лым лезвием (табл. 19, *8, 25, 40, 41, 59*). Для памятников раннего периода типичны длинные проколки из трехгранных кусков кремня с пришлифованными остриями. На протяжении почти всего неолитического времени бытовали ножи из сланцевых плиток (табл. 19, *28*). На III Старо-Мазиковской стоянке обнаружен оригинальный рыболовный крючок серповидной формы (?) с жалом со стороны спинки (табл. 19, *69*).

К числу каменных изделий следует причислить также и некоторые украшения. Это в основном разнообразные подвески из сланца и других сланцевидных пород (гипростенит, лиственит и др.). Уже в памятниках раннекерамического этапа появляются округлые, овальные и подромбической формы подвески, а также подцилиндрические бусы-пронизки (табл. 19, *26, 27, 29*). В неолитических погребениях на Гулькинской стоянке позднего периода известны целые ожерелья из таких подвесок. 17 крупных подвесок найдено на Пензенской стоянке (Полесских, 1956). В одном из погребений Гулькинской стоянки (Збруева, 1960) и в Криволучском погребении (Гольмстен, 1931) обнаружены небольшие бусы и пронизки из таких же пород камня. На ряде стоянок волго-камской неолитической культуры найдены также тальковые или шиферные «челноки-утюжки» с поперечной прорезью или круглым отверстием по середине выпуклой спинки (поселения Земетчино, Саузовское). Имеются два шиферных браслета с шестигранным сечением с Криволучского погребения (табл. 19, *70*) (Гольмстен, 1931).

Завершая обзор каменных орудий средневолжских и нижнекамских памятников волго-камской культуры, следует заметить, что по каменному инвентарю эти памятники несомненно близки к неолитическим стоянкам Приуралья (Крижевская, 1962; Матюшин, 1962б, 1964а, 1964б; Бадер, 1951б; Денисов, 1960) и Западной Сибири (Чернецов, 1953). Некоторые элементы сходства наблюдаются в инвентаре днепро-донецкой культуры (Телегин, 1961а).

Изделия из кости ввиду отсутствия раскопанных торфяниковых и прочих стоянок, имеющих благоприятные условия для сохранения органических остатков, в материалах волго-камской культуры практически неизвестны. Лишь на Беловской стоянке в бассейне Свияги обнаружен гарпун, изготовленный из трубчатой кости. По одному краю расположены три опущенных книзу зубца, от основания которых поперек тулова нанесены узкие насечки. Насад орудия имеет трапециевидное расширение. Гарпун по форме аналогичен находкам из Оленеостровского могильника (Гурина, 1956, стр. 66), Лубанского торфяника (Брюсов, 1952, стр. 169, 170) и стоянки «Стрелка» на Шигирском торфянике (Раушенбах, 1956, рис. 1).

Керамика (табл. 20, *1—36*). Первые следы употребления глиняной посуды волго-камскими неолитическими племенами относятся ко времени второго этапа. С самого начала керамика имеет выраженную форму, что позволяет предполагать ее возникновение в результате привнесения со стороны. Для всех этапов волго-камского неолита, кроме докерамического, характерны преимущественно крупные сосуды без выраженного горла, с прикрытым устьем и полуяйцевидным туловом, сужающимся ко дну (табл. 20, *34, 35*). В керамических комплексах второго и частично третьего этапов имеются сосуды с небольшим плоским дном. На последующих этапах бытуют сосуды с коническим дном, но в памятниках конца неолитического времени снова появляются сосуды с уплощенными и плоскими донцами (Халиков, 1960, табл. XVII, *6, 7*). Определенные изменения претерпевает и форма краев; на сосудах раннего этапа они плоско срезанные, реже приостренные и очень редко с небольшим отгибом во внешнюю сторону. У сосудов третьего этапа, особенно II Лебединской стоянки, края венчиков приостренно-скошенные или округлые. На этой стоянке появляются сосуды с утолщенным изнутри венчиком, так называемым наплывом. Последние особенно широко распространяются в четвертом этапе. Но здесь же имеются сосуды и со слегка отвернутым горлом; профилировка сосудов усиливается в конце неолита, на некоторых стоянках — более 10% сосудов с отогнутым краем (табл. I) (Халиков, 1960).

В керамических комплексах раннего периода (на стоянках второго этапа) по фактуре теста выделяются две группы: а) с примесью в тесте песка, шамота и реже охристой крошки и б) с органической примесью — рубленой травой. В орнаментации и форме разницы между этими группами не наблюдается. Поверхность сосудов первой группы лишь более заглажена. В памятниках третьего и четвертого этапов в основном господствуют сосуды первой группы, хотя спорадически отмечаются и сосуды с органической примесью. На заключительном этапе число последних несколько увеличивается, однако в качестве примесей употребляются толченые раковины или кора.

В процессе развития волго-камской культуры техника нанесения орнаментов испытывает значительные изменения. Так, для сосудов раннего этапа (второго) характерно нанесение орнамента мелкими клиновидными или ячеистыми наколами, так называемой отступающей лопаточкой, или прочерченными короткими линиями, имеющими тонкий ногтевидный характер (табл. 20, *1—11, 36*). Оттисков зубчатого или гребенчатого штампа здесь практически нет, хотя сама система расположения наколов весьма близка к системе гребенчатых отпечатков. Часто по краю венчика наблюдается ряд мелких ямочек, иногда сквозных, наколов (табл. 20, *6, 9*). На сосудах третьего этапа орнаментальные узоры выполнялись накольчато-прочерченной техникой. Но в это время входят в употребление и оттиски мелкозубчатого штампа, что особенно характерно, например, для керамики II Лебединской стоянки. Так, если на IV Матюшинской стоянке накольчато-прочерченный орнамент встречен на 20 сосудах, а мелкозубчатый на 10, то на II Лебединской стоянке из 36 сосудов лишь на 8, остальные же имели мелкозубчатую орнаментацию. На сосудах второго периода уже полностью господствует техника гребенчатого штампа, при этом преобладают оттиски среднезубчатого штампа и распространяется «шагающая гребенка». Для разделения орнаментальных зон начинают употребляться ряды глубоких ямочных вдавлений — черта, более характерная для ямочно-гребенчатой, чем гребенчатой керамики. Однорядные мелкие ямоч-

ные вдавления по краю горла сосудов сохраняются на протяжении всего неолитического периода. В конце волго-камского неолита в технике орнаментации появляются оттиски крупного гребенчатого штампа. Ямки, применявшиеся иногда для разделения орнаментальных зон, становятся неглубокими и нередко овальной формы. Наблюдаются также, особенно в сосудах западных памятников, оттиски перевитого шнура.

Поверхность сосудов украшалась густо лишь по внешней стороне; следы орнамента на внутренней поверхности не встречены. На раннем этапе орнамент не отличается особой сложностью. Преобладают горизонтальные ряды скошенных коротких (табл. 20, *5*, *9*), нередко более длинных линий; иногда ряды горизонтального зигзага (табл. 20, *2*, *10*), редко вертикальные линии и более сложные узоры, например, в виде крупной «плетенки» (табл. 20, *6*, *8*). Узоры горизонтально-зональные, но изредка и вертикальные.

В узорах сосудов третьего этапа сохраняется прежняя строгая горизонтальность орнаментальных зон и их относительная простота (табл. 20, *12—18*, *35*). Но наряду с этим отмечается определенное усложнение композиции — отчетливо выступают узоры из полей заштрихованных прямоугольников и треугольников, образующих крупную «плетенку»; из вертикальных косо заштрихованных зон, разделенных прямыми линиями; из горизонтальных полос, составленных рядами коротких отрезков, и т. п. Характерно применение «шагающей гребенки» (табл. 20, *18*).

В украшении керамики позднего периода (табл. 20, *19—34*) наблюдается упрощение узоров, хотя их композиция в основном не изменяется. Орнаментальные поля из заштрихованных прямоугольников и треугольников становятся более разреженными и нередко образуются из чередования заштрихованных и пустых прямоугольников или из сочетаний заштрихованных фигур с подобными же, но заполненных овальными и короткими углублениями. Сохраняются узоры в виде зигзагообразных или прямых вертикальных полос. Однако преобладают узоры из горизонтальных зон с разделительными рядами или без них. Появляется орнамент из рядов горизонтальных линий и перекрещивающихся полос. В конце неолита в орнаменте полностью господствуют горизонтальные зоны, нередко разделенные рядами ямочных углублений.

Рассматривая керамику в целом, следует сказать, что в раннем периоде известная близость ее наблюдается с керамикой днепро-донецкой культуры (Телегин, 1961а), особенно ярко проявляющаяся в распространении на сосудах обеих культур узоров, выполненных техникой накола и прочерченными короткими линиями.

Во втором периоде волго-камская керамика мало чем отличается от неолитической керамики Урала и Западной Сибири. На позднеолитических стоянках Горной Башкирии (Матюшин, 1964б; 1965), Южного Зауралья (Сальников, 1962), Приобья (Чернецов, 1953), не говоря уже о памятниках Прикамья (Бадер, 1951б; Денисов, 1960, 1961) и бассейна р. Белой (Крижевская, 1962), бытуют сосуды, по форме, примесям в тесте и орнаментации близкие к сосудам позднего периода волго-камской культуры Среднего Поволжья. Близость эта настолько велика, что есть основание объединять все указанные памятники вместе с памятниками Среднего Поволжья в одну большую этнокультурную общность.

Почти для всех этапов волго-камской неолитической культуры известны остатки жилых сооружений. Самое раннее жилище было исследовано В. Ф. Черняковым в 1963 г. при раскопках I Черно-Мазинской стоянки на левом берегу Волги. Жилище в виде неглубокой полуземлянки подквадратной формы (5 × 5 м) содержало на полу остатки нескольких очажных пятен, а вдоль краев — следы столбовых ямок. По конструкции оно близко к позднемезолитическому жилищу, изученному на Кабы-Копрынской стоянке (Халиков, 1964). Ранняя датировка I Черно-Мазинской стоянки (по крайней мере временем докерамического неолита) позволяет предполагать генетическую преемственность в конструкции указанных жилищ. Для стоянок второго этапа волго-камского неолита жилые сооружения пока неизвестны. Но жилище, изученное в нижнем слое III Обсерваторской стоянки (Халиков, 1958), относящееся к самому началу третьего, если не к концу второго этапа неолита по квадратной форме и размерам (4.5 × 5.5 м), а также характерному расположению очагов (табл. 69, *IX*), мало чем отличается от жилища ранненеолитической I Черно-Мазинской стоянки. Поэтому есть основание полагать, что для стоянок второго этапа также были характерны небольшие полуземлянки квадратной формы.

Особенно выразительны остатки жилища, раскопанного на II Лебединской стоянке (табл. 69, *VII*). Жилищное пятно имело прямоугольную форму (7.4×9.4 м). Углубленная часть жилища сохранила ямки от столбов, окаймлявших его, горизонтальные полосы от сгоревших бревен, слагавших стены и два выхода, а в северо-западном углу располагался небольшой выступ с ямой посередине. Судя по ямам от столбов, крестообразных в плане, по-видимому, перекрытие было четырехскатным.

Итак, следует полагать, что для памятников раннего периода волго-камского неолита на Средней Волге были характерны изолированные полуземляные дома подпрямоугольной формы. По форме и конструкции они преемственно связаны с позднемезолитическими жилищами и близки к известным неолитическим жилищам Урала и Западной Сибири. В качестве примера можно сослаться на прямоугольные жилища Полуденковской стоянки (Бадер, 1948, стр. 37), поселения Чэс-тый-яг на Оби (Чернецов, 1953, стр. 12—13), стоянок Сабакты III и Кара-Балыкты V в Челябинском Зауралье (Матюшин, 1964б) и поселения Чащиха на берегу Горбуновского озера.

Для позднего периода волго-камской культуры на Средней Волге мы, к сожалению, не знаем полностью изученных жилых сооружений. Лишь на поверхности некоторых размытых Куйбышевским водохранилищем стоянок, например VI Березогривской, I Мурзихинской, прослежены остатки пятен от жилищ, имевших вытянутую прямоугольную форму. Основываясь на этих наблюдениях, а также

на результатах изучения В. П. Денисовым (1960) остатков большого полуземляночного жилища прямоугольной формы (16×4.5 м) (табл. 69, *XI*) на Хуторской стоянке в Верхнем Прикамье, следует полагать, что для поздненеолитического периода становятся характерными жилища-полуземлянки удлиненной формы, с очагами, вытянутыми вдоль длинной оси.

Немногочисленные одиночные погребения известны лишь для позднего периода волго-камской культуры. Первое погребение было обнаружено в 1880 г. Н. Ф. Высоцким на месте поздненеолитической стоянки у с. Ново-Мордово Куйбышевского района Тат. АССР. По описанию (Штукенберг и Высоцкий, 1885, стр. 72), костяк, покрытый следами охры, «лежал, обращенный головой к северу, а ногами на юг. Около правой ручной кости скелета находился верхний щиток черепахи (*testudo caspica*), развалившийся на мелкие кусочки. На внутренней поверхности щитка, по местам, замечались следы красной краски». Погребенная была женщиной, череп которой имел некоторые лапоноидные или монголоидные признаки (Дебец, 1948, стр. 83, 86). Осенью 1963 г. на месте находки погребения были изучены остатки неолитического поселения с керамикой позднего периода. Два погребения поздненеолитического возраста раскопаны А. В. Збруевой (Збруева, 1960, стр. 53) на Гулькинской стоянке в устье р. Утки (левый берег Волги ниже устья р. Камы). Погребенные лежали на спине, головой на восток. На костяках прослежены следы красной краски, а в изголовье одного обнаружена небольшая ямка, заполненная охрой. Здесь же под черепом найдены мелкие бусы в виде плоских кружков из сероватого мягкого камня и две каплевидные подвески, сходные с изображенными на табл. 19. По определению М. М. Герасимова, костяки принадлежали мужчине европеоидного облика и женщине, череп которой имел некоторые монголоидные черты.

На этой же стоянке в 1965 г. расчищена еще одна могильная яма (170×60 см), почти сплошь заполненная красной охрой (табл. 70, *12*). В восточном конце ямы зафиксирован тлен от черепа, вокруг нижней части которого располагалось 14 крупных плоских каплевидных подвесок из зеленоватого хлоритового сланца (табл. 19, *61*). Кроме того, в яме найдены крупное скребло и обломок проколки-сверла.

Итак, для позднего периода волго-камской неолитической культуры в Среднем Поволжье следует признать характерным наличие групповых могильников с одиночными захоронениями, вытянутое положение умерших с обязательной посыпкой красной краской — охрой и сопровождение их украшениями и редко орудиями. Не исключено, что такие же погребения были и на некоторых ранненеолитических стоянках (VII, X, XI Бозяковские, I Балахчинская, Пензенская), где обнаружены сланцевые подвески каплевидной формы.

Средневолжские погребения имеют сходные черты в обряде и близкие типы украшений с немногочисленными пока поздненеолитическими погребениями, открытыми в Приуралье и Западной Сибири: Барановская пещера и скальный навес Старичный Гребень на р. Юрюзани (Бибиков, 1950), погребение на территории срубного поселения Ахметово I у г. Уфы (Сальников, 1962, стр. 37), захоронения на стоянках II Козлова-Переима и у Аятского озера. Всем им свойственно одиночное положение погребенных в вытянутом состоянии, посыпка костяков красной краской и почти обязательное сопровождение умерших украшениями из каплевидных подвесок и бус, изготовленных из мягкого камня — лиственита или хлоритового сланца.

Несколько особняком от них стоит знаменитое Криволучское погребение, обнаруженное в 1929 г. на р. Чагре, в 40 км южнее г. Куйбышева (Гольмстен, 1931, стр. 7—12). По словам очевидца, погребенный, густо посыпанный красной охрой, лежал на боку головой на юг в сопровождении богатого инвентаря — шести кремневых наконечников копий и дротиков (табл. 19, *48*), двух ножей из длинных кремневых пластин, крупного скребка, топора с боковыми цапфами без орнамента и меньших размеров, чем на табл. 19, *60*, двух шиферных (табл. 19, *70*) и одного рогового браслета, набора украшений из раковин (подвески, бусы, пронизки) и подвесок из просверленных зубов оленя. В. В. Гольмстен отнесла Криволучское погребение к мариупольско-нальчикскому типу и высказала предположение о северокавказском происхождении погребенного и сопровождающего его инвентаря. К этому мнению присоединился Н. Я. Мерперт (1958, стр. 61). Однако более правы, по-видимому, другие исследователи (Бибиков, 1950, стр. 130, 131; Сальников, 1962, стр. 45), считающие, что Криволучское погребение оставлено местным поздненеолитическим населением.

Предметы искусства и культа в материалах волго-камских неолитических памятников представлены крайне скудно и в основном уже описывались выше. Также ограничены и антропологические данные. Г. Ф. Дебец (1948, стр. 83), изучавший череп Новомордовского погребения, и М. М. Герасимов, определивший черепа из двух погребений на Гулькинской стоянке (Збруева, 1960), отмечают европеоидность их при некоторых монголоидных чертах.

К волго-камской неолитической культуре, кроме описанной средневолжской группы, составлявшей основное ядро, следует причислить прикамскую группу неолитических памятников, представленных такими хорошо известными стоянками, как Боровое озеро I (Бадер, 1951б), Хуторская (Денисов, 1960) и Кряжская (Денисов, 1961), и бельскую группу, включая сюда памятники типа Усть-Юрюзанской (Крижевская, 1960), Усть-Айской, Айдосской (Крижевская, 1962) стоянок. Все эти группы имеют однотипный кремневый и керамический материал, а также проявляют значительное сходство и в других чертах культуры.

К волго-камской культуре близки также неолитические памятники лесной полосы Зауралья и Западной Сибири. Из ранних к ним относятся стоянка на шестом разрезе Горбуновского торфяника (Раушенбах, 1956), 2 стоянки у Козловой-Переймы (Чернецов, 1953), I Полуденковская у г. Нижний Тагил (Бадер, 1948) и др. Всем этим памятникам свойственна остродонная керамика, преимущественно украшенная прочерченно-волнистыми линиями

и наколами (отступающей лопаточкой). В орнаментации зауральской керамики прослеживается известное кельтеминарское воздействие (Чернецов, 1953, 1964), что наряду с микролитоидным обликом кремня придает значительную специфику зауральской неолитической культуре. Однако у нас нет оснований для резкого отрыва волго-камской неолитической культуры от зауральской. По-видимому, памятники обеих этих культурных групп в ранний период неолита входили в одну большую этнокультурную общность, именуемую некоторыми исследователями (П. Третьяков, 1964) камско-уральской. Еще более эта общность усиливается в позднем периоде, когда на неолитических стоянках от Волги и до Оби, если не до Томи, распространяется керамика, представленная сосудами яйцевидной формы с округлым, реже коническим дном и почти обязательным скошенным утолщением — «наплывом» изнутри края венчика. В большинстве случаев эта посуда изготовлялась с примесью шамота и песка, и лишь на некоторых северных зауральских стоянках сохраняется присущая более ранним периодам примесь талька. Для орнаментации этой керамики свойственна разреженность узоров и обязательная их горизонтальная зональность. Элементами узора служат преимущественно отпечатки зубчатого штампа, нанесенные нередко техникой шагающей или качающейся гребенки (Чернецов, 1953; Сальников, 1962; Матюшин, 1965а). Такое же сходство наблюдается и в кремневом материале. В позднеолитических комплексах кремневого инвентаря Зауралья происходит микролитизация орудий, что некоторые исследователи справедливо увязывают с распространением зубчато-гребенчатой керамики (Крижевская, 1964, стр. 81). Часто употребляются граненые, хорошо отшлифованные долота и тесла волго-камского типа, ножи и другие орудия из плитчатого кремня. Но особенно характерны изделия из зеленоватого окремнелого сланца. К этому следует добавить отмеченную выше близость конструкции жилых сооружений, погребального обряда и украшений.

Известную близость к материальной культуре волго-камских неолитических племен проявляют, как указывалось, такие культуры Восточной Европы, как днепро-донецкая (Телегин, 1961а), южной Карелии и Финляндии с керамикой типа сперрингс (Гурина, 1964а; Панкрушев, 1964). Однако вопрос о сходстве этих культур и о причинах, обусловивших его, требует специального исследования и выходит за пределы настоящей работы.

Культурная общность волго-камских и зауральских неолитических племен в этническом отношении, по мнению ряда исследователей (Бадер, 1963; П. Третьяков, 1964; Чернецов, 1964а), являлась основой финно-угорской языковой общности. Кроме археологических данных, это подтверждается и наблюдениями языковедов. Е. Н. Сетяля (1932), В. Х. Тойвинен (1952), Э. Итконен (1960) считают, что ко времени существования финно-угорской языковой общности относится образование ряда понятий, которые могли возникнуть лишь в эпоху неолита: поселок, деревня — küla (фин.), навес, сарай — tala (фин.), плотина, насыпь — pato (фин.), горшок — pata (фин.), сверло — ora (фин.), мед — meri (фин.), обменивать, торговать — ostaa (фин.), шаман — hoita (фин.).

Наблюдения языковедов также интересны для выяснения основной территории обитания финно-угорских племен. В этом отношении особенно показательны работы Э. Итконена. Так, Э. Итконен (1960) на основании отсутствия во всех финно-угорских, а также самодийских языках понятия «море», обозначавшегося обычно как «большая вода» или «озеро», приходит к выводу о первоначальном обитании финно-угорских племен в районах, удаленных от моря. П. Хайду в одной из своих последних работ считает общими для финно-угров названия таких деревьев, как вяз (венг., мари, мордва, фин.), береза (удм., коми, вог., ост.), сосна (удм., коми, венг., мари), ива (фин., удм., коми, ост.), лиственница (коми, вог., ост.) (Haidu, 1964), и полагает, что область исконного обитания финно-угорских племен должна была располагаться в лесной полосе.

Таким образом, мы имеем все основания полагать, что финно-угорская общность в эпоху развитого неолита, т. е. в III тыс. до н. э., локализовалась в Волго-Камье, Приуралье и в Зауралье, но недалеко от Уральского хребта.

Этой общности в IV тыс. до н. э. (скорее всего в первой половине) предшествовала еще бо́льшая общность, территориально занимавшая почти все Волго-Камье, Приуралье и Западную Сибирь. Для ранненеолитической культуры этой общности была характерна керамика с накольчато-прочерченной орнаментацией и специфичным рядом тонких ямочных, иногда сквозных углублений по краю сосуда, а также подквадратной формы полуземлянки. Крайним западным памятником этой общности, если не считать группу с керамикой типа сперрингс в Финляндии и Карелии, является Гавриловская стоянка в устье р. Оки, а на востоке близкого типа керамика найдена на Бирюсинской стоянке в бассейне р. Енисея (Гурина, 1964б).

В культурном отношении с ней несомненно была связана и волго-камско-уральская поздненеолитическая общность. И если носители последней были финно-уграми, то их предки также должны принадлежать к этому этническому кругу, но более широкому, чем просто финно-угорский. Вероятно, это была уральская языковая общность, куда, кроме племен, говоривших на финно-угорском языке-основе, входили и самодийские племена.

Эта общность, очевидно, существовала до второй половины IV тыс. до н. э., когда, по мнению некоторых исследователей (Чернецов, 1953, 1964а), в Зауралье с юга проникли племена, тесно связанные по культуре с кельтеминарскими племенами Приаралья. Последние, принесшие своеобразную керамику, орнаментированную прочерченно-волнистыми узорами, очевидно, разорвали уральскую ранненеолитическую общность на две части — западную и восточную.

И если в западных племенах, оставшихся преимущественно к западу от Урала и частично смешавшихся в Зауралье с пришлыми племенами, есть основание усматривать финно-угров, то в восточной группе, племена которой достигали берегов Енисея, следует искать предков самодийских племен. Это

предположение было высказано в свое время еще А. П. Окладниковым (1957), считающим, что самодийские племена в районы Сибири проникли из Приуралья в эпоху неолита.

По наблюдениям языковедов, племена уральского языкового единства существовали в период, когда им были известны такие понятия, как «нарты», «лук», «тетива», «наконечник стрелы», «долото», «лыжа», «игла», «проколка», а также действия — «грести», «плести» и т. п. В это время была развита обширная терминология родства — «мать», «невестка», «брат», «дядя», «зять», «золовка» (Itkonen, 1960). Ряд этих понятий — «долото», «нарты», «лыжа» — мог возникнуть лишь в эпоху неолита (Чернецов, 1964а), поэтому выведенное на археологических материалах предположение о наличии уральского языкового единства вплоть до первой половины неолита получает дополнительное лингвистическое подтверждение. Примерно до этого же периода доводят распространение уральской общности и языковеды (Setälä, 1932; Itkonen, 1960; Toivinen, 1952).

ПАМЯТНИКИ БАЛАХНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

(табл. 21, *1—31*; табл. 22, *1—16*)

В IV—III тыс. до н. э. в центральных и северо-западных районах Восточной Европы жили неолитические племена, для материальной культуры которых особенно характерна своеобразная остродонная и круглодонная керамика, украшенная орнаментом из ямочно-гребенчатых оттисков (Гурина, 1964а). Исходный центр неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой, по мнению ряда исследователей (Гурина, 1961а; Брюсов, 1952; Фосс, 1952; и др.), лежал в центральных районах Восточной Европы, возможно в Волго-Окском бассейне. Отсюда где-то на рубеже IV—III тыс. до н. э. носители культур с ямочно-гребенчатой керамикой распространились на запад — в Прибалтику (Янитс, 1959), Карелию (Гурина, 1961а; Панкрушев, 1964), южную Финляндию, проникли на север — в бассейны Печоры, Вычегды и Северной Двины (Буров, 1965а); предприняли попытки экспансии в Поднепровье (Телегин, 1961а); продвинулись по Волге на восток вплоть до р. Казанки (Халиков, 1956, 1958, 1960).

В Среднем Поволжье и прилегающих участках бассейна Оки памятники с ямочно-гребенчатой керамикой объединяются в так называемую балахнинскую культуру (Спицын и Каменский, 1905; Брюсов, 1952; Халиков, 1960; Цветкова, 1963).

В последние годы в Среднем Поволжье изучено значительное число неолитических стоянок балахнинского типа (рис. 3), среди которых следует выделить V Удельно-Шумецкую стоянку на Волге близ устья р. Ветлуги, где раскопана площадь в 224 м² и исследовано большое жилище; Майданскую стоянку в этом же районе; I Русско-Луговскую стоянку у устья р. Илети с раскопанной площадью в 380 м² (Халиков, 1960); средний горизонт стоянки Обсерватория III, где раскрыто более 400 м² (Халиков, 1958). Изучение материалов этих памятников, а также стоянок, имеющих выраженную стратиграфию, например Путьковской на Волге (Халиков, 1960, стр. 35), позволяет выделить в развитии балахнинской культуры три этапа: ранний (вторая половина IV тыс. до н. э.), средний (первая половина III тыс. до н. э.) и поздний (вторая половина III тыс. до н. э.).

Территориальное размещение балахнинских памятников в Среднем Поволжье представляется следующим: на раннем этапе, соответствующем третьему этапу волго-камской культуры, территория распространения балахнинских памятников ограничивается в основном бассейном Оки (Мало-Окуловская, Саконовская, Ивачевская стоянки). На среднем этапе, синхронном с четвертым этапом волго-камской культуры, наблюдается заметное расширение балахнинской территории. Балахнинские памятники появляются и по берегам Волги ниже устья р. Оки. Крайней восточной стоянкой этого периода является I Русско-Луговское поселение (Халиков, 1960), обнаруженное близ устья р. Илети. Много памятников этого этапа известно и в Западном Поволжье, в бассейне р. Мокши и левобережье Суры. Такое далекое (примерно на 400—500 км) распространение на восток балахнинских памятников сопровождалось сокращением территории памятников волго-камской неолитической культуры. Позднебалахнинские памятники известны примерно в тех же районах, что и памятники среднего этапа. Однако в этот период наблюдается рассредоточенность стоянок. В бассейне рр. Суры и Мокши позднебалахнинские памятники уже исчезают.

Учитывая, что в Среднем Поволжье открыты лишь памятники среднего и позднего этапов балахнинской культуры, в дальнейшем изложении разбор основных черт культуры будет проводиться лишь по материалам указанных этапов.

Кремневые орудия на балахнинских стоянках Среднего Поволжья относительно немногочисленны, немного и отходов от их производства (табл. 21, *1—31*). Вероятно, это явление связано с тем, что изготовление каменных орудий производилось не на поселениях, а в специальных «мастерских», находящихся у выходов кремневого сырья.

Для изготовления орудий употреблялся в основном кремень местного происхождения. Так, наиболее восточные группы населения широко использовали местный окремнелый известняк (79% всего кремня I Русско-Луговской стоянки), содержащийся в открытых выходах по правобережью Казанского Поволжья. Население стоянок, расположенных близ устья р. Ветлуги и р. Суры (V Удельно-Шумецкая, Майданская и др.), употребляло в основном коричневый кремень, залегающий в долинах правых притоков р. Волги — рр. Юнги, Сумки. Для I Сокольской стоянки на Волге выше устья Оки характерен валунный кремень (Крижевская, 1963, стр. 41), так же как и для стоянок Нижней Оки (Цветкова, 1963, стр. 65). Но, несмотря на это, для всех памятников развитого этапа балахнинской культуры свойственны одни и те же приемы обработки изделий, одни и те же типы орудий.

Орудия выделывались из отщепов и кусков кремня; ножевидных пластин и орудий из них немного: 9—12% на средневолжских стоянках и примерно такое же соотношение к отщепам на дру-

гих памятниках (Цветкова, 1963, стр. 65; Крижевская, 1963, стр. 47). Балахнинские племена в отличие от волго-камских почти не употребляли плитчатый кремень. Крупные орудия (долота, тесла, топоры) изготовлялись из мягкого окремнелого известняка и нередко из сланца.

По сравнению с волго-камскими памятниками на балахнинских стоянках наблюдается большее количество наконечников стрел и дротиков, преимущественно прекрасной двусторонней обработки, довольно выдержанной листовидной формы (табл. 21, *1—5, 20, 21*). Наибольшая ширина у наконечников ближе к черешку, так что орудия имеют своеобразное подтреугольное основание. Есть также листовидные с намеченным боковым шипом и листовидные или вытянуто-ромбические с намеченным черешком. Наконечники копий и дротиков удивительно стандартны — листовидные с подтреугольным основанием (табл. 21, *6*, *22*). Наконечники стрел на позднем этапе в большинстве случаев имеют выраженные черешки, но сохраняют листовидно-подтреугольное очертание пера.

Скребки, хотя и многочисленны, но по форме однообразны (табл. 21, *7—11, 23—25*). Преобладают концевые с прямым или округлым лезвиями и обработанными краями. Есть угловые, обычно с округлым лезвием и боковые с односторонним, редко с двусторонним, прямым лезвием. На нижнеокских памятниках сохраняются небольшие скребки с круговым лезвием (Цветкова, 1963, рис. *7, 12*), но там нет своеобразных скребковидных ножей-ложкарей с округлым или приостренным лезвием, присутствующих в средневолжских стоянках, куда, очевидно, они проникли через волго-камское население, для которого подобные орудия особенно характерны.

Ножи балахнинских стоянок почти не имеют выраженных форм (табл. 21, *12—14*, *26*, *27*). Обычно это отщепы, реже пластины с прямым или слегка округлым лезвием (Халиков, 1960, табл. X, *8*, XII, *5, 6, 18*; Цветкова, 1963, рис. 7, *15—19*), однако на средневолжских памятниках все же встречаются ножи более правильных форм — плитчатые с округлым лезвием, подвергнутым двусторонней обработке, ножи с округлым лезвием и упором со стороны спинки, двулезвийные ножи на кварцитовых плитках и ножи на крупных пластинах.

Из крупных рубящих орудий наиболее часты асимметричные, нередко шлифованные долота и тесла, треугольные или трапециевидные в сечении (табл. 21, *15—17*, *28*, *29*; Халиков, 1960, табл. IX, *1;* Цветкова, 1963, рис. 8, *6*), а также небольшие тесла и долотца с правильной огранкой (Халиков, 1960, табл. XII, *13, 14;* Цветкова, 1963, рис. 8, *1, 2*). Появляются и широко распространяются, особенно в материале памятников позднего этапа, симметричные топорики правильной клиновидной формы (Халиков, 1960, табл. X, *11*; Цветкова, 1963 рис. 8, *3*).

Из прочих каменных орудий и поделок найдено 12 грузил от сетей на I Русско-Луговской стоянке (Халиков, 1960, стр. 29), обломки шлифовальных плит на V Удельно-Шумецкой стоянке и штампы из сланца или кремневых плиток.

Костяные орудия на балахнинских памятниках почти неизвестны, за исключением гарпунов из Пензенской и Земетчинской стоянок.

Керамические комплексы развитого и позднего этапов балахнинской культуры в Среднем Поволжье (табл. 22, *1—16*) представлены значительными материалами (табл. II), причем из многочисленных фрагментов удалось восстановить несколько сосудов. В памятниках среднего этапа преобладают сосуды вытянутых пропорций с приостренным или округлым дном, слабо выраженной, обычно прямой горловиной и плоским срезом края венчика. Почти не встречаются приостренные или скошенные внутрь и наружу края, но имеются сосуды с «валиком» и широким плоским «воротничком» по внешнему краю венчика. На позднем этапе возрастает количество сосудов с округлыми днищами, плоские края венчиков заменяются округлыми, исчезают венчики с «валиком» и «воротничком».

Вся посуда изготовлена из глины с примесью песка и мелко толченой дресвы и имеет хорошо выглаженную снаружи поверхность, обычно покрытую сплошным горизонтально-зональным узором. На позднем этапе преобладают сосуды с разреженным орнаментом. Характерна выдержанная горизонтальная зональность и обязательное сочетание ямочных, глубоких на среднем, и плоских на позднем этапе вдавлений с узорами, нанесенными другими штампами, преимущественно гребенчатым. Причем в украшении сосудов среднего этапа последние являются ведущими, тогда как ряды ямок употребляются в основном для разделения орнаментальных зон. Изредка встречаются в пережиточном виде сосуды, украшенные только ямками. В основном же ямки в один, редко в два ряда располагаются между полосами гребенки, а иногда наносятся поверх узора. На верхневолжских и окских стоянках среднего этапа (Сокольское I, Садовый Бор) чаще наблюдаются сосуды, в рисунке которых обычны ямочные ряды в 3—5 линий. Иногда ямочные вдавления образуют узоры в виде треугольников и ромбов (Крижевская, 1963, рис. 3, *4, 7;* Цветкова, 1963, рис. *5, 6*). На керамике большинства памятников среднего этапа многочисленные ряды ямок сохраняются лишь на днищах (Халиков, 1960, табл. VIII, *18*). Встречаются также сложные элементы — ямки, соединенные косыми линиями или зигзагами (Халиков, 1960, рис. 13, табл. VIII, *2, 3;* XXV, *1;* Цветкова, 1963, рис. 2, *3*), а также ямки, заключенные внутри косой решетки.

Не менее широко были распространены узоры, образованные оттисками гребенчатого, преимущественно среднезубчатого, изредка мелкозубчатого и крупнозубчатого длинного штампов. Отмечены также единичные отпечатки, похожие на «шагающую гребенку», в чем необходимо усматривать определенное воздействие волго-камской культуры. Резные и прочерченные линии единичны. В керамике позднего этапа встречаются узоры, выполненные оттисками перевитого шнура.

В керамике балахнинской культуры, в особенности в орнаментации, наблюдаются локальные различия. Так, если для памятников, расположенных по Волге ниже устья р. Оки, более характерны сосуды преимущественно с гребенчатыми оттисками,

Таблица II

Характеристика развития основных черт керамики балахнинской культуры

Этап	Памятники	Всего керамики (экз.)	Всего сосудов (экз.)	Форма горла			Край венчика					Степень орнаментированности			Техника орнамента										
															ямочная			гребенчатая				резная				
				отогнутое	прямое	вогнутое	плоский	округлый	отвернутый	с «валиком»	с «воротничком»	сплошная	разреженная	без орнамента	круглая глубокая	круглая плоская	овальная	мелкозубчатая	среднезубчатая	крупнозубч. длинная	крупнозубч. короткая	резной	ногтевидный	прочерченный	простой шнур	витой шнур
3	II Гавриловская (верхний слой)	?	50	10	22	18	35	12	2	1	—	34	14	2	7	31	5	—	6	2	4	1	14	—	—	14
2	Майданская	380	14	13	1	—	12	—	—	1	1	13	1	—	14	—	—	2	10	2	—	—	1	1	—	—
	I Русско-Луговская	1750	20	17	2	1	12	—	5	1	1	20	—	—	19	—	—	5	8	4	2	1	—	—	—	—
	II Гавриловская (нижний слой)	?	100	53	19	28	49	17	31	9	—	100	—	—	100	—	—	6	75	3	7	—	—	3	—	1
	V Уд. Шумецкая	1481	35	25	6	4	25	2	—	6	2	31	4	—	31	1	3	6	20	6	—	1	—	3	—	—
1	Мало-Окуловская	?	70	+	++	7	+	?	?	+	?	+	—	—	70	5	—	?	++	—	—	—	++	—	—	++

Таблица II (*продолжение*)

Этап	Памятники	Характер орнамента			Мотивы орнамента, выполненного оттисками гребен. штампа												Употребление ямок							Коллекции музеев
		гребенчато-ямочный	гребенчатый	ямочный	гориз. ряды скошен. линий без разграничений	то же с ограничением из ряда верт. линий	то же с ограничением из своб. промежутков	то же с ограничением из гориз. линий	ряды горизонт. линий	то же с ограничением из гор. зигзага	то же с ограничением из ряда скош. линий	полосы вертикального зигзага	полосы горизонт. елочки	полосы «косой сетки»	полосы заштрихов. прямоугольников	для разделения зон	поверх узора	в один ряд	в два ряда	в три ряда	в четыре ряда	в пять и более рядов	соединенные зигзагом	
3	II Гавриловская (верхний слой)	36	2	10	13	—	6	1	2	—	—	1	—	—	1	7	—	8	3	4	2	4	7	ГИМ и ГОМ
2	Майданская	13	—	1	5	6	—	2	1	—	1	5	—	2	—	10	4	10	2	1	—	—	—	Мар. КМ
	I Русско-Луговская	19	1	—	11	1	—	1	1	—	—	1	1	3	1	14	3	10	4	—	—	5	4	Мар. КМ
	II Гавриловская (нижний слой)	94	—	6	56	4	6	5	4	1	1	11	1	6	—	63	27	41	34	14	3	7	3	ГИМ и ГОМ
	V Уд. Шумецкая	32	2	1	8	7	—	—	1	4	2	8	1	1	—	10	4	10	2	1	—	—	—	Мар. КМ
1	Мало-Окуловская	24	—	12	+	—	—	—	+	—	—	—	—	+	—	+	—	—	+	+++	++	++	—	ГИМ

Примечание. +имеется; ++ много; — отсутствует.

а также с узорами «шагающей гребенки» и редко заштрихованными прямоугольниками (I Русско-Луговская стоянка), напоминающие «плетенку» волго-камской керамики, то на сосудах памятников нижней Оки более часты украшения из ногтевидных вдавлений, а I Сокольской стоянки — оттиски раковин и перевитого шнура.

Локальные особенности керамики стоянок, расположенных по Волге, ниже устья р. Оки, выражающиеся в преобладании гребенчатого штампа, не случайны. Они, очевидно, возникли под воздействием культуры волго-камского населения, что подтверждается и наличием на некоторых стоянках (I Русско-Луговская, V Удельно-Шумецкая) небольших сосудиков волго-камского типа (Халиков, 1960, табл. VIII, *4*). Вместе с тем на некоторых наиболее западных стоянках волго-камской культуры (II и III Старо-Мазиковские) присутствуют типично балахнинские сосуды (Халиков, 1960, табл. XVII, *1*, XXV, *2*).

Жилища балахнинской культуры Среднего Поволжья известны для среднего и позднего этапов. На стоянках среднего этапа — V Удельно-Шумецкой и «Потопай» — зафиксированы следы от жилищных впадин (по паре на каждой стоянке) (Халиков, 1960). Одна из впадин на V Удельно-Шумецкой стоянке, раскопанная автором в 1961 г., оказалась остатками большого жилища прямоугольной формы

(табл. 69, *X*), вытянутого в сторону реки, размером 14.4×8.8 м, глубиной 40 см от древнего уровня, достаточно четкой прямоугольной формы, с широким выходом по середине одной из коротких сторон. Многие детали жилища сходны с деталями жилища Саконовской стоянки (Алихова, 1959) — столбовые ямки по краям, невысокие уступы-«нары» вдоль стен, боковая ниша-кладовка у одного из углов, неглубокие очажные ямы и т. п. На позднем этапе сохраняется та же форма жилищ, но отмечается уменьшение размеров. Так, жилища среднего горизонта III Обсерваторской стоянки имели прямоугольную форму и ряд прежних конструктивных особенностей (двухскатная или односкатная крыша, деревянное крепление стен, боковые ниши-погребки) (табл. 69, *VIII*), но их размеры были вдвое меньше (7×3 и 7×4.5 м) размеров жилища V Удельно-Шумецкой стоянки. Уменьшение размеров жилищ сопровождалось увеличением их числа на поселениях (до четырех на отдельных стоянках).

К сожалению, на балахнинских памятниках не обнаружены ни погребения, ни предметы искусства и культа, поэтому нельзя ответить на вопросы, связанные с погребальным обрядом, антропологией, искусством и культом балахнинских племен Среднего Поволжья.

Нет также никаких данных даже для предположительных суждений об этносе балахнинского населения. Есть лишь основание предполагать, что балахнинские племена на рубеже III—II тыс. до н. э. или в самом начале II тыс. до н. э. были ассимилированы потомками волго-камских неолитических племен — ранними волосовцами (Халиков, 1960).

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Для выяснения датировки отдельных памятников Среднего Поволжья могут быть привлечены данные естественных наук. Однако относительная и особенно абсолютная хронология неолита в настоящее время может быть в основном проведена на археологических материалах. Выше уже отмечалось, что на основе данных стратиграфии и типологии вещественного материала для неолитических культур Среднего Поволжья создана рабочая схема периодизации, включающая 5 этапов для волго-камской и 3 этапа для балахнинской культур.

Материальная культура начального этапа волго-камского неолита во многом (в особенности благодаря наличию крупных асимметричных орудий) близка к материалу докерамических неолитических памятников древнейшей стадии культуры Эртебёлле Скандинавии (Mathiassen et al., 1942; Altin, 1954), к ранним памятникам днепро-донецкой культуры (Телегин, 1960) и др. Большинство указанных памятников датируется в основном второй половиной V и началом IV тыс. до н. э. Так, в частности, древнейшие (докерамические) слои культуры Эртебёлле по C^{14} датированы 4500—3400 гг. до н. э. (Schwabedissen, Münnich, 1958, стр. 143). Этот хронологический период как наиболее вероятный следует принять и для начальной фазы неолита Волго-Камья. Подтверждение такой ранней даты дает и пыльцевой анализ отложений верхнего слоя II Русско-Луговской стоянки, свидетельствующей о существовании ее в эпоху максимума увлажненности атлантического периода (Халиков, 1960, стр. 23), который, по мнению специалистов, падает на грань V—IV тыс. до н. э. (Шнитников, 1957, стр. 260). На относительно ранний возраст памятников начальной поры неолита указывает и отсутствие керамики, что, как известно, характерно для древнейших неолитических стоянок лесной полосы Восточной Европы и Приуралья, датируемых V—IV тыс. до н. э. (Брюсов, 1952, стр. 29; Раушенбах, 1959, стр. 130, 131). Таким образом, общим хронологическим диапазоном существования самых ранних неолитических памятников Среднего Поволжья следует считать вторую половину V—начало IV тыс. до н. э.

Нижний рубеж этой даты смыкается с концом позднего мезолита. Сопоставление комплексов позднего мезолита (Халиков, 1966а) и раннего волго-камского неолита показывает, что культура последнего полностью вырастает на базе культуры позднемезолитического времени. Отсутствие керамики даже на первый взгляд стирает грань между этими эпохами. Но появление ряда типичных неолитических орудий, перечисленных выше, свидетельствует о наступлении новой эпохи в жизни населения Среднего Поволжья, этнический состав которого, очевидно, не претерпел существенных изменений.

Дата второго этапа волго-камского неолита является в значительной мере условной. Близость раннекерамических стоянок волго-камской культуры к памятникам раннего периода (1б и 2а) днепро-донецкой культуры (Телегин, 1961а, 1964) позволяет предполагать хронологическую их близость. И если ранний период днепро-донецкой культуры датируется не позже середины IV тыс. до н. э., то также может определяться и время памятников второго этапа волго-камской неолитической культуры.

Третий этап волго-камской культуры совпадает с ранним этапом балахнинской культуры. Материалы средневолжских стоянок (II Лебединская, IV Матюшинская, средний горизонт III Обсерваторской и т. п.) волго-камской культуры гораздо более архаичны, чем комплекс камской стоянки Боровое озеро I. Время последней О. Н. Бадером (1963) определяется в основном первой половиной III тыс. до н. э. Поэтому хронологический период существования памятников, предшествовавших стоянке Боровое озеро I и относящихся к третьему этапу развития волго-камской культуры, мы можем отнести ко второй половине IV тыс. до н. э. и к рубежу IV—III тыс. до н. э. Как уже отмечалось выше, культура памятников третьего этапа волго-камского неолита близка к культуре ранних зауральских неолитических стоянок типа стоянки на Стрелке Горбуновского торфяника. Анализ по радиокарбонному методу древесины из этой стоянки показал, что горизонт, перекрывающий культурный слой Стрелки Горбуновского торфяника, может быть датирован рубежом IV—III или самым началом III тыс. до н. э. (4800±200; Chard, 1962, стр. 85).

Материальная культура балахнинских стоянок первого этапа близка к культуре таких стоянок

с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, как Караваевская (нижняя), нижний горизонт Долговской стоянки и т. п. Время этих памятников в основном определено второй половиной IV или рубежом IV—III тыс. до н. э. (Брюсов, 1961, стр. 79; Левенок, 1965, стр. 247). Эта дата в известной степени согласуется и с взаимоположением стоянок балахнинской и волго-камской культур в Среднем Поволжье. Вплоть до рубежа IV—III тыс. до н. э. волго-камские памятники продолжают сохраняться на территории всего Среднего Поволжья, начиная от устья р. Оки на западе, а балахнинские памятники восточнее бассейна р. Оки неизвестны.

Поздний период неолита Среднего Поволжья, включающий четвертый и пятый этапы развития волго-камской и второй-третий этапы балахнинской культур, в целом должен быть определен III тыс. до н. э. Основаниями для этого могут служить а) датировка конца ранненеолитического периода рубежом IV—III тыс. до н. э.; б) появление ближе к концу III тыс. до н. э. первых металлических изделий и начало развития с рубежа III—II тыс. до н. э. волосовской культуры, относящейся уже целиком к эпохе раннего металла (Халиков, 1960); в) наличие радиокарбонных дат для поздненеолитических памятников Зауралья, материальная культура которых мало чем отличается от культуры поздних этапов развития волго-камского населения. Так, для дерева из 6-го разреза Горбуновского торфяника установлена дата 4360±200 от наших дней (Chard, 1962, стр. 85), а для второй (верхней) стоянки на Козловой-Перейме — 4000± ±130 от наших дней (ЛЕ-357);[2] г) датировка большинством археологов стоянок с развитой ямочно-гребенчатой керамикой III тыс. до н. э. (Гурина, 1961а; Панкрушев, 1964; Левенок, 1965).

[2] Приношу благодарность В. Н. Чернецову за любезно предоставленные им сведения.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Под Южным Предуральем в настоящей работе понимается только территория, лежащая к западу от Уральского хребта между 52—55° северной широты и 57—63° восточной долготы, т. е. бассейн р. Уфы в ее среднем течении, включающий главные притоки — Юрюзань, Ай и верховья р. Белой.

Река Уфа на этом отрезке, так же как рр. Белая, Юрюзань и Ай, прокладывает свое русло в коренных известняках, подходящих на значительных участках непосредственно к воде. Очень часто реки обрамляются отвесными кручами. Слабо разработанные террасы, как правило, заняты современными деревнями. Древние же памятники на этих местах отсутствуют.

Несмотря на многократные обследования на протяжении нескольких сотен километров берегов рр. Уфы, Ай и Юрюзани, произведенные разными исследователями (М. А. Бадер, С. Н. Бибиковым, М. Д. Гвоздовер, Л. Я. Крижевской, Г. Н. Матюшиным, Ю. А. Морозовым, К. В. Сальниковым), в нашем распоряжении имеется всего лишь 13 опубликованных памятников, 8 из которых находятся на берегах р. Уфы, 2 — в верховьях р. Юрюзани и 3 — в верховьях р. Белой.

Прежде чем начать характеристику неолита Южного Предуралья, остановимся на мезолитических памятниках, которые, как нам кажется, позволяют говорить о генезисе неолита.

Наиболее выразительными памятниками мезолитической эпохи являются Романовка II и Романовка III (Матюшин, 1962а). Они располагаются на второй террасе левобережья р. Белой у ее старицы в 20 км ниже города Уфы. Культурный слой залегает на глубине свыше 1 м в основании суглинков плейстоценового происхождения. Мезолитический возраст их, таким образом, имеет геологическое подтверждение (Матюшин, 1965б).

Основной тип орудий представлен ножевидными пластинками или их сечениями удлиненных пропорций с ретушью по краям, имевшими, вероятно, разнообразное функциональное назначение (табл. 23, *1—9*). Немного есть угловых резцов, скребков, в том числе концевых, изготовленных из таких же пластинок. Геометрические формы отсутствуют. Как мы увидим далее, в мезолитической и неолитической индустрии Южного Предуралья имеется несомненное сходство, хотя последняя содержит более разнообразные и многочисленные формы, но основой их, так же как и в мезолите, является призматическая пластинка. Это обстоятельство позволяет предположить развитие неолита из местной мезолитической культуры, что не исключает, однако, значения связей с другими культурами при его формировании и развитии.

Переходя к рассмотрению неолитических памятников, отметим прежде всего единообразие топографии поселений. Последние занимают небольшие мысы, чаще всего размещаясь на склонах вторых террас, образованных р. Уфой и оврагами, по дну которых проходили русла древних речек, в настоящее время пересохших. Как правило, эти террасы прислонены к цоколю горы, прикрывающей поселение от ветров.

Памятники все без исключения содержат культурные остатки различных эпох — и неолита и металла. Однако лишь в самых верхних горизонтах культурного слоя, представляющего гумусированный суглинок, они смешанные, ниже в основании слоя — только неолитические.

Опорными памятниками следует считать раскопанные поселения — Усть-Юрюзанское, Усть-Айское (Крижевская, 1968), а также погребения Старичный гребень и Барановское (Бибиков, 1950).

Основную массу находок составляет каменный инвентарь, в котором первое место занимают пластины и изделия из них, второе — топоры (табл. 23, *10—81*). Пластины отличаются строго выработанной правильной формой и параллельным огранением. Для них характерна вариация размеров от миниатюрных до очень крупных, с резким преобладанием крупных, т. е. длинных и широких. Наиболее типичны пластины 5—6 см длины при ширине в 1 см и больше. Орудия из них, судя по Усть-Айскому поселению, многочисленны и разнообразны. Они составляют 16.5%, пластин без обработки — 83.5%.

Типичным является одноплощадочный нуклеус конический, карандашевидный и удлиненный — менее устойчивой формы (табл. 23, *61, 64, 66, 67, 69—71*). Двуплощадочные нуклеусы единичны (табл. 23, *68*). Характерная высота их 5—7 см и только в исключительных случаях 12—13 см. Негативы от скалывания пластин очень четкие, они занимают всю высоту нуклеуса (даже самого крупного) от площадки до основания. 1/3 нуклеусов имеет дополнительную подработку разного типа: 1) грани, прилегающие к тыльной гладкой стороне, обработаны односторонней ретушью, аналогичной ретуши, наносимой на скребла (табл. 23, *65*); 2) задняя сторона нуклеуса, противолежащая фасетированной, имеет двустороннее клиновидное приострение (табл. 23, *60*); 3) нижний конец, противолежащий отбивной площадке, оформлен в виде долотовидного орудия (табл. 23, *63*). В то же время для нуклеусов характерно и круговое использование. Встречается много нуклеусов, оставленных в разных фазах их изготовления.

Очень разнообразны отходы производства — от крупных первичных отщепов до мельчайших чешуек. В большом количестве встречены удлиненные и краевые сколы, сколы площадок с нуклеусов, пластинчатые отщепы, пластины неправильного огранения. В целом отбросы составляют свыше 85% общего количества каменного инвентаря.

Многочисленны орудия из пластин — ножи, наконечники стрел, скребки, проколки, сверла, скобели, угловые резцы. Менее разнообразны орудия из отщепов — наконечники стрел, ножи, скребки, а также изделия из плиток и желваков, не подвергнутых предварительному расщеплению.

Наконечники стрел — в подавляющем большинстве из отщепов, двустороннеобработанные (табл. 23, *16, 18, 20—26*). Основная часть их имеет широко распространенную в неолите форму ромбических и листовидных, причем меньшая — четко выраженную, бóльшая — аморфную, занимавшую промежуточное положение между правильно ромбической и правильно листовидной. Ряд наконечников с резко выделенными боковыми выступами, но у многих выступы смягчены, а у некоторых (листовидных) отсутствуют вовсе. Черешковая часть их, зауженная к концу, составляет около половины всего орудия. Встречаются редкие формы — с усеченным и вогнутым основанием. Первый (турбинский тип) имеет очень ровный прямой двусторонне уплощенный насад. По форме близко к нему примыкают наконечники с вогнутым основанием и оттянутыми жальцами. Боковые стороны их довольно сильно расширяются, одно жальце сильнее, чем другое, оттянуто вниз. Имеется один наконечник из маленькой узкой пластинки с прямым основанием и тонкой пильчатой ретушью по обеим боковым граням. Все наконечники сделаны из темного или цветного кремня высокого качества, кроме двух (с боковыми шипами), изготовленных из нежно-розового халцедона. Они обработаны сплошной (в отдельных случаях почти сплошной) двусторонней отжимной ретушью, отличающейся особой тщательностью на орудиях из халцедона. Как правило, наконечники крупные (длина целых экземпляров 4.5—7.7 см). Самые большие из них, возможно, являлись наконечниками дротиков.

Наконечники стрел из пластин единичны (табл. 23, *10—14*). Они представлены двумя типами: 1) с боковой выемкой и 2) с коротким выделенным черешком. Оба типа обработаны краевой ретушью, нанесенной со стороны брюшка, покрывающей выемку или черешок и слегка самый кончик пера.

Наконечники копий чрезвычайно редки (табл. 23, *15, 17, 19*). Есть копья в виде широкого равностороннего треугольника, обработанные в одном случае очень плоской отжимной ретушью, особенно тщательной у вогнутого основания. В другом — орудиям придана только общая форма оббивкой и поверхностной отеской. Встречаются наконечники листовидной формы. Единственный экземпляр — наконечник из кварцита, выделяющийся удлиненными пропорциями.

Весьма многочисленна категория скребков (табл. 23, *29, 30, 32, 34, 36*). Скребки из пластин представлены большими сериями, при этом явно преобладает форма концевых, на сечениях, коротких или удлиненных пластинах с правильной слабо выпуклой формой лезвия; удлиненность или слабая скошенность лезвия, так же как плоское лезвие и высокая форма его, составляют исключение. Как правило, оно плавно переходит в боковые грани, изредка образуя с ними острые углы.

Скребки почти правильной округлой формы составляют около 10%. Многие из них сделаны из сколов с площадок нуклеусов. Количество двойных скребков с противолежащей рабочей частью, квадратных с четырех- и трехсторонним лезвием невелико. Преобладают размеры 3—4.5 см длины при ширине пластины 1 см и больше. Наименьшие скребки на пластинах имеют длину 2.2 см, на сечениях — 1.7 см. Но в то же время встречаются очень крупные и массивные концевые и двойные скребки, длина которых 8—10 см при ширине пластины 3—4 см. Характерна специальная подработка тыльной стороны, иногда очень тщательная, с целью ее уплощения (табл. 23, *36*); в других случаях ретушь достаточно аморфна и похожа на случайные сколы. Однако наблюдаемый в больших сериях подобный прием обработки должен рассматриваться как преднамеренный, главным образом с целью сбить ударный бугорок (с брюшка) или излишнюю утолщенность (со спинки). У некоторых скребков ретушированы боковые грани, преимущественно с брюшка.

Скребки из отщепов не имеют устойчивой формы. Рабочая часть их занимает больший или меньший участок грани, лезвие слабо выпуклое. Есть скребки, изготовленные из расколотых пополам галек, сохранивших желвачную корку. Лезвие их тщательно отретушировано, но обработка других частей орудия полностью отсутствует. Один скребок уникален: лезвие оригинально расположено со стороны брюшка. У скребков из отщепов, так же как у некоторых концевых, постоянно наблюдается подправка участка, противолежащего рабочей части. Иногда она двусторонняя, иногда только с брюшка или со спинки. Зачастую она бывает столь аморфна, что выглядит как случайный скол; однако серийность таких сколов свидетельствует об их преднамеренности. Очевидно, мастер обрабатывал не только рабочий, но и тыльный конец орудия, укреплявшийся в рукояти.

Довольно много крупных скребков, приближающихся по размерам к скреблам, до 7—8 см длины. Лезвия их высокие, крутые, но не занимают столь широких участков, как у скребел. Уникальные скребки из пластины, где 1) две слегка вогнутые половинки лезвия соединяются в центре навсающим выступом (табл. 23, *81*), 2) совершенно прямое лезвие, в виде ретушированной поперечной грани (табл. 23, *35*). К оригинальной форме скребков, изготовленных из отщепов, можно отнести такие, у которых рабочая поверхность заканчивается плечиками, придающими орудию вид фигурного кремня (табл. 23, *77*).

Типичные скребла относительно малочисленны (табл. 23, *34*). Они почти все имеют полностью ретушированное лезвие, а удлиненные скребла — рабочую поверхность по всему периметру. Размеры их достигают 8—10 см. Характер обработки разнообразен: есть экземпляры в основном с плоским, весьма тщательно отретушированным лезвием, у других же вторичная обработка очень грубая, а лезвие высокое и крутое.

Скобели встречены в небольшом числе (табл. 23, *27*, *28*, *37*). В трех случаях микроанализом вогнутого лезвия установлены следы изношенности, свидетельствующие об употреблении орудий для обработки дерева. По аналогии с ними к скобелям можно с известной долей условности причислить и другие экземпляры с вогнутым лезвием.

Среди ножей 2/3 составляют изделия из ножевидных пластин, ретушированные или со следами использования. Преобладают крупные размеры от 4 до 8.7 см (некоторые достигают 11—12 см) при ширине орудий около 1.5 см. На неретушированных ножах отчетливо прослеживаются следы работы в виде шероховатости и зазубрин, иногда напоминающих преднамеренную ретушь.

Ретушировали орудие либо по одной или двум граням с брюшка, либо по одной или двум граням со спинки (с одной стороны со спинки, с другой — с брюшка). Характер ретуши различен, в большинстве она слегка уплощенная, приостряющая, однако прослеживается очень крутая и очень плоская. С помощью первой — притупливающей — боковая грань приобретает совершенно прямую вертикальную форму. В этих случаях рабочей частью является противоположная необработанная грань. Очень плоской ретушью, наносимой чаще с брюшка и заходящей иногда относительно далеко на спинку, оформлена рабочая часть орудия. Уникальной формой является крупный «кривой нож» с закругленным лезвием, полученный благодаря использованию пластины естественной формы (табл. 23, *50*). Размеры ножей, так же как и специальная, наблюдаемая в ряде случаев подправка рукояточной части, не позволяют считать их вкладышами. По-видимому, они имели деревянную или костяную рукоятку, скрепленную с тыльным концом. Однако не исключена возможность, что некоторые более мелкие и были составными частями вкладышевых орудий.

Ножи из отщепов и плиток составляют около 1/3 общего количества всех ножей (табл. 23, *41*, *46*, *49*, *52*, *53*). Поделочным материалом для некоторых из них служили крупные очень тонкие плитки известняка. Часть ножей имеет почти круговое лезвие. часть — полукруглое, слабо выпуклое, но занимающее широкую поверхность. Обработка сведена к очень примитивной двусторонней отеске рабочего края приостряющими сколами, остальная поверхность остается необработанной, что придает орудиям вид заготовок. Однако в пользу того, что это завершенные орудия, свидетельствуют линейные следы изношенности лезвия.

Небольшие ножи правильной округлой формы из плиток кварцита с подобной же техникой оформления рабочего края имеют линейные следы, аналогичные следам на скребках. По-видимому, это универсальные скребущие и режущие орудия, подобные эскимосским ulu. Оригинальные формы составляют ножи типа башмачной колодки и нож с широкой площадкой для обхвата рукой. Поверхность широкой части последнего испещрена тонкими штрихами, направленными в различные стороны. Имеются также двулезвийные ножи из отщепов кремня с выпуклым и прямым лезвиями. У некоторых из них лезвие в большей или меньшей мере скруглено, у других — приострено. Отдельные экземпляры напоминают наконечники — сплошная двусторонняя обработка покрывает обе его широкие грани, но сильная специфическая сработанность лезвия заставляет считать орудие ножом.

Сверла, проколки и острия (за исключением единичных экземпляров) изготовлены из пластин с помощью различно нанесенной ретуши (табл. 23, *42*—*45*, *47*, *48*, *51*). Имеются сверла, рабочая часть которых, резко отделенная от тела орудия, подвергнута крутой противолежащей ретуши со спинки и с брюшка. Лезвия их довольно массивны и длинны (в среднем около 1 см). Сверла другого типа изготовлены с помощью ретуширования обоих боковых граней по всей длине. Рабочая часть их небольшая и составляет единое целое с самим телом орудия. Есть экземпляры, отличающиеся особой притупленностью боковых граней, позволяющие предполагать употребление инструмента вручную без рукояти. На некоторых же сверлах, преимущественно с выделенным лезвием, имеются отчетливые следы приспособлений для скрепления с деревянной частью в виде симметрично расположенных выбоин.

Единичные сверла изготовлены из удлиненных желваков. Рабочая часть их довольно массивна. грани скруглены, на некоторых экземплярах видны концентрические круги. Острые края тыльной части притуплены и заглажены. Иногда прослеживаются выемки для упора большого и указательного пальцев. Сверла эти одноручные. С помощью микроанализа выявлены следы, свидетельствующие об использовании двух сверл в качестве отжимников. По-видимому, это вторичное назначение орудий.

О способах сверления можно судить также по имеющимся недосверленным изделиям. На них видны следы предварительного двустороннего выбивания отверстия и последующего сверления, оставившего тонкие концентрические круги.

Проколки из пластин, так же как и сверла, обработаны различными приемами ретуширования, не образующими, однако, скругленного острия, чем они и отличаются от сверл. У проколок с острием, расположенным по центру, наблюдается двустороннее

почти сплошное его ретуширование. Одно из таких орудий снабжено оригинальной рукояткой, в качестве которой использован боковой выступ пластинки, специально притупленный ретушью. Имеются миниатюрные проколочки с тончайшим игловидным острием.

Проколки со смещенным в сторону острием обработаны только краевой ретушью либо со спинки, либо с брюшка. Они напоминают мезолитические скошенные острия, правда, несколько отличаясь от них. Так, скошенная грань их не прямая, а краевая ретушь охватывает не одну, а три грани орудия.

Резцы представлены только одним типом — угловым резцом (табл. 23, *31*, *33*, *39*, *40*). Выделяются экземпляры с одним и двумя резцовыми сколами. На некоторых прослеживается ретуширование боковой грани, в ряде случаев последующим сколом ретушь частично снята. Преобладают крупные — широкие и длинные, но встречаются и микросколы.

Крупные рубящие орудия — долота, тесла, топоры — одна из ведущих форм каменного инвентаря Южного Предуралья (табл. 23, *54—59*). Среди долот преобладают крупные экземпляры 11—13 см длины при ширине лезвия 4—5 см, вытянутой формы, асимметричные в продольном сечении, со слегка расширяющимися к рабочей части боковыми сторонами. Лезвие в основном прямое, изредка незначительно выпуклое. Имеются экземпляры с желобчатой выемкой. Обушная часть заострена или уплощена. Узкие долота отличаются размерами и общей формой: боковые грани их параллельны по всей длине.

Тесла выделяются четкой односторонней выпуклостью лезвия. Некоторые экземпляры вообще односторонне обработаны. Боковые стороны слегка или значительно расширяются к основанию. В поперечном сечении тесла плоские и приближаются к вытянутому овалу; на некоторых экземплярах лезвие сильно расширено.

Наиболее крупными из рубящих орудий являются топоры, которые, так же как долота, расширяются к лезвию, строго симметричному в продольном сечении. Обушная часть топоров тонкая, несколько суживающаяся к концу.

Все названные типы орудий оббиты или крупно ретушированы. На некоторых обработка ретушью более тщательная, особенно у лезвия, на других — грубая и ограничивается крупными сколами и отеской, т. е. готовые орудия сопровождаются массой заготовок разной стадии завершения — от грубо оббитых аморфных желваков до почти готовых орудий. Они позволяют различить фазы изготовления от начальной до заключительной и тем самым восстановить до некоторой степени последовательно весь процесс производства. Шлифовка на топорах, теслах и долотах отсутствует.

Таким образом, топоры, долота, тесла, сходные в основных чертах (общая вытянутость формы, крупный размер, приемы отески и ретуширования), различаются по ряду признаков (наличие симметричного или асимметричного лезвия, форма обушной части и лезвия, наклон боковых граней, характер обработки и степень ее совершенства).

Сланцевые шлифованные орудия единичны (табл. 23, *76*, *78—80*). Они сделаны из сероглинистого и талькового (одно изделие) сланца. Среди них есть 2 топорика, 2 миниатюрные стамески с прямым и округлым лезвием, 2 обломка небольших ножичков, массивный клин со следами работы и сланцевый штамп в виде тонкой пластинки с 24 зубцами и следами пропила посередине. Последние свидетельствуют о неосуществленном стремлении мастера к разделению пластинки на две части.

Из единичных орудий отметим еще грузило в виде массивного желвака с желобком и пилу из каменной плитки с сильно утоньшенной в результате изношенности рабочей частью.

Наконец, укажем на большое количество разнообразных предметов, употреблявшихся при производстве орудий (табл. 23, *74*, *75*): отбойников, отжимников, молотов, наковаленок и различных шлифовальных инструментов. Это разнообразные гальки, а также крупные и мелкие каменные бруски. Форма галек различна — небольшие шарообразные, овальные и плоские, а также очень крупные, 9—11 см длины при максимальной ширине 6.5 см. Часть из них служила отбойниками, имеющими сбитость на противолежащих концах, часть — отжимниками, плоские гальки использовались как наковаленки, т. е. являлись частью составного орудия для нанесения контрударной ретуши. Есть гальки с перехватом и сильным нарушением целостности поверхности — очевидно, молоты.

Абразивные инструменты представлены точильными плитками, среди которых есть оригинальная плитка из песчаника. В центре ее 2 желобка для затачивания тонких, скорее всего костяных инструментов.

Итак, для каменной индустрии Южного Предуралья можно отметить следующие характерные черты.

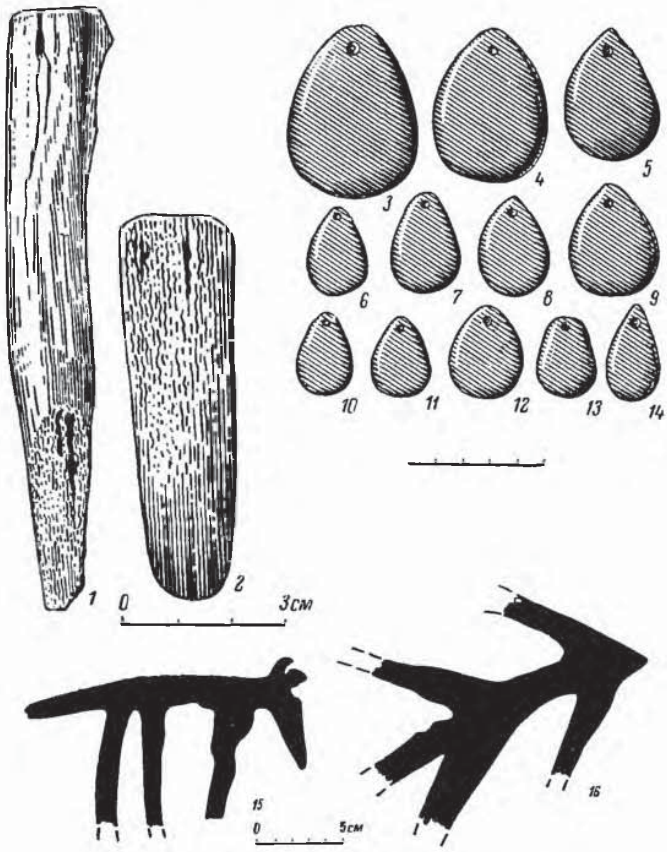
1. Развитая пластинчатая индустрия своеобразного облика: без геометрических форм, микроорудий и при отсутствии вкладышевой техники. Пластины и изделия из них крупных размеров.

2. Ведущее место комплекса, связанного с производством орудий труда: большая серия нуклеусов в разных фазах их изготовления, пластин-полуфабрикатов, топоров в разных стадиях обработки, а также специфических инструментов, предназначенных для изготовления орудий труда — отбойников, отжимников, наковаленок, абразивов.

3. Наличие (в небольшом числе) орудий, широко представленных в неолите Азиатского материка, как-то: наконечников с боковой выемкой, ножей-скребков из плиток кварцита с округлым лезвием, наконечников стрел с оттянутым жальцем и пластинчатого комплекса в целом.

Из костяных орудий можно отметить шило, найденное в погребении под навесом Старичный Гребень, с грубо заточенной рабочей частью и неоформленным тыльным концом (Бибиков, 1950, рис. 18—20). С известной долей условности можно отметить и костяные орудия из Гребневой пещеры (см. рисунок, *1*, *2*): 1) орудие из рога косули со срезанным на острие рабочим концом и естественной рукояточной частью (длина 14.5 см); назначение его неопределенно. С. Н. Бибиков предполагает использование его в качестве кинжала или мотыги (Бибиков, 1950); 2) костяное лощило в виде лопатки, длиной

7.8 см, сделанное из ребра животного путем пришлифовки рабочей части; 3) обломок наконечника дротика или стрелы с сохранившимся одним шипом; длина орудия 9 см; С. Н. Бибиков склонен относить эти изделия скорее к энеолитическому времени, однако не исключает и более ранней даты.

Предметы искусства и изделия из кости в неолите Южного Предуралья.

1, 2 — костяные орудия из Гребневой пещеры; *3—14* — подвески из погребения в Бурановской пещере; *15, 16* — наскальные изображения из Бурановской пещеры.

Керамика Южного Предуралья известна в основном по Усть-Айскому и отчасти по Усть-Юрюзанскому поселениям. Керамика, встреченная в стоянках Кага и Бельская, принципиально не отличается от Усть-Айской (Матюшин, 1962б).

Усть-Айская керамика представлена 2026 фрагментами, несколько менее половины которых с известной долей условности составляют 48 сосудов. Целые сосуды собрать не удалось (за исключением одной части, дающей почти полный профиль), но крупные фрагменты позволяют составить определенное представление об их форме и размерах. Усть-Юрюзанская керамика, хотя и малочисленна (41 фрагмент), но довольно разнообразна. Из нее могут быть выделены (по фрагментам стенок и небольшому обломку заостренной придонной части) 15—17 сосудов. Как видно из распределения сосудов по толщине стенок (см. таблицу), подавляющее большинство их колеблется в пределах от 0.8—1 см, что дает основание считать керамику толстостенной. В Усть-Юрюзанском поселении тонкостенных черепков найдено всего 2 экз. Диаметр сосудов, установленный в 14 случаях по краю — 16, 20, 22, 26, 28, 30, 32, 34 см, а в 2 экз. — 35, 40 см, свидетельствует, что сосуды были широкогорлые и крупные. Форма сосудов полуяйцевидная, с загнутым внутрь краем и плавным незначительным расширением стенок к средней части. Изогнутость профиля, выделение шейки или венчика не наблюдается ни в одном случае, так же как и отогнутость его наружу. Срез края преимущественно косой; скошенность его вовнутрь произведена под разным (острым и тупым) углом — в этом и выражается разнообразие формы края. Только в одном случае срез имеет ровную, не утолщенную округлую форму. Утолщение с внутренней стороны нередко чрезвычайно массивно. Дно острое или чуть-чуть скругленное. У остродонных сосудов наблюдается резкое утолщение их придонной части, заканчивающееся массивным, постепенно суживающимся до заострения налепом, создающим как бы оттянутость днища. У округлых днищ подобное утолщение придонной части отсутствует.

Высота сосудов достоверно не определена, но по аналогии с целым сосудом из Борового озера 1, имеющим форму, сходную с усть-айскими (диаметр 36 см), можно считать, что последние имели примерно те же пропорции.

Керамика изготовлена из хорошо обожженного, более или менее плотного глиняного теста; только небольшая часть имеет грубую примесь в виде крупных пластинок талька и мелких камешков. Цвет сосудов красновато-коричневый, различных оттенков. Специальных следов заглаживания поверхности не наблюдается, если не считать незначительной залощенности у некоторых экземпляров.

По составу примесей отчетливо выделяются две группы: с тальком и с песком.

Для всей керамики, за малым исключением, характерна сплошная орнаментация поверхности (табл. 24, *1—27*). Нанесение рисунка с внутренней стороны края наблюдается в одном случае. По ха-

Распределение сосудов по толщине стенок

Поселения	Толщина сосудов, в мм										Всего
	3	5	6	7	8	9	10	11	12	15	
Усть-Айское	—	2 / 4.1	3 / 6.2	14 / 29.1	11 / 22.8	5 / 10.3	8 / 17.2	3 / 6.1	1 / 2	1 / 2	48 / 100
Усть-Юрюзанское	1 / 5.8	1 / 5.8	—	7 / 41.3	5 / 29.5	2 / 11.8	1 / 5.8	—	—	—	17 / 100

Примечание. В числителе — количество сосудов, в знаменателе — процентное соотношение их.

рактеру орнамента керамика делится на три основные группы: 1) гребенчатую, 2) прочерченную и 3) резную. Как правило, узоры выполнены одним из трех способов, комбинации их редки. В качестве наиболее выразительного примера комбинированного орнамента можно привести сочетание оттисков гребенки с кружками — скорее всего отпечатками полой косточки. Гребенчатая керамика составляет 60% общего количества, прочерченная — 26%, резная — 12%, прочая — 2%.

Судя по оттискам, можно предполагать применение различных гребенчатых штампов — от имеющих широкие квадратные зубцы до миниатюрных мелкозубчатых. Среди них привлекают внимание одинаковые оттиски то длинного, то короткого штампа. Это явление помогает понять найденный здесь же на поселении выше упомянутый штамп. Расположенные по полуовалу зубцы позволяют регулировать длину отпечатков: при одноактном надавливании образуются короткие оттиски (7—8 ячеек), при прокатывании штампа — длинные (12—14 ячеек).

К группе гребенчатых следует отнести 28—30 сосудов. Простейшей композицией гребенчатого орнамента является вертикальный зигзаг, выполненный многоячеистым штампом, покрывающий всю поверхность сосуда с равными промежутками, а также рисунок из поясов, созданных наклонным коротким штампом (табл. 24, *7*, *14*, *15*). Несколько более усложненный рисунок состоит из таких же поясов, разделенных горизонтальными линиями этого же штампа. На одном сосуде прибавлен ряд оттисков гребенки, образующих углы, и ряд округлых вдавлений, нанесенных полым предметом (косточкой) (табл. 24, *10*, *13*, *16*, *23*).

Гребенчатым штампом выполнен также узор в виде мелких ромбов, сторона которых менее 1 см (табл. 24, *22*). На одном из сосудов на фоне вертикально расположенного орнамента очень тонким миниатюрным штампом выделена полоса незаштрихованных углов, напоминающая неудавшуюся или незаконченную фигуру. Наконец, укажем на два сосуда, имеющих разреженный рисунок: один из них с двойной линией гребенки, образующей горизонтально лежащие углы на широком незаполненном поле, другой украшен оттисками короткого штампа, образующими косые линии и углы, в отличие от большинства сосудов редко расположенные по поверхности.

«Шагающая гребенка» обнаружена всего на трех фрагментах от разных сосудов. При этом на одном она оказалась повторенной всего 3 раза в сочетании с основным орнаментом — обычными «не шагающими» оттисками.

Среди негребенчатых узоров первое место занимает накольчатый в виде «отступающей палочки», нанесенный тупым концом инструмента с помощью протягивания и периодического нажима (табл. 24, *8*, *9*, *17—21*, *24—27*). Преобладающим узором являются перпендикулярно заштрихованные геометрические фигуры, преимущественно треугольники. На одном из сосудов таким же способом заштрихованы ромбы, стороны которых 2.5 и 3.5 см. Часто поставленные под углом друг к другу, они создают композицию, напоминающую корзиночное плетение. Что касается треугольников, то они довольно крупные — основание от 5 до 8 см. На некоторых сосудах орнамент состоит из треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны. Зональное расположение узора часто подчеркивается наличием горизонтальных же линий, сгруппированных по 3—5 и расположенных между поясами треугольников. Более разреженный рисунок состоит из поясов, где чередуются заштрихованные и незаштрихованные ромбы; пояса отделены двойной горизонтальной линией.

Сосуды с резным орнаментом включают отпечатки штампа и насечек (табл. 24, *1—6*). Последние в принципе могли бы относиться к группе линейно-накольчатых. Однако они очень тонкие и нанесены, по-видимому, способом не прочерчивания, а врезания тонкого инструмента. На одном сосуде ими составлен узор из вертикальных параллельных линий, отстоящих друг от друга на полсантиметра и заканчивающихся рядом коротких косых насечек. На другом — пояса вертикальных и горизонтальных насечек или коротких косых насечек чередуются с широким пространством незаполненного поля. Узор в виде рядов римской единицы чрезвычайно близко напоминает аналогичный тип оригинального орнамента в керамике сперрингс (Гурина, 1951а). Имеются также отпечатки тесно поставленного треугольника, овального и удлиненного полулунного штампа. Есть штампы и более округлые, оттиски которых приближаются по очертаниям к ямкам. Они составляют горизонтальные и наклонные пояса. В данной группе не только сам орнамент, образованный штампом, разреженный, но и зоны его чередуются с широкими пространствами незаполненного поля.

Близкой к этой группе, но все же стоящей особняком, является немногочисленная ямочная керамика. Неглубокие овальные или округлые вдавления сплошь, без каких-либо узоров или зон, покрывают поверхность стенок.

Один черепок резко выделяется из общего комплекса. В изломе он черного цвета, очень тонкостенный (0.4 см толщины), залощенный изнутри. Рисунок в виде треугольников, заштрихованных «отступающей палочкой», обращенных вершинами в противоположные стороны, покрывает всю поверхность. По всем признакам этот черепок от сосуда, близкого зауральской керамике, и, по-видимому, принесен из Зауралья.

Подводя итог сказанному, отметим, что предуральской керамике присущи следующие группы сосудов: 1) из глиняного теста с примесью талька и с косо срезанным краем, орнаментированные «отступающей палочкой», 2) с примесью песка и дресвы, также с косо срезанным краем, орнаментированные гребенчатым штампом; 3) с примесью песка и округлым краем, имеющие резной орнамент.

Таким образом, для керамики Предуралья характерно наличие двух отчетливо выраженных типов посуды: 1) с примесью песка, с гребенчатым и резным орнаментом, близкий посуде Прикамья и Волго-Камья, 2) с примесью талька и накольчатым орнаментом — близкий посуде Зауралья, точнее посуде горбуновской культуры.

Из находок, связанных с жилым комплексом, известны только два очага на Усть-Айском поселении,

расположенные на окраинной его части на расстоянии 1.5 м один от другого. Оба они не являлись искусственно выложенными и представляли собой незначительно углубленные ямки.

Очаг № 1 (размером — 2.0 м×1.6 м, максимальная глубина от материка — 12 см) имел неправильно овальные очертания и был вытянут с ЮЗ на СВ. С северо-восточной и восточной стороны довольно четко прослеживались вертикальные стенки 10—12 см высоты. С северо-западной и западной стороны границы его были аморфны и непосредственно переходили в культурный слой. Очаг № 2 был меньших размеров (80×65 см) и неопределенной формы. Несмотря на то что глубина его от материка была всего 7 см, границы прослеживались достаточно четко. Заполнение обоих очагов состояло из темного зольного слоя, содержащего мелкие немногочисленные угольки. На дне большого очага лежали фрагменты неолитической керамики, скребок и ножевидная пластинка.

Очаги могут свидетельствовать либо о наличии построек типа летних наземных шалашей, внутри которых они находились, либо о расположении их за пределами несохранившегося жилища, исчезнувшего вместе с частью поселения.

Имеются также не совсем ясные указания на остатки двух прямоугольных жилищ на стоянке Бельской (Матюшин, 1962б, стр. 94).

Погребения известны в количестве двух (табл. 70, *13*, *14*): в пещере (Бурановское) и под скальным навесом (Старичный Гребень). Оба находятся на побережье р. Юрюзани, в окрестностях пос. Лимоновка Катав-Ивановского р-на Челябинской области, в 1.5 км одно от другого (Бибиков, 1950). Оба захоронения произведены без могильной ямы, между обломками камней и лишь слегка присыпаны землей. В Бурановском погребении в анатомическом порядке сохранилась лишь нижняя часть скелета, позволяющая установить, что костяк лежал на спине в вытянутом положении, с руками, положенными вдоль туловища, голова была обращена на юго-запад, причем череп повернут на бок, таким образом, что лицевая часть обращена на юг. Череп находился в специально вырытой округлой формы яме глубиной 7 см, плотно засыпанной красной охрой.

Погребение в Старичном Гребне сильно потревожено, череп отсутствует, но все же ясно, что умерший лежит на спине, в вытянутом положении, головой на СВ, руки вдоль туловища (табл. 70, *13*). У правой кисти яркое пятно охры. Могильный инвентарь в обоих захоронениях абсолютно однороден. Он состоит из медальоновидных подвесок, сделанных из змеевика с просверленным (биконическим) отверстием у узкого конца. В Бурановском погребении было найдено 35 подвесок (см. рисунок, *3*—*14*). Длина их от 3 до 7 см при ширине от 3 до 6 см. Одна плоскость подвесок хорошо отшлифована, другая — без шлифовки. Двусторонняя шлифовка наблюдается только на одной подвеске. Все подвески приурочены к нижней части костяка, причем большинство расположено в области таза. По-видимому, это остаток пояса, на котором были нашиты подвески.

Подвески в Старичном Гребне (всего 15) тождественны бурановским и отличаются только меньшими размерами. Помимо подвесок, с погребенным положено костяное шило.

Таким образом, обряд — положение костяков, наличие охры, отсутствие могильной ямы, могильный инвентарь — в обоих погребениях идентичен.

Согласно заключению Е. В. Жирова (в изложении С. Н. Бибикова), погребенный в Бурановской пещере — мужчина, в возрасте 30—60 лет, ростом около 150 см. Череп европеоидный, типично андроновский. Костяк из Старичного Гребня антропологически близкий бурановскому, принадлежал женщине в возрасте 40—60 лет.

Г. Ф. Дебец, однако, возражает против безоговорочного отнесения бурановского костяка к андроновскому типу. Ссылаясь на различие в росте, он подвергает вместе с тем сомнению и определение пола, ибо рост погребенного характерен больше для андроновских женщин. Если бы был установлен женский пол, то аналогия с андроновскими захоронениями была бы большей (Дебец, 1953).

К области искусства можно отнести наскальную роспись Бурановской пещеры, но с известной долей условности, поскольку нет прямых доказательств ее неолитического возраста, хотя автор исследования (С. Н. Бибиков) склоняется к нему (см. рисунок, *15*, *16*).

Наскальные изображения расположены у входа, на правой, если стать лицом к входу, стене пещеры, на 25 см выше пола. Верхний рисунок воспроизводит, вероятно, наконечник гарпуна (обломок), имеющий 4 бородки (см. рисунок, *16*). Длина его 16 см, расстояние между концами бородок 8 см. Второе изображение (см. рисунок, *15*) находится под первым, на 3—4 см ниже и представляет животное (лось (?), лошадь (?)). Туловище животного оформлено горизонтальной линией, продолжение которой — хвост. Задняя нога отходит от хвоста, имея с ним равную толщину. Вторая задняя нога нанесена почти параллельно первой, в одной плоскости, без соблюдения перспективы. Передняя нога отмечена одной толстой линией, отходящей от туловища. Голова животного сидит на короткой шее. Морда вытянута книзу, непропорционально велика по отношению к туловищу и увенчана двумя выступами, возможно рогами. Лобная часть подчеркнута небольшим вздутием. Непропорциональность изображения видна из следующих размеров. Длина туловища от головы до хвоста 11 см, длина хвоста 3.5 см, длина задней ноги 6—9 см, длина второй ноги 6—8 см. Длина морды 6—8 см.

Оба рисунка, окрашенные в темно-красный цвет, отличаются непропорциональностью, грубой схематичностью, статичностью, отсутствием проработки деталей, затрудняющих определение вида изображенного животного. Сохранность рисунков хорошая (Бибиков, 1950, стр. 100—102, 104).

Для абсолютной и относительной хронологии южноуральского неолита данных естественных наук (радиокарбонных, палинологических) и стратиграфии не имеется. Поэтому вопрос о возрасте памятников может быть предложен в порядке гипотезы, на основании сравнительных данных.

Оба раскопанных поселения — Усть-Айское и Усть-Юрюзанское, которые могут служить опорными при датировке, во всяком случае существовали дли-

тельное время в разные периоды неолита. Но основное количество культурных остатков падает на конец раннего и развитого этапов. В свете сравнительных данных с Волго-Камьем (Халиков, 1966б, стр. 13) наиболее древней следует считать керамику с резным орнаментом (а среди орудий — наконечники из пластин архаических форм). В этой связи уместно вспомнить, что аналогичная керамика, найденная на Сурском острове, является древнейшей также на Украине, где она датируется IV тыс. до н. э. (Даниленко, 1950). Гребенчатая керамика в свете аналогий с Прикамьем должна относиться к развитому неолиту (Бадер, 1951б). Этим же временем, но может быть скорее его заключительным этапом должна датироваться накольчатая керамика, согласно аналогиям с керамикой горбуновской культуры, где она тоже относится во всяком случае не к раннему неолиту (Раушенбах, 1956).

В целом же керамика обеих стоянок Предуралья однородна, и, следовательно, большого хронологического разрыва между ее разными орнаментальными группами предполагать нельзя. По-видимому, существование поселений приходится в основном на первую половину III тыс. до н. э. Начало же, возможно, уходит к рубежу IV и III тыс. до н. э.

Малочисленность и разреженность памятников Южного Предуралья, своеобразие каменного инвентаря, отражающего в большей мере процесс производства орудий труда, а также сходство керамики с керамикой различных, иногда удаленных областей, свидетельствует о том, что бассейн р. Уфы не является центром сложения самостоятельной культуры, а лишь зоной тесного контакта ряда культур. Река Уфа представляла собой наиболее удобный водный путь для проникновения населения с востока на запад через Уральский хребет и для дальнейшего продвижения по Волго-Камскому бассейну. Об этом говорит состав находок, в котором, как уже выше отмечалось, широко представлены зауральские элементы. Имеются и прямые свидетельства проникновения населения из Южного Зауралья на западный склон— наличие в Предуралье изделий из зеленокрасной яшмы, зауральское происхождение которой не вызывает сомнений.

Но в равной мере в бассейне р. Уфы прослеживаются и элементы неолитической культуры Прикамья и Волго-Камья. Совершенно очевидно, что в неолитическую эпоху не вся территория была «поделена» между племенами. Оставались области не заселенные прочно тем или иным населением. К таким, видимо, и относится бассейн р. Уфы, т. е. часть территории Южного Предуралья.

IV. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ

А. ЛЕСНАЯ ЗОНА

И. В. ГАВРИЛОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Костромское Поволжье представляет собой холмистую равнину, изрезанную многочисленными речными долинами. На северо-западе ее находится Галицко-Чухломская возвышенность, а с северо-востока заходят отроги Северных Увалов. Упомянутые возвышенности невысоки, благодаря чему истоки рек и их притоков подходят близко друг к другу и связывают Костромское Поволжье с территориями, лежащими далеко к северу, югу и востоку. Помимо густой, сильно разветвленной речной сети, здесь много мелких озер и стариц.

Почти все памятники каменного века и раннего металла расположены в Костромской низине, а также около Галичского и Чухломского озер. Эти районы покрыты значительным слоем аллювиальных отложений, выходов коренных пород здесь не наблюдается, следствием чего явилось отсутствие хорошего сырья для индустрии каменного века.

Остатки древних поселений располагаются среди широких заливных лугов на невысоких холмах, у подножия которых имеются, как правило, водоемы, сильно обмелевшие в настоящее время. Поскольку удобных возвышенных мест очень мало, каждое из них в древности неоднократно заселялось человеком. Поэтому сравнительно мощный культурный слой, в большинстве случаев песчаный, черного цвета, с материальными остатками различных эпох является характерной чертой всех археологических памятников Костромского Поволжья.

Древнейшие памятники рассматриваемой территории относятся к эпохе мезолита. Они представлены коллекциями с поселений, выделенными типологически, и подъемным материалом. К ним принадлежат кремневые изделия из поселений Федоровское, Умиление, стоянок в устьях рр. Святицы и Юга, а также сборы с поверхности у бывшего Ипатьевского монастыря в г. Костроме и на большой развеянной дюне у дер. Некрасовское под г. Костромой. Инвентарь этих местонахождений носит микролитический характер. Основную массу находок составляют ножевидные пластинки, их сечения и орудия, изготовленные из пластин, — всевозможные вкладыши, скребки, резцы, наконечники стрел. Как исключение встречаются изделия геометрических очертаний — трапеции. Возможно, к мезолитическому комплексу принадлежат некрупные кремневые топорики без шлифовки, найденные около дер. Некрасовское и на поселении Умиление.

Памятники раннего неолита на территории Костромской области пока неизвестны. Тем не менее мезолитические находки, имеющие большое сходство с мезолитом и ранним неолитом других районов Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, такими как Сущево, Золоторучье, позволяют предполагать, что и в Костромском Поволжье ранний неолит сложился на местной мезолитической основе и носил тот же характер, что и неолит в упомянутых областях.

Возможно, обломки керамики, украшенные простейшим ямочно-гребенчатым орнаментом, найденные при раскопках поселений Шуньга и Ватажка, а также при поверхностных сборах на северном берегу оз. Борисова, на восточном берегу оз. Каменник и в г. Галиче, подтверждают это предположение. Все эти обломки сосудов орнаментированы лишь круглыми ямками, изредко дополненными оттисками гребенчатого штампа или полулунчатыми вдавлениями; при этом композиция узора слагалась из горизонтальных чередований поясков этих трех элементов. Однако во всех случаях слишком незначительное количество обломков не позволяет создать конкретное представление об этих памятниках.

Гораздо полнее в Костромском Поволжье представлены памятники развитого и позднего неолита, известные как по раскопкам поселений, так и по случайным находкам, материалы которых дают возможность выделить две четко прослеживаемые группы: поселения с ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой.

К раскопанным поселениям первой группы относятся Борань (Гурина, 1960), Половчинская (Гурина, 1959) и Федоровская (Брюсов, 1928),[1] а также

[1] Федоровская стоянка содержит два вида керамики — ямочно-гребенчатую и гребенчатую.

подъемные материалы Гомонихи, Попелина, при впадении р. Мусы в Волоцкое озеро,[2] где были обнаружены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и целый ряд других случайных находок.

Поселение Борань находится в обширной Костромской низине на правом берегу р. Касти при слиянии с р. Соть; Половчинская — у истока р. Яхрусти из Половчинского озера, Федоровское — на левом берегу р. Вексы, у ее истока из Чухломского озера. Культурный слой перечисленных памятников залегает под дерновым слоем, достигая мощности от 0.60 до 1.20 м, и содержит остатки нескольких эпох, не разделенные стратиграфически. Материал поздних эпох в каждом конкретном случае своеобразен, иногда очень незначителен, что облегчает его выделение из основного неолитического. Кроме того, на Федоровском поселении прослежено планиграфическое распределение разновременных комплексов и поглубинное их преобладание.

Топография поселений с гребенчатой керамикой не отличается от топографии поселений предшествующей группы. Как и первые, они располагаются на песчаных всхолмлениях среди заливных лугов, поднимаясь над ними не более чем на 1—2 м, и содержат, как правило, разновременный археологический материал.

К ним относятся Федоровская стоянка, занимающая северную часть того же мыса, на котором находится поселение с ямочно-гребенчатой керамикой, Туровское и Умиление на северном берегу Галичского озера, а также стоянка в устье р. Юга на юго-восточном берегу Чухломского озера. Последовательность напластований слоев этих памятников такова же, что и у предшествующей группы поселений, отличается лишь в деталях. На поселении Умиление, как и на Федоровском, наблюдается четкая локализация гребенчатой керамики, в Туровском примесь инородного материала очень незначительна, и только среди керамики Югской стоянки гребенчатая выделена типологически.

Отсутствие хороших источников сырья в Костромском Поволжье обусловило использование древними обитателями цветного валунного кремня, кварцита, сланца и крупнозернистых пород камня. Этим же обстоятельством, по-видимому, объясняется заметная экономия его — почти полное использование нуклеусов, их сравнительно мелкие размеры, незначительное количество отбросов производства, часто наблюдаемая унификация орудий.

Выделить среди каменных орудий группы, принадлежащие ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамике, очень трудно, поскольку оба эти комплекса встречаются в памятниках, содержащих остатки различных эпох, не разделенных стратиграфически. Однако, основываясь на почти чистых комплексах и сопоставлении каменных изделий из различных поселений Костромской области, а также на сравнении их с инвентарем памятников соседних территорий, можно заметить некоторое своеобразие группы орудий, связанной с тем или иным типом керамики.

Общей чертой для поселений с гребенчатой и с ямочно-гребенчатой керамикой является использование для изготовления орудий кремневых отщепов при почти полном отсутствии ножевидных пластин.

Ассортимент каменных орудий разнообразен: наконечники стрел, скребки, рубящие орудия, режущие и сверлящие инструменты, скобели, отбойники, шлифовальные плиты (табл. 25, *1—26*; *26*, *1—23*).

Среди наконечников стрел можно выделить следующие формы: листовидные, листовидно-ромбические, ромбоидальные, ромбоидально-черешковые, треугольно-черешковые, резко удлиненные, треугольные. В свою очередь среди листовидных выделяются листовидно удлиненные; среди ромбоидальных — в виде правильного, вытянутого и усеченного ромба, ромба с округлым основанием или с неправильными пропорциями; среди треугольно-черешковых — беломорские, сейминские, с широким треугольным черешком, с черешком, плавно переходящим в перо. Наконечники стрел тщательно обработаны отжимной ретушью с обеих плоскостей. Изредка встречаются экземпляры, преимущественно листовидной и ромбоидальной формы, изготовленные из отщепов путем ретуширования края по всему периметру с одной или с обеих плоскостей.

Из перечисленных наконечников стрел все листовидные и ромбоидальные, а также некоторые варианты треугольно-черешковых встречаются как с комплексом ямочно-гребенчатой, так и с гребенчатой керамикой. Треугольные же, как наиболее распространенные в восточной зоне гребенчатой керамики, следует, по-видимому, связывать с посудой, украшенной гребенкой (Крижевская, 1962, стр. 106, рис. 7, *2—3*; Буров, 1962б, стр. 22, рис. XIV, *7*; 1962а, стр. 49, рис. IV, *10*).

Резко удлиненные наконечники стрел с прямым основанием в Костромском Поволжье зачастую находят в более поздних памятниках.

Наконечники копий сравнительно редки, преимущественно листовидной формы.

Основная масса скребков изготовлена из отщепов кремня, очень редко — из кварцита. По форме они подразделяются на 1) концевые — из уплощенных отщепов подпрямоугольных и подтреугольных очертаний; 2) округлые — из уплощенных, реже массивных отщепов с крутой ретушью, опоясывающей бо́льшую часть периметра или все изделие; 3) некрупные, высокой формы, с крутым рабочим краем; 4) с выпуклой, сплошь отретушированной спинкой; 5) миниатюрные скребочки; 6) на длинной боковой стороне отщепа, напоминающие ножи; 7) из коротких широких отщепов прямоугольной и подтреугольной формы; 8) атипичные скребки.

Все перечисленные группы, за исключением седьмой, встречаются на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой. Возможно, к более поздним памятникам относится и четвертая группа, поскольку скребки с ретушированной спинкой в большом количестве найдены в поселении Станок I. Скребки же из коротких широких отщепов прямоугольной и подтреугольной формы характерны для памятников с волосовской керамикой (Гурина, 1963, стр. 114, рис. 23, *5—6*; стр. 115, рис. 24, *1, 3*).

На поселениях с гребенчатой керамикой преобладают скребки на конце уплощенных отщепов, в основном неправильных очертаний. В отличие от

[2] Материалы хранятся в Костромском краеведческом музее.

поселений с ямочно-гребенчатой керамикой здесь совсем нет миниатюрных скребочков.

Значительная часть рубящих орудий изготовлена из сланца и кремня, гораздо меньше — из крупнозернистого камня серого и зеленоватого цвета. Размеры и формы их достаточно разнообразны, обработка порою очень тщательная, иногда небрежная. Наиболее распространены сланцевые рубящие орудия подпрямоугольных, реже подтреугольных очертаний, с асимметрично скошенным лезвием со стороны брюшка, отшлифованные по всей поверхности. Среди них выделяются массивные орудия с трапециевидным сечением, группа коротких широких тесел, расширенных к рабочему концу, рубящие орудьица со скругленным обушком и, наконец, мелкие стамесочки.

Широко распространенной разновидностью являются и овально-удлиненные кремневые топорики и тесла, почти все незашлифованные, лишь единичные экземпляры имеют пришлифованный рабочий край. Сравнительно редки топоры с симметрично скошенным лезвием и плоским обушком, подразделяющиеся на уплощенные и массивные, почти округлые в сечении. Обе эти разновидности сделаны из крупнозернистого камня, редко — сланца.

Известны единичные находки каменных валикообразных топоров.

Кроме того, на поселениях с волосовской керамикой (Борань, Федоровское, Станок I) обнаружены желобчатые долота из кремня волосовского типа; в большом количестве найдены различные типы фатьяновских топоров как при сборах с поверхности и в могильниках, так и при раскопках некоторых памятников (Борань, Станок II, Умиление). Встречены также массивные каменные молоты и кирки, крупные рубящие орудия из плоских оббитых по краям плит, которые относятся уже к эпохе металла (Гурина, 1963).

Аналогичные рубящие орудия с асимметрично скошенным лезвием в стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой лесной полосы европейской части СССР (Цветкова, 1963, стр. 67, рис. 8, *1—3, 6*) позволяют относить их к тому же комплексу и в памятниках Костромского Поволжья. Исключение составляют короткие широкие тесла и расширенные к рабочему концу орудьица со скругленным обушком, основная масса которых найдена на поселениях с гребенчатой керамикой как в Костромской области, так и за ее пределами. Напротив, мелкие стамесочки удлиненных очертаний отсутствуют в костромских памятниках этого типа (Буров, 1962б, стр. 10, рис. VI, *2*).

К этому же комплексу, вероятно, следует причислить и массивные овальные кремневые топорики без шлифовки, характерные для памятников той же восточной зоны гребенчатой керамики (Буров, 1962б, стр. 10, рис. VI, *3, 4*).

Орудия с симметрично скошенным лезвием в единичных экземплярах встречаются на поселениях как с одним, так и с другим типом посуды.

Режущие инструменты представлены многочисленными кремневыми пластинами и отщепами с ретушированными краями и единичными экземплярами двусторонне обработанных изделий.

Среди ножей с частичной обработкой выделяются следующие группы: 1) из тонких, правильно ограненных пластин, иногда зауженных к одному концу, с ретушью по одной-двум сторонам, реже по всему периметру; в некоторых случаях такие изделия имеют достаточно крутую ретушь на одной из сторон и, возможно, являются комбинированными орудиями — скребками-ножами; 2) из удлиненных пластин и отщепов с изогнутым, как бы клювовидным концом; 3) из удлиненных отщепов с зауженным или скошенным концом, среди которых попадаются изделия со слегка выпуклой, сплошь отретушированной спинкой; 4) из уплощенных отщепов и пластин случайных очертаний с ретушью на одной-двух сторонах.

Двусторонне обработанные орудия, как правило, имеют овальную и листовидную форму. При этом стороны таких ножей несколько асимметричны и более тщательно отретушированы. Нередко обработке подвергались одни края с обеих плоскостей, иногда не по всему периметру. Имеется единственный экземпляр (Федоровское поселение) асимметрично выгнутого ножа с зауженным черешком. Наиболее распространенными режущими инструментами являются ножи четвертой группы.

Выделить среди ножей типы, характерные для того или иного комплекса керамики, не удается, поскольку все они находят аналогии в различных памятниках не только Костромского Поволжья, но и других территорий, удаленных друг от друга на большое расстояние. Лишь ножи со скошенным острым концом (третья группа) можно отнести к комплексу с гребенчатой керамикой как на основании наблюдений над каменным инвентарем костромских памятников, так и по аналогии с ножами стоянок Боровое озеро I и Вис I, содержащих посуду, украшенную гребенкой (Бадер, 1951б, стр. 28, рис. 15, *10*; Буров, 1962б, стр. 9, рис. V, *1—3*).

На поселениях обеих групп в большом количестве встречаются скобели и инструменты для проделывания отверстий.

Скобели не имеют четко выраженных форм. Для их изготовления использовались отщепы и пластины любых очертаний, на одной стороне которых ретушью оформляли дугообразно вогнутый рабочий край. На одном орудии могут быть сгруппированы две-три выемки на разных или на одной из его сторон. Глубина и диаметр выемки различны, но большинство из них не превышает 2—3 см в диаметре. Наиболее оригинальны скобели из небольших треугольных отщепов с рабочей частью на одной, двух, реже трех сторонах.

Инструментами для проделывания отверстий служили проколки и сверла. Причем проколок гораздо меньше, чем сверл, что объясняется, по-видимому, заменой кремневых проколок костяными. Проколки из кремня представляют собой удлиненные пластины с тщательно отретушированным жальцем на конце или отщепы с острым концом. В первом случае ретушью, помимо жальца, обработана и прилегающая к нему часть пластины, во втором — лишь острие.

Сверла подразделяются на два типа: из массивных отщепов с одним резко удлиненным ретушированным концом и двусторонне обработанные из удлиненных, овальных в сечении отщепов, отретушированных по всей поверхности, по форме напо-

минающих наконечники стрел. Для производства последних нередко приспосабливали испорченные заготовки и наконечники стрел.

Столь же широко распространены в костромских памятниках резчики, сделанные из отщепов и пластин, высокие прямоугольные орудия с ретушированной спинкой, служившие, вероятно, для скобления, ложкари из таких же высоких удлиненных отщепов с зауженным концом, отбойники из округлых и овальных камней и галек, каменные шлифовальные плиты и др.

Оригинальными орудиями можно назвать предметы из высоких краевых отщепов, изогнутых почти под прямым углом. Они отретушированы по всей внутренней и на остром оттянутом конце внешней сторонах, реже — по всему периметру. Одно из таких изделий имеет несколько смягченный угол, расширенный короткий конец и ретушь на спинке. Близки к ним кремневые орудия в форме вытянутых треугольников с высокой ретушированной спинкой.

Назначение всех этих предметов не совсем ясно. По-видимому, они выполняли несколько функций — скобелей, ножей, а их приостренные концы — сверл или ложкарей.

Поскольку описанные выше оригинальные орудия были найдены лишь в стоянках Туровское, Умиление, Федоровское и в устье р. Святицы, их можно считать характерными для кремневого инвентаря поселений с гребенчатой керамикой. Некоторым подтверждением этому служит близость их к кремневым изделиям стоянок с типичной гребенчатой керамикой Боровое озеро I на р. Чусовой (Бадер, 1951б, стр. 28, рис. 15, *11*).

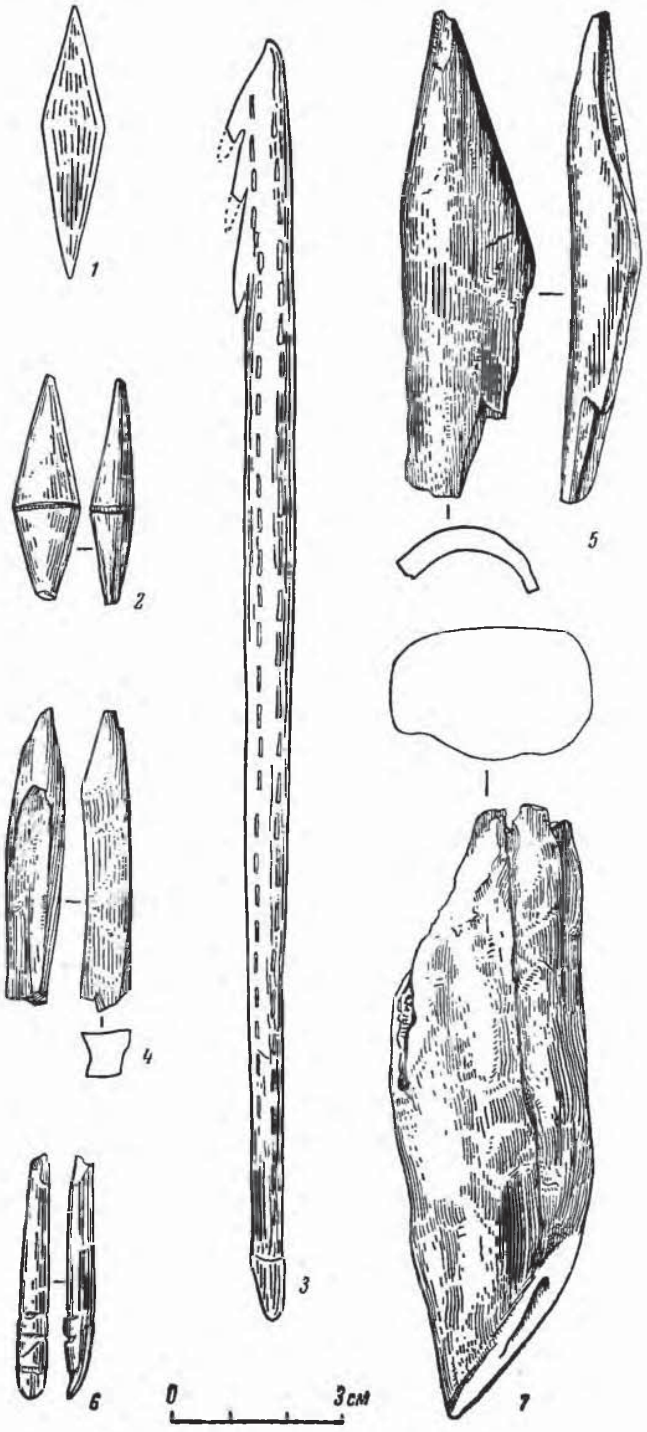
Таким образом, кремневый инвентарь костромских памятников позволяет в известной мере выявить различие между орудиями, связанными с ямочно-гребенчатой и с гребенчатой керамикой. Каменные орудия, которые относятся к ямочно-гребенчатой керамике, тяготеют к каменным изделиям неолитических стоянок Волго-Окского междуречья; орудия же поселений с гребенчатой керамикой обладают некоторыми своеобразными чертами и находят себе аналогии в северных и восточных областях.

Костяных изделий в костромских памятниках значительно меньше, чем кремневых, видимо, по причине плохой сохранности костного материала в неглубоко залегающем песчаном культурном слое.[3]

Для изготовления орудий использовались кости нижних частей конечностей животных и рог (во всех случаях, когда кость и рог поддавались определению, они принадлежат лосю); украшения же, как правило, сделаны из зубов и фаланг (см. рисунок, *1—7*; табл. 25, *31—32*).

Охотничье оружие состоит из наконечников стрел биконической формы, сильно заполированных. На одном из них в месте наибольшего расширения прорезана тоненькая горизонтальная полоска.

Предметами рыболовства являются гарпуны и часть составного рыболовного крючка. Гарпуны округлые и овальные в сечении с зубцами, расположенными с одной стороны в верхней части. Их насады приострены двумя срезами, иногда снабжены бороздкой. На одном из гарпунов по краям обеих плоскостей нанесена прерывистая линия. Часть рыболовного крючка — узкая длинная косточка, один

Костяные орудия памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Костромского Повольжья.

конец которой обломан, а противоположный полóго срезан. Над срезом — три глубокие бороздки для крепления. Из других орудий встречаются роговые мотыжки, острия для проделывания отверстий, кочедык и несколько неопределенных предметов, по-

[3] За исключением одного гарпуна, все находки происходят из раскопок Федоровского поселения.

хожих на так называемые орудия под углом 45°. Мотыжки округлые в сечении, с круто скошенным, дугообразным рабочим краем. Их тыльные части, как правило, поломаны. Острия сделаны из распиленных трубчатых костей, один конец которых заострен и залощен. Одно из таких острий, почти четырехгранное в сечении, вырезано из плоской кости. Для кочедыка приспособлена грифельная кость парнокопытного, вероятно лося, верхний конец которой заострен, а эпифиз оставлен без обработки.

Украшения представлены разнообразными подвесками — овальными с дырочкой, просверленной с одной, выпуклой, стороны; клыками мелких животных (барсука?) с выемкой у корня и фалангами молодого медведя с двусторонним сверлением у одного конца; обломком кости с насечками.

Почти все костяные предметы были найдены при раскопках Федоровского поселения в его пониженной восточной части, где встречалась ямочно-гребенчатая керамика, к комплексу которой, по-видимому, и следует их относить. Не исключено, что подобные изделия из кости, особенно всевозможные острия, проколки и подвески, бытовали и у племен с гребенчатой керамикой, но не сохранились до нашего времени.

Помимо костяных, широко распространены были подвески из сланца, шифера и других пород камня, овальных, округлых, подпрямоугольных и аморфных очертаний с двусторонне просверленным отверстием у зауженного края, реже — в центре изделия. Наиболее оригинальны подвески-штампы из плоских галек с зазубринами по краям и дырочкой около конца или в центре, служившие для нанесения орнамента на керамику (табл. 25, *27—29*).

К предметам искусства следует отнести кремневую фигурку водоплавающей птицы с едва выгнутой спинкой и короткой, вытянутой шейкой. Трудно определить, к какому из археологических комплексов ее следует причислить. В настоящее время подобные изображения принято связывать с памятниками волосовского типа (П. Третьяков, 1966, стр. 51). Это предположение до некоторой степени подтверждается находкой описанной выше фигурки на поселении Станок I, где основную массу керамики составляют обломки сетчатой и волосовской посуды, тогда как ямочно-гребенчатой насчитывается не более десятка.

В то же время изображение водоплавающих птиц в Костромском Поволжье нередко встречается на сосудах с гребенчатым орнаментом. Они в значительной степени схематизированы, расположены как на внешней стороне сосудов, где вплетены в орнамент, так и в виде отдельных рисунков на внутренних стенках сосудов, иногда довольно низко.

В связи с предметами искусства и культа следует коснуться галичского клада, поскольку долгое время клад и обнаруженное около него древнее поселение — Туровское — рассматривались как одновременные (Городцов, 1928).

Вопрос датировки галичского клада очень сложен и требует специального исследования. Не ставя здесь столь трудную задачу, попытаемся выяснить, можно ли датировать клад временем бытования гребенчатой керамики, составляющей основную массу керамического материала Туровского.

Среди находок этого поселения, помимо сосудов, украшенных гребенкой, имеются обломки фатьяновской и сетчатой керамики, подчеркивающей разнородный характер материала. О разновременности культурных остатков с поселения свидетельствуют также перекрывающие друг друга основания жилищ и различие в цвете культурного слоя по глубинам.

Существенно, что сосуды с гребенчатым орнаментом были найдены врытыми в пол жилищ и подстилающий слой (Городцов, 1928, стр. 33, 34). Подтверждением относительной древности этой керамики служит и ее типологическое сходство с гребенчатой керамикой Федоровского поселения, где обломки такой посуды залегали в культурном слое гораздо ниже волосовской, фатьяновской и сетчатой керамики. Несмотря на различие в деталях, керамика Туровского поселения сохраняет много архаических черт, общих с гребенчатой керамикой Федоровского поселения — в тесте, форме и размерах сосудов, элементах орнамента, его зональном распределении, а зачастую и в композиции. Напротив, некоторые вещи клада поражают мастерством технического и художественного исполнения, что едва ли можно предположить для периода зарождения техники обработки металла. Такие сложные изделия, как антропоморфные фигурки с четко выраженными чертами лица и рукояти ножей с прорезями, могли появиться, когда техника изготовления предметов из металла прошла длительный путь и достигла сравнительно высокого уровня.

Как известно, среди находок на волосовских и фатьяновских памятниках металлические вещи редки, тем меньше оснований предполагать появление предметов, найденных в галичском кладе в предшествующее время бытования гребенчатой керамики.

Рассмотрение керамического неолитического материала начнем с группы *ямочно-гребенчатой керамики* (табл. 27, *1—15*).

Сосуды этой группы вылеплены из отмученной глины с примесью дресвы, иногда придававшей черепкам шероховатость, затем тщательно сглаженных. Форма их полуяйцевидная или митровидная с прямым краем, округлым или приостренным днищем. Венчик скошен внутрь, слегка нависает над внутренней стенкой или совсем прямой, реже приострен с обеих сторон. Диаметр сосудов в основном колеблется от 30 до 45—50 см. Помимо крупных экземпляров, есть обломки миниатюрных тонкостенных сосудиков диаметром 10—15 см. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность посуды, а зачастую и край внутренней стороны.

Некоторое своеобразие костромской керамики заключается в заметной толстостенности сосудов — до 1.7 см и в том, что рисунок на внутренней стороне нередко спускается очень низко.

Элементов орнамента сравнительно немного: глубокая коническая ямка, гребенчатые овалы, оттиски гребенчатого штампа, отпечатки аммонитов, шнура, намотанного на стержень, веревочки, лунчатые вдавления, реже — кольцеобразные, а также вдавления неопределенных форм. Следует заметить, что внутренние стенки сосудов украшались только гребенкой.

Несмотря на ограниченное количество элементов, орнамент на керамике не выглядит однообразным.

Путем различных сочетаний древние мастера придавали своей посуде достаточно нарядный вид.

Наиболее распространены сочетания круглых ямок с отпечатками гребенки и ее заменителями — аммонитами, веревочкой, перевитым шнуром, реже наблюдается круглая ямка с гребенчатым овалом, лунчатыми, кольцеобразными и прочими вдавлениями. Круглые ямки входят в любые сочетания в качестве основного элемента и нередко являются единственным украшением сосуда. Сочетания из 3—4 элементов очень редки. Композиция узора проста: обычно поле круглых ямок разделено поясками косо поставленных или горизонтальных оттисков гребенки или ее заменителей, иногда какими-либо иными вдавлениями. Из более сложных узоров распространены фигуры ромбов, сетка и зигзаг из гребенки. Часто наблюдается узор из длинных гребенчатых отпечатков, нанесенных под углом к краю сосуда между круглыми ямками, горизонтальная елочка, а также гребенка, оттиснутая поверх ямочного орнамента, в результате чего края ямок сминались. Как правило, нарядный и строгий рисунок у венчика и в верхней части сосуда и у дна сменяется более простым и нечетким. В целом орнамент довольно густо покрывает всю поверхность сосудов, подразделяясь на горизонтальные зоны, и лишь в редких случаях наблюдается разреженный с большими незаполненными участками.

Основная масса ямочно-гребенчатой керамики на всех поселениях Костромского Поволжья украшена круглыми ямками или простыми узорами из чередующихся поясков круглых ямок и какого-либо дополнительного элемента, — чаще всего гребенки.

Ближайшие аналогии этой керамике имеются в материалах стоянок Сокольское I (Крижевская, 1963, стр. 34, рис. 4, *1—10*; стр. 35, рис. 5, *1—16*; стр. 39, рис. 8, *1—15*), Серково I (Гаврилова, 1963, стр. 51, рис. 3, *1—2*, *5—15*), среди посуды памятников Балахнинской низины (Бадер и Воеводский, 1936); и, наконец, в нижнем течении р. Оки близкая керамика наблюдается на стоянках Малоокуловской, Гавриловке II (Цветкова, 1963), в нижнем горизонте Садового Бора и Панфиловской (Цветкова, 1963, стр. 58, рис. 2, *1—7*).

Сходство костромской керамики с посудой перечисленных выше памятников позволяет говорить об их одновременности и генетическом родстве.

Керамика второй группы, украшенная почти одной гребенкой, по тесту, размерам и форме не отличается от рассмотренной выше. Однако стенки сосудов значительно тоньше, на их внутренней стороне видны четкие штрихи от заглаживания, направленные в одну сторону или образующие зоны под углом друг к другу, создавая как бы видимость узоров; значительно реже они размещаются беспорядочно. Орнамент на внутренней стороне иногда спускается низко и представляет собой в отдельных случаях схематические изображения. На некоторых сосудах слабые следы сглаживания можно видеть и на внешней поверхности (табл. 28, *1—17*).

Основным и почти единственным элементом украшений является гребенка. Отпечатки ее средней величины, очень четкие, глубокие, иногда с нажимом на одну сторону. В качестве дополнения к гребенке чаще других использованы неправильные ямочные вдавления, нанесенные под углом к стенке сосуда. Иногда их заменяют короткие, редко поставленные косые гребенчатые отпечатки, изредка — круглые ямки. Степень заполнения поверхности сосуда орнаментом различна. Имеются экземпляры, сплошь покрытые узорами, и с разреженным орнаментом, однако зональное расположение его соблюдается в обоих случаях.

При сплошной орнаментации гребенка покрывает сосуд непрерывными вертикальными зигзагами или образует сплошное поле из косо нанесенных отпечатков, разделенных одним из дополнительных элементов. Широко распространены пояса горизонтальных зигзагов, ниже которых размещаются тесно поставленные друг к другу вертикальные ленты из коротких горизонтальных отпечатков гребенки. Между этими лентами иногда располагаются мелкие вдавления. Зигзаги и ленты, как правило, сочетаются с горизонтальными поясками из косой гребенки. Нередко гребенчатыми отпечатками созданы целые зоны, расположенные под углом друг к другу.

На сосудах с разреженным орнаментом повторяются в основном те же композиции, лишь с большими промежутками. Это всевозможные косые и вертикальные ленты, зигзаги из двух параллельных гребенчатых линий, промежуток между которыми заполнен короткой вертикальной гребенкой, горизонтальные пояски из гребенчатых оттисков, цепочки ромбов и прямоугольников из гребенки.

Одной из самых интересных композиций, созданных гребенкой, является схематическое изображение водоплавающих птиц на внешних и на внутренних стенках сосудов. К сожалению, бóльшая часть их фрагментирована. Наиболее полный рисунок передает головку, шейку и часть туловища птицы: две короткие параллельные линии обозначают голову, одна длинная — туловище, линия, поставленная наискось между ними, — шейку. В другом случае туловище представлено в виде коротких вертикальных оттисков, а головка — в виде примыкающего к ним треугольника. Кроме того, имеется рисунок, выполненный такой же вертикальной гребенкой с выступающими вверх двумя параллельными оттисками, какими обычно обозначают поднятые крылышки птиц. Два последних изображения очень схематичны, но, поскольку в орнаменте посуды иные животные неизвестны, можно допустить, что и в данном случае древний мастер хотел показать птиц. От других рисунков сохранились лишь отдельные детали на левой стороне черепков.

Встречается также изображение птичьих лапок из трех коротких веерообразно расходящихся гребенчатых отпечатков. Такие отпечатки, нанесенные горизонтально друг за другом, образуют пояски.

Отметим, что гребенчатая керамика с Федоровского, Туровского и поселения Умиление, несмотря на черты сходства, имеет и некоторое различие. Так, посуда Федоровского поселения отличается сплошным заполнением орнаментом и преобладанием простых композиций. Сосуды со стоянки Умиление характеризуются большим использованием сложных, разреженных узоров, а в Туровском такой орнамент является господствующим. Различия в орнаменте этих трех поселений, возможно, отражают их последовательность во времени.

Полные аналогии рассмотренной выше посуде в настоящее время найти трудно. В различных памятниках обширной восточной зоны гребенчатой керамики имеется близкая, но не тождественная посуда. Отдельные аналогии костромской гребенчатой керамике находятся в поселениях позднего неолита на северо-востоке Башкирии, в Усть-Айском, Усть-Юрюзанском, Черкасовском (Крижевская, 1962, стр. 109, рис. 9, 6, 8, 10, 12, 16—8), на стоянках Боровое озеро I и Кряжеский в Прикамье (Бадер, 1951б, стр. 25, рис. 13, 1, 5; Денисов, 1960, стр. 12, рис. 7, 1—2) в Висских стоянках бассейна р. Вычегды (Буров, 1962б, стр. 13, рис. VIII; стр. 14, рис. IX, *2—7;* стр. 15, рис. X, *1—3, 4—6*), на Северной Сосьве Честый-яг и Сортынья I (Чернецов, 1953, стр. 16, табл. III, *5—8; 11—13;* стр. 17, табл. IV, *12—14*). Из них наиболее сходной является посуда вычегодских стоянок, орнамент которой зачастую тождествен. Интересно, что среди гребенчатой керамики стоянки Вис 1 имеется изображение лапки водоплавающей птицы. Однако гребенчатая керамика здесь не столь многочисленна и в большинстве случаев происходит из памятников со смешанным комплексом.

Таким образом, в противоположность ямочно-гребенчатой керамике рассматриваемой территории, аналогии которой находятся в Волго-Окском междуречье, памятники, содержащие гребенчатую керамику, близкую нашей, находятся севернее и восточнее Костромского Поволжья.

В костромских памятниках гребенчатая керамика залегает ниже волосовской, фатьяновской и сетчатой, что свидетельствует о ее более ранней дате. Типологическое же сходство с ямочно-гребенчатой посудой (в глиняном тесте, хорошем обжиге, форме и размерах сосудов, элементах орнамента, его зональном расположении и некоторых композициях) позволяет считать гребенчатую керамику моложе ямочно-гребенчатой. Однако общие традиции, прослеживаемые в обеих группах, исключают сколько-нибудь значительный разрыв их во времени.

Рассмотренные в данной статье материалы позволяют, на наш взгляд, говорить о заселении территории Костромского Поволжья в эпоху развитого неолита племенами, материальная культура которых была очень близкой волго-окским неолитическим племенам. Несколько позже на их основе под каким-то пока не известным восточным влиянием в северо-восточной части этой территории складывается иная материальная культура, характеризуемая гребенчатой керамикой, которую автор вслед за В. А. Гордцовым называет галичской.

Поскольку одной из характерных черт материальной культуры служат жилища, остановимся на рассмотрении их остатков в Костромском Поволжье.

В 1925 г. в процессе раскопок Федоровской стоянки были обнаружены следы трех землянок, расположенных недалеко друг от друга (Брюсов, 1928). По утверждению А. Я. Брюсова, землянки прослеживались в виде круглых, заполненных культурным слоем ям, глубиною от 0.45 до 0.60 м, стенки которых довольно круто спускались вниз до почти плоского пола. Верхний диаметр углубленной части жилища № 1 — 4.81 м, жилища № 2 — 5.5 м, жилища № 3 — 6 м.

У края землянки № 1 прослежены две ямки от столбов диаметром 0.20—0.23 м; такие же ямки наблюдались в землянке № 2 — одна у края, другая почти в центре. В землянке № 1 размещался очаг, сложенный из камней, диаметром 0.60—0.70 м, приподнятый над полом на 0.25—0.30 м. Такие же очаги, как полагает исследователь, находились и в других землянках.[4]

В юго-западной и западной стенке землянки № 3 открыта, как пишет А. Я. Брюсов, своеобразная кладовая в виде двух расположенных уступами круглых ям диаметром 0.50 и 0.85 м, глубиною соответственно 0.40 и 0.50 м. При этом нижняя большая яма была заполнена землей, перемешанной со жженными косточками и мелкими кусочками ярко-красной краски. В обеих ямах найдены раздавленные небольшие круглодонные сосуды.[5]

Остатки жилищ, по-видимому, следует связывать с комплексом ямочно-гребенчатой керамики, так как расположены они в той части Федоровского поселения, где отсутствуют гребенчатая и волосовская керамика, не встреченная и в заполнении землянок. Кроме того, аналогичные округлые в плане основания жилищ широко распространены в Волго-Окском междуречье на неолитических стоянках — Балахнинской, Дубровичской, Малоокуловской, Гавриловской, у деревень Сонино и Желнино (Городцов, 1897; Жуков, 1922; Селезнев, 1928; Цветкова, 1947, 1963).

Надо отметить, что если остатки жилищ открыты только на Федоровском поселении, то следы очагов встречаются на каждой из стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой. Известны два типа очагов — углубленные в грунт, заполненные пережженной землей, золой, угольками, и сложенные из камней, лежащих внутри или чуть выше очажных ям. Возможно, камни использовались и в первом случае, но были выброшены впоследствии. Такие камни довольно часто попадаются при раскопках поселений. Значительная площадь, мощный, интенсивно насыщенный культурный слой красноречиво говорят о продолжительном обитании сравнительно большой группы людей на каждом поселении.

Несмотря на раскопки, проведенные в больших масштабах на поселениях с гребенчатой керамикой, лишь на Туровском открыты остатки жилых комплексов[6] (табл. 69, *VI*).

---

[4] Отчет о раскопках стоянки около села Федоровского в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1925 г., № 196. — Раскопки последующих лет значительной площади Федоровского поселения (около 300 м²) следов жилищ не выявили. Мощность культурного слоя постепенно увеличивалась по направлению к реке и озеру, без каких-либо резких западаний. Зачистка поверхности подстилающего слоя позволила увидеть лишь несколько неглубоких овальных ям, скорее всего очажных, не более 2—2.5 м по наибольшему диаметру (см. отчеты И. В. Гавриловой о работе Костромского неолитического отряда за 1963—1964 гг.).

[5] По нашему мнению, заполнение большой ямы скорее свидетельствует о ее назначении как очага, тем более что подобные очажные ямы часто встречаются на неолитических поселениях.

[6] Следы округлых землянок Федоровского поселения располагались на площади, где гребенчатая керамика почти отсутствовала; жилища стоянки Умиление, по мнению М. Е. Фосс, относятся к более поздней эпохе (Фосс, 1947в, 1948, 1949б).

Здесь обнаружены следы восьми жилищ, округлых в плане, шесть из которых имели диаметр 5 м, два других — 6 м; в центре землянок №№ 2, 5, 7, 8 были очаги, сложенные из камней, их диаметр колебался от 0.80 до 1.10 м, а мощность — от 0.18 до 0.26 м, причем очаг землянки № 5 углублен в грунт, остальные находились на уровне древнего пола, а в землянке № 2 даже выше его. Преобладает глубина около 0.60 м, но в землянках №№ 1 и 2 она равна 0.36—0.40 м, а в № 5 достигает 0.80 м.

В. А. Городцов допускает возможность их разновременности, о чем свидетельствуют случаи пересечения пола одной землянки другим полом. Такое явление наблюдалось при раскопках жилищ №№ 1, 5, 6; при этом их относительная древность осталась невыясненной (Городцов, 1928).

О разновременности жилищ говорит и тот факт, что в землянке № 2 очаг был значительно приподнят над полом — на 0.17—0.18 м, а среди находок много железных шлаков. Однако наличие остродонных горшков с гребенчатым орнаментом, врытых в полы землянок №№ 1, 6 и 7, позволяет рассматривать их как одновременные и относить ко времени бытования гребенчатой керамики (Городцов, 1928).[7]

На Федоровском поселении раскопками В. И. Смирнова в 1926 г. обнаружены древнейшие в Костромском Поволжье погребения (Казаринов, 1929) (табл. 70, 7).

Погребения обнаружены в культурном слое поселения на низкой, заболоченной оконечности мыса. Два костяка в анатомическом порядке лежали на глубине 0.60 и 0.50 м от дневной поверхности, на спине; их правые руки вытянуты вдоль туловища, положение левых рук не выяснено. Первое захоронение обращено головою на В, ориентировка второго непонятна, так как в изданной литературе указан север, а в дневнике раскопок — юг.[8]

Под первым погребением, на глубине 0.75 м от дневной поверхности был найден еще один, но разрозненный костяк.

Во всех случаях погребения находились выше нижней границы культурного слоя, содержащего множество костных остатков и рыбьей чешуи. Это помешало исследователям проследить могильные ямы и отделить погребальный инвентарь от прочих находок. Более уверенно с погребениями можно связать некоторые предметы из кости: сверленый зуб хищника (погребение № 1), челюсть бобра и зубы хищника, найденные слева от погребения № 2, костяной гарпун и остроконечное костяное орудие, лежащие справа от него, а также зубы бобра и, может быть, рыбьи позвонки, рассыпанные между костями третьего разрозненного скелета (погребение № 3), и челюсть бобра около его ног. Недалеко от нижних конечностей костяка (погребение № 2) была обнаружена каменная чашка. Однако нет достаточных оснований связывать ее именно с этим погребением.

Следовательно, можно констатировать одиночные захоронения в нижней части культурного слоя, лежащие в вытянутом положении на спине, с различной ориентировкой и очень малочисленным сопровождающим инвентарем в виде костей животных и поделок из них.

Умерших хоронили в разное время, вследствие чего один из костяков (погребение № 3) оказался под другим (погребение № 1), ниже на 0.15 м и был поврежден. О том же свидетельствуют и отдельные человеческие кости, обнаруженные на этом участке.

Погребения совершались, по-видимому, лишь на определенном участке, поскольку на остальном вскрытом пространстве, около 500 м^2, следов захоронений не наблюдалось.

Над костяками лежит культурный слой мощностью от 0.50 м и более; однако не установлено, отложился ли он в процессе последующей жизни на поселении, или могильные ямы были выкопаны в нем.

Аналогичные погребения в нижней части культурного слоя или в неглубоких ямах под культурным слоем довольно широко известны на неолитических поселениях лесной полосы европейской части СССР — в Языкове, Кубенине, Верхнем Веретье, Нарве I, Гавриловской, Сахтыше II (Бадер, 1936; Гадзяцкая и Крайнов, 1965; Гурина, 1967а; Фосс, 1940; Цветкова, 1947). Несмотря на некоторое различие в деталях, захоронение умерших на площади поселения в вытянутом положении без строгого соблюдения ориентировки, с очень бедным сопровождающим инвентарем, или вовсе без вещей является общей чертой для всех выше перечисленных памятников.

Указанные погребения, за исключением Нарвского, с большей долей вероятности относятся ко времени бытования ямочно-гребенчатой керамики, которая на всех этих памятниках является единственной или составляет основную часть керамического материала. Сходство погребального обряда на Федоровском поселении и поселениях, упомянутых выше, позволяет, как нам кажется, отнести федоровские погребения к неолитической эпохе и связывать их с комплексом ямочно-гребенчатой керамики.

Подводя итог, можно констатировать, что сходство материальной культуры, проявляющееся в керамике, каменном инвентаре, типе жилищ, а возможно и в погребениях, поселений с ямочно-гребенчатой керамикой в Костромском Поволжье и в памятниках поздней льяловской и балахнинской культур Волго-Окского междуречья, позволяет считать племена, оставившие их, близкими в этническом отношении. Галичская же культура носит гибридный характер; она сочетает признаки, типичные для костромских поселений с ямочно-гребенчатой керамикой и для памятников восточной зоны гребенчатой керамики, являясь отражением их контакта.

[7] См. также отчет В. А. Городцова и дневник раскопок. Архив ЛОИА, ф. 46, №№ 22, 23.

[8] Отчет В. И. Смирнова «Раскопки на р. Вексе чухломской у дер. Федоровской 4—10 августа 1926 года...». Архив ЛОИА, ф. 46, № 43.

И. К. ЦВЕТКОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА РЯЗАНСКОГО ТЕЧЕНИЯ р. ОКИ

Первые сведения о неолитических памятниках в районе среднего течения р. Оки относятся к началу XX столетия, когда В. А. Городцов производил обследования берегов р. Оки от г. Мурома до г. Рязани (Городцов, 1905а). В 1926 г. Б. А. Куфтин раскопал стоянки у дер. Ибердус близ г. Касимова.[1] В 1928 г. О. Н. Бадер исследовал стоянку у дер. Владычино близ г. Спас-Клепики.[2]

В 1952 г. на основании имеющихся тогда материалов А. Я. Брюсов выделил рязанскую неолитическую культуру (Брюсов, 1952). В развитии рязанской культуры А. Я. Брюсов прослеживал три хронологических этапа, причем к третьему он относил памятники поздняковской культуры, считая их местными, генетически связанными с более ранними памятниками рязанской культуры.

В 40—50-х годах касимовским краеведом И. А. Китайцевым на территории Рязанской области ежегодно проводились археологические разведки. В 1959 г. им было открыто и раскопано уникальное человеческое захоронение на неолитической стоянке Ибердус I (Цветкова, 1966). Из открытых И. А. Китайцевым неолитических поселений наиболее интересным является Бабино-Булыгино близ г. Касимова, наиболее раннее из известных в настоящее время поселений рязанской культуры.[3]

В 1960 г. Государственным историческим музеем была организована Рязанская археологическая экспедиция, целью которой явилось систематическое исследование памятников рязанской культуры. В 1960—1962 гг. экспедиция провела раскопки трех древних поселений у дер. Ибердус близ г. Касимова. Кроме стоянки Ибердус I, относящейся к третьему этапу развития рязанской культуры, исследование которой было начато в 1926 г., Б. А. Куфтиным здесь было открыто еще два поселения — стоянка Ибердус II, принадлежащая волосовской культуре, и стоянка Ибердус III — поздняковской культуре.[4] За три года исследования все три памятника были раскопаны полностью. В 1963—1966 гг. работа Рязанской экспедиции была сосредоточена на стоянке Черная Гора на правом берегу р. Пры, близ дер. Фомино Клепиковского района Рязанской области, которая относится ко второму этапу развития рязанской культуры[5] (Цветкова, 1959).

В настоящее время многочисленные новые материалы, добытые при раскопках памятников рязанской и поздняковской культур, позволяют дать новую периодизацию.

Территория распространения рязанской неолитической культуры охватывает район среднего (рязанского) течения р. Оки и ее притоков. Ее восточная граница проходит в районе г. Касимова, северная намечается в верховьях р. Пры, западная — в районе г. Егорьевска, южной границей является левый берег р. Оки (см. рисунок).

С запада рязанская культура граничит с белёвской, с востока — с волосовской, с севера — льяловской. На юге она близко примыкает к южным лесостепным культурам.[6]

Топография поселений однообразна. Они расположены на песчаных дюнах первой надпойменной террасы р. Оки или по берегам озер и небольших рек — притоков Оки. Большинство поселений имеет мощный культурный слой, насыщенный органическими остатками (например, мощность культурного слоя стоянки Черная Гора достигает 2 и даже 2.5 м; культурного слоя стоянки Ибердус I — 1.3—1.5 м).

---

[1] Материал этих раскопок не опубликован. Коллекция хранится в Истринском краеведческом музее.

[2] Материал этих раскопок не опубликован. Коллекции хранятся в Гос. Эрмитаже (Ленинград) и в Рязанском областном музее краеведения.

[3] Материал хранится в фондах первого археологического отдела ГИМ.

[4] Материал хранится там же.

[5] Рекогносцировочные раскопки стоянки Черная Гора были произведены в 1952 г.

[6] В этой работе опущены вопросы о стоянках мезолитического времени. Нанесенные на карту такие памятники, как стоянки Борки, Дубровичи, Ужалье, Шумаш, даны как поселения развитого неолита без учета нижнего мезолитического слоя.

Рязанская культура является одной из наиболее ярких и своеобразных неолитических культур. В ее развитии прослеживаются три хронологически последовательных этапа. Первый, ранний, этап является периодом сложения племен рязанской культуры, которое происходило в конце IV—начале III тыс. до н. э. В это время племена рязанской культуры в своем развитии были тесно связаны с группой волго-окских ранненеолитических племен. Второй и третий этапы рязанской культуры — вторая половина III — первая половина II тыс. до н. э. — являются периодом ее наивысшего расцвета, когда техника кремневой и костяной индустрии достигла своего полного совершенства.

По материалам, характерным для третьего этапа, в особенности в конце его — в середине II тыс. до н. э. — прослеживаются связи рязанских племен с юго-восточными племенами. В этот период начинается расселение племен поздняковской культуры на р. Оку и процесс ассимиляции племен рязанской культуры поздняковскими племенами.

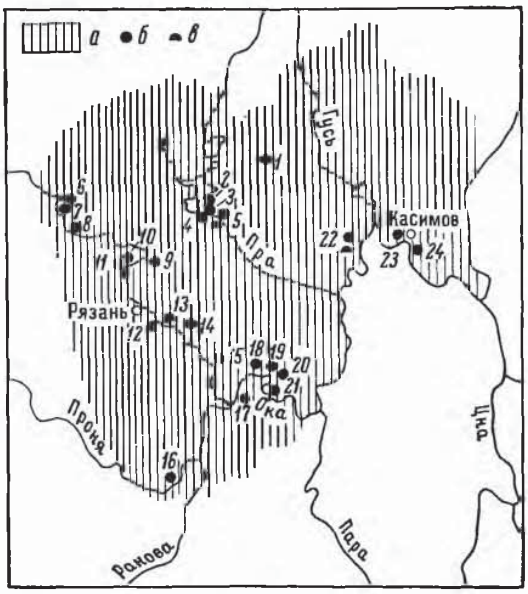
I этап. К сожалению, в настоящее время нет ни одного раскопанного памятника, относящегося к самому раннему этапу развития рязанской культуры. Поэтому первый этап пока еще только намечается на основании материалов трех памятников: Шумашской стоянки на берегу оз. Маринка близ г. Рязани,[7] Егорьевской стоянки у г. Егорьевска [8] и разрушенной стоянки Бабино-Булыгино близ г. Касимова.[9]

Наиболее интересной, давшей многочисленный и полноценный материал, является дюнная стоянка Бабино-Булыгино. И. А. Китайцеву удалось собрать на развеянной поверхности ее большое количество материала — керамики и кремневых орудий (количество керамики составляет около двух тысяч экземпляров).

В кремневом инвентаре памятников I этапа рязанской культуры встречаются некоторые ранние типы орудий (табл. 29, *1—37*). Так, на Шумашской стоянке найдены ножевидные пластинки и орудия, изготовленные из них, три концевых скребка и треугольно-черешковый наконечник стрелы; несколько ножевидных пластин и нож из массивной ножевидной пластины — на стоянке Бабино-Булыгино. Однако подавляющее большинство орудий ранних памятников рязанской культуры сделано из отщепов: наконечники стрел и дротиков с плоской двусторонней ретушью, ножи и скребки. Имеются шлифованные орудия, обломок желобчатого долота со стоянки Бабино-Булыгино, небольшой сверленый топор и обломок желобчатого долота с Шумашской стоянки. Все перечисленные типы орудий существуют и на последующих этапах развития рязанской культуры.

Ранняя ямочно-гребенчатая керамика встречается и в самом нижнем горизонте культурного слоя стоянки Черная Гора, а также в засыпке наиболее ранних погребений Черной Горы, залегающих под культурным слоем стоянки.

Указанные памятники содержат совершенно чистый комплекс ямочной и ямочно-гребенчатой керамики древнего типа. Остродонные сосуды изготовлены из глины с примесью толченой дресвы, в большинстве случаев вся поверхность их покрыта орнаментом, состоящим из круглых, глубоких ямок с коническим дном. Нередко в верхней части сосуда наносился узор наискось поставленными параллельными отпечатками гребенки; в средней части сосуда иногда они перерезают ямки, реже поверхность покрывают полулунные ямочные вдавления, а также оттиски перевитой веревочки (табл. 30, *1—23*).

Поселения рязанской неолитической культуры.

1 — Нарма; *2* — Ушмар; *3* — Владычино; *4* — Черная Гора; *5* — Спас-Клепики; *6* — Ловецкие Борки; *7* — Ловецкие Выселки; *8* — Селимские Борки; *9* — Солодча; *10* — Акаемово; *11* — г. Богослов; *12* — Борки; *13* — Шумаш; *14* — Дубровичи; *15* — Панина; *16* — Ухорь; *17* — Клименцы; *18* — Утолье; *19* — Киструс; *20* — Красные Кусты; *21* — Исады; *22* — Ибердус; *23* — Касимов; *24* — Бабино-Булыгино (Бабенки).

а — территория, занятая культурой; *б* — поселения; *в* — погребения.

Эта керамика в основных чертах не отличается от керамики ранних памятников льяловской, белёвской и балахнинской культур, поскольку древняя ямочно-гребенчатая орнаментация легла в основу украшения сосудов всех волго-окских неолитических племен (Цветкова, 1963). Однако в ней прослеживаются новые элементы, которые получают свое развитие на последующем этапе рязанской и балахнинской культур. Отличие раннерязанской керамики от керамики раннего этапа развития других окских неолитических культур заключается в следующем: 1) появляются веревочные отпечатки и неглубокая, с плоским дном, овальная ямка; этот элемент орнамента становится основным на втором этапе развития рязанской культуры; 2) имеются сосуды со своеобразным прямым утолщенным венчиком, очень характерным для второго этапа рязанской культуры.

[7] Небольшая коллекция из раскопок В. А. Городцова и из сборов разных лиц хранится в фондах первого археологического отдела ГИМ.

[8] Коллекция из сборов разных лиц хранится в фондах первого археологического отдела ГИМ.

[9] Коллекция из сборов И. А. Китайцева хранится в фондах первого археологического отдела ГИМ.

Датировка памятников раннего этапа рязанской культуры может быть сделана на основании датировок ранних памятников льяловской культуры. Наиболее древним из них в настоящее время считается Сущевская стоянка, датируемая на основании мезолитического облика ее кремневого инвентаря концом IV тыс. до н. э. (Раушенбах, 1964). К несколько более позднему времени относятся памятники льяловской культуры типа Льяловской стоянки, датируемые временем около середины III тыс. до н. э. Кремневая индустрия этих памятников постепенно теряет древние мезолитические черты, появляются орудия, типичные для эпохи развитого неолита. Именно к этому времени, вероятно, и следует относить памятники рязанской культуры.

II этап. Второй этап развития рязанской культуры выделяется главным образом на основании многочисленных материалов стоянки Черная Гора,[10] дающей совершенно чистый, однородный комплекс своеобразной ямочно-гребенчатой керамики. Кроме того, в коллекции со стоянки Черная Гора имеется большое количество разнообразных кремневых и костяных орудий. Особенно интересен костяной инвентарь, в котором можно выделить целые серии различных типов.

Кремневые орудия второго этапа рязанской культуры, подобно орудиям более раннего и более позднего этапов, выделывались из высококачественного валунного разноцветного кремня. Основная масса их изготовлена из отщепов. По сравнению с первым этапом развития рязанской культуры кремневая индустрия отличается большим разнообразием форм. Эти формы и высокая техника обработки остаются и в более позднее время.

Кремневый инвентарь многочислен. Встречаются наконечники стрел с плоской двусторонней ретушью по всей поверхности. Большинство из них обычной для неолита листовидной, ромбической и треугольно-черешковой формы. Имеются и некоторые индивидуальные формы, как например треугольные наконечники с длинным, узким черешком, заостренным в основании, а также из массивных отщепов с двумя намечающимися боковыми шипами, с удлиненным черешком. Изредка встречаются миниатюрные треугольно-черешковые наконечники из пластинчатых отщепов с плоской ретушью по всей поверхности спинки и с частичной ретушью со стороны брюшка. Наконечники дротиков из крупных отщепов листовидной и треугольно-черешковой формы, тщательно обработанные плоской ретушью, со вторичной подправкой по краям пера. Наиболее часты наконечники дротиков с треугольным пером и широким овальным с закругленным в основании черешком, в котором в некоторых случаях имеются по бокам две выемки. Скребки все без исключения изготовлены из отщепов; они не имеют устойчивой формы. Есть скребки овальные, округлые, подквадратные или подпрямоугольные с закругленным или почти прямым рабочим лезвием, всегда слегка изогнутым в профиле, спинка несколько утолщена к лезвию, брюшко плоско срезано. Рабочее лезвие обычно обработано со стороны спинки крутой, крупной ретушью со вторичной подправкой по краю. Нередко ретушь бывает нанесена по краям одной или двух боковых сторон, а остальная поверхность оббита со стороны спинки сколами; иногда весь скребок покрыт крупной ретушью. Скребла относительно немногочисленны. Они, так же как и скребки, получены из массивных отщепов. Форма их овальная с закругленным рабочим лезвием, тщательно ретушированы со стороны спинки со вторичной подправкой по краю. Скобели представлены несколькими экземплярами, сделанными из аморфных пластинчатых отщепов с одним или двумя вогнутыми рабочими лезвиями, покрытыми со стороны спинки плоской ретушью со вторичной подправкой по краям. Ножей найдено больше всего, изготовлены они из пластинчатых отщепов, иногда аморфных с частичной подработкой по краям грубой ретушью. Значительная часть их имеет определенную выработанную форму: а) треугольные с овальным черешком и двумя выемками в основании, б) двулезвийные с прямыми лезвиями, с двусторонней боковой ретушью со спинки (их много) с выпуклым ретушированным лезвием (этот тип встречается весьма часто), многие из них, кроме того, имеют с противоположной стороны вогнутое лезвие скобеля. Из индивидуальных форм можно отметить небольшой серповидный нож из отщепа с вогнутым лезвием со стоянки Черная Гора с плоской ретушью со стороны спинки. Второй нож с той же стоянки сделан из массивного отщепа, вытянутой подтреугольной формы, с острой вершиной и закругленным основанием. Одна боковая грань почти прямая, другая слегка выпуклая. Вся поверхность ножа со стороны спинки покрыта тщательной плоской ретушью, со вторичной подправкой по краям пильчатой ретушью. Длина ножа 12.5 см. Третий нож из широкого овального пластинчатого отщепа с суженным в виде рукояти одним концом. Две длинные боковые грани тщательно обработаны со стороны спинки крупной ретушью. Остальная поверхность спинки — крупными сколами. Ножевидных пластин имеется очень небольшое количество. Часть из них подработана ретушью по длинным боковым граням.

Кремневые сверла являются распространенным типом орудий. Материалом для них служили желваки. Они имеют выступающий узкий с округленными гранями рабочий конец. Нередко встречаются экземпляры с двумя рабочими концами, расположенными с двух противоположных сторон отщепа. Рабочая часть всегда тщательно отретуширована; иногда, кроме ретуши, на ней наносились резцовые сколы, которые способствовали большой эффективности сверления. Остальная поверхность сверла чаще обрабатывалась сколами или крупной ретушью. Грани тыльной части всегда притуплены. Рабочий конец сверла делался различной толщины в зависимости от диаметра просверливаемого отверстия.

Резцов на поселениях второго этапа развития рязанской культуры совсем нет. Их заменяет новый тип орудий — так называемые резчики. По своей форме они несколько напоминают сверла — изготовлены из массивных отщепов, с высокой спинкой и выступающей отретушированной только со стороны спинки рабочей частью, боковые грани кото-

[10] Коллекция хранится в фондах первого археологического отдела ГИМ.

рой оставлены острыми. Грани тыльной части притуплены; в средней части спинки нередко имеется скол, сделанный для упора пальца при работе. Иногда рабочая часть узкая, заостренная к концу, в некоторых случаях она только слегка выступает и имеет закругленный конец, на котором нередко видна естественная заполированность (результат работы по мягкому материалу).

Из шлифованных кремневых орудий встречаются следующие.

а) Желобчатые долота овальной формы, с расширяющимися к лезвию боковыми сторонами, тупым обушком, выпуклой высокой спинкой и плоско срезанным брюшком. Желобок на рабочей части довольно глубокий, расширяющийся к закругленному лезвию. Поверхность долот гладко зашлифована. По лезвию нередко наблюдается тщательная заточка. Размеры долот колеблются от 10.5 до 4.5 и даже до 3 см при ширине лезвия от 4.5 до 1.5 см.

б) Тесла подпрямоугольной формы, с расширяющимися к лезвию сторонами, с тупым усеченным обушком и с двусторонним скошенным прямым рабочим лезвием. Поперечное сечение шестигранное, со слегка асимметричным профилем. Большинство тесел тщательно зашлифовано по всей поверхности, но встречаются экземпляры, обработанные крупной ретушью с зашлифованной лишь рабочей частью.

в) Очень своеобразны орудия овальной формы с высокой спинкой и плоско срезанным брюшком, близкие к желобчатым долотам. Рабочее лезвие их закруглено, как и у долот, и скошено со стороны брюшка. Однако желобок отсутствует. Интересно, что если у желобчатых долот следы сработанности всегда прослеживаются по лезвию со стороны спинки, то у этих орудий наблюдается сильная заполированность от работы по рабочему лезвию со стороны брюшка. Возможно, что данные инструменты употреблялись для заглаживания каких-то мягких поверхностей.

Кроме кремневых шлифованных орудий, на поселениях второго этапа встречаются сланцевые. К ним относятся клиновидные топоры овальной формы с тупым усеченным обушком и сторонами, несколько сужающимися к закругленному, двусторонне скошенному рабочему лезвию. Некоторые топоры имеют тщательную шлифовку по всей поверхности, некоторые зашлифованы только в нижней (рабочей) части.

Из единичных орудий можно отметить со стоянки Черная Гора массивный сланцевый топор овальной формы с сужающимися под углом к рабочему лезвию сторонами, с тупым усеченным обушком и круглым просверленным отверстием в средней части. Длина орудия 16.7 см. Оттуда же происходит сланцевое грузило подпрямоугольной формы с закругленными углами, с круглыми просверленными отверстиями в середине.

Кремневая индустрия, характерная для второго этапа развития рязанской культуры, как по технике обработки, так и по разнообразию форм ничем не отличается от кремневой индустрии памятников рязанской культуры, относящихся к более позднему времени (т. е. к третьему этапу развития рязанской культуры). В это время наблюдается и сходство кремневой индустрии рязанской и волосовской культур. Точнее это положение можно сформулировать так: кремневая индустрия рязанской, волосовской и второго этапа развития льяловской культуры совершенно идентичны как по технике обработки, так и по формам орудий. Так, например, кремневый инвентарь стоянки Бисерово озеро (Фосс, 1959в) дает большинство перечисленных выше форм орудий, которые сопровождаются типичной для льяловской культуры ямочно-гребенчатой керамикой.

Костяные орудия и украшения, а также скульптурные изображения из кости (табл. 31, *1—36*), типичные для второго этапа рязанской культуры, представлены в большом количестве в коллекции со стоянки Черная Гора.

Ввиду благоприятных почвенных условий на Черной Горе исключительная сохранность кости. Нет ни одного поселения, относящегося к окским неолитическим культурам, на котором имелось бы такое количество разнообразных серийных изделий из кости. Все костяные изделия отличаются тщательностью обработки, выработанностью и законченностью форм.

В костяном, как и в кремневом инвентаре, типичном для рязанской культуры, прослеживаются яркие черты сходства с костяным инвентарем волосовской культуры. Они проявляются в технике изготовления костяных предметов и в их формах.

Костяные наконечники стрел, найденные в большом количестве, принадлежат разным типам: а) миниатюрные плоские, листовидные; б) плоские лавролистной формы и среди них — своеобразный наконечник с узким черешком и несколько утолщенным пером, на котором с обеих сторон нанесены косые параллельные насечки; такие же параллельные насечки имеются и по боковым граням пера; в) игловидной формы с округлым поперечным сечением со слегка утолщенным концом пера; г) весловидные с узким длинным черешком и округлым поперечным сечением; д) с конической головкой; среди них есть наконечники с утолщением в средней части. Можно отметить также наконечник стрелы с массивным пером и веслообразным черешком, в средней части его — подчетырехугольное утолщение с двойными шипами по боковым граням.

Гарпуны разнообразных форм: с одним крупным зубцом и с одним или двумя чуть намеченными зубцами. Оригинален гарпун, на одной стороне которого имеется желобок, на противоположной выпуклой — орнамент в виде мелких насечек; тонкие параллельные насечки заметны и на боковых гранях. Встречаются гарпуны с двумя-тремя и даже шестью клювовидными зубцами. Особенно интересен экземпляр с двумя загнутыми клювовидными зубцами, между которыми нанесены глубокие насечки.

Шилья изготовлены из трубчатых костей или ребер животных. Нередко основание ребра подработано и является рукояткой. На некоторых из них имеются зарубки или поперечные борозды, служившие для обматывания веревкой. Лезвия делались различной толщины: есть шилья с массивным, чаще же с длинным, очень тонким, тщательно заточенным рабочим концом. Среди них выделяются

миниатюрные шилья с тончайшим рабочим острием, кочедыки, служившие для плетения из лыка. Все они, как и шилья, сделаны из ребер с подработанным основанием. Рабочий конец их уплощен и закруглен в нижней части.

Выделяется очень своеобразная серия орудий с изогнутым профилем, овальной формы, с расширяющимися к закругленному основанию сторонами. Нижняя часть их со стороны брюшка носит следы заполированности, которая является результатом работы по мягкому материалу. Вероятно, эти орудия употреблялись для заглаживания швов.

Тесловидные орудия особенно многочисленны. Большинство из них представляют собой небольшие тесла подпрямоугольной или овальной формы со скошенным, тщательно заполированным прямым или закругленным рабочим лезвием. Очень своеобразны тесловидные орудия с вытянутым узким, скошенным с двух сторон рабочим концом. Характерны массивные тесловидные орудия с заостренным, нередко заполированным лезвием. Длина этих орудий 18—20 см.

Рыболовных крючков только 3 экз. Они небольшие, тонкие, округло загнутые, с прорезью в верхней части.

Выделяется группа предметов, вероятно связанных с ткачеством, — небольшие, довольно массивные, заостренные с одной стороны орудия с высокой спинкой и плоским заполированным брюшком. В верхней части спинки проделано длинное овальное отверстие, напоминающее челночное. Возможно, с ткачеством связаны и гребни из тонких костяных пластин подпрямоугольной формы с крупными треугольными зубцами.

На стоянке Черная Гора найдена мотыга из рога лося, нижний уплощенный конец которой, частично обломанный являлся рабочей частью орудия. Имеются также уникальные костяные штампы для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Один из них представляет круг, диаметром 13 см, из плоской массивной тазовой кости с округлым просверленным отверстием посередине. По краям круга нанесены глубокие зубчатые насечки: с одной стороны, зубцы подтреугольной формы, с другой — подчетырехугольной. Второй штамп изготовлен из костяной пластины и имеет форму, напоминающую птичью головку и крыло с четырьмя крупными зубцами. Боковые грани пластины покрыты нарезками, которые дают разнообразные зубчатые отпечатки.

Керамика второго этапа развития рязанской культуры имеется и на других памятниках, но не в чистом виде, а вместе с керамикой, типичной для более позднего — третьего этапа.[11] Наибольшее количество керамики второго этапа приурочено к нижнему горизонту культурного слоя Владычинской стоянки,[12] расположенной на левом берегу р. Пры, напротив стоянки Черная Гора.

Сосуды этого этапа изготовлены из глины с примесью мелкотолченой дресвы. Днища округлые или яйцевидные, шейки и плечики отсутствуют, характерны прямые, утолщенные наружу венчики. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов тщательно сглажены, в некоторых случаях производит впечатление залощенности, которая могла получиться при заглаживании сосуда мокрой рукой. Вся внешняя поверхность их густо орнаментирована, включая днище. Основной элемент орнамента — неглубокая ямка округлой или овальной формы, нередко неправильно округлых очертаний. Оттиски гребенчатых штампов мало разнообразны и играют в рисунке подсобную роль. Несколько чаще встречаются нарезки и оттиски верёвочки. Применяется также рамчатый штамп — геометрически правильный узор. В большинстве случаев вся поверхность сосудов покрыта сплошными ямками, располагающимися в шахматном порядке и составляющими иногда зоны из двух или четырех горизонтальных поясков. Попадаются и более сложные узоры, образованные ямочными вдавлениями. Наиболее часто употребительны треугольники, горизонтальные зигзаги или наискось поставленные ряды ямок. Гребенчатый, нарезной и рамчатый элементы орнамента использовались главным образом для украшения венчика сосудов, реже они образуют небольшие зоны, разрезая узоры из ямок.

Среди этого основного керамического комплекса на памятниках второго этапа развития рязанской культуры всегда имеется небольшое количество древней ямочно-зубчатой керамики, характерной для раннего этапа.

Таким образом, своеобразная ямочная и ямочно-гребенчатая керамика второго этапа развития рязанской культуры тесно связана с древней ямочно-зубчатой керамикой.

Исключительный интерес представляют предметы искусства и культа. Уникальными являются музыкальные инструменты стоянки Черная Гора — флейты, изготовленные из длинных трубчатых костей. Первая флейта длиной 19 см, на ней четыре игровых отверстия, на одной из боковых граней нанесено 14 коротких насечек, на второй — 13. Вторая и третья флейты значительно меньше по своим размерам. Как и на первой флейте, на них имеется по 4 круглых игровых отверстия. Поверхность одной из этих флейт покрыта тонким нарезным орнаментом, имитирующим ствол березы.

Особую группу составляют костяные украшения и скульптурные изображения: а) привески из зубов животных с круглыми просверленными отверстиями и среди них украшение со стоянки Черная Гора, изготовленное из необработанного кабаньего клыка с круглым просверленным отверстием, абсолютно тождественное украшениям из погребения на стоянке Ибердус I, которая относится к третьему этапу развития рязанской культуры; б) привески округлой и овальной формы с высокой спинкой; в) привески из тонких костяных пластин, на некоторые из них нанесен несложный нарезной орнамент. Найдена также своеобразная двухсторонне-трехзубчатая привеска с тремя круглыми просверленными отверстиями в середине.

Костяные скульптурные изображения встречаются двух типов. Во-первых, фигурки из костяных пластин. На стоянке Черная Гора их найдено две.

[11] К сожалению, стратиграфия этих памятников не уточняет вопроса, а имеющийся в коллекциях материал немногочислен.

[12] Коллекции из раскопок О. Н. Бадера хранятся в Гос. Эрмитаже и в фондах Рязанского областного музея краеведения.

Одна изображает водоплавающую птицу с длинной шеей и маленькой круглой головкой с длинным тонким клювом. Туловище птицы передано схематично. Вторая — схематическое изображение животного (вероятно, козла). У него длинная шея, срезанная под углом морда и наискось поставленные рога, ноги животного в виде двух отделенных друг от друга прямоугольников с просверленными восьмеркообразными отверстиями посередине. Во-вторых, голова хищной птицы с загнутым крючкообразным клювом, которая постепенно переходит в стержень, округлый в сечении, с закругленным концом, а также голова лебедя, изготовленная из массивного ребра животного.

Жилища на поселениях второго этапа развития рязанской культуры пока не обнаружено. На стоянке Черная Гора имеется несколько кострищ, представляющих собой ямы округлой формы диаметром 0.8—1.2 м, заполненные угольками и золой. Одно из кострищ овальной формы (размер 3.8×0.9 м). На той же стоянке обнаружены огромные скопления раковин съедобных моллюсков, а также костей животных, птиц и рыб и рыбьей чешуи.

На стоянке Черная Гора было вскрыто 18 человеческих захоронений, большинство из них относится ко времени существования поселения; некоторые захоронения, вероятно, были совершены в несколько более раннее время.

Все захоронения находятся под культурным слоем на глубине от 0.8 до 2.8 м, в слое твердой серой супеси, образовавшейся в результате затеков культурного слоя, насыщенного органическими остатками. Очертаний могильных ям ни в одном случае проследить не удалось. Положение скелетов различно. Некоторые лежат на спине с головой, повернутой направо или налево; другие — на боку (чаще — на правом); три скелета — на животе. Ноги во всех случаях согнуты в коленях; руки согнуты в локтях, в большинстве случаев кисти их находятся на животе, в одном случае руки согнуты в локтях и подняты вверх. Ориентировка неустойчива. Все погребения, за исключением одного, без инвентаря. Наиболее интересны три погребения. I. Погребение женщины 18—20 лет. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, с головой, повернутой вправо; ориентировка западная. Ноги согнуты в коленях; руки слегка согнуты в локтях, так что кисти находятся на животе. Под правой рукой, отставленной от тела, находился плохо сохранившийся скелет новорожденного. II. Погребение мужчины около 60 лет. Скелет лежал на правом боку со слегка повернутой и откинутой назад головой, ориентированной СЗ—З. Ноги слегка согнуты в коленях и плотно соединены вместе. Руки согнуты в локтях и также плотно прижаты к телу, так что ключицы оказались поднятыми к нижней челюсти. Кисти рук, плотно прижатые друг к другу, находятся на животе. Ребра сжаты. Вероятно, погребенный был туго связан (табл. 70, *9*). III. Погребение женщины 20—25 лет (табл. 70, *10*). Скелет лежал на животе, с головой, повернутой вправо, ориентированной СВ—В. Ноги согнуты в коленях, руки — в локтях так, что кисти находятся у черепа. Под тазом и около него с левой стороны найдены украшения, составлявшие, по-видимому, поясной набор — 27 привесок из просверленных зубов животных, причем 7 из очень мелких клыков и 6 привесок из челюстей мелких грызунов. Кроме того, здесь лежали 3 сланцевые привески с круглыми просверленными отверстиями и 2 привески из тонких костяных пластин. Над головой погребенной помещалось небольшое кострище округлой формы, диаметром 48 см.

Объективных данных для абсолютной хронологии памятников второго этапа развития рязанской культуры, к сожалению, пока нет. Поэтому вопрос об их возрасте может быть поставлен лишь на основании типологического анализа материала.

Как уже было отмечено выше, ямочно-гребенчатая керамика, характерная для второго этапа рязанской культуры, прослеживается и на памятниках ее первого этапа, т. е. приблизительно в середине III тыс. до н. э. Следовательно, начальной датой второго этапа развития рязанской культуры должна быть приблизительно третья четверть III тыс. до н. э., а конечной, — вероятно, начало II тыс. до н. э. Этой дате не противоречит кремневый и костяной инвентарь памятников второго этапа, который как по технике обработки, так и по своим формам идентичен кремневому и костяному инвентарю волосовской культуры. В частности, кремневая и костяная индустрии стоянок Черная Гора и Волосовской стоянки тождественны. Последняя относится ко времени не позднее начала II тыс. до н. э.

III этап. Третий этап развития рязанской культуры выделяется на основании материалов целого ряда памятников. В Государственном историческом музее хранятся коллекции из раскопок и сборов В. А Городцова стоянок Дубровичи, Черепки, Ловецкие Борки и ряд других. Кроме того, имеется большая коллекция из раскопок поселения у дер. Ибердус Касимовского района Рязанской области и коллекция из раскопок стоянки Коренец I.[13]

Кремневые орудия на этом этапе изготовлялись из того же высококачественного цветного кремня, залежи которого известны в ряде мест в районах Волго-Окского междуречья. Основная масса их попрежнему сделана из отщепов; орудий из ножевидных пластин, как и на втором этапе, встречается очень мало.

Наблюдается увеличивающееся разнообразие типов кремневых орудий. Наряду с орудиями, известными по более ранним памятникам (наконечниками дротиков листовидной и треугольно-черешковой формы, наконечниками стрел обычных для неолита форм — листовидных, треугольно-черешковых, ромбических; ножей из пластинчатых отщепов разнообразных форм, скребков, шильев, резчиков и т. д.), появляются и значительно более сложные орудия. Так, например, на стоянке Ибердус I имеются массивные наконечники дротиков широкой треугольной формы, с длинным овальным черешком. На третьем этапе встречаются так называемые комбинированные орудия: двулезвийные шилья, скребки-скобели, скребки-резчики (так называемые угловые скребки). На

[13] Эти коллекции получены в результате работ Рязанской археологической экспедиции ГИМ.

стоянке Ибердус I найдено очень своеобразное тщательно обработанное комбинированное орудие с тремя рабочими лезвиями: скошенное лезвие ножа, вогнутое лезвие скобеля и лезвие скребка, отделенное от лезвия ножа выемкой. На многих памятниках имеются своеобразные скребковидные орудия овальной формы со специфическим, слегка изогнутым в верхней части профилем (так называемые ложкари).

Кремневых шлифованных орудий довольно много: крупных и мелких желобчатых долот с высокой спинкой и тупым обушком, тесла со скошенным рабочим лезвием. Имеются также крупные сланцевые шлифованные орудия, валикообразные и клиновидные топоры, тесла со скошенным лезвием. На стоянке Ибердус I найден обломок массивного сверленого топора.

Костяных предметов на третьем этапе сравнительно немного, что объясняется, вероятно, характером культурного слоя. Редкие костяные орудия со стоянок Дубровичи и Ибердус I тождественны орудиям второго этапа. Аналогичны гарпуны с крупными клюковидными зубцами, небольшой, тщательно обработанный рыболовный крючок (стоянка Ибердус I), несколько шильев и долотовидных орудий и массивное кинжаловидное орудие (стоянка Дубровичи).

Третий этап развития рязанской культуры характеризуется весьма своеобразной керамикой. Сосуды толстостенные, из плотной, хорошо промешанной глины с примесью мелкотолченой дресвы, иногда растительности и шамота. Внешняя и внутренняя поверхности их тщательно сглажены, тулово вытянутое, с прямым или слегка профилированным венчиком. Днища разнообразны, округлые, округло уплощенные и совсем плоские. Уплощенные и плоские днища имеют очень маленький диаметр.

Вся внешняя поверхность сосудов покрыта особым и нередко сложным ямочно-гребенчатым геометрическим орнаментом. Округлые глубокие ямки, типичные для первого этапа, и овальные неглубокие ямки, свойственные второму, на третьем этапе превращаются в округлые и овальные ямчатые вдавления. Появляется некоторая небрежность в нанесении ямок. Часто внутри ямочных вдавлений, покрывающих всю поверхность сосуда, отчетливо прослеживаются отпечатки веревочного узелка. Иногда ямки образуют горизонтальные пояски. Так как вдавления в этом узоре поставлены довольно близко друг к другу, орнамент приобретает весьма характерную для рязанской керамики ажурность. Очень типичен орнаментальный узор в виде широких заштрихованных треугольников, образованных теми же ямчатыми вдавлениями с оттисками веревочки внутри. Значительно реже встречаются вдавления ромбической формы, внутри которых также имеется оттиск веревочного узелка.

Широкое применение получает веревочный орнамент. На стоянке Ибердус I керамика с этим орнаментом составляет 46.2%. Очень интересен веревочный орнамент, имитирующий оттиски зубчатого штампа. В ряде случаев это те же округлые или овальные вдавления с оттисками веревочного узелка внутри. Нанесенные на близком расстоянии, эти оттиски создают впечатления длинных оттисков зубчатого штампа. В разнообразных сочетаниях встречаются длинные оттиски веревочки, намотанной на палочку, которые создают широкие горизонтальные или вертикальные зигзаги и т. д.

Для второй многочисленной группы керамики характерен разнообразный гребенчатый орнамент. Наряду с обычным встречаются сосуды, имеющие исключительно своеобразный зубчатый орнамент, нанесенный сложными, вероятно деревянными, штампами. Если некоторые типы веревочного орнамента как бы имитируют оттиски гребенчатых штампов, то оттиски «ажурных» гребенчатых штампов являются имитацией веревочного орнамента. Имеется также нарезной и прочерченный орнамент.

Среди основного керамического комплекса на всех памятниках, относящихся к третьему этапу развития рязанской культуры, имеется и небольшое количество ямочной керамики, типичной для второго этапа.

В верхнем горизонте культурного слоя стоянки Ибердус I выделяется небольшая группа сосудов, которая несколько отличается от основной массы керамики. Это те же сравнительно толстостенные сосуды из глины с примесью мелко толченой дресвы. Сохраняются и основные элементы орнамента. Однако узор нанесен на поверхности сосудов не так густо, как раньше; нет сплошного «ажурного» орнамента, типичного для керамики третьего этапа. Кроме того, прослеживается некоторая небрежность в нанесении рисунка: нередко узор оказывается затертым и как бы смазанным. Из композиций на этой керамике можно отметить следующие: горизонтальные пояски, выполненные веревочкой и расположенные ниже венчика сосуда; треугольники, заштрихованные нарезкой; треугольники, выполненные ямчатыми вдавлениями с оттисками веревочного узелка внутри, а также ямчатые вдавления, расположенные в виде розеток. Такая керамика имеется в небольшом количестве на всех памятниках третьего этапа.

Аналогии этой керамике имеются на некоторых поселениях поздняковской культуры, например, на стоянке Коренец II и Ибердус III. Т. Б. Попова, исследовавшая эти памятники, называет такую керамику «гибридной», так как в ней наряду с признаками, присущими керамике рязанской культуры, имеются некоторые орнаментальные мотивы, напоминающие поздняковские.

Из предметов искусства следует отметить найденную на стоянке Ибердус I кремневую фигурку, изготовленную из удлиненного отщепа с частичной боковой ретушью, представляющую собой схематическое изображение рыбы. У нее четко выделен слегка раздвоенный хвост и намечены плавники.

На стоянке Ибердус I было раскопано большое полуподземное жилище вытянутой подпрямоугольной формы, углубленное в землю на 80—90 см (наибольшая ширина его 4.82 м, длина 10.8 м), с выходом в виде узкого коридора-пандуса шириной в 1.3 м. Стенки жилища слегка покатые; пол — сильно спрессованный, насыщенный органическими остатками, слой интенсивно-черного песка толщиной в 15—18 см. На полу, неподалеку от выхода находилось кострище в виде чашеобразной ямы, диаметром 1.6 м, засыпка · которой состояла

из сильно спрессованного слоя пережженного красноватого песка, мелких пережженных костей животных и керамики. Близ задней стенки жилища находилась большая хозяйственная яма, на дне которой также найдена керамика, кости животных, птиц и рыб.

Жилище, раскопанное на стоянке Ибердус I, является пока единственным для поселений рязанской культуры. По своей конструкции оно аналогично большим полуподземным жилищам, известным на поселениях волосовской культуры (табл. 68, *VIII*).

В 1959 г. в культурном слое поселения Ибердус I краеведом И. А. Китайцевым было открыто человеческое захоронение, расположенное почти на поверхности развеянной части дюны. Неполностью сохранилась верхняя часть скелета и череп. Ориентировка головы на С—СЗ. По бокам черепа лежало украшение в виде двух необработанных очень крупных кабаньих клыков, распиленных вдоль и просверленных на концах. Второе такое же украшение из пары цельных необработанных, просверленных на концах клыков находилось на шее скелета, третья пара небольших цельных клыков, также просверленных на концах, была найдена на его груди. Украшения из кабаньих клыков, а также расположение их на черепе, шее и на груди скелета абсолютно аналогичны некоторым погребениям Мариупольского могильника, который датируется концом III—началом II тыс. до н. э. (Столяр, 1955). Это, вероятно, может являться и датой начала третьего этапа развития рязанской культуры. Конечная же дата третьего этапа намечается по отдельным находкам предметов, типичных для поздняковской культуры, обнаруженных в верхнем горизонте культурного слоя некоторых рязанских поселений. Так, например, в верхнем горизонте культурного слоя стоянки Ибердус I имеются кремневые наконечники стрел, изготовленные из пластинчатых отщепов. Один из них миниатюрный, ромбической формы, со слегка намечающимся черешком, с плоской двусторонней ретушью по всей поверхности, два других — треугольно-черешковой формы; один с боковой пильчатой ретушью, второй — с двусторонней боковой ретушью. Наконечники стрел этого типа имеются на раннепоздняковских памятниках типа Алекановской стоянки на р. Оке. На основании бронзовой булавки западного типа эта стоянка датируется XV—XIV вв. до н. э.[14] Можно отметить еще один кремневый наконечник стрелы из верхнего горизонта культурного слоя стоянки Ибердус I, сделанный из пластинчатого отщепа, треугольный, с выемкой в основании, с двухсторонней боковой ретушью. Наконечники этого типа встречаются на юге в раннесрубных памятниках, где они датируются временем не позднее середины II тыс. до н. э. Такие же наконечники имеются на ранних памятниках поздняковской культуры в районе р. Оки (Коренецкий и Малоокуловский курганные могильники).[15]

Как отмечалось выше, в верхнем горизонте культурного слоя стоянки Ибердус I вместе с указанными кремневыми наконечниками стрел была найдена так называемая гибридная керамика, датируемая по находкам ее на раннепоздняковских памятниках временем не позднее середины II тыс. до н. э. Таким образом, конечной датой третьего этапа развития рязанской культуры, вероятно, следует считать время, близкое к середине II тыс. до н. э.

В настоящее время нет пока оснований для выделения четвертого этапа развития рязанской культуры. Так называемая гибридная керамика, которая имеется в верхнем горизонте культурного слоя поселений третьего этапа, а также на некоторых раннепоздняковских памятниках, никогда не встречается в чистом виде. Иными словами, памятники рязанской культуры, характеризуемые только этим керамическим комплексом, неизвестны.

Можно предполагать, что племена рязанской культуры были ассимилированы поздняковскими племенами, ибо нет ни одного факта, на основании которого можно было бы говорить о расселении рязанских племен на другие территории.

---

[14] Материал из раскопок В. А. Городцова хранится в фондах ГИМ.

[15] Раскопки Т. Б. Поповой. Материал хранится в ГИМ.

Г. Ф. ПОЛЯКОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ОКИ

В верховьях р. Оки в эпоху неолита обитали племена так называемой белёвской культуры. Выделяя ее (Брюсов, 1947) и определяя границы этой культуры, А. Я. Брюсов писал: «Она занимает область верхнего течения Оки от района г. Белёва приблизительно до Серпухова» (Брюсов, 1952, стр. 51). В настоящее время ее территорию можно расширить к востоку до верховьев рр. Тулицы, Осетра и Беспуты.[1]

Известно 95 памятников белёвской культуры (см. рисунок). К сожалению, исследование их ограничивалось в основном сбором подъемного материала, составившего обширные, но с трудом поддающиеся научной систематизации коллекции, первая попытка изучения которых была предпринята А. Я. Брюсовым. Однако со времени выхода в свет его работы прошло уже более десяти лет. За этот период появились новые данные, с учетом которых в настоящей статье сделана попытка еще раз пересмотреть верхнеокский материал и внести некоторые поправки и дополнения в решение ряда вопросов, связанных с белёвской культурой. С этой целью были изучены коллекции, хранящиеся в Государственном историческом, в Тульском и Калужском областных краеведческих и в Белёвском народном музеях. Материал коллекций состоит из кремневых орудий керамики и очень небольшого количества костяных орудий.

Топография стоянок белёвской культуры исключительно однообразна. Все они расположены на краю или останцах первой надпойменной террасы р. Оки и ее притоков. Сосредоточение большого количества памятников на указанной территории свидетельствует о значительной плотности верхнеокского населения в эпоху неолита.

Кремневые орудия (табл. 32, *1—6*, *8—29*) довольно разнообразны — наконечники стрел, дротиков и копий, скребки, ножи, проколки, орудия для обработки дерева — тесла, топоры, долота и т. д. Изготовлялись они из валунного и мелового кремня серых, коричневатых и желтоватых оттенков.

Наконечники стрел (26 экз.) сделаны из отщепов и ножевидных пластин путем тщательной двусторонней обработки отжимной ретушью. В большинстве случаев она покрывает всю поверхность изделия, изредка — только края. По форме все наконечники стрел можно разделить на следующие типы: листовидные, ромбовидные, треугольные и треугольно-черешковые (табл. 32, *1*, *15—20*). Листовидные по форме различны — от лавролистных до овальных. Самый маленький имеет в длину 4 см, а наиболее крупные — 8 см. У одного экземпляра в основании есть выемка для более прочного скрепления с древком. Ромбовидные составляют самую многочисленную группу (9 целых экз. и 3 обломка). Размеры их колеблются от 4 до 9 см. Большинство наконечников с обоюдоострыми концами, но у отдельных экземпляров нижний конец, служащий насадом, скруглен.

Треугольные изготовлены из очень тонких отщепов, основание двух немного вогнуто, у третьего прямое. Размеры наконечников невелики — от 2.7 до 3.5 см. В Волго-Окском междуречье аналогичные наконечники встречаются довольно редко (Гаврилова, 1965, стр. 212), в то время как к западу они широко распространены в бассейне р. Десны,[2] в Белоруссии (Гурина, 1965б) и Литве.[3] На юге такие формы известны в более позднее время в катакомбной культуре (Попова, 1955, стр. 163).

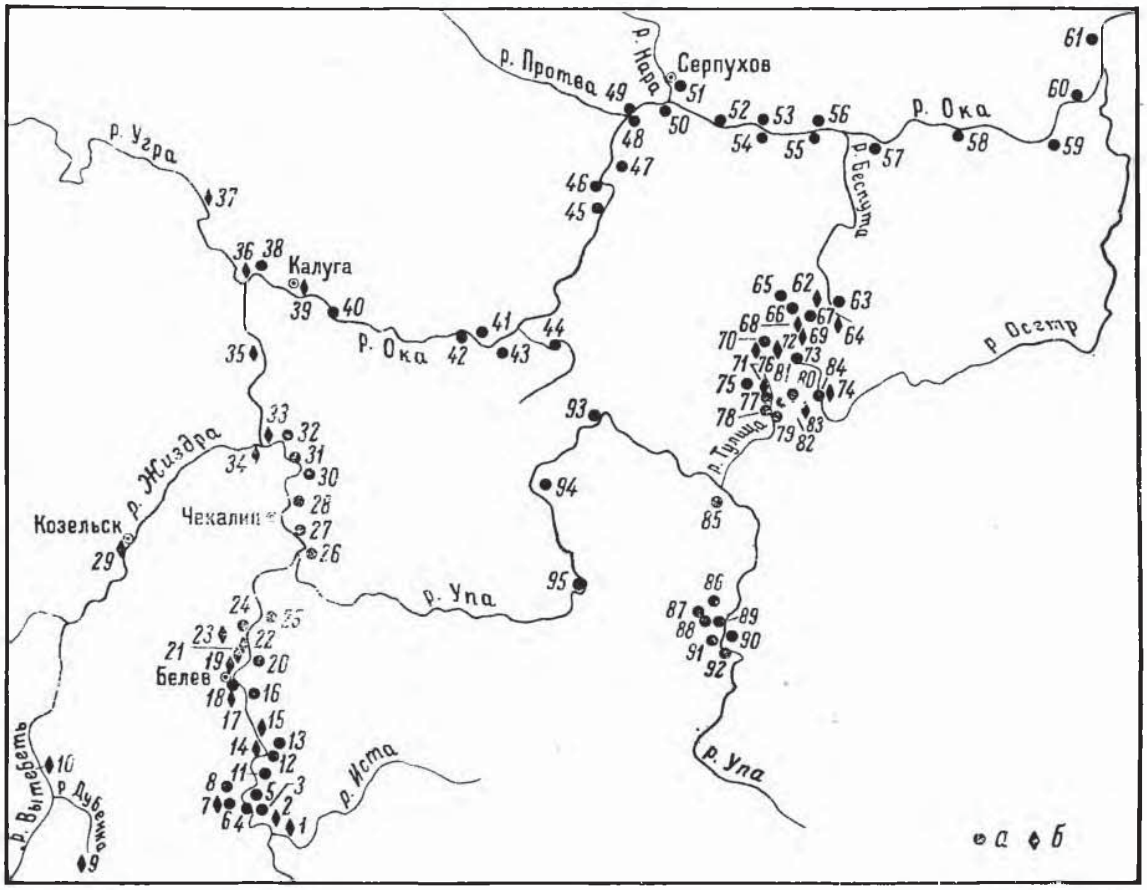
Среди треугольно-черешковых представляет интерес обломок наконечника из Жабыни, сделанный

[1] А. Я. Брюсов обособил стоянки этого района в отдельную тульскую группу. Однако материал, собранный на них, не дает оснований для подобного выделения, так как в нем обнаруживается удивительное сходство с материалом основных белёвских стоянок: Воронец, Жабынь, Федяшево и др.

[2] См.: В. П. Левенок. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР (наст. сб., стр. 187—197).

[3] См.: Р. К. Римантене. Неолитические племена Литвы (наст. сб., стр. 218—225).

из узкой ножевидной пластинки (табл. 32, *1*). Ретушью у него обработан только черешок. Такие наконечники характерны, как известно, для мезолитических и ранненеолитических памятников (Раушенбах, 1964, стр. 190). Остальные 5 наконечников с коротким треугольным черешком, тщательно разны — от 5 до 14 см в длину и от 2 до 4.5 см в ширину. Накопечники копий и дротиков листовидной формы имеют обоюдоострые концы, а у ромбовидных насад скруглен. У одного экземпляра нижний конец резко отделен от пера, что сближает его с треугольно-черешковыми наконечниками ко-

Территория распространения памятников белёвской культуры.

1 — Фурсово; *2* — Будоговищи; *3* — Воронец; *4* — Бердницы; *5* — Федяшево; *6* — Мелтиново; *7* — Ильинское; *8* — Дольцы; *9* — Городок; *10* — Ржавка; *11* — Беляево; *12* — Песковатовская I; *13* — Песковатовская II; *14* — Курносовка; *15* — Семеновское; *16* — Сестринский Хрящ; *17* — Фатьяново; *18* — Белёвская; *19* — Ломаново; *20* — Жабынь; *21* — Беседина; *22* — Береговая; *23* — Тутово; *24* — Сныково; *25* — Лесничество Хрящ; *26* — Кулетово; *27* — Кусково; *28* — Западнинская; *29* — г. Козельск; *30* — Доброе; *31* — Варушинцы; *32* — Гремячево; *33* — Вяльцевские Выселки; *34* — хут. Захарковский; *35* — Головнино; *36* — Плетеневка; *37* — Камельгино; *38* — Анненки; *39* — г. Калуга; *40* — Криуши; *41* — Коврово; *42* — Дальняя Борщовка; *43* — Воронино; *44* — Шероносово; *45* — Ладыженская; *46* — Тарусы; *47* — Бехово; *48* — Ланшина; *49* — Дракино; *50* — Леоново; *51* — Серпухов; *52* — Лужки; *53* — Зиброво; *54* — Тульчино; *55* — Макаровка; *56* — Прилуки; *57* — Колтово; *58* — Баскачи; *59* — Спиридоновка; *60* — Белые Колодцы; *61* — Колычево; *62* — Теляково; *63* — Токмаково; *64* — Митюшино; *65* — Сонино; *66* — Мошково; *67* — Торопово; *68* — Зименки; *69* — Мащенки; *70* — Боровково; *71* — Шеметово; *72* — Мызовка; *73* — Мелеховка; *74* — Квашнино; *75* — Бараново; *76* — Сухотина; *77* — Крюково; *78* — Илькина; *79* — Тулица; *80* — Кишкино; *81* — Руднево; *82* — Кошелевка; *83* — Бохоты; *84* — Чертовая; *85* — Рогожня; *86* — Косая; *87* — Мостовая; *88* — Городня; *89* — Коровина; *90* — Крюковка; *91* — Костомарово; *92* — Сатинка; *93* — Изволь; *94* — Поречье; *95* — Супруты. *а* — стоянки; *б* — пункты находок.

обработанные отжимной ретушью по всей поверхности, часто встречаются на стоянках поздненеолитической и бронзовой эпох. Появление треугольных наконечников стрел в верховьях р. Оки можно отнести к первой половине II тыс. до н. э., а треугольно-черешковые вероятнее всего датируются серединой II тыс. до н. э.; отсутствие стратиграфических данных не позволяет установить более точные хронологические рамки.

Наконечники копий и дротиков (табл. 32, *8*, *9*, *21*, *22*) имеют листовидную (16 экз.) и ромбовидную (20 экз.) форму, т. е. повторяют два основных типа наконечников стрел. Поверхность их обработана отжимной ретушью со вторичной подправкой по краю, размеры и пропорции довольно разнообпий и дротиков, широко известных на неолитических стоянках средней и нижней Оки. В верховьях Оки и в более западных районах подобные наконечники встречаются реже, но широко распространены ромбовидные. Они были найдены на стоянках Воронец (4 экз.), Федяшево (2 экз.), Жабынь (1 экз.), Боровково (3 экз.), Мелеховка (1 экз.), Дольцы (1 экз.), Токмаково (1 экз.), Бараново (2 экз.), Сныково (1 экз.), Городок (1 экз.), Квашнино (1 экз.), Руднево (2 экз.).[4] На р. Десне подобные наконечники копий и дротиков обнаружены

[4] ГИМ, колл. №№ 42686, 42688, 55428, 78561—78564, 78566, 78567, 80842; коллекция Белёвского народного музея, сборы И. И. Петракова.

на стоянках Черепеньки (Заверняев, 1957а, стр. 68), Мыс Очкинский (Розенфельдт, 1950, стр. 136), Городцы Пойменные (Воеводский, 1949, рис. 6, *7*), на Белынецкой стоянке (Кропоткин, 1952, рис. 23, *10*) и в других местах (Левенок, 1959, стр. 32).

Следует отметить еще одно орудие, представляющее собой обломок наконечника дротика листовидной формы, один конец которого оформлен резцовыми сколами. Однако при работе пользовались, вероятно, не этим концом, а боковыми сторонами орудия, так как они сильно затуплены и сбиты.

Скребки и скребла (табл. 32, *2—4*, *10*, *23—25*) обнаружены почти на всех стоянках белёвской культуры и составляют самую многочисленную категорию орудий (94 экз.). Исходным материалом для изготовления их служили массивные отщепы и пластинки; мелких скребков немного (всего лишь 10 экз.). Несмотря на большое разнообразие форм, все скребки можно разделить на пять основных типов: концевые, четырехугольные, с полукруглым лезвием, со скошенным лезвием и двойные.

Для концевых (47 экз.) использовались ножевидные пластины или удлиненные отщепы. Рабочий край их, имеющий слегка скругленную форму, покрыт крутой краевой ретушью.

Четырехугольные почти прямоугольны (2 экз.). Один сделан из обломка тонкой пластины, а другой — из толстого массивного отщепа. Формирующая ретушь нанесена с трех сторон.

С полукруглым лезвием выполнены из отщепов самых разнообразных форм: круглых, овальных, полуовальных, подчетырехугольных и треугольных (30 экз.). Все эти скребки имеют сильно изогнутое полукруглое лезвие. Краевая ретушь обычно заходит на боковые стороны, иногда скребки отретушированы со всех сторон.

Один из скребков со скошенным лезвием (всего 2 экз.) изготовлен из массивного обломка кремня и отретуширован со всех сторон, другой — из небольшого, но толстого отщепа, ретушь — только по рабочему краю.

Двойные скребки (4 экз.) сделаны из ножевидных пластин или удлиненных отщепов и имеют два противолежащих лезвия.

Помимо указанных скребков, следует отметить еще один. Рабочий край и боковые стороны его обработаны крутой, а спинка плоской отжимной ретушью. Вогнутая боковая сторона скребка вместе с рабочим краем образует острый угол. Вероятно, помимо своего основного назначения, этот скребок выполнял еще роль скобеля и резчика.

Скребла (6 экз.) имели то же функциональное назначение, что и скребки, но отличались от последних значительно большими размерами. Их делали из очень массивных ножевидных пластин и овальных отщепов (длиной 6—11 см, шириной от 2.5 до 7 см). Типологически скребла делятся на концевые и с полукруглым лезвием. Края их обработаны тщательной формирующей ретушью.

Скобели (2 экз.) по своему назначению очень близки к скребкам, изготовлены из пластинчатых отщепов с подправкой рабочего края крутой ретушью. Аналогичные орудия встречаются на многих поселениях неолитической эпохи.

Ножи (43 экз.) сделаны из ножевидных пластин (22 экз.) или отщепов удлиненной формы (21 экз.). Рабочие края их подправлены плоской заостряющей ретушью, которая обычно наносилась со спинки и лишь в очень редких случаях с брюшка. Почти все ножи двулезвийные. Размеры их — от 7 до 12 см в длину (табл. 32, *5*, *6*, *11*, *12*, *26*, *27*).

Резчики (2 экз.) представляют собой овальные отщепы, на рабочем конце которых имеется небольшой, тщательно отретушированный со стороны спинки выступ. Подобные орудия распространены довольно широко. Они встречаются на стоянках рязанской культуры (Цветкова, 1959, стр. 116). Известны резчики и в поздних льяловских памятниках (Фосс, 1952, стр. 161). Но особенно характерны такие орудия для волосовской культуры, где они составляют серии (Цветкова, 1953, стр. 28, 29).

Резцы найдены двух видов: угловые (10 экз.) и срединный (1 экз.). Первые изготовлены из очень небольших ножевидных пластин и лишь в двух случаях из массивных отщепов; срединный резец — из массивного удлиненного отщепа, рабочий край его оформлен двумя крупными сколами.

Проколки (5 экз.) сделаны из узких пластин, имеющих подтреугольное сечение; рабочие концы их тщательно обработаны ретушью; размеры колеблются от 5 до 6.5 см в длину.

Для обработки дерева применялись тесла, долота и топоры (табл. 32, *13*, *14*, *28*, *29*).

Тесла (35 экз.) обычно трапециевидной, реже треугольной формы, длиной 7—12 см, шириной 3—6 см. Лезвия их прямые или слегка скругленные, рабочая часть, а иногда и вся поверхность заполирована.

Долота представлены 7 экз. (5 целых и 2 обломка). Продольное сечение их асимметрично — спинка выпуклая, брюшко прямое или слегка вогнутое, поперечное сечение треугольное, поверхность частично заполирована. У двух долот есть характерные желобчатые углубления. Эти орудия имеют довольно крупные размеры — 12—13 см в длину и 3.5—5.5 см в ширину, за исключением небольшого долотца из с. Бохоты, длина которого лишь 6.5 см, а ширина 2.5 см.[5]

Топоров в верхнеокских коллекциях насчитывается 5 экз. Четыре из них правильной овальной формы, поверхность их обработана крупными сколами со вторичной подправкой по рабочему краю и боковым сторонам. Пятый топор относится к типу клиновидных шлифованных; он очень массивен, трапециевидной формы, с четырехугольным поперечным сечением. Длина овальных топоров 9.5—11 см, ширина — 4—5 см, клиновидный имеет длину 11 см, а ширину 5 см. Помимо готовых рубящих орудий есть и их заготовки (7 целых и 5 обломков). Материалом для них послужили массивные удлиненные куски кремня или расколотые вдоль нуклеусы. Кремневые орудия верхнеокских коллекций сопровождаются нуклеусами и огромным количеством пластин и отщепов.

Нуклеусы (20 экз.) по форме очень разнообразны. Среди них есть конусовидные, призматические, клиновидные и карандашевидные. Конусо-

[5] ГИМ, колл. № 78578.

видные (8 экз.) имеют горизонтальную ударную площадку и заостренное основание. Скалывание пластин происходило или с одной стороны или по всей площадке. Длина нуклеусов 4—7.5 см, ширина 2—4.5 см. Призматические нуклеусы (5 экз.) имеют круговое огранение. Размеры их колеблются от 1.5 до 7 см длины и 1.5—2 см ширины. Клиновидных всего 1 экз. Ударная площадка его имеет форму многоугольника, приближающегося к овалу, нижний конец и одно из боковых ребер обработаны ретушью с целью лучшего укрепления в держателе. Карандашевидные нуклеусы (3 экз.) очень невелики по размерам (длина 3—3.5 см, ширина 0.6—1 см), полученные с них пластины не превышают 0.2—0.4 см в ширину.

Помимо указанных типов, есть еще аморфные нуклеусы, представляющие собой довольно массивные куски кремня с бессистемно расположенными негативами сколов.

Ножевидные пластины и их обломки составляют 216 экз. Средняя длина их — 5—7 см, наиболее короткие — длиной около 3 см, а самые крупные — 10.5 см. Края некоторых пластин обработаны мелкой ретушью, у других прослеживаются следы сработанности, свидетельствующие об использовании их в качестве орудий.

Отщепы (426 экз.) по форме и размерам очень разнообразны. Некоторые из них, судя по заломам и мелкой краевой ретуши, были в употреблении.

Костяные орудия (5 экз.) обнаружены на стоянке Сестринский Хрящ,[6] из них четыре острия длиной от 9 до 14 см и гарпун с крупными клювовидными зубцами (табл. 32, *7*, *30*).

Рассмотренный выше кремневый инвентарь верхнеокских стоянок находит себе многочисленные аналогии в неолитических памятниках всей средней полосы европейской части СССР.

В общем особых, свойственных только белёвской культуре типов орудий в коллекциях не наблюдается. А. Я. Брюсов в своих работах совершенно правильно отмечал, что в технике изготовления верхнеокских кремневых орудий широко применялись длинные ножевидные пластины (Брюсов, 1952, стр. 51); к этому следует еще добавить — что и массивные отщепы. Однако утверждать, что подобный прием выделки кремневых орудий составляет одну из характерных особенностей белёвской культуры, нельзя (Розенфельд, 1959, стр. 95). В последнее время В. П. Третьякову путем сравнительного анализа верхнеокского кремневого инвентаря с материалом соседних территорий удалось наметить «обширную область, охватывающую верхнее течение р. Оки, поречье рр. Десны и Сожа, верховье рр. Днепра и Волги, где в эпоху неолита существовала сходная кремневая макролитическая индустрия, несмотря на то что население этой области, судя по керамике... было разнородным» (В. Третьяков, 1965, стр. 217). Отмеченные типы орудий широко известны и в Волго-Окском междуречье и за его пределами.

Керамика (табл. 33, *1—24*). Наибольший интерес для характеристики белёвской культуры имеет керамика, представленная 702 фрагментами венчиков, стенок и днищ сосудов, собранных в 17 различных пунктах верхнего течения р. Оки.

Первая группа. Основная масса керамики (535 фр.), судя по нескольким обломкам днищ, круглодонная, стенки имеют толщину 5—7, иногда 10 мм. Глиняное тесто содержит примесь дресвы и песка. Края сосудов прямые или едва заметно отогнуты наружу, украшены с внутренней, внешней стороны и по торцовой части наклонно поставленными оттисками гребенки или в редких случаях насечками. Поверхность сосудов тщательно заглажена гребенчатым штампом и сплошь покрыта орнаментом, расположенным, как правило, строго зонально.

Узоры довольно просты и однообразны. Обычно глубокие круглые, реже овальные, конические ямки диаметром в 5—7 см расставлены в шахматном порядке или в строчку, иногда ряды крупных ямок перемежаются с мелкими. Однообразие ямочного узора частично нарушалось неширокими горизонтальными поясками из наклонно, вертикально или горизонтально расположенных оттисков гребенчатого штампа (табл. 33, *1—5*).

Отмеченные варианты орнамента, как известно, свойственны керамике льяловской культуры. В этой связи особый интерес представляют несколько фрагментов тонкостенных сосудов со стоянки Воронец. Густо покрывающие поверхность черепков глубокие конические ямки чрезвычайно аккуратны. По типу узоров и технике исполнения эти черепки близки к керамике раннельяловского типа, датируемой первой половиной III тыс. до н. э.

В последующее время характер украшений несколько изменяется (табл. 33, *6—11*). Об этом свидетельствует материал со стоянки Сестринский Хрящ. Из 165 фрагментов посуды, собранной на этой стоянке, 96 украшено круглыми коническими ямками и оттисками гребенки, узор более разрежен, размеры ямок крупнее. гребенчатый штамп чаще, он подразделяет ямочный узор на несколько зон. Однако наряду с этими новыми чертами еще прочно сохраняются древние традиции, выражающиеся в сплошном украшении поверхности сосудов ямками и в тщательном нанесении их. В дальнейшем древние традиции ослабевают, орнамент становится очень небрежным и еще более разреженным. Наряду с коническими ямками появляются плоскодонные, глубина их уменьшается, хотя толщина стенок остается прежней.

Одну из отличительных особенностей белёвской культуры составляет, как уже говорилось, широкое использование в украшении сосудов ромбических ямок. По-видимому, уже в середине III тыс. до н. э. наряду с круглоконическими ямками ромбические становятся самым излюбленным элементом композиции. Среди собранного на стоянке Воронец значительного числа ромбоямочной керамики имеется около 20 фрагментов венчиков и стенок сосудов, украшенных тесно расположенными в строгом шахматном порядке небольшими четкими ромбически-пирамидальными ямками. Детальное сопоставление этой керамики с отмеченной выше ранней круглоямочной позволило установить их полное сходство в характере исполнения орнамента, в составе глины и т. д. Это дает возможность говорить

[6] Коллекция Белёвского народного музея, сборы И. И. Петракова.

о синхронности двух указанных типов, которые, между прочим, резко выделяются на стоянке Воронец из всей массы керамического материала, относящегося к более позднему времени.

Предположение об очень древнем сосуществовании керамики с круглыми и ромбическими ямками подтверждается совместными находками ее на хорошо датированной Льяловской стоянке. Наряду с обломками посуды, украшенными круглоямочным орнаментом, здесь было обнаружено 7% черепков с ромбическими ямками (Жуков, 1925).

В последующий период изменяется и ромбоямочная керамика. Во второй половине III тыс. до н. э., судя по материалам Сестринского Хряща, ромбические ямки становятся крупнее и располагаются свободнее (табл. 33, *8*). Часто встречаются оттиски гребенчатого штампа, образующие горизонтальные пояски, в то время как раньше гребенка в орнаментации почти не применялась, ею украшались только края сосудов, и лишь в единичных случаях между рядами ромбов наклонно к венчику наносились вытянутые в линию оттиски узкой гребенки. Значительно разнообразнее стали орнаментальные композиции, поверхность некоторых черепков получила залощенность, на стенках ямок появляется рубчатость.

К середине II тыс. до н. э. четкость в размещении ромбических ямок нарушается, они становятся очень небрежными (табл. 33, *13, 16, 20*).

Вторая группа. Сравнительно большая часть фрагментов сосудов (83 экз.) украшена оттисками гребенчатого штампа, очень разнообразного по форме и размерам (узкий, широкий, овальный, круглый, длинный, короткий и т. д.).

Несколько фрагментов стенок сосудов орнаментированы неглубокими оттисками крупного ромбического штампа или удлиненно-овального гребенчатого штампа. А. Я. Брюсов считал этот штамп самым распространенным и наиболее характерным для ранних стадий белёвской культуры (Брюсов, 1952, стр. 51). Однако с подобным мнением согласиться трудно, поскольку число черепков с указанной орнаментацией в верхнеокских коллекциях очень невелико (11 фрагментов). Помимо того, аналогичная этой встречена керамика в слоях, содержащих обломки посуды эпохи бронзы. Так, например, на стоянке у с. Долгое Липецкой области, такая же керамика найдена в верхнем горизонте культурного слоя вместе с черепками сосницкой, марьяновской, бондарихинской и малобудковской культур (Левенок, 1965, стр. 242). Этот слой четко отличался от нижележащего горизонта с ямочно-гребенчатой керамикой. На стоянке Черепеньки близ г. Брянска подобная керамика обнаружена в верхнем горизонте вместе с фрагментами сосудов среднеднепровского типа.[7] Итак, совершенно очевидно, что эта керамика относится к значительно более позднему времени, чем предполагал А. Я. Брюсов, вероятно к началу II тыс. до н. э.

Несколько фрагментов венчиков сосудов рассматриваемого типа украшено оттисками гребенчатого штампа и небольшими выпуклинами. Последний элемент орнамента характерен для поздненеолитической керамики средней Десны (Левенок, 1959, стр. 33) и Северского Донца (Телегин, 1962а, стр. 34).

Третья группа керамики верхнеокских стоянок представлена незначительным числом фрагментов (16 экз.), украшенных оттисками отступающей лопаточки (табл. 33, *17, 24*). Узор, образованный ими, отличается большим разнообразием и сложностью. Аналогичная керамика известна в поречье Десны[8] и Северского Донца. Д. Я. Телегин предполагает, что этот мотив развился из «подтреугольно-скорописного» орнамента гребенчато-накольчатой керамики днепро-донецкой культуры, сильное влияние которой испытывали на себе племена рр. Северского Донца и Десны (Телегин, 1962а, стр. 34, 36).

Четвертая группа керамики включает фрагменты стенок сосудов, орнаментированных прочерченными линиями. Узор чаще всего состоит из коротких штрихов, расположенных вертикально или образующих зигзаги (табл. 33, *15*). Один черепок украшен наклонными штрихами, располагающимися между горизонтальными полосками штрихов. Полных аналогий этому типу керамики подобрать не удается.

Таким образом, в процессе анализа белёвской керамики были выделены четыре резко отличающихся друг от друга по орнаменту типа.

К первому, самому многочисленному, относится ямочно-гребенчатая керамика, подразделяющаяся в свою очередь на два подтипа: 1) керамику с круглоямочным орнаментом и 2) керамику с ромбоямочным орнаментом. Если первый подтип характерен для всей лесной полосы европейской части СССР, то второй возникает и развивается на рр. Десне, Соже и в верховьях р. Оки, являясь основной особенностью неолита этих районов. Оба подтипа ямочно-гребенчатой керамики появляются на раннем этапе существования белёвской культуры, доживают до эпохи бронзы, претерпевая, однако, значительные изменения. Второй тип составляет довольно многочисленная группа гребенчатой керамики, бытующей и на позднем этапе белёвской культуры, частично вытесняющей ямочно-гребенчатую керамику. Третий тип представлен керамикой, орнаментированной оттисками отступающей лопаточки. Подобная керамика известна на рр. Десне и Северском Донце. Четвертый тип включает керамику, украшенную прочерченными линиями. Полных аналогий ей установить не удалось, но вполне возможно, что она относится к поздненеолитическому времени. В нашей коллекции есть еще несколько черепков, которые не вошли ни в одну из указанных групп: фрагмент стенки сосуда, украшенный овальными вдавлениями с продольными поясками (аналогии ему не найдены), несколько обломков с редкими разбросанными каплевидными вдавлениями, два черепка с оттисками веревочки и ромбическими ямками. Существенно, что оттиски веревочки больше ни разу не были встречены на белёвской керамике, в то время как на соседней территории, занятой племенами рязанской культуры, они распространены очень широко.

[7] Коллекция Брянского областного краеведческого музея.

[8] ГИМ, оп. 770, стоянка Пионерская.

Типологический анализ верхнеокского неолитического материала дает возможность наметить этапы развития белёвской культуры.

Ранний этап — первая половина III тыс. до н. э. характеризуется круглоямочной керамикой раннельяловского типа и керамикой с небольшими четкими ромбически-пирамидальными ямками. Оба отмеченных типа керамики были найдены на стоянке Воронец и происходят скорее всего из ее нижнего слоя. Вероятно, к этому же слою относятся и небольшие ножевидные пластины с мелкой ретушью по краю, служившие вкладышами, резцы на углу сломанной пластины, концевые скребки с крутым рабочим краем, оформленным довольно широкими сколами.

Аналогичные комплексы орудий, дополненные обломком наконечника стрелы из ножевидной пластины с отретушированным черешком, пластинкой со скошенным верхним рабочим краем и пластинкой с выемчатыми краями, были обнаружены на стоянках Жабынь, Белёвская, Сестринский Хрящ, и в бывш. имении Поленово близ г. Тарусы. Однако при отсутствии стратиграфических данных эти находки, как и воронецкие, можно лишь предположительно отнести к первому этапу белёвской культуры.

Средний этап белёвской культуры отражают материалы стоянки Сестринский Хрящ, давшей чистый комплекс керамики. В украшении ее наряду с ромбическими и круглоконическими ямками широко применялся гребенчатый штамп. На стенках ромбических ямок появилась рубчатость. Вместе с тем в керамике еще прочно сохраняются древние традиции, нашедшие выражение в тщательности орнаментации и в сплошном заполнении ею поверхности сосудов. Орудий на Сестринском Хряще найдено очень мало — концевой скребок, три пластинчатых ножа, массивные тесла, обработанные крупными сколами, несколько обломков заготовок крупных рубящих орудий, костяной гарпун и длинные костяные острия. По-видимому, этот этап датируется второй половиной III тыс. до н. э.

К позднему этапу белёвской культуры относится основной материал Воронецкой и Жабынской стоянок, а также стоянки Федяшево, Баскачи, Гремячево, Мелеховка, Дальняя Борщевка, Воронино, Тарусы, Бехово и нек. др. Керамика, собранная на этих стоянках, в значительной степени отличается от керамики предшествующего периода. Орнаментация ее очень небрежна. Вместе с черепками, украшенными ямочно-гребенчатым орнаментом, часто попадаются фрагменты сосудов с гребенчатым штампом, оттисками отступающей лопаточки и с прочерченными линиями, образующими сложные узоры.

Орудия этого этапа представлены всеми описанными выше типами наконечников стрел, копий, дротиков, скребков, ножей, рубящих орудий и т. д. Этот этап датируется II тыс. до н. э. Типичная для белёвской культуры ромбоямочная керамика найдена на р. Соже (Палікарпович, 1928), верхнем Днепре (Шмидт, 1959) и в очень большом количестве на Десне (Левенок, 1941, 1948, 1959; Воеводский, 1947а, 1949; Розенфельдт, 1950, 1959; Кропоткин, 1952; Заверняев, 1957а; Телегин, 1962а).

К востоку от верховьев р. Оки фрагменты ямочно-ромбической керамики известны на стоянках рязанской культуры (Брюсов, 1952). Кроме того, она встречается на рр. верхнем Дону (Левенок, 1965) и Сейме (Телегин, 1962а).

Итак, область распространения ямочно-ромбической керамики очень велика, по нашему мнению, она возникла и получила свое развитие на сравнительно ограниченной территории — в районе верхнего течения р. Оки, так как именно здесь обнаружены самые ранние ее экземпляры, датирующиеся первой половиной III тыс. до н. э.

Широкому расселению белёвских племен способствовало выгодное географическое положение занимаемой ими области. Река Ока и ее многочисленные притоки являлись теми путями, по которым белёвские племена могли проникнуть в бассейн рр. Дона, Северского Донца, Сейма, Днепра и т. д.

Судьба белёвских племен на новых территориях была различна. В одних районах они, вероятно, ассимилировались местным населением, в других — приняли участие в сложении новых археологических культур, в третьих (в поречье Десны), по-видимому, сами ассимилировали местные племена. На деснинских стоянках, относящихся к III тыс. до н. э., ромбический орнамент вместе с овальным, по подсчетам И. Г. Розенфельдт, составляет 80—90%. Возможно, бассейн р. Десны входил в ареал белёвской культуры. Разрешение этого и целого ряда других вопросов, связанных с проблемой белёвской культуры, — задача будущего.

В. М. РАУШЕНБАХ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА БАССЕЙНОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Впервые вопрос о выделении некоторых памятников р. Клязьмы и Верхнего Поволжья в особую культуру был поставлен Б. С. Жуковым на основании изучения материалов исследованной им древней стоянки у дер. Льялово.

В настоящее время известно довольно много поселений и стоянок, позволяющих не только дать общую характеристику материальной культуры обитавших здесь племен, но и наметить этапы ее развития.

Наиболее выразительные признаки прослеживаются на керамике (табл. 34, *1—25*). Она весьма своеобразна. Материалом служила глина с примесью песка или дресвы. Форма сосудов за все время бытования племен льяловской культуры почти не претерпела существенных изменений. Сосуды лепились с округлым или яйцевидным дном. Венчики их прямые, либо с легким отгибом наружу и в очень редких случаях внутрь. Орнаментом покрывалось все тулово сосуда. Узоры располагались поясами-зонами. Основным элементом узора являются круглые, с коническим дном ямки, расположенные в шахматном порядке. Гребенчатые элементы обычно разделяют зоны ямочного узора и на раннем этапе прослеживаются в самых простых вариантах. На этом этапе часто встречаются и ногтевые вдавления, почти исчезающие в более поздние периоды.

Для каменного инвентаря (табл. 35, *1—42*) столь определенных и ярких признаков, как для керамики, нет, поскольку основные формы кремневых орудий льяловской культуры находят себе полные аналогии в памятниках эпохи неолита других культур Волго-Окского бассейна. Но в хронологическом плане можно считать установленным, что на раннем этапе широко применялись орудия, изготовленные из ножевидных пластин, а в более поздних — из отщепов. Границы распространения льяловских племен можно наметить весьма ориентировочно, ибо со временем они изменялись. Если на раннем и среднем этапах племена занимали обширную территорию Волго-Окского междуречья от верховьев р. Волги на севере до бассейна р. Дона на юге, от р. Оки с многочисленными ее притоками на востоке и до бассейна верхнего течения р. Днепра — на западе, то в позднем этапе осталась сравнительно небольшая территория бассейнов рр. Москвы, Клязьмы и верхней Волги.

Северо-западную границу льяловской культуры, с нашей точки зрения, не следует связывать с вопросом о памятниках северного неолита. Если северные племена и образовались в результате сегментации племен льяловской культуры, то на далекой периферии с течением времени сформировалась новая культура, резко отличная от льяловской. Поэтому при определении границ последней мы заведомо ограничимся лишь теми районами, где не только были найдены льяловские памятники, но где они чисто территориально могли отразить этническую общность.

РАННИЙ ЭТАП ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(табл. 34, *1—10*; табл. 35, *1—13*)

К этому времени относится ряд памятников, охватывающих довольно большую территорию от верхней Волги (стоянки Золоторучье I, Сущево, Николо-Перевоз II, раскоп В) на севере до стоянки близ г. Егорьевска в Рязанской области на юге. На востоке границу определяет ряд памятников по течению р. Оки — Малое Окулово, Сонино, Садовый Бор (нижний слой); на западе — стоянка Гридино в бассейне р. Клязьмы.

Керамика этого этапа орнаментирована небольшими ямками округлой формы, с коническим дном. Гребенчатые элементы применяются очень ограниченно, и узоры их самые простые. Чаще всего они состоят из оттисков горизонтально поставленного штампа, либо короткого, вертикального, либо наклонного. Иногда встречаются полулунные вдавления — гладкие или гребенчатые. Ромбические ямки в это время не применялись.

Для *кремневой индустрии* (Сущево, Николо-Перевоз II (раскоп В), Гридино, Егорьевская, Шумашь) характерно наличие значительного числа

ножевидных пластинок и изделий из них. Скребки сделаны либо на ножевидных пластинах, либо на отщепах. Наконечники стрел архаичного типа также на ножевидных пластинах, с подработкой ретушью черешка и конца пера (Сущево, Николо-Перевоз II (раскоп В), Золоторучье I). Другой тип — двусторонне обработанные, листовидные, появляющиеся в конце раннего этапа (Николо-Перевоз II). Ножи чаще из ножевидных пластин (Сущево — нижний слой, Садовый Бор, Шумашь). Иногда еще попадаются в небольшом числе резцы (Сущево, Золоторучье I) (табл. 35, *1—13*). Спорадически встречаются шлифованные каменные орудия (Сущево, Гридино).

Наиболее ранним является поселение у дер. Сущево Талдомского района Московской области, особое значение которого заключается в его однослойности. Комплекс находок Сущевского поселения представляет поэтому своеобразный эталон для датировки отдельных комплексов из памятников со смешанным слоем (Раушенбах, 1964). Наиболее близко к Сущевской стоянке стоит поселение Золоторучье I (Крайнов, 1964). В ранненеолитическом слое Золоторучья I найдена керамика, также орнаментированная глубокими, с коническим дном, ямками и оттисками наклонно поставленного гребенчатого штампа. Среди кремневых орудий в основном обнаружены микролитические формы (Крайнов, 1964).

Д. А. Крайнов датирует этот слой ранним неолитом, не говоря об его абсолютной дате. По аналогии с Сущевской стоянкой нам представляется возможным датировать ранненеолитический слой Золоторучье I концом IV—началом III тыс. до н. э.

К поселениям Сущево и Золоторучье I близка по материалу стоянка Николо-Перевоз II (раскоп В),[1] где подавляющее число находок обнаружено под дерном в слое сильно разложившегося торфа. Керамика этого поселения по тесту и по орнаментации весьма сходна с керамикой Сущевской стоянки. Только в верхнем горизонте культурного слоя встречены отдельные фрагменты керамики волосовского типа, занесенные сюда, видимо, из соседнего, расположенного в нескольких десятках метров поселения Николо-Перевоз II (раскоп А).

Кремневый инвентарь, так же как и в Сущевской стоянке, состоит из многих ножевидных пластин, концевых скребков и небольшого количества наконечников стрел раннего типа, а также наконечников стрел листовидной формы, скребков из отщепов и рубящих орудий.

Разнообразные типы кремневого инвентаря дают возможность датировать это поселение несколько более поздним временем, чем Сущевскую стоянку, т. е. временем начала III тыс. до н. э.

К этому же этапу относится поселение Гридино, расположенное значительно южнее, по течению р. Клязьмы (Раушенбах, 1953). Керамика Гридинской стоянки весьма архаична, она близка по орнаментации к керамике из Сущева и безусловно имеет более ранний облик, чем керамика самой Льяловской стоянки. Найденное в Гридино кремневое шлифованное тесло также по своей форме напоминает сущевское, хотя последнее лишь слегка подшлифовано.

Исходя из сказанного, представляется возможным датировать гридинскую стоянку более ранним временем, чем льяловскую, временем, близким Сущевской, но несколько более поздним — первой половиной III тыс. до н. э. К раннему времени относятся находки на Масловом болоте у станции Кудиново.[2] К сожалению, они представлены лишь керамикой, но безусловно очень ранней, украшенной только ямками. Южнее, в современной Рязанской области, к раннему этапу можно отнести две стоянки — на озере близ г. Егорьевска и Шумашь. Керамика первой[3] в основном ямочно-гребенчатая. Ямки, как и в керамике всех древнейших памятников льяловской культуры, округлые, с коническим дном. Довольно часто встречается и ногтевой орнамент. Материал этого поселения найден на поверхности развеянных дюн и кремневых орудий не содержит.

Наиболее южным памятником является стоянка Шумашь.[4] Керамика ее аналогична керамике из Гридино, Сущево и других рассмотренных выше памятников. Кремневые изделия в подавляющем большинстве сделаны из ножевидных пластин, хотя ножи, скребки и наконечники стрел уже изготовлены приемами двусторонней ретуши.

По орнаментации керамики и характеру кремневых изделий стоянка Шумашь не выпадает из круга памятников раннего этапа льяловской культуры и может быть датирована первой половиной III тыс. до н. э.

Ранний этап в бассейне р. Оки представлен стоянками на р. Теше — Сонино и нижним горизонтом Садового Бора (Селезнев, 1928). Керамика этих поселений полностью повторяет черты керамики других памятников раннего этапа, а кремневый инвентарь имеет уже, кроме микролитических форм, орудия из отщепов. К концу раннего времени, видимо, следует отнести и Малоокуловскую стоянку, в керамике которой, кроме типично ранних элементов орнамента, прослеживается довольно широкое применение гребенчатых оттисков. Появляются, в частности, ромбы, выполненные гребенчатым штампом, часты и полулунные оттиски с нарезкой.

Памятников раннего этапа известно пока очень немного, ибо территория Волго-Окского междуречья обследована еще далеко не полностью. Дальнейшие работы в бассейнах рр. Москвы, Клязьмы, Оки, по-видимому, существенно расширят круг памятников этого времени.

СРЕДНИЙ ЭТАП ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(табл. 34, *11—17*; 35, *14—30*)

Круг поселений среднего этапа льяловской культуры значительно шире. Они известны в бассейне верхней Волги (нижний слой — Языково, Николо-Перевоз I и Николо-Перевоз II), по берегам рр. Клязьмы и Москвы (Льялово, Бисерово, Купавна, Звенигородская и др.), в области рязанского течения р. Оки (Соколка), на притоке р. Оки — Теше (Саконовская). На юге племена льяловской

[1] Стоянка Николо-Перевоз II обнаружена в 400—500 м севернее стоянки Николо-Перевоз I у дер. Сущево Талдомского района.

[2] ГИМ, колл. № 86479.

[3] ГИМ, колл. № 78613 (материал поступил от В. И. Сизова).

[4] ГИМ, колл. № 49615 (раскопки В. А. Городцова).

культуры, по-видимому, достигали Дона, о чем свидетельствует соответствующая керамика из нижнего горизонта Подзоровской стоянки.

В керамике среднего этапа продолжается дальнейшее развитие орнаментации предшествующего времени в сторону его большего разнообразия. При сохранении ямочно-гребенчатой основы значительно увеличивается количество гребенчатых элементов. Появляется ромбический узор. Наряду со строго округлой ямкой отмечены ямки слегка овальных очертаний.

Несмотря на большое разнообразие узоров, керамика по-прежнему остается типично льяловской. Ни в одном из памятников среднего этапа нет следов керамики волосовского типа (Бисерово озеро, Ростовец, Багдарня, Звенигородская I и др.). Естественно, что это замечание относится к памятникам с чистым слоем. В тех же памятниках, где в культурном слое имеются материалы и волосовского типа, речь будет идти только о нижних горизонтах культурного слоя (Николо-Перевоз I и II, Языково и др.).

Расчленить кремневый инвентарь, выделив характерные типы среднего этапа, чрезвычайно сложно, а порою и невозможно. В целом же он в этот период отличается высокой техникой обработки, что в свое время отмечала М. Е. Фосс, говоря о совершенных формах орудий и сходстве их с волосовской и льяловской культурами (Фосс, 1959в, стр. 38).

Действительно, выявить какие-либо формы кремневых орудий среднего этапа, считая их именно льяловскими, не представляется возможным.

Итак, кремневый инвентарь этого времени отличается чрезвычайно большим разнообразием. Весьма многочисленны формы наконечников стрел и дротиков — листовидные, черешковые, в виде удлиненных ромбов (Звенигородская I, Бисерово озеро и др.). Они обработаны тонкой отжимной ретушью как по всей поверхности, так и частично — только по краю. Во всех стоянках необычайно много различных типов скребков. Бо́льшая часть их изготовлена из отщепов разной формы, но значительное число — на ножевидных пластинах. Ножи из пластин — широкие и узкие с ретушью по лезвию, прямые, изогнутые и серповидные, т. е. всех тех форм, какие принято считать волосовскими. Формы проколок и сверл также очень разнообразны. В то же время еще встречаются пережиточные формы орудий, сделанные из ножевидных пластин, так же как и сами ножевидные пластины (Бисерово озеро, Николо-Перевоз I и II, Звенигородская I).

Рубящие орудия представлены теслами, топорами и долотами различных форм в большинстве с полировкой почти всей поверхности орудия. Наиболее часто попадаются тесла с округлым обушком, с широким лезвием, овальные или четырехгранные в сечении (Льялово, Бисерово озеро, Звенигородская I и др.). В некоторых памятниках сохранились изделия из кости (Льялово, Звенигородская I).

В Льялове (Жуков, 1925) найдено несколько обломков гарпунов, в основном с крупными, а обломок одного гарпуна с мелкими зубцами. Обнаружены также острие из клыка кабана и топор из трубчатой кости. В Звенигородской I — рыболовный крючок и обломок косточки с орнаментом. Все эти изделия не имеют специфических, свойственных только льяловской культуре форм, а находят себе аналогию в памятниках эпохи неолита ряда археологических культур: волосовской, горбуновской и др. Тем более трудно выделить собственно льяловские формы костяного инвентаря в многослойных памятниках — Николо-Перевоз I и II, где также сохранились костяные орудия.

Особо следует остановиться на датировке Льяловской стоянки, поскольку в литературе она известна как древнейший памятник культуры, носящей ее имя. Эту точку зрения разделял в свое время и автор настоящей статьи (Раушенбах, 1953). Однако после открытия нами в 1961 г. Сущевской стоянки ошибочность этой точки зрения стала очевидной. Так, в орнаментации керамики льяловской стоянки несколько утрачивается характерная для раннего времени строгость нанесения узора. Частота овальных ямок, значительный процент гребенчатых и наличие ромбическо-ямочных элементов ставят Льяловскую стоянку на следующую ступень развития льяловской культуры.

Что касается изделий из камня, то Б. С. Жуков на основании довольно большого числа макролитических форм и отсутствия полированных орудий считал Льяловскую стоянку близкой по времени к эпохе маглемозе. Однако вряд ли льяловские макролитические изделия являются законченными орудиями древних форм. Вероятнее всего, они представляют в большинстве лишь заготовки орудий или обломки заготовок и лишь некоторые могли быть теслами. Можно утверждать, что отсутствие шлифованных орудий не служит показателем особой древности стоянки еще и потому, что Б. С. Жуковым были найдены три и А. Я. Брюсовым при раскопках Льяловской стоянки в 1951 г. одна шлифовальные плиты. Это свидетельствует о достаточно широком применении техники шлифования для изготовления орудий труда из камня. На фоне других ранних памятников общий облик культурных остатков Льяловской стоянки является несколько более поздним, в силу чего стоянка не может быть отнесена к древнейшему этапу. По характеру керамики, по сравнительному богатству орнаментальных схем, по наличию в кремневом инвентаре изделий, обработанных тонкой отжимной двусторонней ретушью (наконечники стрел), по доминированию макролитических форм орудий над микролитическими она должна быть отнесена к началу среднего этапа. Что касается ее абсолютной даты, то предложенная Б. С. Жуковым и В. С. Доктуровским середина III тыс. до н. э., видимо, в основном правильна (Жуков, 1925; Доктуровский, 1925).

В бассейне р. Клязьмы к Льяловской стоянке близка целая группа памятников: Бисерово озеро (раскопки Л. И. Пимакина), Бисерово озеро — стоянка на северном берегу (из раскопок М. Е. Фосс), местонахождения в районе г. Орехово-Зуево: Самониха, Карболит; Шиловская в районе г. Ногинска, стоянки Ростовец и Богдарня в районе г. Петушки.

Особый интерес представляют местонахождения на Бисеровом озере у станции Купавна. Из этого района известны три коллекции: из сборов

В. Э. Умблия[5] и у станции Купавна, из раскопок на озере Л. И. Пимакина[6] и М. Е. Фосс.[7]

Первые не имеют никакой документации. Однако необычайная близость их к материалам из раскопок Л. И. Пимакина заставляет предположить, что они были собраны в одном и том же пункте на восточном берегу озера. Керамика этого местонахождения по своим основным признакам очень близка керамике древнего этапа льяловской культуры. Но обилие и разнообразие кремневых орудий, совершенство их обработки заставляют осторожно подойти к вопросу о датировке. Наконечники стрел этой стоянки поражают совершенством отделки. Они представлены и листовидными типами, и близкими к ромбическим, и с четко выраженным черенком. В то же время все еще встречаются ножевидные пластины, хотя и не в большом числе. Довольно большую группу составляют топоры и тесла. Последние чаще всего подтреугольной формы с частичной полировкой поверхности и тщательной заполировкой рабочего края. По формам и технике обработки тесла, так же как и наконечники стрел и скребки из отщепов, весьма близки подобным же орудиям волосовской культуры. Однако, исходя из характера керамики, мы считаем возможным отказаться от ранее предложенной нами даты этой стоянки (Раушенбах, 1953, стр. 13) и удревнить ее, отнеся ко второй половине III тыс. до н. э., вернее к его третьей четверти.

Вторая стоянка — на северном берегу озера — дала несколько иной материал. М. Е. Фосс в керамике этой стоянки выделяет три группы. В первой, содержащей подавляющее большинство фрагментов, преобладают ямочные элементы; во второй — гребенчатые и в третьей — накольчато-ямочные, связанные с лесостепными культурами (Фосс, 1959в, стр. 35).

Устанавливая последовательность заселения этого местонахождения, М. Е. Фосс справедливо считает, что ямочно-гребенчатая керамика знаменует собою ранний этап, а керамика с лесостепными элементами более поздний (Фосс, 1959в, стр. 33).

Ямочно-гребенчатая керамика здесь несколько отлична по орнаментации от керамики стоянки с восточного берега Бисерова озера. Ямки часто наносятся немного наклонно; гораздо шире представлены и гребенчатые элементы. Наблюдается фигурное расположение ямок, иногда появляются небольшие зоны без узоров. Эти новые черты в орнаментации заставляют считать данную стоянку несколько более поздней, чем стоянку восточного берега, и датировать ее уже концом третьей четверти III тыс. до н. э. Этой дате не противоречит и кремневый инвентарь, разнообразие форм и тщательность обработки которого позволяют сопоставлять его с кремневым инвентарем волосовской культуры.

Вряд ли целесообразно в этой работе останавливаться на разборе керамики лесостепного типа, найденной в этом же поселении, так как М. Е. Фосс в своей статье, на которую мы уже ссылались выше, сделала это достаточно полно.

Сравнительно недалеко от Бисерова озера и неподалеку от г. Ногинска известно местонахождение Шиловское. Найденная здесь керамика сходна с керамикой стоянки восточного берега озера. Это позволяет датировать Шиловское также второй половиной III тыс. до н. э. К этому же времени следует отнести и ряд местонахождений, расположенных в районе г. Орехово-Зуево — Самониху, Желтую Гору и Карболит,[8] где нами были собраны на развеянных дюнах керамика и кремневые орудия того же типа, что и находки из раскопок Л. И. Пимакина на Бисеровом озере.

К среднему же этапу льяловской культуры можно причислить две стоянки у дер. Багдарня в Петушинском районе Московской области, обследованные нами в 1959 г.

Одна из стоянок находилась на южном берегу оз. Ростовец у дер. Багдарня. Керамика ямочно-гребенчатая. Характерными элементами орнамента являются оттиски гребенки с косо срезанными зубцами, напоминающие веревочные отпечатки (табл. 34, *11, 16*). Венчики сосудов прямые или с небольшим отгибом. Наиболее древняя керамика аналогична гридинской и льяловской, а более поздняя близка керамике из нижнего горизонта стоянки на северном берегу Бисерова озера. Кремневые орудия представлены всеми типами, которые встречаются в памятниках среднего этапа. Стоянка на оз. Ростовец, по-видимому, была заселена в самом конце древнего этапа и существовала довольно длительное время, вплоть до времени поселений Бисерова озера, т. е. до второй половины III тыс. до н. э. В 1 км к югу от оз. Ростовец на берегу Багдарнинского озера была обнаружена вторая стоянка с аналогичными культурными остатками.

В районе верхней Волги наиболее яркими памятниками можно считать нижние горизонты Языкова, а также поселений Николо-Перевоз I и II.

Поселения Николо-Перевоз I и II расположены на правом берегу р. Дубны на расстоянии 400—500 м друг от друга. Оба памятника многослойные и содержат материалы нескольких археологических культур. В нижних горизонтах обоих находится керамика льяловского типа на стадии ее расцвета, т. е. в ней доминирует классический ямочный орнамент, который сопровождается различными вариантами узоров, нанесенных гребенчатым штампом.

Выделить кремень, принадлежавший племенам льяловской культуры, из общей массы кремневого инвентаря этих многослойных памятников не представляется возможным. Нижние горизонты поселений Николо-Перевоз I и II по аналогии с поселениями бассейна р. Клязьмы могут быть отнесены ко второй половине III тыс. до н. э.

Керамика нижнего горизонта Языковской стоянки, находящейся в Калининской области и раскопанной Б. С. Жуковым, имеет те же черты расцвета, которые характеризуют средний этап льяловской культуры. Можно предположить поэтому,

[5] ГИМ, колл. № 89938.

[6] Материал хранится в Ногинском краеведческом музее.

[7] ГИМ, колл. № 84025.

[8] Большая часть материалов была оставлена в Орехово-Зуеве, где предполагалось организовать музей; судьба этих материалов сейчас неизвестна. Отдельные образцы керамики хранятся в ГИМе, № 83065.

что поселение Языково возникло во второй половине III тыс. до н. э. и просуществовало вплоть до начала расселения волосовских племен. Нижний горизонт поселения должен быть отнесен к среднему этапу, верхний же — к более позднему времени и будет, соответственно, рассмотрен в следующем разделе.

В большой мере территориально оторванной от основной группы памятников льяловской культуры является Федоровская стоянка, расположенная на левом берегу р. Векы в Костромском Поволжье. Стоянка содержит 5 хронологически различных групп керамики: ямочно-гребенчатую, гребенчатую (галичскую), волосовскую, фатьяновидную и текстильную (Гаврилова, 1968). Керамике первой группы свойствен ямочный и гребенчатый орнамент, встречаются также оттиски полулунного штампа. Кроме того, здесь прослеживается ромбический элемент орнамента и единичные фрагменты с веревочными узорами. В узорах появляется ромбическая сетка, выполненная оттисками гребенки, — с ямками в углах ромба или в его центре, типичными для керамики позднего этапа развития льяловской культуры.

О длительности существования Федоровской стоянки свидетельствует и ее кремневый инвентарь. Формы кремневых изделий чрезвычайно разнообразны. Подавляющее большинство наконечников стрел имеет листовидную форму, много треугольно-черешковых и несколько ромбических (Гаврилова, 1965). Самую большую категорию находок из камня составляют, как всегда, скребки различных форм, изготовленные из отщепов. Достаточно многочисленны ножи изогнутой формы и рубящие орудия — тесла, топоры и долота, сделанные из сланцевых пород и тщательно зашлифованные. Уникальной является находка ножа, названного А. Я. Брюсовым «шорный нож» (Брюсов, 1928). Кроме того, здесь же имеются обломки двух кирок (по терминологии А. Я. Брюсова) с тщательно заполированным рабочим краем.

Итак, некоторые черты орнамента ямочно-гребенчатой керамики (ромбическая сетка, веревочный узор), наличие волосовской, фатьяновидной и текстильной керамики, а также отдельные типы каменных орудий (треугольный с выемкой в основании наконечник стрелы, кирки, «шорный нож») указывают на длительное время существования стоянки, что подтверждается и находками обломка медной пластинки и медного четырехугольного долотца. Наиболее ранний комплекс этой стоянки можно датировать временем не ранее начала II тыс. до н. э., т. е. концом среднего этапа льяловской культуры, а заключительную фазу ее — началом позднего этапа.

К среднему этапу льяловской культуры относится и небольшая группа поселений в бассейне Москвы-реки — стоянки Звенигородская I, Бережковская, на Тростенском озере, у нижнего течения р. Рузы и у с. Каринское, т. е. все памятники, обследованные А. В. Успенской, Н. А. Красновым, Ю. А. Красновым и И. Г. Розенфельдт (Успенская, Ю. Краснов, 1959; Ю. Краснов, Н. Краснов, 1959; Розенфельдт, 1964). Материал из стоянок этой группы невелик, однако существен для уточнения границ льяловской культуры.

Южнее, в области рязанского течения р. Оки, к среднему этапу может быть отнесен пока один памятник — на о. Соколка. Наряду с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, в коллекции с этого поселения есть фрагмент, орнаментированный оттиском перевитой веревочки, т. е. элементом узора, который появляется в керамике льяловской культуры не ранее конца III тыс. до н. э.

Крайним восточным пунктом с льяловской керамикой второй половины III тыс. до н. э. является стоянка Саконовская на р. Теше (Алихова, 1959). Наибольший интерес в этой стоянке представляет большое жилище длиной 24 м, шириной 7—9 м (табл. 68, *IX*). Это был длинный дом прямоугольной формы с коридорообразным входом, обращенным к реке, углубленный в землю на 0.6—0.8 м. Судя по расположению ямок от столбов, он имел дву- или четырехскатную крышу. Внутри дома прослеживаются три помещения. Два из них, восточное и западное, были, по-видимому, разделены перегородкой (столбовые ямки идут поперек жилья); в западной части выделяется еще одна камера. Два основных помещения различаются по характеру культурных остатков и, следовательно, по своему назначению. Так, в восточной половине сосредоточено основное количество ям — очажных, хозяйственных и для установки сосудов, в то время как в западной встречено лишь два очага. Очажные ямы все (за исключением двух) неглубокие, округлые, от 1.5 до 1 м в диаметре. Представляет интерес оригинальная форма трех ям — с боковым подбоем. Кроме углубленных в землю очагов, в жилище были кострища, разложенные на полу, хозяйственные ямы чашевидной формы; ямы наименьших размеров интерпретируются как сооружения для установки сосудов. В западной половине сосредоточены вещественные остатки: керамика, скопление костей животных, изделия из камня, обломок костяной поделки. Что касается керамики, то появление значительной разреженности в ее орнаментации, выделение треугольных зон, выполненных ямками и некоторая небрежность в нанесении их сближает керамику Саконовской стоянки с керамикой таких поселений, как Звенигородская I и другие на восточном берегу Бисерова озера, на основании чего она должна быть отнесена к среднему этапу.

Наконец, из наиболее южных поселений среднего этапа следует указать на Подзорово и Глинище близ с. Старое Торбеево, где М. Е. Фосс были прослежены два разновременных комплекса — позднеолитический и эпохи бронзы. Первый содержал ямочно-гребенчатую керамику, очень близкую по орнаментации керамике северной стоянки Бисерова озера. Он был датирован ею концом III тыс. до н. э. (Фосс, 1959а, стр. 23). Кроме того, и в Подзорово и в Глинище найдено небольшое количество фрагментов с орнаментом, выполненным техникой отступающей лопаточки, которую М. Е. Фосс трактовала как результат связей населения лесостепной полосы с племенами лесного неолита (Фосс, 1959а, стр. 25, 26). Напомним, что аналогичная керамика имеется в стоянке на северном берегу Бисерова озера.

Хронологически средний этап льяловской культуры датируется серединой III—началом II тыс. до н. э., т. е. до появления на территории Волго-

Окского междуречья чуждых племен волосовской культуры.

Таким образом, в конце среднего этапа племена льяловской культуры занимали значительную часть территории Волго-Окского междуречья, бассейна р. Клязьмы и Верхнее Поволжье. Вряд ли на такой огромной территории могла оставаться все время единая культура. Постепенно начинают обособляться отдельные районы, где некоторые ранние черты льяловской культуры мало-помалу утрачиваются, и в дальнейшем в каждом отдельном районе развиваются свои особенности, возникшие на льяловской основе. На верхней Оке в орнаментации керамики получают дальнейшее развитие полуовалы, выполненные гребенчатым штампом, изменяется форма ямки, которая становится широкой и с плоским дном; в рязанском течении Оки преобладают квадратные и треугольные вдавления, а также оттиски перевитого шнура. В районе г. Белёва развивается ромбический орнамент, в котором ромбы часто выполнены зубчатым штампом; появляются также и зубчатые овалы. Иными словами, нам представляется, что сложение отдельных культур эпохи развитого неолита в Волго-Окском бассейне произошло в конце среднего этапа льяловской культуры, когда дальнейшее развитие каждого из этих районов пошло по своему самостоятельному пути, все более и более утрачивая черты близости с культурой, от которой они произошли. Основой, на которой сложились в дальнейшем отдельные культуры Волго-Окского междуречья, явились, по всей вероятности, локальные варианты льяловской культуры. Отдельные признаки этих локальных вариантов можно проследить на материалах известных уже сейчас памятников, но для более детального и глубокого их определения число раскопанных поселений еще слишком невелико. Следует считать, что в процессе обособления культур на нижней Оке сложилась особая балахнинская культура, в области рязанского течения Оки — рязанская, несколько западнее — белёвская.

Севернее, в бассейнах рр. Москвы, Клязьмы и верхней Волги в керамике и ее орнаментации сохранились старые принципы, которые лишь продолжали развиваться, в частности, по пути некоторого разрежения орнамента. Только в этих районах в начале II тыс. до н. э. и удержалась льяловская культура, памятники ее позднего этапа.

ПОЗДНИЙ ЭТАП ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(табл. 34, *18—25*; 35, *31—42*)

В орнаментации этой керамики постепенно утрачивается свойственная ей строгость в расположении орнаментальных узоров. Нанесение ямок становится небрежным, шахматное расположение их теряется. Сами ямки не всегда округлой формы. Наблюдается также фигурное расположение ямок. Гребенчатые элементы становятся разнообразнее и применяются шире. Так, широко распространяется появившаяся в конце среднего этапа керамика, украшенная ромбами, выполненными гребенчатым штампом, в углах которых или в середине расположены ямки (Николо-Перевоз I, Федоровская, верхний горизонт Языково). Иногда встречаются оттиски гребенчатого штампа между ямками (Николо-Перевоз I).

Форма сосудов и состав глиняного теста сохраняются прежними, лишь венчик становится отогнутым.

Поздний этап льяловской культуры просуществовал сравнительно короткое время. Уже с середины II тыс. до н. э. начинается расселение волосовских племен, продвинувшихся на значительное расстояние на северо-запад. Как следствие этого процесса во всех памятниках позднего этапа льяловской культуры появляется как собственно волосовская керамика, так и керамика со смешанными признаками. Последняя наиболее четко прослеживается в поселениях Николо-Перевоз I и II (средний горизонт), где найдено наибольшее число керамики с растительной примесью, большой толщиной стенок (12—13 мм), т. е. с типично волосовскими чертами. В то же время орнамент ее ямочно-гребенчатый, льяловского типа. Вся волосовская керамика из памятников данного этапа льяловской культуры находит полные аналогии в стоянках волосовской культуры, таких как Володары, Волосовская и других, датируемых И. К. Цветковой второй и третьей четвертью II тыс. до н. э.

Поселения позднего этапа с чистым слоем пока неизвестны, поэтому выделить комплексы кремневых орудий, характерные именно для льяловских племен этого этапа, невозможно.

Обычно в поселениях керамику позднельяловского типа сопровождают кремневые орудия, изготовленные в основном из крупных отщепов. Чаще всего они представлены различной формы массивными скребками и крупными изогнутой формы ножами. Довольно часты находки шлифованных тесел и долот. Наконечники стрел самых разнообразных форм: еще сохраняются листовидные, но основная масса имеет выраженный черешок, иногда попадаются треугольные наконечники с вытянутым пером и прямым основанием.

Нередки крупные наконечники копий и дротиков, обработанные тонкой отжимной ретушью. Памятником переходного времени от среднего этапа к позднему является поселение на Святом озере, раскопанное Б. А. Куфтиным[9] (Раушенбах, 1953, стр. 14).

Севернее, в бассейне р. Клязьмы к позднему этапу относятся два памятника: Большая Буньковская стоянка и стоянка на оз. Круглом.[10] Обе содержат характерную позднельяловскую керамику и керамику типично волосовскую. Поселение Большое Буньково безусловно однослойное, никаких данных о повторном заселении памятника нет. Кремневый инвентарь также однороден и не дает каких-либо ранних форм. Таким образом, весь инвентарь Большe-Буньковской стоянки знаменует собою время продвижения волосовских племен на р. Клязьму и может быть датирован примерно второй четвертью II тыс. до н. э. (Раушенбах, 1953, стр. 16).

Еще севернее, в бассейне верхней Волги находятся стоянки, известные уже по среднему этапу — Николо-Перевоз I, II (средние слои) и Языково (верхний горизонт). Несколько восточнее располо-

[9] Музей антропологии при МГУ.
[10] ГИМ.

жена стоянка у дер. Сельцо. Особый интерес вызывает поселение Николо-Перевоз I (средний слой).

Мы указывали выше, что поселение Николо-Перевоз I — памятник многослойный. Только в южной его части на площади в 84 м² была обнаружена исключительно позднельяловская керамика. Волосовская же там полностью отсутствовала. На остальной площади наблюдалось смешение обоих типов керамики, причем волосовская с характерной растительной примесью в тесте составляла значительный процент.

Аналогичный комплекс был найден и в поселении Николо-Перевоз II, расположенном в 400—500 м к северу от Николо-Перевоз I. Материалы волосовской культуры в обоих памятниках представлены очень богато. Однако они не являются предметом данной работы, поэтому мы ограничиваемся лишь вышеприведенной характеристикой позднельяловской керамики. Сказать что-либо о кремневом инвентаре не представляется возможным, так как разделить изделия льяловских и волосовских племен не удается.

Керамика верхнего горизонта Языковской стоянки в основном повторяет все типы орнаментики, известные по другим памятникам позднего этапа. Наряду с сохранением ямочного орнамента часто с ямкой неправильной и треугольной формы наблюдается обилие гребенчатых узоров. Оттиски гребенки весьма разнообразны — узкие, короткие, широкие, длинные, с зубцами квадратными, овальными и др. Встречается и ромбическая сетка. Сравнительно большую группу составляет керамика, украшенная веревочным орнаментом. Появляются и неорнаментированные зоны.

Наряду с этой типично позднельяловской керамикой найдена в довольно большом числе типично волосовская керамика. Разделить комплекс кремневых изделий и здесь не представляется возможным. Так что по всем своим признакам верхний горизонт Языковской стоянки не выпадает из круга памятников позднего этапа льяловской культуры.

Возможно, к позднельяловскому этапу следует отнести стоянку Сельцо на берегу оз. Неро (Гадзяцкая, 1964). Увереннее вопрос о культурной принадлежности этой стоянки можно будет решить после более полной публикации материала.

В стоянке Сельцо имеется льяловская керамика как более раннего облика, так и более позднего, с преобладанием гребенчатой орнаментации (Гадзяцкая, 1964, стр. 110). Волосовская же керамика содержит в основном типы, датируемые третьей четвертью II тыс. до н. э. Был ли перерыв между существованием на этом поселении племен льяловской культуры и приходом волосовских племен, пока сказать трудно. Важно в данном случае, что и в эти районы Ярославского Поволжья продвинулись племена волосовской культуры.

Наличие гибридных фрагментов керамики (волосовских по структуре керамического теста и льяловских по орнаментации) в ряде памятников позднего этапа (Николо-Перевоз I и II, Языково) как бы подтверждает одновременность позднельяловской и волосовской керамики. Стратиграфические же данные, свидетельствующие о залегании льяловской керамики в нижних горизонтах, подтверждают более древний ее возраст. Очевидно, сосуществование обеих культур имело место лишь определенное, по-видимому, короткое время. Гибридная керамика и явилась формой выражения уже упомянутого выше процесса расселения волосовских племен, начавшегося где-то в середине II тыс. до н. э. Продвинувшись к северу и западу, они прошли всю территорию, занятую племенами льяловской культуры, ассимилировав местное население. Именно с приходом волосовских племен племена льяловской культуры где-то в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. прекратили свое самостоятельное существование.

Н. Н. ГУРИНА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Рассматриваемая территория расположена в нечерноземном центре и совпадает административно в большой мере с современными Калининской и Новгородской областями.

Из всех существенных особенностей естественно-географической среды, влиявших на степень густонаселенности, пути освоения человеком этих пространств и определявших в значительной мере направление ее хозяйственной деятельности, следует назвать три.

1. Здесь, на сравнительно небольшом пространстве, берут свое начало, почти примыкая друг к другу две крупные реки — Волга и Западная Двина (их разделяет расстояние менее 10 км), расходящиеся затем в разных направлениях — Западная Двина на запад, связывая Валдайскую возвышенность с Балтийским морем, Волга — на восток, соединяя ее с Прикаспием. Близка к этим двум рекам и третья — Днепр, отстоящий в своем верховье всего на 30 км от притока р. Волги — р. Вазузы.

Нетрудно понять, что Валдайская возвышенность, являясь водоразделом трех огромных рек, была связана через них с областями, лежащими к западу, востоку и югу, густо заселенными в неолитическую эпоху в ряде случаев племенами с более высокой культурой. В то же время это была область, наиболее отдаленная от устьев этих рек. Именно эти водные магистрали и способствовали заселению и последующей связи неолитических племен с соседними племенами, в частности с более южными, как мы увидим далее, что наложило определенный отпечаток.

2. Обилие кремня, выходящего часто на поверхность, и его высокое качество оказали исключительное влияние на освоение этих районов поселенцами, которых не мог не притягивать к себе прекрасный поделочный материал. Кремень, в значительной мере обнаженный Волгой, в особенности в большом количестве сосредоточен на пространстве Старица—Ржев. Это особенно заметно при сравнении количества памятников Валдайской возвышенности с соседними районами — северной частью современной Псковской области, где подходящая порода кремня отсутствовала.

Обилие и доступность кремня на изучаемой нами территории и отсутствие его или крайняя ограниченность на соседних породили известную специфику материальной культуры племен, населявших эти пространства. Во-первых, почти неограниченная возможность использования кремня допустила большое разнообразие форм орудий и их очень крупные размеры; значительная часть их известна в литературе под названием «макролиты верхней Волги».

Во-вторых, в ряде районов, и в особенности по течению р. Волги на отрезке гг. Старица—Ржев, возникли открытые выработки кремня и связанные с ними мастерские по производству из него полуфабрикатов. При этом добыча сырья имела более широкое значение, чем обслуживание потребностей только местного населения. Эти районы использовались людьми и соседних территорий, в частности живших на побережье озер — Волго, Пено, Охват, Селигер и др., а также более далеких областей, таких как Прибалтика, современная Ленинградская область, Карелия, где отсутствие или крайняя ограниченность кремня вынуждала население импортировать его извне. Об этом говорит наличие кремневых орудий из фиолетового валдайского кремня и отходов производства, найденных на целом ряде стоянок указанных районов.

3. Реки Волга, Западная Двина и многочисленные озера служили, вероятно, не только в качестве связующих путей, но и обеспечивали возможность рыболовства. Развитие этого промысла в особенности было обусловлено наличием довольно большого числа мелководных озер — Пено, Вселуг, Валдай, Пирос, Волго и др., а также более крупных, таких как Селигер, Охват, изрезанность берегов которых с многочисленными мелководными плесами создавала особо благоприятные условия для занятия рыболовством.

Таким образом, наличие верховьев трех крупных европейских рек, обилие кремня и водоемов, богат-

ство фауны определили густоту заселенности этой территории, широкое применение и многообразие форм кремневых орудий, ведущее значение охоты и рыболовства и, наконец, широкие связи населения этих областей с населением соседних территорий.

Систематические работы, проведенные за последние десятилетия в пределах Валдайской возвышенности, давшие огромный, хорошо документированный материал, в значительной мере прояснили сущность исторического процесса, протекавшего в этих районах. Благодаря сплошному, тщательному обследованию большого отрезка побережья верхнего течения р. Волги — от г. Калинина до оз. Волго, побережья озер Волго, Пено, Вселуг, через которые протекает р. Волга, и непосредственно примыкающих и связанных с ней озер Селигер, Сиг, Глубокое и др., а также изучению верхнего течения р. Западной Двины и прилегающих озер Охват (у истока р. Западной Двины), Торопец и др.[1] удалось обнаружить и исследовать с помощью рекогносцировочных или полных раскопок свыше двухсот памятников каменного века (Гурина, 1962).

Будучи чрезвычайно насыщенными материалами и весьма разнообразными по характеру, они уже теперь позволяют с достаточным основанием ответить на ряд вопросов. Существенной в этом плане оказалась фиксация нами выходов пластов кремня на побережье р. Волги (от г. Калинина до оз. Волго).[2] Произведенные стратиграфические наблюдения над открытыми памятниками и тщательный анализ кремневого материала помогают выделить из их числа стоянки, производственные мастерские и места добычи сырья.

Удалось наметить и основные этапы древней истории этой области, в особенности благодаря работам 1970—1972 гг., хотя и не все с одинаковой отчетливостью.

МЕЗОЛИТ

(табл. 36, *1—13*; 37, *1—30*)

Огромное количество поселений, обнаруженных на побережье озер, примыкающих к р. Волге, дает возможность достаточно подробно раскрыть характер материальной культуры обитавших здесь неолитических племен. Вместе с тем для освещения более раннего периода развития первобытного общества имеется гораздо меньше материала. В настоящее время известно не более двадцати мезолитических стоянок, при этом далеко не все из них, с нашей точки зрения, дают полноценный материал, в силу чего расчленение мезолита на отдельные хронологические этапы не имеет еще достаточных оснований. Допустимо лишь составить пока общее представление о степени развития и характерных особенностях материальной культуры племен в этот период.

Наиболее достоверным фактом является расположение мезолитических поселений на песчаных невысоких дюнах или древних песчаных береговых участках стариц р. Волги, а также ее небольших притоков, в настоящее время отстоящих на значительное расстояние от современного уреза воды. Такие стоянки, в частности, прослежены на участке течения р. Волги близ современного г. Калинина и несколько выше, в районе деревень Нестерово, Якшево, Бутово, Лукино и др. Правда, мезолитические стоянки и, по-видимому, производственные мастерские известны и на побережье собственно р. Волги — у г. Старица, против дер. Родня, близ дер. Нестерово, где они оказались перекрытыми двухметровой толщей суглинка. Стоянки изобилуют кремневыми отщепами, в меньшей мере представлены на них ножевидные пластинки. Как правило, почти все орудия изготовлены из отщепов, иногда пластинчатых, за исключением некоторых наконечников стрел, ножей и резцов (табл. 36, *1—5*; 37, *5—29*). Наконечники стрел представлены в стоянках: озера Вселуг, Волго, Центральной стоянке около г. Калинина[3] и у селикатного завода № 2, а также против дер. Лукино и у водомерного поста. Во всех случаях они изготовлены из ножевидных пластин (табл. 36, *1—5*) правильного огранения, средней величины, иногда имеют в большей или меньшей степени выраженный черешок, слегка ретушированный со стороны спинки и брюшка. В отдельных случаях ретушь покрывает и самый кончик орудия, или только с брюшка, или с брюшка и со спинки: иногда на наконечнике мелкая тщательная ретушь распространяется на спинке и на двух длинных гранях, приближая эти экземпляры наконечников по форме к ножам.

Наиболее многочисленны и устойчивы скребки (табл. 36, *6—12*) на специальных отщепах, сбитых для этого с крупных нуклеусов, полукруглых очертаний, с отчетливыми следами площадки и раковистостью излома. При этом обращает на себя внимание строгая разработанность и совершенство техники расщепления кремня, проявившиеся не только в удивительной стандартности формы отщепов но и в стабильности их размеров. Имеется большое количество отщепов столь же округлой формы, как и скребки (нередко с сохранившейся коркой), специально сколотых с кремневых конкреций, служивших в качестве заготовок для скребков.

Среди общей массы скребков можно выделить следующие типы: 1) концевые удлиненные, на пластинчатых отщепах, треугольные в поперечном сечении, с небольшим ретушированным концом и значительно реже — на плоских отщепах в плане подчетырехугольных очертаний; 2) округло-овальные, крупного размера, с крутой ретушью; 3) округлые, на правильных отщепах, ретушированные по всему периметру, иногда обработанные частично по спинке струйчатой ретушью; 4) с хорошо выраженным округлым рабочим концом, заметно суженные в тыльной части.

Весьма отчетливо выделяются резцы случайной формы, всегда изготовленные из массивных отщепов (табл. 37, *1, 2*). В подавляющем большинстве они угловые. Рабочий конец (иногда два на противолежащих сторонах) образован одной случайно, второй преднамеренно сколотой гранью. В отличие от скребков здесь нет строго повторяю-

[1] Работы проведены Верхневолжскими экспедициями под руководством автора в 1955—1965, 1968, 1970—1972 гг.

[2] Выходы в этих местах кремня были частично отмечены и геологами.

[3] Сборы Ф. И. Иванова.

щейся формы, хотя серийность орудий также выражена очень отчетливо.

Как правило, резцовый скол, нанесенный по ребру толстого отщепа, широкий, в основном ступенчатый, свидетельствующий о нанесении его несколькими приемами. Редко он короткий, чаще почти во всю длину грани, иногда нанесен не одним, а двумя параллельными сколами.

Помимо собственно резцов, в материале присутствуют, хотя и в небольшом числе, резчики, преимущественно неопределенной формы — отщепы с подтреугольным поперечным сечением, рабочий конец которых образован двумя случайными и третьей преднамеренно сколотой или слегка подправленной гранью. Нередко в качестве резчика использовался простой отщеп с рабочим концом, образованным тремя гранями.

Среди большого количества ножевидных пластин — мелкие и средней величины, достаточно тонкие, часто с правильным огранением (табл. 37, *5—29*). Крупные встречаются несравненно реже. Далеко не часто попадаются микролитические экземпляры с исключительно правильным огранением; однако орудий, изготовленных из них, типичных для микролитических комплексов, не найдено.

Встречаются отдельные пластины с выемками на длинной грани. Сечения их нередки, некоторые имеют следы использования, трапеции отсутствуют.

Орудия, изготовленные из ножевидных пластин, единичны. Это ножи с ретушью по двум сторонам или просто ножевидные пластины с частичным использованием. В отдельных случаях находят применение краевые сколы, употребляемые чаще всего в качестве резчиков или проколок.

Крупные рубящие кремневые орудия представлены острообушными теслами со сравнительно широким лезвием, иногда лишь с одной обработанной встречными сколами длинной гранью (того же типа, как и заостренная сторона нуклеуса, подготовленная для зажима) (табл. 37, *3*). Вторая грань такого куска образована широким продольным сколом, потому плоская. Данная форма тесла присутствует в большом количестве и в неолитических памятниках Валдайской возвышенности.

Наряду с этим типом орудий существуют небольшие, сравнительно широкие двусторонне обработанные топорики с широкой же округлой тыльной частью и более массивные, также широкообушные, утолщенные ближе к рабочему концу, с асимметричным лезвием.

Все топоры сформованы крупными сколами, а края их (в том числе и рабочий) — продольными, обращенными в противоположные стороны. Наконец, следует отметить наиболее характерную форму топора типа pic — удлиненную, с симметричным лезвием и несколько зауженной тыльной частью.

Помимо орудий, на стоянках встречены многочисленные специально подготовленные нуклеусы (табл. 37, *4*), служившие для скалывания крупных отщепов и для отжимания ножевидных пластин.

Наиболее отчетливо выраженными являются следующие типы нуклеусов. Во-первых, нуклеусы клиновидной формы, в плане подтреугольных очертаний, с одной плоской удлиненной площадкой. Заостренность нижнего конца придает ему сходство с рубящим орудием. Снятие отщепов произведено по обеим его широким граням. Как правило, с такого типа нуклеусов сняты небольшие по величине отщепы, используемые для мелких орудий.

Во-вторых, нуклеусы, приближающиеся к дисковидному. Иногда они приобретают форму чечевицеобразных и внешне напоминают рубящие орудия, в силу чего и принимались ранее за таковые.

В-третьих, для снятия крупных отщепов брали случайные куски кремня, нередко большого размера, при этом ударной площадкой у них служила естественная ровная поверхность пласта кремня. Следует отметить высокое совершенство приемов скалывания, производившееся одним сильным ударом, в результате чего получалась крупная округлая заготовка для скребка.

Для отжима ножевидных пластин изготовлялись специальные нуклеусы.

Для первого типа нуклеусов, как правило, использовались крупные куски кремня подчетырехугольных очертаний. Две ударные площадки размещались на сторонах, расположенных под углом друг к другу (на одной короткой, другой длинной). В этом случае наибольшее количество ножевидных пластин не вполне правильного огранения отжималось по длинной грани и значительно меньше (более короткие и менее правильной формы пластины) — на перпендикулярной ей, короткой стороне.

Для конической формы нуклеуса выбирался крупный кусок кремня, у которого одним сильным ударом сбивалась часть для получения ровной площадки. В тех случаях, когда это не удавалось, ее подправляли еще несколькими сильными ударами. После этого приступали ко второй стадии подготовки нуклеусов — заострению одной из его длинных граней встречными ударами, от ребра к центру, чтобы получить прочный зажим. Таким же способом получали и заостренный нижний конец, после чего нуклеус мог использоваться для отжима ножевидных пластин.

Обилие нуклеусов такого типа в разной степени использования позволяет восстановить все фазы последовательности отжатия от него пластин. В ряде случаев отделение пластин начиналось с фасада нуклеуса (стороне, противоположной заостренной) и велось в обе его стороны от центральной линии к заостренной зажатой стороне. По мере того как отжимались пластины, нуклеус все более приобретает округлую форму, а заостренное ребро становилось все уже. Когда оно не в состоянии было удерживать нуклеус в зажиме, ребро снимали, как любую из ножевидных пластин, в результате чего образовывался отчетливо выраженный краевой скол, захватывающий и нижнюю, заостренную часть нуклеуса. Нередко снятие пластин начинали с ребра.

Во всех памятниках этой группы керамика отсутствует.

В силу специфики стратиграфических условий в известных к настоящему времени археологических памятниках не сохранилось костяных орудий. По этой же причине, по-видимому, отсутствуют и погребения.

Единственное указание на форму жилищ дает стоянка близ г. Калинина (Кольцов, 1965а, 1965б). Жилище представляет полуземлянку, на 30 см углуб-

ленную в материк, овальных очертаний. Ни следов столбов, поддерживающих перекрытие, ни очага не сохранилось.

НЕОЛИТ

(табл. 36, *14—37*; 37, *31—49*; 38, *1—31*)

Очень многочисленные неолитические памятники представлены 1) местами добычи кремня и связанными с ними производственными мастерскими, 2) стоянками и поселениями.

Первые располагаются в строго локализованном районе, вторые занимают весьма обширную территорию.

Основные места добычи сырья и связанные с ними производственные мастерские концентрируются в пределах узкой, но значительной по протяженности территории, преимущественно от с. Селижарово до г. Калинина, а в особенности по Волге от г. Старицы до г. Ржева, где прослеживаются основные выходы пластов кремня на поверхность.

Стоянки и поселения занимают гораздо более широкое пространство, включающее побережье притоков р. Волги и в особенности ближайших озер. При этом если временные стоянки встречаются по берегам р. Волги, то длительные поселения в основном сосредоточены на побережье прилегающих озер.

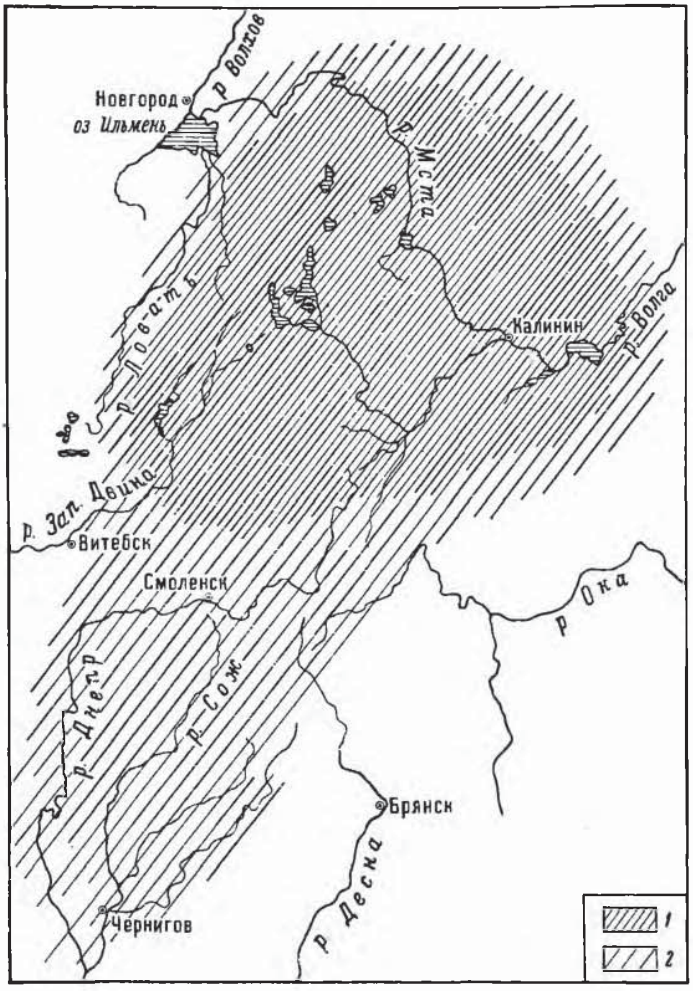
Граница неолитических памятников рассматриваемого нами типа с постоянно повторяющимся комплексом признаков совпадает примерно с современной Калининской областью (см. рисунок). По мере продвижения на север к современной Новгородской области, на восток к ярославскому течению Волги, к югу — бассейну р. Клязьмы и на запад — современной Псковской области специфические признаки материальной культуры заметно становятся менее яркими, не встречаются в полном комплексе, однако ряд признаков, преимущественно типы орудий и отдельные черты керамики, имеют место. В особенности это заметно на севере на границе с современной Новгородской областью, которая в большей степени, чем другие, соседние с нашими районами, являлась зоной контакта. Здесь скрещивались две хотя и близкие, но вместе с тем различные археологические культуры.

Однако на других окраинных участках весьма заметно влияние культуры и соседних племен: на юге — обитателей Среднего Поднепровья, на востоке — в позднюю пору племен волосовской культуры, на юго-западе — принеманской культуры.

Еще в большей степени, чем мезолитические, неолитические памятники этой территории изобилуют кремневыми орудиями, что обусловлено широкой добычей кремневого сырья. Судя по многочисленным зафиксированным к настоящему времени местам добычи кремня и связанным с ними мастерским, этот вид производства получил весьма широкое распространение и, по всей вероятности, служил целям не только удовлетворения нужд местного населения, но и экспортировался, как указывалось, на соседние территории.

На местах разработок, там, где пласты кремня совсем или почти выходят на поверхность или в изобилии встречаются в виде валунов (как, например, на р. Вазузе и р. Волге близ г. Зубцова), обнаруживается множество крупных кусков его, заготовки и целые нуклеусы, отщепы, заготовки орудий. Но готовые орудия попадаются редко, керамика отсутствует, что заставляет выделить значительное количество таких местонахождений, как пункты, связанные с добычей сырья и первичной его обработкой.

На самом побережье р. Волги встречаются и более долговременные поселки, однако связанные

Территория распространения валдайской и родственных ей культур.

1 — собственно валдайская; *2* — родственные валдайской.

с производством орудий, примером чего является поселение-мастерская у дер. Свеклино.

Иную картину представляют памятники, расположенные на побережье многочисленных озер; и это в особенности бросается в глаза при сопоставлении наиболее близких из них к р. Волге (озера Волго, Пено, Вселуг, Селигер и др.). При обилии кремневого материала на них прослеживается, однако, совершенно иное количественное соотношение предметов, связанных с добычей сырья и производством орудий, и готовых орудий.

При наличии на стоянках и поселениях отщепов кремня (преимущественно некрупного размера, полученных в процессе изготовления орудий), некоторого количества полуфабрикатов и нуклеусов здесь

встречается орудий неизмеримо больше по сравнению с мастерскими. При этом ряд типов, имеющих вполне законченную обработку, представлены в местах добычи сырья в виде заготовок.

Очень существенны на поселениях обилие керамического материала, наличие остатков жилых и хозяйственных комплексов, а также интенсивная насыщенность культурного слоя и значительная площадь его распространения.

Таким образом, расчленение неолитических памятников этого района на две различные категории не вызывает сомнений. Тождество в формах орудий в местах добычи сырья — мастерских и в поселениях (где они имеют завершенный вид) заставляет связать обе категории памятников в единое целое, рассматривая, таким образом, их как отдельные звенья одной неразрывной цепи. Как правило, поселения, расположенные на побережьях озер Волго, Пено и Вселуг, занимают очень низкие песчаные участки, в настоящее время представляющие собой пляжи.

Многочисленный кремневый инвентарь производственных мастерских и поселений включает различные категории.

Наконечники стрел весьма часто встречаются в стоянках валдайской культуры. Несмотря на кажущееся многообразие форм, среди них можно выделить четыре основные группы (табл. 36, *14—17*, *21*, *23—27*).

Первую составляют наконечники на ножевидных пластинах, реже пластинчатых отщепах.[4] Мелкая, тщательная ретушь в наиболее законченных экземплярах покрывает черешок, в отдельных случаях выраженный, в других едва намеченный. Ретушь нанесена со спинки и с брюшка или только со спинки или с брюшка, а на кончике, как правило, только со спинки. В этих наконечниках прочно удерживаются мезолитические традиции, хотя они и попадаются на стоянках с керамикой. Среди этой категории есть и гораздо менее правильные формы — из плоских отщепов, со слабо выраженным черешком и ретушированными краями со стороны спинки (табл. 36, *17*).

Второй тип — листовидный — имеющий значительные вариации в очертаниях от довольно широкого листа (4×2 см) до листа резко удлиненных пропорций (8×1.5 см). В отдельных случаях в наиболее широкой части пера видны как бы крошечные шипы или выступы, приближающие листовидную форму к ромбической. У этого типа наконечников наблюдается два вида обработки: когда мелкая тщательная ретушь нанесена по обе стороны предмета по всей плоскости и когда она покрывает всю спинку и только частично или вовсе не заходит на брюшко. В ряде же случаев и со спинки средняя часть остается неретушированной (табл. 36, *23*, *26*).

Оба указанных способа обработки наблюдаются и на третьем типе наконечников стрел — ромбовидном, варьирующем по форме от почти правильного равностороннего ромба до фигуры резко удлиненных пропорций, лишь отдаленно напоминающей ромб (табл. 36, *24*). Здесь обнаруживаются те же приемы обработки — или сплошная ретушь с обеих сторон, или сплошная с одной и частичная — с другой. Второй способ обработки, прослеженный на серии орудий, явно преобладает, что доказывает специфику наконечников стрел валдайской культуры.

Четвертый тип — наконечники с хорошо выраженным и довольно массивным черешком, резко переходящим в треугольное перо (табл. 36, *25*). Нередко они имеют в большей или меньшей степени укороченные пропорции — за счет широкого пера (3×1.5, 3×1 см), в других же более стройные (5×1.5; 3×0.8 см). В восточной части на границе с Новгородской областью (Бологое) найдены очень широкие и короткие наконечники, которые с трудом могут быть отнесены к черешковым. У черешковых наконечников лишь изредка небольшие участки оставлены неретушированными.

Как можно видеть, несмотря на многочисленность и разнообразие форм, наконечники стрел Валдайской возвышенности довольно резко отличаются от аналогичной категории орудий других территорий.

В наших памятниках вовсе не встречаются беломорские наконечники — тонкие, резко удлиненных очертаний с прямым основанием, часто с пильчатой ретушью; наконечники с широким прямым выделенным черешком; сейминские, широко распространенные в восточных территориях, и треугольные, с прямым или вогнутым основанием, хорошо известные в соседней, более южной и западной области — в Прибалтике, Белоруссии и на Украине.

Наконечники копий и дротиков, как и на большинстве других территорий, повторяют основные типы наконечников стрел — листовидные и ромбические с многочисленными вариациями между этими классическими формами. Абсолютное большинство листовидных форм в ряде случаев резко вытянутых пропорций (6 : 1), в других же — более укороченных (2.5 : 1). Чаще обработка, покрывающая обе поверхности, очень тщательная (табл. 36, *18—20*).

Ромбический тип нередко правильной формы, иногда с резким выступом в середине, в результате чего образуются небольшие шипы. Так же, как и первый тип, эти наконечники имеют тщательную двустороннюю обработку.

Скребки — массовый материал на памятниках валдайской возвышенности — в отличие от стоянок других территорий представлены сериями разработанных форм, что придает специфические черты валдайской культуре. Для большинства скребков характерны весьма крупные размеры и производство, как и в мезолите, на специальных отщепах или пластинах строго разработанным приемом расщепления кремня. В силу этого они идентичны, повторяясь на десятках стоянок (табл. 36, *28—33*).

По величине и очертаниям все скребки можно разбить на четыре группы: 1) обычные концевые; 2) овальные; 3) округлые и 4) различных случайных форм.

Скребки первого типа по своей форме чрезвычайно близки к более ранним — мезолитическим и позднепалеолитическим скребкам соседних, более южных районов, в частности Белоруссии (табл. 36, *32*, *33*). Они изготовлены на концах массивных ножевидных пластин весьма правильных очертаний.

[4] Они встречаются в ранних стоянках.

Грани пластин ровные, ретушь очень тщательная. Вместе с тем есть экземпляры и менее правильных пропорций, с более грубой обработкой. У классических скребков ретушь располагается только на конце, у менее правильных она заходит и на одну-две прилегающие грани. Наиболее оригинальны концевые скребки на широких пластинах (4.5×3.5 и 6×5.5 см), представляющие собой как бы увеличенные классические концевые скребки (табл. 36, *31*).

Скребки второго типа овальные, крупной величины (9×4.5, 8×4 см), получены из пластины, снятой с нуклеуса, реже из пластинчатого отщепа. Соответственно скребку крупная, но тщательная ретушь покрывает округлый конец орудия и заходит на прилегающие участки обеих граней, изредка сплошь, включая и тыльную часть. Как правило, ретушируется только спинка (краевой ретушью или в исключительных случаях сплошной). Встречаются экземпляры с ретушью, располагающейся частично на брюшке. По-видимому, в большинстве случаев это были комбинированные орудия (скребок-нож).

Третья группа — округлые скребки (табл. 36, *28*, *30*). Для их производства отбивали специальный округлый отщеп точно так же, как и в мезолите. Во всех случаях на них хорошо сохранилась часть площадки, выщербинка и раковистость излома. В ряде случаев скребки почти правильной круглой формы, в других ширина превосходит длину. Наблюдаются следующие пропорции: 10×7, 9×6, 8×7, 6×5, 5×7, 4×6 см. Тщательная, чаще двухъярусная ретушь покрывает бо́льшую часть края орудия, реже — по всей окружности, всегда со стороны спинки, обычно сохраняющей следы негативов от ранее сбитых крупных отщепов. Имеются экземпляры, вся спинка которых покрыта коркой.

Все три типа скребков являлись специфическими для валдайской культуры. Близкие к ним по форме и приемам изготовления были в верхнем Поднепровье и Посожье.[5]

Значительно менее стабильна четвертая группа скребков — также на отщепах, но менее устойчивой формы. Наиболее оригинальными из них являются экземпляры подтреугольных очертаний, с широким рабочим концом, иногда полностью или же частично ретушированными прилегающими к нему гранями. Спинка их сохраняет следы ранее сколотых мелких отщепов или отжатия ножевидных пластин.

Многочисленную категорию ножей можно разделить на три группы (табл. 36, *34—37*).

Во-первых, длинные (до 15 см) ножевидные пластины, отжатые от нуклеусов, иногда очень правильного огранения, чаще же несколько суженные к одному концу. Нередко ретушь мелкая, покрывает одну сторону (со спинки либо с брюшка) или частично заходит и на вторую. Тогда тыльная часть несколько притуплена (табл. 36, *35*).

Более завершенную форму имеют правильные, резко вытянутые овальные ножи, с регулярной ретушью по обеим длинным граням (иногда включая рабочий конец и тыльную часть). В большинстве случаев вся обработка сосредоточена на спинке, реже на брюшке. Поперечное сечение уплощенно-треугольное (табл. 36, *34*).

Во-вторых, это небольшие (5—7 см длины) удлиненные, довольно плоские отщепы, очень редко прямые, в основном изогнутые. Правильная или довольно беспорядочная ретушь покрывает орудие с обеих сторон, в одних случаях — полностью, в других — частично. По внешнему виду они напоминают наконечник стрелы, однако асимметричная форма и следы сработанности краев заставляют отнести их к категории ножей (табл. 36, *36*).

В-третьих, орудия типа сапожных ножей — более или менее изогнутой формы, тщательно ретушированные с обеих сторон (табл. 36, *37*).

Помимо собственно ножей, функцию режущих инструментов выполняли ножевидные пластины, иногда с ретушью, покрывающей небольшие участки или вовсе без предварительной обработки (табл. 37, *40—43*).

Чрезвычайно многочисленной категорией являются крупные рубящие орудия из местного кремня. Известны лишь в полной мере пока единичные топоры, сделанные из других пород камня. К сожалению, далеко не всегда удается отграничить категорию топоров от тесел и долот. Этому в большой мере мешает незавершенность орудий, не прошедших той стадии обработки, когда им придается окончательная форма. Данное же обстоятельство лишает возможности установить функции орудий по следам употребления. Вследствие этого мы не всегда сможем провести градацию между топорами, теслами и долотами. Все рубящие орудия по форме делятся на четыре основных типа (табл. 37, *34—38*).

Первые имеют относительно правильную форму овала, лишь слегка суженного в тыльной части, с овальным же поперечным сечением. Размеры их нередко значительны (18×5, 11×5 см); вся поверхность покрыта крупной, а лезвие иногда подправлено более мелкой ретушью. Это тот тип топора, который в литературе, посвященной макролитам Верхней Волги, получил название pic (Равдоникас, 1939) (табл. 37, *36*).

Вторые — острообушные орудия с расширенным лезвием — имеют в плане чаще неправильно овальную форму. Поверхность их обработана крупной, довольно беспорядочной ретушью; иногда значительные участки ее (преимущественно с одной стороны) оставлены без обработки; тыльная часть нередко дополнительно подправлена мелкой ретушью. В ряде случаев создается впечатление незаконченности орудия (табл. 37, *34*).

Третий тип орудий составляют весьма многочисленные мелкие (7×3.5, 6×4, 4×2 см) топорики, заметно суженные в тыльной части; нередко с косым неровным лезвием, как правило, сильно сработанным. Поверхность их оббита неряшливой ретушью, при этом лезвие и края часто дополнительно подправлены более мелкой ретушью. У абсолютного большинства рабочий конец имеет крупные выколы, свидетельствующие о работе по какому-то очень

[5] См.: В. П. Левенок. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР (настоящий сборник, стр. 187—197).

твердому материалу. Малая величина их и сильная сработанность заставляют предполагать крепление в деревянную рукоять таким образом, что направление лезвия и рукояти совпали, на что указывает сильная изношенность преимущественно одного края.

Большое количество таких орудий и значительная оригинальность заставляют выделить их как одну из характерных форм валдайской культуры (табл. 37, *38*).

Четвертый тип — толстообушные топоры (табл. 37, *37*) подчетырехугольных очертаний с прямым лезвием и широкой тыльной частью, изготовленные из кремня с помощью грубых сколов по всей поверхности; края и рабочая часть нередко подправлены мелкой ретушью. Количество таких топоров сравнительно невелико. Два экземпляра из диорита (?) зашлифованы по всей поверхности, лезвия сильно сработаны.

Отчетливо выраженной характерной формой валдайской культуры являются остроообушные тесла с асимметричным лезвием. Одна сторона их округлая, слабо спущенная к рабочему краю; на второй близ лезвия имеется неглубокая вогнутость округлых или слегка подтреугольных очертаний, в силу чего по форме эти орудия в нижней части слегка напоминают тесла карельского типа. Вся поверхность орудия, включая и лезвие, обработана крупной, но правильно расположенной ретушью, лишь в редких случаях лезвие и длинные грани дополнительно подправлены мелкой ретушью (табл. 37, *35*). В коллекции Романченко, собранной на Верхней Волге в прошлом столетии и хранящейся в Гос. Эрмитаже, имеются единичные экземпляры с пришлифовкой лезвия, включая и вогнутую часть.

Большое число таких орудий в составе коллекций, собранных на верхней Волге ранее, и частая повторяемость этой формы на поселениях заставляют выделять ее как наиболее типичную для валдайской культуры. Данный тип орудий получил в литературе, посвященной верхневолжским макролитам, наименование «транше» (Равдоникас, 1939). Нетрудно заметить, что в действительности они не имеют сходства с настоящими топорами-резаками.

Из числа других орудий следует назвать довольно многочисленные резцы и фигурный кремень, также подчеркивающие известную специфику валдайского неолита. В подавляющем большинстве случаев резцы не имеют стандартной формы, отличаясь от мезолитических большей аморфностью. Как правило, для них использованы отщепы небольшого размера, один из концов которых (преимущественно суженный) подправлен небольшим резцовым сколом. Резцы на пластинах чрезвычайно редки.

Фигурный кремень — также довольно частое явление для верхневолжских памятников. Имеются несколько экземпляров, по очертаниям отдаленно напоминающие фигуру рыбы, и отчетливо выраженные фигурки животных (табл. 37, *46—49*).

Нуклеусы, найденные на многих стоянках и в мастерских, можно разделить прежде всего на две основные категории — для получения пластин и отщепов. Целевое назначение безусловно определяло их форму (табл. 37, *44*).

В том случае, если из нуклеуса хотели получить отщепы, подготовка была менее тщательной. Выбирался подходящий уплощенный кусок кремня, часто покрытый коркой, и путем правильных, очень точных ударов от него отбивались крупные округлой или овальной формы отщепы, специально предназначенные для скребков.

Обращает на себя внимание удивительная их однотипность, определявшая стандартность большой серии скребков. По всей вероятности, именно для этих целей служили и те макролитические орудия из коллекции Романченко, которые имеют вид гигантских скребков. Гораздо чаще таким нуклеусам придавали дисковидную форму.

По-видимому, существовали нуклеусы и для снятия с них крупных пластинчатых отщепов, на что указывают негативы на удлиненных нуклевидных кусках.

Наиболее отчетливую форму имеют нуклеусы для изготовления пластин. На Валдайской возвышенности они двух типов — конические — одноплощадочные и призматические — двухплощадочные. Численно заметно преобладают первые. Для них откалывался подходящий крупный кусок; после этого сильными, одним или несколькими, ударами, сбивался конец с целью подготовки площадки. Затем одна из перпендикулярных ей длинных сторон в месте пересечения граней орабатывалась более или менее крупными сколами, нанесенными со стороны ребра в противоположных направлениях, из-за чего часто нуклеус в поперечном сечении приближался к треугольнику. Назначение этого заостренного конца — прочно удерживать нуклеус в зажиме. Нередко для усиления прочности закрепления нуклеуса в процессе снятия с него пластин указанная обработка захватывала и конец, противоположный площадке, в результате чего создавалось как бы поперечное лезвие орудия.

После такой подготовки нуклеуса начинали снимать пластины с центральной части, постепенно приближаясь к месту зажима. После того как нуклеус уже трудно было удерживать в зажиме, с него сбивали краевой скол, нередко превращая его в проколку или резчик. Сам же нуклеус иногда использовали как рубящее орудие. В том случае, когда нуклеус вынимали из зажима и продолжали снимать с него пластины по всему периметру, образовывался правильно конический, а иногда и карандашевидный нуклеус. Классические карандашевидные нуклеусы мелкого размера, с правильным огранением пластин, шириной в несколько миллиметров, по-видимому, следует связывать с мезолитом; ни в одном случае они не были встречены с керамикой.

Подготовка призматических двухплощадочных нуклеусов отличалась лишь тем, что отбивалась не одна, а две плоские площадки на противоположных концах, и снятие пластин шло по всему периметру; необходимость зажима отсутствовала.

Помимо совершенно правильной формы нуклеусов, немало встречается и более аморфных.

На поселениях довольно часто попадаются и краевые сколы с нуклеусов, и сбитые с них площадки с целью подживления.

КЕРАМИКА

(табл. 38, *1—31*)

В силу недостаточности еще исследования памятников с четкой стратиграфией на рассматриваемой территории трудно предложить схему развития керамики в ее окончательном виде. Без сомнения последующие исследования помогут уточнить ее и произвести более дробное членение.

В настоящее время в большой мере на основании аналогий можно выделить керамику: 1) относительно более раннюю (табл. 38, *1—18*) и 2) позднюю, характерную для развитого и позднего неолита (табл. 38, *19—31*).

В свою очередь в керамике, относимой к ранней группе (соответствующей, однако, раннему и развитому неолиту) улавливаются типологические различия, отражающие, по-видимому, разные этнокультурные влияния. Благодаря известной оригинальности эта группа керамики, хотя указывает на отчетливо выраженные черты сходства с конкретными областями, все же не дает полного тождества, в связи с чем затрудняется ее датировка. Очевидно лишь, что оба комплекса не разделены большим промежутком времени в силу совместного залегания их внутри единого культурного слоя незначительной мощности в некоторых стоянках, весьма ограниченных по площади.

Керамика позднего типа. Наиболее легко выделяется из общей массы керамического материала ранняя текстильная керамика. Иногда она имеет пористое тесто, обжиг не выше среднего. Внутренняя поверхность покрыта штриховкой, внешняя — отпечатками ткани в виде мелкой довольно правильной сеточки, поверх которой в большинстве случаев нанесен орнамент из ямок, ямочных вдавлений, отпечатков гребенки и имитации ее (острого отщепа, обмотанного нитью). Тождественная форма сосудов — профилированный край, украшенный гребенкой, создающей зигзаг, и ямками по шейке и верхней части тулова, плоское днище с оригинальным приемом изготовления (отпечатками ткани на внутренней стороне его с заглаженным внешним ободком) — сближает эту керамику с сосудами эпохи раннего металла современной Ленинградской и Новгородской областей и южной Карелии — Изсады, Под сопкой, Олонка (Гурина, 1963), а также Верхнего Поволжья — Ворокса (П. Третьяков, 1941). Такие сосуды встречаются на стоянках озер Пирос (Прикол), Пудоро (Алексеевское поселение 17), Бологое, Валдайское, р. Мсты и др.

Без всякого сомнения, данная керамика не включается в понятие валдайской культуры. Она имеет иные хронологические рамки, иную этнокультурную принадлежность и иную территорию распространения. Нам она важна в данном случае для определения верхней границы существования валдайской культуры.

В плане выяснения датировки и взаимоотношения валдайских племен на позднем этапе с другими племенами представляет интерес второй керамический комплекс, относящийся к волосовской культуре.

Прежде всего следует подчеркнуть относительно небольшую территорию, занятую стоянками, на которых встречается волосовская керамика, а также заметную локализацию их в восточной и северо-восточной части рассматриваемой области (Новгородской). Стоянки, лежащие к западу, непосредственно в верховьях р. Волги и примыкающих к ней озер (Волго, Пено, Селигер), а также на озерах, связанных с верховьем Западной Двины (Охват), пока не дали типичной волосовской керамики. Обнаружение ее в принципе не исключается. Однако ясно, что стоянки с такой керамикой едва ли встретятся в массовом количестве.

Волосовская керамика известна на стоянке Бологое без надежной стратиграфии и на р. Мсте (Репище). Керамика, приближающаяся по характеру к волосовской, найдена также в Кончанском. Она имеет рыхлое пористое тесто с раковинной или растительной примесью, толстые стенки, преимущественно поверхностный орнамент из нарезок (иногда значительной длины и слегка изогнутой формы), из крупной гребенки, изредка образующей как бы зигзагообразный узор, рамчатый орнамент, поставленный отдельно или соединенный попарно, а также крупные небрежно наколотые ямки неправильных очертаний, округлые или удлиненные. Края в ряде случаев отогнуты наружу.

Керамика этого типа, как и предыдущая, отнюдь не включается в состав валдайской культуры.

Неолитическая керамика, относящаяся к валдайской культуре, отличается от ямочно-гребенчатой. Главным признаком, объединяющим ее в единое целое, несмотря на имеющиеся различия, является поверхностный характер орнамента — подчиненная роль ямок, преобладание гребенки и таких элементов узора, как нарезки, прочерченные линии, наколы и др. При этом сами ямки почти всегда мелкие, неправильной формы, совершенно иные, чем четкие, глубокие конические ямки, характерные для классических ямочно-гребенчатых сосудов.

Вместе с тем в керамике, датируемой неолитом, замечаются две группы, отличающиеся друг от друга по времени и отражающие, по-видимому, различные связи.

К первой относятся сосуды средней величины со сравнительно тонкими стенками (до 5 мм). Примесью к глине служит очень мелкий кварцитовый песок, реже органическое вещество. В ряде случаев внешняя поверхность сосудов сглажена, внутренняя — имеет штрихи от заравнивания глины. В тех случаях, когда удается установить, — край прямой, размер сосуда средний.

Орнамент таких сосудов разреженный, в основном сосредоточенный в верхней части и у самого дна. Хотя и прослеживается зональное расположение орнамента, однако оно далеко не такое четкое, как на ямочно-гребенчатых сосудах (нарушается параллельность линий, не совпадает рисунок на стыках).

Основными элементами орнамента таких сосудов служат мелкие наколы подтреугольной или округлой формы, близко поставленные друг к другу в результате периодического нажима палочки («скоропись») (Щепочник, Пено 2, Пено 3, Охват 6). На одном из наиболее типичных сосудов (стоянка Щепочник на оз. Селигер) поверхность залощена до блеска

со следами закрашенности охрой, внутри видны четкие следы заглаживания. Диаметр сосуда 29 см, высота 23 см, край прямой, днище сильно оттянуто книзу. Верхняя часть украшена четырьмя параллельными друг другу и краю сосуда линиями из редких наколов подтреугольной формы, остальная часть (кроме самого днища, украшенного двумя рядами таких же вдавлений) не орнаментирована.

Работами 1970 г. такая керамика обнаружена в чистом виде на ряде поселений, расположенных на возвышенных участках (Котчище I, II, Засыпь I, II). Одно из поселений — Котчище II раскопано полностью. Существенно, что здесь керамика сопровождается только наконечниками постсвидерского типа, сечениями пластин и своеобразными нуклеусами макролитического облика (Гурина, 1970).

Вторая группа несравненно многочисленней, по тесту не отличается от первой, но залощенности поверхности не прослеживается, край слегка утолщен, днище коническое. Орнамент разнообразен. Основным элементом узора служила гребенка, чрезвычайно различная по величине и форме, тонкая — длинная или короткая, крупная — преимущественно короткая.

Оттиски длинной гребенки бывают настолько тонкими, что похожи на машинную строчку. Чаще всего они поставлены очень близко друг к другу, заполняя почти все поле. Изредка они очень короткие и расположены наклонно, образуя горизонтальные линии, опоясывающие сосуд.

Значительно же чаще можно видеть гребенку крупную, как правило, короткую или средней величины, в исключительных случаях — косозубый штамп, изредка — отпечатки нити, намотанной на стержень (ложная гребенка).

Довольно характерным следует считать украшение из оттисков двузубого округлого штампа, составляющее устойчивую черту орнаментации керамики валдайской культуры. Иногда дно такого штампа не гладкое, а ребристое, края же имеют усики. Отпечатки двузубого штампа наиболее часто встречаются в северо-восточной части рассматриваемой области.

Вторым элементом орнамента являются нарезки, различные по форме, иногда удлиненные, чаще укороченных пропорций, вдавления гладкого, резко вытянутого штампа. В ряде случаев они заменены прочерченными линиями, изредка проведенными по подсушенной глине (Бологое, Селигер); в других же, будучи короткими и расширенными, превращены в узкие овалы.

Менее часто применяются неправильно округлой или овальной формы глубокие ямки, обычно небрежно нанесенные на поверхность; более распространены ямчатые вдавления, иногда очень слабо заметные.

Отсутствие целых сосудов не позволяет составить полного впечатления о композиции. Очевидно лишь, что общим для керамики является известная небрежность узора, отсутствие строгой зональности в орнаменте — нередко один элемент украшения находит на второй, перебивая его, в результате чего контуры фигуры смяты. В ряде случаев один элемент нанесен поверх другого, сочетание нескольких элементов узора в пределах одного сосуда неоправданно и безвкусно, негармонично, что резко отличает всю керамику валдайской культуры от классической ямочно-гребенчатой с ее строго выработанными орнаментальными законами.

Узор не подчеркивает формы сосуда, не сливается с ним, а нередко идет в разрез (как, например, овалы, вытянутые параллельно краю сосуда). Это особо подчеркивается неправильной формой ямок и ямочных вдавлений.

В целом украшения из ямок заметно преобладают на сосудах стоянок северо-восточной области (Бологое, вышневолоцкие стоянки), тогда как в юго-западной большая часть сосудов густо покрыта тончайшей гребенкой.

В пределах одного сосуда встречается несколько элементов: крупные и мелкие ямки; ямки и нарезки; ямки, нарезки и мелкие ямки; гребенка и овальные ямки; ямки и прочерченные линии; гребенка и мелкие ямочки; прочерченные линии и мелкие треугольнички; нарезки и тончайшая гребенка.

Отсутствие частой повторяемости определенных композиций создает видимость разнообразия ее, однако лишь кажущуюся. В действительности же при внимательном рассмотрении удается выделить немногие варианты: 1) горизонтальные широкие полосы, опоясывающие сосуд (из косых оттисков тончайшей длинной гребенки; из тончайшей, но короткой гребенки; широкой гребенки; круглых ямок; нарезок; прочерченных косо поставленных линий; горизонтально прочерченных линий; шнура, намотанного на стержень (ложная гребенка)); 2) елочный узор, полученный отпечатками гребенки или шнура, намотанного на стержень, которые образуют горизонтальные пояса; при этом в одном горизонтальном поясе они наклонены вправо, а в другом, расположенном рядом, — влево; на одном фрагменте отпечатки, подчиненные тому же принципу, образуют как бы дерево, направленное вершиной вверх; 3) зигзагообразные линии из гребенки, одинарные или двойные, сочетающиеся с горизонтальными поясами из гребенки, нарезок или кружковых отпечатков; 4) косая сетка из перекрещивающихся отпечатков гребенки или нарезок, иногда вместе с горизонтальными поясами из косо поставленной гребенки; 5) углы, изредка размещенные один над другим (понять полностью рисунок мешает небольшой размер фрагментов); 6) орнамент, напоминающий «флажки» и зигзаги из полос, сплошь заполненных оттисками гребенки, — типичный орнамент прибалтийской культуры (Бологое) — единичные фрагменты.

Нельзя не отметить известного своеобразия ранней керамики и орудий стоянок побережья оз. Селигер и Пено (Щепочник, Котчище II), имеющих наибольшее количество общих черт с памятниками южных и юго-западных территорий — Средним Поднепровьем (Артеменко, Тюрина, 1966), с Западной Белоруссией и Литвой.

Костяные орудия на стоянках валдайской культуры пока очень малочисленны, что объясняется стратиграфическими особенностями, и не выразительны. Они представлены лишь в бологовской стоянке рыболовными крючками — целым и двумя

стержнями от составных крючков и украшениями в виде просверленных зубов и челюстей животных, пронизок из птичьих костей.

Значительный интерес вызывают многочисленные янтарные украшения в виде подвесок и пуговиц, найденные в с. Кончанское. Однако отсутствие надежной стратиграфии не позволяет связать их безоговорочно с комплексом керамики — волосовской или валдайской, представленных на данном поселении. Теоретически полностью не исключается и последняя связь, поскольку янтарь мог служить эквивалентом валдайскому кремню, экспортируемому в Прибалтику.

Остатки жилища встречены лишь на двух памятниках.[6] На одном, относящемся к эпохе раннего металла (Свеклино), они представляли собой углубления (на 50 см ниже нижней границы культурного слоя) неправильных подчетырехугольных очертаний, размером 4×4 м, заполненные интенсивным темным культурным слоем, с очагами, без каких-либо следов от столбов перекрытия. В заполнении обнаружено большое количество кремневых орудий и полуфабрикатов.

Погребений на территории, занятой валдайской культурой, до сих пор пока не было обнаружено.

В целом валдайская культура содержит очень много общих черт в кремневых орудиях и керамике с Верхним Поднепровьем и более западными районами, хотя отражает местные специфические черты, в которых заметно известное влияние соседних и более далеких культур, и это понятно, если учитывать особенность этой территории, богатой кремнем, экспортируемым на значительное расстояние.

Не имея пока достаточных данных, судя по керамике, неолит этой территории следует датировать, по-видимому, не ранее начала III тыс. до н. э., а основную массу стоянок, возможно, второй его половиной.

---

[6] Второе обнаружено на стоянке Репище. См. статью М. П. Зиминой в настоящем сборнике, стр. 170—172.

М. П. ЗИМИНА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ В БАССЕЙНЕ р. МСТЫ

Бассейн р. Мсты совпадает с северной частью Валдайской возвышенности, изобилующей мелкими озерами, соединяющимися между собой и с главной водной артерией этого края р. Мстой. Территория эта издавна привлекала к себе внимание многих исследователей (Рерих, 1903, 1905; Ефименко, 1916; Крижевская, 1950б, 1959; Гурина, 1950в, 1958, 1961б), не раз подвергавших обследованию берега озер Пирос, Валдай, Кафтино, Шерегодро, рр. Мсты и Валдайки. Ими выявлен целый ряд памятников, произведены частичные раскопки некоторых из них. По-видимому, именно за счет малой изученности края нужно отнести отсутствие здесь мезолитических и ранненеолитических памятников. В последние годы разведки и раскопки на вновь открытых и ранее известных археологических памятниках указанной территории производились автором (см. рисунок).

Бóльшая часть обследованных памятников группируется вокруг довольно крупных озер: Пирос, Кафтино, Шерегодро, Болонье. Располагаются они на останцах первой надпойменной террасы на высоте 3—4 м или по берегам зарастающих озер на высоте 1—2 м. Мощность культурного слоя в основном не превышает 20—25 см. На некоторых долговременных стоянках толщина слоя достигает 40 см и более (Репище — 70 см), но встречаются памятники с мощностью слоя 10—15 см. Обычно на таких поселениях мало находок и часто отсутствует керамика.

Обследованные нами памятники сходны по материалу и близки по времени.

На большинстве стоянок жилища не обнаружены. Это может быть результатом или непродолжительного обитания стоянок или повреждений культурного слоя в более позднее время (перекопы, вспашка и т. д.). На некоторых стоянках обнаружены остатки жилищ с очагами (Усть-Валдайка II) или только очаги (Репище, Кончанское I) (табл. 69, *III*).

На стоянке Усть-Валдайка I обнаружены остатки жилищ подчетырехугольной формы, довольно крупного размера 7×8 м. Два жилища, слегка углубленные в землю, соединены друг с другом переходом шириной 0.8 м. Ближе к одной из стен располагаются очаги диаметром 1.3×1 м, глубиной 0.7 (на Усть-Валдайке II очаг обложен полукругом довольно крупными камнями).

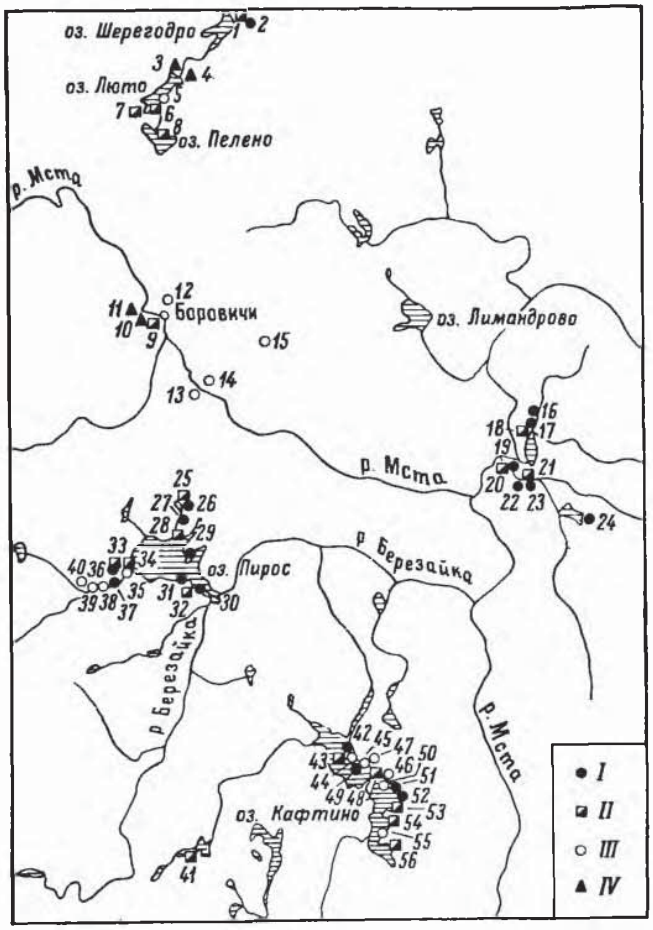
Основная масса находок сконцентрирована внутри жилищ. Здесь же обнаружены развалившиеся горшки, иногда располагающиеся вокруг очага (жилище № 1 на Усть-Валдайке I), некоторые из них удалось реконструировать.

Поскольку описываемые памятники относятся примерно к одному и тому же времени и принадлежат, судя по материалу, одному и тому же населению, есть основания полагать, что и на других стоянках жилища, если они были, имели аналогичную форму.

Кремневый инвентарь (табл. 39, *1—43, 48—50*) довольно обширен. Наконечники стрел (табл. 39, *1—9*) листовидные, ромбические, треугольно-черешковые, различные по размерам, обработаны двусторонней плоской ретушью. Иногда встречаются экземпляры, сделанные из ножевидных пластин. Наконечники копий крупные, листовидной, ромбической или близкой к ромбу формы, в основном из отщепов, обработанных плоской ретушью с двух сторон (табл. 39, *10—12*).

Скребки составляют самую многочисленную группу орудий на каждой стоянке. Часть их изготовлена из крупных, удлиненных отщепов подтреугольной, реже овальной формы с прямым или округлым рабочим краем, покрытым крутой ретушью, обычные для стоянок озер Пено, Охват, Селигер. Часть скребков с округлым или относительно прямым краем выполнена на широких массивных отщепах. Подобные типы находят себе аналогии на стоянках волосовской культуры. Небольшая часть скребков сделана из ножевидных пластин, некоторые из них имеют слегка скошенный рабочий край. Немногочисленны мелкие скребочки; материалом для них служили отщепы и обломки пластин. Единичны круглые скребки. Обычно у скребков ретушью обработан только рабочий край и лишь у некоторых и боковые стороны. Изредка встречаются скребки со сплошь

ретушированной спинкой. Размеры скребков колеблются от 0.5×1.2 см до 5×9 см (табл. 39, *13—25*). Скобели обычно из отщепов и лишь иногда из обломков ножевидных пластин.

Неолитические поселения и местонахождения в бассейне р. Мсты.

I — стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой; *II* — стоянки с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой; *III* — стоянки без керамики; *IV* — стоянки с керамикой раннего железного века. *1* — Кончанское I; *2* — Кончанское II; *3* — Девярек; *4* — Длинный Холм; *5* — Березовский Рядок; *6* — Размытый Полуостров; *7* — Южная Пристань; *8* — Белавенская; *9* — Катино I; *10* — Сомино I; *11* — Крюково; *12* — Быстрицкая; *13* — Ануфриевская; *14* — Егольская; *15* — Лимандровская; *16* — Владыкинская; *17* — Ртище; *18* — Юдиха; *19* — Болоньинская; *20* — Дубьевская; *21* — Репище; *22* — Паневская; *23* — Уверско-Мотинская; *24* — Шабодро I; *25* — Островская Пристань; *26* — Шадомицкая Пристань; *27* — Сухословская Пристань; *28* — Узмень; *29* — Прикол; *30* — Рютино; *31* — Велье I; *32* — Велье II; *33* — Усть-Валдайка I; *34* — Усть-Валдайка II; *35* — Усть-Валдайка III; *36* — Усть-Валдайка IV; *37* — Усть-Валдайка V; *38* — Усть-Валдайка VI; *39* — Усть-Валдайка VII; *40* — Усть-Валдайка VIII; *41* — Бологовская; *42* — Бычий Мыс III; *43* — Бычий Мыс II; *44* — Бычий Мыс I; *45* — Черная Речка IV; *46* — Черная Речка II; *47* — Черная Речка I; *48* — Песенка VII; *49* — Песенка VI; *50* — Песенка V; *51* — Песенка IV; *52* — Песенка III; *53* — Песенка II; *54* — Песенка I; *55* — Липпа II; *56* — Липпа.

Большинство ножей изготовлено из пластин, часто аморфных, или пластинчатых отщепов. У большинства из них один край притуплен крутой ретушью, другой (с брюшка, со спинки или с обеих сторон) приострен плоской. Часть ножей выполнена на длинных, широких отщепах, иногда изогнутой формы, некоторые обработаны ретушью с одной или с двух сторон полностью. Такие ножи характерны для волосовских стоянок (табл. 39, *36—43*).

Сверла сделаны из отщепов или небольших плоских галек, рабочий конец их обычно ретуширован с брюшка и со спинки; иногда же они обработаны с двух сторон по всей поверхности. Для проколок использованы отщепы или ножевидные пластины. Ретушью обработано острие, а иногда и прилегающие к нему части, реже вся поверхность. Резцов очень мало, они бывают срединные или угловые (табл. 39, *26—35*). Довольно много крупных и средних топоровидных орудий, обработанных по всей поверхности с двух сторон крупными сколами. Найдены также пикообразные орудия типа волжских макролитов (табл. 39, *49—50*).

По сравнению с кремневыми количество шлифованных орудий из сланца невелико, среди них тесла, топорики, долота, как правило, имеют небольшие размеры (табл. 39, *44—47*). Очень много в коллекциях заготовок и обломков орудий. Таким образом, в кремневом инвентаре поселений бассейна р. Мсты наблюдаются две особенности: с одной стороны, макролитоидность некоторых орудий (крупные скребки, топоровидные орудия и орудия типа pic), свойственная стоянкам Верхнего Поволжья, с другой, — сходство некоторых форм орудий (наконечников стрел, ножей, сверл, скребков) с аналогичными формами волосовских стоянок.

Керамика (табл. 40, *1—25*), выделяемая нами типологически, характеризуется следующими чертами: к тесту сосудов добавлена дресва, поверхность шероховатая, на внутренней видны следы заглаживания пучком травы, рукой; встречаются оттиски подушечек пальцев на стыках лент, накладывающихся одна на другую; толщина стенок 0.7—1 см, обжиг неравномерный. Сосуды полуяйцевидной формы и крупных размеров (диаметр горла 38—40 см, высота около 40 см). Дно острое или округлое. Венчик прямой, утолщенный или ровный, скошенный изнутри, по обрезу украшен оттисками гребенки. Ямки и гребенчатый штамп или сочетания тех и других покрывают всю поверхность сосудов. Узоры состоят из сочетания горизонтальных полос перечисленных элементов. Такая керамика в чистом виде встречается на отдельных больших стоянках (Усть-Валдайка V, Дубьевская, Кончанское II, Песенка IV, V). На стоянке Репище она имеется в чистом виде под слоем торфа, датируемого, по данным спорово-пыльцевого анализа,[1] фазой верхнего максимума ели, т. е. II тыс. до н. э. Следовательно, слой с ямочно-гребенчатой керамикой, лежащей под торфом, относится к несколько более раннему времени, т. е. по-видимому, к началу II тыс. до н. э.

Более поздняя ямочно-гребенчатая керамика несколько отличается от вышеописанной. К тесту добавляется дресва, поверхность сосудов несколько шероховата, внутренняя — часто сглажена штампом, иногда следы штриховки сохраняются на наружной поверхности, изредка она слегка залощена. Толщина стенок колеблется от 0.6 до 1 см. Изготавливаются сосуды ленточной техникой, причем ленты соединяются двояко: 1) одна подлепляется к другой и 2) одна лента наставляется на другую.

Для этой группы сосудов также характерны крупная величина, полуяйцевидная форма, округлое дно. Наряду с прямыми скошенными изнутри существуют и прямо срезанные, отогнутые наружу

[1] Анализ произведен Г. Н. Лисицыной.

венчики, обрез последних украшается очень редко. Часть сосудов имеет слабо выраженную шейку. Обычно сосуды украшают только парноямчатые вдавления, выполненные различным штампом, или сочетания парноямчатых и других элементов.

В орнаментации сосудов преобладают сложные узоры — зигзаги, углы, треугольники, диагональные полосы, выполненные ямками, парноямчатыми вдавлениями, оттисками гребенчатого, гладкого штампа или веревочки, широкие зигзаги и треугольники, заполненные гребенчатыми отпечатками. На некоторых сосудах сочетаются сложные и простые узоры.

На большинстве стоянок ямочно-гребенчатая керамика раннего и позднего типа встречается вместе (Шадомицкая Пристань, Сухословская Пристань, Бычий Мыс, Усть-Валдайская I и II, верхний горизонт Репище и др., Петровская, Гвилистенка, Николо-Перевоз, Языковская и др.).

Часть керамики, украшенной узорами из углов, треугольников и широких зигзагов, заполненных оттисками гребенчатого штампа, аналогична керамике восточной Латвии, Эстонии (Акали, Куломяги) и Ленинградской области (Усть-Рыбежна I).

Своеобразие орнаментации керамики указанной территории заключается в применении парноямочных вдавлений, выполненных различными штампами, ямок неправильной, по преимуществу вытянутой формы, нанесенных часто углом гребенчатого штампа или палочкой, поставленной наклонно. Специфическим следует считать и расположение узора по диагонали. Аналогии описанной ямочно-гребенчатой керамики мы находим на многих стоянках Волго-Окского междуречья.

На некоторых стоянках ямочно-гребенчатая керамика смешана с керамикой других типов.

Так, для волосовской керамики, встреченной на обследованных нами памятниках, типична растительная, реже раковинная примесь к тесту. Сосуды баночные крупных размеров: диаметр горла 36—40 см, диаметр дна 10—13 см, высота 30—40 см. Дно плоское, венчики утолщенные, округлые или плоские, прямые, отогнутые наружу или слегка нависающие внутрь. Некоторые сосуды имеют прямой, ровный венчик с волнообразным краем. При этом сосуды с волнообразным краем содержат незначительную растительную примесь к тесту, поверхность их лучше заглажена, стенки довольно тонкие (0.6—0.8 см). Обычно же толщина стенок 0.5—1.3 см, наружная и внутренняя поверхность иногда заглажена штампом.

Орнаментом покрыта вся поверхность, включая дно, а иногда он переходит на внутреннюю сторону. Рисунок обычно состоит из елочки, косых оттисков широкого гребенчатого, гладкого и рамчатого штампов или в беспорядке разбросанных ямчатых и кольцевых вдавлений. Встречается узор из «шагающей» гребенки. Зональность орнамента нередко нарушена. Аналогии этой керамике мы находим на стоянках волосовской культуры (Волосовская, Владычинская, Володары, Холомониха, Языковская и др.). Близкие сосудам с волнообразным венчиком есть на стоянках гаринского этапа турбинской культуры (Бойцовская VII, Тюремка III).

Керамике камского типа свойственна примесь шамота или песка, несколько комковатое тесто, тщательная обработка поверхности, на которой заметны следы лощения. Внутренняя поверхность нередко сглажена штампом. Обжиг равномерный, черепок плотный, красноватого цвета. Сосуды полуяйцевидные с очень острым дном и прямыми стенками.

Венчики не профилированные, прямо срезанные, иногда чуть скошенные наружу. Встречаются сосуды с сильно суженным венчиком. Толщина стенок 0.9—1.5 см. Орнаментом покрыта вся поверхность или только верхняя часть, дно без рисунка. Преобладают длинные оттиски мелкой гребенки, чаще всего «шагающей», и поверхностные небольшие ямки, опоясывающие сосуд редкими полосами. Аналогии этой керамике находим на неолитических стоянках Прикамья, однако она несколько отличается от нашей. Для неолитической керамики с «шагающей» гребенкой Мстинского бассейна характерна более закрытая форма, утолщенный венчик, хорошо сглаженная поверхность без штриховки. Мы находим больше сходства с описанным выше комплексом в керамике энеолитического времени Прикамья, например Астраханцевское поселение.

На некоторых наших стоянках — Кончанское I, Болоньинская, Размытый полуостров, Песенка II — ямочно-гребенчатая керамика встречается в сочетании с волосовской. На других — Репище, Усть-Валдайка I, II, Узмень — она залегает вместе с волосовской и камской; керамика камского типа встречается лишь вместе с волосовской. При этом в керамическом комплексе стоянок инородная керамика составляет небольшой процент: керамика камского типа — от 1 до 8%, керамика волосовского типа — от 2 до 10.6%, в то время как на долю ямочно-гребенчатой керамики приходится от 78.4 до 93%.

Поселения со смешанным керамическим комплексом — ямочно-гребенчатым и волосовским — мы находим на некоторых стоянках Волго-Окского междуречья и Костромского Поволжья — Бологовская, Борань, Федоровская, Петровская, Гвилистенка и др.

На стоянке Репище, кроме описанных выше типов, найдена керамика, относящаяся к позднебронзовому веку. Примесь к тесту у нее самая разнообразная: дресва, шамот, песок, растительная (в незначительных количествах). Сосуды четко профилированы с ярко выраженной прямой или несколько отогнутой наружу шейкой, круглыми боками и уплощенным или округлым дном. Диаметр горла колеблется от 10 до 37 см, толщина стенок 0.5—0.8 см. Обычно орнаментирована только шейка и плечики или только плечики, изредка узор спускается на тулово и лишь очень редко украшается уплощенное дно. Узоры состоят из перекрещивающихся или чередующихся горизонтальных и зигзагообразных полос мелкозубчатой гребенки, иногда же только из мелких ямочных вдавлений. В керамическом комплексе стоянки сосуды этого типа составляют лишь 2%. Аналогии этой керамике мы находим на стоянках поздняковской культуры — Поздняковская, Ефановская, Лопачи. Керамика с орнаментом поздняковского типа встречается

и на некоторых стоянках Костромского Поволжья (Федоровская, Галичская, Умиление).

Наконец, на некоторых стоянках рассматриваемой территории (Репище, Кончанское I) попадается керамика (около 4.6% от общего числа), залегающая обычно в верхней части культурного слоя. Для нее характерна различная примесь к тесту (дресва, шамот, песок, растительная, асбест). Большая часть сосудов на наружной поверхности имеет текстильные отпечатки, иногда они прослеживаются и на верхней части внутренней. Форма сосудов — баночная или горшкообразная, с шейкой различной высоты и формы, дно плоское, размеры самые разнообразные. Иногда по текстильным отпечаткам нанесены ямки или оттиски короткого мелкозубчатого штампа, некоторые сосуды орнамента не имеют. Аналогии этому типу керамики находятся на многих поселениях Костромского Поволжья начала I тыс. до н. э.

Есть несколько стоянок (Крюково, Сомино I, Девярек и др.), обычно расположенных на берегах мелких озер, на которых обнаружена только текстильная керамика. Фрагменты сосудов с примесью асбеста аналогичны встреченным на поселениях в северной части Ленинградской области и Карелии.

Костяных орудий не найдено, вероятно, в результате условий залегания, не способствовавших их сохранности. В коллекциях со стоянок Репища и Усть-Валдайки I есть только несколько невыразительных обломков костяных орудий, по которым невозможно определить их форму и назначение.

На стоянке Репище имеется несколько предметов из янтаря — 3 подвески (1 целая асимметричная и 2 обломка симметричных подвесок) и 2 пуговицы с V-образным отверстием, диаметр одной из них 1.5 см, второй — 6.5 см (табл. 39, *51—54*). Аналогии подвескам и мелкой пуговице мы находим на стоянках — Сулька (Восточная Латвия), Акали (Эстония), Кончанское, Модлона. Причем наличие пуговицы с V-образным отверстием указывает на относительно ранний возраст памятника — не позднее первой половины II тыс. до н. э., а способ их обработки сколами с последующим сверлением — о латвийском происхождении янтаря (Брюсов, 1951). В коллекции стоянки Усть-Валдайка I находится несколько обломков глиняных фигурок (табл. 39, *55*). Одна — головка, по-видимому, утки (?); определение принадлежности какому-либо виду животных второй фигурки довольно затруднительно, быть может, это изображение овцы (?).

Прямые аналогии усть-валдайским фигуркам не найдены, но в середине II тыс. до н. э. глиняные изображения животных — нередкое явление на стоянках лесной полосы (Валма, Сулька, Кубенино, устье рр. Кинемы, Модлоны и др.).

Таким образом, рассмотренные выше памятники относятся к сравнительно небольшому отрезку времени — II тыс. до н. э., более ранних стоянок — мезолитических и ранненеолитических — в бассейне р. Мсты не найдено; быть может, это результат недостаточной изученности края.

История племен этого края во II тыс. до н. э. на основании изучения материалов поселений, в особенности керамических, представляется нам следующей. В начале II тыс. до н. э. здесь обитали племена с ямочно-гребенчатой керамикой, аналогичной керамике стоянок Волго-Окского междуречья. К середине II тыс. до н. э. в керамическом материале здешних стоянок появляются особенности, позволившие М. Е. Фосс территорию Валдайской возвышенности и верхней Волги присоединить к западной области распространения ямочно-гребенчатой керамики с преобладанием в орнаментации последней (Фосс, 1952).

Нам кажется возможным выделить на указанной территории локальный вариант культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, отличительными чертами которой является широкое применение парноямочных вдавлений, ямочных вдавлений удлиненной формы и расположение различных элементов орнамента по диагонали.

Указанная территория интересна тем, что была контактной зоной между севером и югом, западом и востоком. В материале исследуемых стоянок мы обнаруживаем элементы, указывающие на связи местных племен с Прибалтикой (наличие янтаря и геометрических узоров в керамике, свойственных стоянкам Эстонии, Восточной Латвии, Финляндии, а наличие некоторого количества керамики с примесью асбеста говорит о связях с Карелией). В середине II тыс. до н. э. здесь появляется керамика волосовского и камского типов. Керамика бронзового времени складывалась на местной основе под влиянием волосовских племен на раннем этапе и, по-видимому, поздняковских — на позднем этапе (о чем свидетельствует посуда с орнаментом поздняковского типа). Вероятно, какую-то роль в сложении культуры бронзового века указанной территории сыграли и фатьяновские племена, так как территория эта входила в зону распространения фатьяновской культуры. На некоторых стоянках встречаются обломки сверленых боевых топоров и заготовки для них с незаконченным сверлением (Дубьевская. Болоньинская). Орнаменты некоторых наших сосудов и фатьяновских имеют сходство.

Б. ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА

Д. Я. ТЕЛЕГИН

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ УКРАИНЫ И ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

В бассейне р. Днепра, на территории лесостепного левобережья Украины и в Полесье Белоруссии обнаружено большое количество неолитических стоянок и поселений. По характеру керамики и составу производственного инвентаря они относятся к двум основным культурным группам — гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой (Телегін, 1957). В результате работ последних 10—15 лет на р. Днепре выше г. Киева собран достаточный материал, позволяющий говорить о наличии здесь еще одной, третьей, группы памятников с керамикой типа Струмеля — Гастятина. Основным критерием для выделения стоянок струмельско-гастятинскогго типа в особую группу, которые прежде рассматривались в числе памятников днепро-донецкой культуры, является керамика со своеобразным типом толстостенных горшков с острым дном и цилиндрическими стенками, почти лишенными орнамента.

Памятники указанных трех групп занимают обособленные районы, хотя нередко встречаются на одной и той же территории (рис. 1). Последнее обстоятельство находит свое объяснение как в разновременности обнаруженных поселений, так, очевидно, и в известной смешанности древнего населения на стыке больших этнокультурных областей.

В настоящей статье мы ставим своей целью кратко подытожить наши знания в области изучения памятников гребенчато-накольчатой керамики (днепро-донецкая культура), ямочно-гребенчатой керамики, а также дать возможно полную характеристику материалов струмельско-гастятинского типа.

ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория распространения памятников днепро-донецкой культуры охватывает долину среднего и отчасти нижнего Днепра (от г. Рогачева до г. Каховки), бассейны его притоков (рр. Средняя и Нижняя Припять, Средняя и Нижняя Десна, Ворскла, Псёл, Сула), а также среднее течение р. Северского Донца (Телегин, 1961а).

В период расцвета культуры поселения и могильники днепро-донецкого типа распространяются также далеко в Приазовье и Верхнее Подонье. В это время в составе инвентаря разных районов намечаются значительные различия, что позволяет говорить о сложении пяти местных вариантов (групп памятников) этой культуры: надпорожско-приазовского, черкасского, донецкого, киево-волынского и гомельско-черниговского. В позднем периоде культуры ареал памятников резко сокращается за счет проникновения на территорию племен среднестоговской и трипольской культур, а также лесных охотников ямочно-гребенчатой керамики.

Исходя из задач, поставленных общей темой данного исследования, в нашей статье будет идти речь только о памятниках днепро-донецкой культуры лесостепных и полесских районов Восточной Европы.

Многочисленные поселения днепро-донецкой культуры (известно более 150 памятников) располагаются обычно вдоль русла рек или вблизи озер-стариц на низких участках надпоймы. Залегание культурного слоя связывается с нижней или средней частью гумусного слоя. Материалы некоторых ранних памятников залегают в желто-буром слое лесной почвы. Поселения имеют чаще сравнительно небольшие размеры: от 500—600 до 1000—2000 м². Тип жилищ днепро-донецкой культуры изучен слабо. Лишь в отдельных случаях на площади поселений удавалось обнаружить углубления подпрямоугольной формы, соответствующие наземным жилищам. Одно такое углубление размеров 2×2.5 м с остатками кострища зафиксировано нами на поселении Вита-Литовская под Киевом. О следах жилищ на поселениях Сосонка и Пустынка 5 сообщают также И. И. Артеменко (1964) и В. И. Неприна (Неприна, 1969).

Керамика днепро-донецкой культуры (табл. 41, *1—8*) представлена широко открытыми горшками. Другие типы сосудов почти неизвестны. Лишь на поселениях Волыни и Киевщины встречаются отдельные экземпляры мисочек и небольших чашек. В глине — растительная примесь или песок. Господ-

ствует остродонная форма горшков, только на более южных территориях известны плоскодонные сосуды. Венчики обычно простые, слабо отогнутые наружу, на более поздних этапах они приобретают воротничковое или валикоподобное утолщение. Венчик очень часто подчеркнут рядом округлых ямок. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и состоит из горизонтальных, диагональных рядов, оттисков гребенки, отступающих наколов или прочерченных линий. Для керамики донецкой и гомельско-черниговской групп весьма характерны также ямчатые вдавления. На сосудах позднего периода появляется шнуровой, валиковый и жемчужинный орнамент. О количественном соотношении различных элементов его на керамике днепро-донецких поселений дает представление таблица.

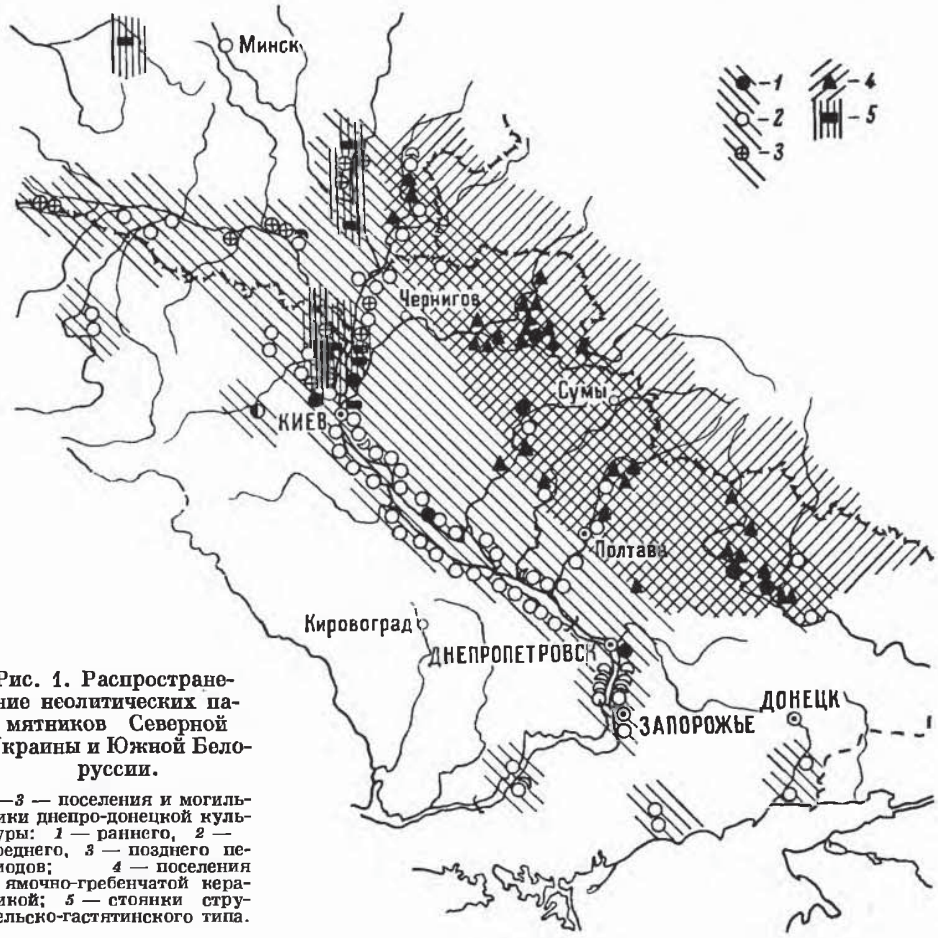

Рис. 1. Распространение неолитических памятников Северной Украины и Южной Белоруссии.

1—3 — поселения и могильники днепро-донецкой культуры: *1* — раннего, *2* — среднего, *3* — позднего периодов; *4* — поселения с ямочно-гребенчатой керамикой; *5* — стоянки струмельско-гастятинского типа.

Орудия труда, предметы вооружения и украшения включают *изделия из камня, рога и кости* (табл. 42, *1—36*). Лишь на заключительном этапе развития памятников этого типа в Надпорожье и Приазовье появляются первые украшения из меди и золота. Среди кремневых изделий следует отметить прежде всего наличие орудий с двусторонней обработкой: топоры, острия стрел и копий и микролитические формы (табл. 42, *10*, *11*, *26—30*, *35*, *36*). Топоры из кремня по технике их изготовления, способу оформления лезвия делятся на три основных типа: топоры-резаки и две разновидности клиновидных топоров — «овальные» и «подтреугольные».

Микролитические изделия (табл. 42, *1—11, 15—19*) встречаются в большом количестве и среди них — трапеции обычные и со стесанной спинкой, пластины со скошенным концом и пластины-вкладыши с затупленным краем.

Скребки (табл. 42, *7*, *8*, *22—24*, *33*) на поселениях и в могильниках днепро-донецкой культуры среди орудий труда количественно составляют наибольший процент. Они изготовлялись преимущественно из отщепов, реже из пластин. Ножами служили крупные ножевидные пластины с ретушью по краю (табл. 42, *9*, *25*, *34*). Наконечников стрел, дротиков и копий с двусторонней обработкой (табл. 42, *12—14*, *31*, *32*) очень мало; они были распространены во втором и третьем периодах культуры. По форме наконечники обычно подтреугольные, с прямым вогнутым или слегка выпуклым основанием. В более северных территориях наряду с подтреугольными широкими наконечниками бытовали удлиненные овальные острия. Из числа каменных орудий носителями этой культуры лесостепных территорий использовались топоры-тесла и так называемые челноки, или утюжки. Тесла изготовлялись из твердых пород камня с помощью шлифования. Они имели удлиненную подпрямоугольную форму и овальное сечение. Эти изделия характерны главным образом для долины р. Днепра. На р. Северском Донце и Волыни они встречаются довольно редко. Резцы известны на поселениях первого и второго периодов культуры (табл. 42, *5*, *6*, *20*,

Основные типы орнаментов на керамике днепро-донецкой культуры (в %%)

Период	Памятники	Гребенка	Наколы	Прочерченные линии	Ямки	Валик под венчиком	Жемчужины	Вертикальные расчесы	Шнур	Другие типы	Черепки без орнамента
III поздний	Литын	22	13	Имеются.	8	Имеются.	Имеются.	—	1.5	10.5	45
	Пустынка 5	12.1	—	—	13	17.5	12.1	23	Имеются.	0.3	22
II средний	Грини	39	18	4	8	—	—	—	—	8	23
	Устье Оскола I	25	25	—	50	—	—	—	—	—	—
	Бузьки	25	29	29	—	—	—	—	—	2	15
I ранний	Никольская Слободка (I керамическая группа)	24	2	23	—	—	—	—	—	—	50

21). Изготовлялись они обычно из толстых и прочных пластин. Преобладают два типа — боковые и двусторонние на пластинах с хорошо подретушированным концом.

Изделия из кости и рога (рис. 2, *1—8*) днепро-донецким населением использовались сравнительно мало и поэтому представлены лишь отдельными находками, среди которых можно назвать наконечники двузубого гарпуна, острие дротика (Слобода) и немногие другие.

Украшения носителей днепро-донецкой культуры многочисленны и разнообразны. Обнаружены они при погребениях в могильниках. Особенно много их найдено в Надпорожье и Приазовье, есть также и в лесостепной зоне Украины в Дереивском могильнике. Среди украшений — пластины мариупольского типа из клыка кабана, цилиндрические пронизки из стенок ракушки, подвески из недоразвитых зубов оленя, глоточные зубы рыб карповой породы.

Важной чертой днепро-донецкой культуры является обряд *погребения* и *тип могильников*. Умерших хоронили в вытянутом положении, на спине, в коллективных ямах разной формы, очень часто посыпали порошком красной охры. Около скелетов нередко находятся перечисленные выше украшения и орудия труда. В засыпке некоторых могильников найдены также разбитые сосуды гребенчато-наколчатой керамики. Одним из наиболее крупных некрополей днепро-донецкой культуры является Дереивский могильник, насчитывающий 161 погребение [2] (Телегин, Жиляква, 1964).

По определению антропологов, население днепро-донецкой культуры принадлежало к типу поздних кроманьонцев. Это были высокорослые широколицые люди с долихокранной формой черепа.

Вопросы относительной хронологии памятников днепро-донецкой культуры могут быть решены на основании анализа вещественных остатков и стратиграфических наблюдений. Явные различия в характере керамики в составе основных орудий труда днепро-донецких памятников одной и той же территории позволяют говорить об их разновременности, о наличии в развитии культуры нескольких хронологических этапов. С достаточным на то основанием можно, в частности, утверждать, что в своем развитии исследуемая культура прошла три основных

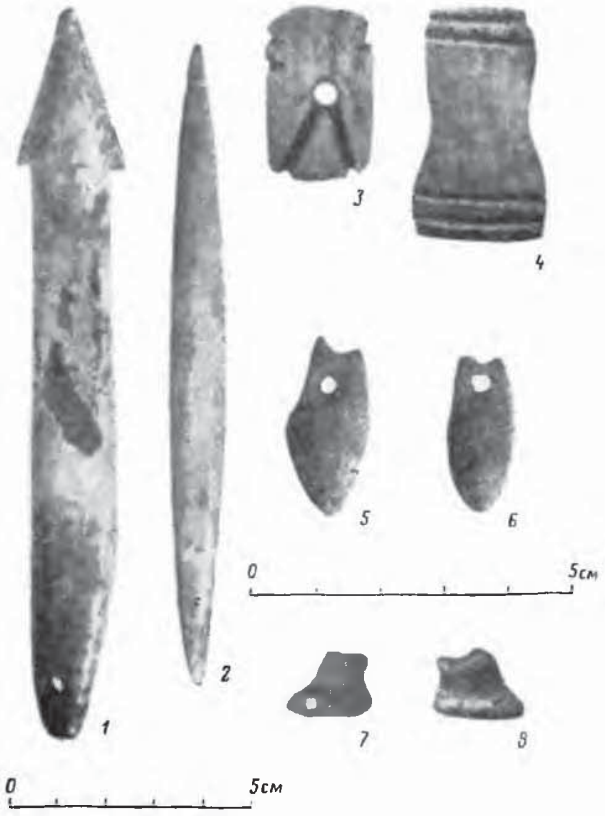

Рис. 2. Костяные изделия из поселений днепро-донецкой культуры.

1—8 — Дереивский могильник.

этапа: ранний (I), средний (II) и поздний (III). Выделение трех этапов в развитии культуры подтверждается стратиграфическими наблюдениями на многослойных поселениях в Устье Оскола II на р. Северском Донце (Телегин, 1960, стр. 182) и на поселении Игрень VIII в Надпорожье (Доброволь-

[2] Уже после опубликования могильника в 1964 г. здесь исследовано еще 16 погребений.

ский, 1949). Для выделения третьего этапа в развитии культуры стратиграфических данных пока нет, но, как увидим ниже при рассмотрении материалов типа Пустынки 5, наличие его вполне обосновывается типологическим анализом материалов. Разновременность трех основных этапов в развитии днепро-донецкой культуры подтверждается, кроме того, фактами их синхронизации с разными периодами в развитии соседних культур эпохи неолита-меди.

Памятники раннего периода днепро-донецкой культуры представлены сравнительно небольшим количеством поселений, которые известны в Киевском Приднепровье и низовье р. Припяти (Заваловка, Закота, Никольская Слободка 2), на Среднем Днепре в границах Полтавской и Черкасской областей (Веремеевка, Бильки) и на среднем течении р. Северского Донца (Бондариха II, Устье Оскола II — нижний горизонт). Могильники раннего этапа изучены слабо. Не исключена возможность, что с этим временем развития культуры следует связывать ранние одиночные или групповые вытянутые на спине погребения некоторых могильников Надпорожья (Игрень VIII, Васильевка III).

Для материальной культуры раннего этапа свойственно сильное распространение микролитических форм (трапеций, пластин со скошенным концом, пластин-вкладышей с затупленным краем), и бытование траншевидных топоров и топоров-резаков. Керамика весьма примитивная, слабо обожженная, как правило, с большой растительной примесью в тесте. Горшки слабо профилированные, остродонные. Орнамент гребенчатый и прочерченный. Мотивы узоров достаточно сложные. Это главным образом диагональные линии, кососетчатые и угловые композиции. Встречаются криволинейные мотивы.

Кремневые изделия ранних днепро-донецких поселений находят весьма близкую аналогию среди материалов поздних мезолитических стоянок нижней части Припятского бассейна Восточной Волыни, Киевского Приднепровья и лесостепного Левобережья вообще, что позволяет говорить об автохтонном развитии днепро-донецкой культуры на местной мезолитической основе.

Ко второму (среднему) периоду днепро-донецкой культуры относится подавляющее большинство известных в бассейне рр. Днепра и Донца поселений и могильников (рис. 1) и среди них многие, исследованные путем стационарных раскопок, в том числе: четыре поселения и один могильник на среднем Днепре в границах Черкасской, Полтавской и Кировоградской областей (Бузьки, Мутыхи, Пищики, Успенка, Дереивский могильник), пять поселений в Киевском Поднепровье и на Волыни (Никольская, слободка, Вита-Литовская, Грини, Мостра, устье Гнилопяти), могильник и три поселения на рр. Северском Донце и Осколе (Устье Оскола I, II, Александрийский могильник). Много поселений этого времени обнаружено на рр. Соже, Припяти и Верхнем Днепре (Романовичи, Чачуравке, Веть IV).

В материальной культуре второго этапа заметны изменения. Появляются клиновидные кремневые топоры, овальные и подтреугольные, а также каменные шлифованные тесла. Микролитические формы сокращаются, сохраняются лишь трапеции. Важной составной частью набора кремневых орудий становятся ножи, изготовленные из крупных пластин, а также двусторонне обработанные острия стрел и копий. Основным типом посуды, как и прежде, остается горшок, форма которого заметно усложняется за счет большей профилировки стенок и формы венчика. На Черкащине одновременно с остродонными формами бытуют плоскодонные горшки. В орнаментации наряду с оттисками гребенки и прочерченными линиями теперь важное место занимает почти не употреблявшийся ранее мотив отступающих наколов. На территории донецкой и гомельско-черниговской групп появляется ямчатый узор. В орнаменте господствует строгая горизонтальная зональность.

Поселения позднего (третьего) этапа днепро-донецкой культуры известны в самых северных районах Украины и главным образом на юге Белоруссии, в долине рр. Припяти и Днепра в границах Гомельской области (рис. 1).

Одним из наиболее полно изученных памятников этого периода является поселение Пустынка 5, расположенное на левом берегу р. Днепра в Черниговской области. Здесь вскрыта площадь около 1000 м². В основании культурного слоя, который залегал на глубине 0.2—0.5 м, отмечены остатки хозяйственных ям и очагов. Некоторые углубления имеют значительные размеры (3.2×1.5 м) при глубине до 0.3. В отдельных случаях на дне таких западин следы кострищ, что позволяет рассматривать их как остатки жилищ.[3]

В слое собрано несколько тысяч находок, в том числе кремневые ножи, острия, стрелы, скребки, шлифованные каменные топоры и керамика. Горшки средних размеров (высотой до 25—30 см), с острым и плоским дном. В составе глиняного теста видны песок и слабые следы растительных примесей. Узор довольно разреженный и состоит главным образом из гребенчатых оттисков, поверхностных ямок, а также жемчужин и валика под венчиком. Встречается шнуровой орнамент. Важной особенностью керамического комплекса Пустынки 5 является наличие сосудов с вертикальными расчесами по венчику. Эти сосуды, составляющие 5—6-ю часть всего комплекса, возникли, вне всякого сомнения, под влиянием трипольской керамической технологии. О непосредственном контакте людей Пустынского поселения с трипольцами свидетельствует наличие здесь в составе находок прямых импортов трипольской отмученной и чернолощеной керамики типа Евминки-Лукашей (этап B/II — C/I).

К третьему периоду днепро-донецкой культуры должны быть отнесены также поселения в ур. Порохонь вблизи с. Новосилки на р. Днепре, Казаровичи на р. Ирпени, Плитовище в устье р. Припяти и др. Исходя из наличия общих черт в орнаментации керамики (появление шнура, жемчужин, валика), к третьему периоду исследуемой культуры можно отнести большинство поселений, исследованных И. И. Артеменко в районе гг. Рогачева и Жлобина (Лучин, Ходосовичи), а также интересное поселение

[3] Исследования В. И. Митрофановой и Д. Я. Телегина в 1962—1965 гг.

у оз. Литвин на Средней Припяти, раскопанное В. Ф. Исаенко (Артеменко, 1964б).[4] Об одновременности поселений типа Пустынки 5, Лучина и Рогачевской группы свидетельствует полное совпадение некоторых оригинальных мотивов орнамента, например в виде ромбов, соединенных вершинами.

Памятники позднего периода днепро-донецкой культуры Северной Украины и Южной Белоруссии по типу керамики стоят весьма близко к поселениям второго периода культуры гребенчатой керамики Польши, с которыми они территориально смыкаются где-то на верхнем течении р. Припяти.

Влияние этих памятников весьма заметно отразилось также на сложении позднего неолита Понеманья, где в это время возникают поселения типа Добрый Бор.

Абсолютный возраст памятников днепро-донецкой культуры может быть определен на основании синхронизации отдельных ее периодов с культурами соседних, главным образом более южных территорий. В этой связи следует прежде всего указать на находку керамики заключительного этапа раннего Триполья в комплексе среднего периода днепро-донецкой культуры в Надпорожье и на Черкащине (Стрильча Скеля, Никольское, Пищики) (Телегин, 1961б). Наличие импортной керамики, а также явные следы влияния трипольской керамической технологии конца раннего — среднего Триполья на днепро-донецкую керамику отмечается и в материалах Киевщины (Грини, Пилява). О фактах, позволяющих синхронизировать третий этап днепро-донецкой культуры с Трипольем B/II — C/I, шла речь выше. Следовательно, мы можем говорить об одновременности памятников второго и третьего этапов днепро-донецкой культуры с поселениями триполья A — B — началом этапа C. Поселения раннего этапа исследованной культуры, по-видимому, предшествовали времени появления на Украине трипольской культуры. Они, таким образом, должны хронологически сопоставляться с бугодністровским неолитом. Последнее предположение находит подтверждение в некоторых фактах, вытекающих из анализа керамики названных культур.

По новым датировкам трипольской культуры конец этапа A триполья относится к середине — началу второй половины IV тыс. до н. э., а этапы B — C/I датируются временем от середины IV до середины III тыс. до н. э. (Passek, 1962). В эти хронологические рамки, по-видимому, входят памятники второго и третьего этапов днепро-донецкой культуры. Что же касается поселений первого этапа, то они должны относиться ко второй половине — концу V тыс. до н. э. Следовательно, время существования днепро-донецкой культуры охватывает отрезок с середины V до середины III тыс. до н. э.

[4] Материалы из поселений Малые Роги, Сосонка, Борок Семиновский, Завалье (раскопки И. И. Артеменко), Литвин (раскопки В. Ф. Исаенко) проработаны нами в фондах ГИМ и сектора археологии ИИ АН БССР с любезного разрешения авторов раскопок. Более подробное рассмотрение материалов рогачевской группы памятников дано в статье И. М. Тюриной «Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья» (настоящий сборник, стр. 184—186).

ПАМЯТНИКИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ

В неолитическое время облесенные территории северо-восточной Украины и крайнего юго-востока Белоруссии были заселены племенами лесных рыболовов и охотников — носителей ямочно-гребенчатой керамики (рис. 1, *4*). Поселения этого типа открыты на среднем и верхнем течении рр. Северского Донца (Хайловщина, Огурцово, Комсомольское) (Городцов, 1905б; Телегин, 1957), Ворсклы (Белая Гора, Бумировка, Марки) (Рудиньский, 1926, 1920), Псла (Поповка) (Товкачевский, 1961), Сулы (Бодаква),[5] Десны (Погореловка — Эсмань) (Рудиньский, 1956), Мыс Очкинский (Розенфельдт, 1950), а также на р. Сейме (Скуносово, Заболотово, Волынцево, Шечково) (Телегин, 1962а; Амбургер, 1956; Коршак, 1930) и на р. Соже (Палікарповіч, 1928).

К сожалению, лишь очень небольшая часть поселений ямочно-гребенчатой керамики на Украине исследована путем стационарных раскопок (Мыс Очкинский, Погореловка, Скуносово), что безусловно крайне ограничивает возможность проведения всесторонней характеристики материальной культуры памятников этого типа. Мы, например, пока не имеем никаких сведений о характере жилищ на этих поселениях, об обряде погребения их жителей и т. п. Большинство коллекций из поселений ямочно-гребенчатой керамики состоит почти исключительно из обломков глиняной посуды (табл. 43, *1—40*). Реже в комплексах имеется незначительное количество орудий труда (топоры, наконечники стрел, ножи, скребки и др.) (табл. 44, *1—11*, *14—24*).

Кремневые топоры (табл. 44, *8—11*, *23*, *24*) известны в пяти памятниках (Эсмань, Скуносово, Малое Устье, Мыс Очкинский, Остров Мезинский) (Розенфельдт, 1950) и на стоянках Боровичи I и Мостище 4. Все эти изделия могут быть отнесены к типу клиновидных топоров, изготовленных путем двусторонней оббивки. Лезвие топора из более ранних поселений обычно округлое, позже оно прямое. Изредка рабочая часть топоров (Малое Устье, Скуносово, Марки) слегка пришлифована. В Скуносове отмечены тесла с желобчатым лезвием. Топоры заметно различаются размерами, среди них выделяется группа «миниатюрных» топориков длиною всего 3—5 см. Обычные же размеры топоров 12—20 см. Подавляющее большинство топоров использовалось безусловно для обработки дерева, но некоторые более крупные топоровидные изделия с округлым лезвием, возможно, служили наконечниками мотыг и инструментов для пробивания льда.

Наконечники стрел, дротиков и копий (табл. 44, *1—3*, *14—16*) встречаются сравнительно часто. Они входят в комплексы кремневых изделий Эсмани, Скуносово, Мыса Очкинского, Комсомольского и др. Можно говорить о бытовании здесь двух основных типов этих изделий — удлиненных остроовальных или ромбических и треугольных с ровным основанием. Размеры удлиненных острий от 5 до 12 см, треугольных — 4—5 см. И те и другие изготовлены техникой двустороннего ретуширования. Количественно в комплексах явно преобладают удлиненные наконечники. Следует также отметить, что в коллек-

[5] Разведка Ф. Б. Копылова.

ции кремневых изделий Мыса Очкинского есть несколько острий на пластинах с подретушированным черешком (Розенфельдт, 1950).

Скребки (табл. 44, *5*, *19*, *20*) составляют численно наибольшую группу орудий труда на рассматриваемых поселениях. Наиболее распространенным типом этих изделий являются скребки на небольших или довольно крупных отщепах, округлых или удлиненных. Рабочий край сформован довольно крутой краевой ретушью. Он чаще расположен на конце отщепа, противоположном ударной площадке, редко заходит на боковые стороны. И лишь в виде исключения (Комсомольское) охватывает весь периметр отщепа. В последнем случае скребок приобретает овальную или округлую форму. Некоторые округлые скребки из Комсомольского имеют весьма незначительные размеры (2—3 см в поперечнике). Обычная же длина скребков 4—5 см, отдельные экземпляры достигают 10 см. Скребки на пластинах известны лишь в комплексе из Комсомольского, где они составляют шестую часть всех изделий этого типа. Эти скребки сделаны из относительно крупных хорошо ограненных пластин. Сколы, формирующие дугообразный рабочий край, охватывают обычно конец пластины и лишь иногда распространяются на боковые стороны.

Ножи и другие режущие орудия (табл. 44, *6*, *7*, *21*, *22*) выполнены из средних и крупных пластин длиною до 13 см, часто из удлиненных отщепов. Наряду со скребками их находят во многих комплексах ямочно-гребенчатой керамики Украины и юго-восточной Белоруссии. На более ранних поселениях ножи чаще из пластин средних размеров, позже — из больших пластин. Ножи на удлиненных отщепах весьма разнообразны, во всех случаях определяются формой заготовки. К числу режущих орудий на отщепах следует также отнести изделия, по внешнему виду напоминающие скребки, но в отличие от последних имеющие клиновидные сечения лезвия. Особую группу режущих орудий составляют серповидные изделия. Три серпа найдены в Скуносове, один в комплексе из Мыса Очкинского.

Кроме перечисленных орудий труда, на поселениях встречаются единичные экземпляры иных изделий — проколки (табл. 44, *17*), сверла, долотца, клинья, скобели, резцы и др. На поселении у с. Комсомольское найдены трапециевидные микролиты (табл. 44, *18*). Хорошо ограненные нуклеусы в комплексах довольно редки; обычно это нуклевидные обломки, служившие для скалывания отщепов; соответственно и количество ножевидных пластин в комплексах ямочно-гребенчатой керамики невелико. В собрании Мыса Очкинского, например, пластины по отношению к отщепам составляют всего 1% (Розенфельдт, 1950, стр. 137). Несколько бóльший процент пластинчатых форм в коллекции из Комсомольского, как и появление здесь геометрических микролитов, возможно, является следствием соседства с более южными днепро-донецкими племенами, где пластины играли важную роль.

Костяные орудия труда среди находок на поселениях ямочно-гребенчатой керамики Украины крайне редки. Можно назвать лишь наконечник стрелы с биконической головкой и обломок многозубого гарпуна (табл. 44, *12*, *13*), обнаруженных в сопровождении фрагментов ямочно-гребенчатой керамики при зачистке обнажения в устье р. Эсмани около с. Погореловки (Рудиньский, 1956, стр. 166—169). Эта находка, как и открытие за последнее время серии костяных орудий в комплексе Долговского поселения на р. Верхнем Дону (Левенок, 1965), позволяет пересмотреть отношение к вопросу о культурной принадлежности известной коллекции Погореловской костяной индустрии, которую мы раньше пытались связывать с керамикой гребенчато-накольчатого типа (Телегин, 1957, стр. 71, 72). Типологическая близость острия стрелы с биконической головкой. многозубых гарпунов Погореловской коллекции к соответствующим находкам из поселений верховья р. Дона, Волго-Окского бассейна, Прибалтики (Фосс. 1952, рис. 15, 19) дает некоторые основания для увязки по крайней мере части этих изделий с культурой ямочно-гребенчатой керамики Украины.

Глиняная посуда ямочно-гребенчатого типа (табл. 43) Украины отличается примитивностью форм. Судя по обломкам сосудов, у племен этой культуры бытовала одна керамическая форма — широко открытый остродонный горшок со слаборазвитым венчиком и едва заметным перегибом в области брюшка. Лишь на более позднем этапе отмечается некоторое усложнение формы венчиков (табл. 43, *22*, *33*). Сосуды были относительно тонкостенные (0.5—0.8 см) и имели средние размеры. В глиняном тесте — примесь песка и дресвы, а в некоторых более ранних комплексах — и растительности. На позднем этапе культуры масса черепка иногда пористой структуры. Обжиг хороший, даже черепки с органической примесью плотные и твердые. Внутренняя поверхность стенок сосудов очень часто имеет следы расчесов мелкой гребенкой. Основным элементом орнамента является ямка разных очертаний — округло-коническая продолговатая, бесформенная или ромбическая.

Как правило, ямки довольно глубокие, часто образующие на внутренней стенке сосуда негативы-бугорки, но во многих случаях, особенно на позднем этапе, встречается орнамент в виде поверхностных неглубоких ямок, без негативов. Ямочный элемент сочетается с оттисками гребенки. Другие элементы орнамента (отступающая лопаточка, перевитая веревочка, прочерченные линии, жемчужины) применяются реже, главным образом на более позднем этапе развития культуры (табл. 43, *32*, *35*). Орнамент покрывает всю поверхность сосуда от венчика и до самого дна; иногда он заходит на внутреннюю сторону горла, срез которого также почти всегда имеет нарезки, насечки или слегка гофрирован (табл. 43, *21*). Мотивы узоров состоят преимущественно из горизонтальных полос. Реже, главным образом на позднем этапе, появляются иные мотивы, в том числе и заштрихованные поля.

Из числа керамических изделий можно назвать также встречающиеся на поселениях небольшие конусовидные стерженьки, изготовленные из той же глины, что и ямочно-гребенчатая керамика (Заболотово, Погореловка). По мнению исследователей, глиняные стерженьки использовались для орнаментации сосудов.

Вопрос об абсолютной и относительной хронологии памятников ямочно-гребенчатой керамики

в настоящее время может быть разрешен лишь весьма приблизительно. Исходя из типологических особенностей керамики и основываясь на данных, положенных в основу хронологического расчленения родственных культур Волго-Окского бассейна, мы выделяли в развитии памятников ямочно-гребенчатой керамики северо-восточной Украины два основных этапа: более ранний и поздний (Телегин, 1962а, стр. 29). Для поселений более раннего этапа (Эсмань, Скуносово) свойственны остродонные горшки примитивной полуяйцевидной формы с преобладанием ямочного орнамента. Ямки округлые или часто с неровными рваными краями. В глине этих сосудов наряду с песком нередко видна растительная примесь. Керамика поздних поселений (Волынцево, Мыс Очкинский) более совершенна по формам. Здесь появляется плоское дно и довольно развитый высокий венчик (Комсомольское). Узор состоит из ямок различных очертаний, в том числе овальных, ромбических. Довольно часто используется мотив отступающей лопаточки. Строгая горизонтальная зональность в это время нарушается, есть сосуды с разреженным узором. Керамика этого типа из поселения Комсомольское сопровождалась описанным выше кремнем, который находит аналогии в более южных энеолитических комплексах (Чапли, Александрия). Правильность хронологического членения памятников ямочно-гребенчатой керамики северо-восточной Украины на два этапа нашла косвенное подтверждение в материалах стратифицированного поселения ямочно-гребенчатой керамики Долгое на р. Верхнем Дону (Левенок, 1965). Ямочно-гребенчатая керамика, типологически близкая керамике типа Эсмани, за последнее время обнаружена вместе со свидероидными остриями на поселении Сущевка, одном из наиболее ранних памятников ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна (Раушенбах, 1964). Памятники ямочно-гребенчатой керамики раннего этапа на основании синхронизации с поселениями второго этапа днепро-донецкой культуры мы датировали концом IV — началом III тыс. до н. э., что согласуется с мнением других авторов (В. Третьяков, 1964). В настоящее время, однако, в связи с уточнением датировок более южных культур, в том числе и днепро-донецкой, второй период которой датируется серединой IV тыс. до н. э., возраст ранней ямочно-гребенчатой керамики Украины должен быть удревнен по крайней мере до середины IV тыс. до н. э. Об абсолютном возрасте поселений второго этапа ямочно-гребенчатой керамики можно говорить на основе синхронизации их с памятниками второго этапа среднестоговской культуры, например, Дереивским поселением, в комплексе которого найдено 5—7% ямочно-гребенчатой керамики (выше мы говорили также о влиянии степных неолитических культур на сложение комплекса кремневых орудий поздних поселений). Среднестоговская культура в целом на основании синхронизации с трипольем B/I—B/II относится ко второй половине IV—первой половине III тыс. до н. э., что позволяет определять дату второго этапа ямочно-гребенчатой керамики Украины концом IV—началом III тыс. до н. э. Возможно, эти памятники доживают и до конца III тыс. до н. э., когда они сменяются поселениями эпохи бронзы с керамикой марьяновского типа на Сейме и типа Студенок 5 на р. Северском Донце (Рудиньский, 1930; Телегин, 1958).

Заканчивая характеристику поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины и юго-восточной Белоруссии, следует отметить их некоторое своеобразие по сравнению с родственными памятниками Волго-Окского бассейна северных территорий, с которыми они безусловно образуют одну этнокультурную область. Сказанное касается прежде всего материалов лесостепных территорий Украины (рр. Северский Донец, Ворскла, Псёл, Сула), а также более ранних поселений на рр. Сейме и Соже. Признаком, отличающим керамические находки этого района от материалов волго-окских культур (льяловской, белёвской, рязанской), является прежде всего наличие черепков с растительной примесью в тесте, заметная тонкостенность, в общем более поверхностный характер ямок, наличие особых элементов орнамента, как например мотива отступающей лопаточки, или нанесения ямчатого орнамента также в отступающей манере. Как известно, эти приемы совершенно не свойственны более северной толстостенной керамике, украшенной глубокими ямками. И если керамика второго этапа неолита Десны, по справедливому замечанию И. Г. Розенфельдт, может быть сопоставлена с материалами белёвской культуры (Розенфельдт, 1959), то при поисках генетических связей ямочно-гребенчатой керамики рр. Северского Донца, Ворсклы, Псёла, Сулы мы, очевидно, должны иметь в виду памятники, оставленные лесостепным населением на территории Воронежской, Тамбовской и Пензенской областей (Озименки, Подзорово, Отрожка), на что указывала еще М. Е. Фосс (Фосс, 1959а). Не исключена возможность, что со временем после накопления новых материалов можно будет поставить вопрос об отдельной североукраинской культурной группе в рамках большой этнокультурной области ямочно-гребенчатой керамики Восточной Европы.

СТОЯНКИ ТИПА СТРУМЕЛЯ-ГАСТЯТИНА

(табл. 45, *1—26*)

Памятники струмельско-гастятинского типа с характерной слабо орнаментированной цилиндростенной керамикой впервые были обнаружены разведкой В. Н. Даниленко и А. П. Савчука в 1951 г. в ур. Струмель около с. Новосилки на р. Днепре севернее г. Киева.[6] Здесь в выдуве на песках окраины боровой террасы левого берега Днепра было собрано много фрагментов, принадлежащих двум глиняным сосудам с острым дном и цилиндрическим корпусом.

Сосуды толстостенные (до 1.5 см), светло-желтые, совершенно лишенные орнамента. Лишь на одном сосуде под венчиком есть несколько отдельных оттисков гребенки.

Несколько позже, в 1962 г., во время работ Киевской экспедиции была открыта и исследована вторая аналогичная стоянка в ур. Гастятин между селами

[6] А. П. Савчук. Звіт за археологічні розвідки експедиції «Великий Київ» в 1951 г. Науч. арх. ИА АН УССР.

Окунинов и Ошитки в том же районе долины р. Днепра. В результате разведок и раскопок, проведенных отдельными отрядами Киевской экспедиции в 1959—1965 гг., выявлен еще целый ряд памятников струмельско-гастятинского типа, в том числе стоянки в ур. Хохора, около с. Пилява на нижнем течении р. Тетерев (Збенович, 1964), в ур. Воронеговка у с. Домонтово на правом берегу р. Днепра, несколько выше устья р. Тетерев, а также две стоянки на левом берегу р. Днепра, в пределах Черниговской области — Шмаевка около с. Навозы и Пустынка 6 Михайло-Коцюбинского района.[7] На стоянках Гастятин, Воронеговка, Шмаевка нами совместно с В. А. Круцом проведены небольшие раскопки.

Следует подчеркнуть некоторую особенность топографических условий расположения стоянок типа Струмеля—Гастятина, которые чаще всего локализуются на сравнительно высоких участках — 7—15 м над уровнем современной заливной поймы (Струмель, Гастятин, Хохора) или на более низких всхолмлениях, но довольно далеко от современной заливной поймы, что соответствует сравнительно высокому топографическому положению и этих памятников (Воронеговка, Шмаевка). Известные в этом же районе поселения днепро-донецкой культуры локализуются у воды на дюнах окраины боровой террасы высотой 4—5 м над уровнем поймы.

Поселения типа Струмеля—Гастятина представляют собой остатки небольших, очевидно временных, стойбищ древних обитателей днепровской долины. Во время раскопок здесь на небольшой площади обнаружены фрагменты одного или нескольких сосудов, отдельные кремневые орудия, отщепы, а в отдельных случаях следы кострищ.

Основным признаком керамики струмельско-гастятинского типа является наличие толстостенных горшков (0.7—1.5 см), изготовленных из комковатой глины, включающих небольшое количество мелких органических примесей растительного происхождения. Горшки имеют либо вертикальные, либо совершенно цилиндрические стенки (Струмель), либо с заметным перегибом в средней части (табл. 45, *1—10*). Венчик ровный, чаще утонченный к краю. Дно острое, иногда с некоторой шиповатостью. Поверхность ровно сглажена, иногда залощена, а чаще несет на себе многочисленные следы расчесов (Шмаевка). Некоторые сосуды совершенно лишены орнамента (Струмель), на большинстве он весьма разреженный и состоит всего из одного или двух рядов гребенчатых оттисков. Встречаются вертикальные полосы, выполненные тем же штампом. Кроме горшков, в некоторых комплексах струмельско-гастятинского типа отмечены обломки нескольких мисочек.

Производственный инвентарь (табл. 45, *11—26*) стоянок струмельско-гастятинского типа изучен слабо. В комплексах находок здесь скребки обычно на отщепах, реже на укороченных пластинах. В коллекции из Хохоры имеются также ножевидные пластины средних и малых размеров (один резец на конце подретушированной пластины, острие — проколка), оформленные крутой краевой ретушью. Обращает на себя внимание присутствие в Шмаевке пластины-острия с затупленным краем. Аналогичные находки известны и на других дюнных местонахождениях Киевщины (Сваромья, Вишенки). В этой связи уместно также вспомнить опубликованную в свое время М. Я. Рудинским богатую коллекцию аналогичных пластин из Кудлаевки на р. Средней Десне (Рудинский, 1931, табл. 8, *1—40*). Наши находки и кудлаевскую серию очень сближает как общая форма этих изделий, так и одинаковый характер заготовок. Возможно, пластины с затупленным краем в комплексе струмельско-гастятинской стоянки в какой-то мере проливают свет и на культурно-хронологическое место Кудлаевской коллекции, которая до сих пор стояла как-то обособленно.

Ниже кратко остановимся на описании результатов раскопок стоянок ур. Гастятин и Шмаевка.

Ур. Гастятин, расположенное в 3 км севернее с. Ошитки, представляет собою массив песков площадью в несколько гектаров, который врезается в пойму р. Днепра и подходит непосредственно к заболоченной старице реки. На окраине мыса вблизи старицы, на высоте 6.8 м над лугом, в выдуве нами были собраны первые фрагменты этой своеобразной керамики. Вблизи выдува заложено 6 шурфов и небольшой раскоп. Всего вскрыта площадь 36 м^2. За пределами раскопа в шурфах находки отсутствовали. Культурный слой залегал на глубине 0.3—0.4 м в начале бурого подпочвенного песка под гумусным слоем. В раскопе на площади 2×3 м обнаружено скопление, состоящее из черепков одного сосуда, и отдельные находки кремневых изделий, в том числе два скребка, ножевидные пластины, обломки отжимника и отщепы. Пластина и отжимник побывали в огне. Форму сосуда удалось реконструировать почти полностью. Глина, из которой он изготовлен, комковатая с незначительной примесью травы, поверхность сосуда хорошо сглажена. Орнамент состоит всего из двух рядов гребенчатых оттисков, под которыми в одном месте нанесены мелкие ямки — наколы, образующие неправильный зигзаг длиною в несколько сантиметров.

Стоянка в ур. Шмаевка расположена на небольшом возвышении среди поймы левого берега р. Днепра на расстоянии 2.5 м от его современного русла. В раскопе площадью 80 м^2 на глубине 0.3 м, т. е. под дерновым слоем в желто-буром ожелезненном песке, обнаружено скопление керамики, мелкие угольки и отдельные кремневые изделия. Находки, как и в ур. Гастятин, сосредоточивались весьма компактно на площади 3×3.5 м. В крайних квадратах раскопа, как и многочисленных шурфах и зондажах, заложенных во все стороны от раскопа, находки отсутствовали полностью. В результате камеральной обработки было установлено, что черепки принадлежат двум-трем горшкам. Верхняя часть одного из них реконструирована. Это довольно большой горшок (диаметр 30 см) с почти ровными цилиндрическими стенками. Венчик ровный, утонченный к краю. Дно, по-видимому, острое. Глина комковатая, есть следы незначительной мелкой органической примеси. Поверхность желтоватая, с темными плохо обожженными пятнами. На внешней и особенно внутренней части сосуда видны следы расчесов гребенкой. Сосуд

[7] Д. Я. Телегин, В. А. Круц. Отчет о работе Киевской экспедиции за 1963—1964 гг. Науч. арх. ИА АН УССР.

орнаментирован оттисками гребенки. Узор состоит из двух горизонтальных рядов и вертикальных полос. Судя по фрагментам, таким же орнаментом был украшен и второй сосуд из стоянки.

Среди кремневых поделок можно отметить реберчатую пластинку, скол с нуклеуса и упоминавшуюся выше пластину-острие с затупленным краем. Она изготовлена из плохо ограненной пластины длиною 2 см.

Описанная керамика из Гастятина и Шмаевки находит полную аналогию в материалах этого типа других стоянок Северной Киевщины.

Район распространения памятников струмельско-гастятинского типа охватывает долину р. Днепра и низовье его притоков в пределах северной Киевщины и западной Черниговщины. Весьма вероятно, что к этому же типу памятников следует относить описанные В. Голубовичем материалы из окрестностей с. Любче бывшей Новогрудской волости на р. Немане и у сел Березовка (ур. Селище) и Новый Быхов Могилевской области на р. Верхнем Днепре. Для керамики из Любче типична слабая орнаментация, ровный венчик, обильная органическая примесь в тесте (Holubowicz, 1939). Территориально памятники струмельско-гастятинского типа, очевидно, непосредственно смыкаются с районом северной Белоруссии и Литвы, где за последнее время работами Р. К. Римантене (Римантене, 1966а) обнаружены родственные нашим стоянкам поселения типа Дубичай III с толстостенной слабо орнаментированной керамикой и органическими примесями в тесте. Именно открытие новых поселений дубичайского типа на юге Литвы, где памятники днепро-донецкой культуры уже не встречаются, позволило нам говорить о культурной самостоятельности стоянок типа Струмеля — Гастятина, керамика которых в отдельных случаях (Любче, Шмаевка) включает черты, близкие керамике днепро-донецкой культуры. Памятники типа Дубичай и Струмеля — Гастятина, по всей вероятности, представляют собою локальные варианты одной большой общности слабо орнаментированной прямостенной керамики, распространенной в неолите от Прибалтики и до среднего течения р. Днепра.

По мнению Р. К. Римантене, поселения типа Дубичай типологически могут быть соотнесены с материалами типа Цедмар и Эртебёлле в Прибалтике, что дает возможность рассматривать памятники струмельско-гастятинского типа как конкретное проявление прибалтийских культурных влияний на р. Днепре.

Хронологические рамки бытования струмельско-гастятинских стоянок могут быть намечены лишь довольно приблизительно, главным образом на основании сопоставления их с поселениями днепро-донецкой культуры. В керамическом комплексе ряда поселений днепро-донецкой культуры Киевщины (Вита-Литовская, Грини, Каменка) выделяется особая керамическая группа «а», сложение которой, по-видимому, следует понимать как прямое воздействие струмельско-гастятинской керамической технологии. Керамика группы «а» днепро-донецких поселений, как и струмельско-гастятинской группы, имеет форму цилиндростенных остродонных горшков, почти лишенных орнамента. Их поверхность ровно сглажена или сплошь покрыта расчесами. Керамика группы «а» сближается со струмельско-гастятинской также и составом теста, обжигом и т. д. Кроме горшков, здесь выделяются небольшие мисочки, совершенно лишенные орнамента. В керамическом комплексе Гриней керамика группы «а» составляет 15%, а Виты-Литовской — около 20%. Здесь она сосуществует с основной керамикой поселений, что дает основания синхронизировать находки струмельско-гастятинского типа со вторым периодом днепро-донецкой культуры, т. е. относить их к середине IV тыс. до н. э. Не исключена, однако, возможность существования стоянок струмельско-гастятинского типа и в период распространения поселений раннего периода днепро-донецкой культуры. В этой связи важно отметить, что для ранней днепро-донецкой керамики (Закота, Грини, Никольская Слободка) свойственна некоторая разреженность орнамента, отсутствие строгой горизонтальной зональности его на сосудах, толстостенность и т. п., что, возможно, также было следствием культурного контакта днепро-донецкого населения раннего периода с племенами струмельско-гастятинской группы.

Таким образом, стоянки типа Струмеля — Гастятина на Украине и в южных районах Белоруссии, по всей видимости, должны датироваться концом V—IV тыс. до н. э. Причем наша датировка этих памятников в известной мере перекликается с попыткой определения возраста поселений типа Дубичай, которые Р. К. Римантене на основании степени минерализации угля из очагов относит к рубежу IV и III тыс. до н. э.

В заключение нашего обзора памятников днепро-донецкой культуры, культуры ямочно-гребенчатой керамики и северной Украины поселений типа Струмеля — Гастятина, Украины и Южной Белоруссии необходимо еще кратко остановиться на вопросах синхронизации этих культур (рис. 3) и их территориального контакта.

Стратиграфические наблюдения на поселении Устье Оскола II, где в нижнем горизонте был обнаружен ранний комплекс гребенчатой керамики, а в верхнем — материалы со значительным влиянием ямочно-гребенчатой керамики (Телегин, 1960), свидетельствует о том, что среднее течение р. Северского Донца в начале неолита было заселено племенами днепро-донецкой культуры (раннего этапа), позже (на втором этапе) сюда стало проникать влияние культур ямочно-гребенчатой керамики. Аналогичное явление, очевидно, имело место и в долине р. Сейма, где известны чистые комплексы днепро-донецкой керамики (Козловка), которые затем сменяются памятниками ямочно-гребенчатой керамики (Скуносово, Волынцево). На втором же этапе развития днепро-донецкой культуры отмечается активное проникновение на побережье рр. Ворсклы, Псла, Сулы, на рр. Сейм и Десну, а также, очевидно, на Сож и Верхний Днепр элементов лесных культур. Не исключена возможность, что распространение этих влияний было следствием прямого проникновения на эти территории самих носителей культур ямочно-гребенчатой керамики. В это время северо-восточная лесостепная Украина и юго-восточ-

ные территории БССР представляли собой своеобразную стыковую зону двух больших культурных областей—гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики. В этом районе элементы этих культур переплетались очень тесно. Кроме простой механической инокультурной примеси, в комплексах ямочно-гребенчатой керамики указанной стыковой территории почти всегда имеется группа керамики ямочно-гребенчатого типа, но со значительной растительной примесью в тесте. На поселении

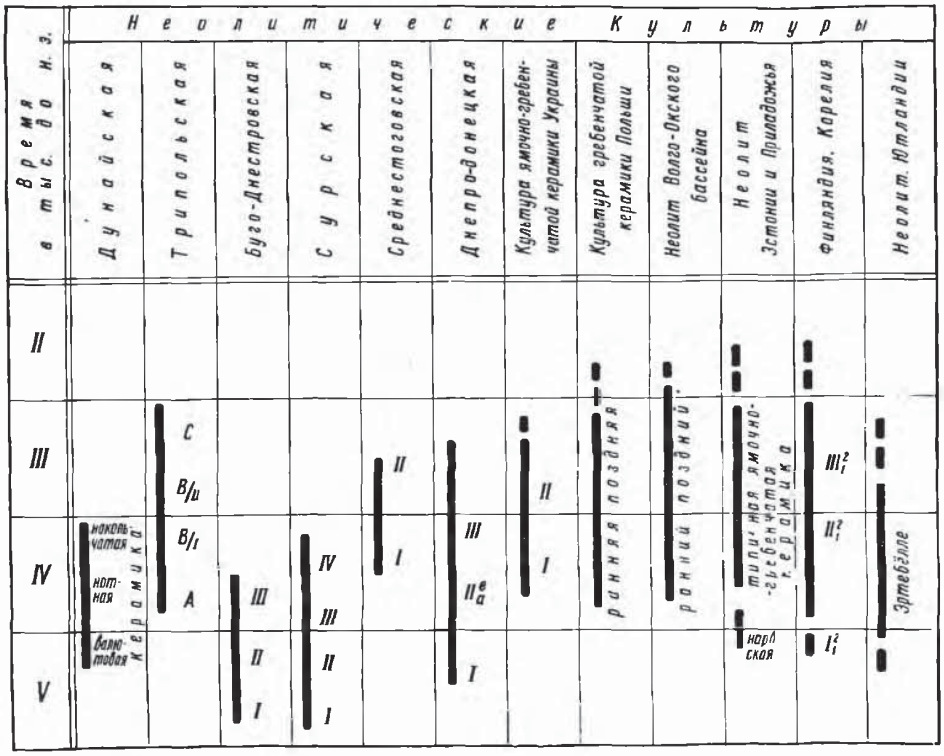

Рис. 3. Синхронизация некоторых неолитических культур Средней и Восточной Европы.

в Устье Эсмани такая керамика составляет 10—12%. Однако во многих комплексах днепро-донецкой культуры второго и третьего периодов появляется довольно значительный процент керамики с ямчатой орнаментацией (поверхностные ямки различных очертаний, не дающие негативов-бугорков на внутренней стороне сосуда). Любопытный факт, очевидно свидетельствующий о тесном контакте населения двух культур, отмечен М. Я. Рудинским при изучении керамики из Устья Эсмани, где удалось выделить фрагменты одного сосуда с различными типами орнамента, нанесенными в два приема. Изготовляя данный сосуд, древний мастер орнаментировал его сначала глубокими коническими ямками, давшими отчетливые негативы-бугорки, а затем еще до обжига сосуда почему-то перекрыл этот орнамент раствором глины и украсил сосуд на манер днепро-донецкой керамики оттисками мелкозубой гребенки.

В зоне стыка памятников днепро-донецкого типа и ямочно-гребенчатой керамики процесс взаимоассимиляции закончился в основном победой пришлых лесных племен. Во второй половине IV—III тыс. до н. э. днепро-донецкие памятники в лесостепном Левобережье фактически перестали существовать. Для всей этой территории теперь становятся основными поселения ямочно-гребенчатой керамики типа Комсомольского на р. Северском Донце или Мыса Очкинского на р. Десне. Поздние памятники этой культуры сосуществуют со степными культурами типа среднестоговской и, возможно, древнеямной.

Довольно сложным и не во всех деталях еще ясным было взаимоотношение носителей днепро-донецкой культуры и племен, оставивших памятники типа Струмель—Гастятин. Нет сомнения в том, что население этих групп в долине р. Днепра выше г. Киева долго жило, если и не на одних и тех же территориях, то на очень близких. Как это явствует из анализа днепро-донецкой керамики, последняя развивалась под довольно сильным влиянием струмельско-гастятинской керамики. Но и струмельско-гастятинская керамика этой территории восприняла от днепро-донецкой гребенчатую, а позже, очевидно, и накольчатую орнаментацию. В конце второго—начале третьего периода днепро-донецкой культуры памятники струмельско-гастятинского типа на р. Днепре перестают существовать. Возможно, это население было полностью ассимилировано днепро-донецкими племенами, распространившими свое влияние далеко на север вплоть до долины р. Немана, где в это время появляются упоминавшиеся выше поселения типа Доброго Бора.

Одним из наиболее сложных вопросов изучения неолитических культур является определение этни-

ческой принадлежности их носителей. Решение таких вопросов при современном знании археологических и лингвистических источников не может выходить из рамок предположений и рабочих гипотез.

Как известно, долгое время все неолитические поселения лесной полосы Восточной Европы суммарно приписывались финно-угорским племенам (Коссина, Альмгрен, Европеус, Менгин), но сейчас после расчленения этих памятников на ряд культурных областей, в частности после выделения этнокультурных областей ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики, такая постановка вопроса уже не соответствует современному уровню науки.

По мнению большинства археологов и лингвистов, носители культур ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна, а очевидно, и северо-восточной Украины, этнически связываются с племенами финно-угорской, а точнее волго-финской, прибалтийско-финской языковой семьи. Надо сказать, что несколько иная точка зрения на этот вопрос была высказана П. Н. Третьяковым, который рассматривает носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики лишь как местный субстрат сложения западной группы финно-угорской семьи. По мнению П. Н. Третьякова, активным началом в этом процессе были люди камско-уральских культур, в частности племена культуры сперрингс, Волосово, Турбино и др. (П. Третьяков, 1961). Эта не лишенная интереса гипотеза не отвечает, однако, на ряд вопросов, связанных с этногенезом финно-угорских групп населения на значительной территории Восточной Европы. Отрицая финно-угорскую принадлежность носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики, нельзя, в частности, объяснить пути сложения племен этой языковой семьи в Прибалтике (Эстония, Латвия), как и в верховьях рр. Оки и Десны, куда памятники сперрингс и Волосово, а тем более турбинской культуры не проникали.

Об определении этнической принадлежности носителей культуры гребенчато-накольчатой керамики (днепро-донецкая культура, культура гребенчатой керамики Польши и тесно связанных с ними памятников типа Струмеля-Гастятина—Дубичай) можно говорить исходя из сопоставлений археологических и лингвистических данных. По мнению некоторых археологов (Gardawski, 1959) и лингвистов (Лер-Сплавинский, 1960), памятники гребенчатой керамики этнически следует связывать с праславянами. Сопоставляя карту археологических культур Восточной Европы конца IV—III тыс. до н. э. с картами лингвистических групп того же времени и учитывая конкретную культурно-лингвистическую ситуацию в неолитическое время, мы пришли к выводу о принадлежности культуры гребенчато-накольчатой керамики междуречья Днепра и Вислы (днепро-донецкая культура, культура гребенчатой керамики Польши, памятники типа Доброго Бора на р. Немане и, возможно, поздненарвские памятники) племенам прибалто-славянской языковой группы (Телегин, 1964).

Выделенная группа струмельско-гастятинских памятников, открытие поселений типа Дубичай в Прибалтике лишь подтверждают и детализируют это предположение. Не исключена возможность, что с накоплением новых материалов можно будет ставить вопрос об определении конкретных носителей культур как праславянской, так и прибалтийской этнической принадлежности.

И. М. ТЮРИНА

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕНАХ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Говоря о Верхнем Поднепровье, мы имеем в виду верхнее течение р. Днепра с его многочисленными притоками, включая сюда восточные и юго-восточные районы современной Белоруссии, а также Смоленскую область (см. рисунок). Эта территория представляет собой в основном равнинную область, «слабо и неправильно бугристую, с пологими скатами, слабыми незаметными подъемами по разным направлениям и неглубокими плоскими болотными котловинами, занимающими нередко большие площади» (Семенов, 1905, стр. 6). Исключением является Смоленская область, которая занимает западный клин северной части Среднерусской возвышенности. В археологическом плане верхнее Поднепровье является пограничной полосой между различными культурами, чем и объясняется разнообразие керамики неолитических поселений верхнего Днепра, на что указывали в свое время К. М. Поликарпович, а затем П. Н. Третьяков (Палікарповіч, 1932б; П. Третьяков, 1966).

Неолитические памятники Верхнего Поднепровья известны уже давно (Беляшевский, 1891; Романов, 1910, 1912; Лявданский, 1924), но они, по сути дела, почти не исследовались. Более или менее систематические работы по изучению неолита данной территории были проведены в 1924—1932 гг. К. М. Поликарповичем, А. Н. Лявданским, А. Д. Коваленей, И. Х. Ющенко и другими исследователями. Результаты опубликованы в трех томах «Працi» (Палікарповіч, 1928, 1930, 1932б, 1957; Коваленя, 1930; Тарасенка, 1932). Однако до последнего времени систематических раскопок неолитических поселений не производилось. Из-за плохой изученности памятников этой территории нельзя было не только правильно определить их хронологию и границы распространения, но и судить о самом характере памятников. За последние годы Белорусским отрядом Приднепровской археологической экспедиции АН СССР под руководством И. И. Артеменко было раскопано более 15 неолитических поселений (Артеменко, 1961, 1964а, 1964б, 1964в; Артеменко, Тюрина, 1966), результаты которых позволяют, хотя и в предварительном виде, высказать некоторые суждения.[1]

Все исследованные неолитические стоянки расположены на краю надпойменной террасы или на отдельных песчаных возвышенностях в поймах рек. Площадь их сравнительно невелика — 400—500 м² (Залесье, Оношки и др.), но иногда она достигает 10 000 м² и более (Стрелица).

Основной инвентарь поселений — исключительно кремневые орудия и керамика (табл. 46, *1—33*; 47, *1—18*). Для изготовления орудий использовался сожский кремень (серого цвета — светлых и темных тонов или же желтовато-коричневый) и реже валдайский.[2]

Типологический анализ инвентаря Верхнего Поднепровья дает известные основания выделить две хронологические группы неолитических памятников.

Первая, наиболее ранняя, на наш взгляд, группа представлена стоянками у деревень Залесье, Шепотовичи, Борок Семиновский. Для этих поселений характерно присутствие в кремневом инвентаре еще мезолитических черт — резцов, небольших округлых скребков на отщепах, наконечников стрел на пластинах «свидероидного типа», ножевидных пластин, ребристых пластин и др. Керамика обнаружена в сравнительно небольшом количестве. Однако состав глиняного теста и орнамент дают возможность создать о ней определенное представление. В тесте много растительной примеси, отчего оно рыхлое, но иногда виден и кварц; обжиг слабый. Днища острые, чрезвычайно толстые. Венчик прямой округлый. Поверхность сосуда сплошь покрыта орнаментом, зональность отсутствует. Сосуды украшены глубокими ямками, нанесенными щепкой с нажимом на один край или глубокими оттисками крупной гребенки.

---

[1] Наибольшая площадь (1889 м²) раскопана на поселении в ур. Стрелица Гомельской области.

[2] На р. Днепре выходов кремня нет, но есть вдоль всего Сожа.

О типах жилищ древних обитателей Верхнего Поднепровья пока еще мало данных. При раскопках поселения в ур. Сосонка у дер. Лучин Гомельской области были обнаружены остатки наземного жилища овальной формы (табл. 68, *VII*), с очагом-кострищем в центре (Артеменко, 1964а). Остатки двух жилищ с глинобитным полом и очажным углублением в центре найдены также А. Н. Лявданским на поселении у дер. Нижние Немыкари на Смоленщине (Лявданский, 1927а, стр. 178).

Поселение второй, более поздней группы известно значительно больше. Они зафиксированы у деревень Веть, Лучин, Ходосовичи, Липовый Брод (раскопки И. И. Артеменко), Стрелица (раскопки К. М. Поликарповича, Е. Г. Красковской и И. И. Артеменко), Неготень (раскопки автора) и др. Здесь попадаются еще в довольно большом количестве пластины, но преобладает уже техника отщепа. В инвентаре почти всех поселений этого типа наиболее многочисленны скребки на коротких отщепах (75% от общего количества скребков), разной формы и размеров, часто с остатками корки. Дугообразный рабочий край их обычно обработан мелкой пологой ретушью, но есть скребки и с высокой крутой ретушью; гораздо реже скребки на удлиненных пластинах (до 20%).

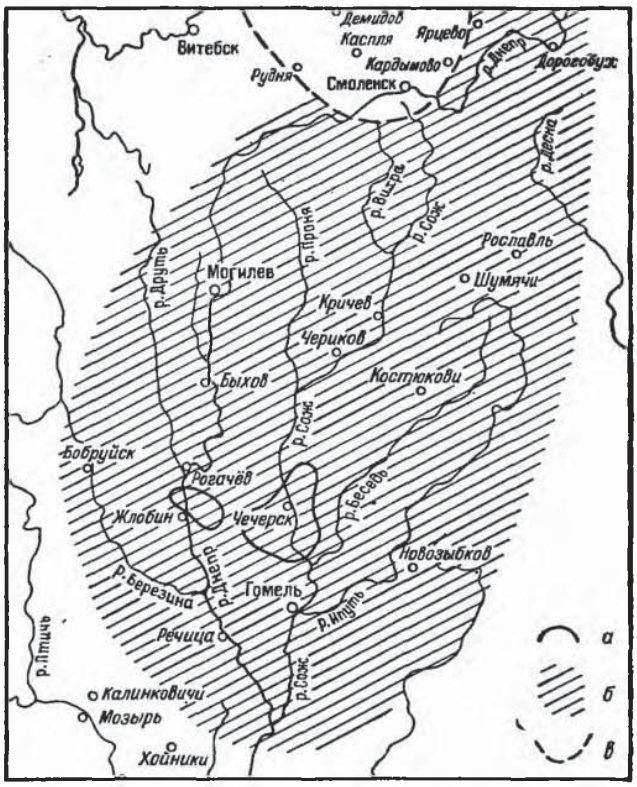
Ножи в основном двух форм — на удлиненных пластинах, довольно правильных очертаний, края которых, как правило, обработаны ретушью, и на овальных отщепах, с ретушью и следами сработанности на двух удлиненных гранях.

Рубящие орудия представлены топорами и теслами. Наиболее широко распространены два вида топоров: 1) клиновидные небольшие топорики (длина 4—6 см, ширина лезвия — 2.5—3 см), оббитые со всех сторон продольными сколами, с суженным обушком и овальным сечением; этот тип топоров известен на р. Десне, Киевщине, Валдае (Левенок, 1948, рис. 28, *II*; Якимович, 1903; Гурина, 1958); 2) овально-подпрямоугольных очертаний с овальным сечением, удлиненной формы, ширина лезвия и тыльной части почти одинаковы. Лезвие иногда с обеих сторон имеет следы прошлифовки. Тесловидные орудия удлиненные, тыльная часть их резко сужена, рабочий край часто асимметричен, желобок слабо выражен и иногда пришлифован.

Наконечников стрел сравнительно немного.[3] Это прежде всего листовидные с двусторонней обработкой, широко распространенные в Восточной Европе (Фосс, 1952). Преобладают черешковые наконечники, тщательно обработанные, треугольной и ромбической формы. Наконечники копий обычно листовидные, тщательно ретушированные со всех сторон.

Из мелких орудий встречаются проколки, скобели и в единичных экземплярах фигурные кремни.

Для керамики поздненеолитических поселений Верхнего Поднепровья характерны широкогорлые сосуды средней величины, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком и коническим дном. Примесью к глине служили песок, мелкий кварц, реже растительные волокна. Часто на внутренней поверхности видны следы заглаживания зубчатым штампом. Почти на всех сосудах с наружной стороны под венчиком имеется горизонтальный ряд глубоких цилиндрических ямок, на некоторых же на внутренней стороне венчика — ряд ямок или косых насечек из оттисков гребенки. В большинстве случаев орнамент покрывает всю поверхность сосуда, реже — только верхнюю часть ее. В орнаментации преобладают отпечатки гребенки (от 35 до

Предполагаемая граница распространения памятников рогачевской культуры.

а — ранний этап; *б* — поздний; *в* — локальная смоленская группа.

54%), образующие вертикальные, горизонтальные и диагональные ряды, пояса из опущенных вершиной вниз треугольников, «елочка» и т. д. Помимо гребенчатого штампа, сосуды украшались и ямками разной формы и величины. В основном ямки небольшие, мелкие, овальной, луновидной, треугольной и других форм. Для сосудов этой группы типичен так называемый лапчатый орнамент (ямочные вдавления, нанесенные концом палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой).. Появляется накольчатый орнамент — по типу отступающей лопаточки, образующей различные мотивы, и реже — треугольные наколы.

Таким образом, зональность узора, наличие в довольно большом количестве фрагментов, украшенных лапчатым орнаментом (иногда до 20%), мелкими насечками, нарезными линиями, а также миниатюрные клиновидные топорики, — все это подтверждает поздненеолитический возраст этих поселений.

Памятники этой группы близки поздним поселениям днепро-донецкой культуры Киевщины и Чер-

[3] Например, в ур. Стрелица на всей раскопанной площади найдено около 40 наконечников стрел и их обломков.

ниговщины (Митрофанова, 1966). Так, на поселении Пустынка (на Черниговщине) мы видим близкие нашим остродонные сосуды с прямым или несколько отогнутым венчиком и выпуклыми боками, украшенные горизонтальными рядами косых отпечатков гребенки, орнамент из пересекающихся полос, образующих сетку, вертикальных рядов ромбов из неглубоких ямок и т. д. Это поселение хорошо датируется благодаря наличию трипольской керамики предсофиевского времени на Киевщине — третьей четвертью III тыс. до н. э.

На нашем поселении в ур. Стрелица были найдены фрагменты толстостенных сосудов с примесью песка в тесте, стенки их с двух сторон покрыты полосчатым сглаживанием, орнамент очень редкий. Он образован неглубокими овальными ямками или косыми оттисками крупной гребенки. Эта керамика находит аналогии среди сосудов третьей группы на поселении у дер. Виты-Литовской и Грини[4] (по периодизации Д. Я. Телегина), которые датируются средним—началом позднего этапа Триполья.

Кроме того, появление на сосудах верхнеднепровских поселений веревочного орнамента в сочетании с гребенчатым, а также присутствие в кремневом инвентаре поселений наконечников стрел, типичных для среднеднепровской культуры (треугольной формы с выемкой или прямым основанием, обработанные пильчатой ретушью), указывают на сосуществование поздненеолитического населения Верхнего Поднепровья с племенами среднеднепровской культуры, которые широко расселились на данной территории в конце III—начале II тыс. до н. э. (Артеменко, 1964а, рис. 33, *1—5*).

Таким образом, на основании аналогий с указанными памятниками, поселения второй группы можно датировать серединой—концом III—началом II тыс. до н. э. Что же касается первой группы, то здесь хронологические рамки выяснить значительно труднее. Верхняя граница может быть определена нижней границей второй группы, т. е. серединой III тыс. до н. э., а нижняя граница датируется, видимо, началом III, а может быть, и самым концом IV тыс. до н. э. Поселения этой группы возникли, вероятно, на местной мезолитической основе (черты мезолита прослеживаются в кремневом инвентаре). Керамика же очень своеобразна. Формы и орнамент сосудов лишь в общих чертах напоминают керамику ранних поселений днепро-донецкой культуры (например, Заваловка), а в основном имеют своеобразный характер. Отсутствует и аналогичная керамика на Десне.[5] Для керамики деснинских поселений типичен ромбический штамп, в то время как в Верхнем Поднепровье украшение из ромбических ямок попадается в очень незначительном количестве и обязательно в сочетании с разнообразным гребенчатым орнаментом, «лапчатым», по типу отступающей лопаточки и т. д., т. е. специфичным уже для позднего неолита.

На позднем этапе неолитическое население Верхнего Поднепровья развивалось, вероятно, под влиянием, с одной стороны, племен днепро-донецкой культуры (появление на сосудах накольчатого орнамента, валикообразных утолщений под венчиком и т. п.) и, с другой — волго-окских племен, в частности рязанских (наличие лапчатого орнамента, столь характерного для этой культуры). Это привело к возникновению на рассматриваемой нами территории поселений типа Сосонка, Стрелица, Ходосовичи и т. д. Материалы этих поселений в общих чертах близки деснинским (крупный гребенчатый, отступающий штамп, нарезка). Именно это сходство и дало основание М. В. Воеводскому объединить их в одну культурную провинцию (Воеводский, 1949, стр. 24). Но тем не менее мы можем говорить скорее о существовании на территории Верхнего Поднепровья особой рогачевской[6] культурной группы, отличающейся от деснинской своеобразием керамики и формой кремневых орудий.

Необходимо отметить близость верхнеднепровских поселений с поселениями валдайской культуры, которую Н. Н. Гурина справедливо объясняет общностью происхождения древнего населения (Гурина, 1961б, стр. 156).

В настоящее время на территории юго-восточной Смоленщины намечается группа памятников, отличающаяся некоторым своеобразием, однако небольшое их число не позволяет пока сделать каких-либо более определенных выводов.[7]

---

[4] Д. Я. Телегин, В. А. Круц. Исследование неолитических поселений в зоне Киевского водохранилища. Отчет за 1963—1964 гг. хранится в Архиве Института археологии АН УССР.

[5] Тем более, что некоторые исследователи (Розенфельдт, 1959, стр. 95) деснинский неолит датируют не ранее конца III тыс. до н. э.

[6] Термин, принятый нами по предложению Д. Я. Телегина.

[7] Материалы разведок Белорусского отряда Приднепровской археологической экспедиции под руководством автора в 1966 г. Институт истории Белорусской АН ССР, г. Минск.

В. П. ЛЕВЕНОК

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Территория Среднерусской лесостепи между реками Днепром и Хопром в географическом отношении делится на западную и восточную половины. Западной соответствует Днепровско-Деснинская низменность, восточной — центр Среднерусской возвышенности и Окско-Донская равнина. Эту территорию в меридиональном направлении прорезают крупные водные артерии Русской равнины — Днепр, Десна и Сож на западе; Дон, Воронеж, Битюг, Цна, Ворона и Хопер на востоке. Эти реки связывают степной юг с лесным севером. Реки, текущие в широтном направлении, менее значительны, это — Сейм, среднее течение Оки, Быстрая Сосна, Жиздра, Красивая Меча, Неруса, Навля и др.

Мягкий климат Днепровско-Деснинского междуречья, сочетание лесов с лугами и степью, изобиловавших дичью, а также обилие рек, богатых рыбой, создавали благоприятные условия для жизни первобытных охотников-рыболовов. Многочисленные, легко доступные залежи высококачественного мелового кремня являлись не последней из причин, обусловивших заселенность края в каменном веке вообще и в неолите в особенности.[1] Указанными условиями, а также удобными путями сообщения, способствовавшими расселению и взаимной связи племен, объясняется наличие на этой территории многочисленных поселений различного этнокультурного облика.

Территория восточной половины центральных районов лесостепной зоны, с бассейном верхнего Дона в центре, отличается иными ландшафтно-орографическими показателями — более высоким гипсометрическим уровнем (Среднерусская возвышенность), преобладанием лесостепных и степных элементов ландшафта, меньшей ролью лесов, а также отсутствием хорошего кремневого сырья. Все это не могло не отразиться на степени заселенности верхнедонского бассейна, которая была более слабой, нежели на западе лесостепи. Отсутствие хорошего каменного сырья обусловило относительную малочисленность кремневых орудий на поселениях этого района и низкое качество их выделки. Это обстоятельство в известной мере вызвало значительное развитие здесь производства костяных орудий.

Наличие в данной области тучных черноземов привлекло сюда в энеолитическое время скотоводов-земледельцев среднестоговской культуры, (Большой и Малый Липяги, Костенки, Рудкино, Отрожка, Рыбное Озеро), а травянистые степные просторы в эпоху бронзы ранее, чем другие районы лесостепи, были освоены южными скотоводческими племенами, вообще не проникшими в облесенное и заболоченное Деснинско-Сожское междуречье.

МЕЗОЛИТ

Чтобы получить правильное представление о конкретно-исторических процессах, имевших место в эпоху неолита на территории Днепровско-Хопровского лесостепного междуречья, необходимо коснуться несколько более раннего времени.

В эпоху позднего палеолита в южной части центра Русской равнины существовало два наиболее крупных населенных района — Деснинско-Сожский и Среднедонской. В дальнейшем судьбы населения этих районов сложились по-разному. На Среднем Дону для финальной поры позднего палеолита известен пока единственный памятник — верхний горизонт стоянки Боршево II (Ефименко и Борисковский, 1953, стр. 79—110). О последующих эпохах — раннем и среднем мезолите на Дону сведений нет. В этом районе открыты памятники лишь позднего микролитического мезолита — стоянки Горица, Зимник, Погоново Озеро.[2]

[1] Выходы кремня известны: на р. Десне — у Неготина, Хотылева, Супонева, Добруни, Павловки, Саврасовки, Глинска, Трубчевска, Сельца, Любца, Камня, Пушкарей, Роговки, Новгорода-Северского, Мезина, Оболонья; на р. Судости — у Жирятина, Баклани, Комягина, Марковска; на р. Соже — у Чечерска, Залесья, Михайловского, Городовки, Рудни Споницкой, Гайшина, Глинок, Казимировки, Костюковки, Ляддов, Нижней Зеньковины, Студенца, Турищевичей и др.

[2] В. П. Левенок. 1) Археологический отчет о работе Среднедонского отряда Палеолитической (Костенков-

В Деснинско-Сожском районе с переходом к геологической современности жизнь человеческих обществ не прерывалась. На этой территории в результате работ М. Я. Рудинского, К. М. Поликарповича, М. В. Воеводского, В. П. Левенка, А. А. Формозова, Е. А. Шмидта, Ф. М. Заверняева и других открыто большое число мезолитических памятников, ряд из которых подвергался раскопкам.

позднепалеолитических традиций. Наряду с типичными палеолитическими формами скребков, резцов, проколок и нуклевидных скобелей хорошо представлены орудия на отщепах — округлые концевые скребки, скобели, орудия типа «рабо» (Воеводский, 1946, стр. 93; 1950, стр. 119). Другим памятником, лежащим на грани палеолита и мезолита, является верхний горизонт палеолитической

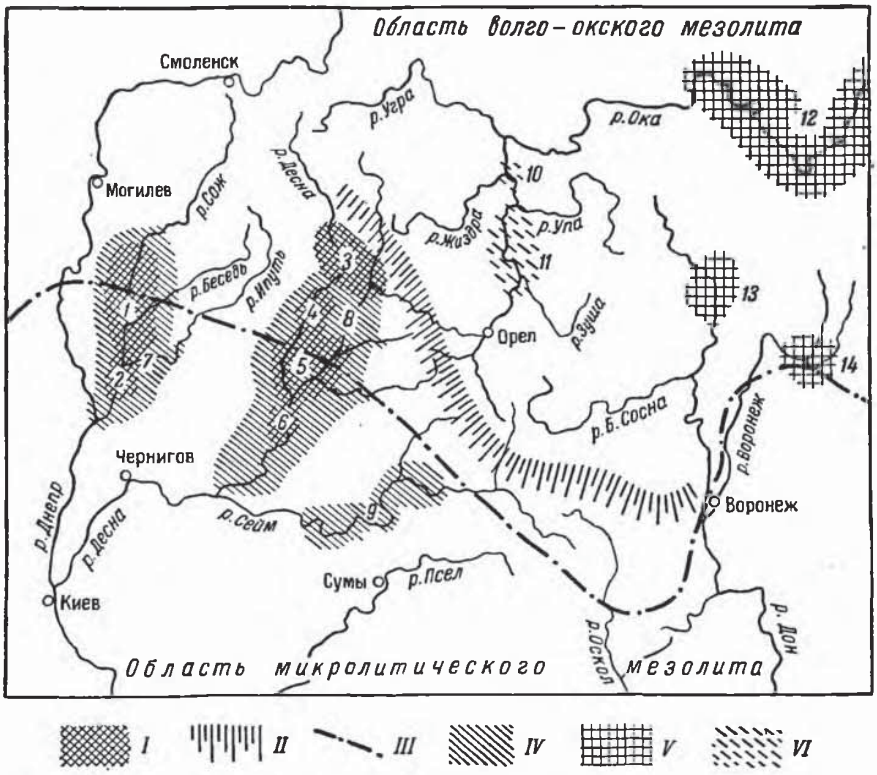

Рис. 1. Позднемезолитические и ранненеолитические культуры центрального района лесостепной зоны Русской равнины в V—начале IV тыс. до н. э.

I — поздний автохтонный макролитоидный мезолит; *II* — северная граница южного микролитического мезолита; *III* — северная граница днепро-донецкой культуры; *IV* — деснинско-сожский ранний неолит; *V* — ранний неолит с ямочно-гребенчатой керамикой рязанско-долговского типа; *VI* — древнейшие памятники белёвской культуры. Группы мезолитических памятников: *1* — среднесожская; *2* — нижнесожская; *3* — брянско-жуковская; *4* — стоянок Верхней Судости; *5* — навлинско-гремячская (Средняя Десна, Навля, Нижняя Судость); *6* — роговско-новгородсеверская. Группы неолитических памятников: *7* — сожская; *8* — деснинская; *9* — льговско-путивльская; *10* — гремячевская (на Оке); *11* — белёвская; *12* — рязанская; *13* — долговская; *14* — мичуринская.

В связи с накоплением материалов всю массу мезолитических местонахождений оказалось возможным отнести к двум культурно-различным группам. Анализ техники и форм кремневых орудий одной из них указывает на прямую генетическую преемственность ее от местного позднего палеолита (рис. 1, *I*, *1—6*) (Левенок, 1966, стр. 93).

Наиболее интересным памятником раннего мезолита является стоянка Покровщина-Пушкари VII (рис. 1, *6*) (Алексашина, 1952). Кремневые орудия ее имеют ярко выраженный переходный характер, свидетельствующий о переживании в мезолите стоянки Елисеевичи, получивший наименование «Елисеевичи II» (Левенок, 1966, стр. 88), отделенный от нижних слоев стерильной прослойкой. Этот горизонт при отсутствии костей мамонта и других признаков палеолита дал переходные от палеолита к мезолиту формы каменных орудий. В Деснинско-Сожском бассейне известны и другие памятники, для которых типична генетическая связь с местным палеолитом при наличии новых черт — Усть-Кравцовская, Подлужье III, Комягино, Грини и др.

Для средней поры мезолита особо интересными оказались пункты XIV и XVI на р. Смячке близ Новгорода-Северского (рис. 1, *6*) (Рудинский, 1928, 1931), стоянка Гренск на р. Соже (рис. 1, *1*), Лысая Гора на р. Десне близ г. Брянска (рис. 1, *3*) (Заверняев, 1957б) и др. Орудия этих памятников служат примером дальнейшего развития кремневой индустрии от ранней к средней ступени мезолита. Для них характерно появление большего разнооб-

---

ской) экспедиции ЛОИИМК АН СССР 1958 г. Архив ИА АН СССР, ф. р-1, № 1709; 2) Археологические отчеты о работе Верхне-Донской экспедиции 1959—1968 гг. Архив ИА АН СССР, разряд 1, №№ 1898, а и б; 2225, а и б; 2552, а; 2812, а; 2943, а; 3173, а; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 187/1960.

разия форм, в частности стрел на пластинках с выделенным черешком (Левенок, 1966, стр. 91).

Переходя к позднему периоду мезолита, следует отметить, что если в раннюю и среднюю пору этой эпохи мезолитические памятники в Деснинско-Сожском бассейне известны в достаточном числе, то в бассейне Верхнего Дона они пока не найдены.

В Деснинско-Сожском бассейне продолжает развиваться автохтонная макролитоидная культура мезолита. Число стоянок увеличивается, но они не выходят за пределы упомянутого бассейна — стоянки Коммунар, Нетьинка, Подкосогорье, Поле Красный Бор, Сельцо, ур. Устье р. Серижа и др. — на р. Десне (рис. 1, *3*); Буречки, ряд пунктов близ г. Гремяча и др. — на р. Судости (рис. 1, *5*); Мел, Бурьяка и др. — на р. Соже (рис. 1, *1*). Наиболее широко раскопана стоянка Песочный Ров (Воеводский и Формозов, 1950). В этих памятниках наблюдается последовательное развитие орудий и начало формирования протонеолитических типов. Появляются дисковидные клинья для расщепления древесины и крупные рубящие орудия — сперва плоско-выпуклые черепаховидные, затем топорообразные и тёсловидные. Развиваются скребла, скобели, крупные дисковидные скребки и, наконец, двусторонние листовидные, грубовато оббитые наконечники копий, дротиков и стрел. Среди этих орудий угадываются формы, получающие впоследствии, в неолите, широкое распространение (табл. 48, *1—11*). Типы и функции перечисленных орудий свидетельствуют о существовании в это время наряду с охотой на крупного лесного зверя (медведя, лося, кабана) также рыболовства.

Вместе с тем в позднемезолитическое время в бассейнах рр. Десны, Сожа, Сейма, Северского Донца, на территории Украины и на Дону появляются многочисленные стоянки с микролитическим кремневым инвентарем иного состава и происхождения. Только в бассейне Северского Донца было открыто 200 микролитических стоянок (Сибилев, 1940, стр. 69). Главную роль в производстве орудий играет здесь правильная ножевидная пластинка. Типичны геометрические формы, преимущественно трапеции. По-видимому, это южная культура, древнейшие центры которой связаны с Кавказом, Крымом, Днепровским Надпорожьем и Причерноморскими степями. Распространение племен этой культуры прослеживается с юга на север. Северная граница ее определяется водоразделом рр. Десны и Оки (рис. 1, *II*) (Формозов, 1959, стр. 71—76); на Оку она не проникает; лесостепной зоны достигает не ранее второй половины мезолитической эпохи. Обилие и разнообразие стрел, резчиков, ножей и скребков позволяет говорить о главенстве охоты с помощью лука и стрел на мелких степных животных.

Таким образом, в позднем мезолите на территории лесостепи прослеживаются две различные группы памятников. Первая из них, оставленная автохтонным населением, локализуется в Деснинско-Сожском междуречье и характеризуется макролитоидной кремневой техникой. Вторая занимает значительно более широкую площадь степной и лесостепной зон.

Общим признаком кремневой техники деснинско-сожской позднемезолитической культуры, «очень оригинальной, отличной от других культур», являлась техника отщепа и полное отсутствие микролитов для производства орудий. «Отщеп, а не ножевидная пластина здесь основной полуфабрикат» (Воеводский и Формозов, 1950, стр. 51). «Глубокое своеобразие стоянок мезолита Десны говорит о правомочности применения термина „культура“ для выделяемой области» (там же, стр. 52).

В отличие от этого в основе кремневой техники микролитического мезолита лежит правильная ножевидная пластинка. Причина коренного различия в технике изготовления кремневых орудий заключается, очевидно, не в кремневом сырье, а в определенных производственных традициях.

Исследуя мезолитические культуры европейской части СССР, А. А. Формозов установил четыре провинции — Крым, Западную область, Волго-Окское междуречье и бассейн р. Десны. Новые данные позволяют уточнить отдельные положения этой работы, но правомерность выделения особой деснинской области, имеющей в эпоху мезолита достаточно самобытный характер, следует признать обоснованной (Формозов, 1954б, стр. 49, 50).

НЕОЛИТ

В эпоху неолита территория лесостепи была местом соприкосновения древних общественных объединений степного юга и лесного севера. Неодинаковый уровень их культурно-исторического развития, различия в характере и уровне производства и этническом происхождении придавали особую сложность протекавшему здесь историческому процессу.

Возникновение неолитической культуры в пределах лесостепной полосы во всех его деталях пока еще окончательно не выяснено. Но судя по характеру кремневого инвентаря, есть основание видеть корни некоторых неолитических культур в определенных культурах мезолита.

В результате изучения неолита лесостепной зоны к настоящему времени накоплен огромный материал. Неолитические памятники по возрасту и культурной принадлежности здесь очень неоднородны. На этой территории представлены различные культуры, при этом не в одинаковой степени. Так, например, яркая и самобытная трипольская культура на территории среднерусской лесостепи характеризуется очень скромными и не типичными памятниками. Зато значительно богаче выглядят здесь памятники днепро-донецкой культуры. Особенно же многочисленны и своеобразны поселения деснинско-сожской культуры.

Заселение Русской равнины в эпоху неолита происходило неравномерно. В северные районы лесной зоны проникали, по-видимому, лишь разрозненные группы населения. Между их поселками лежали необжитые пространства. По направлению к югу увеличивались как общая плотность населения, так и число сосуществовавших друг с другом культур. В области лесостепи и степи оба указанных фактора проявлялись особенно ярко.

ДЕСНИНСКО-СОЖСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

В результате изучения неолитических памятников на рр. Десне и Соже (Палікарповіч, 1928; 1930) и особенно в связи с работой Деснинской экспедиции (Воеводский, 1940, 1946, 1947б, 1948, 1949, 1950; Воеводский и Формозов, 1950) [3] явилась возможность сделать ряд важных наблюдений и выводов (Левенок, 1941, стр. 95 — 97; 1948, 1959; Воеводский, 1947б, 1950; Воеводский и Формозов, 1950; Кропоткин, 1952, стр. 52; Формозов, 1959 стр. 99—102; Розенфельдт, 1959, стр. 102).

Поскольку за время, прошедшее после выхода в свет указанных работ, накопился новый фактический материал, возникла необходимость пересмотра и уточнения ряда положений, в частности вопроса о соотношении деснинско-сожской и белёвской неолитических культур.

В конце мезолита в Деснинско-Сожском междуречье создались все условия для возникновения неолитической культуры; одним из главнейших условий этого следует считать наличие в Деснинско-Сожском бассейне прочной мезолитической базы (рис. 1, *IV*, *7—9*), показателем чего является большое число мезолитических памятников. Очень существенно также, что в инвентаре местного позднего мезолита прослеживается процесс формирования всех основных типов кремневых орудий, характерных для деснинско-сожской неолитической культуры (табл. 48, *1—30*).

Техника обработки кремня и типичные формы неолитических орудий на рр. Десне и Соже идентичны, что позволяет говорить о единстве происхождения населения этих двух смежных бассейнов.

Неолитические стоянки Деснинско-Сожского междуречья изобилуют отходами обработки кремня — отщепами, чешуйками, краевыми сколами, обломками. В конце мезолита и раннем неолите кремень использовался темно-серый с вкраплениями, а также светло-серый «муаровый». В неолите преобладал кремень полупрозрачный дымчатых оттенков.

Для изучаемой территории в эпоху неолита были характерны одноплощадочные нуклеусы с одной стороной скалывания. Основной формой заготовок являлись отщепы, а не пластинки; такая особенность унаследована здесь от позднего мезолита. Из наиболее массивных и широких отщепов получали скребла (Левенок, 1941, стр. 96, рис. 34, *е*) и крупные скребки дисковидной формы (табл. 48, *16, 17*). В более раннее время преобладали концевые скребки на коротких пластинах и отщепах с крутой ретушью, затрагивающей узкую кромку лезвия (табл. 48, *6*, *7*). Кремневые пластинки массивны и не очень правильны. С помощью резцовых сколов они оформлялись как резцы (табл. 48, *15*), при посредстве ретуши превращались в скобели. Некоторые из них клювовидно изогнуты, ретушью затронуто только жало. Ножи выделывались из широких пластин и отщепов при помощи подретушевки краев (табл. 48, *8*). Наконечники стрел, напоминающие по форме свидерские, встречаются часто и непосредственно связаны с позднемезолитическими (табл. 48, *1*, *3*). Очень близки к ним по очертаниям проколки и провертки. Из массивных пластин изготовляли также наконечники дротиков и копий. В позднем мезолите и раннем неолите они оббиты грубоватыми сколами, местами с сохранившейся меловой коркой (табл. 48, *4*).[4]

Для деснинско-сожского неолита особенно свойственны рубящие орудия. В условиях сильно облесенной лесостепи большое распространение их вполне объяснимо. Древнейшие формы рубящих орудий прослеживаются с мезолита начиная от скребуще-рубящих орудий типа «рабо» и скребел асимметричной формы (Левенок, 1966, стр. 94. рис. 3, *14*) до первых топоров. Ранненеолитические топоры рр. Десны и Сожа невелики по размерам. оббиты сколами, частично ретушированы, без шлифовки. Часто встречаются заточенные с внешней стороны у лезвия тесла (табл. 48, *9*, *19*). Очень характерны дисковидные кремневые клинья для продольного раскалывания древесины. Орудия этого типа встречались еще в палеолитическом слое Елисеевичей и в стоянках местного позднего мезолита (табл. 48, *11*); особенно же число их возрастает в раннем неолите (табл. 48, *10*, *20*, *30*).

Именно эти орудия наряду с заточенными у лезвия топориками, дисковидными скребками, своеобразной керамикой и другими признаками придают деснинско-сожскому неолиту его специфику.

В эпоху развитого неолита двусторонне обработанные, изготовленные из прекрасного кремня наконечники стрел, дротиков и копий приобретают формы, приближающиеся к ромбу, лавровому листу и подчерешковые (табл. 48, *2*, *12—14*). Некоторые из них достигают 20 см длины. Скребки делают из отщепов правильной округлой формы (табл. 48, *16*). Грубо оббитые тесла все более вытесняются шлифованными топорами (табл. 48, *28*). Исчезают резцы и наконечники стрел свидероидного типа, появляются резцы на пластинках и ножи «волынского» типа (табл. 48, *15*, *18*) (Палікарповіч, 1928, стр. 212, табл. XXXV, *4*; 1930, стр. 445. табл. XXII, *3*) и конические нуклеусы. Усиливается значение индустрии пластинок. Набор кремневых орудий увеличивается за счет появления разнообразных отбойников, ретушеров, шлифовальных плит и пр. Мастерство изготовления каменных орудий достигает совершенства.

На позднем этапе наконечники стрел становятся в основном черешковыми, появляются наконечники с шипами. Форма дротиков и копий становится менее четкой (табл. 48, *21—23*). Скребки мельчают и отчасти заменяются отщепами с ретушью. Топоры шлифуются сплошь (табл. 48, *28*).

Перечисленные формы каменного инвентаря характерны для орудий всей деснинско-сожской культуры в целом (табл. 48, *1—30*). Для примера можно назвать стоянки, где они изучены более полно: на р. Десне — Бабинец, Белая Березка, Белынец, Била Гурка, Болва, Бордовичский поселок, Буромка, Вабля, Вьюнище, Глинное, Го-

[3] Работы производились МО ИИМК АН СССР под руководством М. В. Воеводского в 1936—1948 гг.

[4] На р. Десне они найдены в позднемезолитических и ранненеолитических поселениях — Поле Красный Бор, Орехов Круг, Холм и др.; на р. Соже — в Вязовых, Клюшниках, Корене, Стрелице, Юрковичах, пункте 160 и др.

родцы Пойменные, Гуры, Десница, Дольск, Дунец, Жмурин Сад, Жуковка, Жуковский Мост, Кветунский Борок, Коммунар, Кременица, Куракин Бор, Лопушь, Мезинский Остров, Нефтебаза, Новая Речка, Орлик, Пименов Бугор, Речица, Самара-Радица, Самощенков Борок, Соловьи, Стовпище, Уса, Хмелевский Бугор, Холм, Хуркачевка, Черепеньки, Чернетово и др.; на р. Судости — Белая Гора, Посудичи, Пристань и др.; на р. Соже — Аношки, Боры, Бышарино Поле, Великое, Веть VI, Взлужье, Вишняки, Выгон, Глинище, Городок, Гренск (неолитический слой), Гуски, Дубины, Заозерье, Замостовье, Клюшники, Корень, Красный Бор, Крыска, Мельникова Грива, Мурашки, Наддача, Неготень, Нящин, Павожбар, Подлужье (неолитический слой), Подмосковщина, Попово, Пункты 46 и 166, Романовичи (на р. Ипути), Середнее, Сосновая Грива, Стрелица, Трясливец, Увалье, Уступ, Чечуровка, Цыганский Бугор и др.

Кроме кремневых изделий, в Деснинско-Сожском бассейне в результате раскопок и сборов получено значительное число орудий из кости и рога — гарпуны, мотыги, кинжалы, ножи, стрелы, рыболовные крючки (Рудинский, 1931, стр. 175, 176 и табл. 16; 1956, стр. 163, 164, 169, табл. II, *3*, *4*; Левенок, 1941, стр. 97; 1948, стр. 62, рис. 28, *17*; стр. 64) и др., а также заготовки и отходы производства — обрубки рога, костяная стружка и пр. (Палікарповіч, 1932а, стр. 220),[5] пережженные и измельченные кости животных — кухонные отбросы (Заверняев, 1957а, стр. 66; Левенок, 1959, стр. 31).[6] Эти и другие находки дали основание Г. Чайлду бассейн р. Десны назвать областью «Восточного Маглемозе» (Чайлд, 1952, стр. 276).[7]

Керамика неолитических стоянок Деснинско-Сожского бассейна наряду с кремнем является материалом, отчетливо характеризующим культуру этого района. Если исключить из ее состава культурно чуждые компоненты (днепро-донецкую, трипольскую и др.), то вся она будет включать очень незначительные варианты (табл. 49, *1—37*).

К древнейшим типам керамики относятся остродонные сосуды шлемовидной формы, с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, без шейки (табл. 49, *13*). Стенки сосудов средней толщины, с пустотами от выгоревшей растительной примеси и следами расчесов гребенкой на внешней и внутренней поверхностях. Элементы древнейшего орнамента довольно однообразны. Это правильные ромбические ямки, нередко имеющие зубчатую насечку внутри, а также глубокие овальные ямки (табл. 49, *1—12*). Композиция украшений древнейшей деснинско-сожской керамики также не отличается большим разнообразием. Чаще вся поверхность сосуда сплошь покрыта ямками, нанесенными в шахматном порядке. Доля гребенчатых оттисков минимальна. Они опоясывают сосуд вверху под венчиком, чередуясь с поясами ромбических ямок. Обрез венчика также покрыт оттисками гребенки (Левенок, 1941, стр. 96, рис. 34, *м*). В орнаменте керамики на р. Соже преобладает гребенчатый орнамент, на р. Десне — ямочный.

Древнейшими неолитическими памятниками с такой керамикой и кремневыми орудиями ранних форм на р. Десне являются следующие стоянки: Городцы Пойменные, где нижний культурный горизонт совмещается с ортштейново-глеевым горизонтом поймы; Холм, в культурном слое которого глубже керамики указанного типа встречается лишь древнейшая накольчатая; Орлик, где в слое с древнейшей ямочной керамикой найдены кремневые орудия, сохраняющие черты макролитоидного мезолита; Пристань, в которой культурный слой с керамикой древнейших образцов располагается в глеевом горизонте, ниже ординара. Неолитический слой перекрывала свита аллювия, пограничного горизонта и мощного торфяника. К ранненеолитическому времени на р. Десне относятся также нижние слои стоянок — Черепеньки, ур. Устье Рети и Эсмани и ряд других. На р. Соже к древнейшим стоянкам принадлежат Выгон, Городок, Ледник, Неготень, Остров, Печище, Трисливец, Чечуровка и др.

В керамике развитого неолита появляется большое число вариантов ямочного орнамента, в основе которого лежит древний ромбоямочный (табл. 49, *14—25*). Попадаются ямки овальные, квадратные, стертых очертаний, в виде «лодочки», ямки, оттиснутые штампом, обернутым шнурком или тканью и др. Особенно характерен так называемый лапчатый орнамент, чрезвычайно типичный для рр. Десны и Сожа и редко встречающийся на других территориях (табл. 49, *15*, *17*). В эту эпоху на рр. Десну и Сож из Волго-Окского междуречья проникает ямочно-гребенчатый орнамент. В более поздней фазе, как общее правило для лесостепной зоны, вместо шахматного расположения ямок в орнаменте появляется строчечное (табл. 49, *26—28*, *36*, *37*) (Левенок, 1965, стр. 238, 240; рис. 17, *4*).

Широкое распространение в это время, особенно на Соже, получает гребенчатый мотив (Палікарповіч, 1928, табл. VI, XIV, XXIV, XXXII; 1930, стр. 471, табл. 31, *7—28*). Бытуют и другие виды орнамента.

На позднем этапе неолита форма сосудов остается яйцевидной, смягченно-остродонной. Венчики слегка завалены внутрь, но их отворот заметно отклонен наружу, что создает шейку сосуда. Размеры сосудов уменьшаются. В керамическом тесте появляется измельченный шамот. Толщина стенок сосудов варьирует. Гребенчатая штриховка исчезает. Усиливается гофрировка венчиков. Орнамент, оставаясь ромбоямочным, композиционно усложняется.

---

[5] Пункты находок — торфяник Галый, Девичёры, Жерено, Колёсные Бугры, Конотоп, Льгов, Новая Речка, Погореловка, Сагутьево, Селец, Темное, Трубчевск, Холм, Чечерск и др.

[6] Они найдены в Буженке, Вишенках, Городцах Пойменных, Дунце, Колёсных Буграх, Конятине, Косе, Лушниках, Мезинском Острове, Новой Речке, Оболонье, Остроушках, Пироговке, Плюшняке, Погореловке, Разлетах, Самощенковом Борке, Спасском, Хмелевском Бугре, Холме, Черепеньках, Черешенках и др.

[7] Вместе с тем было высказано и противоположное мнение о том, что на Десне «ни в одном случае мы не располагаем... костными остатками» и что «собранные коллекции состоят исключительно из кремневого инвентаря и керамики» (Розенфельдт, 1959, стр. 93). Однако в довоенных коллекциях музеев Киева, Чернигова, Новгорода-Северского и др. хранился ряд костяных и роговых орудий, нашедших отражение в публикациях М. Я. Рудинского, М. В. Воеводского, Д. Я. Телегина, В. П. Левенка и др.

Величина ямок варьирует, шахматный строй еще более вытесняется строчечным. Орнамент становится более нарядным, появляются лежащие ромбы и участки поля без ямок (табл. 49, *26—37*).

Жилища изучаемой культуры исследованы недостаточно. Имеющиеся материалы позволяют считать, что в раннем и развитом периодах они были небольшими, круглыми в плане наземными сооружениями вроде шалаша, с диаметром основания 3—5 м, с очагом в центре, что было прослежено в стоянках Холм и Черепеньки (табл. 68, *VI*).

Сожского междуречья ограничена высотами Смоленского левобережья Днепра, с северо-востока — водоразделом рек Десны и Оки, возвышенные места которого были непригодными для жизни неолитических поселений (рис. 2, *1*). Южная граница поселений изучаемой культуры проходила по линии Сосница—Чернигов—устье Сожа. Препятствием расселению деснинско-сожских племен к югу являлись, по-видимому, племена гребенчато-накольчатой керамики (Телегин, 1957, стр. 71, рис. 1, *2*), очевидно преградившие путь к расселению на запад

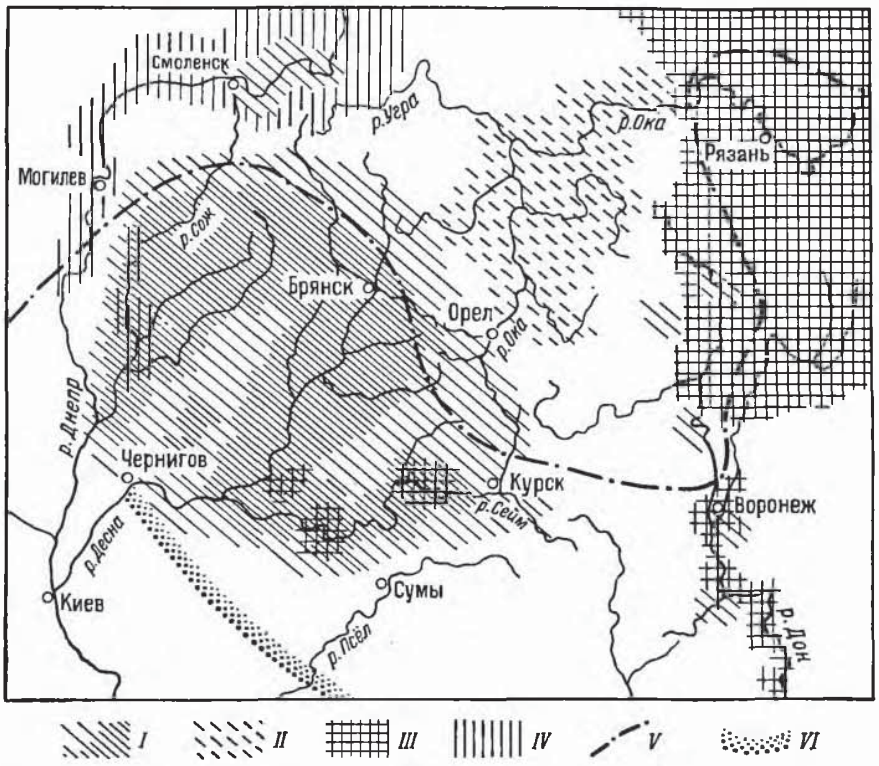

Рис. 2. Памятники неолитических культур в центральном районе лесостепной зоны в середине III тыс. до н. э.

I — деснинско-сожская группа; *II* — белёвская группа; *III* — с ямочно-гребенчатой керамикой; *IV* — валдайская группа, V — северная граница днепро-донецких памятников; *VI* — юго-западная граница единичных памятников лесного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Позднее они становятся продолговатыми, подпрямоугольными в плане, как например в Самощенковом Борке (табл. 68, *III*, *IV*). О погребениях известно еще меньше. На стоянках, которые можно было бы связать с изучаемой культурой, захоронения вытянуты на спине, без вещей, ориентировка различна. В одном случае, в урочище Еврейское кладбище, близ г. Погара, неолитическое погребение представляло захоронение результатов кремации в ямке котловидной формы. Пережженные человеческие кости сопровождал ромбовидный кремневый дротик деснинского типа и ромбоямочная керамика.

Таковы основные признаки автохтонной неолитической культуры Деснинско-Сожского междуречья и главные этапы ее развития. На западе граница определяется водоразделом Днепра и Сожа, где эти стоянки смыкаются с днепровско-валдайскими (рис. 2, *4*). С севера территория Деснинско- и юго-запад также и волго-окским племенам ямочно-гребенчатого неолита (Телегин, 1961а, стр. 39).

Таким образом, неолитическое население Деснинско-Сожского бассейна обладало целостной территорией, общностью происхождения от позднемезолитического населения, тождественной кремневой техникой и формами орудий, а также единой керамикой на Десне и Соже. Все это, как нам кажется, позволяет выделить особую деснинско-сожскую неолитическую культуру.

В этой связи следует коснуться вопроса о соотношении деснинско-сожской и белёвской культур (рис. 1, *VI*, *10*, *11*). В последнее время вопреки обоснованной концепции М. В. Воеводского, А. Я. Брюсова, А. А. Формозова и автора, относящих неолит Деснинско-Сожского бассейна и Верхней Оки к близким, но все же различным культурам, была высказана новая точка зрения, утверждающая, что границы белёвской культуры «можно расширить

вплоть до р. Десны, верхнего Поднепровья и Верхнего Дона» (В. Третьяков, 1965, стр. 214). В качестве доказательства В. П. Третьяков указывает на ромбические ямки, использовавшиеся как орнамент на сосудах, а также присутствие «орудий... характерных исключительно для белёвского неолита». Однако если брать за основу ромбические ямки в орнаменте керамики, то белёвскую культуру пришлось бы распространить не только на указанные территории, но и к северу, вплоть до Верхней Волги (Льялово, Языково), Карелии и юго-западной Финляндии (Гурина, 1961а, стр. 75).

Что же касается орудий, то именно они ограничиваются узкой территорией, занятой собственно белёвской культурой, — бассейном Верхней Оки — резко отличаются от орудий деснинско-сожских и за пределами верхнего течения Оки в своем полном составе не встречаются. Именно это обстоятельство и позволило А. Я. Брюсову, выделившему белёвскую культуру, говорить только о бассейне Верхней Оки (рис. 2, *2*) (Брюсов, 1947, стр. 16).

Выделяя деснинско-сожскую неолитическую культуру, М. В. Воеводский указывал на «своеобразие этой восточной окраины большой днепровской провинции» (Воеводский, 1946, стр. 93), на «своеобразную деснинскую культуру, резко отличающуюся от волго-окских культур неолита с ямочно-гребенчатой керамикой» (Воеводский, 1947б, стр. 45; 1949, стр. 24).

Для доказательства правильности сделанного вывода сравним орудия деснинско-сожского неолита и белёвской культуры. В Деснинско-Сожском бассейне использовался меловый кремень. На Оке — каменноугольный (Бирина, 1938, стр. 71, 72; Вишняков, 1953). Основой кремневой индустрии на Десне и Соже в эпоху мезолита и неолита являлись отщепы; на Оке же, в области белёвской культуры — ножевидные пластины. Для Десны и Сожа характерны нуклеусы с одной стороной скалывания, для Оки — пирамидальные. Типичные для белёвской культуры длинные листовидные кинжалы и топорообразные кайла на Десне вообще не встречаются (Брюсов, 1947, стр. 16, 18, 21).

Таким образом, в области кремневой индустрии интересующих нас двух бассейнов рек мы видим явные различия. Керамика же деснинско-сожская и белёвская имеет больше черт сходства. И там и здесь основным элементом орнамента является ромб и производные от него фигуры. В обеих культурах присутствует круглоямочная керамика волго-окского типа, но на Десне ее меньше, чем на Оке.

К чертам различия керамики Десны и Оки относится примесь валдайского элемента и наличие так называемого лапчатого орнамента среди керамики Десны и Сожа и полное их отсутствие в керамике белёвской культуры, а также растительная примесь в глине деснинско-сожской керамики и примесь дресвы в белёвской, и т. д.

Оценивая приведенные данные, нельзя не прийти к выводу о близости деснинско-сожской и белёвской культур. Однако объединять их (В. Третьяков, 1965, стр. 214) или выводить первую из второй (Розенфельдт, 1959, стр. 100) нет оснований. Указанные культуры близки между собой, но они не идентичны.

Интересные результаты дал подсчет ромбической керамики. На Десне у Брянска она составляет 80—90% всей керамики. На Верхней Оке, в районе белёвской культуры — 50% (Фосс, 1952, стр. 160—187); на Льяловской стоянке — 7% (Жуков, 1925), а на Оке у Рязани и на Верхнем Дону она встречается лишь в виде единичных фрагментов (Левенок, 1965, стр. 241, рис. 18, *1*, *5*, *8*, *11*). Уменьшение процента ромбо-ямочной керамики, с нашей точки зрения, фиксирует путь продвижения элементов деснинско-сожской культуры из ее центра к периферии. В бассейне р. Мокши ромбический элемент появляется лишь в эпоху бронзы (Степанов, 1955, стр. 71, рис. 24).

Что касается хронологии деснинско-сожской культуры, то в силу недостаточной изученности этого вопроса можно сделать лишь предварительные предположения. По аналогии со стоянками других территорий, имеющими радиоуглеродные даты, и учитывая многочисленные примеры перекрытия неолитических слоев деснинско-сожских стоянок слоями с керамикой среднеднепровской культуры (дата вторжения племен которой в Поднепровье — конец III—начало II тыс. до н. э.) (Артеменко, 1964б, стр. 73), конец деснинско-сожских поселений нельзя датировать временем позднее конца III—начала II тыс. до н. э. Поскольку же деснинско-сожская культура в ее ранний период связана была с местным мезолитом, начало ее формирования может датироваться не позднее конца IV—начала III тыс. до н. э. Указанные датировки подтверждаются также находками трипольской керамики.

СРЕДНЕРУССКИЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ ВАРИАНТ ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Происхождение и основная масса памятников днепро-донецкой неолитической культуры связаны с территорией Украины. Однако некоторая часть из них встречена и вне границ УССР — на территории юго-восточной Белоруссии и в лесостепной полосе РСФСР. Нас интересуют последние. Так как памятники этой культуры на территории лесостепной зоны составляют самостоятельную этнокультурную группу, они подлежат отдельному рассмотрению.

Поселений чисто днепро-донецкой культуры на территории среднерусской лесостепи относительно мало (Козловка на Сейме, Пименов Бугор на Десне и др.), но многослойных памятников, в которых материалы днепро-донецкого типа совмещаются или перемежаются со слоями или материалами иного культурного содержания, на этой территории достаточно много. В деснинско-сожском бассейне и на р. Сейме они сочетаются с материалами деснинско-сожской культуры; в Донском бассейне — с ямочно-гребенчатым неолитом донского облика. Но во всех случаях материалы днепро-донецкой культуры занимают более глубокое положение в слое, чем иные культурные остатки, что свидетельствует об их относительно большой древности. Днепро-донецкая культура на Украине датируется V—серединой III тыс. до н. э. (Телегин, 1967, стр. 32).

На некоторых памятниках Подесенья, как например на стоянке Холм, днепро-донецкие материалы превалируют над всеми другими. Они залегают здесь на глубине 1.00—1.50 м, а отдельные находки — до 2 м; глубже они смешиваются с кремневым инвентарем мезолитического облика. Слои же с деснинско-сожской керамикой лежат на уровне от 0.50 до 1.20 м. Много днепро-донецкой накольчатой керамики и соответствующего ей кремня обнаружено и на других стоянках Десны. Это — Белая Березка, Борок Верхних Новоселок, Гуры, Екимовичи, Кветунский Борок, Куракин Бор, Масловка, Оболонье, Орлик, Пильня, Погореловка, Соловьи, Трояново, Хмелевский Бугор, Чаща II, Черепеньки и др. Часть из перечисленных стоянок находится в пределах УССР — Оболонье, Погореловка, Чаща II, другие — недалеко от границы УССР — Белая Березка (в 1 км), Кветунский Борок (в 16 км), Холм (в 27 км) и т. д. Вообще же территория Подесенья более чем на половину лежит в границах Украины и, в известной мере, относится к классическому району формирования днепро-донецкой культуры.

В бассейне Сожа к памятникам, содержащим днепро-донецкие материалы, относятся стоянки Ветка, Городок, Заозерье, Карменка, Липица, Паперня, Подмогилёвье, Подсёл, Романовичи, Скала, Сосновая Грива, Струмень, Шоховка, Цыганский Бугор и др. На р. Судости — Белая Гора, Вабля, Званое, Липицы, Погар и др. На р. Сейме — Волынцево, Воронина, Козловка, Липино, Льгов, Нови Млини и др. Они встречаются и на территории Верхнего Подонья — в 200—250 км от границы УССР. В ряде стоянок указанного района нижняя часть культурного слоя содержит материалы днепро-донецкой культуры: это Горица, Желтовка, Излегоща, Новая Жизнь, ур. За Огородами, Рыбное озеро I и II, Савицкое, Ссёлки, Ярлуковская Протока и др. Памятники, обладающие днепро-донецкими материалами, найдены и восточнее Дона — на р. Битюге, близ с. Анна Воронежской области, в стоянке Лисий Бугор и других пунктах (Корнюшин, 1964).

Северная граница стоянок, содержащих инвентарь днепро-донецкого облика, в раннем периоде проходила примерно через современные города Рогачев—Трубчевск—Курск—Новый Оскол—Воронеж—Мичуринск (рис. 1, *III*). В эпоху развитого неолита она передвинулась севернее, захватив рязанское течение р. Оки (рис. 2, *5*).

Инвентарь поселений днепро-донецкой культуры на территории лесостепной зоны РСФСР характеризуется следующими чертами. Кремневые орудия изготовлены из пластинок и небольших отщепов кремня. Имеются сечения пластинок (табл. 50, *6—9*, *21—25*). Это не всегда микролиты, но все же наблюдается общая миниатюрность форм. В раннем периоде распространены небольшие концевые скребки (табл. 50, *10—14*, *26—34*), наконечники стрел свидероидного типа, свидетельствующие о влиянии соседней свидерской культуры (табл. 50, *1*, *2*, *17*), ножи на пластинках (табл. 50, *15*, *35*), а также — трапеции «малое транше», являющиеся типичнейшим орудием этой культуры в лесостепном Подесенье (табл. 50, *3—5*, *18—20*). В позднем периоде свидероидные наконечники стрел и «малое транше» заменяются треугольными наконечниками с незначительной выемкой в основании (табл. 50, *36—40*). Топоры шлифуются сплошь и делаются не только из кремня, но и из других пород камня. Широко развит прием сечения пластинок, следы работы на которых позволяют считать их вкладышами (табл. 50, *41*, *42*). Бытуют небольшие скребки на отщепах с ретушью по окружности (табл. 50, *43—46*), ножи (табл. 50, *47*), резцы на пластинках и отщепах, чаще всего срединные (табл. 50, *57*). Обычны орудия на пластинках со скошенным концом (табл. 50, *58*), концевые скобели, ретушеры и др. Рубящих орудий в древнейшем комплексе мало, и они невелики по размеру (табл. 50, *16*). Позже они получают симметричные очертания и шлифовку (рис. 50, *48—51*). Особенно типичны так называемые челноки или утюжки, изготовленные из мягких пород камня (табл. 50, *55*). Этих предметов много на Украине (Даниленко, 1950, стр. 139, табл. II, *24*; Телегин, 1961а, стр. 34, 35, рис. *7*, *8*, *23*, *36*, *45*), в Средней Азии и на Урале, т. е. повсеместно вне культур ямочно-гребенчатого неолита.

Костяные орудия отличаются от костяных орудий лесного неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Для днепро-донецкой культуры характерны наконечники копий с кремневыми вкладышами (на обеих сторонах костяного стержня) — в раннем периоде и веретенообразные мелкозубые гарпуны — в развитом и позднем (табл. 50, *56*). Кинжалы имеют выделенную рукоятку. Находят также малые ножи, сделанные из расколотых клыков кабана, костяные и роговые иглы для вязания сетей, шилья, тесла, пики, крупнозубые гарпуны (табл. 50, *52—54*) и др.

Керамика раннего периода представлена плоскодонными сосудами биконической формы (табл. 51, *9*), со сплошным заполнением внешней поверхности рядами наклонно расположенных строчек треугольных наколов, нанесенных отступающим способом (табл. 51, *2*, *3*, *5*, *6*, *8*); при этом поверхность сосуда делилась на участки, на которых строчки наколов помещались под углом к строчкам соседних участков (табл. 51, *4*, *7*). Другим элементом украшения сосудов служили прочерченные, волнистые, «скорописно-струйчатые» линии, выполнявшие те же функции, что и строчки наколов (табл. 51, *1*). В обоих случаях композиция орнамента строится по наклонной или вертикальной линиям. Зональность композиции не свойственна. Глина сосудов плотная, темная, с естественными примесями. Стенки сосудов 5—7 мм толщины, поверхность имеет следы так называемых расчесов.

На среднем этапе развития этой культуры сосуды становятся яйцевидными, остродонными. Наиболее показательно возникновение нового узора — так называемых метоп в композиции украшения сосудов. Общий диагональный строй композиции орнамента постепенно трансформируется в зональный (табл. 51, *20*, *21*). Прежние сплошь нанесенные на поверхность сосудов строчки наколов разрываются, создавая небольшие прямоугольные участки, заполненные строчками, — метопы, которые теперь чередуются с участками чистого поля поверхности сосуда (табл. 51, *10—13*, *15—19*), часто в шахматном порядке (табл.

51, *20*). Появляются кривые линии наколов (табл. 51, *14*).

Метопы обрамляются более крупными, разреженными ямками (табл. 51, *11*, *17*, *19*). Этот весьма характерный прием доживает до конца неолита и, распространяясь все шире, переходит к культурам бронзы (табл. 51, *24*) (Артеменко, 1963, стр. 40, рис. 13, *7*, *8*).

На позднем этапе на сосудах появляется шейка, умножаются проколы и жемчужины (табл. 51, *31*). Наколы становятся небрежными, слишком мелкими или, наоборот, очень крупными, грубыми, как бы наспех оттиснутыми, метопы вырождаются, заменяясь лентообразными линиями или полями нечетких, очень измельченных отпечатков, очерченных кривой линией (табл. 51, *22*, *23*, *25—32*). Расчесы исчезают.

Сличение инвентаря, полученного из днепродонецких стоянок Украины, с инвентарем поселений подобной же культуры с территории лесостепных районов РСФСР позволяет установить как главнейшие факты, так и более частные детали. Полученные на их основе выводы кратко сводятся к следующему.

1. Типичные кремневые орудия (наконечники стрел — от малого транше до треугольных со слабой выемкой в основании, многочисленные разнообразные трапеции, правильные микролитические пластинки, круглые скребочки на небольших отщепах, орудия со скошенным концом и типа «садового ножа», ножи на массивных пластинках с крутой краевой ретушью, резцы на углу сломанной пластинки и особенно каменные «челноки» из мягких пород камня) и отличительные черты неолитической техники обработки камня сравниваемых территорий тождественны.

2. Формы глиняных сосудов (плоскодонные подбиконические и остродонные яйцевидные) близки между собой. В украшениях керамики обеих провинций принцип вертикальной композиции орнамента на ранних стадиях заменяется позднее зональной композицией. Система метоп как один из типичнейших композиционных приемов украшения керамики исследуемой территории не встречается более ни в одной из неолитических культур. Излюбленное в раннем периоде диагональное размещение элементов орнамента керамики постепенно переходит к ортогонально-зональному — в позднем. Единый для обеих изучаемых территорий состав изобразительных элементов орнамента (наколы, отступающий штамп, прочерченные или проглаженные линии, «решетки» и др.) свидетельствует о самом близком этническом и культурном родстве творцов керамики — днепро-донецкой на Украине и накольчатой метопической типа днепро-донецкой — в лесостепной полосе РСФСР.

3. На обеих рассматриваемых территориях в раннеолитическое время прослеживается преобладание охотничье-рыболовческого хозяйства, сменяющегося позднее скотоводческо-земледельческим, а также открыты небольшие, округлые в плане, с одним или несколькими простыми наземными очагами жилища (табл. 68, *VI*).

Таким образом, анализ четырех главнейших археологических показателей культуры — каменного инвентаря, керамики, основного общественного производства и жилищ — показал близкое родство культуры неолита с накольчатой керамикой двух обширных территорий — Украины и среднерусской лесостепной зоны РСФСР.

Вместе с тем наряду с важнейшими и неоспоримыми показателями взаимного родства упоминавшихся неолитических обществ следует отметить также и некоторые частные различия признаков. К последним относится наличие в общем более крупных форм кремневых орудий на рр. Соже, Десне, Сейме и на Дону в сравнении с украинскими, что, очевидно, свидетельствует о более «лесном» хозяйстве этого района в неолитическое время, а для Деснинско-Сожского бассейна, возможно, и о более легкой добыче здесь прекрасного мелового кремня. Другими признаками различия являются отсутствие в среднерусской лесостепи графитной керамики, шиподонных сосудов, характерных для Волыни, микролитов-параллелограммов и трапеций со струганой спинкой; гораздо большее распространение наконечников «малое транше» и свидероидных форм, нежели на Украине, а для керамики — отсутствие искусственных и растительных примесей в глине, ее большая плотность, тонкостенность сосудов и пр.

Все изложенное, как нам кажется, позволяет описываемые поселения лесостепной зоны считать среднерусским лесостепным вариантом днепро-донецкой неолитической культуры Украины. Следует вспомнить и о том, что сама днепро-донецкая культура на занимаемой ею обширной территории Украины распадается на несколько слагающих ее региональных групп. Лесостепная группа выделена сверх них как последняя и наиболее периферийная из всех.

НЕОЛИТ С КЕРАМИКОЙ ВОЛГО-ОКСКОГО ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ

К третьей из крупных неолитических культур, оставивших наиболее ощутимый след на территории лесостепной полосы, относится многочисленная группа памятников, обладающих ямочно-гребенчатой керамикой волго-окского типа (рис. 1, *12—14*).

Неолитические культуры Волго-Окского междуречья во всех их культурных и региональных проявлениях в настоящее время изучены достаточно полно (Городцов, 1897, 1899, 1905а; Жуков, 1925; Брюсов, 1947, 1952; Раушенбах, 1953; Цветкова, 1953, 1959). Наша задача в данном случае — раскрыть лишь степень их участия в неолитической истории лесостепной полосы и выявить местные особенности их культуры на этой территории. Пункты с находками ямочно-гребенчатой керамики в лесостепи не представляют редкости, однако в различных ее районах эти памятники располагаются по-разному. В бассейнах, занятых деснинско-сожской и белёвской культурами, поселения с чистой ямочно-гребенчатой керамикой почти не встречаются. Но в бассейне р. Дона открыт обширный район, заполненный стоянками с ямочно-гребенчатой керамикой (рис. 1, *13*; 2, *3*).

С севера к бассейну р. Верхнего Дона примыкает вплотную среднее, рязанское, течение р. Оки. Этот район, очевидно, и являлся тем путем, по которому в течение ряда веков осуществлялось проникновение волго-окского населения в лесостепную зону. В древнейшее неолитическое время районом сплошного или чистого населения с ямочно-гребенчатой керамикой, как уже упоминалось, была собственно долина р. Дона от его верховий и до широты современного г. Воронежа и все правобережные притоки р. Дона на этом протяжении. Узкий водораздел между долинами рр. Дона и Воронежа служил межплеменной границей для племен, населявших долины рр. Дона и Воронежа (рис. 1, *III*, *V*).

Памятники ямочно-гребенчатого неолита на Верхнем Дону представлены стоянками Устье Быстрой Сосны, Воейково, Долгое, Задонский, Устье Красивой Мечи, Липецк (пляж), Устье Матыры, Месиково, Савицкое, Чаплыгин, Ярославы и др.

На севере эта группа стоянок смыкается с культурно едиными памятниками рязанщины — Горбатое, Пахомово, Турово, Ухорь, Хохловка, Яхонтово и др.

В других районах этой же зоны — на рр. Сейме, Десне, Соже, Псле, Осколе, Северском Донце к этой культуре относятся единичные стоянки или находки отдельных предметов среди инвентаря другой культурной принадлежности. Южная граница ее распространения определяется по линии Чернигов—Полтава—Славянск (рис. 2, *3*, *6*) (Телегин, 1962а, стр. 28).

На р. Верхнем Воронеже у г. Мичуринска и на р. Дону, к югу от г. Воронежа лежали районы смешанной культуры — волго-окской и днепро-донецкой — стоянки Большое Лаврово, Глинище, Грамушка, Отрожка, Подзорово, Попова Дача, Старое Тарбеево, Урыв—Покровка, Устье и др.

Неолит с ямочно-гребенчатой керамикой на территории лесостепной зоны по целому ряду признаков близок неолитическим культурам Волго-Окского междуречья, особенно наиболее ранним из них. Вместе с тем он имеет и свою специфику. Важнейшими памятниками этой культуры в Подонье являются поселения Долгое и Подзорово (Фосс, 1959а; Левенок, 1969). Рассмотрим типичный инвентарь этой культуры. Отсутствие в бассейне р. Дона мелового кремня и употребление низкокачественных пород камня из моренных галечников и местного известняка наложило отпечаток небрежности и архаизма на всю каменную индустрию этого района. Здесь вовсе нет правильных ножевидных пластинок, ретушь неряшливая, некоторые из наконечников стрел и дротиков асимметричны (табл. 52, *1—3*, *12*), резцы и скребки изготовлены из отщепов (табл. 52, *4—7*, *13—17*). На нуклеусах вместо площадок для скалывания использовались лежащие под углом друг к другу грани. В среднем периоде форма наконечников становится более правильной (табл. 52, *10*, *11*). Ножи, изготовленные из широких отщепов, разнообразны по форме (табл. 52, *8*, *9*, *18*, *25*), изделия из известняка остаются грубыми. Зато орудия из кости и рога выгодно отличаются от кремневой индустрии этих стоянок своим разнообразием и мастерством выделки (табл. 52, *26—40*).

На позднем этапе формы наконечников становятся правильными и различными по типам (табл. 52, *19—21*); скребки уменьшаются в размерах (табл. 52, *22*, *23*). Резцы становятся редкими, а затем исчезают.

Глиняные сосуды имеют остродонную форму. Украшены они ямками в шахматном порядке (табл. 53, *18*, *19*). Для раннего этапа характерны ямки небольшие, неправильных очертаний, иногда удлиненные, типа насечки (табл. 53, *1—9*). В среднюю пору неолита преобладает круглоямочный орнамент, сплошь покрывающий поверхность сосуда в зональном расположении ямок (табл. 53, *10—19*). В позднюю пору возникает строчечный орнамент (табл. 53, *20*, *21*, *25*, *27*); в верхней части сосуда появляются просветы гладкой поверхности, чередующиеся с участками ямок (табл. 53, *22—24*, *26*); нередки зигзагообразные мотивы (табл. 53, *28—30*). К оригинальным образцам можно причислить орнамент, оттиснутый ископаемой окаменевшей ракушкой и др.

Образцами искусства неолит лесостепной зоны небогат. Можно назвать жезл, сделанный из рога благородного оленя, с выгравированным на нем геометрическим рисунком. Кроме того, к технологии искусства имеют отношение заготовки минеральных красок и каменная плитка-палитра (Левенок, 1965, стр. 238).

О жилищах раннего этапа неолита можно составить представление по раскопкам Долговской стоянки: это большое, овальное в плане (11×5 м) наземное сооружение, в виде шалаша, с очагами внутри и вне жилища, с раковинными кучами, кладовой каменного сырья и кладом кремневых заготовок и полуфабрикатов, с каменной наковальней и россыпью кремневых чешуек вокруг нее, а также с ритуальным захоронением головы медведя, обломками панциря черепахи, кремневыми и костяными орудиями и пр. (Левенок, 1965, прилож. к стр. 224, рис. 1).

Жилища развитого и позднего неолита описываемой культуры по их остаткам в раскопках на территории лесостепной зоны представляются небольшими, в раннее время овальными, почти круглыми в плане, позднее — продолговатыми, подпрямоугольными постройками типа шалаша с одним, реже двумя наземными очагами в центре.

Погребений, достоверно относящихся к ямочно-гребенчатому неолиту, в лесостепи не найдено.

Еще в ранненеолитическое время имели место отдельные случаи проникновения культурных элементов в чуждую для них этнокультурную среду. В развитом и особенно позднем неолите процесс смешения культур принимает более широкие масштабы. Наиболее полно это явление было изучено в бассейне р. Матыры — особенно по раскопкам стоянки Рыбное Озеро II. Культурный облик поселений здесь в ранненеолитическое время определялся чистой днепро-донецкой культурой. Начиная со средней поры неолита и особенно в позднем периоде, который датируется здесь последними столетиями III тыс. до н. э., в область Подонья, по-видимому из бассейна р. Оки, про-

никает неолитическое население с культурными признаками волго-окского облика. Смешение культурных признаков усиливается.

На все переживаемые древним обществом сложные процессы этногонии и внутреннего развития наиболее чутко реагировала керамика, особенно ее орнаментация. С начала соприкосновения и смешения двух крупнейших этнокультурных групп населения лесостепья форма сосудов почти не изменяется. Это все те же остродонные сосуды яйцевидной формы, лишь венчик их становится более закрытым (табл. 54, *14—16*). Элементы днепро-донецкой культуры проявляются в композиции украшений, строящейся при помощи нарезных и проглаженных линий в виде поясков и зигзагообразных линий, покрывающих сосуд по зональному признаку. К ним присоединяются ожерелья круглых глубоких ямок, делящих орнамент сосуда на зоны (табл. 54, *1*, *6*, *8*, *9*, *11*, *14*). В оформлении таких сосудов участвуют элементы как днепро-донецкие (форма сосуда, техника нарезных и проглаженных линий), так и ямочно-гребенчатой традиции (зональность композиции, пояски ямок).

Второму типу украшений сосудов свойственны горизонтальные строчки глубоких узких насечек клинчатых очертаний. В ряде случаев клинчатые оттиски имеют рубчатые донца, представляя как бы нижнюю половину оттиска гребенчатого штампа (табл. 54, *2—5*, *7*, *10*, *12*, *15*). Ямочный орнамент вырождается (табл. 54, *13*, *31*).

Позднейшая разновидность описываемой керамики выражена плоскодонными горшковидными сосудами средней величины, внешняя поверхность которых сплошь покрыта строчками оттисков гребенчатого штампа, скомпанованных в елочку. Эти украшения замыкаются на венчике строчкой прямых отпечатков и пояском глубоких круглых ямок, а внизу, на поддоне, — строчкой вертикальных отпечатков (табл. 54, *17—30*). Описываемая керамика характерна для конца позднего неолита, энеолита и начала культур ранней бронзы лесостепной зоны.

Долговременное сосуществование в ближайшем соседстве, в бассейнах рр. Верхнего Дона и Воронежа двух этнически различных неолитических культур — рязанско-долговской и днепро-донецкой во второй половине III тыс. до н. э. привело к их смешению, в результате чего прежние культуры исчезли, а вместо них возникла новая. Этот процесс впервые и наиболее полно изучен на поселении Рыбное Озеро II. Поселения новой гибридной культуры, получившей наименование рыбнозерской, существовали на протяжении позднего неолита, энеолита и ранней бронзы.

Таким образом, крупнейшими этнокультурными общностями на территории лесостепной зоны в эпоху неолита являлись группировки племен днепро-донецких, деснинско-сожских и волго-окских. Происхождение днепро-донецких племен связывается с волынско-донецким микролитическим мезолитом (Телегин, 1966, стр. 107); деснинско-сожских — с автохтонным макролитоидным мезолитом (Левенок, 1966, стр. 93). Для волго-окских племен вопрос происхождения представляется более сложным. Пока можно лишь утверждать, что в лесостепь они проникли из лесной зоны, а некоторые формы их инвентаря связываются с Балтикой.

Эпоха развитого неолита для лесостепи датируется в общем первой половиной III тыс. до н. э. Днепро-донецкие племена в это время, продвигаясь к северу, проникают в Верхнее Поднепровье, а по Дону и Воронежу выходят к рязанскому течению Оки; деснинско-сожские появляются на Верхнем Днепре, по Сейму и Тускари они выходят к истокам р. Оки и на Верхний Дон.

Волго-окские племена заполняют Верхнее Подонье и в виде разрозненных групп продвигаются на Сейм, Десну и далее на Украину.

В Верхнем Подонье середина III тыс. до н. э. характеризуется как время начала смешения ранее чистых культур — днепро-донецкого населения с племенами ямочно-гребенчатого неолита.

Около этого же времени в лесостепную полосу Русской равнины из Днепровского Надпорожья проникают отдельные группы населения среднестоговской культуры. Их поселения открыты в бассейне Верхнего и Среднего Дона и на притоках (Хутор Репин, Костенки, почвенный слой, Рудкино, Отрожка, верхний слой, Большой Липяг, Малый Липяг, стоянки на реке Матыре — верхние слои и др.). Переселенцы обладали новыми формами хозяйства — скотоводством и земледелием (Телегин, 1966). Их поселения располагались вне речных пойм, на черноземных землях высоких коренных террас Дона, Воронежа и их притоков. Инфильтрация среднестоговских племен жизненных интересов местного неолитического населения не затрагивала и поэтому, очевидно, имела мирные формы.

Коренная ломка неолитического уклада в лесостепной зоне началась в последней четверти III тыс. до н. э., когда здесь полностью утвердились степные племена культур ранней бронзы. В восточной, более степной части лесостепи — на Среднерусской возвышенности, с Донским бассейном в центре, наплыв племен ямной и катакомбной, а затем и срубной культур был настолько массовым и опустошительным, что уже очень скоро здесь ничто не напоминало о неолите.

В западной части лесостепья события развивались иначе. Племена катакомбной и срубной культур, подойдя к восточным окраинам Деснинско-Сожского бассейна, свернули к югу. Создается впечатление, что, легко захватив степные просторы Подонья, с его относительно редким неолитическим населением, они не смогли преодолеть сопротивления гораздо более плотного неолитического населения Деснинско-Сожского бассейна, чему, по-видимому, немало способствовала и непривычная для степняков природная обстановка — значительная облесенность и заболоченность этого района.

Историческое развитие двух вышеупомянутых территорий — западной и восточной — происходило с этого времени двумя различными путями. В восточной осуществлялась радикальная смена населения, в западной же — процесс медленного развития от индустрии камня к индустрии палеометалла при неизменном этнически однородном составе древнего населения этого района.

Т. Б. ПОПОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ЦНЫ

Современная Тамбовская область занимает промежуточное положение между лесными и степными районами европейской части СССР, охватывая водоразделы нескольких рек, принадлежащих к различным водным системам. Река Цна с притоками прорезает всю эту территорию в меридиональном направлении, связывая южные степи с лесным севером — Волго-Окским бассейном, а текущие на юг рр. Ворона и Воронеж соединяют ее с бассейном Дона и Донца, и через них — с Северным Причерноморьем.

Указанные факторы предопределяют сложность, а вместе с тем и необходимость изучения истории племен этой территории в эпоху неолита и бронзы.

Неолит изучен здесь чрезвычайно слабо, но уже и те сведения, которые можно почерпнуть из небольших раскопок на западе (Фосс, 1959а) и востоке области (Фосс, 1959б), а также из имеющихся коллекций в фондах музеев (Попова, 1962), позволяют говорить, что в эту пограничную область проникали, с одной стороны, окские племена с ямочно-гребенчатой керамикой, с другой — племена днепро-донецкой культуры с накольчатой керамикой, для которых это были самые северные районы их распространения (рис. 1).

Первые сведения о находках здесь «каменного века» были получены в конце прошлого столетия. Еще в 1897 г. А. А. Спицын произвел разведки на севере б. Тамбовской губернии, в Моршанском уезде в с. Серповое (на левом берегу р. Цны), в местности Воскресенский Бугор.[1] На песчаной дюне было собрано большое количество кремневых орудий, а также керамика. Орудия по своему типу, технике изготовления и по форме относятся к разным периодам существования поселения. О разновременности свидетельствует и собранная здесь керамика, относящаяся к неолиту и эпохе бронзы.

Наиболее древний комплекс кремневых орудий со стоянки Воскресенский Бугор может быть отнесен к концу мезолита—началу неолита (Кольцов, 1965б). Это в первую очередь небольшие кремневые нуклеусы правильных форм, в виде тонких вытянутых конусов. Самым распространенным типом являются очень тонкие ножевидные пластинки в 0.3—0.6 см шириною при длине от 1—2 см до 5—6 см. Большинство их не несет никаких дополнительных признаков подработки. Не менее характерны свидероидного типа находки наконечников стрел, изготовленные из тонких ножевидных пластин, в основном черешковой формы, с подработкой только по черешку и острию пера. Близкие типы орудий встречаются на стоянках Волго-Окского междуречья в конце мезолита—начале неолита (табл. 55, *1—5*).

Стратиграфия памятника Воскресенский Бугор не изучена; установлено лишь, что кремневые орудия происходят с большой песчаной дюны, находящейся в пойме реки в 3.0—3.5 км от левого берега р. Цны. Аналогичное местоположение мезолитических стоянок было отмечено М. В. Воеводским в левобережье р. Десны (Воеводский, 1949, 1950).

К этому же типу памятников примыкает и другая стоянка — Дедов Бугор, расположенная на правом берегу р. Цны, в 8—9 км к востоку от г. Моршанска, в районе с. Елизавет-Михайловское.[2] Она занимает небольшую песчаную дюну, у подножия которой находится высохшее озеро. По составу кремневого инвентаря эту стоянку можно отнести, по-видимому, к эпохе позднего мезолита или раннего неолита.

Среди *кремневого инвентаря* выделяются узкие конические и карандашевидные нуклеусы с очень правильными тонкими гранями, занимающими всю окружность. По своему типу они близки к нуклеусам раннего комплекса стоянки Воскресенский Бугор.

Численно преобладают тонкие ножевидные пластинки, соответствующие узким, слегка изогнутым

[1] Коллекция хранится в ГИМ, инв. № 35183 и в Моршанском краеведческом музее.

[2] Коллекции, собранные за ряд лет, хранятся в Моршанском краеведческом музее.

граням нуклеуса. Размеры пластинок, в частности их ширина, сильно варьируют — от 2 до 5—7 мм. Все они без обработки, некоторые слегка заполированы. что указывает на возможное их потребление в качестве вкладышей в костяные или деревянные орудия.

Наиболее типичными орудиями являются стрелы, изготовленные из изогнутых ножевидных пластин, близкие по форме черешковым и лавролистным стрелам Воскресенского Бугра, Борковской стоянки на р. Оке (Паничкина, 1941) и Елин Бор на р. Оке (Воеводский и Борисковский, 1937).

Скребки округлых форм, небольшого размера, что также характерно для позднего мезолита и раннего неолита восточной части лесостепной полосы. Имеется 1 экз. ножевидной пластинки со скошенным концом, с мелкой крутой, притупливающей ретушью по краю, аналогичный остриям, изредка встречающимся в памятниках конца мезолита и начала неолита в бассейнах рр. Десны, Оки и Верхней Волги. В гораздо большей мере они свойственны стоянкам Крыма и Северного Причерноморья (Формозов, 1959).

Моршанский район более других богат памятниками развитого неолита. Близ с. Елизавет-Михайловского по берегам маленьких озер в долине р. Цны расположен ряд неолитических стоянок: Мокрый Залив, Карельский Бугор, Дедов Бугор, Красное Поле, Цигуров Хутор и др. Все они дали довольно интересный комплекс керамики и кремневых орудий.

Наблюдений над стратиграфией стоянок Моршанской группы, так же как и стоянки у Воскресенского Бугра, не производилось, что мешает установить последовательность смены типов керамики и орудий.

Каменные орудия (табл. 55, *6—20*), происходящие с этих стоянок, по своему облику ближе всего к неолитическим орудиям окских стоянок. Это кремневые ножи, резчики, скребки, желобчатое долото волосовского типа, вместе с тем целый ряд орудий имеет местный специфический тип. Сюда относятся в первую очередь киркообразные каменные молотки из красновато-бурого камня, по-видимому, тоже местного происхождения, в большинстве случаев с двусторонним сверлением. Найдены каменные песты из того же красновато-бурого камня и стерженьки с утоньшенными концами.

Сосуды перечисленных стоянок — двух типов (табл. 56, *1—44*). Господствующим является ямочно-гребенчатая керамика, близкая к керамике рязанской неолитической культуры. Меньшая часть украшена оттисками отступающей лопаточки, относится к днепро-донецкой культуре. Причем эта керамика в свою очередь неоднородна. Выделяются фрагменты, орнаментированные сплошь полосами и заштрихованными треугольниками (со смыкающимися сторонами, направленными вершинами в разные стороны). Некоторые сосуды украшены отступающей лопаточкой, образующей полосы или ломаные линии, при этом в значительной степени поверхность остается не орнаментированной. Тесто обоих типов пористое, обжиг слабый, примесь — песок, реже раковина и на незначительном количестве фрагментов трава. Последнее указывает на более древний возраст этой гребенчато-накольчатой керамики (Телегин, 1961а).

Отступающая лопаточка как орнаментальный мотив характерна для керамики неолитических культур Донца и Дона (Телегин, 1954). Носители ее, по-видимому, проникли на рассматриваемую нами территорию по Дону и его притокам, о чем свидетельствуют находки накольчатой керамики на ряде стоянок Липецкой и Воронежской областей (Левенок, 1962, 1965). Стоянки с накольчатой керамикой в районе с. Елизавет-Михайловского, возможно, представляют наиболее северный пункт проникновения племен днепро-донецкой культуры.

Рис. 1. Памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне р. Цны.

а — стоянки эпохи неолита; *б* — случайные находки каменных сверленых топоров эпохи бронзы. Стоянки неолита: *1* — Серповое — Воскресенский Бугор; *2* — Елизавето-Михайловское; *3* — Дедов Бугор; *4* — Карельский Бугор; *5* — Мокрый Залив; *6* — Кулеватово; *7* — Тихий Угол; *8* — Княжино; *9* — Уварово; *10* — Грамушка; *11* — Устье; *12* — Глинище; *13* — Подзорово. Находки сверленых топоров: *14* — устье Шары; *15* — Сергиевка; *16—19* — Моршанск; *20* — Перкин; *21* — Васильевка; *22* — Кривополянье; *23* — Красное Озеро; *24* — Токаревка; *25* — находки на р. Савале.

Несколько однороднее облик предметов, происходящих с востока Тамбовской области. Здесь на правом берегу р. Вороны к юго-западу от с. Уварова (Уваровский район) было обнаружено поселение эпохи неолита.[3] Оно расположено на дюне, низко у воды. В настоящее время основная часть поселения находится под водой, что свидетельствует о более засушливом климате во времена обитания здесь людей.

[3] Экспедиция ГИМ в 1960 г. под руководством Т. Б. Поповой.

Керамика[4] очень однородная, отличается от керамики стоянок Моршанского района по цвету, тесту и орнаментации. Она серая, тонкостенная, гладкая; в тесте примесь раковин. Поверхность сплошь покрыта узорами, нанесенными зубчатым штампом, оттисками отступающей лопаточки или прочерченными линиями. На некоторых сосудах эти приемы

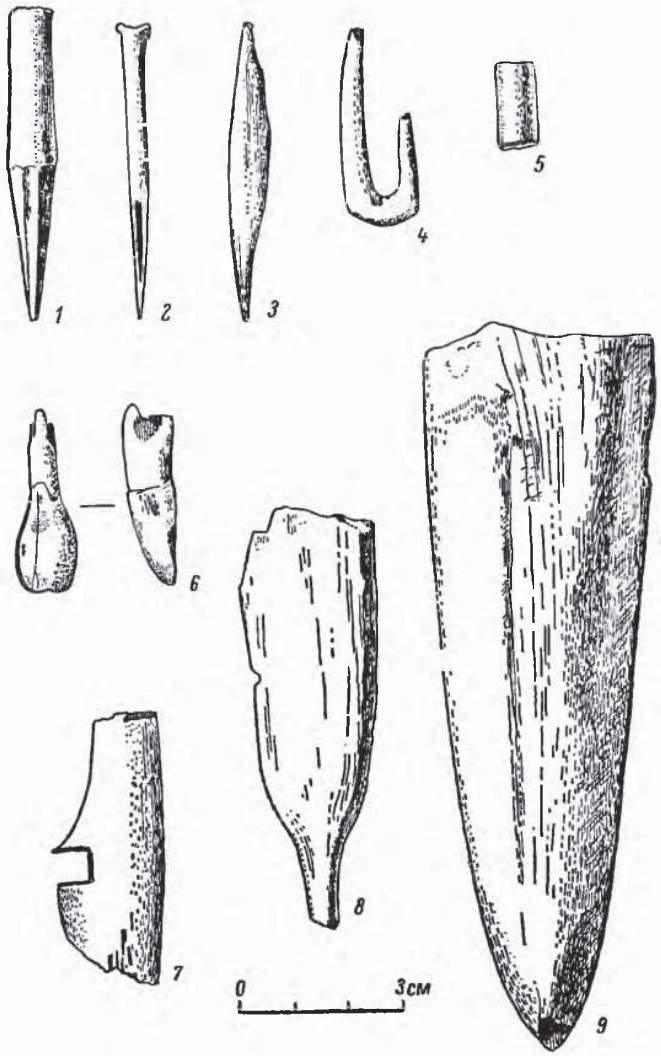

Рис. 2. Костяные орудия неолитических памятников бассейна р. Цны.

1—3 — острия; *4* — рыболовный крючок; *5* — обломок стерженька; *6* — зуб-резец млекопитающего; *7* — фрагмент гарпуна; *8, 9* — фрагменты мотыг или рогатин.

сочетаются. Орнаментация ямками полностью отсутствует. Аналогии данной керамике можно найти в неолитических комплексах с гребенчато-накольчатой керамикой многочисленных памятников рр. Северского Донца (Телегин, 1962б) и Дона (Формозов, 1954а).

Ближе всех к ней стоит керамика Подонья. В районе ст. Цимлянской (хут. Соленовский, хут. Малая Лучка, ст. Каргалинская и др.) стоянки дали керамику того же сероватого цвета и с такой же орнаментацией, что и керамика у с. Уварова на р. Вороне. По-видимому, в бассейн р. Вороны именно из этих районов вместе с продвинувшимися неолитическими племенами и проник указанный орнаментальный стиль. Стоянка у с. Уварова пока является самым северо-восточным пунктом находок этого типа керамики.

По всей вероятности, именно эта керамика и представляет собой наиболее древнюю из всех пока имеющихся типов керамики в Тамбовской области. О раннем возрасте говорит и высотное положение стоянки, ушедшей в настоящее время под воду. Ее возникновение было возможно лишь в более сухом климате, чем современный. Климат с известным уменьшением влажности падает на вторую половину III, всё II и начало I тыс. до н. э. (Асеев, 1959, стр. 183). Аналогии уваровской керамике в памятниках с гребенчато-накольчатой керамикой рр. Северского Донца и Дона, по-видимому, позволяют относить ее к IV тыс. до н. э.

Третьим районом расположения неолитических стоянок является бассейн р. Воронежа, у г. Мичуринска. Пока это единственная группа памятников, подвергшаяся раскопкам (две стоянки у с. Старое Торбеево, Подзорово и Глинище) (Фосс, 1959а, Левенок, 1969). В результате раскопок стоянка Подзорово дала материал, относящийся к эпохе неолита и бронзы. Однако на части площади поселения удалось выделить слой только с находками неолитического типа.[5]

Кремневые орудия на стоянке Подзорово чрезвычайно невыразительны. Это скребки небольших размеров и наконечники стрел лавролистной формы. Встречаются костяные орудия,[6] которые по аналогии с находками из других стоянок могут быть связаны с неолитическим слоем: 1) конические наконечники стрел, известные в стоянках деснинского и волго-окского неолита и в памятниках днепро-донецкой культуры севера Украины; 2) рыболовные крючки с небольшим жальцем; 3) обломки крупных многозубчатых гарпунов, иголок и шильев. Состав орудий характерен для охотничье-рыболовческого хозяйства эпохи неолита (рис. 2).

Неолитическая *керамика* представлена несколькими типами. Первый численно преобладающий тип — ямочно-гребенчатые сосуды, близкие к таковым из Окского бассейна, но имеющие ряд черт, по-видимому, специфических лишь для керамики неолитических племен лесостепных районов. Так, довольно своеобразны венчики у ряда сосудов, украшенные зубчатым штампом с внешней и рядом ямок с внутренней стороны. Форма венчика в большинстве случаев прямая, реже они косо срезаны и слегка утолщены. Ямки покрывают все тулово сосудов сплошь или отдельными зонами, часто поясами, чередующимися с поясами зубчатого штампа. Ямки глубокие, часто неправильной формы. В глиняное тесто примешана дресва.

[4] К сожалению, вся коллекция, собранная с этого поселения, состоит только из керамики.

[5] Коллекция хранится в ГИМ.

[6] Они найдены в той части культурного слоя, которая содержала смешанный комплекс предметов — эпохи неолита и бронзы.

Второй тип — крупные с прямыми стенками сосуды, составляющие менее 20%, орнаментированы оттисками отступающей лопаточки. Узоры, образованные ею, слагают горизонтальные полосы, ломаные линии и заполненные треугольники. Примесь к глине — шамот, в единичных случаях небольшое количество толченой раковины. Подобный тип керамики распространен в памятниках поздненеолитического времени северных районов Украины (Телегин, 1959).

Выделяется еще промежуточный между первыми и вторыми типами — с сочетанием узоров ямочно-гребенчатой и гребенчато-накольчатой керамики. Подобное явление не раз отмечалось рядом авторов для таких памятников, как Устье Оскола I и др. Сходство керамики стоянки Подзорово с керамикой соседних, более южных областей (Липецкая, Воронежская) и севера Украины заставляет относить этот памятник к эпохе позднего неолита.

Третий, самый немногочисленный тип керамики, встреченный на стоянке Подзорово, — сосуды с примесью толченой раковины сероватого цвета и рыхлой поверхностью, сплошь покрытые узорами в виде заштрихованных треугольников, нанесенных углом отступающей лопаточки. Эти фрагменты керамики (около 30 шт.) несколько необычны и ближе всего напоминают некоторые фрагменты со стоянки Уварово, с р. Вороны.[7]

Кроме стоянки Подзорово, в районе г. Мичуринска известен еще ряд поселений этого же типа: Глинище (Фосс, 1959а), Грамушка, Устье, Красиково и др.[8] Все эти стоянки дали небольшое число кремневых орудий и керамику двух типов (как в Уварове) — гребенчато-накольчатую и ямочно-гребенчатую.

В целом пока еще небольшие материалы с территории Тамбовской области позволяют все же сделать некоторые выводы. Так, позднемезолитические стоянки на р. Цне (Воскресенский Бугор, Дедов Бугор) по своей кремневой индустрии тяготеют к мезолитическим памятникам р. Оки (стоянки Борки, Елин Бор). Такая же общность в типах и форме кремневых орудий наблюдается в эпоху неолита.

Среди неолитических памятников древнейшими, по-видимому, можно считать стоянки с керамикой типа нижних горизонтов Долгого и Подзорова и лишь позднее — Уваровской, орнаментированной только отступающей лопаточкой и прочерченными линиями. Такого рода «чистые» комплексы следует связывать с проникновением в северные районы южных племен Донца и Дона (табл. 56, *1—12*).

Все остальные известные в настоящее время памятники рассматриваемой области, характеризующиеся сосуществованием двух типов керамики — ямочно-гребенчатой (преобладающей) и гребенчато-накольчатой, относятся, по-видимому, к эпохе позднего неолита. Они свидетельствуют о влиянии на племена с ямочно-гребенчатой керамикой (обитавшие в лесостепной полосе) племен днепро-донецкой культуры и о прямых контактах между ними. Для территории лесостепи довольно трудно установить точные границы отдельных археологических культур, поскольку в таких пограничных районах были постоянные продвижения племен к югу и северу, вызывавшие сложные процессы взаимовлияний, обмена и ассимиляций.

[7] Разведки Н. Н. Демина в 1927 г., ГИМ, колл. № 81308.

[8] Примечание от редакции: Следует отметить, что в 1965 г. В. П. Левенок на стоянке Подзорово обнаружил ранненеолитический слой на глубине 5.5 м. Возраст его определен методом C^{14} — 2820±60 до н. э. (Левенок, 1971).

V. ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ

Л. Ю. ЯНИТС

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭСТОНИИ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Западная и северо-западная Эстония вместе с островами представляет низменность с относительно ровным рельефом, которая в позднеледниковое время была под приледниковыми озерами, а позже частично затоплена трансгрессиями Балтийского моря. Почва здесь немощная и малоплодородная. Более высокая средняя и восточная Эстония имеет преимущественно моренный почвенный покров. Здесь с востока на запад проходит низина, которая на восточной границе республики смыкается с Чудским озером. Выше всего по рельефу (высшая точка — 318 м) — юго-восточная Эстония; между холмистыми возвышенностями ее по направлению с юго-запада на северо-восток проходит Выру-Харглаская низина.

В стране довольно плотная гидрографическая сеть. Кроме Чудского, в средней части южной Эстонии находится другое крупное озеро — Выртсярв; а также много небольших озер. Реки преимущественно невелики. В море впадает р. Пярну со множеством притоков (юго-западная Эстония). Из Чудского озера берет начало и впадает в Финский залив р. Нарва. Река Эмайыги соединяет оз. Выртсярв с Чудским озером, а по юго-восточной Эстонии протекает р. Выханду в Выру-Харглаской низине.

Неолитические поселения охотников и рыболовов были связаны с указанными водными бассейнами, а также и с морским побережьем (см. рисунок).

Климат Эстонии довольно влажный, однако в восточной части более континентальный, чем в западной. В атлантический период в стране началось усиленное заболачивание. К позднеатлантическому и раннесуббореальному времени (эпоха неолита) заболоченных мест, частично покрытых топяными лесами, здесь было уже довольно много. В районах с более высоким рельефом росли смешанные леса с преобладанием лиственных пород, распространялась также ель (особенно в суббореальный период). В западной и северо-западной Эстонии леса были реже, там встречалось больше сосны и дуба (Laasimer, 1965).

Некоторое представление о неолитической охотничьей фауне территории Эстонии дает найденный в поселениях остеологический материал[1] (Паавер, 1965). В материковой части важнейшей охотничьей добычей был лось, затем бобр и кабан. Из других крупных животных известную роль играли тур и медведь, в то время как благородный олень и дикая лошадь водились здесь, по-видимому, в меньшем количестве. С целью получения шкурок охотились и за небольшими хищниками — куницей и выдрой. Сравнительно мало в поселениях имеется костей волка, рыси, лисицы, норки, хорька, дикой лесной кошки, белки, барсука, косули, зайца, водяной полевки и ежа. На морском побережье очень важное место занимала охота на тюленей. В поселениях о. Саарема из всех костей млекопитающих кости тюленей составляют почти 90%. Здесь зафиксированы также кости морской свиньи.

Из птиц основными объектами охоты были утки. Остатков рыб обнаружено много и в первую очередь в поздненеолитических поселениях,[2] а в ряде поселений — кости болотной черепахи.

Территория Эстонии в эпоху неолита не совпадала полностью с ареалом ни одной археологической культуры, — неолитические культуры, памятники которых нам здесь известны, занимали значительно большую площадь.

Эстонский неолит представлен в основном материалами поселений (Янитс, 1959, гл. V; Jaanits, 1965, стр. 5—46). К настоящему времени открыто 17 поселений, из которых 16 в большей или меньшей мере исследованы. Культурный слой семнадцатого Пярнуского поселения (*11*),[3] по-видимому, смыт. Отсюда имеем лишь подъемный материал, полученный со дна реки. Изучены следующие поселения:

---

[1] Остеологический материал из неолитических поселений Эстонии определен главным образом К. Л. Паавером.

[2] К сожалению, видовой состав большинства из них до сих пор не определен.

[3] Цифры, указанные в скобках после названия памятника, обозначают номер, под которым он обозначен на рисунке.

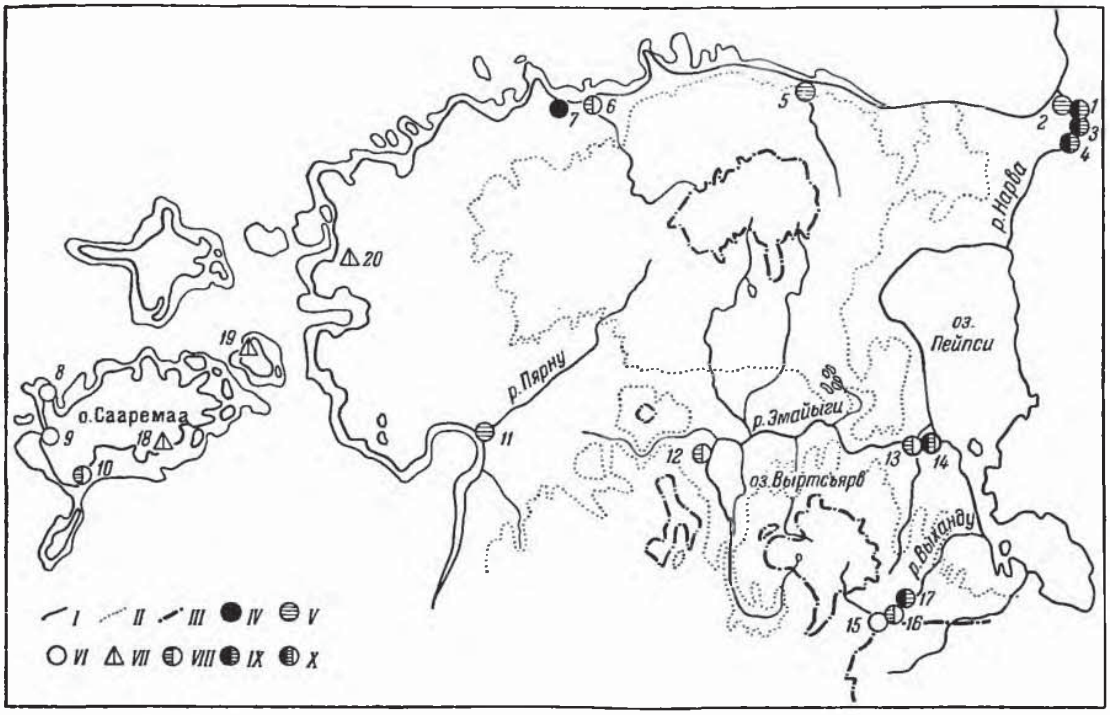
Нарва-Рийгикюла I—III (*1—3*), Нарва (*4*), Кунда (*5*), Ягала (*6*), Крооди (*7*), Ундва (*8*), Лоона (*9*), Наакамяэ (*10*), Валма (*12*), Кулламяги (*13*), Акали (*14*), Тамула (*15*), Вилла (*16*) и Кяэпа (*17*).

На большинстве поселений сохранился костный материал, чем обусловлен сравнительно большой удельный вес костяных предметов в инвентаре эстонских поселений. В некоторых из них (Нарва-Рийгикюла I и III, Валма, Наакамяэ и Тамула) есть погребения. Кроме того, имеются и отдельные могильники. Но лишь в одном из них — в Кыльяла (18) был найден датирующий материал, в то время как принадлежность к неолиту остальных — Метсику (19) и Ялуксе (20) — твердо не установлена. Наконец, на территории Эстонии обнаружены и случайные находки — каменные орудия (преимущественно долота из кристаллических пород) и единичные костяные предметы, которые, по-видимому, можно отнести к неолиту.

В настоящей статье под неолитом подразумевается эпоха, которая получает свое начало с появлением керамики. На территории Эстонии это произошло, по-видимому, примерно на рубеже IV и III тыс. или же в начале III тыс. до н. э.

Эстонский неолит можно разделить на три хронологических этапа: ранний, развитой и поздний, датируемые соответственно первой половиной III тыс., второй половиной III тыс. и первой половиной II тыс. до н. э.

Ведущие формы каменных орудий (табл. 57, *1—47*). Характерной чертой эстонского неолита, в особенности раннего, является малочисленность кремневых орудий и почти полное отсутствие крупных кремневых изделий, обусловленное малым количеством местного кремня, встречающегося в виде небольших желваков лишь на очень ограниченной территории — в районе северного побережья оз. Выртсярв. В силу этого топоры обычно изготовлялись из кристаллических пород, небольшие же каменные орудия — нередко из кварца.

Карта неолитических памятников Эстонии.

I — береговая линия Балтийского моря около 2000 лет до н. э.; *II*—горизонталь 50 м над уровнем моря; *III*—горизонталь 100 м над уровнем моря; *IV* — поселения с нарвской керамикой раннего неолита; *V* — поселения с типичной ямочно-гребенчатой керамикой развитого неолита; *VI* — поселения с гребенчато-ямочной керамикой позднего неолита; *VII* — могильники предположительно неолитические; *VIII* — пункты со смешанной культурой — поселения с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой; *IX* — поселения с нарвской и ямочно-гребенчатой керамикой; *X* — поселения с нарвской, ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. *1—3* — Нарва-Рийгикюла I—III; *4* — Нарва; *5* — Кунда; *6* — Ягала; *7* — Крооди; *8* — Ундва; *9* — Лоона; *10* — Наакамяэ; *11* — Пярну; *12* — Валма; *13* — Кулламяги; *14* — Акали; *15* — Тамула; *16* — Вилла; *17* — Кяэпа; *18* — Кыльяла; *19* — Метсику; *20* — Ялуксе.

Наконечники стрел (табл. 57, *1*, *8—10*, *27—32*). Из раннего неолита кремневых наконечников стрел мало. Отдельные экземпляры обнаружены лишь в поселении Кяэпа. Они изготовлены из тонких пластинок и ретушированы только по острому концу и черешковой части.

В поселениях развитого неолита число кремневых наконечников резко возрастает, а формы их становятся разнообразнее; они покрыты ретушью по всей поверхности. Особенно распространен тип, форма которого варьирует от заостренно-овального до ромбического (со многими промежуточными формами). Имеются также близкие к ним экземпляры с четко выработанным черешком.

На позднем этапе сохраняются типы, характерные для развитого неолита, но в общем наконечники становятся стройнее. Наряду с остроовальными появляются длинные, относительно толстые, ланцетовидные. Возрастает роль черешковых наконечни-

ков; на ромбовидных появляются по бокам очень острые выступающие углы. В качестве нового типа возникают треугольные наконечники с прямым или вогнутым основанием.

В поселениях позднего неолита встречаются отдельные сланцевые наконечники с ромбовидным или подтреугольным поперечным сечением, близкие к костяным наконечникам соответствующего типа.

Скребки (табл. 57, *2, 3, 11—15, 33—36*). В раннем неолите скребков немного. Материалом для них служили кварц и кремень. Кремневые орудия небольшие, короткие, преимущественно неправильной формы с более или менее скругленным рабочим краем с одной стороны. Среди кварцевых попадаются и крупные экземпляры, более аморфные, нежели кремневые, но имеющие аналогичное лезвие.

В развитом неолите скребки многочисленны. Они изготовлены почти исключительно из кремня, лучше обработаны, многие отретушированы по нескольким краям, а некоторые даже по всей поверхности. По форме они треугольные, овальные, округлые, четырехугольные и неправильных очертаний. Размеры их различны, в основном небольшие, иногда с вогнутым лезвием.

В позднем неолите продолжают оставаться те же формы скребков, но они уменьшаются в размере, часто становятся совсем маленькими. В поздненеолитических поселениях о. Саарема, где не было кремня, скребки делали по-прежнему из кварца, а более крупные скребловидные орудия — из порфирита.

Ножи (табл. 57, *4, 16—18, 37, 38*). Эпохе раннего неолита присущи отдельные ножи из кремневых пластинок. Длинный, совершенный по технике экземпляр с одним ретушированным краем и коротким широким черешком для прикрепления к рукоятке известен из поселения Кяэпа.

В развитом неолите кремневых ножей становится больше. Преимущественно это короткие и широкие ножи, с одним прямым слегка закругленным лезвием. В единичных случаях они снабжены немного вогнутым лезвием и острым концом. Некоторые экземпляры со скошенным лезвием и острым концом напоминают по форме известные ножи из клыков кабана.

Поздненеолитические ножи меньше по размерам и несколько хуже обработаны. На качестве орудий, по-видимому, сказался недостаток кремня.

Резцы и острия (табл. 57, *5, 19, 20, 39, 40*). В раннем неолите известен ряд кварцитовых угловых резцов различной величины, найденных в поселении Кяэпа. Для них характерен несколько выдающийся в одну сторону рабочий угол.

В поселениях развитого и позднего неолита резцы встречаются довольно редко, только из кремня и в общем нетипичны; обычно это угловые резцы. Кварцевые довольно близкие ранненеолитическим угловым, имеются в поздненеолитических поселениях о. Саарема.

В поселениях развитого и позднего неолита зафиксированы также различные кремневые острия. Отдельные экземпляры с тщательно отретушированным рабочим концом служили сверлами.

Рубящие орудия (табл. 57, *6, 7, 21—24, 41—44*). Из эпохи неолита известны лишь немногие крупные несверленые топоры, однако широко были распространены небольшие тесла и долота. Все крупные рубящие орудия сделаны из кристаллических пород. Для раннего неолита типичны слабо зашлифованные, в основном у лезвия, топоры и тесла, напоминающие мезолитические типы культуры Кунда, а также несколько лучше зашлифованные долота с поперечным лезвием.

Для развитого неолита характерно большое число довольно хорошо отшлифованных тесел и долот с поперечным лезвием, в большинстве случаев овальных, реже — прямоугольных в сечении. Среди последних представлен устойчивый, хотя и не очень многочисленный тип четырехгранных, толстых, с круто скошенным с одной стороны лезвием. Особо выделяются встречающиеся в небольшом количестве, но регулярно желобчатые и когтевидные долота.

В позднем неолите продолжали бытовать отдельные типы крупных топоров и долот, в общем аналогичные соответствующим экземплярам развитого неолита. Довольно многочисленны маленькие долотца с прямоугольным сечением, которые в некоторых поселениях, особенно в Тамула, обнаружены в массовом количестве. Многие из них выполнены из сланца, тщательно отшлифованы. Среди них сравнительно велико количество желобчатых и когтевидных долот.

Из прочих каменных орудий можно назвать не очень распространенные мелкие сланцевые грузила, которые в развитом неолите имели на концах зарубки, а в позднем — желобки для привязывания веревки (табл. 57, *25, 45*).

К оригинальным орудиям следует причислить когтевидные долота с вогнутой рабочей частью, расположенной перпендикулярно длинной оси, типичные для эпохи развитого и особенно позднего неолита, и орудия рыболовства. Помимо территории Эстонии, они особенно часто встречаются в Финляндии и на Карельском перешейке. На происхождение из этих областей указывает и материал (глинистый сланец) некоторых когтевидных долот, найденных в Эстонии (табл. 57, *26, 46, 47*).

Костяные орудия обнаружены на большинстве эстонских неолитических поселений (табл. 58, *1—36*). Особенно богаты ими поселения ранненеолитическое Кяэпа и поздненеолитическое Тамула. Относительно мало известно костяных предметов из поселений развитого неолита.

Ранненеолитические костяные наконечники стрел довольно разнообразны (табл. 58, *1—5*). В материалах поселения Кяэпа доминирует в основном тип, приближающийся к биконическому, сильно варьирующему как по длине и толщине, так и по форме поперечного сечения — округлого, подтреугольного, чаще всего несколько уплощенного. Самая толстая часть наконечника («центр тяжести») иногда находится ближе к переднему концу, иногда посередине, обычно же ближе к черешковой части. Однако наряду с такими наконечниками уже в раннем неолите появляется плоский иволистный тип.

В течение развитого неолита сохранились, по-видимому, оба основных типа (табл. 58, *15, 16*), однако биконические наконечники стрел численно

уменьшились, стали короче и более правильной формы.

В поселениях позднего неолита преобладают иволистные, в большинстве случаев довольно стройные наконечники стрел с заостренно-овальным, уплощенно-ромбическим или же подтреугольным поперечным сечением. У некоторых экземпляров резко сужается черешковая часть, а у других возникают слабо выраженные шипы. Имеются и отдельные тщательно отделанные биконические наконечники правильной формы (табл. 58, *26—28*).

Костяные наконечники копий или дротиков и кинжалы в неолитическом материале Эстонии довольно редки. Они происходят преимущественно из раннего или позднего неолита, в то время как до сих пор отсутствуют предметы, прочно датируемые развитым неолитом (табл. 58, *6, 7, 17—19*).

Из раннего неолита известны некоторые дротики стройных очертаний с заостренно-овальным сечением. Кинжалы тоже длинные, но, поскольку предметов мало, трудно выделить среди них какие-либо определенные типы.

В позднем неолите тип дротика остается прежним, но они короче и несколько шире, как и кинжалы, сделанные из расколотой трубчатой кости. Некоторые из них украшены нарезными штрихами.

Из раннего неолита известны лишь фрагменты наконечников гарпунов (табл. 58, *8*, *9*) от экземпляров с крупными односторонними зубцами. В тыльной части они имели отверстие для прикрепления веревки.

В развитом неолите удерживаются наконечники гарпунов с большими зубцами (табл. 58, *20*). В поселениях позднего неолита, в особенности прибрежных, встречается несколько большее количество наконечников гарпунов как крупных, так и более мелких, но всегда с редко расположенными зубцами (табл. 58, *29—31*). Имеются гарпуны (особенно в прибрежных поселениях), у которых на конце тыльной части вместо отверстия для прикрепления веревки расположен желобок. Наряду с наконечниками гарпунов существовали также наконечники острог с двусторонними зубцами.

Долота и долотообразные предметы (табл. 58, *10*, *11*, *21*, *32*). В раннем неолите были очень распространены предметы из расколотой трубчатой кости с коротким косо срезанным лезвием (орудия под углом в 45°). Имеются различные объяснения функции этих предметов, но ясности в этом вопросе пока еще не достигнуто. Наряду с ними попадаются широкие массивные долота из трубчатой кости, имеющие иногда слабый желобок у рабочего конца. Узких костяных долот мало.

В развитом неолите продолжали употребляться в небольшом количестве предметы из трубчатой кости с угловым лезвием; среди костяных долот доминировали экземпляры с узким рабочим концом.

В поселениях позднего неолита предметов из трубчатой кости с угловым лезвием уже нет, в то время как узких костяных долот встречается много.

Роговые предметы (табл. 58, *12*, *33*). Для раннего неолита характерны орудия из лосиного рога с хорошо отшлифованным лезвием, наклонно заточенным с одной стороны. В гораздо меньшем количестве они встречаются в поселениях развитого неолита. В позднем неолите также имеются соответствующие роговые орудия, но они крупнее и не так однородны по форме. Иногда у них лезвие более плоское, отточенное с двух сторон.

Всем этапам неолита свойственны роговые орудия с притупленным концом различной формы и величины.

Рыболовные крючки (табл. 58, *13*, *14*, *22—25*, *34—36*). На поселениях раннего неолита найдены некоторые бородки от составных крючков, с зубчиками, а также снабженные зарубками стержни. Из развитого неолита известен ряд рыболовных крючков с поселения Валма, сделанные в большинстве случаев целиком из одного кусочка кости. Стержни их округлой формы с небольшим утолщением в середине; есть также части составных крючков. Довольно много рыболовных крючков известно из поздненеолитического поселения Тамула. Наряду с составными крючками там имеются тонкие крючки с зубчиком, вырезанные из одного куска костяной пластины или кабаньего клыка.

Из прочих костяных орудий можно назвать шилья, широко распространенные на всех этапах неолита.

Ножи с острым концом, встречающиеся главным образом в развитом и позднем неолите, изготовлялись из клыков кабана. На всех этапах неолита в качестве единичных экземпляров встречаются плоские кочедыки, а также иглы для плетения сетей, имеющие различные формы.

Керамика. Неолитическая керамика Эстонии делится на три хронологические группы (табл. 59, *1—31*). Древнейшей является нарвская (табл. 59, *1—12*), которая относится к раннему неолиту, примерно к первой половине III тыс. до н. э. Она известна преимущественно с поселений восточной Эстонии Кяэпа, Акали, группа поселений на р. Нарве (Нарва-Рийгикюля I, III, Нарва), Крооди, а также со стоянок Латвийской ССР и более восточных и юго-восточных областей. Эту керамику сопровождает характерный комплекс костяных изделий, в то время как каменных и в особенности кремневых орудий мало.

В развитом неолите, по-видимому в третьей четверти III тыс. до н. э., стала применяться типичная гребенчато-ямочная керамика (табл. 59, *13—19*), обнаруженная в поселениях Нарва-Рийгикюла I, II и III, Нарва, Кунда, Ягала, Наакамяэ, Пярну, Валма, Акали, Кулламяги, Вилла и Кяэпа, т. е. в большинстве неолитических поселений Эстонии. Она была распространена также на территории Латвии и в некоторой мере на юго-восточном побережье Балтийского моря. Вместе с типичной гребенчато-ямочной керамикой широкое применение получили кремневые орудия и янтарь.

В конце III тыс. или на рубеже III и II тыс. типичная гребенчато-ямочная керамика уступает место поздней гребенчато-ямочной керамике — поселения Ягала, Наакамяэ, Ундва, Лоона, Валма, Акали, Кулламяги, Вилла и Тамула. В поздней гребенчато-ямочной керамике начинают выявляться местные особенности (табл. 59, *20—31*). На территории Эстонской ССР можно отметить наличие двух хронологически параллельных групп — в юго-восточной Эстонии (Тамула, Вилла, Акали, Кулламяги) и на

о. Саарема и в северной Эстонии (Наакамяэ, Ундва, Лоона, Ягала). Количество кремня уменьшается; на о. Саарема вместо него используется кварц и другие местные каменные породы. По-прежнему много костяных изделий и янтаря.

Поздняя гребенчато-ямочная керамика была в употреблении и в первой половине II тыс. до н. э. Во второй четверти II тыс. появляется также немногочисленная текстильная керамика.

В первой четверти II тыс. на территории Эстонии наряду с прибалтийской культурой гребенчато-ямочной керамики существует и культура шнуровой керамики, или ладьевидных топоров.[4]

Форма сосудов. Ранненеолитические глиняные сосуды были простые по форме, с острым днищем и расширяющимся горлом. Верхнее отверстие обычно широкое, край прямой, иногда утонченный, нередко же приплюснутый, у некоторых слегка отогнут наружу. Диаметр устья у крупных сосудов примерно 30—45 см, высота могла быть приблизительно такой же, но попадаются фрагменты и более мелких сосудов.

Наряду с этими типичными сосудами изредка имеют место небольшие низкие, овальные сверху глиняные миски с округленным, иногда немного заостренным гребневидным днищем (табл. 59, *12*).

В развитом неолите сосуды с типичным гребенчато-ямочным орнаментом имели котловидную форму с круглым или нередко слегка заостренным днищем (табл. 59, *19*). Кверху сосуд расширялся, иногда плавно до самого края, чаще же верхняя часть его (от половины до одной пятой) была одинаковой ширины или даже немножко суживалась. Край сосуда обычно более толстый, нежели стенка, и сплюснутый. Большинство сосудов большого размера (диаметр горла 35—50 см), реже среднего (диаметр примерно 20 см), применялись также отдельные миниатюрные сосуды.

Характерная для третьего этапа неолита поздняя гребенчато-ямочная керамика по размеру и общей форме такая же, что и типичная гребенчато-ямочная керамика, но изготовление сосудов часто менее тщательное, края обычно менее правильной формы (табл. 59, *31*).

Характер теста. Для нарвской керамики употреблялось глиняное тесто, в которое добавлялись толченые раковины, а возможно и некоторые растительные примеси, исчезнувшие при обжиге; часть сосудов — с примесью мелкого песка.

В состав глины типичной гребенчато-ямочной керамики в качестве примеси введена в большем или меньшем количестве дресва, значительно реже песок. В единичных случаях наблюдаются и другие примеси (возможно, растительные). Обжиг гораздо сильнее и равномернее, чем у нарвской керамики.

Состав теста поздней гребенчато-ямочной керамики менее однороден. При этом в различных частях Эстонии проявляются и местные особенности. В поселениях юго-восточной Эстонии в глиняное тесто вводились, по-видимому, растительные примеси, которые, исчезая при обжиге, порождали пористость. В качестве примеси использовались также и толченые ракушки. Часто сосуды сделаны из глиняного теста с примесью мелкого песка. Обжиг обычно немного слабее, чем у типичной гребенчато-ямочной керамики.

В составе теста поздней гребенчато-ямочной керамики поселений о. Саарема количество дресвы больше, чем у типичной гребенчато-ямочной керамики.

Орнамент. Для орнамента нарвской керамики наиболее характерны продолговатые, часто неправильные ямочки или насечки. На поверхности сосуда они нанесены в виде вертикальных или горизонтальных, а нередко диагональных рядов или групп. Иногда из таких вдавлений составлены широкие зигзагообразные зоны. Изредка встречаются вдавленные кружки или маленькие круглые ямки и длинные процарапанные линии, которые иногда идут параллельно, иногда же составляют узор в виде сетки.

Довольно часты узкие, обычно несколько дугообразные, слабо вдавленные отпечатки гребенки. Они расположены параллельными друг другу рядами или же в большинстве случаев в тесном зигзаге, по принципу так называемой шагающей гребенки, нередко настолько легкими и плавными движениями, что образуют как бы плавно-волнистую горизонтальную полоску.

Значительные по величине части поверхности без орнамента, как и совсем неорнаментированные сосуды, носят следы легкой штриховки, выполненной гребенчатым штампом (расчесы).

Орнаментация в целом, как и используемые штампы, очень разнообразна. Едва ли можно найти два одинаково украшенных глиняных сосуда.

Наиболее оригинальным орнаментом нарвской керамики является мотив так называемой шагающей гребенки, особенно тот ее вариант, где отпечатки образуют плавную полосу. Своеобразие нарвской керамики составляют и отверстия ниже края сосуда, просверленные после его обжига, сделанные, по-видимому, в целях починки.

Орнамент типичной гребенчато-ямочной керамики глубокий, очень тщательно нанесенный, состоит преимущественно из оттисков гребенчатого штампа и круглых ямок. Доминируют оттиски гребенчатого штампа различной длины и ширины. Интересно размещение узора горизонтальными зонами и чередование зон из гребенчатых вдавлений и ямок. Зачастую из гребенчатых оттисков составлены геометрические мотивы: ромбы, треугольники, зигзагообразные линии и пояса, образующие горизонтальные полосы. Приплюснутый и выравненный верхний край украшают гребенкой, иногда ямками. Рисунком обычно покрыта вся наружная поверхность сосуда до самого дна. Самым характерным орнаментом типичной гребенчато-ямочной керамики следует считать ромбы, составленные из вдавлений гребенчатого штампа.

Основные элементы узоров поздней гребенчато-ямочной керамики — также гребенчатые оттиски и ямки; орнамент более редок и небрежен. Иногда он не покрывает всей поверхности сосуда; имеются,

[4] В данном разделе она не рассматривается, так как в более южных областях родственные культуры ладьевидных топоров относятся уже к энеолиту или даже к эпохе бронзы. Но нужно отметить, что в поселениях с поздней гребенчато-ямочной керамикой прослеживаются некоторые влияния культуры ладьевидных топоров.

особенно в нижней части, довольно большие неорнаментированные участки. Геометрические мотивы сравнительно редки, но зональная структура сохраняется, хотя и не выдерживается так строго, как у типичной гребенчато-ямочной керамики. Среди гребенчатых вдавлений преобладают теперь узкие, значительно реже — оттиски своеобразных штампов с овальными или ромбовидными зубцами, а также линейные вдавления. Ямки в основном небольшие, различной формы и вдавлены слабее, чем в типичной гребенчато-ямочной керамике. На некоторых сосудах вдавлены рядами небольшие овальные ямочки, как бы имитирующие следы гребенки.

В поселениях о. Саарема чаще всего имеются сосуды, украшенные лишь ямочками; в меньшем количестве такие сосуды есть и в поселениях на материке. Заметна штриховка наружной поверхности, которая по сравнению со штриховкой нарвской керамики более беспорядочная; в особенности это часто у посуды, украшенной лишь ямками. Позднее, в эпоху раннего металла, штриховка наружной поверхности сосудов становится еще сильнее.

Наиболее характерным мотивом орнаментации поздней гребенчато-ямочной керамики являются составленные из оттисков гребенки (а иногда и из ямочек) вертикальные зигзаги.

В поселениях с поздней гребенчато-ямочной керамикой встречаются также отдельные черепки текстильной керамики.

Типы жилищ (табл. 68, *1*). В эстонских неолитических поселениях остатков жилищ известно очень немного. Остатки двух жилищ в поселении Нарва-Рийгикюла I (Гурина, 1955, 1967а) относятся, вероятно, к начальному этапу существования поселения и связаны, по-видимому, с ранним неолитом. Одно из них, сохранившееся частично, имело почти округлое дно, диаметром примерно 8 м, в то время как другое было овальное, размером 8×6 м. В южной части основания второго жилища находилась маленькая ниша, выход из жилища был, по-видимому, в восточной части, обращенной к реке, на берегу которой располагалось поселение. В обоих жилищах имелись очаги без камней. Основания жилищ были углублены примерно на 30 см в землю и имели, по-видимому, шалашеобразное перекрытие.

В поселениях, которые размещались на низкой сырой почве или вблизи грунтовых вод, например, Кяэпа или Акали, никаких непосредственных следов жилищ обнаружено не было. Здесь нельзя предполагать наличие жилищ с углубленными в землю основаниями.

В поселениях развитого неолита также отсутствуют остатки жилищ. Хотя в центральной части поселения Валма, которая целиком раскопана, найдено десяток очагов, следов углубленных в землю жилищ не обнаружено. Можно полагать, что жилые сооружения эпохи развитого неолита были наземные, без углубленных оснований, хотя по своей общей форме они могли быть близки к жилищам поселения Нарва-Рийгикюла I.

В поздненеолитических поселениях также не обнаружено остатков углубленных в землю жилищ, хотя более или менее полностью раскопаны два поселения (Наакамяэ и Лоона) о. Саарема. На поселении Тамула, расположенном на торфяной почве, сохранился целый ряд столбов, вбитых глубоко в торф и ниже его в озерный мергель. Часть их представляет, вероятно, остатки каркасов жилищ, что вновь указывает на наличие наземных жилищ типа шалаша.

Типы погребений и могильников (табл. 70, *1—3*). Неолитические погребения известны в Эстонии преимущественно на поселениях; по обособленным могильникам материала очень мало, при этом его довольно трудно точно датировать.

Меньше всего содержится сведений по раннеолитическим погребениям. Древнейшими известными нам неолитическими захоронениями на территории Эстонии являются, по-видимому, погребения в поселениях Нарва-Рийгикюла I и III. В поселении Нарва-Рийгикюла I найдено в обоих жилищах по одному костяку: в первом — мужской, во втором — детский (Гурина, 1955, стр. 111). Оба покойника были захоронены на спине, в вытянутом положении, головой на север, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Глубина залегания костяков невелика. Оба погребения отстояли на 1.5—2 м от очагов, находящихся в каждом жилище. В связи с захоронением костяков в культурном слое достоверность вещей, сопровождающих погребения, констатировать не удалось.

В поселении Нарва-Рийгикюла III был обнаружен детский костяк очень плохой сохранности.

Захоронения развитого неолита известны в поселении Валма (Янитс, 1959, стр. *39—40*). В северо-западной окраине поселения имеется двойное погребение мужчины и женщины в 2 м от очага, на небольшой глубине. Костяки лежали на спине, в вытянутом положении, мужчина головой на запад, женщина — на восток. Около мужского черепа — две костяные фигурки животных и кремневый скребок, на женском черепе — янтарная фигурка животного, около черепа кремневый ножик, а у левой плечевой кости кремневый резец.

В юго-восточной части поселения зафиксированы остатки детского костяка, начальное положение которого определить не удалось. Непосредственно над черепом видно пятно от небольшого кострища, по-видимому, связанного с погребением.

К переходной эпохе от развитого к позднему неолиту, по-видимому, относится погребение на западной окраине поселения Наакамяэ на о. Саарема (Jaanits, 1965, стр. 28, 29). Покойник похоронен на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток, со сложенными на животе руками. Под череп насыпана красная охра; у левой бедренной кости — костяное шило. Ранее на территории того же поселения был найден еще один костяк, сопровождавшийся подвесками из зубов животных.

К позднему неолиту относятся погребения в центральной части поселения Тамула (Jaanits, 1957, стр. 80—100), с остатками 24 костяков. Большинство их группировалось по 3—4 костяка недалеко друг от друга, меньшая часть размещалась отдельно. Вблизи некоторых групп находился очаг. Группировка костяков, а также их расположение около очагов указывают на возможность захоронения покойников внутри жилищ.

Положение костяков различное: 12 вытянуты на спине, 7 в более или менее скорченном виде, 5 костяков плохо сохранились, поэтому ничего определен-

ного о них сказать нельзя. Судя по глубине залегания в культурном слое и характеру могильного инвентаря, костяки в вытянутом положении можно отнести в общем к более раннему этапу существования поселения, чем скорченные.

Часть вытянутых погребений располагалась на ложе из ветвей, в отдельных случаях покрытых берестой. Эти костяки обращены головой на ЮВ или ЮЮВ и лишь два имели противоположную ориентировку. Среди могильного инвентаря этих костяков обнаружено множество различных подвесок, особенно просверленных зубов животных и маленьких пронизок из птичьих костей, которые явно были ранее прикреплены к одежде. Встречались также сделанные из кости подвески в виде человеческой головы или птицы и иной формы, а также одна фигурка змеи. В пяти погребениях найдены янтарные украшения, которые носили на груди или нашитыми на головные уборы, в особенности женщины и дети. Орудий труда в могильном инвентаре меньше. В некоторых погребениях присутствовали костяные наконечники стрел, шилья, маленькие каменные долота и кремневые скребки. Половину погребенных сопровождали необработанные кости животных и птиц, положенные с покойником, по-видимому, в качестве символа дичи.

Скорченные костяки имели различную ориентировку и положение, сопровождающих их вещей меньше. Янтарь найден лишь в одном погребении. Можно предположить, что обычай хоронить в скорченном состоянии возник под влиянием культуры ладьевидных топоров. Такое влияние проявилось также и в материальной культуре позднего этапа существования поселения Тамула.

К развитому или позднему неолиту относится также могильник в Кыльяла на о. Сааремаа, где на низком моренном бугре, окруженном заболоченными лугами, обнаружены остатки трех костяков (Hausmann, 1904, стр. 71—81; Fürst, 1914). Один из мужских костяков лежал на спине с одной вытянутой, второй согнутой ногой, головой на ЮВ. Кости и земля вокруг костяка окрашены красной охрой. На груди лежало 7 сланцевых колец и 5 просверленных зубов животных. Положение других погребенных определить не удалось. Ни сопровождающих вещей, ни следов охры около них не было. Можно предполагать, что вытянутые костяки, при которых обнаружены подвески из зубов животных, найденные в двух местах западной Эстонии (Янитс, 1952, стр. 56, 57), тоже относятся к неолиту, однако точно датировать их невозможно.

Итак, можно заключить, что для эстонского неолита типичны погребения, встречающиеся в небольшом количестве в поселениях, очевидно в жилищах или около них. Как правило, они в вытянутом положении и лишь в конце позднего неолита появляются скорченные захоронения. Наряду с погребениями в поселениях имелись, по-видимому, и отдельные могильники, но данных о них пока еще очень мало.

Предметов искусства и культа (табл. 60, *1—30*) из раннего неолита известно сравнительно мало. В поселениях Нарва-Рийгикюла I и III есть некоторые фрагменты изделий, украшенных своеобразным нарезным орнаментом, расположение которого напоминает орнамент нарвской керамики. С тех же поселений известны некоторые фрагменты изделий с зубчатыми краями, к которым можно присоединить и ряд резцов бобра с зубчатыми краями (подвески, гребенчатые штампы?), обнаруженные в поселении Кяэпа. Зафиксированы также просверленные подвески из зубов животных.

Для развитого неолита типичны небольшие пластические фигурки из кости и рога, глины, янтаря, изображающие животных, птиц, человека, янтарные подвески-пуговицы с V-образными просверленными отверстиями и др. Найдены сланцевые кольца и подвески, изготовленные из их фрагментов. Продолжали использоваться подвески из зубов животных.

Богатый материал известен из позднего неолита, в особенности из поселения Тамула и Лоона, в частности, миниатюрные фигурки (животные, птицы, человек, змея) из тонких костяных пластинок, используемые в качестве подвесок. Широко применялись также янтарные украшения, особенно пластинчатые подвески из янтаря и кости, подвески из зубов животных и пронизки из трубчатых костей птиц.

Антропологические данные. Антропологический материал по неолиту Эстонии пока еще не очень богат (Марк, 1956, стр. 43—65). Многие костяки плохо сохранились, что не дает достаточно данных для выводов, костяки же, найденные в течение последних 10 лет, еще не обработаны. Имеется детский череп из поселения Нарва-Рийгикюла I. Он долихокранный, с узким и высоким лицом, сильной горизонтальной профилировкой, лепторинным носом и явно европеоидного типа. Но в то же время мужской череп того же поселения — мезокранный, с широким и низким лицом, со слабой горизонтальной профилировкой лица, с широким носом, относительно грацильный. В основном к тому же типу можно отнести детский череп из поселения Нарва-Рийгикюла III.

Черепа поселения Валма, относящиеся к развитому неолиту, оба брахикранные. Мужской череп массивный, имеет большие размеры, широкое и высокое лицо, лепторинный и не очень выступающий нос. Назо-малярный угол у него очень большой — почти 150°. Женский череп малых размеров, у него очень слабая горизонтальная профилировка лица, нос мезоринный, но довольно сильно выступающий, назо-малярный угол также велик, проявляется сильный альвеолярный прогнатизм.

Из черепов поздненеолитического поселения Тамула исследовано шесть, в том числе три мужских, два женских и один детский. Они или мезокранные или брахикранные, массивные или более грацильные; по своим основным показателям они близки к черепам поселения Валма и двум мезокранным черепам из Нарва-Рийгикюла. По главным признакам к той же группе относятся и два черепа из могильника Кыльяла.

Кроме совершенно европеоидного детского черепа поселения Нарва-Рийгикюла I, всем другим упомянутым эстонским неолитическим черепам присуща известная монголоидная примесь, которая, правда (особенно у некоторых черепов поселения Тамула), очень слаба. По К. Марк, упомянутые черепа относятся к протолапоноидному типу.

Единственными достоверными древнейшими лингвистическими данными, связанными с территорией

Эстонской ССР, являются топонимы. Но их древнейший слой имеет здесь чисто эстонское или прибалтийско-финское происхождение.[5] Хотя и встречаются отдельные очень древние топонимы, лингвистическое происхождение которых еще не определено, все же не выяснено, происходят ли они от какого-либо древнейшего финно-угорского слоя или же имеют иное, неизвестное нам лингвистическое происхождение.

Хронология неолитических памятников Эстонии опирается на стратиграфические материалы. Кроме них, использованы в некоторой мере данные естественных наук (пыльцевой анализ, для поселений морского побережья — определение возраста древних береговых линий, в самое последнее время — радиоуглеродный метод).

Относительная хронология различных групп неолитической керамики — нарвской, типичной гребенчато-ямочной и поздней гребенчато-ямочной — выявляется яснее всего в стратиграфии культурного слоя поселения Акали (Янитс, 1959, стр. 26—65). То, что нарвская керамика древнее типично гребенчато-ямочной, подтверждает и стратиграфия поселений Нарва и Кяэпа. Данные с поселений Куллямяги и Вилла в свою очередь свидетельствуют, что типичная гребенчато-ямочная керамика древнее поздней гребенчато-ямочной. Доказательством этого являются также высотные расположения неолитических поселений о. Сааремаа, обусловленные последниковым поднятием земной коры. Древнейшее из этих поселений — Наакамяэ, где обнаружена как типичная, так и поздняя гребенчато-ямочная керамика, расположено на высоте 15 м над уровнем моря, в то время как поселения с поздней гребенчато-ямочной керамикой — Ундва и Лоона — соответственно на 13 и 12 м над уровнем моря.

Начало неолита в Эстонии датировано еще не достаточно точно. В поселении Нарва под неолитическим слоем, содержащим нарвскую и типичную гребенчато-ямочную керамику, находился позднемезолитический бескерамический культурный слой, отделенный местами от неолитического стерильной прослойкой. Древесный уголь, собранный с двух очагов мезолитического слоя, датирован радиоуглеродным методом 5820 ± 200 и 5300 ± 250 лет (Лийва, Ильвес, Янитс, 1965; Jaanits, 1965, стр. 42, 45; Лийва, Ильвес, Пуннинг, 1966). Таким образом, позднемезолитическое поселение в Нарве существовало еще во второй половине IV тыс. до н. э.

По палинологическим данным, поселение Кяэпа возникло в поздний этап атлантического периода, что подтверждает также и возраст образца торфа, взятого из нижнего горизонта культурного слоя, датируемого радиоуглеродным методом 4865±235 лет Тем же методом определен и возраст найденных в поселении Кяэпа кости лося и обугленной древесины — 4480±255 и 4350±220 лет. К сожалению, точно неизвестно, к каким горизонтам культурного слоя относятся эти образцы — связаны ли они хронологически с нарвской или же типичной гребенчато-ямочной керамикой. Что касается типичной гребенчато-ямочной керамики, то более точной датировки, опирающейся на методы естественных наук, у нас нет. Для определения возраста поздней гребенчато-ямочной керамики дает некоторые материалы поселение Тамула. По палинологическим данным, оно относится к суббореальному климатическому периоду. Радиоуглеродным методом установлен возраст найденных в культурном слое кости лося и сваи, вбитой в торф, — 4050±180 и 3600±180 лет. Можно предполагать, что эти даты отражают приблизительно верхнюю и нижнюю границы существования поселения. Радиоуглеродный метод дал также возраст кости лося из поселения Вилла (3570±240), но местонахождение ее в культурном слое долго существовавшего поселения, к сожалению, точно неизвестно.

[5] Сведения о топонимах территории Эстонской ССР мне любезно сообщил научный сотрудник института языка и литературы АН ЭССР, канд. филол. наук В. Палль.

Л. В. ВАНКИНА, Ф. А. ЗАГОРСКИС, И. А. ЛОЗЕ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЛАТВИИ

Значительные успехи в изучении неолита достигнуты на территории Латвии. В советский период в западной части республики исследовалась торфяниковая стоянка Сарнате, расположенная на восточном побережье Балтийского моря; на востоке Латвии открыт и раскопан ряд неолитических памятников в окрестностях оз. Лудзас. Особенно ценные материалы в последние годы получены при систематическом обследовании Лубанской низменности, где обнаружен ряд новых стоянок, относящихся к разным этапам неолита (см. рисунок).

Для раннего неолита на территории Латвии характерно возникновение керамического производства. По материальной культуре памятники раннего неолита здесь делятся на две группы — восточную и западную. Восточная (стоянки Оса, Ича, Двиете) входит в область нарвской культуры, распространенной помимо Латвии в центральной и восточной Эстонии (Кяэпа, Акали, Нарва-Рийгикюла I, III) и Приладожье. Однако по составу керамики стоянки восточной Латвии существенно отличаются, что заставляет отнести их к особому восточно-латвийскому варианту нарвской культуры.

Наиболее типичный и чистый материал раннего неолита получен на стоянке Оса (Лубанская низменность). По аналогии с ним выделяется и ранний комплекс в материале давно исследованных стоянок Ича и Двиете, а также в коллекциях из озер Лубанас и Лудзас.

Для этого периода характерна малочисленность *кремневого* и *каменного инвентаря* (табл. 61, *1*, *2*). На стоянке Оса найдены лишь один кремневый скребок и несколько кремневых пластинок со слабо ретушированными краями. Скребок изготовлен из маленькой ножевидной пластинки с ретушью на одном конце, ножи — из тонких кремневых отщепов с незначительной ретушью по краям. Наконечники стрел и копий не обнаружены. Редко попадаются также изделия из сланца и других пород камня. Имеются лишь небольшие фрагменты шлифованных каменных предметов. Очевидно, к раннему неолиту можно отнести каменный топор удлиненной формы, с симметричным лезвием и подчетырехугольным поперечным сечением — из могильника Звейниеки. Тыльная часть топора немного сужена (табл. 61, *3*).

Костяной инвентарь представлен многочисленными образцами (табл. 62, *1—9*). Наконечники стрел имеют несколько характерных форм, но преобладают экземпляры с коротким коническим острием, плоской расширенной средней частью и длинным, постепенно суживающимся черешком. Длина их варьирует от 6—20 см, поверхность очень тщательно обработана и имеет залощенность. Такие наконечники встречены на стоянках Оса, Ича, а также в коллекциях Лубанского, Лудзенского озер и в Двиете.

Вторую группу составляют наконечники стрел, изготовленные из массивных костяных отщепов удлиненной формы с овальным поперечным сечением. По-видимому, к раннему неолиту относятся и длинные, тонкие, игловидные наконечники стрел с небольшим утолщением, фрагменты которых найдены на стоянке Оса, а также наконечники копий.

Наконечники гарпунов с редкими зубцами с одной стороны и овальным стержнем представлены незначительными фрагментами. Единичны наконечники с одним маленьким зубцом у острия. Стержень их овально-поперечного сечения, с уплощенной тыльной частью. Этот вид наконечников, по всей вероятности, употреблялся как часть составной остроги.

Очень характерны для раннего неолита роговые тесла и мотыги из рогов лося или оленя со стоянок Оса, Ича, Двиете и в Лубанском и Лудзанском озерах. Длина предметов в среднем от 6—12 см. Лезвия асимметричны, подточены с одной стороны и сильно заглажены. На тыльной части видны следы отчленения от корня рога, боковые поверхности специально не обработаны.

Весьма типичны для раннего неолита орудия с острием, срезанным под углом в 45°, а также косо отпиленные эпифизы парнокопытных. Указанные орудия выделывались из метоподий путем распиливания вдоль, и только потом косым отпилом с внеш-

ней стороны удалялся эпифиз (Гурина, 1967а, стр. 126). Острие предметов сильно залощено, у некоторых в тыльной части оставлены эпифизы, у других они отсутствуют. Сильно залощено не только косое лезвие, но и примыкающая к нему часть длинной грани орудия. На стоянках встречаются разной величины и формы костяные долота и стамески с симметричным и асимметричным лезвием, различные острия, проколки из отщепов метокарпальных костей животных, кинжалы с подточенным острием из метаподий, а также рыболовные крючки разных размеров с прямым стержнем.

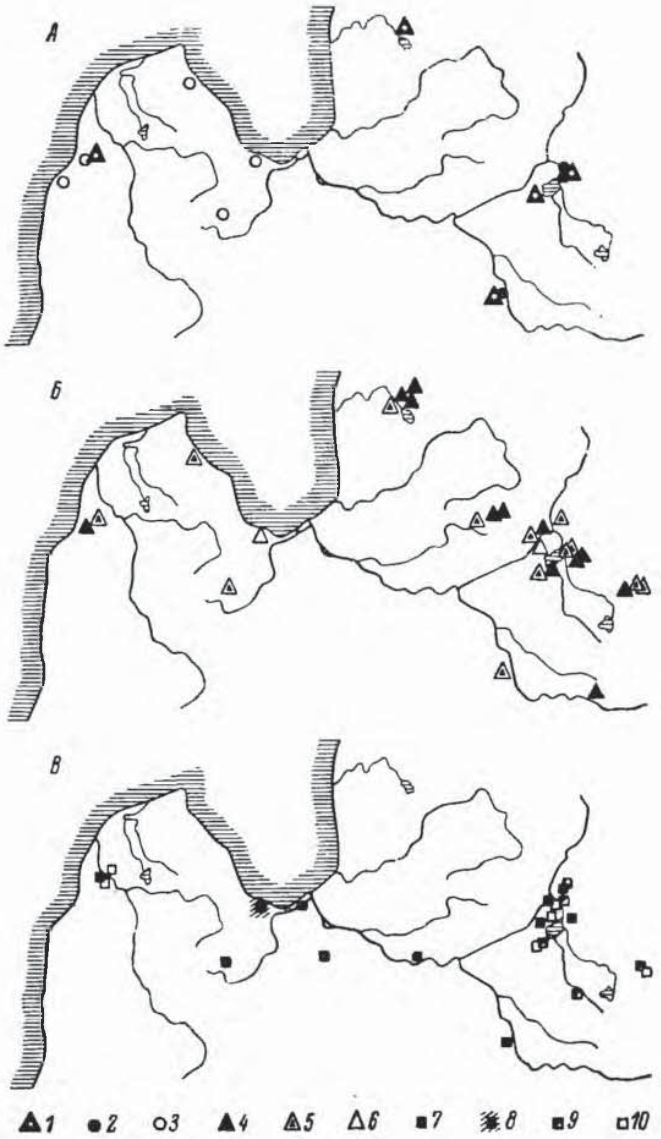
Керамика (табл. 63, *1—14*; 64, *1—16*). Для раннего неолита Восточной Латвии характерны сосуды двух типов — большие горшки, диаметром 30—40 см, с прямыми, не профилированными стенками и заостренным дном и маленькие овальные миски типа лодочек с округлым дном (табл. 63, *4—9*, *11—14*). Вся керамика изготовлена из глины с примесью растительности или толченой ракушки, которые при обжиге исчезли. Обжиг слабый, сосуды темно-сероватого цвета, изредка с черным нагаром. Стенки по направлению к венчику постепенно утончаются, край округлый, срезанный внутрь, прямой, гладкий или украшенный гребенкой и насечками.

Орнаментация керамики слабая. Основные элементы — мелкозубчатая гребенка прямой или чуть изогнутой формы, маленькие округлые ямки, прочерченные линии, изредка — гладкий штамп. Характерно, что в украшении каждого сосуда применялся только один элемент. Чаще всего он покрывает только верхнюю часть сосудов. Композиция орнамента в основном сводится к горизонтальным рядам оттисков, косо поставленной или горизонтальной гребенки, гладкому штампу или ямочкам; реже гребенка образует диагональные ряды, геометрические фигуры в виде треугольников или елочки. На некоторых сосудах с внешней и внутренней стороны нанесены грубые штрихи, очевидно, гребенчатым штампом или травой. В культурном слое поселения Оса найдены две почти целые миски. Длина одной 20.5 см, ширина 10 см, высота 4 см; второй — около 25 см, ширина 14 см, высота 6 см. Одна миска орнаментирована с обеих сторон наколами, образующими сложный геометрический узор.

Жилища на стоянках восточной Латвии почти не сохранились. Они, очевидно, были легкого наземного типа, от которых остались лишь отдельные, вбитые в материк колья диаметром 8—10 см. Для сооружения очагов использовался песок и тонкие жерди.

К раннему неолиту несомненно можно отнести отдельные захоронения в могильнике Звейниеки в северной Латвии. Погребения совершались в могильных ямах, вырытых в материковом грунте. Покойников клали в вытянутом положении на спине, ориентировка различная. Часть захоронения была засыпана красной охрой. Могильный инвентарь различен; кроме зубов животных — лося и кабана, найдены шлифованные каменные топоры и отдельные мелкие кремневые изделия.

Предметы искусства и культа (табл. 61, *5*) в стоянках раннего неолита восточной Латвии обнаружены в небольшом количестве и представлены в основном привесками и амулетами из зубов животных — кабана, лося, тура, благородного оленя. Имеются также шиферные кольца, найденные на стоянке Оса в двух фрагментах. Один четырехугольного поперечного сечения, орнаментированный мелкими насечками по краям, второй треугольный в поперечном сечении, острое ребро его также украшено мелкими зазубринами. Янтарных изделий на стоянках раннего неолита восточной Латвии нет.

Распространение мезолитических и неолитических памятников Латвии.

А — мезолит и ранний неолит; *Б* — средний неолит; *В* — поздний неолит. *1* — мезолит; *2* — ранний неолит; *3* — западный вариант раннего неолита с керамикой типа Сарнате; *4* — стоянки с типичной гребенчато-ямочной керамикой; *5* — стоянки с керамикой гребенчато-ямочной и типа Пиестиня; *6* — стоянки с чистым комплексом керамики типа Пиестиня; *7* — шнуровая; *8* — стоянки с керамикой, имитированной шнуровым узором и типа Абора; *9* — предполагаемые стоянки со шнуровой керамикой; *10* — стоянки с текстильной керамикой.

Датировка памятников раннего неолита методом естественных наук до сих пор не производилась. Для определения возраста использован сравнительный материал с соседних территорий — со стоянки Кяэпа, Нарва Эстонской ССР и др., для которых имеется датировка по C^{14}. По этим данным, ранний

неолит восточной Латвии относится к первой половине III тыс. до н. э., а возможно и самому концу IV тыс. до н. э.

На территории западной Латвии в первой половине III тыс. до н. э. существовала сарнатская культура (или западнолатвийский вариант нарвско-неманской культуры),[1] наиболее ярко выраженная в материале торфяниковой стоянки Сарнате. Вместе с тем она прослежена также на других стоянках западной Латвии — Пурциемс (раскоп С, Д, Ф) Талсинского района, Леясцискас Добельского района и Павилоста Лиепайского района. К югу эта культура встречается на территории Литвы и Калининградской области (Цедмар).

Наиболее богаты и разнообразны находки на стоянке Сарнате, поскольку торф способствовал сохранению деревянных предметов и остатков сооружений. Здесь проведены самые крупные раскопки. Для сарнатского варианта характерно небольшое количество *кремневых изделий*, лишь довольно много кремневых отщепов без следов обработки. Среди орудий заслуживают внимания маленькие скребки. На более позднем этапе существования этой культуры (середине и второй половине III тыс. до н. э.) появляются наконечники стрел ромбической и треугольной формы, с тщательной ретушью всей поверхности или только по краям. Наиболее часто использован кремень местного происхождения, серый, светлых и темных оттенков. Только изредка орудия изготовлены из кремня высокого качества.

Из сланцевых изделий встречаются некоторые долота с прямым лезвием и маленькие желобчатые.

Костяных предметов мало; в Сарнате — 2 фрагмента массивных односторонних гарпунов с редкими зубцами, шилья и долота из оленьего рога. Исключительный интерес представляют *деревянные орудия охоты, рыболовства и собирательства.*

Из охотничьего вооружения заслуживают упоминания деревянные копья (длиною до 1.8 м) с острием и черешком, изготовленные из целого дерева (табл. 62, *17*), луки (длиною 56—144 см) простого типа, бумеранги, пращи, а также лыжа.

В числе предметов, связанных с рыболовством, есть весла (табл. 62, *16*), сделанные чаще из ясеня, реже клена, длина лопасти весел 56—89 см, ширина 5.8—9.3 см, поплавки из сосновой коры и грузила трех видов: плоские морские гальки, мелкие гальки, завернутые в бересту, и обыкновенные камушки, остатки сети и верша, сделанные из сосновых лучин, а также лодки-челны. Все эти деревянные предметы обнаружены в жилищах сарнатской торфяниковой стоянки, но не исключена возможность, что подобными орудиями пользовались и обитатели других стоянок этой культуры, так, например, в Пурциемс найдены грузила для сетей.

В Сарнате почти во всех жилищах встречены деревянные колотушки для разбивания лесных и водяных орехов, возможно, что и деревянные мотыги связаны с собиранием корнеплодов, однако не исключена возможность, что они указывают на примитивное мотыжное земледелие (по крайней мере в конце существования этой культуры).

[1] Исследователи Латвии не пришли еще к единому мнению о точном наименовании памятников этого типа.

Керамика представлена двумя основными типами: горшками различной величины (от 5—7 см до 40—50 см в диаметре) и овальными мисками. Горшки сарнатского типа остродонные, края их имеют S-образную профилировку или же совершенно прямые, поверхность заштрихована как с внутренней, так и с наружной стороны (табл. 63, *1—3*, *10*).

Состав глины пористый, с остатками растительности или толченой ракушки, цвет темно-серый, поверхность покрыта черным нагаром. Технологический анализ черепков указывает на обжиг при температуре не более 500—600°.

Орнаментация сосудов очень скудная, обычно размещается в верхней части. Венчик всегда украшен узловидными оттисками различной формы и отпечатками, напоминающими оттиски веревки. Характерны сосуды совсем без орнамента и с волнообразной поверхностью; встречаются узоры из нерегулярной и круглой формы ямочек, ногтевые полоски, а на более позднем этапе существования этой культуры (вторая половина III тыс. до н. э.) и небольшие зубцы, нарезки.

Из общего количества черепков со стоянки Сарнате 72.82% не имеет совершенно орнаментации, 12.67 — с волнообразной поверхностью, 9.01 — с ямочками и 6% составляют прочие виды орнамента. Сходное явление наблюдается в других стоянках этой культуры.

Сравнивая культуры раннего неолита, западную (типа Сарнате) и восточную (типа Оса), можно констатировать ряд отличий в форме сосудов, элементах орнамента и технике изготовления. Сосуды типа Сарнате в основном с профилированной верхней частью и равной толщины стенками. Край венчика всегда орнаментирован, гребенчатый штамп отсутствует.

Для этой культуры (главным образом в середине и во второй половине III тыс. до н. э.) характерны янтарные изделия (табл. 62, *18—20*, *22*, *23*), симметричные и асимметричные подвески, кольца с небольшими отверстиями в середине, пуговицы с V-образными отверстиями на левой стороне (овальные, круглые и четырехугольные), цилиндрические пронизки. Встречаются целые мастерские, содержащие предметы, полуфабрикаты, совершенно не обработанные куски и осколки янтаря, свидетельствующие о процессе его обработки.

Предметы искусства представлены резьбой по дереву и графическими изображениями. Из предметов деревянной скульптуры заслуживают упоминания ложки с пластичными головками водоплавающих птиц (уток, гусей, лебедя) и животных (медведя) на конце рукоятки (табл. 61, *4*, *16*). Особенно замечательна миниатюрная деревянная мотыга с геометрическим цветным орнаментом. Образцом монументальной скульптуры можно считать деревянного идола, найденного на стоянке Сарнате в жилище А. Некоторые мелкие фрагменты орнаментированных костяных изделий обнаружены и на стоянке Леясцискас.

Для сарнатского варианта типичны четырехугольные в основе *жилища* столбовой конструкции (площадь 16—35 м²), с очагом посередине. Они устроены в торфе при помощи жердей диаметром

7—12 см, вбитых в материковую глину. Свободное пространство между жердями заполнялось плетенкой из сучьев, травой, тростником. Щели в стенах также затыкались сухой травой, листьями и другими материалами с целью удержать тепло. Крыша двухскатная, на что указывают один или два ряда столбов посередине сооружений, предназначенных для подпорки; она могла быть перекрыта корой, берестой или кожей. Для строительства обычно употреблялись породы лиственных деревьев — береза, ольха, ясень и орешник. Отдельные сосновые или еловые столбы открыты только на стоянке Сарнате в жилищах А, О, Т.

Некоторые жилища Сарнате датируются методом C^{14} первой половиной и серединой III тыс. до н. э. (ТА 4490±250 и 4700±250 от наших дней). Археологический материал говорит об обитании поселения вплоть до первой половины II тыс. до н. э.

Сарнатская культура раннего неолита, родственная, по мнению Л. В. Ванкиной, нарвской, продолжала существовать без изменений и в развитом неолите — во второй половине III тыс. до н. э.

Для развитого неолита Латвии характерно значительное увеличение количества стоянок. На них встречаются многочисленные предметы из кремня, в восточной части Латвии появляются изделия из янтаря. Для этих стоянок типична гребенчато-ямочная керамика, чуждая керамике предыдущего периода, что служит свидетельством прихода новых этнических групп.

Вместе с тем встречается и керамика другого вида — типа Сарнате (второй этап существования) и Пиестыня, которую генетически можно связывать с керамикой раннего неолита, однако испытавшую воздействие гребенчато-ямочной керамики (табл. 64, *1—7*). Стоянки с гребенчато-ямочной керамикой расположены по всей территории Латвии, но особенно многочисленны они в восточной и северной части ее — в Лубанской низменности, бассейне озер Буртниеки и Лудзас. В чистом комплексе гребенчато-ямочная керамика имеется только в некоторых стоянках — Личагалс, Виранес Звейниеки, Галаюканы (Лубанская низменность), Юриздика (бассейн оз. Лудзас), Звейниеки (бассейн оз. Буртниеки) и Сарнате II. Стоянки со смешанным комплексом — типичной гребенчато-ямочной керамикой и керамикой типа Пиестыня — встречаются в большом количестве. К ним относятся стоянки Лубанской низменности — Пиестыня, Ича, Рамславас, Найниексте, Сулька (табл. 64, *8—10*), устье р. Малмута, Лиезере и др., в бассейне оз. Б. Лудзас — Будянка, Крейчи; в бассейне оз. Буртниеки — Риннюкалнс, Кауленкалнс, Пантене, в юго-восточной Латвии — Двиете. В западной части Латвии смешанный комплекс керамики обнаружен на стоянках Леясциемс Д, Е.

Установить связь различных предметов с определенным видом керамики в этих памятниках довольно трудно.

По сравнению с ранним в развитом неолите относительно широко применялся кремень для изготовления различных орудий: наконечников стрел и копий, скребков, ножей (табл. 61, *6—13*) и др. Все кремневые изделия микролитического характера, что можно объяснить отсутствием высококачественного местного кремня.

Наконечники стрел и копий изготовлены из сравнительно тонких отщепов кремня листовидной или ромбической формы, а в конце периода — с чуть выраженным черешком; поверхность и края их тщательно отретушированы, длина в редких случаях превышает 3—5 см. Наконечники копий встречаются редко, они также овальные и ромбические, но с более грубой ретушью. Скребки на массивных отщепах часто концевые, но попадаются и боковые с прямым или вогнутым лезвием, а также скребки небольших размеров с ретушью по всему краю. Они округлые, овальные, подчетырехугольные или неправильной формы. В качестве режущих инструментов использовались ножевидные пластинки различной длины с частичной ретушью по рабочему краю, изредка более широкие тонкие пластинки с одним прямым и другим изогнутым лезвием. В отдельных случаях найдены комбинированные предметы, а также сверла. Резцов мало, и они не выразительны.

Из рубящих орудий (табл. 61, *14*) имеются в ограниченном количестве каменные и сланцевые долота (в основном только во фрагментах) с хорошо отшлифованной поверхностью, четырехугольным или округлым поперечным сечением, прямым лезвием, изредка встречаются желобчатые и когтевидные.

Из других каменных изделий следует отметить шлифовальные камни больших размеров и маленькие точильные бруски из песчаника с гладкими или фигурными краями, которые применялись для обработки костяных, роговых и янтарных предметов.

Изделия из кости и рога хорошо сохранились только на стоянках восточной и северной части Латвии (табл. 62, *10—13*). Они представлены наконечниками стрел, гарпунами, проколками, ножами, кинжалами, долотами и др. Для развитого неолита наиболее распространены наконечники стрел с биконической головкой и плоским черешком, а также листовидной формы, изготовленные из расколотых трубчатых костей. Наконечники гарпунов (в основном фрагменты) с односторонними редкими зубцами.

Для ловли рыбы использовались также составные и цельные рыболовные крючки. Долота — роговые, плоской формы, из расколотых трубчатых костей — с прямым или вогнутым лезвием. Широко применялись разные проколки, шилья, ножи, кинжалы.

Керамика, как было сказано выше, двух видов — типичная гребенчато-ямочная и типа Пиестыня. Гребенчато-ямочная изготовлена из бескарбонатной алевритистой глины с примесью песка или зерен искусственно раздробленного гранита или полевого шпата, изредка с органическими примесями. Средняя температура обжига 500—600°. Черепки желтоватого или сероватого оттенков. Сосуды преимущественно больших размеров, с круглым днищем котловидной формы. Диаметр у верхнего края — в среднем 30—40 см, высота — до 40 см, толщина стенок — 0.8—1.2 см. Верхний край сосудов тщательно оформлен — выравненный, слегка утолщенный, прямой или скошен внутрь и всегда орнаментированный. Узор покрывает всю поверхность сосудов и состоит из оттисков гребенки и ямок с преобладанием гребенки. Ямочный орнамент в чистом виде применяется редко. Кроме того, из элементов узора использованы отпечатки перевитого шнура, гладкий штамп, в редких случаях —штамп двойной гребенки

(рамчатый). В композиции преобладают горизонтальные пояса из рядов косо или вертикально поставленного гребенчатого, гладкого и рамчатого штампов, перевитой веревочки; между этими поясами расположены более редкие ряды ямок, опоясывающих сосуд. Часто употреблялся также образованный отпечатками гребенки и гладкого штампа геометрический орнамент: ромбы, треугольники, зигзагообразные линии. Стратиграфические наблюдения показывают, что гребенчато-ямочная керамика в восточной части Латвии следует непосредственно за керамикой раннего неолита.

Гребенчато-ямочная керамика на территории Латвии полностью аналогична гребенчато-ямочной керамике Эстонии, Ленинградской области и Восточной Финляндии.

Керамика типа Пиестыня в отличие от типичной гребенчато-ямочной изготовлена из глиняного теста, содержащего толченую ракушку (10—20%) и примесь травы (1—2%), оставившей при обжиге пустоты. Черепки темно-сероватого цвета, на некоторых сохранился черный нагар. Средняя температура обжига 400—500° С, реже 600—700° С. Сосуды котловидной формы, диаметром 20—40 см, высотой 30—40 см, с заостренным днищем. Толщина стенок — в среднем 7—9 мм. Край венчика прямой или чуть срезанный внутрь, ровный, либо с небольшим утолщением. Основные элементы узора — гребенка, гладкий штамп, прочерченные линии, небольшие ямки, перевитый шнур, изредка — полукруглые вдавления. В украшении каждого сосуда обычно применялся один из элементов.

Вся керамика типа Пиестыня орнаментирована, но преимущественно только в верхней части сосуда, большие участки между полосами украшений оставлены гладкими. Узор состоит из горизонтальных или диагональных рядов оттисков косо поставленной гребенки, перевитого шнура, ямочных и полукруглых вдавлений или гладкого штампа. Изредка поверхность сосудов покрыта геометрическим мотивом в виде ромбов, треугольников и многоугольников. Можно проследить два этапа развития керамики типа Пиестыня — ранний и поздний. Первый из них отчетливо виден на примере керамики из стоянки Пиестыня, поздний — на керамике из стоянки Крейчи. Соотношение отдельных элементов узора керамики из стоянки Пиестыня по горизонтам следующее: в верхней части культурного слоя гребенчатый орнамент составляет 40.3% всех черепков, гладкий штамп и прочерченные линии — 35.6%, ямочный — 19.4%, оттиски перевитого шнура — 8.7%; в нижней части культурного слоя черепки с гребенчатым штампом — только 22.5%, с гладким и линейным — 35.4%, с ямочным — 23.6%, с оттисками перевитого шнура — 18.5%. Таким образом, видно, что количество керамики с отпечатками гребенки увеличивается в более поздних горизонтах культурного слоя и одновременно уменьшается количество керамики с оттиском гладкого и линейного штампа, а также перевитого шнура. Изменяется и способ нанесения узора. Если на раннем этапе он наносился коротким и узким гребенчатым штампом, то на позднем отпечатки гребенки становятся длиннее, образуя разные геометрические фигуры, изменяются и другие элементы — оттиски перевитого шнура и линии. На более позднем этапе сосуды характеризуются утолщенным краем венчика и параллельной штриховкой на внутренней стороне.

Керамика типа Пиестыня, по стратиграфическим наблюдениям, лишь немного моложе типичной гребенчато-ямочной керамики. Она отчетливо прослеживается только в материалах из стоянок Восточной Латвии. В западной части страны в основном продолжает существовать западный или сарнатский вариант керамики — здесь отсутствует гребенчатый орнамент, но встречаются небольшие ямочки неправильной формы, отпечатки отдельных хорошо выделяющихся зубцов, столбиков, полукруглых, ногтевидных вдавлений.

Остатки *жилищ* развитого неолита почти не сохранились. По-видимому, к ним можно отнести лишь вбитые колья диаметром в 8—10 см, которые имеются на большинстве торфяниковых стоянок, однако форму и размеры жилищ по этим остаткам определить трудно.

В Сарнатском торфянике, в той части, которую следует связывать с развитым неолитом, открыты овальные возвышения из песка, длина которых достигает 13 м, ширина — 6 м. Эти песчаные площадки, вероятно, указывают на вид жилищ, имевших шалашевидную форму, с очагом посередине. В каждом из них найдена гребенчато-ямочная керамика.

Могильников развитого неолита до сих пор на территории Латвии не найдено. Возможно, к концу этого периода относятся два погребения в могильнике Крейчи, в засыпке которых обнаружена гребенчато-ямочная керамика. Оба умерших были погребены в могильных ямах, углубленных в материк, в вытянутом положении — один на животе, а положение второго, сильно разрушенного, определить не удалось

К предметам искусства и культа относятся костяные, янтарные и глиняные украшения и изображения людей и животных (табл. 61, *15*; 62, *15*, *18—23*). Со стоянки Звейниеки (бассейн оз. Буртниеки) есть два фрагмента скульптурных изображений человека, изготовленных из глины, которые связываются с культурой гребенчато-ямочной керамики. В Лубанской низменности на стоянках Найниексте и Сулька найдены глиняные изображения головы человека, в Пурциемс — целая человеческая скульптура из глины. Аморфная костяная скульптура человека или какого-то животного обнаружена на стоянке Ича.

Помимо человеческих известны также скульптуры животных, особенно лося — на стоянках Пиестыня и в устье р. Малмута. Попадаются также ножи или кинжалы, на рукоятках которых изображена голова лося (Оса, Риннюкалнс). В Иче найдены фигурки водоплавающих птиц, сделанные из янтаря и кости.

На стоянках развитого неолита восточной и западной Латвии широко распространены изделия из янтаря — привески, пуговицы с V-образным сверлением, цилиндрические пронизки, кольца. Особенно много янтарных изделий на стоянках Лубанской низменности — Ича, Пиестыня, Найниексте, Сулька, где происходила и обработка янтаря в мастерских. В стоянках бассейна оз. Лудзас янтарь имеется в малом количестве — только в стоянке и в могиль-

нике Крейчи. В западной Латвии янтарь встречается во всех исследованных стоянках.

Из других предметов украшений следует назвать кольца из сланца и песчаника (Звейниеки, Будянка, Крейчи); в качестве привесок-амулетов использовались также зубы диких животных — кабана, лося, медведя, а также пронизки из птичьих косточек.

Методом радиокарбона датирована только нижняя часть культурного слоя стоянки Крейчи, где в основном залегала керамика типа Пиестыня более позднего этапа (4020±300 лет от наших дней). По пыльцевой диаграмме эта часть стоянки относится к началу суббореального периода. Пыльцевой анализ сделан также для культурного слоя стоянки Пиестыня — конец атлантического периода.

ПОЗДНИЙ НЕОЛИТ

Памятники позднего неолита Латвии делятся на две группы: западную и восточную.

В памятниках западной части Латвии — стоянках Тояты, Рутениеки, Варнаскрогс, Леясбитены (а также отдельные находки Сарнате и Сисе) преобладает шнуровая керамика. Памятники восточной группы — стоянки Абора, Асна, Лагажа, Эйни, Лейманишки, а также Ича, устье р. Малмута, Крейчи, Двиете имеют смешанный керамический комплекс, включающий в себя, помимо шнуровой, и другие виды керамики (текстильную, имитированную шнуровую, пористую по массе).

Ведущие формы каменных орудий (табл. 61, *17—28*). Для поздненеолитического времени характерны следующие категории каменных изделий: кремневые наконечники стрел, скребки, ножи, проколки, клиновидные топоры, сланцевые долота и каменные сверленые боевые топоры.

Наконечники стрел треугольные, сердцевидные и черешковые. Скребки сделаны преимущественно из узких и продолговатых пластин, часть скребков этого типа имеет расширенное основание. В меньшем количестве встречены скребки подчетырехугольной формы, изготовленные на более крупных отщепах. Ножи продолговатые с закругленным концом и скошенной рабочей частью. Среди крупных рубящих орудий — кремневых клиновидных топоров выделяются две формы: топоры с толстым обухом и с почти прямоугольным поперечным сечением и топоры без специально выделенной обушковой части.

Сланцевые долота в основном двух типов — крупных размеров четырехугольной формы с прямым лезвием и миниатюрные, с закругленной лезвийной частью, по форме близкие к прямоугольнику или треугольнику, с симметрично или асимметрично скошенным лезвием.

Каменные сверленые боевые топоры по форме двух видов — типично ладьевидные, распространенные по всей территории Латвии, и простые ладьевидные, свойственные преимущественно западной и средней части республики. В отдельную группу выделяются также рабочие топоры так называемого аугземшского типа, характерные исключительно для восточной части Латвии (главным образом для конца неолита и ранней бронзы). Из костяных орудий в поздненеолитических памятниках Латвии распространены наконечники стрел и гарпунов, долота, проколки, шилья, ножи, кинжалы и рыболовные крючки (табл. 62, *13*, *14*, *24—29*, *32*).

Наконечники стрел преимущественно игловидные, биконические или листовидные. Игловидные имеют овальное или округлое поперечное сечение и плоский черешок. Общая длина предмета не превышает 15 см. Наконечники биконической формы делятся на две группы. Одну из них составляют короткие наконечники без специально выделенного черешка и конической головки, вторую — с непропорционально удлиненной по сравнению с черешковой частью биконической головкой. Для листовидных экземпляров характерно овальное поперечное сечение и специально выделенная черешковая часть.

Наконечники гарпунов представлены двумя типами. Один из них имеет крупные зубцы, размещенные по одной стороне, у другого — зубцы более мелкие, обычно расположенные только в верхней части орудия. У отдельных наконечников первого типа верхняя часть приспособлена в качестве долотца.

Большинство долот изготовлены из длинных расколотых вдоль трубчатых костей животных. Проколки, шила, кочедыки не отличаются по форме от изделий того же типа, встречаемых в культуре развитого неолита. Ножи сделаны из расщепленных вдоль метакарпальных костей крупных животных; некоторые из них имеют расширенную лезвийную часть, близкую по форме к листовидной.

Керамика поздненеолитических памятников восточной Латвии распадается на две основные группы: пористую по массе и керамику с примесью дресвы или песка. К первой из них принадлежат 1) текстильная, 2) со сплошным имитированным шнуровым узором, 3) орнаментированная отпечатками перевитого шнура, тонкой гребенки, линейными вдавлениями, прочерченными линиями и ямками. Вторую составляют 1) шнуровая и 2) с грубо оттиснутыми гребенчатыми и линейными вдавлениями. В западной части Латвии преобладает шнуровая керамика (табл. 64, *11—16*).

I группа. Текстильная керамика (стоянки Абора, Лейманишки, Эйни, Ича, устье р. Малмута, Асне, Двиете, Крейчи, а также отдельные черепки в Сарнате и Сисе) с примесью растительности или толченых ракушек характеризуется плоскодонными горшками, диаметром от 20 до 30 см, с отвесными или слабо выраженными S-образно профилированными стенками. У части сосудов более округлое тулово с заметно суживающейся шейкой. Поверх отпечатков ткани, равномерно покрывающих всю внешнюю поверхность сосудов, нередко нанесены узоры, состоящие из оттисков перевитого шнура, линейных давлений, кружков и неглубоких ямочек. Ямками изредка покрывается также срез края сосуда.

Керамика со сплошным имитированным шнуровым узором (стоянки Абора, Лейманишки, устье р. Малмута, Крейчи, Двиете, Ича) представлена в основном горшками с отчетливо выраженной S-образной профилировкой края. Некоторая часть сосудов имеет шаровидное тулово с сильно суженной короткой шейкой и отогнутым наружу краем. Диаметр горла колеблется в пределах от 22 до 40 см.

Другие формы выражены плоскодонными, небольшими чашами, открытыми мисками диаметром от 6 до 12 см и горшками с отвесными стенками и скошенным внутрь венчиком. Имитированные оттиски шнура расположены на поверхности сосудов вертикальными и горизонтальными изредка перекрещивающимися полосами. Иногда поверх этих оттисков (обычно в верхней части) нанесены неглубокие ямки, кружки, оттиснутые трубчатой костью, дугообразные насечки, линейные вдавления или оттиски перевитого шнура.

Керамика, покрытая тонкими отпечатками перевитого шнура, гребенки, линейными вдавлениями, прочерченными линиями или ямками, имеет форму плоскодонного горшка с прямыми или слегка утолщенными, иногда скошенными внутрь краями. Ширина горла не превышает 25 см. Однако для некоторой части этой керамики, преимущественно покрытой отпечатками перевитого шнура, характерна S-образная профилировка края. Композиция орнамента состоит из волнистых или горизонтальных линий, коротких оттисков, иногда расположенных в переменном направлении, и фигур ромбов. Эти узоры, сложенные отпечатками перевитого шнура, гребенки или линейными вдавлениями, прочерченными линиями, целиком заполняют поверхность или покрывают лишь верхнюю его часть. Иногда сосуды сплошь украшены отпечатками тонкого перевитого шнура, не только с внешней, но и с внутренней стороны, преимущественно в верхней части. На этом фоне наносились более крупные оттиски перевитого шнура, расположенные горизонтальными или волнистыми линиями вокруг шейки сосуда.

II группа. Шнуровая керамика (стоянки Абора, Асне, Лейманишки, Ича, Двиете, Тояты, Рутеники, Варнаскрогс, Леяс-Битены и Леясциекас) подразделяется на несколько более мелких подгрупп, представленных сосудами 1) с нарезным орнаментом, 2) со шнуровыми оттисками или 3) заменяющими его поясами линейных вдавлений, 4) с узорами, нанесенными в технике глубокого накола, и 5) с широкими и глубокими отпечатками шнура.

Керамика с нарезным орнаментом состоит из плоскодонных кубков с еле намечающейся S-образной профилировкой края. Диаметр их горла колеблется от 9 до 20 см. К глине примешан песок или толченый гранит. Основной элемент орнамента — нарезные линии, расположенные в переменном направлении, покрывающие сосуд только в верхней части.

Сосуды со шнуровыми оттисками имеют характерную S-образную профилировку края и плоские днища. Диаметр горла не превышает 20 см. Глиняное тесто с примесью песка или толченого гранита. Орнамент, нанесенный только в верхней части сосуда, состоит из длинных, в несколько рядов опоясывающих сосуд оттисков шнура, изредка дополненных небольшими ямками, прочерченными линиями или насечками.

К этой подгруппе близка керамика с поясами линейных вдавлений, имитирующими шнуровые оттиски; однако ее тесто в отличии от предшествующей содержит только примесь песка. Между полосами линий иногда вкраплены небольшие наколы.

Керамика, покрытая узором, нанесенным посредством техники глубокого накола (Tiefstich), сделана из пористой глиняной массы; по форме это плоскодонные амфоры с сравнительно длинной и прямой шейкой. Орнамент состоит из горизонтальных полос, образованных мелкими вдавлениями.

Керамика с грубыми шнуровыми оттисками, опоясывающими сосуд вокруг шейки горизонтальными или волнистыми линиями, вылеплена из глиняной массы с примесью толченого гранита. Сосуды этого типа имеют небольшую шейку, слабо выраженный S-образный профиль и плоское днище.

Последнюю керамическую группу в поздненеолитических памятниках восточной Латвии составляют плоскодонные сосуды с узорами, составленными из оттисков гребенки или линейных вдавлений, нередко образующих ромбы. Сосуды этой группы имеют несколько форм. Чаще всего встречаются горшки со слабо профилированными стенками, суженной шейкой и отогнутым наружу краем, реже — с совершенно прямыми стенками. Материалом для сосудов служила исключительно грубая глиняная масса с примесью дресвы. Композиция орнамента состоит из гребенчатых и линейных оттисков, расположенных в переменном направлении, в виде зигзагообразных или горизонтальных лент, но чаще всего эти оттиски, перекрещиваясь, образуют ромбические узоры (сетку, ромбы).

В целом в поздненеолитической керамике восточной Латвии преобладают пористые по массе сосуды — черепки от них составляют 92.5% общего количества фрагментов, причем из этого числа 15% принадлежит текстильной, 10% — керамике, покрытой сплошь сеткой, имитированной шнуровыми оттисками, 67.5% — керамике с орнаментальными мотивами из отпечатков гребенки, перевитого шнура, линейных давлений, прочерченных линий и ямок. Более незначительный процент составляет шнуровая керамика (4.5%) и грубая по массе керамика с гребенчатыми и линейными узорами (3%). Для западной части Латвии, изученной гораздо слабее в археологическом оношении, господствующей является шнуровая керамика.

Типы жилищ. В позднем неолите на территории Латвии существовали наземные жилища столбовой конструкции (Лейманишки, Абора, Лагажа), планировка сооружений которых прослеживается по следам от столбов, врытых в материк — округлых ямок, или остаткам самих столбов и кольев, диаметром от 10 до 40 см. Судя по расположению ямок в материковой части грунта, для жилищ типична прямоугольная форма. Очаги, сложенные из небольших валунных камней, в плане округлые (0.50×1.00 см).

Типы погребений и могильников. Для памятников позднего неолита характерны два типа могильников: захоронения на стоянках (Абора, Рутениеки) и вблизи стоянок (Крейчи). Первые расположены непосредственно в культурном слое (глубиной 0.20—0.50 м), без специально вырытых в материке ям. Могильные ямы (глубиной 0.30—0.90 м) свойственны лишь второму типу могильников. Погребальный обряд — трупоположение. Встречены одиночные и парные погребения (из 46 погребений 24 одиночных и 11 парных). Отмечены три вида захоронений: вытянутые — 27, скорченные — 7 и сидя-

щие — 4. Ориентировка погребений различна. Однако больше половины из них положены головой на Ю, ЮВ (из 39 — 19), остальные ориентированы на СВ, Ю—С, С, СЗ и Ю.

Погребальный инвентарь состоял из янтарных украшений: пуговиц с V-образно просверленными отверстиями, подвесок, пронизок и костяных подвесок, просверленных зубов животных, кремневых, костяных и шиферных наконечников стрел, кремневых ножей и прочих изделий.

Предметы искусства и культа поздненеолитического времени — это фигурки и подвески, вырезанные из кости, образцы мелкой глиняной пластики, костяные изделия, покрытые нарезным орнаментом и янтарные украшения (табл. 61, *29*, *30*; 62, *31—38*).

Костяные фигурки — в виде пластинок или объемистых скульптур. Основными сюжетами служила водоплавающая птица, животные, рыбы или пресмыкающиеся. Водоплавающая птица — гусь, утка и лебедь (Лейманишки, отмель Лубанского озера, Лагажа) встречаются на предметах утилитарного назначения, изготовленных из костяных пластинок в виде рукоятки ножа или кинжала. Из тонкой костяной пластинки вырезана фигурка, изображающая бегущего животного с вытянутой вперед длинной шеей (Абора). Объемные скульптурки в виде головы рыбы-щуки (Абора), являющейся частью предмета бытового назначения, и гадюки с характерной для нее зигзагообразной линией на спине (Абора) принадлежат к кругу наиболее выразительных образцов поздненеолитического искусства этой территории.

Серийно представлены костяные пластинчатые подвески в виде трапеций неправильных очертаний, лунниц и плоских кружков, покрытых нередко мелкими зазубринами по краю (Абора).

Графический рисунок, выполненный путем мелких нарезок, насечек, небрежных штрихов и перекрещивающихся линий, составляющих строгие композиции, применялся большей частью на предметах бытового назначения (ножи, игольники и пр.). Графически исполнен также ритмический орнамент из 4 двойных полукругов, симметрично расположенных на тонкой фигурной костяной пластинке (Лагажа).

Мелкая глиняная пластика представлена изображением человеческой головы (Абора) и фигурой дикого кабана (Лагажа).

Янтарные изделия, составляющие 1/4 всего инвентаря стоянок, включают подвески, пуговицы с V-образными просверленными отверстиями, цилиндрические пронизки, «срединные части» для скрепления ожерелий и фигурные украшения.

Янтарные подвески имеют асимметричную удлиненную форму, иногда со слегка скошенным нижним краем. Отверстия у последних нередко проходят через верхнюю и боковую стороны. Для пуговиц с V-образным сверлением отверстий типична округлая и четырехугольная форма с плоско-выпуклым поперечным сечением. Пронизки в основном цилиндрической формы, реже бочкообразные и кольцеобразные. «Срединные части» для скрепления ожерелий наиболее часто имеют вид плоского кружка с двумя отверстиями посередине; фигурные украшения в виде сердцевидных подвесок.

Абсолютная и относительная датировка. Появление текстильной, имитированной и обычной шнуровой керамики на территории Латвии, судя по стратиграфическим наблюдениям над отдельными памятниками, относятся к наиболее поздней стадии развития керамики типа Пиестиня — к началу II тыс. до н. э. Стратиграфически прослеживается также появление поздней шнуровой керамики и грубоватой керамики с гребенчатыми оттисками и линейными вдавлениями, образующими сетку, не ранее начала третьей четверти II тыс. до н. э.

Радиокарбоновые датировки стоянки Лейманишки 3370+200 (ТА-27) и 3970+250 от наших дней (ТА-23) и Абора 3870±70 (ЛЕ-671) разрешают отнести этот культурный комплекс к тому же отрезку времени. С этими датами согласуются также палинологическая датировка стоянок (Абора и др.) суббореальным климатическим периодом.

Р. К. РИМАНТЕНЕ

НЕОЛИТ ЛИТВЫ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Неолитическая культура Литвы и Калининградской области сформировалась на основе позднемезолитической микролито-макролитической культуры, которая была распространена на огромной территории от Ютландии до побережья Балтийского моря, полосой приблизительно между Припятью и Неманом и дальше на восток. Она генетически связана с древними местными традициями и культурой Маглемозе.

Хотя в настоящее время и нет возможности определить точные границы различных вариантов внутри этого большого ареала, все же удается уловить известные территориальные особенности. Так, например, в самой западной части указанной территории (Ютландия, северная часть Германской низменности) рядом с овальными топориками и клиньями в позднем мезолите встречаются лишь трапециевидные наконечники стрел, а в самой восточной — вместе с очень сходным макролитическим инвентарем попадаются лишь свидероидные наконечники. Средняя же полоса, в которую входит и территория Литвы, характеризуется наличием обеих упомянутых типов наконечников стрел. Но в Литве указанная культура не одинакова. Микролито-макролитическая с основным кремневым инвентарем занимает главным образом лишь южную и восточную Литву, богатую высококачественным кремнем. В то же время в западной Литве и Калининградской области преобладают костяные орудия, типы которых связываются с типами культуры Маглемозе. Как показывают исследования неолитических стоянок Литвы, эта разница не является случайной, так как и в раннем неолите ясно можно различить две отдельные группы.

Одна занимает западную Литву, Калининградскую область и западную Латвию. Она входит в западную группу нарво-неманской культуры. Вторая группа распространена в юго-восточной Литве и соединяется с культурой Белорусского Понеманья (верхненеманская культура). Она имеет связь с некоторыми вариантами поздней днепро-донецкой культуры, а также, без сомнения, и с нарво-неманской. Границы этих обеих групп пока не четкие. В позднем неолите (в конце III и начале II тыс. до н. э.) обе группы сливаются под воздействием шнуровой керамики, в результате чего создается культура, в которой, однако, сохраняются некоторые различия обеих групп.

Географическая среда. В эпоху неолита климат Литвы был относительно теплым. На пыльцевых диаграммах с начала литоринового периода сильно повышается кривая количества пыльцы широколиственных деревьев (Гуделис, 1957, стр. 170; Kabailienė, 1959, стр. 481, 482). Влажность климата была незначительной. В это время формируется Куршская коса, зарастающая широколиственным лесом (Гуделис, 1957, стр. 120). Для жизни неолитических людей здесь создаются благоприятные условия.

Однако на протяжении этого времени следовало несколько чередующихся увлажнений и усушений климата Прибалтики и изменений уровня Балтийского моря (трансгрессии Литоринового моря), отразившихся на топографии неолитических стоянок.

Для IV тыс. до н. э., после первой литориновой трансгрессии, характерен сухой климат и низкий уровень воды (стоянки Серово А и Д, Дубичай 3 и др. в Литве). Во время второй литориновой трансгрессии стоянки раннего неолита находятся на первых надпойменных террасах.

В III тыс. до н. э. устанавливается сухой климат, на протяжении которого отмечаются особенно засушливые этапы. К этому времени относятся так называемые свайные постройки Мазурских озер, а также стоянки на островах в Калининградской области (Bohne-Fischer, 1941, стр. 57). Самые ранние стоянки со шнуровой керамикой возникают на первых надпойменных террасах и пойме рек, что указывает на их возраст до третьей литориновой трансгрессии.

Уровень грунтовых вод значительно повысился в эпоху третьей литориновой трансгрессии. Низкие берега и устья больших рек, впадающих в море, —

Вислы, Немана, Ногаты стали необитаемыми (Engel, 1935, стр. 182, 324; Bohne-Fischer, 1941, стр. 70—73). К этому времени относятся многие поселения культуры шнуровой керамики на Куршской косе, у Эльблонга, располагавшиеся на высоких (Н=20 м) берегах Рыбачьего залива напротив косы (Bohne-Fischer, 1941, стр. 90—92), Толкмицко (Ehrlich, 1940, стр. 44—56), Жуцево (Kostrzewski, 1931, стр. 64) и др.

В это же время в низовьях р. Нямунас (Неман) и Нярис (Вилия) неолитические стоянки встречаются на третьей надпойменной террасе (Вилькия, Линкува, Миткишкес, Русяй, Радикяй), а в южной Литве — на второй (Нятесос 1).

После третьей трансгрессии, в самом начале II тыс. до н. э., стоянки размещаются опять на поймах (Швянтойи 1, Линупис 1).

Ведущие формы каменных орудий (табл. 65, *1—62*). В юго-восточной Литве для раннего неолита типичны наконечники стрел свидероидной формы (табл. 65, *1*, *2*, *4*). Они коротки, с хорошо выраженным черешком, но есть и без черешка, со слабо ретушированной спинкой. В стоянках с наиболее ранней керамикой — Дубичай 2 и 3 (Римантене, 1966а, стр. 55), Эжяринас 23 (Jablonskyte-Rimantiene, 1969) и другие — наконечники стрел почти не отличаются от мезолитических. Вместе с тем похожие формы доживают иногда и до шнуровой керамики.

Ланцетовидные наконечники стрел — ножевидные пластинки с ретушированной спинкой, известные в Литве еще со времени мезолита, имеются также почти в каждой неолитической стоянке.

Трапециевидные (поперечные) наконечники стрел (табл. 65, *3*, *6*, *7*), появившиеся во второй половине мезолита, вначале еще достаточно аморфные, в раннем неолите относительно редки, но в развитом и в позднем становятся одною из ведущих форм. В западной Литве и в Калининградской области кремневых наконечников стрел в стоянках раннего неолита обычно нет, их заменяют костяные наконечники.

Лишь в поздние периоды неолита на всей территории Литвы и Калининградской области распространяются сердцевидные (треугольные) наконечники стрел, пришедшие совместно со шнуровой керамикой. Независимо от характера сопровождающей их керамики они варьируют в деталях — изредка правильно треугольных очертаний (табл. 65, *43*), чаще с выемкой в основании (табл. 65, *48*). Они обычно ретушированы сплошь, реже только по краям. Но такая разница в обработке, по-видимому, не является хронологическим показателем. Сердцевидные наконечники обычно невелики (8—22×7×15 мм), но на стоянках южной Литвы есть и довольно крупные (до 40×35 мм), причем их обработка становится небрежной.

Наконечники с черешком (табл. 65, *42*, *44*, *47*) бывают с шипами и без них. Стрелки с шипами имеют очертания сердцевидных, но с прибавлением черешка; наконечники без шипов приближаются к ромбовидным. Все наконечники с черешком относятся к концу неолита и к бронзовому веку.

Наконечники чисто ромбической формы очень редки.

Наконечники копий (табл. 65, *8*, *9*, *30*, *31*, *50*, *51*) иногда по форме напоминают наконечники стрел, поэтому некоторые крупные экземпляры сердцевидных стрел южной Литвы, по-видимому, следует отнести к наконечникам копий. Специфической формой наконечников копий является лавролистная. Эти формы распространены в Литве и Калининградской области. Их немного, и обработка их небрежная. Находят их обычно со шнуровой керамикой, что свидетельствует об их позднеолитическом возрасте. Еще реже наконечники копий бывают вытянутой треугольной формы. Наконечники копий с более или менее выраженным черешком типичны для северо-восточной части Литвы. Их следует объяснять влиянием восточных областей.

Скребки (табл. 65, *10—12*, *32*, *33*, *52—54*) в позднем мезолите во всей Литве мелкие, изготовленные из частей пластинок, с узкими лезвиями. Эти же формы переходят и в ранний неолит. Скребки часто заменяют ретушированные отщепы. В позднем неолите скребков становится больше, но их формы заметно не изменяются.

Резцы (табл. 65, *13*, *14*, *34*, *35*, *55*) тоже переходят из мезолита, они встречаются обычно лишь в юго-восточной Литве, напоминая иногда в раннем неолите даже палеолитические формы, в позднем — только на углу сломанной пластинки.

Ножами (табл. 65, *15*, *16*, *36*, *37*, *56*, *57*) в раннем и развитом неолите служили ножевидные пластинки с узкой ретушью по краям. В конце неолита в качестве ножей служили широкие пластины полулунной формы, обработанные плоской отжимной ретушью, напоминающие ножи начала бронзового века.

Топоры овальной формы, одно из наиболее характерных орудий мезолита Литвы, были известны со времени анцилуса. Почти тождественные, но меньшего размера, не шлифованные, имелись в ранненеолитических стоянках юго-восточной Литвы (табл. 65, *17—19*, *38*, *39*, *58—60*).

Шлифованные кремневые топорики составляют приблизительно 1/3 всех шлифованных топоров без отверстий, найденных в Литве, а 2/3 приходится на топоры, изготовленные из уралитового порфирита и диабаза. Они зашлифованы по всей поверхности, а с частичной пришлифовкой найдены только в стоянках раннего неолита. По форме выделяются три типа шлифованных топориков: с плоско-овальным, четырехугольным и грубоовальным поперечным сечением. Первый относится к раннему неолиту, второй и третий вместе со шнуровой керамикой — к позднему.

Из числа каменных топоров Прибалтики А. Эйряпя (Äyträää) выделил особый «балтийский» тип, характерный для Литвы и Западной Белоруссии (Äyträää, 1933, стр. 10). Они известны в Калининградской области (Kilian, 1955, стр. 47), польском Поморье (Kostrzewski, 1931, стр. 61) и в Белоруссии (Уваров, 1881, рис. 40). Длинные грани их параллельны, обух четырехугольный, лезвие не расширено, с резким переходом в боковые грани. Можно предполагать, что они были известны уже в раннем неолите, однако большинство их найдено в комплексах с сердцевидными наконечниками и шнуровой керамикой (Русяй).

К этим топорам близки топоры «северо-восточного типа», с параллельными боковыми гранями, очень крупные, не всегда четырехугольного сечения. Типологически они связываются с самыми поздними топориками балтийского типа времени шнуровой керамики, но, по-видимому, бытовали и в бронзовом веке. Они занимают центр северо-восточной Литвы и восточную Латвию; на юге граница их распространения не достигает р. Вилии (Нярис).

Ладьевидные сверленые топоры разделяются на две группы. В первую входят классические ладьевидные топоры. Верхняя сторона их обычно плоская или слабо выпуклая, нижняя — всегда овально-выпуклая, спинка немножко выгнута, а лезвие слегка оттянуто книзу.

Вторая группа — топоры с прямой спинкой и нерасширенным лезвием, резко утолщенные у отверстия, в поперечном сечении почти четырехугольные, с круглым обухом, характерны для восточной группы шнуровой керамики. На западе границей их является польское Поморье. Между обоими названными типами имеется много переходных вариантов. Обе эти группы синхронны, они типичны для стоянок со шнуровой керамикой (Швянтойи 1, верхний слой) и особенно для погребений этой культуры, например, на Куршской косе (Kilian, 1955, стр. 37).

Фасетированные топоры, также присущие культуре шнуровой керамики, в Литве и Калининградской области встречаются редко (Ehrlich, 1936, стр. 195; Kilian, 1955, стр. 37), и только в стоянках с сердцевидными наконечниками (Самантонис). Имеются и другие типы топориков, уже полностью относящиеся к бронзе и железному веку (Moora, 1952, стр. 46).

Мотыги — довольно узкие, длинные, валикообразные изделия с узким заостренным обухом, уплощенным с внутренней стороны лезвием, почти круглым или овальным поперечным сечением, обычно с одной стороны уплощенным. В Литве и Калининградской области мотыг мало, их больше в южных областях (Szukiewicz, 1904, стр. 50). На севере они достигают рр. Нямунас и Вилии. В Латвии и Эстонии находки их единичны (Šturms, 1930, стр. 9). Валикообразные мотыги характерны для широких областей Северной Европы, например стоянок культуры Маглемозе и Эртебёлле (Šarauw, 1914, стр. 25; Schwantes, 1934, рис. 100). В Восточной Прибалтике они появились впервые, вероятно, в раннем неолите, поскольку одна из таких мотыг обнаружена в стоянке Серово (Engel, 1935, стр. 160). В Литве найдено несколько экземпляров в стоянках, в которых еще нет сердцевидных наконечников (Румпишкес). Однако большинство имеющихся в нашем распоряжении мотыг типологически относятся к северо-европейскому типу и является поздненеолитическими (Åberg, 1918, стр. 4, 5), встречаясь в стоянках со шнуровой керамикой (Эйгуляй 1В).

Кроме описанных, в республиках Советской Прибалтики и на более широких территориях известны так называемые колодкообразные и змееголовые мотыги. Наиболее древние из них относятся к концу неолита и началу ранней бронзы (Gaerte, 1929, 1933; Kilian, 1939б, стр. 109). Большинство каменных мотыг иного типа сделано из удлиненных галек, без шлифовки, но с просверленными отверстиями. В стоянках их находят редко. Особо следует отметить использование в позднем неолите в качестве мотыг упоминавшихся выше клиновидных четырехугольных топориков с отверстием и без него.

Костяные и роговые орудия. Известно, что неолитические костяные орудия более характерны для стоянок западной группы, так как на территории юго-восточной Литвы они мало употреблялись (табл. 66, *1—7*, *13—18*, *26—28*).

Преимущественно это различные наконечники стрел и копий, которые в юго-восточной Литве заменялись обычно кремневыми. Наконечники III тыс. до н. э. еще близки мезолитическим формам. Например, в западнолитовской стоянке Швянтойи 1 (раскопки автора 1967 г.) найдены наконечники копий треугольного линзовидного сечения. Но в раннем неолите встречаются и более примитивные формы. Так, в поселении Серово обнаружены копья ранненеолитического типа, изготовленные из отростков оленьего рога (Stadie, 1921, стр. 153, рис. 4). Аналогичное копье имеется в неолитической стоянке Пашвентупис (Kulikauskas и др., 1961, рис. 22, *7*).

В стоянке Серово есть также и фрагменты роговых гарпунов с односторонними невысокими зубьями (Stadie, 1921, стр. 153, рис. 4). К этим орудиям близок гарпун с тремя длинными зубцами, найденный в Пильвишкяй (в реке Шешупе). Неолитическими же следует признать также и некоторые мелкозубые гарпуны Литвы.

Гарпуны с большими и небрежно сделанными зубцами зафиксированы и в позднем неолите, например, в Жуцевской стоянке (Kostrzewski, 1931, рис. IV, *2*).

Характерны для неолита наконечники с конусовидной головкой (Kulikauskas, 1959, рис. 5, *2*, *3*) из Паланги. Близкие к ним и наконечники, обнаруженные у слияния рр. Решкета и Вирвите в Литве, в Тельшяйском районе (Puzinas, 1938, рис. 5, *1*, *2*), которые датируются, видимо, уже эпохой бронзы. Среди ранненеолитических изделий встречено несколько костяных футляров для топориков (Stadie, 1921, стр. 150, рис. 2), иногда с отверстиями. С этим периодом следует связывать и некоторые роговые топоры с торфяников Литвы — Кудиркос Науместис (Kulikauskas и др., 1961, рис. 22, *4*) и из других мест. Эти орудия, без сомнения, синхронны нешлифованным овальным топорикам, являясь одним из основных типов орудий раннего неолита.

Комплекс роговых и костяных изделий III тыс. до н. э. представлен в стоянке западной Литвы, обнаруженной в 1958 г. в г. Паланге (Kulikauskas, 1959, стр. 33—41); и в частности, длинная роговая мотыга с отверстием (там же, рис. 2). Близки к ним находки из Ражишкяй и Моколай (Puzinas, 1938, рис. 4, *2*, *6*). Наконец, к этому же времени относится и длинная роговая мотыга из Серово (Stadie, 1921, стр. 153, рис. 4, *с*). Такие мотыги снабжались каменными или роговыми лезвиями, обнаруженными, в частности, в г. Паланге (Kulikauskas, 1959, рис. 4) и в Серово.

Как в раннем неолите, так и в позднем периоде употреблялись костяные копья и долота. Они из-

вестны из торфяников Литвы (Puzinas, 1938, рис. 3) и Калининградской области. Один экземпляр найден в г. Паланге (Kulikauskas, 1959, рис. 5, *1*) и в стоянке Жуцево (Kostrzewski, 1931, рис. IV, *3*). Костяные долота с зашлифованными с обеих сторон лезвиями известны из стоянок жуцевской культуры — Сухач и Толкмицко (Kilian, 1955, стр. 54).

Из других костяных и роговых изделий, особенно в западной Литве, следует упомянуть шилья, которые встречаются и в ранненеолитических (Швянтойи 1) и в поздненеолитических стоянках (Kilian, 1955, стр. 55; Kostrzewski, 1931, рис. IV, *4*, *5*), выгнутые иглы (Kilian, 1955, рис. 291), а в конце неолита — и молоткообразные булавки (Kilian, 1955, стр. 53, 54).

Хорошо обработанные кремневые вкладыши с неолитических стоянок юго-восточной Литвы указывают на то, что вкладышевые орудия еще не вышли из обихода.

Керамика (табл. 67, *1—45*). В IV—III тыс. до н. э., т. е. до появления культуры шнуровой керамики в Литве, явно прослеживается разделение керамики на две группы — западную и восточную.

Западная представлена керамикой таких стоянок, как Юодранте (Bezzenberger, 1895, стр. 239) на Куршской косе и несколько стоянок в Швянтойи (раскопки 1966 и 1969 гг.). Все горшки этих стоянок однородные — довольно широкие, с острым днищем. Найдены также фрагменты округлых или овальных мисочек. Самые ранние горшки этой группы имели легко профилированную, отогнутую наружу шейку, тонкий венчик (Kilian, 1938, стр. 86). Но в более поздних стоянках III тыс. до н. э., как это видно по стоянкам Швянтойи 1 и Юодкранте, венчик часто утолщается. Так, в стоянке Швянтойи 1 (1 раскоп 1967 г.) 57% горшков имело прямой или несколько загнутый внутрь венчик, который обычно еще бывает скошенным внутрь (51%) и довольно редко закругленным (6%). Горшки с отогнутым венчиком занимают второе место (43%), но и они иногда бывают тоже скошенными внутрь или утолщенными (10%).

В основном керамика IV—III тыс. до н. э. совсем не орнаментирована или покрыта скупым узором. В раскопе 1 (1967 г.) стоянки Швянтойи 1, 45% горшков (не черепков!) не имело украшения на поверхности (если не считать, что на половине из них были все-таки нанесены наколы с внутренней стороны венчика).

Из элементов орнаментики следует упомянуть разные примитивные наколы — плоские ямки, углубления в виде капелек, мелкие точки, треугольники, оттиски ногтей и довольно часто перевитый шнур (гусеницы). Характерно, что не встречается ни одного гребенчатого штампа.

Мотивы скомпанованы обычно в 2—3 ряда у самого края венчика. Лишь в стоянке Швянтойи 1 эти наколы иногда (14% горшков) соединены в композиции — треугольники из одного или двух рядов наколов, гораздо реже четырехугольники. В тесте горшков почти единственная примесь — толченая раковина.

Эта керамика типична для западной группы нарво-неманской культуры, к которой, кроме упомянутых стоянок, принадлежит и знаменитая группа стоянок в Сарнатском торфянике в Латвии.

В самом конце III тыс. до н. э., как это можно судить по стоянкам Швянтойи (раскопки автора 1966 г.), состав керамики мало изменяется, но венчик горшков обычно бывает уплощенным, появляется изредка плоское днище, к тесту часто прибавляется и дресва, а к мотивам орнаментики — шнуровой. В то же время возникают мотивы отступающей лопаточки и ложного гребенчатого штампа (Gaerte, 1927a, рис. 27; Kilian, 1938, рис. 86, *1*).

Правда, в некоторых стоянках Калининградской области встречается изредка настоящая гребенчатая орнаментика (Engel, 1935, табл. 35; La Baume, 1939, табл. 11).

Довольно сильно отличается ранненеолитическая керамика из стоянок юго-восточной Литвы, известная нам по раскопкам стоянки Дубичай 3 — нижний слой (Римантене, 1966a, стр. 54—56) и Дубичай 2 — средний слой, Эжяринас 23 и несколько более мелких местонахождений.

Самые ранние горшки из стоянки Дубичай 3 с широким горлышком, прямым или отогнутым, наружу, с округлым краем венчика, остродонные. Найдены фрагменты от мисочек. В тесте горшков видны обильные растительные примеси.

Характерные мотивы орнаментики — плоские ямки, маленькие треугольные наколы, двузубый штампик и редко перевитой шнур (гусеницы). Лишь несколько позже (приблизительно во время второй литориновой трансгрессии) добавляются гребенчатые штампы, причем обычно ложная или отступающая лопаточка, а в примеси к тесту — дресва; венчик горшков иногда скошен внутрь (стоянки Вяреминис 1, Лапайня V, Саленикай).

В конце III тыс., как это видно по стоянке Дубичай 1 (Римантене, 1966a, стр. 57—60), в ранней орнаментике, кроме гребенчатых мотивов, появляются изредка и шнуровые; наколы становятся более разнообразными.

Судя по предварительным раскопкам, произведенным в 1969 г. П. М. Долухановым на стоянке Серово (Цедмар), ранненеолитические стоянки южной части Калининградской области и северной Польши (у оз. Стасвин) следует отнести к группе верхненеманских, похожих на Дубичай 1.

Керамика юго-восточной Литвы и Калининградской области (Серово) связывается со стоянками раннего и развитого неолита Белорусского Понеманья и через посредство ее с некоторыми вариантами северных групп днепро-донецкой культуры.

Хотя шнуровые мотивы в орнаментике, как уже упомянуто, изредка встречались еще в конце III тыс. до н. э., но настоящая волна культуры шнуровой керамики распространилась только во время третьей литориновой трансгрессии, и керамика эта дожила до первой половины II тыс. до н. э., т. е. до начала бронзового века.

Сосуды культуры шнуровой керамики очень разнообразны: кубки, амфоры, миски, воронковидные сосуды. Кубки — небольшие горшки со слабо профилированными стенками и узким днищем, — наиболее многочисленная в Литве группа, имеющая несколько вариантов. Особую среди них подгруппу составляют горшки с прямым горлышком, известные

во всех стоянках шнуровой керамики Литвы (Вяршвай II, Русяй, Радикяй), на Куршской косе, в польском Поморье и др. Иногда они с заметной профилировкой (на стоянках южной Литвы и Куршской косы), орнаментированы штрихованными треугольниками, елочкой или шнуром. Их разновидностью является узор как бы дважды перехваченные кубки, у которых венчик слабо завернут внутрь, — тип, широко распространенный в Литве (Радикяй), Куршской косе (Kilian, 1955, рис. 26, *59*, *130*), в Юодкранте (Kilin, 1955, стр. 60) и Польше—Сухач, Жуцево (Kostrzewski, 1931, рис. 1, *3*, *4*). Третий вид кубков — с прямыми или почти прямыми стенками, иногда чуть профилированными. Часто имеются ушки (Сухач, Куршская коса). Все виды кубков встречаются на стоянках и в погребениях.

Амфоры различны по размерам, большие, снабжены орнаментированными ушками или выступами на плечиках. Они имеют выпуклые бока и узкое днище. Устье сосуда обычно неширокое, формы венчика разнообразны. У сосудов цилиндрической или лейкообразной формы горлышко узкое, отогнутое наружу. Большинство амфор украшено сгруппированными нарезками, меньшая часть — оттисками шнура или валиками. В юго-западной Литве, на Куршской косе и в Швянтойи I преобладают находки больших амфор. В остальных районах — небольшие тонкостенные амфоры, украшенные поперечными отпечатками шнура (Лауменай I, Каптонишкес, Радикяй).

Очень характерны *миски*. Они разнообразны. Основных два типа: круглые миски и ванночки. Формы круглых мисок различны: у одних из них наиболее выпуклая часть находится около середины их высоты (Нида, Шакина). Другие миски полусферической формы (Радикяй). Миски в виде ванночек обычны для поморской культуры. Ванночки различны по форме, величине и пропорциям. Длина их колеблется от 10 до 45 см. Нередко миски имеют ушки или выступы. Украшены лишь круглые миски (собственно миски) — обычно шнуром, нарезной елочкой, волнистой или зигзагообразной линиями и др. Ванночки почти всегда без орнамента.

Воронковидные сосуды предназначались для хранения запасов продуктов. Основные черты их — широкое устье и совсем маленькое днище. Эти сосуды по форме часто напоминают воронку высотой до 50 см. Их стенки разной профилировки. Поверхность слабо заштрихована, украшен лишь верх сосуда, иногда на сосудах есть налепные валики (Юодкранте, Швянтойи 1).

В целом в тесте шнуровой керамики растительной примеси нет. Дресва имеется лишь у толстостенных сосудов для хранения запасов. Глина, использованная для кубков и мисок, обычно без дресвы, поверхность сосудов гладкая, стенки тонкие, обжиг хороший. В орнаментике видное место занимают оттиски шнура. Композиционно они располагаются на сосуде в виде опоясывающих его зон, из нескольких параллельно уложенных отпечатков. К ним иногда присоединяются группы перпендикулярно поставленных коротких отрезков шнуровых оттисков. К указанной композиции изредка добавляются оттиски в виде елочки, зигзагов, дуг, переплетенной косички, заштрихованных треугольников и др. Зоны узоров часто снизу обрамлены волнистой линией, бархомой из коротких линий или фестонами. Наряду с подлинным шнуром встречается ложный шнур. Из прочерченных или нарезных линий создается такой же узор, как и из отпечатков шнура.

По основным мотивам орнамента стоянки со шнуровой керамикой можно разделить на три хронологически различные группы: к первой (более ранней) относятся сосуды, украшенные лишь шнуром (Швянтойи 2 — верхний слой); ко второй (средней) — сосуды со шнуровым и нарезным орнаментом, образующим треугольники, елочку (Радикяй, Дубичай 2 — верхний слой); к третьей (более поздняя) — сосуды, украшенные валиками с защипами или нарезками (Швянтойи 1 — верхний слой, Лянупис).

Несмотря на то что основные типы шнуровой керамики распространяются по всей территории Литвы, некоторые особенности выделенных нами двух групп — западной и юго-восточной — сохраняются. Так, в западных стоянках пережитки ранней керамики остаются лишь в виде некоторых типов горшков (воронковидные горшки, миски), не характерных для других соседних групп шнуровой керамики. А в юго-восточной Литве вплоть до конца неолита рядом со шнуровой керамикой бытуют горшки с растительной примесью к тесту, с накольчатой орнаментикой, заимствованной от ранней керамики (Дубичай 2 — верхний слой, Линупис 1 — верхний слой и др.).

Типы жилищ (табл. 68, *II*). Для неолита Литвы характерны наземные жилища округлых, овальных и неправильных в плане очертаний. Они обычно представляют собой слегка приподнятые в середине площадки из мелких камешков, часто достигающие 2—6 м в диаметре, иногда и больше. Наличие между камнями тонкого слоя суглинка свидетельствует, что пол шалашей покрывался глиной, которая затем, перемешавшись с подстилающим песком, превратилась в суглинок. Глину для обмазки пола подготовляли таким же способом, как и для сосудов, — в нее добавляли дресву или камешки (Jablonskyte-Rimantiene, 1960, стр. 56). Очаги в этих жилищах пока не зафиксированы.

Такие площадки найдены в ряде стоянок Литвы. В Версминис 1 (Bernotaite, 1958, стр. 6) они попадались вместе с ложногребенчатой керамикой; в стоянке Скаруляй на такой площадке обнаружен шлифованный кремневый топорик. Остатки шалашей имеются в стоянке Самантонис (Римантене, 1960, стр. 120). Следует полагать, что каркас таких шалашей строился из жердей и покрывался шкурами или ветвями. Вероятно, они были конусообразной формы, так как для прямых стен необходимы были жерди более толстые, которые оставили бы следы. По-видимому, это летние жилища, очаги которых размещались вне их пределов. Остатки зимнего жилища обнаружены в Самантонис (Jablonskyte-Rimantiene, 1960, стр. 56—65; Римантене, 1960, стр. 118).[1] В плане оно неправильной овальной формы, около 8 м длины. Стены составляли вертикально стоящие столбики, переплетенные ветвями и

[1] Хотя в нем обнаружена керамика бронзового века, но сам тип жилища явно унаследован от неолита, и можно его считать примером неолитических жилищ.

обмазанные глиной (во время пожара глина обожглась и осталась лежать в жилище). Крыша опиралась на два столба. В одном конце жилища помещались частично заходящие один на другой очаги с камнями. Вход находился со стороны длинной стены. Остатки четырехугольной постройки обнаружены в 1959 г. в Вярсминис 1 (раскопки А. Бернотайте) — это следы четырех столбов диаметром 20—25 см, размещавшихся, по-видимому, в углах дома, размер которого был 3×3 м. Такие же столбы имеются и вне постройки. В контуре жилища, в овальной ямке находился очаг.

Много четырехугольных построек найдено также в торфяниках Калининградской области и северной Польше. Они представляли собой деревянные полы. Долгое время их считали следами свайных построек или жилищ на плавающих плотах (Gaerte, 1929, стр. 52—54; Gaerte, 1927c, стр. 37—45). По строительной технике в них различали три группы (Gaerte, 1927c, стр. 98—101). Однако не было обращено внимания на то обстоятельство, что в Калининградской области, так же как и в классической области свайных построек Швейцарии, они зафиксированы лишь в периоды самого сухого климата — в IV—III тыс. до н. э. и в VII—VI вв. до н. э. Исходя из этого, следует, по-видимому, заключить, что мы имеем здесь дело с легкими четырехугольными постройками. Иногда они были из ветвей, а более устойчивые имели столбы (которые считали сваями). Однако такие же «сваи» есть и в других стоянках на высоких песчаных берегах, например в Жуцево (Kostrzewski, 1931, стр. 62). Такие же столбы имеются и в Литве в стоянках неолита и бронзового века (Jablonskyte-Rimantiene, 1963, стр. 65—90).

Четырехугольные постройки, но гораздо длиннее, с вертикальными столбами стен и столбами для поддержки крыши изнутри, хорошо известны из позднего неолита Поморья. Наиболее выраженные из них — постройки из Сухача (Ehrlich, 1936, стр. 41 и далее), где исследовано около 20 построек (8—12×4—5 м). В каждой из них был очаг в форме подковы, четырехугольника или овала, состоявшего из валунов или битых камней. Стены строились из двух рядов вертикальных столбов, между которыми прокладывался дерн или другая засыпка. Вход находился обычно в короткой стороне, повернутый на море, причем вход закрывал навес. Крышу поддерживали столбы, стоявшие в центре по длинной оси жилища. Некоторые жилища имели маленькие комнатки. Три постройки такого типа обнаружены в Толкмицко (Ehrlich, 1940, стр. 239).

Типы погребений и могильников. На всей рассматриваемой территории найдены лишь отдельные погребения или очень маленькие группы погребений. Могильники отсутствуют. О типах погребений в раннем неолите Литвы можно судить лишь по некоторым данным, полученным в торфянике Турлоишкес в юго-западной Литве. Погребения найдены случайно, при земляных работах. Хотя в них не было керамики, но сопровождающий их костяной инвентарь без сомнения указывает на поздний мезолит или ранний неолит. Умершие лежали на спине, в вытянутом положении.

Большинство обнаруженных погребений относятся к позднему неолиту (табл. 70, *4*). Почти всегда это плоские, вырытые в земле могильные ямы. Настоящие курганные погребения известны лишь в самом конце неолита в Калининградской области, в Кауп, около Вискяуты (Вишнево) и в Бабенты Мале в Польше. Умершие захоронены в скорченном положении, в основном на правом боку, с различной ориентировкой. Изредка встречаются погребения и в вытянутом положении, например в Литве — Ланкупяй и в Польше — в Бабенты Мале. Но оба они относятся уже к переходному времени от неолита к бронзе.

Хоронили покойников обычно в яме без камней и лишь изредка с камнями. Так, например, несколько камней было в упомянутом погребении из Ланкупяй и погребении в Паштува, а в кургане в Кауп оба неолитических костяка были положены на вымостку из плоских камней (Heydeck, 1893, стр. 46—60). Эти погребения врыты в холм естественного происхождения, куда было еще поставлено несколько столбов (Kilian, 1955). В Бабенты Мале обнаружены следы деревянной крыши над погребением (Ehrlich, 1936, стр. 212, 213). Частично погребали покойников и на поселениях. На Куршской косе все имеющиеся погребения были на поселениях или рядом с ними. Нередки погребения и значительно удаленные от поселений, в Литве — Курмайчай, Гринкишкис, Ланкупяй (Kulikauskas и др., 1961, стр. 81) и др.

Третий способ погребений — в жертвенных местах, каким было погребение, например, в Паштува в Литве. Оно представляло несколько овальных ям от 45 до 120 см длины и от 25 до 65 см ширины. В некоторых ямах видны следы огня. Рядом — следы столбов — остатки легкой постройки столбовой конструкции. В одной из ям (1.20×1.80) найдены две группы камней, часть человеческого черепа и позвонок. Положение костей и форма ямы говорят об остатках скорченного погребения. Инвентарь отсутствовал.

В погребениях этого типа погребальный инвентарь однообразный — сосуды, оружие и украшения, обычно небольшие шнуровые кубки (Kilian, 1955, рис. 297, 301, 303, 305, 306). Только в одном погребении (Литва, Шакина) найдена мисочка. Почти во всех погребениях обнаружены шлифованные кремневые топоры, некоторые ладьевидной формы.

В качестве украшений у костяков лежат костяные иглы (булавки), поясные оковки, янтарные подвески, просверленные зубы животных и пр., иногда — кремневые пластинки.

Предметы искусства и культа (табл. 66, *8—12*, *19—25*, *29—36*). Предметы искусства в Литве известны со времени неолита. Материалы, из которых они изготовлялись, различны — янтарь, кость, глина и даже кремень. Древнейшие среди них янтарные. Они появляются в неолите и бытуют до эпохи бронзы и даже железа.

В Литве янтарные изделия найдены в нескольких местах, но лишь у побережья Балтийского моря. Самая большая коллекция известна из Юодкранте, на Куршской косе (Klebs, 1882), где первые предметы обнаружены в 1867 г.; они связаны с добычей янтаря со дна Куршского залива.[2]

[2] Значительная часть этих изделий тогда же была разобрана частными лицами и не сохранилась. Гораздо

Второе крупное местонахождение янтарных изделий это ряд стоянок каменного века в торфяниках между дер. Кунигишкяй и Швянтойи, раскопки которых начаты в 1966 г.[3]

Изделия из янтаря представлены украшениями и культовыми предметами. К первым относятся длинные (от 1.5 до 8.5 см) бусы, линзообразные бусы — «пуговицы» с отверстиями в виде цифры V, удлиненные или трапециевидные подвески с отверстиями и др. Все эти предметы, по-видимому, принадлежали к одному ожерелью. Такие бусы располагались в несколько рядов и соединялись янтарными же пластинками с отверстиями на углах, например, в Юодкранте (Klebs, 1882, рис. I, *16*, IV, *19*) и др.

К предметам культа можно отнести круглые или овальные янтарные пластинки линзовидного поперечного сечения, с отверстием в центре в виде кружочка или цифры V. Эти пластинки украшены рисунками креста пунктирной техникой или же оставлены чистыми (Klebs, 1882, рис. II, *22*; III, *1*, *21*; Tarvydas, 1937, рис. II, *9*, *11*). В погребениях такие пластинки попадаются по одной. Носили их преимущественно мужчины (Šturms, 1953, стр. 173). Мотив креста, по-видимому, являлся символом Солнца (Šturms, 1953, стр. 173).

К культовым предметам, очевидно, следует причислить также малые янтарные топорики из Юодкранте, Сухача и Толкмицко (Klebs, 1882, рис. VIII, 16—18) и глиняные из Жуцева (Kostrzewski, 1931, стр. 59, рис. 2, *10*). К ним же, по-видимому, относятся малочисленные фигурки животных и человека. Фигурки людей обнаружены в Юодкранте (Klebs, 1882, рис. IX, *1—5*; X, *1*, *3)*, Швянтойи (Tarvydas, 1937, рис. 1, *5*) и др. Сделаны они весьма схематично. С янтарными фигурками связан и деревянный идол, найденный на стоянке Швянтойи 2 в 1969 г. Он представляет собой столб длиною около 2 м, с заостренным концом, покрытый корой. Лишь в верхней части вытесаны голова с достаточно отчетливо моделированным человеческим лицом и шея. Этот идол был обнаружен в нижнем культурном слое с нарвско-неманской керамикой. По всей вероятности, с этим же ранненеолитическим временем следует связывать и фигурки из Юодкранте.

Наиболее ранними являются ожерелья из цилиндрических бус, линз и подвесок (Äyräpää, 1945, стр. 10—15), но они доживают до эпохи шнуровой керамики. Со шнуровой керамикой связываются пластинки с отверстиями в центре, фигурки зверей — с шаровидными амфорами (Šturms, 1955, стр. 21—26). Фигурки же людей известны из стоянок неолитической эпохи.

Из других украшений следует упомянуть костяные оковки для поясов. Две из них, красиво орнаментированные, получены при раскопках в Кауп (Gaerte, 1929, рис. 35) и Ниде, на Куршской косе, в стоянке со шнуровой керамикой (Kilian, 1955, рис. 292). В качестве подвесок употреблялись также зубы животных, обычно просверленные: в Швянтойи 1, в Ниде, Калининградской области и польском Поморье (Kilian, 1955, стр. 58, 59), в раннем и в позднем неолите.

Все описанные здесь украшения сосредоточены в западной части Литвы. В восточной они, по-видимому, также были, но не сохранились в песчаном грунте стоянок. Украшениями и предметами культа в юго-восточной Литве служили также и некоторые изделия из кремня, которые в силу меньшей податливости материала, нежели янтарь и кость, выглядят более схематичными. Это — фигурки людей и животных. У человеческих фигурок выделяется лишь один признак — голова. Определить породу зверей среди этих фигурок трудно. Ретушированы они обычно по краям.

Антропологические данные для раннего неолита Литвы и Калининградской области очень скудны, но и они не противоречат выводам об этнической принадлежности населения этих территорий, сделанным на основании иных материалов.

Мезолитический череп из Кирсна отличается крайней долихокранностью, высокой мозговой коробкой, наклонным лбом, узким лицом, сильно развитыми надбровными дугами и носом средней ширины. По всем признакам это явно еврепеоидный тип (Žilinskas, 1931; Витов и др., 1959, стр. 146). Тот же антропологический тип встречен и в Кябяляй, на западе Литвы. Найденная там черепная крышка по пыльцевому анализу слоя датируется IV—III тыс. до н. э. (Гуделис и Повилонис, 1955). Это — тоже долихокранный череп с сильно наклонным лбом и ярко выраженными надбровьями. Долихокранные европеоидные черепа обнаружены также и в поздненеолитических погребениях в Кауп, в Калининградской области (Kilian, 1955, стр. 67, 68). Все упомянутые черепа относятся к европеоидной расе, обладающей некоторыми южными признаками (Витов и др., 1959, стр. 146).

Несколько отличается от них неолитический череп из Турлоишкес. Характеризуется он мезокранностью, большими размерами горизонтальных диаметров мозгового черепа, очень большим высотным диаметром, узким и очень низким лицом, низкими орбитами и широким носом, что как будто бы указывает на монголоидность (Витов и др., 1959, стр. 158).[4] Кроме описанного, брахикранный череп, датируемый концом неолита—началом эпохи бронзы, найден при слиянии рр. Вирвите и Ряшкята (Žilinskas, 1931). Таким образом, подавляющее число неолитических черепов Литвы европеоидного типа, чему не противоречит наличие на ранних стадиях брахицефальных признаков.

Наиболее *древние лингвистические данные* содержат материалы топонимики. Балтийские (старопрусские) названия рек и местностей приурочены к междуречью Вислы и Немана, но встречены и к западу от Вислы (Kilian, 1939, стр. 67, 68). На юге эта область ограничивается рр. Вислой, Зап. Бугом и Припятью (Топоров, 1959б, стр. 251—266). Эту

позднее янтарные изделия стали собираться в музее «Пруссия», но в годы Отечественной войны 1941—1945 гг. и эти коллекции оказались утраченными. В музее янтаря в г. Паланге сохранилось лишь несколько муляжей янтарных украшений.

[3] Из того же самого торфяника получены и янтарные изделия, в литературе известные как «Палангайский клад», который хранится в музее янтаря в Паланге (Tarvydas, 1937).

[4] При реконструкции лица по черепу В. Урбонавичюсом упомянутая монголоидность чуть заметна, если не считать некоторой уплощенности лица (Урбонавичюс, 1968).

границу установил литовский языковед К. Буга (Būga, 1913, 1924a, 1924b, 1924c). Он же выявил балтийское происхождение многих гидронимов Белоруссии по верховьям рр. Днепра и Немана. Балтийскую топонимику он нашел и гораздо южнее — на р. Соже (Būga, 1924d, стр. 114). Его работы продолжил М. Фасмер, уточнивший по топонимическим данным восточные границы балтов. В 1932 г. он опубликовал ряд гидронимов балтийского происхождения в Калининской, Московской и Черниговской областях (Vasmer, 1941). Из его работ явствует, что славянские племена около нашей эры занимали территорию от р. Среднего Днепра до р. Верхнего Дона. К северу от них жили балты. Упомянутые сведения значительно дополняются данными В. П. Топорова и О. Н. Трубачева, которые на Верхнем Днепре открыли более тысячи балтийских топонимов (Топоров и Трубачев, 1962, карта № 2). Таким образом, на территории от балтийского побережья и бассейна р. Вислы на западе и до бассейна р. Верхнего Днепра на востоке и несколько восточнее найдены следы пребывания балтийских племен.

Возникает важный вопрос — кто же на этой большой территории предшествовал балтам? К. Буга предполагал, что до балтийских племен на западе указанной территории жили финские племена (Būga, 1924b, стр. 22—35). Но в свете новейших исследований выясняется, что большинство тех топонимов, которые ранее считались финскими, также являются балтийскими (Мажюлис, 1964, стр. 5). Балтийские топонимы, по мнению В. Мажюлиса, возникли в эпоху выделения балтийских и славянских племен, во II тыс. до н. э. Начало же этого процесса он относит к IV—III тыс. до н. э.

Абсолютные даты, полученные методом C^{14} нижнего слоя Швянтойи (нарвско-неманская керамика) — Швянтойи 1 (ТА-247) — 4400±90; (ЛЕ-00) — 4100±100; Швянтойи 2 (VЗ-23) — 4400±55 лет от наших дней. Однако по характеру орнамента можно заключить, что это не самая ранняя керамика нарвско-неманского типа.

Указанные даты совпадают с полученными при анализе процента минерализации угля из очагов стоянок юго-восточной Литвы, произведенном Е. Шимкунайте. Так, анализ угля из очага стоянки Дубичай 2 с ранней керамикой дал дату 5030±250 лет от наших дней, т. е. конец IV—начало III тыс. до н. э. Стоянка Дубичай 3 по геоморфологии и типологии материалов древнее, чем Дубичай 2, поэтому ее можно датировать концом IV тыс до н. э. Эти даты позволяют синхронизировать раннюю керамику Литвы с керамикой культуры Эртебёлле, например Элервек близ г. Киля, датирован методом C^{14} 6060±200 лет от наших дней (Gross, 1960, стр. 195). Примитивная керамика этого типа в Дании доживает до середины III тысячелетия до н. э. (Мюльберг 1 — 2620±80 до н. э.) (Долуханов, 1963, стр. 68).

Появление шнуровой керамики на рассматриваемой территории должно совпадать со временем ее появления в Европе в целом. Самые древние радиоуглеродные даты шнуровой керамики Швейцарии — 2485±320 и 2245±120 лет до н. э. (Pittioni, 1957, стр. 246, 247). Эти и другие радиоуглеродные даты культуры шнуровой керамики и боевых топоров Западной Европы позволяют установить время ее бытования — последняя четверть III тыс. до н. э. (Bosch-Gimpera, 1961, стр. 132). С этой датой, по-видимому, необходимо связать и самые ранние стоянки шнуровой керамики Прибалтики, подтверждением чему служит и то обстоятельство, что в Литве шнуровой орнамент иногда встречается в геоморфологических условиях, позволяющих отнести их ко времени до третьей литориновой трансгрессии. Основная волна культуры шнуровой керамики появляется в Литве во время третьей литориновой трансгрессии, так как эти стоянки встречаются на верхних террасах рек. Последний этап культуры шнуровой керамики совпадает с первой половиной II тыс. до н. э., когда замечается значительное разнообразие в орнаментике — большой процент керамики, украшенной налепными валиками, как мы видели в верхнем слое стоянки Швянтойи 1. Этот этап по C^{14} датирован временем 4100±100 лет от наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

Алексашина К. С. 1952. Стоянка Покровщина (Пушкари VII). Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Уч. зап. МГУ, вып. 158.

Алихова А. Е. 1959. Жилище на Саконовской неолитической стоянке. КСИИМК, вып. 75, М.

Амбургер Н. П. 1956. Новіе даніе про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI. Київ.

Аристэ П. А. 1956. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин.

Артеменко И. И. 1961. Из археологических работ в Верхнем Поднепровье в 1958 г. КСИА, вып. 84, М.

1963. О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры. КСИА, вып. 93, М.

1964а. Неолитическое поселение в урочище Сосонка. КСИА, вып. 101, М.

1964б. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.

1964в. Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской области. КСИА, вып. 97, М.

Артеменко И. И., Тюрина И. М. 1966. Неолитическое поселение в ур. Стрелица. КСИА, вып. 106, М.

Артюшенко А. Т. 1959. Растительность аллереда на территории Русской равнины в связи с общим развитием растительного покрова в позднеледниковье Восточной и Средней Европы. Бот. журн., т. 44, № 6, Л.

1970. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. Киев.

Асеев А. А. 1959. Палеогеография долины средней и нижней Оки в четвертичный период. М.

Атлас литолого-палеогеографических карт Русской платформы. 1961. М.

Бадер О. Н. 1936. Археологические работы у дер. Языково. Антропол. журн., № 2.

1948. Неолитическая стоянка на р. Полуденке близ г. Тагила. Первое УАС, Пермь.

1949а. Из новейших археологических исследований Чусовского отряда Института геологических наук. БКИЧП, № 14.

1949б. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. XXVII, М.

1951а. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXIX, М.

1951б. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой. МИА, № 22, М.

1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). УЗПГУ, т. IX, вып. 3, Харьков.

1954. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере. СА, XXI

1956. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. УЗПГУ, т. XI, вып. 3, Харьков.

1961а. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы. ВАУ, вып. I, Свердловск.

1961б. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. ОКВЭ ИА, вып. II, М.

1961в. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, М.

1963. Древнейшая история Прикамья. М.

1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

1966а. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, № 126, М.

1966б. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе. Докл. и сообщ. археологов СССР на VII Междунар. конгр. доистор. и протоистор. в Праге, М.

Бадер О. Н. и Воеводский М. В. 1936. Стоянки Балахнинской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106, М.—Л.

Бадер О. Н. и Кокорев А. В. 1959. Поселения у Малого Борового озера. ОКВЭ ИА, вып. I, М.

Бадер О. Н. и Оборин В. А. 1958. На заре истории Прикамья. Пермь.

Беляшевский Н. Ф. 1891. Несколько новых стоянок каменного века по Днепру и его притокам. Киевская Старина, т. XXXII, Киев.

Берг Л. С. 1948. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. СЭ, № 2.

Бибиков С. Н. 1950. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII.

Бирина Л. М. 1938. Петрографическая характеристика алексинской, михайловской и веневской толщ южного крыла Подмосковного бассейна. Тр. ВИМС, вып. 119а, М.

Бискэ Г. С. 1959. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск.

Бискэ Г. С., Горюнова Н. Н., Лак Г. Ц. 1959. Голоцен Карелии. Тр. КФАН СССР, вып. XI, Петрозаводск.

Брюсов А. Я. 1928. Федоровская стоянка. Тр. секции археол. РАНИОН, вып. II, М.

1940. История древней Карелии. ТГИМ, вып. IX. М.

1941. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. ТГИМ, вып. XII. М.

1947. Белёвская неолитическая культура. КСИИМК, вып. XVI, М.—Л.

1951. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, М.—Л.

1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
1956. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI. М.—Л.
1961. Караваевская стоянка. Сб. по археол. Вологодск. обл., Вологда.

Бубрих Д. В. 1948. К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками. Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., т. VII, вып. 6, М.—Л.
1949. О советском финно-угроведении. СЭ, № 2.

Буров Г. М. 1960. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. Тр. Коми фил. АН СССР, № 9, Сыктывкар.
1961. Стоянки с микролитическим инвентарем на Вычегде. СА, № 1.
1962а. Стоянки на Синдорском озере. МАЕСВ, вып. I, Сыктывкар.
1962б. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). Там же.
1965а. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.
1965б. Археологическая разведка в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар.
1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, № 1.
1967а. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар.
1967б. Древний Синдор. М.

Ваага А. И. и др. 1959. Краткий очерк геологии Литовской ССР. Вильнюс.

Ванкина Л. В. 1956. Древнее поселение в Сарнатском торфянике. (Латвийская ССР). В сб.: Древние поселения и городища на территории Эстонии, Таллин.
1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига.

Виноградов Н. Н. 1927. Соловецкие лабиринты. Изд. Соловецкого общества краеведения.

Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. 1959. Этническая антропология восточной Прибалтики. Тр. Прибалт. экспед., т. 2, М.

Вишняков С. Г. 1953. Кремнистые образования в карбонатных породах нижнего и среднего карбона северо-западного крыла Подмосковного бассейна. Изв. АН СССР, сер. геол., № 4, М.

Воеводский М. В. 1940. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. КСИИМК, вып. IV, М.—Л.
1946. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г., КСИИМК, вып. XIII, М.—Л.
1947а. Результат робіт Деснянськоі экспедиції 1936—1938 гг. Палеоліт і неоліт Україні, т. 1, Київ.
1947б. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК, вып. XXI, М.—Л.
1948. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции. КСИИМК, вып. XX, М.—Л.
1949. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, М.—Л.
1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л.

Воеводский М. В. и Борисковский П. И. 1937. Стоянка Елин Бор. СА, III, М.—Л.

Воеводский М. В. и Формозов А. А. 1950. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, вып. XXXV, М.—Л.

Высоцкий Н. Ф. 1907. Каменный век в Казанской губ. Изв. Общ. археол. истории и этнографии при Казанск. унив., т. XXIII, Казань.
1920. Следы каменного века в Казанской губ. Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст., т. I. Казань.

Гаврилова И. В. 1962. Неолитическая стоянка Кочище на оз. Селигер. КСИА, вып. 92.
1963. Неолитическая стоянка у с. Серково. МИА, № 110, М.—Л.
1965. Типы наконечников стрел эпохи неолита и бронзы Костромского Поволжья. МИА, № 131, М.—Л.
1968. Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии). Автореф. канд. дисс. Л.

Гадзяцкая О. С. 1964. Стоянка Сельцо на оз. Неро. КСИА, вып. 97.

Гадзяцкая О. С. и Д. А. Крайнов. 1965. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья. КСИА, вып. 100, М.—Л.

Гедройц А. Э. 1895. Геологические исследования в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и северной части царства Польского. Матер. для геол. России, т. XVII, СПб.

Генинг В. Ф. 1954. Наскальные изображения Писаного камня. СА, XXI.

Герасимов И. П. и Марков К. К. 1939. Четвертичная геология, М.

Герасимов М. М. 1955. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, т. XXVIII, М.

Гольмстен В. В. 1931. Погребение из Криволучья. Сообщ. ГАИМК, № 6, М.—Л.

Горецкий Г. И. 1937. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. Тр. АИЧПЕ, вып. III.

Городцов В. А. 1897. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичь, Рязанской губ. Тр. VIII АС, т. III, М.
1899. Результаты археологического исследования 1898 года, произведенного на берегах р. Оки в пределах Рязанской губ. Археол. изв. и заметки, № 6—7, М.
1905а. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки. Тр. XII АС, т. I, М.
1905б. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г. Тр. XII АС, т. I.
1928. Галичские клад и стоянка. Тр. секции археол. РАНИОН, вып. III, М.

Гуделис В. К. 1957. Основные черты стратиграфии и палеогеографии голоцена Литвы. Научн. сообщ. Инст. геол. и геогр. АН Лит. ССР, вып. IV.

Гуделис В. К. и Повилонис С. В. 1955. Палеоантропологические находки в Литве. БКИЧП, № 20, М.

Гурина Н. Н. 1940. Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. КСИИМК, вып. VII.
1948. Каменные лабиринты Беломорья. СА, X, М.—Л.
1950а. Основные этапы древней истории Кольского полуострова. Уч. зап. ЛГУ, № 115.
1950б. Некоторые данные о заселении южной части Кольского полуострова. СА, XII, М.
1950в. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты. СА, XIII, М.
1951а. Поселения эпохи неолита и раннего металла на сев. Побережье Онежского озера. МИА, № 20, М.—Л.
1951б. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, М.—Л.
1953а. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей. МИА, № 39, М.
1953б. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова. Там же.
1955. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. В сб.: Древние поселения и городища, Таллин.
1956. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, М.—Л.
1957. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР. СА, № 2.
1958. Валдайская неолитическая культура. СА, № 3.
1959. Половчинская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 75, М.—Л.
1960. Неолитическое поселение Борань. МИА, № 79. М.—Л.
1961а. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, № 87, М.—Л.
1961б. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской неолитической культуры). КСИА, вып. 82, М.—Л.
1962. К вопросу о макролитах Верхней Волги. КСИА, вып. 92, М.
1963. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, № 110, М.—Л.
1964а. К вопросу об этнокультурных областях лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. VII МКАЭН, М.

1964б. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. КСИА, вып. 97. М.

1965а. Новые данные о древних шахтах по добыче кремня на западе Белоруссии. КСИА, вып. 100, М.

1965б. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. Палеолит и неолит СССР, т. 5, МИА, № 131. М.—Л.

1966. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши. МИА, № 126, М.—Л.

1967а. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции). МИА, № 144, Л.

1967б. Мир глазами древнего художника Карелии. Л.

1970. Верхневолжские макролиты в свете новых исследований. Studia archaeol. in memoriam Harri Moora, Таллин.

1971. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова. КСИА, вып. 126.

Давыдова А. Н. и Москвитин А. И. 1939. Геология северо-западной части Калининской обл. Лист 42. Южная половина. Тр. Моск. геол. управл., вып. 34, М.

Даниленко В. Н. 1950. До питання про ранній неолит Південної Наддніпрянщини. Археологія, III, Київ.

1969. Неолит Украины. Киев.

Дебец Г. Ф. 1948. Палеоантропология СССР. Тр. Инст. этнографии АН СССР, нов. сер., т. IV, М.—Л.

1953. К палеоантропологии Урала КСИИМК, вып. XVIII, М.

Денисов В. П. 1958. Новые археологические памятники на р. Вятке, СА, № 3.

1960. Хуторская неолитическая стоянка. УЗПГУ, т. XII, вып. I, Пермь.

1961. Кряжская неолитическая стоянка. ОКВЭ, вып. 2, М.

Добровольский А. В. 1949. Восьма Іранська неолітична стоянка. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, Київ.

Доктуровский В. С. 1925. Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе. Тр. Антропол. инст. Приложение к РАЖ, т. XIV, вып. 1—2. М.

Долуханов П. М. 1963. Послеледниковая история Балтики и хронология неолита. В сб.: Новые методы в археол. иссл., М.—Л.

1966. Поздне- и послеледниковая история Балтийского моря и археологических культур в его бассейне. Автореф. канд. дисс. Л.

Долуханов П. М., Микляев А. М. 1967. Голоценовая история озер юга Псковской области в связи с развитием поселений эпох неолита и бронзы. Матер. II симп. по ист. озер Сев.-Зап. СССР, Минск.

1969. Палеогеография памятников эпох неолита и бронзы в бассейне Западной Двины. В сб.: Голоцен на терр. СССР, М.

Дурылин С. 1913. За полуденным солнцем. М.

Елисеев А. В. 1883. О так называемых вавилонах на севере России. ИРГО, т. XIX.

Ефименко П. П. 1916. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. РАЖ, кн. 37/38, вып. 1/2, М.

1948. До питання про джерела культуры пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Археологія, II, Київ.

Ефименко П. П. и Борисковский П. И. 1953. Палеолитическая стоянка Боршево II. Палеолит и неолит СССР, т. 2, МИА, № 39, М.—Л.

Жуков Б. С. 1922. Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны. РАЖ, т. 12, вып. 1—2. М.

1925. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда. Приложение к т. XIV. РАЖ, вып. 1—2. М.

1927. К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ села Льялово, Московского уезда. РАЖ, т. 16, вып. 1—2. М.

Журавский А. В. 1909. Результаты исследований Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 годах. ИРГО, т. XIV.

Заверняев Ф. М. 1957а. Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском. КСИИМК, вып. 67, М.

1957б. Поселения мезолитического времени на Соже и Десне. Там же.

Загорскис Ф. А. 1967. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига.

Замятнин С. Н. 1948. Миниатюрные кремневые скульптуры. СА, X, М.—Л.

Збенович В. Г. 1964. Новіі неолітичні трипільські поселення в зоні Київської ГЕС. Археологія, XVI, Київ.

Збруева А. В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, М.

1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, № 80, М.

Земляков Б. Ф. 1936. Отчет о работах Кольской экспедиции. Тр. сов. секции Inqua, вып. II, Л.

1937а. Археологические исследования на побережье арктического океана. Там же, вып. III, Л.

1937б. Арктический палеолит на севере СССР. Тр. КИЧП, т. V, вып. I, М.—Л.

1940. Арктический палеолит на севере СССР. СА, V, Л.

Зеров Д. К. 1950. Основные черты послеледниковой растительности Украинской ССР. Тр. конф. по спорово-пыльц. анализу, М.

Иванов А. П. 1926. Средне- и верхнекаменноугольные отложения Московской губ. Бюлл. Моск. общ. испытат. прир., отд. геол., т. IV, № 1—2.

1928. Каменноугольные отложения Московской губ. Бюлл. Моск. общ. испытат. прир., отд. геол., т. VI, № 1.

Иностранцев А. А. 1882. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.

Истомин Ф. М. 1890. Поездка в Печорский край летом 1889 года. ИРГО, т. XXVI.

Кабайлене М. 1959. Развитие растительности в позднее и послеледниковое время на побережье Балтийского моря в пределах Литвы и Латвии. Геогр. ежег., Вильнюс.

Кабо В. Р. 1966. Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов. М.

Коваленя А. Д. 1930. Археалагічныя разведкі у Магілеускай, Бабруйскай і Менскай акругах. Працы Археол. Камісіі, т. II. Менск.

Казаринов Л. Н. 1929. Прошлое Чухломского края. Тр. Чухломск отд. Костромск. научн. общ. и Чухломск. музея, вып. IV, Солигалич.

Кальберг Э. А. 1940. Геологическое описание Онежского полуострова. Тр. Сев. геол. упр., вып. 5.

Канивец В. И. 1964. Канинская пещера. М.

1965. Древние поселения Южно-Печерской равнины. МАЕСВ, вып. III, Сыктывкар.

Канивец В. И. и Лузгин В. Е. 1963. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. МАЕСВ, вып. II, Сыктывкар.

Кац Н. Я., Кац С. В. 1946. История растительности болот севера Сибири как показатель изменений послеледникового ландшафта. Тр. ИГАН СССР, № 37. М.

Кларк Дж. 1953. Доисторическая Европа. М.

Клейн Л. С. 1966. Археология спорит с физикой. Природа, №№ 2, 6.

Ковнурко Г. М. 1963. О распространенности кремня на территории европейской части СССР. В сб.: Новые методы в археол. иссл., М.

Козырева Р. В. 1966. Изучение неолита на Севере. В сб.: Археол. открытия 1965 г., М.

Кольцов Л. В. 1965а. Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. М.

1965б. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, № 4, М.

Коногорова (Ширинкина) В. М. 1961. Жилища 3—8 поселения Камский Бор. II. ОКВЭ, вып. 2. М.

Корнюшин Г. И. 1964. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). В кн.: П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.

Коршак К. Ю. 1930. З праць семінару при Археологічному відділі Всеукраиньского Історичного музею ім. Шевченка у Києві. Хроніка археології і мистецтва, ч. 1, Київ.

Крайнов Д. А. 1964. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97.
Краснов Ю. А., Краснов Н. А. 1959. Новые памятники льяловской культуры. СА, № 1.
Крейнович Е. А. 1957. Об изучении юкагирского языка. ВЯ, № 5, М.
Кривцов А. И. 1959. О каменноугольных отложениях восточного склона Балтийского щита в связи с их бокситоносностью. Изв. АН СССР, сер. геол., № 12.
Крижевская Л. Я. 1950а. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА, № 13, М.—Л.
1950б. Неолитические стоянки окрестностей с. Алексеевского Вышневолоцкого р-на. СА, XII, М.—Л.
1959. Неолитическая стоянка Прикол на оз. Пирос. КСИИМК, вып. 75, М.
1960. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии. МИА, № 79, М.—Л.
1962. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии. СА, № 2, М.
1963. Неолитическая стоянка Сокольское I на Волге. МИА, № 110, М.—Л.
1964. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА, вып. 97, М.
1966. Новые данные о хронологии мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ. МИА, № 126, М.—Л.
1968. Неолит Южного Урала. МИА, № 141, Л.
Кропоткин В. В. 1952. Белынецкие курганы и стоянка. КСИИМК, вып. XVII.
Кулик И. А. 1914. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. Зап. минерал. общ., сер. 2, ч. 51, Пгр.
1915. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г., Тр. Общ. землеведов при СПб. унив., т. III, Пгр.
Кухаренко Ю. В. 1962. Первобытные памятники Полесья. САИ-Б, 1—18, М.
Лаврова М. А. 1965. История Белого моря. В кн.: Последний европейский ледниковый покров. М.
Левенок В. П. 1941. Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, вып. X, М.—Л.
1948. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII, М.—Л.
1959. Работы Деснинского отряда 1956 г. КСИИМК, вып. 74, М.
1962. Ранненеолитическая стоянка у с. Долгое на Верхнем Дону. КСИА, вып. 92. М.
1965. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, № 131, М.—Л.
1966. Мезолит среднерусского Днепровского-Донского междуречья. МИА, № 126, М.—Л.
1969. Новые раскопки стоянки Подзорово. КСИА, вып. 117. М.
Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, № 4.
Лер-Сплавинский Т. 1960. К современному состоянию проблемы происхождения славян. ВЯ, № 4.
Лийва А. А., Ильвес Э. О., Пуннинг Э. 1966. Список радиоуглеродных датировок Ин-та зоологии и ботаники АН Эст. ССР. Изв. АН ЭССР, т. 15, сер. биол., № 1, Таллин.
Лийва А. А., Ильвес Э. О., Янитс Л. Ю. 1965. Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. МИА, № 129, М.
Линевский А. М. 1939. Петроглифы Карелии. Петрозаводск.
Лисицына Г. Н. 1959. Результаты микропалеонтологического исследования образцов торфа Бисерова озера. КСИИМК, вып. 75, М.
1961. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне оз. Воже. Сб. по археол. Вологодск. обл., Вологда.
Лозе И. А. 1965. О новых неолитических памятниках Лубанской низменности. Изв. АН Латв. ССР, № 12.
1966. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии. МИА, № 126, М.—Л.
Лузгин В. Е. 1963. Археологические находки на побережье Чешской губы и полуострова Канин. Истор.-археол. сб. Коми филиала АН СССР, вып. VIII, Сыктывкар.
1967. Неолит и бронзовый век в долине р. Ижмы. В сб.: Археол. открытия 1966 г., М.
Лявданский А. Н. 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. смоленских музеев, Смоленск.
1927а. Неолітычныя стаянкі у Смаленскай губэрні. Гісторычна-археолагічны зборнік, Зборнік № 1, Менск.
1927б. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., т. IV, вып. 3, Смоленск.
Мажюлис В. 1964. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. VII МКАЭН, М.
Марк К. Ю. 1956. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. В сб.: Вопр. этнич. ист. эстонск. народа, Таллин.
Маркевич В. И. 1968. Неолит Молдавии (памятники бугo-днестровской культуры). Автореф. канд. дисс. М.
Массон В. М. 1968. Проблема неолитической революции. Тез. докл. на засед., посвящ. итогам полев. иссл. 1967 г. М.
Матюшин Г. Н. 1962а. Археологические исследования в окрестностях гор. Уфы. ВАУ, вып. 2, Свердловск.
1962б. Новые неолитические памятники Башкирии. КСИА, вып. 92, М.
1964а. Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дисс. М.
1964б. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. Археол. и этногр. Башкирии, т. II, Уфа.
1965а. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. СА, № 1, М.
1965б. Памятники мезолита и неолита на Южном Урале. В сб.: Антропоген Южн. Урала, М.
1970. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале. СА, № 4.
Мерперт Н. Я. 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, М.
Митрофанова В. И. 1966. Поздненеолитическое поселение в ур. Лес близ дер. Мнево на Черниговщине. В сб.: Древности Белоруссии. Минск.
Мочанов Ю. А. 1966. Палеолит Алдана. Доклады и сообщения археологов СССР. VII Междунар. конгр. доистор. и протоистор. в Праге. М.
Нейштадт М. И. 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене, М.
1965 (ред.). Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. М.
Нейштадт М. И. и Гуделис В. К. 1961. Проблема голоцена. В сб.: Вопросы голоцена, Вильнюс.
Нейштадт М. И., Завельский Р. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А. 1969. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. В сб.: Голоцен. М.
Неприна (Митрофанова) В. И. 1969. Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры, СА, № 2.
Никитин А. Л., Хотинский Н. А. 1966. Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области. В сб.: Знач. палинолог. анализа для стратигр. и палеогеогр., М.
Никонов А. А. 1966. Стратиграфия и палеогеография антропогена Кольского полуострова. В сб.: Верхний плейстоцен, М.
Отчеты археологической комиссии, 1890, СПб.
Окладников А. П. 1941. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, вып. IX.
1948. К изучению неолита Восточного Приуралья. Тез. докл. на первом УАС, вып. 14.
1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II. МИА, № 18, М.—Л.
1957. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА № 1, М.

Паавер К. Л. 1965. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин.

Палікарповіч К. М. 1928. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і пізняга Сажа. Працы катэдры археол., т. 1. Менск.

1930. Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа. Працы археол. камісіі, т. II, Менск.

1932а. Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін верхняга Падняпроуя. Працы сэкцы археологіі, т. III, Менск.

1932б. Дасведы культур каменаго і бронзавага пэрыядау у БССР у 1930—1931 гг. Там же.

1957. Стоянки Верхнего Посожья. Матер. по археол. БССР, т. III, Минск.

Паничкина М. З. 1941. Мезолитическая стоянка Борки. МИА, № 2.

Панкрушев Г. А. 1963. Черты культуры Аскола и Суомусярви в мезолитических памятниках Карелии. Тез. докл. научн. конфер. по ист., эконом., яз. и литер. сканд. стран и Финляндии, Тарту.

1964. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л.

1966. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. В сб.: Нов. памятники ист. древн. Карелии, М.—Л.

1967. Неолитические стоянки с керамикой типа сперрингс в Карелии и Финляндии. Сканд. сб., XII, Таллин.

Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. 1966. Стоянка Вигай-Наволок I. В сб.: Нов. памятники ист. древн. Карелии, М.—Л.

Пассек Т. С. 1966. Неолит Поднепровья (V—III тыс. до н. э.). Докл. и сообщ. археологов СССР на VII Междунар. конгр. доистор. и протоистор. в Праге. М.

Пидопличко А. П. 1961. Торфяные месторождения Белоруссии. Минск.

Полесских М. Р. 1956. В недрах времен. Пенза.

Поляков И. С. 1880. Антропологическая поездка в Центр. и Вост. Россию. Зап. АН, Приложение к т. XXXVII.

Попова Т. Б. 1955. Племена катакомбной культуры. ТГИМ, вып. 24. М.

1962. Археологические коллекции Моршанского краеведческого музея. СА, № 4, М.—Л.

Предтеченский П. П. 1957. Очерк позднеледниковой и послеледниковой истории климата. Тр. Лаб. озероведения АН СССР, т. V. М.

Прокошев Н. А. 1940а. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, № 1, М.—Л.

1940б. Некоторые итоги изучения поздненеолитических стоянок района устья р. Чусовой (1934—1937 гг.). БКИЧП, № 6—7, М.—Л.

Пядышев Н. П., Хлобыстин Л. П. 1962. Новая стоянка в Печорском Заполярье. КСИА, вып. 92, М.—Л.

Пьявченко Н. И. 1958. Торфяники русской лесостепи. М.

Равдоникас В. И. 1936, 1938. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. I и II. Тр. Инст. антропол., археол. и этногр. АН СССР, М.—Л.

1939. История первобытного общества, ч. I. Л.

Раушенбах В. М. 1950. Неолитическая стоянка у дер. Б. Буньково. КСИИМК, вып. XXXII, М.

1953. Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. ТГИМ, вып. 22. М.

1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. ТГИМ, вып. 29, М.

1959. Новые находки на Шигирском торфянике. КСИИМК, вып. 75. М.

1964. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, № 2.

Рерих Н. К. 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб.

1905. Каменный век на озере Пирос. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб.

Римантене Р. К. (Яблонските-Римантене Р. К.). 1960. Стоянка каменного и бронзового веков Симантонис, СА, № 2.

1966а. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. В сб.: Древности Белоруссии, Минск.

1966б. Периодизация мезолитических памятников Литвы. МИА, № 126. М.—Л.

Рогачев А. Н. 1966. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы. МИА, № 126, М.—Л.

Розенфельдт И. Г. 1950. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, М.—Л.

1959. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начала II тыс. до н. э. КСИИМК, вып. 75.

1964. Неолитические стоянки на Тростенском озере. КСИА, вып. 97.

Романов Е. Р. 1910. Археологический очерк Гомельского уезда. Вильно.

1912. Археологические разведки в Могилевской губернии. Зап. сев.-зап. отд., РГО, СПб.

Рудиньский М. Я. 1920. Дюнні стації неолитичної доби з побережжя Ворскли. Полтава.

1926. Матеріали до вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскли. Київ.

1928. До питання про культури мезолітичної доби на Вкраіні. Антропологія, 1, Київ.

1930. Марьянівська стація. Антропологія, т. III, Київ.

1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень у межах УРСР. Антропологія, т. IV, Київ.

1956. Погорілівка. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI, Київ.

Савватеев Ю. А. 1966. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. В сб.: Нов. памятники ист. древн. Карелии, М.—Л.

1967. Рисунки на скалах. Петрозаводск.

1970. Залаврута, ч. I. Петроглифы. Л.

Сальников К. В. 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Археология и этнография Башкирии, т. I, Уфа.

Самойлов Я. В., Пустовалов Л. В. 1926. К литологии карбонатных осадочных пород. Тр. Инст. минерал. и металлург., вып. 26. М.

Селезнев Ф. Я. 1928. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирск. музея, вып. III, Владимир.

Семенов В. П. 1905. Россия. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, т. IX, СПб.

Семенов С. А. 1957. Первобытная техника. МИА, № 54, М.—Л.

Серебряный Л. Р. 1965. Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии. М.

Сибилев Н. В. 1940. Микролитические стоянки бассейна р. Донца. БКИЧП, № 6—7, М.—Л.

Смирнов А. П. 1964. К вопросу об археологической культуре. СА, № 4.

Смирнов В. И. 1940. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. СА, VI, М.—Л.

1941. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КСИИМК, вып. IX, М.—Л.

Спицын А. А. и Каменский В. И. 1905. Стоянка каменного века близ г. Балахны. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб.

Степанов П. Д. 1955. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, вып. 59, М.

Столяр А. Д. 1955. Мариупольский могильник как исторический источник. СА, XXIII, М.

Тарасенка В. Р. 1932. Археологічная праца на Магілеўшчине у 1930 г. Працы сэкцы Археологіі, т. III, Менск.

Телегін Д. Я. 1954. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. Археологія, т. IX, Київ.

1957. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя Полісся Україні. Археологія, т. XI, Київ.

1958. Оскольская экспедиция 1955—1956 годов. КСИА, вып. 8, Киев.

1959. Неолитические памятники среднего течения Северского Донца. СА, XXIX—XXX, М.

1960. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79, М.

1961а. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, № 2, М.

1961б. Никольский могильник эпохи неолита—меди в Надпорожье. КСИА, вып. 11, Киев.

1962а. О хронологии поселений ямочно-гребенчатой керамики Украины. СА, № 4.

1962б. Племена кам'яного віку на Україні. Київ.

1964. О культурно-историческом месте некрополей днепро-донецкого типа. VII МКАЭН, М.

1966. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры. МИА, № 126, М.—Л.

1967. История племен днепро-донецкой культуры (V—III тыс. до н. э.). Автореф. докт. дисс. Киев.

1968. Дніпро-донецька культура. Київ.

Телегін Д. Я., Жиляква С. І. 1964. Дереівський неолітичний могильник. Археологія, т. XVI, Київ.

Теплоухов Ф. А. 1892. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в Зап. части Пермской губ. ТПУАК, вып. I, Пермь.

Тимофеев В. М. 1935. Петрография Карелии. М.—Л.

Титов В. С. 1965. Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы. МИА, № 129, М.

Товкачевский В. А. 1961. Неолитическое поселение у с. Поповки на р. Хороле. КСИА, вып. 11, Киев.

Толстихина М. М. 1934. Каменноугольные отложения Онего-Двинского междуречья. Зап. Всес. минерал. общ., т. 63, вып. 2, М.—Л.

Топоров В. П. 1959а. О балтийских следах в топонимике русских территорий. Lietuvių kaebotyos klausimai, II, Vilnius.

1959б. Две заметки из области балтийской топонимики. Bakstu krājums veltijums akad. Jānim Endzelinam, Rigā.

Топоров В. П. и Трубачев О. Н. 1962. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М.

Третьяков В. П. 1964. О юго-западных связях рязанского неолита. СА, № 4.

1965. К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья. Палеолит и неолит СССР, т. 5, МИА, № 131, М.—Л.

Третьяков П. Н. 1937. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». СА, II.

1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, М.—Л.

1961. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, № 2.

1963. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. МИА, № 110.

1964. К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья. Научн. сесс. по этноген. мордовск. народа, Саранск.

1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л.

Уваров А. С. 1881. Археология России, каменный период, тт. I, II. М.

Урбановичюс В. 1968. О возможности применения метода восстановления лица по черепу в решении этногенеза литовцев. 20 лет археол. и этногр. экспед. Вильнюс.

Успенская А. Р., Краснов Ю. А. 1959. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье. КСИИМК, вып. 75.

Формозов А. А. 1954а. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, вып. 53. М.

1954б. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР. СА, XXI, М.—Л.

1959. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.

Фосс М. Е. 1938. Погребения на стоянке Кубенино. Сб. ст. по археол. СССР, ТГИМ, т. VIII, М.

1940. Стоянка Кубенино. СА, V. М.—Л.

1941а. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. МИА, № 2, М.—Л.

1941б. Стоянка Веретье. ТГИМ, т. XII, М.

1947а. Древние поселения в Веретье. Археологический сборник. Петрозаводск.

1947б. Неолитические культуры Севера европейской части СССР. СА, IX.

1947в. Новые памятники в районе Галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л.

1948. Результаты галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК, вып. XX, М.—Л.

1949а. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, вып. XXV, М.—Л.

1949б. Итоги Галичской экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI, М.—Л.

1949в. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX.

1952. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, М.

1959а. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. КСИИМК, вып. 75, М.—Л.

1959б. Поселение на дюне Озименки. Там же.

1959в. Стоянка Бисерово озеро. Там же.

Халиков А. Х. 1956. Неолит Среднего Поволжья. Тез. докл. на конфер. по археол., этногр. и средневеков. ист. Поволжья, Казань.

1958. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, М.

1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. Марийск. археол. экспед., т. I, Йошкар-Ола.

1964. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. Археол. и этногр. Башкирии, т. II, Уфа.

1966а. Мезолит Среднего Поволжья. МИА, № 126, Л.

1966б. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дисс. Казань.

1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.

Хлобыстин Л. П. 1965. Древнейшие памятники Байкала. МИА, № 131, М.—Л.

Хотинский Н. А., Девирц А. А., Маркова Н. Г. 1966. Абсолютная хронология голоцена среднего Урала. Докл. АН СССР, т. 171, № 5.

Цветкова И. К. 1947. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, вып. XVII, М.—Л.

1953. Волосовские неолитические племена. ТГИМ, вып. XXII, М.

1957. Волосовский клад. ТГИМ, вып. XXIII, М.

1959. Стоянка Черная Гора. КСИИМК, вып. 75, М.

1961. Неолитические поселения в районе Белого озера. Сб. по археол. Вологодск. обл., Вологда.

1963. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки. МИА, № 110, М.

1966. Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I. ТГИМ, вып. XL, М.

Чайлд Гордон. 1952. У истоков европейской цивилизации. М.

Чебоксаров Н. Н. 1964. Проблема происхождения древних и современных народов. VII МКАЭН (вступительное слово). М.

Чердынцев В. В., Кинд Н. В., Ф. С. Завельский, В. С. Фролова, И. В. Чурикова, А. Д. Сулержицкий. 1965. Радиоуглеродные даты лаборатории ГИН АН СССР. Геохимия, № 12. М.

Чернецов В. Н. 1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, М.

1964а. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. VII МКАЭН, М.

1964б. Наскальные изображения Урала. М.

Чернов Г. А. 1940. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колвавис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. IX.

1948а. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, VII.

1948б. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII.

1951а. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV.

1951б. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, вып. XXXVI.

1951в. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, вып. XXXIX.

1951г. Археологические находки на реке Щучьей. КСИИМК, вып. XL.

1954. Новые археологические находки в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. 54.

1955. Хейбидя-Пэдерское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII.

1956. Новые археологические находки в Печорском бассейне. КСИИМК, вып. 64.

1962. Стоянка в бассейне р. Адзьвы (Большеземельская тундра). МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар.

1967. Археологические находки в бассейне р. Коротихи (Большеземельская тундра). V УАС, Тез. докл. и сообщ., Сыктывкар.

Шмидт А. В. 1930. Древний могильник на Кольском заливе. Кольск. сб., вып. 23, Л.

1935. Археологические работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Изв. ГАИМК, вып. 109, Л.

1940. Стоянка у станции Левшино. СА, V.

Шмидт Е. А. 1959. Изучение археологических памятников на территории Смоленщины. Матер. по изуч. Смоленск. обл., вып. 3, Смоленск.

Шнитников А. В. 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. Зап. Геогр. общ. СССР, т. 16, нов. сер., М.—Л.

Штукенберг А. А. 1875. Отчет геологического путешествия в Печорский край и Тиманскую тундру. СПб.

1884. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 году. Тр. IV АС в Казани, т. I, Казань.

1889. Атлас к трудам IV АС, Казань.

Штукенберг А. А. и Высоцкий Н. Ф. 1885. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии. Тр. Общ. естествоиспыт. при КГУ, т. XIV, вып. 5, Казань.

Якимов В. П. 1953. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем о-ве (Баренцево море). Сб. МАЭ, т. 15, М.—Л.

1956. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. Балтийский этнографический сборник. Тр. Инст. этногр., XXXII, М.—Л.

1960. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове. Сб. МАЭ, т. 19.

Якимович М. К. 1903. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губернии. Археологическая летопись южной России, № 3—4. Киев.

Янитс Л. Ю. 1952. Позднеолитические могильники в Эстонской ССР, КСИИМК, вып. XLII, М.

1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин.

1966. Новые данные по мезолиту Эстонии. МИА, № 126. М.—Л.

Aberg N. 1918. Das nordische Kulturgebiet in Mitteleuropa während der jüngeren Steinzeit. Uppsala—Leipzig.

Ailio J. 1909. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsinki.

Altin C. A. 1954. The chronology of the stone age settlement of Scania. Acta archaelogica Lundensia, B. I, Lund.

Äyräpää A. (Europeus). 1927. Stenaldernes Keramik fran Kustboplatser i Finland. SMYA, XXXVIII, Helsingfors.

1933. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, Helsingfors.

1945. Die Verbreitung des Bernsteins in Kammkeramischen Gebiet. SMYA, 45, Helsinki.

1955. Den üngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. Finkst Museum, LXII, Helsingfors.

Barendsen G. W., Deevey E. S., Gralenski L. J. 1957. Yale natural radiocarbon measurements III. Science, vol. 126, New Haven.

Barker H., Burleigh R., Meeks N. 1969. British Museum natural radiocarbon measurments. Radiocarbon, vol. 11, № 2, New Haven.

Barker H. and Mackey J. 1963. British Museum radiocarbon measurements IV. Radiocarbon, vol. 5, New Haven.

La Baume. 1939. Ein steinzeitlicher Wohnplatz der Nordeurasischen Kultur bei Petrickem. Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg, 22. Insterburg.

Bernotaite A. 1958. Vesminio upelio I (Varėnos raj.) akmens amžiaus stovykla, iš lietuvių kultūros istorjos, I. Vilnius.

Bezzenberger A. 1895. Accessionen des Prussia—Museums. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 19, Königsberg.

Bohne-Fischer H. 1941. Ostpreussens Lebensraum in der Steinzeit. Königsberg.

Bosch-Gimpera P. 1961. Das europäische Neolithikum und seine Völker. Die Indogermanenfrage. Bericht Hamburg, 1961.

Būga K. 1913. Kalbos mokslas bei mūsų senovė. Kaunas.

1924a. Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg-Festgabe, Leipzig.

1924b. Aisčų praeitis vietų vardų šviesoje. Kaunas.

1924c. Lietuvių kalbos žodynas, I. Kaunas.

1924d. Sožies paupio lietuviai. Tauta ir žodis, II. Kaunas.

Chard Ch. S. 1962. First Radiocarbon Dates from the USSR. Arctic Anthropology, B. I, Wiskonsin.

Childe V. G. 1939. Man makes himself, ch. V. The Neolithic Revolution, London.

Clark J. G. D. 1963. Neolithic Bows from Somerset, England and Prehistory of Archery in North-Western Europe. Proceedings of the Prehistoric Society, new ser., vol. XXIX, London.

1965. Radiocarbon Dating and the Spread of Forming Economy. Antiquity, XXXIX, London.

Delibrias G., Guiller M. E. and Labeyrie J. 1966. Gif natural radiocarbon measurements II. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.

Dorr K. 1893. Übersicht über die prähistorishen Funde im Stadt und Landkreise Elbing. Elbing.

Ebert M. 1923. Neuerwerbung des Prussia-Museum. Prussia—Berichte, 24.

Ehrlich B. 1936. Ein jüngsteinzeitliches Dorf der Schnurkeramiker in Succase. Elbinger Jahrbuch, 12/13. Elbing.

1940. Schnurkeramische Pfostenhäuser bei Tolkemit. Mannus, 1/2, Leipzig.

Ehrich R. W. (editor), 1965. Chronologies in Old World Archaeology. Chicago.

Engel C. 1935. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, I. Königsberg.

Firbas F. 1949. Spät- und nacheiszeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen. Bd. 1, Jena.

1952. То же, Bd. 2, Jena.

Fürst C. 1914. Neolitische Schädel von der Insel Oesel. Berlin.

Gaerte W. 1927a. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg.

1927b. Ostpreussen. A. Steinzeit. Reallexikon der Vorgeschichte. IX.

1927c. Pfahlbau. G. Ostpreussen. Reallexikon der Vorgeschichte, X.

1929. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg.

1933. Die ostbaltische Erdhacke mit Schlangenkopf und ihre europäischen Beziehungen. Prussia, 30, Königsberg.

Gardawski A. 1959. Plemiona cultury tszcinieckiej w Polsce. Materialy Starożytne, V, Warszawa.

Godwin H. and Willis E. M. 1960. Cambridge University natural radiocarbon measurements I. American Journal of Sci., Radiocarbon, suppl., vol. I, New Haven.

1962. Cambridge University natural radiocarbon measurements V. Radiocarbon, vol. 4, New Haven.

Grigat F. 1927. Aus grauer Vorzeit. Prähistorisches aus dem Masurenseegebiet. Langensalza.

Gross H. 1938. Überblick über die Klimaentwicklung Ostpreussens seit der Eiszeit. Altpreussen, III, 3, Königsberg.

1939. Moorgeologische Untersuchungen der vorgeschichtlichen Dörfer in Zedmar-Bruch. Prussia, 33, Königsberg.

1960. Steinzeitkunde und Naturforschenschaft. In: Steinzeitfragen der Alten und Neuen Welt. Bonn.

Heydeck J. 1893. Zwei Steinzeitskelette (liegende Hocker) in dem Prussia-Museum. Prussia, 18, Königsberg.

Haidu P. 1964. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. Acta Lingustica, Bd. XIV, f. 1—2, Budapest.

Hausman R. 1904. Über Gräber aus der Steinzeit im Ostbaltikum. Grabfunde im Woisek und Kolljal. Jurjew.

Hollack E. 1895. Bericht über seine Untersuchungen und Ausgrabungen auf der Kurischen Nehrung im Juli 1894. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, 19, Königsberg.

Hołubowicz Wł. 1938—1939. Ceramika grzebieniowa w Lubczu, w powiecie nowogródzkim, z mineralns, ros-

linną i domieszka w glinie. Przegląd archeologiczny, VI, 2/3, Poznan.
Jaanits L. 1957. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland, SMYA 58, Helsingfors.
1965. Über die Ergebnisse die Steinzeitforschung in Sowietestland. Finkst Museum, LXXII, Helsingfors.
Jablonskytė-Rimantienė R. 1960. Pirmykščiai būstai Samantonyse. Lietuvos TSK architektūros klausimai, I, Kaunas.
1963. Žemųjų Kaniūkų IV—I tūkstantmečion pr. m. e. stovyklos, — LTSR MA Darbai, ser. A, I (14), Vilnius.
1965. Radikių (Kauno raj) akmens amžiaus stovyklos. MA Darbai, ser. A, 1 (18), Vilnius.
1969. Ankstyvojo neolito stovykla. Ežerynų kaimė, LTSR MA Darbai ser. A, 2 (30), Vilnius.
Jażdżewski K. 1961. Über einige Probleme des Mittel und Jungneolithikums in Polen. L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Prague.
Jacobsen T. W. 1969. Excavations at Porto-Cheli and vicinity. Preliminary report II: The Franchthi cave, 1967—1968. Hesperia, XXXVIII, Athens.
Indreko R. 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademiens Handlinger, del. 66, Stockholm.
Itkonen E. 1960. Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspective eines Linguisten. Urale-Altaische Jahrbücher, B. XXXII, Wiesbaden.
Kabailienė M. 1959. Augalijos raida vėlyvajame ledynmetyje ir poledynmetyje Lietuvos ir pietinės Latvijos pajūrio zonoje. Geografinis metraštis, II, Vilnius.
Kilian L. 1938. Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen. Altpreussen, III, 3, Königsberg.
1939a. Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel. Altpreussen, IV, 3, Königsberg.
1939b. Das Siedlungsgebiet der Balten in der älteren Bronzezeit. Altpreussen, III, 4, Königsberg.
1955. Hafküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn.
Klebs R. 1882. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Königsberg.
Klima B. 1948. Mesoleticka industrie na Kylesovském kopci v Opavě. Casopis Zemského musea v Opavě, roč. I (III). Opava.
Kohl G. and Quitta H. 1964. Berlin radiocarbon measurements I. Radiocarbon, vol. 6, New Haven.
1966. Berlin radiocarbon measurements II. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.
Kostrzewski J. 1931. Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste. Congressus secundus Archeologorum Balticorum Rigae. Riga.
1938—1948. Od mesolitu do okresu wędrówek ludów. Prehistoria ziem Polskich, Krakow.
Kubitzki K. 1961. Zur Synchronisierung der nordwesteuropäischen Pollendiagramme. Flora, Bd. 150, Hft. 1, Berlin.
Kulikauskas P. 1959. Naujai aptikta akmens-žalvario amžiaus gyvenviete Palangoje, LTSR MA Darbai, ser. A, 2 (7), Vilnius.
Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. 1961. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius.
Kunnel O. 1932. Einige Neufunde aus Pommern. Mannus, 24, Leipzig.
Laasimer L. 1965. Esti NSV taim kate. Tallin.
Liiva A., Ilves E., Punning J. M. 1966. Tartu radiocarbon dates I. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.
Luho V. 1948. Suomen kivikauden päapiirteet. Helsinki.
1956. Die Askola-kultur. SMYA, LVII, Helsinki.
1957. Frühe Kammkeramik. SMYA, LVIII, Helsinki.
1967. Die suomusjärvi-kultur. Die Mittel- und Spätmesolithische Zeit in Finland. Helsingfors.
Mathiassen T., Degerbøl M. and Troels-Smith J. 1942. Dyrholmen. En stenalderboplads paa Djursland, Bd. I, № 1, Copenhagen.
Meinander C. F. 1950. Esihistoria. Etelä-Pohjanmaan historia, I. Helsinki.
Montelius O. 1917. Minnen från vår forntid. Stockholm.
Moora H. 1952. Pirmathēja kopienas iekarta un agra teodalā sabiedrība, Latvijas PSR teritorija. Riga.
Münnich K. O. 1957. Heidelberg natural measurements I, Science, vol. 126.
Neugebauer W. 1936. Vorgeschichtliche Siedlungen in Lärchwalde. Elbinger Jahrbuch, 11/12. Elbing.
Odner K. 1966. Komsakulturen i Nesseby og Sør—Varanger. Tromso (Oslo), Bergen.
1967. To ny — oppdagede labyrinter i Ost-Finnmark. Saertrykkay Viking. Oslo.
Olsson J. 1959. Uppsala natural radiocarbon measurements I. Radiocarbon, suppl., vol. 1, New Haven.
Passek T. 1962. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. VI Cong. Intern. des scien. préhist. et protohist., Roma.
Perret G. 1942. Zum Stand unserer Kenntnis von den Rassen der Jüngsteinzeit und der frühen Bronzezeit in Altpreussen. Altpreussen, VII, 4, Königsberg.
Pittioni R. 1957. Die Bedeutung der Radiokarbondaten für die Urgeschichte. Anzeiger der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, 16, Wien.
Puzinas J. 1938. Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys. Senovė, IV, Kaunas.
Quitta H. 1967. Radiocarbondaten und die Chronologie des mittel und südosteuropäischen Neolithikums. Ausgrabungen und Funde, Bd. 12, Heft. 3, Berlin.
Quitta H. und Kohl G. 1969. Neue Radiocarbondaten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion. Zeitschrift für Archäologie, 3, Berlin.
Rust A. 1938. Die früh- und mittelmesolithischen Hüttengrundrisse auf dem Pinnberg bei Ahrensburg. Offa, Bd. III, Neumünster.
Sarauw G. F. L. 1914. Maglemose. Prehistorische Zeitschrift, IV.
Schwabedissen H. 1951. Zur Besiedlung des Nordseeraumes in der älteren und mittleren Steinzeit. Festschrift für Gustav Schwantes. Neumüster.
Schwabedissen H. and Freundlich J. 1966. Köln radiocarbon measurements I. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.
Schwabedissen H., Münnich K. O. 1958. Zur Anwendung der C^{14} Datierung und anderer naturwissenschaftlicher Hilfsmittel in der U_2 — und Frühgeschichtsforschung. Germania, № 36, H. 1/2, Berlin.
Schwantes G. 1934. Vorgeschichte von Schleswig-Holstein. I. Neumünster.
Setälä E. N. 1932. Soome sugu rahvaste eelajalugu. Tartu.
Simonsen P. 1961. Varanger — funnene. II. Fund og udgravninger pa fiordens sydkyst. Tromsø Museum skrifter, Vol. VII, Heft II. Tromsø.
1963. Varanger — funnene, III. Fund og udgravninger i pasvikdalen og ved den østlige fjordstrand, Vol. VII, Heft III. Tromsø.
Solberg O. 1909. Die Eisenzeitfunde aus Ostfinmarken. Videnskab — Selskabetz skrifter. Hist. Filos. kl., № 7, Kristiania.
Stadie K. 1921. Die Steinzeitdörfer der Zedmar. Festschrift Adabbert Bezzenberger zum 14, April 1921. Göttingen.
Stuckenrath R. 1967. University of Pennsylvania radiocarbon dates X. Radiocarbon, vol. 9, New Haven.
Šturms E. 1930. Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga. Riga.
1953. Der ostbaltische Bernsteinhandel in der Vorgeschichtlichen Zeit. Commentationes Balticae, I.
1955. Die neolithische Plastik im nordischen Kulturkreis. Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, II.
Suikowski Zb. 1938. Rosmieczczenie odsłonięć kredy między górnym wiemnen i Prypecia Sprawazdania Panst. Inst. Geolog., R. IX, Zs. 2, Warszawa.
Szukiewicz W. 1901a. Szkice z archeologii przedhistorycznej, Litrwy, I, Wilno.
1901b. Poszukiwania archeologiczne w powiatach Lidzkim i Trockim. Światowit, III, Warszawa.
1904. Narzedzia kamienne gładzone w pow. Lidzkim i Trockim. Światowit, V, Warszawa.
Tallgren A. M. 1922. Zur Archäologie Eestis, I. Acta et Commentationes Univ. Dorpatensis, Bd. III. N 6. Tartu.
Tarvydas B. 1937. Senovės gintarinių papuošalų rinkinys, Gimtasai Kraštas, I, Šiauliai.

Tauber K. 1960. Copenhagen natural radiocarbon measurements Radiocarbon. Suppl., vol. 2, New Haven.
1964. Copenhagen radiocarbon dates VI. Radiocarbon, vol. 6, New Haven.
1966. Copenhagen radiocarbon dates VII. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.
Toivinen V. H. 1952. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat. Journal de la Société finno-ougrien, 56, I, Helsinki.
Vasmer M. 1941. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin.
Vertеš L. 1962. Die Ausgrabungen in Szekszárd-Pálank und die archäologischen Funde. Świątowit, XXIV, Warszawa.
Vinogradov A. P., Devirts A. L., Dobkina E. I., Markova N. G. 1966. Radiocarbon dating in the Vernadski Institute, I—IV. Radiocarbon, vol. 8, New Haven.
Vogel J. C. and Waterbolk H. T. 1963. Groningen radiocarbon dates IV. Radiocarbon, vol. 5, New Haven.
1967. Groningen radiocarbon dates VII. Radiocarbon, vol. 9, New Haven.
Žilinskas J. 1931. Akmens periodo žmogus Žemaitijoje ir Suvalkijoje. Kaunas.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АС — Археологический съезд.
БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ВИМС — Всесоюзный институт минерального сырья.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГИН — Геологический институт.
ГОМ — Горьковский областной музей.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии.
ИА — Институт археологии.
ИГ — Институт Геологии.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ИЭ — Институт этнографии.
КГУ — Казанский государственный университет.
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КФАН — Карельский филиал Академии наук.
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
Мар. КМ — Марийский краеведческий музей.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
ОКВЭ — Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции.
РАЖ — Русский антропологический журнал.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТПУАК — Труды Пермской ученой архивной комиссии.
УАС — Уральское археологическое совещание.
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistys Aikakauskirja.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Н. Н. Гурина. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР 7

Л. Я. Крижевская. Хронология неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР (по данным новых исследований) 22

I. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ МЕТОДАМИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

П. М. Долуханов. Географические условия в неолитическую эпоху на территории европейской части СССР 32

Г. М. Ковнурко. Некоторые сведения о кремневых выходах на Северо-Западе СССР . . . 39

П. М. Долуханов, Е. Н. Романова, А. А. Семенцов. Абсолютная хронология европейского неолита 42

II. СЕВЕРНЫЕ ОБЛАСТИ

Н. Н. Гурина. Древние памятники Кольского полуострова 45

Л. П. Хлобыстин. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы 54

Г. А. Панкрушев. Неолитические племена Карелии 66

Р. В. Козырева. Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче 75

III. ВОСТОЧНЫЕ ОБЛАСТИ

Г. М. Буров. Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы 83

В. Е. Луагин. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн Средней Печоры) 95

О. Н. Бадер. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита 99

А. Х. Халиков. Неолитические племена Среднего Поволжья 107

Стр.

Л. Я. Крижевская. Неолитические племена Южного Предуралья 122

IV. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ

А. ЛЕСНАЯ ЗОНА

И. В. Гаврилова. Неолитические племена Костромского Поволжья 130

И. К. Цветкова. Неолитические племена рязанского течения р. Оки 138

Г. Ф. Полякова. Неолитические племена верхнего течения р. Оки 146

В. М. Раушенбах. Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья 152

Н. Н. Гурина. Неолитические племена Валдайской возвышенности 159

М. П. Зимина. Некоторые данные о неолитических памятниках в бассейне р. Мсты . . . 169

Б. ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНА

Д. Я. Телегин. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии . . . 173

И. М. Тюрина. Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья 184

В. П. Левенок. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР 187

Т. Б. Попова. Неолитические стоянки верхнего и среднего течения р. Цны 198

V. ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ

Л. Ю. Янитс. Неолитические памятники Эстонии и их хронология 202

Л. В. Ванкина, Ф. А. Загорскис, И. А. Лозе. Неолитические племена Латвии 210

Р. К. Римантене. Неолит Литвы и Калининградской области 218

Литература 226

Список сокращений 235

Таблицы 1—70 отдельным приложением

Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита

Утверждено к печати Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Л. А. Карпова*. Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Е. А. Гинстлинг* и *Е. В. Шестакова*

Сдано в набор 15/VI 1972 г. Подписано к печати 21/IV 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₈. Печ. л. 29¹/₂+17¹/₂ п. л. таблиц=47 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 53,47. Изд. № 4384. Тип. зак. № 720. М-05388. Тираж 1200. Бумага № 2. *Цена с приложением таблиц 4 р. 46 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука» 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12